

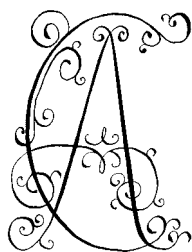
Министерство культуры Российской Федерации

Российская академия наук

Институт славяноведения

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2011

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНДРИК»

Москва 2012

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор

Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2011. — М.: Индрик, 2012. — 600 с.
ISSN 2073-5731

Шестнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», а также других научных форумов, проходивших в Дни славянской письменности и культуры в 2011 г. в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 16th volume of the miscellany contains materials of the international research conference «Slavic World: Community and Variety» as well as other research forums which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in 2011. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2012

© Коллектив авторов, Текст, 2012

© Издательство «Индрик», Оформление, 2012

Содержание

От редколлегии	13
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Никифоров К. В. (Москва)</i> . Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН)	14
<i>Запольская Н. Н. (Москва)</i> . Церковнославянская книжность: «христианизация» текста и языка	32
<i>Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. (Москва)</i> . Древнерусские надписи Софии Константинопольской	41

История

<i>Корзун С. Г. (Штутгарт)</i> . Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения	53
<i>Йованович М. (Белград)</i> . Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция и перцепция	64
<i>Кирилина Л. А. (Москва)</i> . Тенденции развития словенского либерализма в конце XIX — начале XX в.	86
<i>Латтева Л. П. (Москва)</i> . Неопубликованная рукопись В. А. Францева о чешской историографии второй половины XIX в.	97
<i>Котов В. В. (Москва)</i> . Возникновение сокольского движения (1861–1862 гг.)	110
<i>Вах К. А. (Москва)</i> . Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины	120
<i>Малахов В. А. (Москва)</i> . «Польские» и «русские» евреи 50–80-х гг. XIX в. глазами современников	140
<i>Аржакова Л. М. (Санкт-Петербург)</i> . Отечественная полонистика первых десятилетий XX в.	155
<i>Силкин А. А. (Москва)</i> . Делегитимизация сербских правящих кругов (1930-е — начало 1940-х гг.) как внутривосточная предпосылка «социалистической революции» в Югославии.....	164
<i>Белайц М. (Белград)</i> . Армия Королевства Югославия в 1939–1941 гг.	182

<i>Дронов М. Ю. (Москва).</i> Прешовская газета «Русское Слово» (1924–1938) в контексте процессов формирования этнонациональной идентичности русинов Словакии. Постановка проблемы.....	208
<i>Алипиева А. (Варна).</i> Современная Болгария между мифами и реальностью	224
<i>Пивоваренко А. А. (Москва).</i> Республика Хорватия и миротворцы ООН в 1992–1993 гг.	233
<i>Осипова А. В. (Москва).</i> Эскалация косовского конфликта в 1998 — марте 1999 г.....	248

История культуры

<i>Робинсон М. А., Сазонова Л. И. (Москва).</i> Судьба составленного Н. Н. Глубоковским описания рукописных и старопечатных книг из библиотеки Упсальского университета.....	266
<i>Добиаш Д. (Прага).</i> Вторая жизнь «Краледворской и Зеленогорской рукописей» в чешской литературе XIX в.	284
<i>Шерлашмова С. А. (Москва).</i> XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель»	294
<i>Старикова Н. Н. (Москва).</i> Мировая поэзия в зеркале словенского художественного сознания (литературный проект «Песнь Орфея»).....	306
<i>Яначек П. (Прага).</i> «Русак», животное, добрая душа и художник. Национальные стереотипы русских и России в чешской литературе начала XXI в.	317
<i>Шатько Е. В. (Москва).</i> Образы Кирилла и Мефодия в романе М. Павича «Хазарский словарь»	329
<i>Маркович С. (Ниш).</i> Живопись Леонида Шейки (от антиискусства — к философии всеединства).....	340
<i>Косик В. И. (Москва).</i> Лидия Мансветова — из жизни на балканских сценах.....	349
<i>Агапкина Т. А. (Москва).</i> Сюжетные схождения в области лечебных заговоров на территории русско-белорусского пограничья.....	357
<i>Колосова В. Б. (Санкт-Петербург).</i> Названия предметов одежды в фитонимах (к вопросу о пересечении кодов)	365
<i>Якимова А. П. (Москва).</i> Символические функции болгарской народной одежды: этнолингвистический аспект	380
<i>Седакова И. А. (Москва).</i> Семантика, магия и этические аллюзии одного предиката традиционной культуры славян: ТАЙКОМ (ТАЙНЫЙ).....	397

<i>Тунин А. Е. (Москва). Новогреческие загадки о солнце: античные, балканские и славянские мотивы</i>	409
---	-----

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва). К вопросу о пространственно-временной интерпретации славянских лексических изоглосс</i>	429
<i>Ананьева Н. Е. (Москва). Категория 'начало' в русском и других славянских языках</i>	468
<i>Ясинская М. В. (Москва). Око и глаз и их деривативы в славянских диалектах</i>	480
<i>Коконова А. Б. (Москва). Представления о беременности в севернорусских диалектах</i>	490

Публикации

<i>Стыкалин А. С. (Москва). Венгерский дипломат и историк о русском национальном чувстве и советском патриотизме</i>	499
<i>Орехов А. М. (Москва). XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади</i>	510

Рецензии

<i>Шведова Н. В. (Москва). Образ России в Словакии</i>	536
<i>Узенева Е. С. (Москва). Новый труд по современной украинской диалектологии</i>	543
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Первая книга Института Ивана Франко</i>	547
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Киевская командировка А. Л. Бема</i>	553

Хроника

<i>Чуркина И. В., Хаванова О. В. (Москва). Международная конференция «Роль церкви в развитии межконфессиональных, культурных и общественных связей между Россией и зарубежными славянами»</i>	556
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Научно-практическая конференция «Славянский мир»</i>	562

<i>Шведова Н. В. (Москва). Международная научная конференция «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике»</i>	565
<i>Гаврюшина Л. К. (Москва). Международная конференция «Векторы в развитии истории и культуры славян»</i>	573
<i>Запольская Н. Н. (Москва). Вторые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения</i>	583
Сведения об авторах	590

Content

From the Editorial Board.....	13
-------------------------------	----

Plenary Meeting

<i>Nikiforov K. V. (Moscow)</i> . Historical Slavic Studies in the System of the Academy of Sciences (by the 65 th Anniversary of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences).....	14
<i>Zapolskaya N. N. (Moscow)</i> . Church-Slavic Literature: «Christianization» of Text and Language	32
<i>Artamonov Yu. A., Gippius A. A. (Moscow)</i> . Old Russian Inscriptions in the Hagia Sophia in Constantinople.....	41

History

<i>Korzun S. G. (Stuttgart)</i> . Heinrich Huysen and the Struggle of Protestants and Catholics for the Influence on Russian Orthodox Church in the Epoch of Early Enlightenment	53
<i>Jovanovic M. (Belgrade)</i> . Between Common Gens and Enmity: Serbia and Russia in 1804–1878 — Politic, Tradition and Perception	64
<i>Kirillina L. A. (Moscow)</i> . Tendencies of Development of Slovenian Liberalism in the End Nineteenth — Early Twentieth Centuries	86
<i>Lapteva L. P. (Moscow)</i> . One Non-Published Manuscript by V. A. Frantsev on the Czech Historiography of the Second Half of the Nineteenth century	97
<i>Kotov V. V. (Moscow)</i> . Shaping of the <i>Sokol</i> Movement (1861–1862)	110
<i>Vakh K. A. (Moscow)</i> . The Italian on Russian Service: Unknown Pages in the History of Russian Palestine	120
<i>Malakhov V. A. (Moscow)</i> . «Polish» and «Russian» Jews of 1850–80-s Through the Eyes of their Contemporaries	140
<i>Arzhakova L. M. (St. Petersburg)</i> . Domestic Polish Studies of the First Decades of the 20 th Century.....	155
<i>Silkin A. A. (Moscow)</i> . Delegitimization of Serbian Ruling Circles (1930-s — early 1940-s) as an Inner Political Premise for the «Social Revolution» in Yugoslavia	164
<i>Belajaz M. (Belgrade)</i> . The Army of the Kingdom of Yugoslavia in 1939–1941	182

<i>Dronov M. Yu. (Moscow). The «Russkoe Slovo» Newsletter in Prešov (1924–1938) in the Context of the processes of Shaping of Ethnic National Identity of Russins of Slovakia.</i>	
Statement of a Problem.....	208
<i>Alipieva A. (Varna). Contemporary Bulgaria between Myths and Reality</i>	224
<i>Pivovarenko A. A. (Moscow). Republic of Croatia and Peacemakers of the UN in 1992–1993.....</i>	233
<i>Osipova A. V. (Moscow). Escalation of the Conflict in Kosovo in 1998 — March 1999</i>	248

Cultural History

<i>Robinson M. A., Sazonova L. I. (Moscow). The Destiny of the Description of Manuscripts and Early Printed Books in the Library of the University of Uppsala Composed by N. N. Glubokovsky.....</i>	266
<i>Dobias D. (Prague). The Second Life of the Kraledvorskaya and Zelenogorskaya Manuscripts in the Czech Literature of the 19th Century</i>	284
<i>Sherlaimova S. A. (Moscow). The 20th Congress of the CPSU and the Czech Literary «Thaw»</i>	294
<i>Starikova N. N. (Moscow). World Poetry in the Mirror of Slovenian Artistic Mentality (a Literary Project of «The Song of Orpheus»).....</i>	306
<i>Janacek P. (Prague). Russak, an Animal, a Kind Soul and an Artist. National Stereotypes of Russians and Russia in Czech Literature of the Early Twenty-First Century.....</i>	317
<i>Shat'ko E. V. (Moscow). The Images of Stt Cyril and Methodius in the Novel <i>The Dictionary of the Khazars</i> by M. Pavic</i>	329
<i>Marcovic S. (Nis). Painting by Leonid Shejka (from Anti-Art to the Philosophy of All-Unity)</i>	340
<i>Kosik V. I. (Moscow). Lydia Mansvetova — from the Life on Balkan Stages</i>	349
<i>Agapkina T. A. (Moscow). Convergences of Plots in the Field of Healing Spells on the Territory of Russian — Belorussian Border Zone.....</i>	357
<i>Kolosova V. B. (St. Petersburg). Names of Pieces of Clothes in Phytonyms (to the Question of Intersection of Codes)</i>	365
<i>Yakimova A. P. (Moscow). Symbolical Functions of Bulgarian Folk Clothes: Ethnic Linguistic Aspect.....</i>	380

<i>Sedakova I. A. (Moscow). Semantic, Magic and Ethic Dimensions of One Predicate of the Traditional Culture of Slavs: SECRETLY (SECRET)</i>	397
<i>Tunin A. E. (Moscow). New Greek Riddles about the Sun: Ancient, Balkan and Slavic Motives</i>	409

Linguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow). To the Question of Space and Time Interpretation of Slavic Lexical Isoglosses</i>	429
<i>Ananieva N. E. (Moscow). The Category of «Beginning» in Russian and Other Slavic Languages</i>	468
<i>Yasinskaya M. V. (Moscow). Oko and glaz and Their Derivatives in Slavic Dialects</i>	480
<i>Kokonova A. B. (Moscow). Concepts of Pregnancy in North Russian Dialects</i>	490

Publications

<i>Stykalin A. S. (Moscow). Hungarian Diplomat and Historian on the Russian National Feeling and Soviet Patriotism</i>	499
<i>Orekhov A. M. (Moscow). The 20th Congress of the CPSU and the Situation in Poland. Soviet and Polish Leaders on the Staraya Square</i>	510

Reviews

<i>Shvedova N. V. (Moscow). The Image of Russia in Slovakia</i>	536
<i>Uzeneva E. S. (Moscow). A New Work on Contemporary Ukrainian Dialectology</i>	543
<i>Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L. (Moscow). The First Book of the Institute of Ivan Franko</i>	547
<i>Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L. (Moscow). The Kievan Business Trip of A. L. Bem</i>	553

Chronicle

<i>Churkina I. V., Khavanova O. V. (Moscow). The International Conference «The Role of Church in the Development of Interconfessional, Cultural and Social Contacts between Russia and Foreign Slavs»</i>	556
---	-----

<i>Dronov M. Yu. (Moscow). The Research and Practical Conference «The Slavic World»</i>	562
<i>Shvedova N. V. (Moscow). The International Research Conference «Russian Man and Russia in Slavic Literatures, Folklore and Documentaries»</i>	565
<i>Gavriushina L. K. (Moscow). The International Conference «Vectors in the development of history and Culture of Slavs»</i>	573
<i>Zapolskaya N. N. (Moscow) The Second Cyril and Methodius Readings</i>	583
Information about the Authors	595

От редколлегии

Ежегодно 24 мая в России широко отмечается День славянской письменности и культуры, приуроченный к дню памяти свв. Кирилла и Мефодия. Наряду с другими праздничными мероприятиями традиционно проводится международная научная конференция и круглые столы, посвященные славянской проблематике. Начиная с 1996 г. такие конференции проходили в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове, Москве. Материалы этих конференций опубликованы в пятнадцати выпусках «Славянского альманаха».

С 2010 г. основные мероприятия праздника проходят в Москве. В рамках этих мероприятий в 2011 г. была проведена организованная Институтом славяноведения РАН международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Материалы конференции и других аналогичных научных встреч легли в основу шестнадцатого выпуска «Славянского альманаха». Статьи, помещенные в альманахе, отражают актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов в разные исторические эпохи.

В альманахе сохраняется традиционная структура, представленная разделами: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Статьи сопровождаются краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия «Славянского альманаха» надеется, что ежегодник будет способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных связей.

К. В. Никифоров
(Москва)

Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН)

В статье освещается развитие исторической славистики в Институте славяноведения, в истории которого можно выделить три периода. Два из них совпадают с пребыванием на посту директора Д. Ф. Маркова и В. К. Волкова. В настоящее время идет четвертый период, характеризующийся активной издательской деятельностью.

Ключевые слова: *Институт славяноведения, историческая славистика, историография.*

Любое фундаментальное научное направление получает нормальное развитие только с началом его университетского преподавания. Однако организация науки в нашей стране так устроена, что полноценное функционирование любой дисциплины наступает только тогда, когда к университетским кафедрам добавляется еще и академический институт.

В полной мере это относится и к славистике. Однако, не считая трехлетнего периода существования в начале 30-х гг. ленинградского Института славяноведения, который был совсем небольшим (около десяти сотрудников)¹, академическая славистика в нашей стране отсутствовала. Она стала развиваться только после войны.

В годы Великой Отечественной войны, по мнению некоторых исследователей, в Советском Союзе отмечался своего рода «идеологический НЭП»: когда в целях сплочения народа против внешнего врага были в известной степени реабилитированы религия и славянская идея. Последнее привело к тому, что в 1946 г. на базе сектора славяноведения Института истории АН СССР, балто-славянского сектора Института русского языка АН СССР и находившейся в составе Академии наук Славянской комиссии был создан, а с начала 1947 г. стал функционировать нынешний Институт славяноведения². Институт создавался как принципиально новое комплексное учреждение (хотя идеология того времени делала акцент на исторической части славистики). И вот уже ровно 65 лет именно Инслав олицетворяет и в значительной степени определяет развитие отечественного

славяноведения (в том числе и его исторической составляющей), является важнейшей частью мировой славистики.

Главная заслуга в создании в системе Академии наук Института славяноведения принадлежит академику В. И. Пичете, одним из инициаторов воссоздания Института был и бывший директор еще ленинградского Института славяноведения и тогдашний глава Славянской комиссии академик Н. С. Державин. Однако возглавил Институт академик Б. Д. Греков, являвшийся в те годы академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР и директором Института истории. (Оба института находились тогда в одном здании — в доме № 14 на Волхонке.) Заместителем директора и фактически подлинным руководителем Института стал В. И. Пичета, который, к сожалению, очень скоро умер. Державин же возглавил созданное через несколько лет и просуществовавшее совсем недолго ленинградское подразделение Института. В первое время в штат Института славяноведения входило всего 18 человек, еще девять человек работали в ленинградском филиале.

В становлении Института большое участие приняли заведующие «славянскими» кафедрами исторического и филологического факультетов Московского государственного университета — С. А. Никитин и С. Б. Бернштейн. Они вскоре возглавили по совместительству два институтских сектора — истории и филологии. (Позже, когда совместительство запретили, оба местом своей единственной работы выбрали Академию наук.) Затем каждый из этих секторов был разделен надвое. Так, сектор истории был разделен на сектор истории славянских стран периода феодализма и капитализма (заведующий — С. А. Никитин) и сектор новейшей истории славянских стран (заведующий — Л. Б. Валева). Первых заведующих историческими секторами также надо, без сомнения, причислить к отцам-основателям Института славяноведения, а значит — и академической славистики в целом и ее исторической составляющей в частности.

Институт в значительной степени создавали вчерашние фронтовики, только что снявшие шинели, и их младшие товарищи, заставшие войну подростками. Это во многом определило его лицо. Сегодня Институт переживает смену поколений, в нем работают представители разных поколений послевоенных славистов.

Шесть с половиной десятилетий истории Института были разными. Менялась ситуация в стране, менялись условия работы в самом Институте, менялись его руководители. После академика Б. Д. Грекова (1946–1951) директором был член-корреспондент П. Н. Третьяков

(1951–1959), затем — И. И. Удальцов (1959–1962), после — И. А. Хренов (1963–1968), затем — академик Д. Ф. Марков (1969–1987) и, наконец, до конца 2004 г. — член-корреспондент В. К. Волков. Из всех директоров только Марков был филологом, остальные — историки (Третьяков — археолог), что отражало повышенное внимание в то время именно к исторической части славистики.

В целом в истории Института можно вычлени́ть три периода. В первый период, который длился чуть более 20 лет, сменилось пять директоров Института, а два последующих периода, длившиеся чуть менее 20 лет каждый, почти полностью совпали со временем пребывания на посту директора Института академика Д. Ф. Маркова и члена-корреспондента В. К. Волкова. В настоящее время уже семь лет протекает четвертый период, и чем он запомнится, каким войдет в историю Института — покажет будущее.

Первый период — это становление Института. Оно пришлось в основном на 1950-е и первую половину 1960-х гг. В общественной жизни страны после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС отмечалось известным послаблением. Работать ученым стало легче. Усилились международные связи сотрудников Института с зарубежными коллегами. В частности, Институт с самого начала активно участвовал в работе Международного комитета славистов, созданного в 1955 г. На съезде славистов 1958 г. в Москве впервые утверждалась историческая тематика. Развивалась структура Института, росла его численность. К середине 1960-х гг. в нем насчитывалось уже 147 сотрудников. Забегая вперед, скажем, что это примерно столько же, сколько и сейчас.

Конечно, у каждого из первых директоров Института были свои особенности. При И. И. Удальцове, например, большое внимание уделялось проблеме актуализации исследований, что соответствовало бытовавшему тогда лозунгу «приблизить науку к производству». Для фундаментальной гуманитарной науки это было так же «продуктивно», как много позже советы «вписаться в рынок»³ или современные указания «внедрять инновации».

В 1961 г. появились научные подразделения по истории культуры славянских народов (руководитель — И. Ф. Бэлза), межславянских связей (руководитель — И. С. Миллер) и славяно-германских отношений (позже — средних веков, руководитель — В. Д. Королюк). Еще в 1956 г. в состав Института вошла Археографическая комиссия (фактически — ее постоянно действующие сотрудники, своего рода аппарат), воссозданная при Отделении истории Академии наук по ини-

циативе академика М. Н. Тихомирова. С 1968 г. и вплоть до недавнего времени Археографическую комиссию возглавлял С. О. Шмидт.

В этот период, в конце 1950-х — начале 1960-х гг., историки Института уже смогли выйти на написание двух-, трехтомных академических трудов по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. По тем временам это было крупным научным достижением.

Институт нуждался в своих печатных органах. Ими стали выходявшие с 1948 по 1966 г. «Ученые записки» и с 1951 по 1965 г. «Краткие сообщения Института славяноведения». Качественно новый этап в этом плане начался с 1965 г., когда Институт стал издавать свой журнал «Советское славяноведение» (ныне — «Славяноведение»).

Следующий большой период в истории Института связан с расширением задач и его переименованием в Институт славяноведения и балканистики в 1968 г. и 18-летним директорством академика Д. Ф. Маркова. Страна в это время постепенно катилась к застою, но с формально-организационной точки зрения Институт, можно сказать, достиг своего расцвета. Наука по тем временам неплохо финансировалась, а авторитет ученых был достаточно высок. Конечно, советский режим, подавлявший любую свободу самовыражения, цензурировавший все и вся, не мог не мешать, особенно тем, кто был занят современной проблематикой. Однако Институт всегда отличала довольно либеральная в условиях того времени атмосфера. В частности, именно в Инславе получили пристанище некоторые лингвисты, открыто продемонстрировавшие свою оппозиционность и потерявшие в связи с этим работу в других местах.

Добавление к славистическим исследованиям балканистики имело глубокий смысл: «в плане историческом ни одно явление, ни одно событие регионального масштаба, будь то в Центральной или Юго-Восточной Европе нельзя ни понять, ни исследовать исключительно на славянской основе»⁴. Точно так же невозможно было изолированно изучать славянские языки и литературу. После переименования в Институт влились специалисты по балканским странам и Венгрии. В сферу его интересов попадали также Турция, Австрия и даже Восточная Германия, особенно ее славянское серболужицкое население. В конце 1970 г. в Институте работало около 190 специалистов. В Институте был создан сектор новой истории балканских народов (руководитель — академик Ю. А. Писарев). С 1968 по 1970 г. существовал также сектор византиноведения, переведенный затем в Институт всеобщей истории. Но византийская тематика в Институте сохранилась, в основном благодаря трудам академика Г. Г. Литаврина.

В это время значительное место в исследованиях Института заняли работы обобщающего, комплексного, сравнительно-типологического характера. В частности, можно назвать реализацию в 1970–1980-е гг. крупномасштабного проекта «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». В этой серии вышло более 10 книг, в том числе «Освободительные движения народов Австрийской империи»⁵ и ряд коллективных трудов по проблемам формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В рамках марксистской идеологии труд «Освободительные движения народов Австрийской империи» являлся одним из высших и непревзойденных достижений в исторической славистике.

Институт отпраздновал свои первые юбилеи — 25- и 30-летие со дня создания. Они были отмечены специальными справочно-информационными сборниками. В 1975 г. было создано специальное подразделение, занимавшееся историей славяноведения и в целом вопросами историографии (руководитель — В. А. Дьяков). Историографический сектор издал капитальный труд — «Славяноведение в дореволюционной России»⁶. Все это также доказывало, что Институт вступил в зрелую фазу своего развития.

Резко возросло и международное сотрудничество. В 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы. Сотрудники Института приняли активное участие в ее работе, так же как и в деятельности Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям при Международном комитете исторических наук. В 1976 г. также под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Ее первым президентом был избран академик Д. Ф. Марков. Долгие годы Институт издавал специальный «Информационный бюллетень МАИРСК» на русском, английском и французском языках⁷.

Наконец, еще один 17-летний период в истории Института связан с директорством члена-корреспондента В. К. Волкова. Это было непростое время конца 1980-х — начала 2000-х гг., время перестройки, распада Советского Союза и радикальных демократических реформ. Для историков наступила пора отмены идеологического диктата и открытия архивов (затем во многом приостановленного). В то же время материальное положение ученых резко ухудшилось.

В конце 1980-х гг. в Институте работало свыше 220 научных сотрудников — максимальная численность за все время его существо-

вания. Но уже в первой половине 1990-х гг. из-за резкого снижения зарплат и постоянных задержек с их выплатами Институт покинули многие ученые, особенно среднего поколения — именно те, кто мог бы в наши дни активно работать. Резко сократилось количество командировок сотрудников Института в изучаемые страны, были приостановлены многие двусторонние и многосторонние проекты. Прекратила работу МАИРСК.

Празднование 50-летия Института⁸ фактически совпало с угрозой его закрытия. К сожалению, уже не в первый раз за его историю⁹. Однако благодаря прежде всего усилиям В. К. Волкова (его поддержали очень многие, в том числе академики Д. С. Лихачев, Н. И. Толстой и др.), Институт был сохранен, но из его названия выпало слово «балканистика», которым пришлось пожертвовать. Этому не было никакого внятного объяснения, и балканистика из исследовательских планов Института никуда не делась. Более того, в связи с распадом СССР добавились исследования по украинистике и белорусистике. В Институте этой проблематикой занимается сегодня отдел восточного славянства. Таким образом, сегодня интерес ученых Института распространяется на все ветви славянства и не только на Центральную и Юго-Восточную Европу, но и частично — на Восточную Европу. В Институте образовалось то, что В. К. Волков называл «сплошным фронтом славяноведения».

Кроме того, сегодня даже формально в сферу интересов Института славяноведения попадают русские, оказавшиеся после 1991 г. компактно проживающими за пределами современной России — в Латвии, Эстонии, Приднестровье, Казахстане и т. д. Большие русские диаспоры образовались также в некоторых странах традиционного зарубежья. Явление это для славистики новое, и оно требует своего подхода. В какой-то степени найти его может помочь опыт изучения в Институте проблем первой волны российской эмиграции в балканских и центральноевропейских странах.

В целом в последние годы российскими учеными-славистами неоднократно проводилась мысль об «интегральной модели» отечественного славяноведения, которая бы охватывала не только зарубежных славян, но и русских в России. Перед отечественной славистикой стоит задача, не дублируя работу других научных учреждений и исследователей, найти собственный ракурс изучения русистики¹⁰. И действительно, исключать из славистики Россию, русских, составляющих половину всех славян, — не всегда оправдано. Это не находит понимания и за границей.

Однако ученых, которые могли бы все это изучать, становится все меньше. Сейчас после нескольких волн сокращений Институт располагает всего 154 штатными единицами. Помимо всего прочего, это заметно препятствует приходу в Институт молодежи, чего требует начавшийся процесс смены поколений.

Со дня своего возникновения Институт славяноведения традиционно тесно сотрудничает со славистическими кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ. Именно они изначально были и остаются базовыми для пополнения Института новыми кадрами. Сегодня выпускниками МГУ является заметное большинство сотрудников Института. Кроме того, научные кадры готовит и сам Институт, прежде всего через свою аспирантуру. За 65 лет около 120 аспирантов успешно закончили обучение в институтской аспирантуре и защитили кандидатские диссертации.

В октябре 2003 г. в стенах Института славяноведения состоялось Всероссийское совещание славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития»¹. Итоги развития славистики и деятельности Института были подведены еще раз в начале 2007 г., когда ему исполнилось 60 лет. Тогда было подсчитано, что за это время Институт только под своим грифом издал около двух тысяч книг². Сегодня их стало уже около двух с половиной тысяч. Можно сказать, что за время работы Института создана крупная славистическая библиотека. И многие из трудов Института заслуженно вошли в золотой фонд отечественной и мировой науки.

Перспективы развития академического славяноведения неразрывно связаны с его общественной поддержкой. Институт славяноведения РАН был одним из инициаторов возобновления ежегодного празднования в разных городах России Дня славянской письменности и культуры. Составной частью праздника стали проводимые учеными Института международные научные конференции «Славянский мир: общность и многообразие». По итогам этих конференций издается ежегодник «Славянский альманах». Увидело свет шестнадцать его выпусков. Не так давно стал издаваться еще один подобный ежегодник — «Славянский мир в третьем тысячелетии».

В последние годы Институт активно сотрудничает с такой международной общеславянской организацией, как Форум славянских культур. В частности, под эгидой этого Форума по инициативе Института и при его непосредственном участии в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге осенью 2007 г. была развернута юбилейная экспозиция и проведена международная конференция

«Славяне Европы и народы России», посвященные 140-летию проведения в России первой Этнографической выставки¹³.

Повторим, что пока еще, конечно, рано давать оценки протекающему в настоящее время четвертому периоду развития Института славяноведения. Однако вполне возможно сказать о книжной продукции Института славяноведения последних семи лет. Опубликованные книги, монографические исследования — основной показатель деятельности любого гуманитарного научного института или научного направления, в том числе и славистики. И надо сразу отметить, что, несмотря на уменьшение численности сотрудников Института славяноведения, количество печатных работ в последнее время заметно возросло. В среднем сотрудниками Института ежегодно издается около 70 книг.

Остановимся немного подробнее на работах институтских историков.

В прошедшие годы в Институте реализовывался большой проект по исследованию общественной мысли славянских народов в средние века. Вышел из печати первый том, посвященный этой проблеме в эпоху раннего средневековья, — «Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья» (отв. ред. чл.-корр. Б. Н. Флоря; М., 2009). В книге анализируются содержащиеся в литературных текстах представления о древнейшей истории славян, зарождении первых славянских государств и их властных структур. Завершена работа над вторым томом проекта, охватывающим период перехода от раннего к развитому средневековью. Следующим будет том, относящийся к эпохе развитого средневековья.

Необходимо отметить многолетнее исследование А. А. Турилова, нашедшее отражение в книге «Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья» (М., 2010). В книге на большом фактическом материале рассматривается судьба кирилло-мефодиевского наследия в разных странах и регионах славянского мира с X по XVI в. Особое внимание уделено межславянским культурным связям на рубеже XII–XIII вв. («первое восточнославянское влияние») и в XIV–XV вв. («второе южнославянское влияние»). В следующем, 2011 г. опубликовано фактическое продолжение этой книги — «От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина. История и культура славян IX–XVII веков».

Увидел свет труд чл.-корр. Б. Н. Флори «Русское государство и его западные соседи. 1655–1667 гг.» (М., 2010). Монография посвящена исследованию отношений России с ее соседями в те годы, когда после

Переяславской рады и присоединения Украины Русское государство прилагало большие усилия для решения главных стоявших перед ним внешнеполитических задач — объединения всех восточнославянских земель и завоевания выхода к Балтийскому морю. Работа основана на обширном документальном материале. В публикации «Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.» (отв. ред. чл.-корр. Б. Н. Флоря, рук. проекта Л. Е. Семенова; М., 2007) также представлен корпус источников, преимущественно неопубликованных, из российских и зарубежных архивов, освещающих деятельность дипломатии России и Украинского гетманства в период международного кризиса середины XVII в.

И в целом можно сказать, что в Институте получили заметное развитие относительно новые для него направления — украинистика и белорусистика. Это направление представлено даже специальным тематическим изданием — «Белоруссия и Украина: История и культура». Последняя книга серии вышла в свет в 2008 г., подготовлена очередная.

В 2006 г. появилось сразу несколько серьезных монографий по украинистике. В книге И. В. Михутиной «Украинский Брестский мир» дипломатические действия сторон рассматриваются в связи с развитием стремительных и разнообразных событий внутренней жизни на Украине и в России. Одному из самых сложных и запутанных периодов в истории Закарпатья и борьбе европейских держав за контроль над этим краем посвящена работа А. И. Пушкаша «Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945 гг.». Наконец, в труде Е. Ю. Борисёнок «Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы» впервые в отечественной историографии анализируется национальная политика большевиков в отношении Украинской ССР. В книге представлены предпосылки, этапы и результаты политики украинизации, прослеживается ее связь с общим курсом партийного и советского руководства.

Вышел в свет сборник «Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии» (отв. ред. Е. Ю. Борисёнок; М., 2008). Статьи сборника посвящены ретроспективному анализу взаимного восприятия русских и украинцев, формированию и функционированию у них стереотипов и имиджей, пропагандистских клише и мифов. Еще один сборник — «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы (отв. ред. Е. Ю. Борисёнок; СПб., 2011) — посвящен анализу сложных процессов, сопровождавших советизацию в 1939–1941 гг. Западной Украины и Западной Белоруссии.

В прошедшие годы вышло шесть сборников под общим названием «Человек на Балканах» (отв. ред. Р. П. Гришина), в которых исследуются различные аспекты процесса модернизации в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. Методологически работа строилась на базе общей теории модернизации, включая дополнительные разработки об особенностях протекания этого процесса в «другой», незападной Европе. Здесь же следует отметить и индивидуальную монографию Р. П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX — начало XX в.» (М., 2008).

Упомянем также первый том сборника под редакцией А. Л. Шемякина «Русские о Сербии и сербах» (СПб., 2006). Представленные в книге свидетельства позволили реконструировать тот социокультурный контекст, в котором проходил процесс модернизации «посербски». Завершается работа над вторым томом этого издания.

Еще один цикл работ затрагивал тему «Власть и общество» на протяжении длительного исторического периода — от Средневековья и до современности. Упомянем, в частности, очередной, 12-й выпуск серии «Славяне и их соседи» (ред. выпуска акад. Г. Г. Литаврин, ред. серии чл.-корр. Б. Н. Флоря; М., 2007). Сборник посвящен проблемам взаимодействия власти и общества в славянских странах в Средние века и раннее Новое время, особое внимание уделяется отношениям правителя и элиты, правителя и подданных.

На противоположном хронологическом полюсе — сборник «Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века» (отв. ред. Э. Г. Задорожнюк; М., 2006). Развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы представлено в книге через рассмотрение взаимосвязей и взаимозависимостей в вынесенном в заглавие треугольнике.

Продолжилось изучение славянских и соседних с ними народов в Новое время. Отметим несколько работ. В книге К. А. Кочегарова «Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире» (М., 2008) исследованы основные проблемы русско-польских отношений в конце XVII в. и роль украинского вопроса в политике обоих государств. Монография была награждена медалью РАН для молодых ученых в области истории. Лауреатами Макариевской премии стали авторы индивидуальных монографий И. И. Лещиловская («Сербский народ и Россия в XVIII веке». СПб., 2006), С. С. Лукашова («Мирыне и Церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI века». М., 2006) и М. М. Фролова («Александр Чертков. 1789–1858». М., 2008).

Монография И. Ф. Макаровой «Болгары и Танзимат» (М., 2010) посвящена изучению влияния реформ, проводившихся турецким правительством в 1826–1878 гг. с целью коренной модернизации Османской империи, на экономическую, социальную и политическую историю болгарского народа. Особое внимание уделено анализу позиции России по отношению к мероприятиям Порты, затрагивающим интересы православных христиан. 300-летию установления постоянных связей между Россией и Черногорией посвящен сборник статей «Черногорцы в России» (отв. ред. К. В. Никифоров; М., 2011). В сборнике представлены очерки о черногорцах, побывавших в России или оставшихся в ней навсегда, о людях, выдающихся и обыкновенных.

Как известно, освобождение балканских народов от османского ига заняло более двухсот лет. И каждый шаг на этом долгом и мучительном пути делался ими с опорой на Россию в ее противоборстве не только с Османской империей, но и с Великобританией, Австрией и временами — с Францией. Десять Русско-турецких войн, одна из которых, Крымская, являлись своего рода вехами на пути балканских народов к свободе. Великой освободительной миссии России посвящен обобщающий труд В. Н. Виноградова «Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 гг.» (М., 2010).

Под редакцией того же В. Н. Виноградова продолжается работа над «Историей Балкан». Вслед за первой книгой — «История Балкан. Век восемнадцатый» (М., 2004) — подготовлена и находится в издательстве вторая — «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)». Завершается работа над третьей книгой: «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие 1856–1878».

Большое внимание уделялось изучению XX века — как в страноведческих, так и в региональных исследованиях. Монография Е. П. Серапионовой «Карел Крамарж и Россия. (1890–1937 гг.)» (М., 2006) повествует о судьбе великого чеха — депутата австрийского парламента, председателя правительства Чехословацкой республики, славянофила и русофила, женатого на русской Н. Н. Абрикосовой (урожденной Хлудовой). Двухтомник В. В. Марьиной «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945» (М., 2007–2008) — первое в отечественной и чехословацкой (чешской и словацкой) историографии комплексное исследование истории советско-чехословацких отношений в годы войны.

Сборник «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» (отв. ред. Т. А. Покивайло-

ва; СПб., 2011) посвящен исследованию процессов миграции и эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, особенностям адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов и беженцев. Особое внимание уделено перемещению российских граждан в соседние страны восточноевропейского региона после Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны в России. В сборнике «Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века» (отв. ред. Е. П. Серапионова; СПб., 2011) показано, как менялась жизнь славянских народов в периоды войн и конфликтов XX в. В центре внимания авторов — военные и гражданское население, титульные нации и национальные меньшинства, движение Спротивления и коллаборационизм, политические партии, благотворительные и общественные организации, эмигранты, беженцы, женщины, молодежь, творческая интеллигенция.

В книге Т. М. Исламова и Т. А. Покивайловой «Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг.» (М., 2008) на новой источниковой базе исследуется одна из наиболее важных составляющих национально-территориальной проблемы в Восточной Европе — Трансильванский вопрос. Трансильвания длительное время являлась «яблоком раздора» между Венгрией и Румынией, трижды на протяжении первой половины XX в. переходила из рук в руки.

Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова в коллективной монографии «Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века» (М., 2008) на основе новых документов из федеральных архивов России исследуют проблемы государственно-церковных отношений в странах региона на этапе формирования в них директивно-централизованной системы государственной власти и нового правящего строя — партийно-государственной номенклатуры. На основе впервые вводимых в научный оборот документов в монографии А. Б. Едемского «От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах» (М., 2008) показан процесс подготовки и принятия решений правящими кругами обеих стран по проблемам взаимных отношений.

Особое внимание уделялось проблеме оппозиции в европейских социалистических странах. В монографии Э. Г. Задорожнюк «От крушения Пражской весны к триумфу „бархатной революции“: Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.)» (М., 2008) впервые в отечественной историографии освещается история чехословацкого диссидентства, прослеживается

формирование широкого спектра противостоявших «режиму нормализации» независимых инициатив и структур, дана их типология и эволюция программных установок. В. В. Волобуева в монографии «Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976» (М., 2009) прослеживает путь польской политической оппозиции — от первых клубов и групп в 1956 г., через «малую стабилизацию», студенческие волнения 1968 г., рабочие манифестации декабря 1970 г. и до выхода на историческую арену открытых оппозиционных организаций в 1976 г. Рассматривается социальная база оппозиции, идеология различных ее течений, место в политической системе ПНР.

Следует также отметить два сборника, посвященных ключевым событиям второй половины XX в.: «1968 год. „Пражская весна“ (Историческая ретроспектива)» (отв. ред. Г. П. Мурашко; М., 2010); «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (отв. ред. К. В. Никифоров; М., 2011). Оба сборника подготовлены после больших международных конференций, посвященных двум важнейшим событиям в истории восточноевропейских стран — «Пражской весне» 1968 г. и «бархатным революциям» в европейских социалистических странах в 1989 г.

Близится к завершению большой институтский проект — «Славянские страны в XX веке». Вслед за «Историей Болгарии в XX веке» (отв. ред. Е. Л. Валева; М., 2003) и двухтомником «Чехия и Словакия в XX веке» (отв. ред. В. В. Марьина; М., 2005) в 2011 г. была опубликована «История Югославии в XX веке» (отв. ред. К. В. Никифоров). Завершена работа над последним трудом серии — «Историей Польши» (отв. ред. А. Ф. Носкова). Реализация такого крупного этапного проекта оказалась возможна только в Институте славяноведения РАН. Инициатор этого проекта В. К. Волков называл его институтской серией «третьего поколения», учитывая созданные в конце 1950-х — начале 1960-х гг. двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории, выпущенные в конце 1980-х гг. Отдельно отметим и подготовленную И. В. Чуркиной, Л. А. Кирилиной и Н. С. Пилько «Историю Словении» (М., 2011) — первую историю этой страны на русском языке.

Много внимания уделялось в Институте публикации документов. Так, труд «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878 гг. Документы» (отв. ред. К. В. Никифоров; М., 2008) завершил начатый еще в предшествующие годы большой международный проект. В этом сборнике в научный оборот введены ранее неопубликованные документы по истории Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. в западной про-

винции Османской империи. Увидела свет российско-словенская публикация «Российско-словенские отношения в документах. XII в. — 1914 г.» (ред. И. В. Чуркина; М., 2010), являющаяся уникальной по временному охвату. Основной корпус документов отражает не только русско-словенские связи, но и касается самых разнообразных сторон истории словенцев и русских в Средние века и Новое время.

Вышла в свет двухтомная публикация документов из российских архивов «Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.» (отв. ред. Т. В. Волокитина; М., 2009). Документы из основных федеральных архивов России характеризуют церковную обстановку в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии. К публикаторской деятельности относится и четырехтомное издание «Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии» (отв. ред. Е. Ю. Гуськова; М., 2006–2011). Основной массив документов относится к периоду с 1990 по 2010 г. и позволяет проследить развитие событий в Косово и Метохии в период резкого обострения в этом крае межнациональных отношений.

Несколько крупных работ были посвящены истории славистики. Е. П. Аксенова в монографии «А. Н. Пыпин о славянстве» (М., 2006) обратилась к научному наследию выдающегося ученого XIX в. Особое внимание уделено его взглядам на славянский мир в целом, на исторические судьбы каждого славянского народа. Нашло отражение и отношение ученого к развитию славяноведения в России. А. Н. Горяинов в своей работе «В России и эмиграции. Очерки о славяноведении и славистах первой трети XX в.» (М., 2006) рассуждает о трагической судьбе отечественного славяноведения, судьбах «славянской идеи», университетской славистики в первые десятилетия существования СССР. Наконец, в монографии М. Ю. Досталь «Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы)» (М., 2009) анализируются факторы возрождения отечественного славяноведения, прослеживаются сложные перипетии борьбы за создание в системе Академии наук комплексного научного славистического центра — Института славяноведения.

К работам об ученых-славистах примыкает монография И. В. Чуркиной «Протоиерей М. Ф. Раевский и югославяне» (М., 2011), посвященная одному из горячих поборников возрождения славянства второй половины XIX в.

В Институте сложилась традиция отмечать специальными печатными изданиями юбилеи его ведущих ученых. В последнее время увидели свет сборники в честь И. И. Костюшко¹⁴, Р. П. Гришиной¹⁵,

И. С. Достян¹⁶ и др., а также памяти многолетнего директора Института В. К. Волкова¹⁷.

В прошедшие годы традиционной для себя деятельностью в области археографии, архивоведения и смежных дисциплин занималась Археографическая комиссия. В 2006 и 2007 гг. вышли в свет два очередных выпуска «Археографического ежегодника» (под ред. С. О. Шмидта) — печатного органа Комиссии. Продолжилось издание уникальных памятников древнерусской письменности и книжности.

Говоря о работе Института последнего времени, следует упомянуть, что несколько лет назад по его инициативе была реорганизована Российская комиссия по изучению Юго-Восточной Европы, что, несомненно, оживило ее работу. С заметным участием институтских балканистов прошел X Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы в Париже (2009)¹⁸. Более активным стало российское участие в Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям при Международном комитете исторических наук. Не без участия Института славяноведения проходили последние всемирные съезды историков: XX — в Сиднее (2005) и XXI — в Амстердаме (2010).

Сотрудники Института славяноведения традиционно играют большую, часто решающую роль в работе двусторонних комиссий историков России и Болгарии, России и Венгрии, России и Польши, России и Румынии, России и Сербии, России и Словакии, России и Чехии. В 2008 и 2009 гг. в рамках «Года России в Болгарии» и «Года Болгарии в России» в Софии и Москве прошли, например, представительные российско-болгарские научные конференции¹⁹. В целом в Институте ежегодно проходит около 30 научных конференций. Большинство из них носит международный характер.

Столь же плодотворно, как и историки, трудятся и филологи Института славяноведения. Неслучайно более двухсот лет назад славистика зародилась как прежде всего филологическая дисциплина. После разгрома в 20–30-е гг. прошлого века она возродилась в нашей стране уже преимущественно как часть исторической науки. Таковой славистика оставалась весь послевоенный период вплоть до последнего времени. Однако последующий период развития славистики вполне может отдать пальму первенства исследованиям, так или иначе связанным с культурой славянских народов. По крайней мере, увеличение в славяноведении удельного веса культурологических дисциплин прогнозируют многие ученые²⁰.

Историко-культурные, конфессиональные проблемы изучаемого региона и ранее привлекали внимание ученых Института славя-

новедения — от медиевистов до изучающих современные проблемы. И здесь, конечно, большим подспорьем являлся комплексный характер Института, наличие в нем не только историков, но и лингвистов, литературоведов, культурологов.

Когда-то МАИРСКом перед славистами всего мира была поставлена задача создания многотомной истории славянской культуры, причем каждая страна получала для написания определенный хронологический отрезок. Как известно, эта задача так и не была выполнена, и только ученые из России, а именно — из Института славяноведения, написали свою часть намеченной работы — «Очерки истории культуры славян» до XIII в. включительно²¹. Частично похожий, но более скромный проект был реализован недавно в Государственной академии славянской культуры, где под редакцией Г. П. Мельникова и вновь во многом силами специалистов из Института славяноведения был подготовлен трехтомник «История славянских культур»²².

Определенным этапом в развитии славистики в России могло бы стать создание 12-томной Славянской энциклопедии. Однако работа задерживается из-за отсутствия финансирования.

Несмотря на все сложности, можно констатировать, что за 65 лет славистика, в том числе ее историческая часть, превратилась в одно из мощных гуманитарных направлений в Российской академии наук. И она удачно вписывается в общую схему функционирования отечественной академической науки. Ведь Россия издавна ищет себя между Западом, Востоком и славянским миром. Отсюда и такие течения в отечественной общественной мысли, как славянофильство, западничество и евразийство. Отсюда и такие институты в системе РАН, которые занимаются историей, как Институт всеобщей истории (понимаемой преимущественно как западной), Институт востоковедения и Институт славяноведения. Все эти три направления одинаково важны и без каждого из них Россия не может существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- 2 Подробнее см.: *Аксенова Е. П.* Краткая историческая справка // Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971; *Аксенова Е. П., Васильев С. В.* Краткая историческая справка // Институт славяноведения и балканистики (1947–1977). М., 1977; *Аксе-*

- нова Е. П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996; Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007; Волков В. К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра. (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет; Никифоров К. В. Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН // Славяноведение. 2007. № 4.
- 3 Шерлаимова С. А. ...А еще были «капустники» // Как это было... С. 231.
 - 4 Виноградов В. Н. Былое без дум // Как это было... С. 114.
 - 5 Освободительные движения народов Австрийской империи. В 2 томах. М., 1980–1981.
 - 6 Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
 - 7 Аксенова Е. П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет. С. 46.
 - 8 См.: Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
 - 9 На Институт славяноведения РАН покушались, как минимум, во второй раз. Первый — в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века, когда его хотели переименовать в Институт истории и истории культуры европейских социалистических стран. К чему бы это привело после краха европейского социализма, нетрудно догадаться.
 - 10 См., например: Волков В. К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 288–289; *Он же*. Российская историческая славистика на пороге XXI века // Там же. С. 298.
 - 11 См.: Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М., 2003.
 - 12 См.: Никифоров К. В. Шестьдесят лет Институту славяноведения РАН; см. также: Труды Института славяноведения. 1997–2007. Библиографический указатель. М., 2007.
 - 13 См.: Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года. Каталог выставки. СПб., 2008; Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. Материалы Международной конференции, посвященной 140-летию Первой этнографической выставки России. СПб., 2009.
 - 14 Studia Slavica-Polonica. (К 90-летию И. И. Костюшко.) М., 2009.
 - 15 Studia Balcanica: к юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010.

- 16 В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
- 17 Славянство, растворенное в крови... Сборник в честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова (1930–2005) М., 2010.
- 18 См.: Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009; см. также: Образ России на Балканах. Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи. Доклады российских ученых к научному коллоквиуму Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.). М., 2011.
- 19 См.: България и Русия между признателност и прагматизм. София, 2008; Россия — Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.: Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.
- 20 См., например: *Волков В. К.* Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы // *Волков В. К.* Узловые проблемы... С. 313.
- 21 Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- 22 История культур славянских народов. В 3-х т. Т. 1. Древность и средневековье. М., 2003; История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. 2. От барокко к модерну. М., 2005; История культур славянских народов В 3-х т. Т. 3. Культура XX века: от модерна до пост-модернизма. Народная культура славянского региона. М., 2008.

Nikiforov K. V.

Historical Slavic Studies in the System of the Academy of Sciences
(by the 65th Anniversary of the Institute of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences)

The article describes the development of historical Slavic studies in the Institute of Slavic Studies in the activity of which the author defines three stages. Two of them coincided with the work of D. F. Markov and V. K. Volkov as Directors of the Institute. Nowadays, there is the fourth period which is featured with energetic publication activity.

Key words: Institute of Slavic Studies, historical Slavic studies, historiography.

Н. Н. Запольская
(Москва)

Церковнославянская книжность: «христианизация» текста и языка

Статья посвящена проблеме идеологически маркированной семантической нагруженности церковнославянских текстов и церковнославянского языка.

Ключевые слова: *книжность, церковнославянский язык, семантика, идеосемантика.*

Утверждение христианства в славянских землях явилось точкой отсчета «христианизированной» жизни и истории (Топоров 1995: 416), объединяющей реальные и провиденциальные события.

«Христианизированная» жизнь и история получили выражение в церковнославянской книжности, включавшей помимо императивных «данных» текстов (Священного Писания и Священного Предания), фиксировавших Слово, изреченное Богом и истолкованное избранными людьми, «созданные» тексты, сопоставившие изреченное Слово и слово, сочиненное человеком в конкретное время и в конкретном пространстве.

Признаками «созданных» книжных текстов являлись: а) догматическая функция, направленная на устроение жизни человека по слову Бога, б) преобладание механизма репродуцирования над механизмом продуцирования, в) использование «поэтики истины» (Пиккио 2003: 3), мотивированной церковной доктриной, г) скрытая форма авторства, то есть актуализация идеи «авторитета» при неразвитом авторском сознании, д) метафизический статус «нададресата», е) включение в иерархические межтекстовые отношения, то есть в «текстовую лестницу»: библейские тексты — литургические, толковые, четьи, гимнографические, догматические, гомилетические, аскетические, агиографические, историко-повествовательные, ж) «истолкование» текста как вид рефлексии, поскольку «вера требует только понимания» (Бахтин 1986: 297).

«Христианизация» любого «созданного» книжного текста проявлялась в том, что его семантическая структура обязательно включала два уровня: буквальный смысл и небуквальный — духовный смысл, поскольку «историческая, то есть проходящая реальность

становилась в полной мере уяснимой только в свете реальности духовной, о которой свидетельствует Библия и другие богодухновенные священные тексты» (Пиккио 2003: 33). Со-бытие в тексте двух смысловых уровней выражалось в двух языковых пространствах — нецитатном и цитатном, при этом цитаты и реминисценции выполняли прототипическую функцию, позволяя понять конкретные исторические события в контексте событий духовных. Теологически сведущий книжник, составляя «христианизированный» текст, представлял теологически сведущему читателю систему авторитетных контекстов, призванных выразить определенную духовную стратегию. Между буквальным уровнем смысла и духовным уровнем смысла устанавливались отношения синсемии (Пиккио 2003: 34), поскольку оба смысловых уровня, выраженные в разном языковом материале, должны были свидетельствовать о единственной истине.

Императивами «христианизированной» славянской истории стали идеи «единства во времени и в духе», то есть идеи духовного преемства, «единства в пространстве и в сфере власти» и идея «святости как жертвенности» (Топоров 1995: 438). Так, текстовой фиксацией «вхождения Руси в пространство христианского опыта, связанного с явлением персонифицированной святости», стало «Сказание о Борисе и Глебе» (Успенский сборник 1971). Появление первых русских святых князей-братьев Бориса и Глеба осмыслялось на Руси как факт включения русской истории в священную историю и предполагало истолкование с позиции библейских прецедентов.

Семантическим центром текстового пространства «Сказания о Борисе и Глебе» явились прямые цитаты, раскрывающие смысл святости Бориса и Глеба, состоящий в свободном принятии любви, основанной на прощении и ведущей к самопожертвованию по примеру распятого Христа. Предложенный агиографом цитатный посыл позволял раскрыть смысл христианской любви как любви крестной и любви Воскресения и тем самым уяснить смысл святости Бориса и Глеба. Основной семантический блок ветхозаветных и новозаветных цитат, объединивших монолог и молитву Бориса, открывался Словом царя Соломона (Пр 3: 34) о смирении как пути достижения Благодати Бога, достижения любви. Следующее затем ключевое Слово апостола Иоанна (1 Ин 4: 18, 20), представленное и в монологе и в молитве Бориса, свидетельствовало о единстве любви человека к ближнему и любви человека к Богу, ибо, являясь действием Благодати в человеке, любовь возвращается к Богу через любовь к ближнему. И, наконец, фрагмент «гимна любви» апостола Павла (1 Кор 13: 4), представлен-

ный в молитве Бориса, утверждал любовь как духовную силу, без которой ничего не имеет цены в тварном мире, ибо человек, любя Бога, становится совершенным для вечной жизни (Запольская 2003):

Монолог Бориса	Молитва Бориса
<p>[пишетъ сѧ] гѣ гърдыимъ противить сѧ. съмѣренымъ же дакъть бѣгодать. (СБГ 9в 14–17 = Пр 3: 34, 1 Петр 5: 5, Иак 4: 6)</p> <p>[апслъ же] иже рече бѣ люблю а брата своего ненавидить лъжь късть. (СБГ 9в 17–19 = 1 Ин 4: 20)</p> <p>[и пакы] боѣзни въ любѣви нѣсть съвършенаѧ. любы вънѣ измещеть страхъ. (СБГ 9в 20–23 = 1 Ин 4: 18)</p>	<p>[по апслѡу.] любы все тѣрпитъ всемоу вѣроу кмлетъ. и не ницьтъ своихъ си. (СБГ 11в 19–22 = 1 Кор 13: 4)</p> <p>[и пакы] боѣзни въ любѣви нѣсть съвършенаѧ. любы вънѣ отмещеть боѣзнь. (СБГ 11в 19–22 = 1 Ин 4: 18)</p>

«Христианизация» книжных текстов мотивировала «христианизацию» церковнославянского языка, осуществлявшуюся на функциональном уровне посредством доминирования литургической функции, а на формально-семантическом уровне — посредством заимствования или калькирования иноязычных слов, связанных с ключевыми понятиями христианства, а также посредством внесения «новационного слоя в семантическую структуру старого слова» (Топоров 1995: 429, 432). Выражавшая «христианизацию» языка идеосемантика «чужих» и «своих» слов проявлялась и в их грамматических параметрах, а именно, в спецификации грамматических вариантов, то есть в характеристике в рамках оппозиции «сакральное/профанное». Сакральную субграмматику формировали имена и глаголы, правильное понимание лексической и грамматической семантики которых определяло правильное понимание основных богословских положений.

Формальную кодификацию идеосемантика получила в более позднее время — в XIV–XVII вв., когда наряду с образцовыми текстами начали функционировать метатексты — словари и орфографические трактаты, а также грамматики (например, грамматика Мелетия Смотрицкого *Грамматіки Блаженскіа правилное Сунтагма* 1619 г., ранее неизвестная рукописная грамматика 30-х гг. XVII в. — *Грамматіка доброгліваго и прострѣннаго словенского языка* (ГИМ, Син. 734), грамматические сочинения Федора

Поликарпова, — *Граммати́ка* 1721 г. и связанный с ней рукописный трактат *Хѣдожество грамматическое*, грамматика Федора Максимова *Граммати́ка Главенская* 1723 г.).

В разрешении основополагающего вопроса христианства о возможности познания человеком Бога восточно-христианская богословская традиция исходила из разделения божественной «сущности» и божественных «действий» («энергий») и утверждала идею непознаваемости Бога в его сущности, но познаваемости Бога в его «действиях», то есть в его проявлениях в тварном мире. Обращаясь к проблеме познаваемости Бога, богословы обращались тем самым и к проблеме именуемости Бога, ибо если Бог непознаваем в своей сущности, то он и неименуем в своей сущности, если же Бог познаваем в своих действиях, то он и именуем в своих действиях. В этом познавательном контексте славянская лингвистическая рефлексия была направлена на раскрытие, сохранение и трансляцию идеосемантики собственных библейских имен (см. подробно: Запольская 2007; Запольская 2008).

В центре внимания славянских книжников было имя *Иисус*, лингвистическая рефлексия над которым предполагала выявление идеосемантики и особого характера употребления этого имени применительно к Богу Сыну по сравнению с другими лицами Библии, то есть решение проблемы тезоименности. Согласно богословскому толкованию, имя *Иисус* становится именем Бога, только будучи наделено особой семантикой, поскольку многие носят имя *Иисус*, но один *Спаситель всех — Иисус Христос*.

Смотрицкий, рассматривая имя *Иисус* только как *пречѣстное х̣а Г̣да ѿма̣*, решал проблему тезоименности на уровне формантов, приводя нормативную парадигму, маркером которой являлись флексии в Д. ед. Имя *Иисус* получало в Д. ед. помимо стандартной флексии *-Ѹ* нестандартную флексию *-ови* и оказывалось грамматически соположено существительному *Г̣дь*, имевшему нестандартную флексию *-ѡви*, и тем самым противопоставлено всем остальным многосложным существительным мужского рода, имевшим только нормативную флексию *-Ѹ*: *Г̣исѸс/пречѣстное х̣а Г̣да ѿма̣/ѡвѡгда скланяетсѧ правилнѣ, Г̣с̣, Г̣с̣ а, Г̣с̣ Ѹ/ или Г̣с̣ ови, Г̣с̣ а, Г̣се, Г̣сомъ, ѡ Г̣с̣ѣ* (Смотрицкий 1619/1979, л. 56 об.). В составе именной формулы *Иисус Христос* имя *Иисус* могло не склоняться, что подчеркивало нераздельность номинативной единицы, выражающей суть христианства: *«сп̣с̣ителномѸ ѿмен" х̣с̣, припр̣ажено пребываетъ ѿногда нескланяемо ѡкѡ/ Имен": Г̣с̣ х̣с̣, Ро̣а: Г̣с̣ х̣ а,*

Да^т: Ꙗ̅с̅ х̅Ѹ, Вн^н: Ꙗ̅с̅ х̅а, Зва^т: ѿ̅ Ꙗ̅с̅ х̅Ѹ, Тво^р: Ꙗ̅с̅ х̅омъ, Ска^з: ѡ Ꙗ̅с̅ х̅Ѹ» (Смотрицкий 1619/1979, л. 56 об.).

Идея спасения, выраженная в имени *Иисус*, непосредственно соотносилась с идеей любви, поскольку, когда Бог послал «Сына Спасителем миру» (1 Ин. 4: 14), тогда явилась и любовь Бога, ибо «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8, 16). Стремясь выразить различие между любовью Бога и любовью человека, славянские книжники идеосемантически дифференцировали грамматические варианты существительного **любовь**, представленные в Им. ед.: форма **любы** употреблялась для выражения любви Бога, а форма **любовь** для выражения любви человека.

Смотрицкий использовал форму **любовь** в иллюстративных текстах, содержание которых относилось к состоянию человека: «**Существігелнаа недоумѣннагѡ знаменованіа.. ёгда дѣйство или притажаніе знаменѡют/ притажателным" сочиняют"сас Любовь молч ёгда же страданіе знаменѡютъ Родителны притажѡтъс Любовь мене**» (Смотрицкий 1619/1979, л. 209 об.).

Поликарпов в своем грамматическом трактате приводил примеры авторитетных текстов, в которых была представлена идеосемантическая оппозиция форм **любы/любовь**: «**Аще хощеши Ѹбо внити вжи³нь вѣчнѡю долженствѡеши вѣдати и хранити заповѣди его, чрезъ іаже показѡется любы бжїя и любовь ближяго**» (Поликарпов 2000: 139). Соответственно, в иллюстративных примерах для определения любви как человеческой добродетели Поликарпов использовал форму **любовь**: «**сїмена добродѣтелей, іакѡ, смиреніе, чистота, послушаніе, любовьс** (Поликарпов 2000: 289).

Идеосемантическую нагруженность получало и существительное *Слово*, когда обозначало Бога Сына, то есть приобретало функцию имени собственного. Согласно богословскому толкованию, Бог Сын называется *Словом* потому, что относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцом и потому что являет Его. Соответственно, лингвистическая рефлексия была направлена на проблему формальной дифференциации имени собственного и имени нарицательного. Славянские книжники использовали для регламентации употребления *Слова* как имени собственного и *слова* как имени нарицательного грамматические параметры — варианты парадигмы и особые флексии. Так, собственное имя получало формы косвенных падежей без форманта **-ес-**, а нарицательное имя употреблялось в косвенных падежах с формантом **-ес-** (Успенский 2002: 38). В грамматических позициях

В. ед. и 3. ед., в которых происходила нейтрализация парадигм, поскольку употреблялись только формы без **-ес-**, допускалось расширение состава нормативных формантов.

Смотрицкий представлял для лексемы «слово» нормативную парадигму ед. числа с формантом **-ес-**, однако сопровождал ее примечанием, в котором предлагал особое правило склонения имени собственного: в В. ед. наряду с флексией **-о** допускалась флексия **-а**, в 3. ед. наряду с флексией **-о** допускалась флексия **-е**. При этом Смотрицкий толковал флексии **-а**, **-е** как показатели мужского рода, что позволяло, во-первых, рассматривать *Слово* в одном грамматическом ряду с именами **Гѣдь/ Бгѣъ/ Ѡцѣъ / Снѣъ/ Дхѣъ** **С:** **Гс/ хс/ Спсѣъ** и, во-вторых, демонстрировать грамматическое тождество греческого и церковнославянского языков: «словесѡ, слѡво; словесѣ, словесѣ, слѡво, слѡво, словесѣмъ, словеси. **Слѡво:** ѣгда превѣчноѣ **Бга Ѡца Слѡво знаменѣтъ/винителный ѣ звателный сѣгѣвъ приѣлетъ, сѣ естъ срѣдня рѡда ѣ мѡжезка/ Слѡво ѣ Слѡва: Слѡво/ ѣ Слѡве»** (Смотрицкий 1619/1979, л. 52).

Автор анонимной рукописной грамматики представлял без объяснения для лексемы «слово» варианты парадигмы ед. числа, то есть без форманта **-ес-** и с формантом **-ес-**, при этом в В. ед. он приводил только флексию **-о**, а в 3. ед. только флексию **-е**, выделяя тем самым форму молитвенного обращения к Богу: «слово; слова, словесе; слову, словеси; слово; слове; словомъ, словесемъ; словѣ, словеси» (л. 39).

Поликарпов в грамматическом трактате также допускал для лексемы «слово» варианты парадигмы ед. числа, однако сопровождал парадигмы особым примечанием. В отличие от Смотрицкого он представлял для имени собственного только особые флексии в В. ед. и 3. ед., то есть флексии **-а** и **-е**, которые толковал как показатели одушевленности, что также позволяло рассматривать *Слово* в одном грамматическом ряду с именами существительными **Гѣдь/ Бгѣъ/ Ѡцѣъ / Снѣъ/ Дхѣъ** **С:** **Гс/ хс/ Спсѣъ**, однако указывало уже на грамматическую особенность церковнославянского языка по сравнению с греческим языком: «слово; слѡва, словесе; слѡвѣ, словеси; слѡво; слѡво; словомъ; слѡвѣ, словеси. ***Слѡво, ѣгда превѣчноѣ Бга ѡца слово знаменѣтъ, винителный, ѣ звателный, ѡбразом ѡдшѣвленнѣхъ полагаѣтся, ѣкѡ тогѡ слова, ѡ слове»** (Поликарпов 2000: 122).

Лингвистическое выражение идеи вневременного бытия Бога и временного бытия человека было «задано» славянам еще в X в. в

«Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского, составленного из переводов «Шестодневов» Василия Великого и Севериана Гавальского. Идея соотношения «вечности» и «времени» была представлена как оппозиция форм имперфекта, обозначающих состояние, не отмеченное в своем начале и конце, и форм аориста, обозначающих состояние, отмеченное в своем конце, экзистенционального глагола «быти» в Прологе Евангелия от Иоанна: «...**такоже и о спсѣ ѿианнѣ рече. вначалѣ бѣаше слово, и слово бѣаше Ѡ бѣ. и бѣ бѣаше слово, сице бѣаше в начало, животъ бѣаше, и жизнь бѣаше ѿ бѣ глѣ рече бѣаше, ѿ члвцѣ же быс рече**» (Шестоднев л.10а-10б=71-72). Впоследствии концептуально отмеченная формула «**ѿ бѣ глѣ рече бѣаше, ѿ члвцѣ же быс рече**» стала постоянным аргументом для положительного или отрицательного обоснования лингвистических опытов. Так, например, для оправдания введения Максимом Греком форм «-л + еси» в позицию 2 л. ед. вместо форм аориста Зиновий Отенский учитывал толкование Пролога Евангелия от Иоанна: «Сын же Божий едиnorodный всегда присно *есть*, а не *бысть*, яко Сын *бѣаше* всегда и не *бѣаше* никогда же, егда не *бѣаше*, но всегда *бѣаше* Сын у Отца Бога Сын едиnorodный». Напротив, для осуждения введения никоновскими справщиками тех же форм «-л + еси» как форм, обозначающих состояние, отмеченное в своем конце, инок Савватий также отсылал к толкованию, представленному в «Шестодневе»: «**ѿ бгословныхъ, гдрь, кнгахъ пишеть, яко бѣаше непредѣлая рѣчь при бѣ глется искони и присносущное, а бысть при члцѣ и при иныхъ тварѣхъ, отнележе наста что, обачѣ от начатка и то присносущное же. А былъ еси всегда глется мимошедшее, яко здѣ или ондѣ былъ**» (см. подробно: Успенский, Живов 1997).

Спецификация грамматической семантики глагольных форм указывала и на отношение человека к миру трансцендентному. Так, ситуация молитвенного обращения человека к Богу, то есть ситуация, когда **молебнo глѣтсѧ**, предполагала употребление не только форм императива, но и «перфектных» форм индикатива «-л + еси». «Исповедальный перфект», актуализировавший значение 2 лица, не только позволял снять омонимию по лицу, но и выражал «личное переживание мистического», «интимное молитвенное приобщение к вере» (см. подробно: Гаспаров 2003).

Ситуация повествования человека о Боге, когда **повѣдателно глѣтсѧ**, прежде всего ситуация «литургического» повествования, приводила к нейтрализации времени, выраженной формой настоящего времени. «Стоящее настоящее литургии», то есть настоящее оста-

новленное, обладающее «смыслом и прошедшего, и будущего» (Аверинцев 1997: 104) получило истолкование в грамматике Максимова: «Настѡщеѡ оубѡ частѡ, ꙗли всегда знаменуѡтъ бывати, а не ѡдиноѡ токѡмѡ въ немже ꙗразумѡваѡтъ прешѡшее и будѡщее время, ꙗкѡ хрѡтѡсъ раждаѡтъ, сирѡчь частѡ во стѡбѡ нашей црѡкви, въ воспоминаніѡ сегѡ несказаннаѡ таинства рѡжства еѡѡ, ꙗ не глѡмѡ прешѡшимѡ, занѡ сѡ ѡмѡетѡ тѡчию ѡдинѡ степенѡ но глѡмѡ хрѡтѡсъ раждаѡтъ, ꙗкѡ родисѡ, ꙗ родитѡ по лѡтъ таинственѡ во стѡбѡ нашей црѡкви» (Максимов 1723, л. 51–52).

Таким образом, идеологически заданная семантическая структура церковнославянских книжных текстов и идеосемантика языковых единиц являлись выражением базовых смыслов христианской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1997 — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.

Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Гаспаров 2003 — *Гаспаров Б. М.* Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 215–242.

Запольская 2003 — *Запольская Н. Н.* Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 483.

Запольская 2007 — *Запольская Н. Н.* Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // Имя. Семантическая аура. М., 2007. С. 137–150.

Запольская 2008 — *Запольская Н. Н.* Грамматика и субграмматика славянских литературных языков (XVI–XVIII вв.): теория и история норм // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2008. С. 197–223.

Максимов 1723 — *Максимов Федор.* Грамматика Славенская. СПб., 1723.

Пиккио 2003 — *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: литература и язык. М., 2003.

Поликарпов 2000 — *Поликарпов Федор.* Технологія. Искусство грамматики // Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Смотрицкий 1619 — *Граммати́ки Славѣнскіѧ правѣлноє Сѣнтагма Мелетіѧ Смотрискогѧ. В Сѣе. 1619* // *Смотрицький М.* Граматика. Київ. 1979.

Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. Первый век христианства на Руси.

Успенский, Живов 1997 — *Успенский Б. А., Живов В. М.* Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // *Успенский Б. А.* Общее и славянское языкознание. Избранные труды. М., 1997. Т. 3.

Успенский 2000 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка. М., 2000.

Успенский сборник 1971 — *Успенский сборник.* М., 1971.

Шестоднев 1998 — *Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского.* Ранняя русская редакция. М., 1998.

Zapolskaya N. N.

Church-Slavic Literature: «Christianization» of Text and Language

The article deals with the problem of ideologically marked semantic burden of Church Slavic texts and Church Slavic language.

Key words: *literature, Church Slavic language, semantic, ideosemantic.*

Ю. А. Артамонов, А. А. Гиппиус
(Москва)

Древнерусские надписи Софии Константинопольской

В статье дается общая характеристика средневековых славянских надписей-граффити собора св. Софии в Константинополе (Стамбуле). Почти все выявленные к настоящему времени надписи имеют восточнославянское происхождение и сделаны выходцами из Руси. Около половины из них относятся к домонгольской эпохе. Отдельные имена допускают идентификацию авторов граффити с лицами, упоминаемыми в летописях и иных источниках.

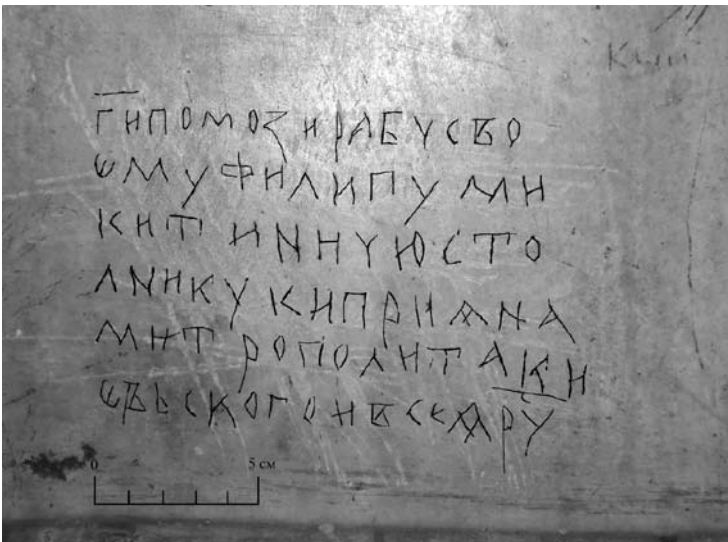
Ключевые слова: *эпиграфика, граффити, Константинополь, Софийский собор, паломничество.*

Надписи-граффити на стенах храмов — наиболее массовая разновидность древнерусской эпиграфики: именно в этой форме дошло до нас подавляющее большинство автографов жителей домонгольской Руси. В количественном отношении церковные граффити до последнего времени уступали лишь берестяным грамотам; но это отставание, как стало ясно благодаря новейшим разысканиям, было лишь следствием неполноты публикаций основных комплексов древнерусской храмовой эпиграфики: действительное количество надписей, сохранившихся на стенах Софийских соборов Киева и Новгорода, в несколько раз превышает число текстов, изданных в монографиях С. А. Высоцкого и А. А. Медынцева¹.

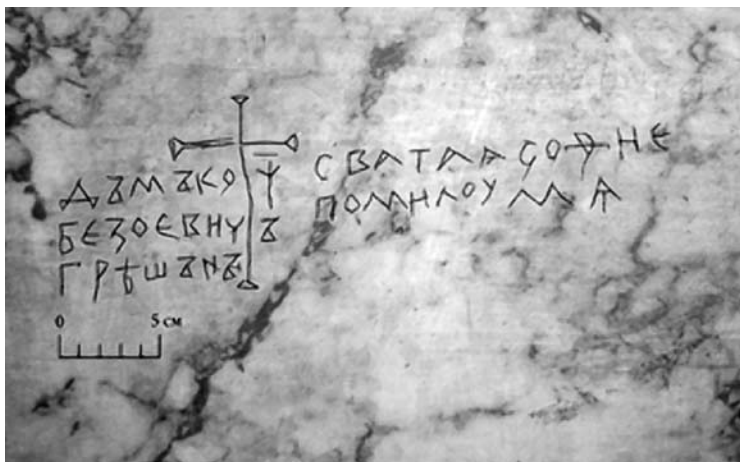
Неиспользованные ресурсы ожидают исследователей древнерусской эпиграфики и вне географических пределов Руси. Важнейшим из них, безусловно, является комплекс русских граффити Софийского собора Константинополя. Построенный в 532–537 гг. по распоряжению императора Юстиниана Великого храм св. Софии был первым из православных церквей Византийской империи и в этом качестве привлекал к себе паломников из разных стран «сдружества», в том числе из Руси. Посещение «святой Софии» было для древнерусского человека главной целью паломничества в Царьград. «Се азъ недостойныи... — писал в самом начале XIII в. новгородский архиепископ Антоний, — приидохомъ во Царьградъ. Преже по-

клонихомся святѣи Софѣи...»². Дьякон Троице-Сергиева монастыря Зосима, посетивший Константинополь в конце 1419 — начале 1420 г., свидетельствует, что по прибытии в город обошел все святые места, но первым делом («первое») «поклонихся святой великой церкви Софеи, идеже патриарх живетъ»³. Кафедральный собор Константинополя не могли, разумеется, миновать и те, кто посещал столицу империи не с собственно паломнической целью, но по делам: церковным, торговым, дипломатическим. Зримым свидетельством этих посещений являются надписи, оставленные выходцами из Руси на стенах, колоннах и балюстрадах собора.

До самого последнего времени русские средневековые надписи св. Софии в Константинополе-Стамбуле не становились объектом целенаправленного изучения. Хотя попытки привлечь внимание специалистов к этому источнику неоднократно предпринимались. В 1954 г. Кирилл Манго, отметив, что эпиграфика собора еще ожидает своего исследователя, опубликовал в прорисовке и прокомментировал надпись Филиппа Микитинича, стольника митрополита Киприана (1375–1406)⁴ (илл. 1). В 1977 г. тексты шести восточнославянских граффити привел в краткой заметке О. Горбач, без прорисовок и точного описания их местонахождения⁵. Еще одна надпись — Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима — была опубликована И. Калаврезу-Максайнер и Д. Оболенским на основе материалов съемки разноязыч-

Илл. 1. Надпись Филиппа Микитинича (прорись по фотографии).

Илл. 2. Надпись Домки Безуевича.

ных граффити собора, осуществленной в 1969 г. Робертом и Барбарой ванн Найс⁶. Издатели отнесли граффито ко времени посвящения смоленского епископа Герасима патриархом Иосифом II в сан митрополита Киевского и всея Руси, которое состоялось между 1 сентября 1432 и началом 1433 г. В 1999 г. пять ранее неизвестных русских средневековых надписей были опубликованы А. А. Алексеевым⁷. Таким образом, из публикаций до последнего времени было известно о тринадцати древнерусских надписях в св. Софии Константинопольской; из них только три были изданы в прорисовке.

Планомерная работа по выявлению, фиксации и описанию русских средневековых граффити собора св. Софии, проводимая авторами статьи с 2007 г., позволила значительно увеличить их число⁸. Всего на сегодняшний день выявлено более семидесяти таких надписей; их сводная публикация в настоящее время готовится к печати. В настоящей статье мы хотели бы остановиться на некоторых особенностях, определяющих своеобразие древнерусского эпиграфического комплекса Софии Константинопольской.

Хронологически русские граффити Царьграда (подчеркнем, что речь идет только о средневековых надписях) приблизительно поровну распределяются между ранне- и позднерусским периодами. По предварительной оценке, около половины выявленных граффити относятся к домонгольскому времени. Одной из древнейших по палеографии и языку является надпись на восточной стене центральной части южной галереи: «Дъмъко ѿ Безоевичъ гръшъны. Сватаго Соие, помилоу ма» (илл. 2). Одноеровая графика указывает на вре-

мя не позднее первой трети XII в. Архаичное отчество писавшего — *Безуевичь* (записанное с пропуском *у*) — соотносится с именем автора датируемого XI в. граффито № 102 киевского Софийского собора: «Гѣ помози рабоу своему Безуеви Иванъ отроку Добрынича»⁹.

В отличие от киевских и новгородских граффити, сделанных преимущественно местными жителями, все русские надписи Константинополя — автографы людей пришедших. Отсюда — относительно высокий удельный вес граффити, включающих указание на происхождение писавшего: «Стефанось роусинь диякъ», «Данилос из Новагорода из Нижнего» (отметим стремление писавших грецизировать свои имена), «Матфѣи попь галичьскыи», «Гѣ помози рабу бжюу Сѣстафию москвитину», «Георги вышегородць, Коурила, Тѣшька»; «Иванъ писалъ ...мы пришл[ы](и)¹⁰» (из (Костро)мы? (Ки-неш)мы?)¹¹.

С формальной точки зрения сюда же можно было бы отнести и надпись на колонне рядом с мозаиками в восточном конце южной галереи. Подобно надписи Домки Безуевича, она сделана при изображении креста и гласит: «Сватаа Софие! Гръчинъ ѡлъ». Очевидно, однако, что *Гречинь* здесь — не этноним, а прозвище русского человека. Из источников XII в. (к которому, судя по начертаниям букв, относится надпись) известен один носитель такого прозвища, который вполне мог бы претендовать на авторство граффито. Это знаменитый Олисей Петрович Гречин — новгородский боярин, священник и церковный художник, усадьба которого была исследована в 1970-х гг. на Троицком раскопе¹². Сопоставление летописных упоминаний с показаниями берестяных грамот позволяет считать его сыном боярина Петра Михалковича, в 1155 г. выдавшего дочь за князя Мстислава Юрьевича. Предполагается, что свое прозвище и профессию иконописца Олисей Петрович вынес из Византии, куда в 1162 г. направился изгнанный из Руси Андреем Боголюбским Мстислав Юрьевич и где его, несомненно, сопровождала жена, сестра будущего Гречина¹³.

Стоит заметить, что далеко не самое частотное на Руси имя *Олисей* также представлено в русской эпиграфике св. Софии. Мы находим его в ряду имен, перечисленных в замечательной надписи, сделанной на перилах самой правой балюстрады северо-западной экседры храма и датируемой второй половиной XII — началом XIII в.: «Гѣди, помъзи рабомъ своимо Иванови, Гюргеви, Костантинови и Олисееви и Олекосе постоаовоши на сихо мествхо, амино». Некоторые из авторов софийских граффити оставили в ней по два автографа (из уже названных лиц это Филипп Микитинич, нижегородец Дани-

ил и москвич Остафий). Вполне возможно, что и Олисей Гречин не довольствовался общей надписью с упоминанием его имени и сам расписался на колонне у мозаик, на этот раз обозначив себя прозвищем.

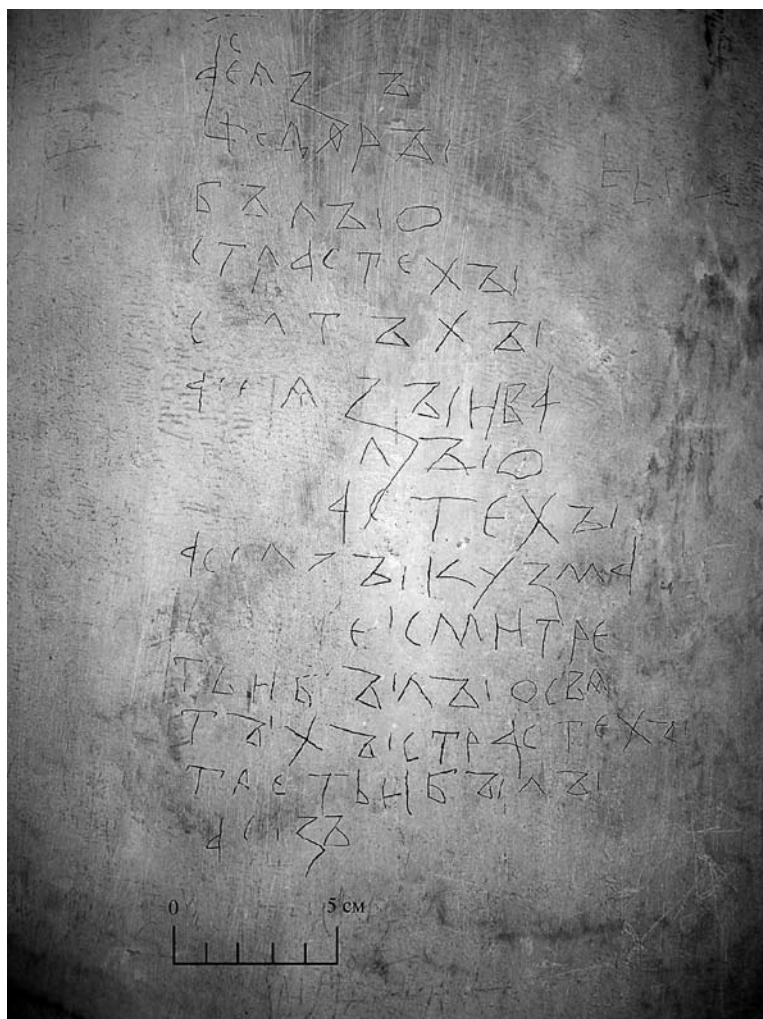
Только что процитированный текст может служить и яркой иллюстраций еще одной особенности древнерусских граффити Софии Константинопольской: заметную часть комплекса составляют коллективные надписи, называющие два и более имен. Из источников известно, что богомольцы и купцы редко отправлялись в далекий путь в одиночку — как правило, они объединялись в более или менее значительные группы: коллективное путешествие было и дешевле, и безопаснее. Помимо уже приведенных, такую практику отражают надписи домонгольского времени: «[Радък](о) Θ[ъ]ма Гео[р]ъги, геньвара...»; «Помани ги Ѳедора Съмена гръшьною», «Гѣ помози рабома своима [Доб]рославуо и Съ...»¹⁴. Особый интерес представляет граффито (также домонгольское), сделанное на той же балюстраде, что и надпись с упоминанием имени Олисея: «Василь ѱлъ Онаниче и Говена Марea греш(ен)аа тако [пъ]сал[а е]м[оу]». По всей вероятности, Василь Онаньич и Говена-Марья — супруги, и надпись является памятником их семейного паломничества в Царьград. Любопытно, что граффито, судя по формулировке, сделано женщиной, примеров чего мы практически не знаем на Руси, хотя данные берестяных грамот свидетельствуют о значительном распространении женской грамотности.

О коллективном посещении собора гостями из Руси говорит и тот факт, что отдельные древнерусские надписи довольно часто объединяются в группы. Такую группу образуют, в частности, четыре надписи, сделанные почерками XII — нач. XIII в. на паре «подсвечников», фланкирующих место императрицы в центре западной галереи, и находящейся к северу от них колонне. На северном подсвечнике читается уже приведенная запись Доброслава. На южном читаем: «гѣ пози (sic! вм. помози) рабоу своему именемъ Гостилови»; с двух сторон колонны сделаны надписи: «Завиде ѱал Данетин» и «Гѣ помози рабоу своему Иванови у стѣ». Диалектное окончание *-е* в имени *Завиде* показывает, что писавший был новгородец. Это позволяет трактовать фрагмент «устѣ» в записи Ивана как недописанное у *стѣ(и Софие)* с также новгородским окончанием прилагательного *-ѣи*. Недописанным осталось, по всей вероятности, и отчество Завида — *Данетин(ичь)*, а также имя спутника Доброслава, начинавшееся на *Съ-*. Тот факт, что из четырех надписей три остались незаконченными, позволяет думать, что писавших просто согнали с «престижного» места, не дав до конца реализовать амбициозного намерения. Ха-

рактерно, что никаких других надписей на колоннах и подсвечниках нет, при том что перила балюстрады в этом месте сплошь исписаны.

Самое крупное из объединений древнерусских надписей находится на широком подоконнике замурованного окна в восточной стене северной галереи и включает более двадцати граффити, палеографически и лингвистически датируемых второй половиной XII — началом XIII в.: «Лазоре Къстелевиче», «Михале Котеле», «Ивано Иванковиче», «Ивань Сониловичъ ѿ гѣ прости», «Станимиръ», «Добрына Судошин», и др. По всей вероятности, большинство надписей комплекса были сделаны одновременно, при посещении храма св. Софии большой группой русских паломников или купцов. Отражение цоканья («Грозил[а] (Гю)рге[в]иц-», «Васил(и)[и] И[ванковиц-») указывает на новгородское происхождение, по крайней мере, части писавших. В связи с этим обращают на себя внимание сделанные одна под другой надписи: «ѿ [С]ем[е]юн[о] Борисовиче» и «ѿ Гле[б]-[Бор] (исовичъ)». Семеном Борисовичем звали новгородского посадника, кратковременно занимавшего этот пост в 1219 г. и убитого в 1230 г. Под 1232 г. в летописи упоминается «Глѣб Сменовъ брат Борисович». Совпадение имен и отчеств делает довольно значительной вероятность того, что на подоконнике в св. Софии расписались именно эти известные летописи лица. Если так, перед нами свидетельство того, что собор продолжал посещаться выходцами из Руси и после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Из-за ограничений, налагаемых формуляром, конкретные обстоятельства, при которых делались надписи, почти совсем не находят отражения в текстах. Единственное исключение — большая четырнадцатистрочная надпись, сделанная почерком конца XIV– начала XV в. на северо-восточной колонне в западной части северной галереи: «А се азъ Федоръ былъ о страстехъ с(в)атыхъ. А се азъ Ива(нъ) былъ о [стр]астехъ. А се азъ Кузма [былъ] еси третьи, былъ о сватыхъ страстехъ, третьи былъ. А се азъ...» (илл. 3). Граффито состоит из трех частей, каждая из которых имеет характерный актовый зачин «А се язь...». По сути, она и представляет собой акт, засвидетельствовавший пребывание трех паломников — Федора, Ивана и Кузьмы — «у святыхъ страстей». Речь, несомненно, идет о реликвиях страстей Господних, хранившихся в Константинополе и бывших одной из главных целей паломников. Из источников известно, что во второй половине XIV в. реликвии святых страстей находились в монастыре св. Георгия в Манганах, но раз в год, в великий четверг, приносились в св. Софию для всеобщего

Илл. 3. Надпись Федора, Ивана и Кузьмы.

поклонения им. Так, автор Анонимного хождения в Царьград (конец XIII — начало XIV в.), описывая внутреннее убранство собора, свидетельствует: «Оттоле поидя (от центрального входа. — Ю. А., А. Г.) мало есть доска Ноева ковчега; на той доске покладают страсти господни въ великыи четверток: губу и трость и копие. Тогда бывает сход велик крестьян со всех сторон, знаменаются страстими господними, велико исцеление бывает больным, и приходящим бывает прощение грех и от бед избавление»¹⁵. Аналогичное свидетельство

имеется у Стефана Новгородца, посетившего Константинополь в 1348–1349 гг. Упомянув о своем приходе в город в «неделю страстную», он дает следующее описание увиденного в св. Софии: «И оттоле мало пошед видехом множество народа целующе страсти господни и възрадовахомся велми, зане бо без слез не мощно приити къ страстем господним». И далее: «И ту виде нас царев болярин, ему же имя Протостратарь, и допроводи ны до страстей господних бога ради, и целовахом грешнии»¹⁶. Очевидно, ту же возможность приложиться к святым реликвиям получили и трое упомянутых в надписи на колонне выходцев из Руси.

В отношении ряда текстов можно уверенно предполагать связь их появления с визитами в Константинополь высших иерархов русской церкви. Это в первую очередь уже упоминавшиеся надписи Филиппа, стольника митрополита Киприана¹⁷, и Якова Григорьевича, писаря митрополита Герасима. В подобных же обстоятельствах, но еще в XII в., была, скорее всего, сделана и весьма необычная надпись на балюстраде западной галереи: «[А]же кото придет семо, аже не молитесь митрополиту, а горь ему [п]олу(ч)[и](ти)». Текст угрожает горем тому, кто, придя на «это место», «не молится митрополиту». Форму дательного падежа здесь нужно, по-видимому, понимать в значении молитвы *за* митрополита. Смысл граффито, таким образом, в следующем: придя под своды св. Софии, русский паломник должен молиться о своем митрополите; если же он этого не делает и просит Бога лишь о самом себе и своих близких, то получит лишь горе.

Оригинальна по содержанию и надпись на стене, ограничивающей с запада балюстраду южной галереи. Она складывается из трех частей: инвокации «Г(оспод)и Б(ож)[e]» (слева), начала азбуки «а б в г д ж» (справа) и основной надписи (в центре), в которой писавший выразил свое нехитрое заветное желание: «Патрархъ (sic!) г(оспод)ине, пожалуй ма». Совсем рядом, в южном конце западной галереи, был вход в покои патриарха; надпись мог сделать кто-то из митрополичьей свиты, ожидавшей его аудиенции.

Особую категорию русских посетителей собора представляют две надписи, также находящиеся в западной части южной галереи. Одна из них сопровождает рисунок креста на второй (считая с востока) из колонн, поддерживающих свод экседры. Она сделана в редкой для граффити технике двойного контура, почерком XIV — первой половины XV века, и гласит: «Г̄и, помози рабоу своѣму Лоуеви б̄(ѣ)гл(у)». Второй текст прочерчен неподалеку на перилах балюстрады, вряд ли позднее начала XIII в.: «[ψ] Иваново бежениво». По-

видимому, второе и третье *в* написаны вместо *к* и следует читать: «[ψ] ивано<к>о бежени<к>о». Слово *бѣжьник* ‘беглый, беглец’ не засвидетельствовано историческими словарями русского языка, но имеется у Даля (с пометой «архангельское»). В Константинополь русские люди попадали не только как паломники, дипломаты и купцы, но и тем путем, о котором сказано еще в русско-византийском договоре 944 г.: «аще ускочить челядинъ от Руси, по не же приидуть въ страну царства нашего... и аще будеть и обрящеться, да поимуть и»¹⁸.

В заключение ответим на вопрос, неизбежно возникающий при обозрении славянских надписей Константинополя: почему практически все они квалифицируются нами как древнерусские? Оснований для этого два. Во-первых, все содержащиеся в надписях географические указания, равно как и упоминаемые в них исторические персоналии, связаны с Русью. Во-вторых, при наличии многочисленных языковых и орфографических русизмов (употребления *оу* в соответствии с этимологическим *о*, *а* в значении [ja], восточнославянских рефлексов редуцированных, эффектов «бытовой» орфографии со смешением *ъ* и *о*), а также новгородских диалектных черт (цоканье, окончание *-е* в И. ед.), маркированные южнославянизмы в надписях отсутствуют¹⁹. Это дает основание считать древнерусскими и нейтральные в языковом отношении тексты.

Единственное исключение лишь подтверждает правило. На северо-западной колонне центральной части южной галереи тончайшим пишущим инструментом сделана надпись (судя по почерку, XIV–XV вв.): «+Азь писа^х Нѣнчю^и граматикъ». Формула с местоимением 1-го лица и формой аориста совершенно не известна древнерусской эпиграфике (знающей лишь формулу *Х писалъ*), но хорошо представлена в болгарской. Для южнославянской традиции характерно и слово *граматикъ* как обозначение книжного писца-каллиграфа. Ср. тождественную по формуляру надпись из скального монастыря в с. Крепча XI в.: «Азь писа Герги граммати^к»²⁰. Похоже, впрочем, что автор граффито, пользуясь церковнославянским языком в его болгарском изводе, сам не был славянином: суффикс *-ул* в имени *Нѣнчуль* позволяет предполагать его молдо-влахийское происхождение.

Полное доминирование древнерусских текстов в кириллической эпиграфике Софии Константинопольской, несомненно, отражает особую интенсивность посещения собора в XI–XV вв. выходцами из Руси. С другой стороны, отсутствие в соборе ранних болгарских надписей (при многочисленности их на территории самой Болгарии) может объясняться эллинизированной раннесредневековой бол-

гарского общества: для двуязычных болгар естественно было, находясь в византийской столице, пользоваться греческим языком, и их автографы вполне могут находиться среди многочисленных грекоязычных надписей собора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. Ср. опубликованные выпуски нового издания киевских граффити: *Корнієнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2009. Ч. I; Київ, 2010. Ч. II; Київ, 2011. Ч. III. Нужно, правда, иметь в виду, что нумерация надписей в этом издании, уже перевалившая за две тысячи, включает и граффити, состоящие из одной или нескольких не поддающихся прочтению букв, простые кресты, ряды черточек и проч., что создает несколько искаженное представление о реальном приращении научной информации. По нашим собственным предварительным данным, полученным в ходе подготовки нового свода граффити Новгородского Софийского собора, общее количество надписей, содержащих по крайней мере одно однозначное слово, составляет примерно шесть сотен (против 253 текстов в издании А. А. Медынцевой). См. выборочные публикации новых находок: *Мухеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 1–2 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 91–102; № 3 (41). С. 74–84; *Гунтуц А. А., Мухеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 3 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- 2 *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников XII–XV вв. М., 2005. С. 221.
- 3 Там же. С. 297.
- 4 *Mango C.* Russian Graffito in St. Sophia, Constantinople // *Slavic Word*. № 10 (1954). С. 436–438.
- 5 *Horbatsch O.* Einige slavische Pilgerinschriften in der Hagia Sophia-Kathedrale in Konstantinopel // *Die Welt der Slaven*. 1977. № 22. S. 86–88.
- 6 *Kalavrezou-Maxeiner I., Obolensky D.* A Church Slavonic Graffito in

- Hagia Sophia, Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5, 1 (1981). С. 5–10.
- 7 *Алексеев А. А.* Русские граффити цареградской Софии // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. LI. С. 321–323.
 - 8 См. предыдущие публикации: *Артамонов Ю. А., Зайцев И. В.* «Аще кто поидет в Константинополе»: Русские люди в храме Святой Софии // Родина. 2008. № 7. С. 58–62; *Они же.* Новые источники о паломничестве русских людей в храм Св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008. М., 2008. С. 10–15; *Они же.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Вопросы эпиграфики. М., 2009. Вып. 3. С. 300–321; *Они же.* Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009. Материалы конференции. М., 2009. С. 19–29. *Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В.* Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии // Ruthenica VIII (2009). Киев, 2009. С. 227–243; *Они же.* Русские паломники «у святых страстей» (из эпиграфики св. Софии в Константинополе-Стамбуле) // Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–16 апреля 2010. Материалы конференции. М., 2010. С. 14–21.
 - 9 *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. С. 25.
 - 10 При передаче текстов в квадратные скобки заключаются частично сохранившиеся буквы, в круглые — чистые конъектуры.
 - 11 Первая надпись расположена на юго-восточной колонне восточной части южной галереи, вторая — на северо-западной колонне центральной части южной галереи, третья — на третьей (слева) балюстраде центральной части южной галереи, четвертая — на последней (слева) балюстраде западной галереи, пятая — на восточной стене, ограничивающей балюстраду восточной части северной галереи, шестая — на пятой (слева) балюстраде западной части южной галереи.
 - 12 *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

- 13 Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 11–25.
- 14 Первая надпись расположена на второй (слева) балюстраде западной галереи, вторая — на южной плоскости оконного проема восточной стены северной галереи, третья — на северном подсвечнике центральной части балюстрады западной галереи.
- 15 Малето Е. И. Антология хожений... С. 249.
- 16 Там же. С. 253.
- 17 Автор граффито со значительной вероятностью отождествляется с Филиппом, вдова которого, Федосья, обращалась в 1404 г. к митрополиту Киприану с просьбой разрешить ей жить вдовой в вотчине мужа, убитого холопами (см.: Артамонов Ю. А., Зайцев И. В. Три древнерусских надписи из храма св. Софии в Константинополе-Стамбуле. С. 27–28).
- 18 Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. С. 49–50.
- 19 Указание О. Горбача на болгарскую форму имени *Василий* в надписи «Василчо» (на перилах балюстрады юго-восточной экседры) — следствие ошибочного прочтения: в действительности надпись читается: ВАСИЛИОС (с конечным *с*, вынесенным над очерчивающей ее рамкой) и является греческой.
- 20 Popkonstantinov K., Kronsteiner O. *Altbulgarische Inschriften*. Bd. 1 (= Die slawische Sprachen. Bd. 36. Wien, 1994). S. 56–57. Приносим сердечную благодарность Т. В. Рождественской, указавшей нам на данную параллель и лично участвовавшей в прочтении этой и ряда других надписей.

Artamonov Yu. A., Gippius A. A.

Old Russian Inscriptions in the Hagia Sophia in Constantinople

The article presents an overview of medieval Slavic graffiti in Hagia Sophia, Constantinople (Istanbul). Almost all inscriptions found by now have East Slavic origin and were made by pilgrims, clerics and merchants from Rus'. About a half of them could be dated to the Pre-Mongolian time (11th — early 13th centuries). In certain cases the authors of graffiti can be identified with persons mentioned in Old Russian chronicles.

Keywords: *Old Russian, epigraphy, graffiti, inscriptions, Constantinople, pilgrimage.*

С. Г. Корзун
(Штутгарт)

Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения¹

В статье рассматривается роль Г. Гюйсена, немецкого просветителя, воспитателя царевича Алексея, в борьбе протестантов и католиков за влияние в России в эпоху Петра I.

Ключевые слова: *история церкви, посредник, Просвещение, Германия, Россия.*

Немецко-русские отношения в самых разных сферах были особенно интенсивными в эпоху раннего Просвещения. К этому времени с обеих сторон сложились естественные предпосылки для сотрудничества. Немецкое Просвещение проходило под знаком утверждения всемогущества разума и избавления человечества от религиозных предрассудков. Новое мышление явилось основой для экономического, социального и политического развития прежде всего в протестантских княжествах Германии в начале XVIII в. В распространении раннего Просвещения велика была роль университетов и академий. Их выпускниками стали в числе прочих ученые нового типа — самостоятельно и критично мыслящие личности, служащие делу общественной пользы. Количество издаваемых книг и журналов заметно возросло. Формы взаимодействия между учеными постоянно совершенствовались: они вступали друг с другом в переписку, искали встреч во время путешествий с познавательными целями. При этом национальные и религиозные различия не являлись преградой для завязывания контактов и обмена информацией².

Целенаправленной программой царя Петра I стала ориентация на Запад. Важным инструментом политики государя было формирование общественного мнения — не только в России, но и в Западной Европе. Посредством прессы и литературы он попытался изменить стереотипы, сложившиеся о России, или хотя бы направить их в позитивное русло. Чтобы достичь этой цели, Петр I привлек на русскую службу немецкого барона Генриха Гюйсена (ум. 1739 г.). Его наем состоялся в рамках Манифеста от 16 апреля 1702 г. о вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания и других привилегий. Наиболее массовой была вербовка

военнослужащих³. Но пример Гюйссена наглядно свидетельствует, что царю были важны и другие аспекты совместной работы с иностранцами.

Выходец из дворянской протестантской семьи немецкого города Эссена, Гюйссен обучался юриспруденции, истории, языкам и географии в разных университетах Европы (Дуисбурге, Кёльне, Лейпциге, Страсбурге). Он много путешествовал, набираясь опыта, служа, например, гофмейстером (воспитателем) при немецких дворах и заводя знакомства в ученой среде. Несмотря на многообещающие предпосылки, карьера Гюйссена на родине не сложилась из-за случайности: министр первого короля Пруссии Фридриха I (1701–1713) Эберхард фон Данкельман, чьих сыновей Гюйссен воспитывал в качестве гофмейстера, был смещен. После этого и к самому Гюйссену при бранденбургском дворе стали относиться с подозрением, а карьера при других дворах Германии казалась ему скучной и бесперспективной⁴.

Гюйссен прибыл в Россию в 1703 г. Сразу по прибытии он взял на себя обязанности воспитателя царевича Алексея и непосредственно пропагандиста России в немецкоязычных печатных изданиях. Будучи немецким просветителем, он весь свой опыт и полученные знания ставил на службу общественному прогрессу вне зависимости от того, где и кому он служил. Дело Петра I барон расценивал как вклад во всеобщее развитие человечества, посему хранил верность царю до конца его жизни. Деятельность Гюйссена не ограничивалась какой-то одной областью знаний или некоей единственной сферой их применения: он был полемистом, пропагандистом, гофмейстером, историком, а также дипломатом и юристом⁵. С 1710 г. Гюйссен был членом Берлинской академии наук. Но чем бы он ни занимался, барон оставался посредником между Россией и Германией, благодаря чему русско-немецкие отношения упрочивались и развивались.

Одна из самых интересных сфер деятельности Гюйссена — это посредничество между Россией и Германией в вопросах религии. Немецкие протестанты были заинтересованы в расширении границ своего влияния и попытались воспользоваться обещанной иностранцам свободой вероисповедания в России. Пиетисты — представители религиозного течения в лютеранстве — планировали выйти за рамки распространения своего влияния лишь на жившую в России немецкую диаспору и воздействовать также на русское население. Большой интерес к России проявил вдохновитель пиетистского движения Август Германн Франке (1663–1727), профессор богословия и основатель многочисленных благотворительных и учебно-воспитательных

учреждений в немецком городе Галле. Там в так называемом Сиротском доме, служившем центром всех прочих пиететских учреждений, печатались сочинения, имевшие отношение к России⁶.

Действовали пиетисты через своих живших в России соотечественников, одним из которых был Гюйссен. Эрнст Глюк (1654–1705), немецкий лютеранский пастор, руководивший гимназией в Москве, в 1704 г. уведомил Франке, что Гюйссен стал воспитателем царевича Алексея⁷. В свою очередь Гюйссен сотрудничал с немецкими учителями из гимназии Глюка. Один из них, Иоганн Вернер Паус (1670–1735), помогал Гюйссену при обучении наследника престола географии и истории⁸. В письме от 23 апреля 1721 г., адресованном Франке, Гюйссен описал достижения Пауса (после того как тот покинул Россию). В том числе он упомянул его переводы, например книги предшественника пиетизма Иоганна Арнда «Об истинном Христианстве»⁹, на русский язык¹⁰. От Иоганна Генриха Калленберга (1694–1760), теолога из окружения Франке и основателя Института иудаизма и магометанства (*Institutum Judaicum et Muhammedicum*) в Галле, Паус узнал об интересе к нему Гюйссена. В августе 1721 г. он объявил Франке о своем намерении вернуться в Россию, что вскоре и сделал¹¹. Паус умер в 1735 г. в Петербурге. Гюйссен поспособствовал и тому, чтобы другой учитель гимназии, пиетист Михель Богуслав Руттих (ум. 1727 г.), был освобожден из тюрьмы, куда его заключили по навету отца одного из учеников, Наумова¹².

В уже упомянутом письме Франке от 23 апреля 1721 г. Гюйссен сообщал из Петербурга: «У нас здесь теперь 4 немецких и 4 шведских и финских евангелических церкви, а также одна реформистская, где публично и в свободной форме отправляется богослужение»¹³. Ученый также лично переписывался с Иоганном Генрихом Калленбергом. Из их писем очевидно, что последний передавал Франке информацию, полученную от Гюйссена¹⁴. Из наброска письма руководителя Института иудаизма и магометанства Гюйссену следует, хотя детали не уточняются, что он просмотрел документы архива Готы и пришел к выводу, что уже герцог саксен-готский Эрнст I Благочестивый (1640–1674) планировал в XVII в. внести свой вклад в преобразование России¹⁵.

Гюйссен вел переписку и с Иоганном Готхильфом Фокеродтом, пиетистом из окружения Франке и Калленберга и членом Берлинской академии наук. С 1715 г. Фокеродт служил секретарем у Дмитрия Кантемира (1763–1723) — писателя, ученого-историка и государственного деятеля. Гюйссен и Фокеродт обменивались инфор-

мацией об общих знакомых и актуальных событиях. Русский двор Фокеродт охарактеризовал как «наполовину турецкий и наполовину валашский» и заметил, что иностранцам в России приходится преодолеть невероятные трудности¹⁶.

Гюйссен также выступил посредником в отношениях между Франке и Феофаном Прокоповичем (1681–1736). Он высылал сочинения этого сподвижника Петра I в Галле, например его панегирическую проповедь по случаю Полтавской победы 1709 г. Проповедь была напечатана на латинском языке в 1709 г. в Киеве и в 1711 г. в Лейпциге¹⁷. Один экземпляр напечатанного в Лейпциге издания, который принадлежал Гюйссену, попал сначала к Томасу Консетту, капеллану английской фактории в России, а затем к Франке в Галле¹⁸. Из письма Гюйссена к Консетту от 12 сентября 1728 г. очевидно, что Феофан Прокопович, который назван «нашим другом и всеобщим покровителем», находился в тесном контакте с иностранными протестантами¹⁹.

Одной из главных задач галльских пиетистов был перевод книги Арнда «Об истинном Христианстве» на русский язык и ее распространение среди русского населения. В 1735 г. по инициативе Феофана Прокоповича книгу перевел украинский студент-теолог в Галле Симон Тодорский. Но уже 9 декабря 1743 г. русское правительство запретило распространение и хранение этой книги в России. Также был запрещен перевод подобных книг теологического характера без позволения Синода и их ввоз в Россию²⁰.

С изменением внутривосточной ситуации в России и со смертью Феофана Прокоповича попытки ознакомить русское общество с учением пиетистов прекратились. Таким образом, и Гюйссен не был успешен в своем содействии землякам. Впрочем, его связи с немецкими пиетистами вовсе не отражают его стремления именно преобразовать Россию в религиозном плане. Он поддерживал связь со своими знакомыми и был им полезен, если мог быть полезным. Тем не менее его переписка и контакты с пиетистами отражают важные церковно-религиозные и культурно-политические тенденции эпохи раннего Просвещения.

Есть основания полагать, что именно Гюйссен вступился за протестантов, после того как в 1717 г. янсенисты из Сорбонны в Париже предложили Петру I объединение католической и русской православной церкви²¹. Хотя эта идея была отклонена царем в форме письменного ответа Феофана Прокоповича²², немецкие протестанты считали нужным настроить общественное мнение против католиков. Иоганн Франц Буддеус (1667–1729), профессор теологии в Йене, написал в

1719 г. возражение на латинском языке «Церковь Римская и Русская»²³, которое в том же году было напечатано на немецком языке как «Прояснение вопроса, есть ли надежда на объединение Римско-Католической и Русской церквей?» Буддеус заметил, что предложение Сорбонны в письменном виде и просьбу о его опровержении он получил от одного «знатного кавалера и почтеннейшего государственного министра одного великого государя»²⁴. Эта характеристика подходит Гюйссену, который к тому же был прекрасно осведомлен о событиях. В 1721 г. он предложил Франке переиздание сочинения Буддеуса на латинском языке. Он же писал, что размышления этого автора «очень понравились здешнему духовенству» (письмо направлено из Петербурга)²⁵. Таким образом, представляется вполне возможным, что он снова выступил посредником, способствуя повышению конкурентоспособности протестантов в их дискуссиях с католиками.

Эту же задачу ставили перед собой и братья Яблонские — Иоганн Теодор (1654–1731) и Даниэль Эрнст (1660–1741), одни из основателей Берлинской академии наук. Самое главное начинание Петра I заключалось, по мнению И. Т. Яблонского, в намерении обратить «своих бедных подданных, которые утопают во тьме незнания настоящего Бога», в другую веру, то есть в протестантство²⁶. Гюйссен держал Яблонского в курсе событий относительно осуществления его плана. Например, в 1724 г. он писал ему о смерти суперинтендента всех российских лютеранских приходов Бартольда Вагетиуса и о неосведомленности по поводу того, кто будет его последователем²⁷.

Гюйссен также посредничал и между Яблонским и Феофаном Прокоповичем. Особенный интерес представляли проповеди последнего. Одна из них — сочиненная по поводу смерти Петра Великого — в 1726 г. была напечатана по инициативе Гюйссена и Яблонского²⁸ на немецком языке без указания места печати и перепечатана в этом же году в Гамбурге²⁹.

Яблонский не мог оставаться равнодушным к сочинениям Стефана Яворского (1658–1722), своего идеологического противника и главного оппонента в вопросах церковной политики Феофана Прокоповича. В сочинении «Камень веры», впервые напечатанном в 1728 г.³⁰, этот приверженец консервативного направления в русской православной церкви выступил против протестантов. Они же сочли своим долгом вступить за единоверцев, а Гюйссен помог им разработать стратегию. Уже в 1729 г. опубликовал свою работу под названием «Апологетические письма» Буддеус³¹. Основу этого сочинения составляли отрывки из упомянутого произведения Стефана Явор-

ского, которые Буддеус получил от одного своего московского друга. Возможно, этим другом снова был Гюйссен, в переписке с которым Яблонский обсуждал «Апологетические письма»³².

Противники протестантов также не бездействовали. Испанский доминиканец Франсиско Бернардо Рибера в 1731 г. в Вене опубликовал сочинение «Антиапологетический ответ» в защиту католической церкви. В нем он упомянул, что «обезьяны-лютеране» обратились за помощью в Берлин к Даниэлю Эрнсту Яблонскому и попросили его продолжить борьбу против католиков³³. Яблонский, внук Яна Амоса Каменского (1592–1670), известный педагог и епископ Общины чешских братьев особенно подходил для этой роли. Его знали и ценили в протестантской среде. Яблонский был далек от пиетизма и стремился к объединению протестантских течений в общеевропейском масштабе, к сближению православных и протестантов³⁴. Он надеялся на то, «что с Яворским обратятся так, как он этого заслуживает, а русскую нацию и религию оберегут». Одновременно возражение Яблонского на «Камень веры» должно было, по его мысли, защитить евангелическую церковь, которая подверглась нападкам со стороны Стефана Яворского³⁵. В то же время автор не был оптимистично настроен по отношению к возможному воздействию его готовящейся книги. Он считал, что произведение Стефана Яворского уже впечатлило множество людей, так что опровержение представлялось ему не достаточно сильным для того, чтобы изменить их мнение. Да и публичный спор, который мог бы послужить поводом к перерастанию конфликта в открытую борьбу, казался ему опасным³⁶. Если опровержение будет объемным, рассуждал Яблонский, то толщина произведения может отпугнуть читателей. Если же оно будет кратким, то у читателей может создаться впечатление, что это всего лишь слабая попытка опровергнуть книгу Стефана Яворского.

Несмотря на колебания, Яблонский разработал план своего ответа на вызов, брошенный автором «Камня веры». Опровержение он планировал написать в форме диалога между вымышленными персонажами: одним архимандритом, сторонником Стефана Яворского, и одним евангелическим суперинтендентом. Выбирая между немецким и латинским языком, автор остановился на немецком, поскольку на нем «вещи могли бы быть описаны веселее и привлекательнее»³⁷. Он решил назвать книгу «Молот слова Божьего, который разбивает скалы»³⁸. Яблонский планировал поручить перевод своего сочинения на русский язык после его окончания и издание на этом языке в Сиротском доме в Галле³⁹.

Чтобы осуществить свой план, Яблонскому нужно было получить полный текст «Камня веры», в его же распоряжении были только отрывки. Яблонский надеялся на помощь Гюйссена и писал ему, что рад обещаниям со стороны последнего переслать ему желанную книгу⁴⁰. Проблема и в самом деле была решена с помощью Гюйссена: он переправил «Камень Веры» из России в Германию⁴¹, и Яблонский смог продолжить свою работу. Однако вскоре снова возникли проблемы: у издателя Иоганна Амбросиуса Хауде не было достаточного количества денег, к тому же издатель сомневался, можно ли будет сбыть книгу после печати⁴².

Опасения Яблонского не были беспочвенными. Ведь уже 19 августа 1732 г. русское правительство запретило печать и продажу произведения Стефана Яворского. Вскоре после этого Яблонский писал Гюйссену, что теперь наверняка и его возражение будет запрещено⁴³. Терзаемый сомнениями, он отложил наброски своего сочинения в сторону. Его опровержение книги Стефана Яворского так и не было завершено и напечатано.

Таким образом, в противостоянии между Феофаном Прокоповичем и Стефаном Яворским — внутренний вопрос Русской православной церкви — вмешались иностранные группировки протестантов и католиков. Для них это был подходящий повод для продолжения борьбы друг с другом и расширения своего влияния на Русскую православную церковь. Повод им был подан со стороны самих зачинателей спора: Стефан Яворский опирался на аргументы католиков в борьбе против Просвещения и ограничения власти Русской православной церкви со стороны государства. В протестантах же он видел инициаторов, распространителей и защитников Просвещения, а также виновников происходящего в плане влияния на Петра I. Феофан Прокопович же, в свою очередь, опирался на протестантов, особенно на немецких, проявивших в это время особый интерес к России. Этому развитию международных связей способствовал Гюйссен. Благодаря ему протестанты, хоть и не достигшие цели обращения русского народа в свою веру, смогли проявить себя как сильные, способные к контраргументации противники католиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Данная статья представляет собой главу из диссертации, подготовленной на историческом факультете Штутгартского университета. В 2012 г. планируется ее издание в формате книги «Ein Grenzgänger zwischen Deutschland und Russland: Heinrich Freiherr von Huys-

- sen (1666–1739) in der Epoche der Frühaufklärung» («Мигрант между Германией и Россией: барон Генрих Гюйссен (1666–1739) в эпоху раннего Просвещения»).
- 2 Ср.: Strukturen der deutschen Frühaufklärung 1680–1720 / Hrsg. von H. E. Boedecker. Göttingen, 2008 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 168).
 - 3 Манифест о вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания, 16 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). СПб., 1830. Сер. 1. Т. 4. № 1910. С. 192–195.
 - 4 Личный архив Питера Печауэра (Private Archive of Peter Petschauer, Boone, North Carolina). Huissiana III, H[einrich] v[on] Huysen's Selbstbiographie. S. 11–35.
 - 5 *Haven P. von*. Nachrichten von dem Baron von Huysen // Magazin für die neue Historie und Geographie. 1776. № 10. S. 317–326.
 - 6 Ср.: *Obst H.* August Hermann Francke und die Franckeschen Stiftungen in Halle. Göttingen, 2002.
 - 7 Письмо Э. Глюка к А. Г. Франке, 8.III.1704 г. цит. по: *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 373 (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik. 2).
 - 8 *Винтер Э. И. В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. 1959. № 4. С. 314.
 - 9 *Arndt J.* Vier Bücher von wahrem Christenthumb / Heilsamer Busse / Hertzlicher Rewe und Leid uber die Sünde und wahrem Glauben: auch heiligem Leben und Wandel der rechten wahren Christen. Magdeburg, 1610. В. 1–4.
 - 10 Письмо Г. Гюйссена к А. Г. Франке, 23.IV.1721 г. цит. по: *Winter E.* Halle... S. 397–399.
 - 11 Письмо И. В. Пауса к А. Г. Франке, 25.VIII.1721 г. цит. по: Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz: Handschriftenabteilung. Nachlass August Hermann Francke. K. 28/28:2 (далее: Nachlass Francke). Bl. 287r.
 - 12 *Winter E.* Halle... S. 172.
 - 13 Письмо Г. Гюйссена к А. Г. Франке, 23.IV.1721 г. цит. по: *Winter E.* Halle... S. 399.
 - 14 Письмо И. Г. Калленберга к А. Г. Франке, 12.II.1720 г. цит. по: Nachlass Francke (пагинация отсутствует).
 - 15 Проект письма И. Г. Калленберга к Г. Гюйссену, февраль 1720 г. цит. по: Archiv der Franckeschen Stiftungen Halle a. d. Saale: AFSt/H K 91c b. Bl. 138v.

- 16 Письмо И. Г. Фокеродта к Г. Гюйссену, 1.X.1717 г. цит. по: Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 183–184об.
- 17 *Prokopowicz T.* Panegyricus de celeberrima et paene inaudita victoria, quam Petrus I. totius Rossiae Monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus deo juvante reportavit anno Domini MDCCIX. Junii die XXII. [Leipzig, 1711].
- 18 *Winter E.* Halle... S. 117–118.
- 19 Письмо Г. Гюйссена к Т. Консетту, 12.IX.1728 г. цит. по: *Consett T.* The Present State and Regulations of the Church of Russia. London, 1729. Vol. 1. P. XIX.
- 20 О неприводе из-за границы печатанных в чужих краях на Российском языке книг, не освидетельствованных Синодом и о непереводе иностранных духовных книг без дозволения Синода, 9.XII.1743 г. // ПСЗРИ. Серия 1. Т. 11. № 8832. С. 960–961.
- 21 *Narratio de Sorbonnae conatu cociliandi Ecclesiam Magnae Russiae cum Ecclesia Latina* [Paris, 1717] // *Unschuldige Nachrichten von Alten und Neuen Theologischen Sachen/ Zur geheiligten Übung verfertiget von Einigen Dienern des Göttlichen Wortes/ Zweyte Ordnung auf das Jahr 1718.* S. 331–348.
- 22 *Antwort der russischen Bischöfe an die Professoren der Sorbonne von Bischof Theophan Prokopovič, [1718]* // *Winter E.* Halle... S. 358–359.
- 23 *Buddeus J. F.* Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis seu scriptum aliquod Doctorum quorundam Sorbonicorum Augustissimo Russorum Imperatori ad utriusque ecclesiae Unionem ei suadendam. Ienae, 1719.
- 24 *Buddeus I. F.* Erörterung der Frage ob eine Vereinigung der Römisch-Catholischen und Rußischen Kirchen zu hoffen sey? Durch Veranlassung einer Schrifft / welche Einige Lehrer der Sorbonne zu Paris Sr. Czaaris. Majestät Bey Dero hohen Gegenwart überreicht, und darin sie behaupten wollen / Daß beyde Kirchen gar leicht könnten vereiniget werden. Jena, 1719. S. 1–3.
- 25 Письмо Г. Гюйссена к А. Г. Франке, 23.IV.1721 г. цит. по: *Winter E.* Halle... S. 398.
- 26 Письмо И. Т. Яблонского к Г. Гюйссену, 1.V.1714 г. цит. по: *Winter E.* Die Brüder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonský und Russland // *Archiv pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského.* 1965. № 23. S. 126.
- 27 Письмо Г. Гюйссена к И. Т. Яблонскому, 10.II.1724 г. цит. по: *Winter E.* Die Brüder... S. 132.

- 28 Письмо Г. Гюйссена к И. Т. Яблонскому, 3.VI.1726 г. цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 141.
- 29 [*Prokopovič*] T. Rußlands Thränen, Oder Kurtze Nachricht vom Tode Petri des Grossen/ Kaysers über ganz Rußland, Samt Zweyen zu des Verstorbeneden Kaysers Liebe gehaltenen Reden. O. O., 1726.
- 30 [*Яворский*] С. Камень веры Православным церкви Святыя сыном, На утверждение и духовное созидание. Претыкающимся же о камень претыкания и соблазна, На востание и исправление / Под ред. Ф. Лопатинского. М., 1728.
- 31 *Buddeus I. F.* Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana contra calumnias et obtrecciones Stephani Iavorskii Resanensis et Muromiensis metropolitae ad amicum Moscuae degentem scripta. Ienae, 1729.
- 32 Письмо И. Т. Яблонского к Г. Гюйссену, без даты, цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 165.
- 33 *Ribera B. F.* Responsum ant-apologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias Joannis Francisci Buddei nomine evulgatas in orthodoxos latinos et graecos; quo, Petrae Fidei a Stephano Javorskio Resanensi metropolitae, &c. Ad evertendum Lutheri Pantheon jactae, repetitur ictus. Viennae, 1731. P. 204.
- 34 Ср.: Brückenschläge. Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung (далее: Brückenschläge...) / Hrsg. von J. Bahlcke, B. Dybaś, H. Rudolph. Döbel, 2010.
- 35 Gedanken des Daniel Ernst Jablonski zur Widerlegung von Javorskijs Fels des Glaubens, 23. Mai 1730 (далее: Gedanken des Daniel Ernst Jablonski...), цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 166–167.
- 36 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, без даты, цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 167–168.
- 37 Gedanken des Daniel Ernst Jablonski... S. 166–167.
- 38 *Schippa M.* Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das «Veränderte Russland» Zar Peters I // Brückenschläge... S. 230.
- 39 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, без даты, цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 167.
- 40 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, 18.I.1732 г. цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 169–170.
- 41 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, 7.VII.1732 г. цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 171.
- 42 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, 3.XI.1732 г. цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 172.
- 43 Письмо Д. Э. Яблонского к Г. Гюйссену, 8.XI.1732 г. цит. по: *Winter E. Die Brüder...* S. 174.

Korzun S. G.

Heinrich Huysen and the Struggle of Protestants and Catholics
for the Influence on Russian Orthodox Church
in the Epoch of Early Enlightenment

The article is concentrated on the role of H. Huysen, a German Enlightener, a tutor of Tzarevich Alexey, in the struggle of Protestants and Catholics for influence in Russia in the epoch of Peter the Great.

Key words: *history of the Church, mediator, Enlightenment, Germany, Russia.*

М. Йованович
(Белград)

Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция и перцепция

В тексте анализируются русско-сербские отношения в 1804–1878 гг. Особое внимание уделяется анализу различных представлений об этих отношениях в историографии вплоть до нашего времени. Также речь идет об их реконструкции, интерпретации и исторической проблематизации.

Ключевые слова: *Россия, Сербия, политика, традиции, перцепция.*

«Я сердит на русских. Так сердит и зол, что откажу в самой малой услуге Миличевичу, если увижу, что она поможет русскому. Если бы у меня было шесть месяцев на написание этого письма, я бы тебе доказал на фактах, что имею на это право, что у меня на душе становится тошно, когда я думаю о русских.

Сербия начала свою первую войну по приказу русских, а потом Сербия стала преступником из-за того, что воевала против воли русских. Сербия сгинула под Джунисом (Дьюнишкой. — *прим. пер.*)¹ из-за русских, из-за русской измены.

И поэтому, когда несчастье и трагедия Сербии коснулись России и заставили ее что-то предпринять, для русских сербы сами стали предателями, которые предают Сербию. Целых четыре месяца сербы противостоят отборным турецким силам, а царь великой России самым торжественным образом провозглашает их в Кремле малодушными трусами.

Разве можешь ты, Миличевич, и после всего этого думать о русских без гнева? Разве не потеряна народная честь — не то что до сердца, до самой души? Разве можешь ты и после этого желать, чтобы сербский князь награждал какого-нибудь русского? Разве можешь хотеть, чтобы твой Протич был посредником при награждении русского сербским орденом?» (Коста Протич² — Милану Миличевичу, 1878 г.).

«Поскольку мы немцев просили принять нас, не особо желая того, нам нужно отправиться и попросить об этом русских. Мы с ними — единоверные и единокровные. Они нам помогут. [...] Во имя Бога, пойдем, сядем на лодку, и когда доберемся, скажу я: „Вот,

как Колумб со своей дружиной бороздил синее море, чтобы найти Америку и познакомить ее с Европой, так и мы сегодня плывем по тихому Дунаю, чтобы найти Россию, про которую ничего не знаем. Не знаем даже, где она находится, знаем лишь то, что слышали мы в песне, что есть она. И хотим мы Сербию познакомить с Россией!“».
(Протоиерей Матия Ненадович³. Мемуары, 1804 г.).

Таковы два взаимоисключающих представления о русских и России — плохо скрываемая ненависть и искреннее разочарование Косты Протича из 1878 г. против гипертрофированной, идеализированной, почти набожной любви со стороны протоиерея Матия Ненадовича из 1804 г. Эти представления не только указывают на то, что в сербском обществе существует два противоположных представления о России, но и обозначают крайние рамочные границы периода от подавления Первого сербского восстания 1804 г. до Берлинского конгресса 1878 г., внутри которых сербско-русские отношения проходили через фазы глубокого перелома и преобразования. Возникает логичный вопрос: как эти крайности можно научно проблематизировать, понять и интерпретировать?

Интерпретацию сербско-русских взаимоотношений можно свести (как чаще всего и делается в историографии) исключительно на политический уровень. Действительно, на первый взгляд это может выглядеть логично, учитывая, что во многих случаях именно политика наполняла эти отношения содержательно. Однако поскольку это толкование сводится исключительно к политическим мотивам и интересам, а за основу берется политическая рефлексия времени, оно становится неумолимо простым. В действительности речь идет о гораздо более сложном феномене, который содержит в себе как элементы политического мышления и политической деятельности, так и не менее значимые культурные, духовные и общественные связи и контакты, которые с течением времени переросли в то, что в сербско-русских отношениях сейчас называется традицией. Говоря проще, сербско-русские отношения невозможно понять, если не принимать в расчет то, что речь идет о феномене, в котором логика политической деятельности и политического мышления тесно взаимосвязана со специфической сетью различных культурных, духовных и социальных связей и контактов, пронизанных идеями о реальной или вымышленной близости, представлениях друг о друге, основанных на конкретных или фиктивных событиях, замыслах и символах...

Только при осознании всей сложности содержания сербско-русских отношений можно понять, насколько часто их политическое

и общественное восприятие исключает рациональность и основывается на необоснованных эмоциональных реакциях, подобно той, что была у протоиерея Матии Ненадовича, заключившего, что «к русским» нужно обратиться, ведь «мы с ними — единоверные и единокровные, и они нам помогут». Реакцией такого рода был и гнев Косты Протича: «Я сердит на русских. [...] Разве можешь ты, Миличевич, и после всего этого думать о русских без гнева? Разве не потеряна народная честь — не то что до сердца, до самой души?».

Так что, если мы хотим целостно и на проблемном уровне разобрать всю сложность сербско-русских отношений, нам необходимо иметь в виду несколько факторов. Первым фактором являются различные сознательные дискурсы, с высоты которых эти отношения чаще всего рассматриваются и истолковываются. Далее следует комплекс из различных исторических контекстов, внутри которых формировались русско-сербские отношения. Наконец, третьим фактором являются способы, с помощью которых эти отношения можно концептуализировать.

Сербско-русские или русско-сербские отношения? Три дискурса. Даже когда понимание и интерпретацию сербско-русских отношений сводят исключительно на политический уровень — это еще не значит, что их можно объяснить с помощью лишь одного единственного дискурса. Совсем наоборот. Существует как минимум три различных дискурса понимания и интерпретации сербско-русских отношений. В первом речь идет о так называемом «сербском дискурсе», то есть о перцепции и толковании сербско-русских отношений в сербской среде — в сербском обществе, сферах политики и науки, фокусирующих свое внимание на сербской политике и сербских интересах. В противоположности к сербскому находится «русский дискурс» — восприятие русско-сербских отношений через призму российской политики и российских интересов. Наконец, существует «дискурс третьей стороны», подразумевающий изучение этих отношений заинтересованной третьей стороной из Европы или с Балкан, которая в фокус своих интересов, как правило, ставит изучение российской вовлеченности в балканские дела и сербской реакции на нее. Третья сторона утилитарно сопоставляет эти явления со своими государственными интересами с целью формирования по отношению к русско-сербским взаимоотношениям собственной государственной политики.

Но даже эти три различных дискурса, для нужд данной статьи выделенные весьма схематично, не являются ни когерентными, ни

единственными. Например, сам «сербский дискурс» выражается как минимум через две постоянно существующие системы взглядов: русофильскую и русофобскую (которые при всем этом имеют целый спектр различных нюансов, проистекающих из разных исторических контекстов). К тому же, стоит отметить еще одно, весьма важное для периода 1804–1878 гг. явление. Несмотря на то, что обычные будничные представления сербского народа, разделенного на сербов из Сербии и сербов из Габсбургской монархии, в основном совпадали, особенно в сфере официальной культурной продукции, появление которой прежде всего в Вене зависело от разных политических факторов, отношение к России не было одинаковым.

Конечно, нужно констатировать, что стремление рассматривать сербско-русские отношения объективно, присуще в основном науке. Но даже практическое объяснение научных результатов в значительном количестве случаев искажалось через различные дискурсы. Насколько «сербский» и «русский» дискурсы могут между собой различаться, ярко иллюстрируют примеры различного политического восприятия сербско-русских отношений в 1804–1878 гг.

Россия в «сербском дискурсе» часто изображается одним из ключевых или ключевым партнером, который в зависимости от интерпретации либо постоянно должен помогать, либо постоянно мешает. В радикальных интерпретациях Россия применительно к сербским жизненно важным политическим и национальным интересам либо «должна и может помогать», либо представляет «серьезнейшую угрозу». В период с 1804 по 1878 г. жизненно важная цель состояла в освобождении от Османской империи. Так что в сербском дискурсе восприятия политических реалий времени Россия занимала одно из ключевых мест. По этой причине и возникали нередко чрезмерно эмоциональные реакции на конкретные политические действия, события и решения.

Российский же внешнеполитический дискурс был гораздо более разнообразным и куда более рациональным. В российском понимании политики того времени Балканы представляли собой единую и очень важную зону реализации внешнеполитических планов, интересов и амбиций. Российская политика на Балканах была так же активна, как и в Польше, в Азии, на Кавказе, в Персии, в черноморском регионе и т. д. Очевидно, что при таком разнообразии политической и дипломатической активности российский дискурс не мог быть сфокусирован исключительно на Балканах или тем более на Сербии. Также очевидно, что российская внешняя политика никак не могла быть осмыслена и

реализована, будь ей присущ кругозор, существовавший в то время у сербской внешней политики. Очевидно, что российская дипломатия не могла заниматься одним лишь «сербским вопросом», как и одним общебалканским тоже. Принимая это в расчет, легко можно понять, почему представление России о данном регионе (в частности, о Сербии) имело в тот период множество нюансов, было гораздо более рациональным и нередко откровенно патерналистским.

То, что сербско-русские отношения можно объяснять посредством нескольких дискурсов, уже давно отмечено в историографии. Насколько сильно несоответствие между ними выражается в научных работах, можно судить хотя бы по проблеме определения хронологических рамок, внутри которых эти отношения можно рассматривать. Например, чем чаще в науке анализируются уже ставшие традиционными хронологические рамки 1804–1878 гг., тем очевиднее, что, если следовать государственной и дипломатической логике, то получается, что эти хронологические рамки полностью применимы только к сербскому дискурсу. Так, начало в 1804 г. Первого сербского восстания символизирует начало борьбы сербов за независимость от Османской империи и за создание собственного государства. Также в этом году руководство сербских повстанцев организовало и первое серьезное посольство — отправило в Россию дипломатическую миссию во главе с Матией Ненадовичем. В контексте проблемы государственности 1878 год стал для Сербии годом обретения независимости на Берлинском конгрессе. В дипломатическом контексте это был год политически сконструированного Россией Сан-Стефанского договора, который в Сербии единогласно считается антисербским. Это также был год все того же Берлинского конгресса, на котором случился еще один дипломатический разлад Сербии и России... В то же самое время в русском дискурсе хронологическая граница 1804–1878 гг. не имеет под собой ни политической, ни дипломатической основы. В политическом смысле гораздо более приемлемы рамки 1801–1881 гг. (восхождение на престол Александра I и убийство Александра II). Что касается дипломатических отношений с Сербией, то здесь следует говорить о периоде 1807–1876 гг. Так, в 1807 г. в восставшую Сербию прибыло первое русское посольство К. К. Родофиникина и были совершены первые совместные военные акции (миссия генерала Исаева), а 1876 год стал годом вступления русских добровольцев в Сербо-турецкую войну.

Несовпадение также можно обнаружить при анализе роли, которую в течение XIX в. играла Россия в сербском дискурсе или Сербия

играла в российском. В 1804 г., когда протоиерей Матия Ненадович отправился с дипломатическим визитом в Россию с убеждением, что русские — «единоверные и единокровные» и что «они нам помогут», митрополит Стефан Стратимирович обратился в письме к императору Александру I со словами о том, что «нет народа под сводом небесным, который бы такую любовь и склонность имел к русским и русскому императору, какую имеет восточного православного исповедания народ сербский», и с мольбой, чтобы русский царь обратился к турецкому султану «указанные земли, заселенные сербами [...] под независимость и защиту России отпустить, с гарантией того, что русский царь провинции турецкие в Азии, которые от султана как раз отделяются, ему гарантирует и пообещает также любую помощь и содействие при освоении новых областей». Пока сербская депутация еще находилась в пути, епископ Бачский Йован Йованович от «имени сербской нации» отправил практически идентичное прошение императору Александру I, в котором говорилось, что «нация сербская, чтобы не было сие противоположно политике, возлюбив геройство дорогого брата Вашего Императорского Величества, Великого Князя Константина Павловича, подносит ему царский лавровый венок и корону Великого Царя Стефана Душана Неманича сербского, его престол, его скипетр и царство, чтобы Сербия навсегда стала одним телом с Россией».

Это наивное восприятие политики (которое, к сожалению, со временем стало одной из констант в сербском понимании своей политической роли и политического мировоззрения), в котором сербы в поисках помощи, поддержки и протектората готовы подсказать России, как ей нужно вести свою политику, что требуется и может быть сделано для того, чтобы российские интересы были учтены, не сочеталось и не могло даже приблизительно сочетаться с российским пониманием политических реалий на Балканах в начале XIX в. Это наглядно показывают хотя бы те инструкции, которые командующий русской Молдавской армии И. И. Михельсон дал 16 июня 1807 г. специальному посланнику К. К. Родофиникину, собиравшемуся в Сербию. Они показывают, насколько другим, гораздо более широким и всеохватывающим, был дискурс, в котором рассматривалось сербское восстание и предполагаемая роль Сербии в дальнейшей российской политике на Балканах. «Пребывание Ваше между сербами цель имеет [...] дать народу тому руководство к образованию внутренней власти его [...] одной из важнейших задач Ваших в Сербии должно стать [...] собиране истинных сведений и разумений о чис-

ленности народа, который оружие носит и носить может, о прямых склонностях [...] завоевание среди народа доверия повсеместного и оставляющего влияние понимания о бедах, коим он подвергнут быть может, если останется над ним власть Порты Оттоманской или если попадет он в сети французские; укрепите надежды первых людей народных в силу высочайшего покровительства народа российского над сербским, как единоговерного [...] высочайшая воля Государя Императора в том состоит, чтобы по получении уверенности в полной приверженности сербов к престолу российскому я мог приятнее и вернее действовать с армией, вверенной мне высочайшей инстанцией, поставив себя в контакт непосредственный с Георгием Черным (Карагеоргий. — М. Й.), а через него — с армиями русскими около Далмации и на побережьях ее...».

Еще более откровенное, если не сказать циничное, понимание роли сербов и Сербии можно увидеть в доводах, которые К. К. Родофиникин приводил в переговорах с Карагеоргием в связи с внутриполитическими сербскими спорами, связанными с так называемой «австрийской партией» и «фанариотским заговором»⁴: «Что касается продажи Сербии, уверяю, никто за вас не даст и ломаного гроша, так как без решения ведущих европейских держав никто не купит вас, а когда они решат отдать вас тому или другому, никто у вас ни совета, ни согласия просить не будет, ведь знают они, что в этом деле вы ни одно препятствие представить не можете, так как Сербия для великих держав значит ровно столько, сколько капля значит для моря».

Гораздо более широкое понимание современной политической ситуации, составлявшее твердую основу российских интересов, сопровождалось крайне сдержанной рациональностью, которой проникнута пометка князя А. А. Прозоровского в донесении К. К. Родофиникина от ноября 1808 г.: «Обновление старых границ Сербии в свете нынешних обстоятельств нахожу я невозможным, а требования эти могут нанести даже вред интересам Государя Императора в получении границы российской на реке Дунай».

Эта двойственность дискурсов латентно присутствует в сербско-русских отношениях на протяжении всего XIX в. Она хорошо узнаваема и в положениях, изложенных в письме Илии Гарашанина⁵ неизвестному французскому приятелю от 1866 г.: «Следует ли продолжать о Папе, Мухаммеде или Москве? Думаю, следует, ведь все это — три зла, которыми сейчас интересуется весь свет, так почему ими не должны интересоваться и мы, то есть те, кто в общем друг с другом согласны, но имеют разногласия в видении способов, которые

точно нас от этого зла уберегут. [...] Вы знаете, мой дорогой друг, что я — не последний среди тех, кто начал осознавать опасности, исходящие из России. [...] Поверьте, дорогой друг, что если христианам Востока выпадет несчастье пойти вместе с Россией, это будет не их ошибка, но ошибка нынешней западной политики, которая, боюсь я, обнаружится тогда, когда будет уже поздно...».

Также ее можно увидеть и в высказывании Живоина Жувича⁶ от 1868 г.: «Наш народ чувствует и осознает свое родство с русскими. Это родство идет не только от одной веры — наш народ знает и признает, что родство заключается еще в чем-то — в одной крови или, как говорят, в единоплеменности. Наш народ знает, что мы и с греками одной веры, но эта вера несколько не делает нас родственниками греков — грек для нас — то же самое, что венгр, англичанин или кто-то другой. [...] Все иностранные туристы, путники, приехав в Сербию по каким-то научным или культурным делам, отметили эту сербскую любовь по отношению к русским. Жаль только, что истолковали эту любовь они совсем иначе. Сами русские грешили этим больше, чем кто-либо еще. А все потому, что приезжали они в Сербию и путешествовали по ней не как *интересующиеся* тем, что в ней творится, а как *искатели* того, что необходимо им...».

На фоне этого высказывания красноречиво выглядит разговор русского путешественника В. П. Мещерского с митрополитом Михаилом в канун Восточного кризиса 1876 г.:

— Возможно ли, что Россия не вступит в это дело? — спросил митрополит.

— *Мне кажется, что о срочном вступлении России не может быть и речи.*

— А когда оно произойдет?

— *Однажды.*

— А до этого времени мы не погибнем?

— *Нет, не погибнете, но судя по тому, что я здесь вижу и слышу, вы смотрите на сегодняшние события иначе, чем мы. Мне кажется, что сейчас мы находимся лишь в прологе большой драмы, в то время как вы уже ожидаете эпилога [...].*

— А не может ли быть так, по Вашему мнению, что Россия не сдвинется с места?

— *Думаю, что нет, и думаю, что суть не в этом.*

— А в чем же?

— *В том, насколько искренен ваш вопрос. Для меня это намного важнее. Россия умеет исполнять свои обязательства, но поскольку*

я в Белграде первый раз, меня мучает вопрос: кто мы для вас — братья или иностранцы [...].

Другой важный момент в понимании сербско-русских отношений, даже когда речь идет исключительно о политической сфере, заключается в том, что их нельзя интерпретировать, не принимая в расчет широкий контекст балканской и европейской политики того времени. Русско-сербские отношения выстраивались в рамках различных политических и дипломатических контекстов, которые как сплетались друг с другом, так и взаимно друг друга исключали.

Исторические контексты русско-сербских отношений в 1804–1878 гг. Так, например, сербско-русские отношения очень тяжело или практически невозможно объяснить, не зная контекста взаимоотношений ведущих европейских держав по вопросу «больного на Босфоре» — Османской империи и ее возможного будущего. В широком контексте этот вопрос включал в себя и решение проблемы балканских христиан. Тяжело понять логику взаимоотношений, не принимая в расчет общеевропейский контекст сближения, союзничества и противоборства России с другими европейскими великими державами. Говоря проще, в балканском случае речь идет о взаимоотношениях внутри политико-дипломатического треугольника России, Австрии и Османской империи. Эти взаимоотношения имели свою внутреннюю динамику и логику, которая всегда расходилась с логикой сербско-русских отношений и тем более с логикой сербских внешнеполитических амбиций и планов. Но они были частью общеевропейской политики, в которой французские, британские и прусско-немецкие интересы и амбиции переплетались, противоречили и открыто противостояли политике Санкт-Петербурга, Вены и Порты (вспомним, например, Греческую революцию 1821 г. или Крымскую войну 1853–1856 гг.). Также сербско-русские отношения тяжело понять, не принимая в расчет проблему российской и последовавшей за ней австрийской политической, военной и дипломатической вовлеченности в события на Балканах, равно как и проблему столкновения России с другими европейскими державами, прежде всего с Британией и Францией, ставшего следствием российского стремления установить свой контроль над проливами. Все эти контексты неминуемо отражались на разрешении «сербского вопроса», который, то становясь актуальным, то отходя на второй план, зависел от них напрямую.

Преобразования как на Балканах, так и в этих рамках русско-сербских отношений, разворачивались на протяжении этого периода

на фоне многоступенчатой трансформации европейского политического пространства, начавшейся с Великой французской революции. Наполеоновские завоевания полностью преобразовали европейский континент, сделав возможным распространение базовых идей Революции. Хотя после окончательного поражения Наполеона под Ватерлоо в 1815 г. показалось, что политический радикализм оказался вытеснен созданием «Священного союза»⁷, вопреки надеждам консерваторов это был всего лишь один из многих «переломов» в трансформационных процессах «долгого» XIX в. За ним последовали новые, настолько же радикальные, общественные переломы 1830-х гг., а затем 1848–1849 гг. Это одновременно было время как радикального разрыва с прошлым, так и время отпора радикализму, выраженного в стремлении к возвращению в общественно-политическую жизнь традиционных ценностей и реставрации пошатнувшихся устоев.

На общем фоне изменений, происходивших в европейском политическом пространстве, все более заметным становилось вытеснение Османской империи на юго-восток Европы и появление новых европейских держав. В какой-то степени это относилось к Италии, но прежде всего речь, конечно, шла о Германии — двух государствах, появившихся на волне романтизма и национализма с завершением объединения раздробленных ранее территорий. В результате к концу этого периода, список столиц, в которых создавалась европейская политика, состоявший из Лондона, Парижа, Санкт-Петербурга и Вены, пополнил еще и Берлин. Символом этой трансформации стал 1878 год: именно в Берлине, под председательством Отто фон Бисмарка, состоялась великая европейская конференция, на которой решилась судьба Балкан, и Сербия получила независимость.

Также в то время разворачивался еще один, исключительно важный процесс, серьезно влиявший на генеральное направление европейской внешней политики. Речь идет о смещении центра политической силы. Переход пальмы первенства к революционной Франции, с последующим после поражения Наполеона возвращением в столицы традиционных европейских сил, а затем очередное смещение после 1830 и 1848 гг. — данная дисперсия политической силы на различные центры принятия политических решений сопровождалась одним важным политическим феноменом — на европейской политической авансцене появились две новые политические категории, которые стремились не только занять свое место в политической иерархии, но и создать свой представительный орган власти. Речь идет о так называемом «третьем сословии» и о нации. Политические дела

перестали быть привилегией традиционных аристократических кругов и государственных институтов XVIII в. — двора, церкви и т. д., политическая сила стала распространяться на такие новые факторы, как парламент.

Все эти преобразования оказывали воздействие как на внутреннее развитие России, так и на сербскую политику. Россия прошла через эпоху глубоких перемен, несмотря на то, что по внешним признакам политического устройства это наблюдалось с трудом. В XIX в. Россия находилась на пике своей политической мощи, о чем ярко свидетельствует прозвище «европейский жандарм» времен «Священного союза». Внешнеполитическая деятельность велась на всем пространстве ее границ — от Швеции, через Париж, Польшу, Балканы и Средиземноморье, до Персии, Туркестана и Дальнего Востока. При этом Россия переживала и кризисные времена — например в 1812 г., когда была вынуждена оставить Москву Наполеону, или во время Крымской войны 1853–1856 гг. К тому же, хотя яркий внешнеполитический блеск приносил России на европейском континенте престиж и имел большое значение на Балканах, внутри государства происходили драматические потрясения.

Действительно, Крымская война указала на существование глубоких противоречий, наличие политического и общественного кризиса, на неэффективность функционирования позднефеодального общественного устройства. После завершения войны общество внутри страны стало оказывать серьезное давление по вопросу освобождения крепостных крестьян и требовать отхода от прежних социально-экономических взаимоотношений. На этом фоне происходило зарождение и развитие радикальных революционных идей и движений, что, в конечном итоге, в 1881 г. прервало жизнь самого императора Александра II.

Активизация сербской политической жизни началась еще в конце XVIII в., во время последней Австро-турецкой войны 1788–1791 гг., когда произошло обновление надежд жителей Белградского пашалыка, массово сражавшихся на стороне Габсбургов в рядах фрайкора⁸, на освобождение от османской власти. Но через десять лет после заключения закончившего эту войну Систовского мира 1791 г. в обществе начались волнения. Они стали реакцией на произвол местных османских феодалов и командующих нерегулярных турецких формирований, на их неповиновение центральной власти, находившейся в Стамбуле, и на акты мщения по отношению к видным представителям сербского народа. В конечном итоге это при-

вело к началу в Белградском пашалыке Первого сербского восстания (1804–1813 гг.). Восстание со временем переросло рамки бунта против нестабильности и террора и приняло характер революции, борьбы против центральной власти. Впервые после 1459 г. сербский народ в течение восстания сумел военным путем освободить некую когерентную территорию и сформировать после многовекового перерыва собственную верховную власть.

Вскоре после подавления Первого сербского восстания в 1815 г. началось Второе сербское восстание. Военное противоборство было непродолжительным, но благодаря мудрой внешней политике восставших оно быстро переросло в поступательный и продолжительный процесс обретения национальной самостоятельности. В следующие 63 года Сербия из восставшей области Османской империи превратилась по султанским хатт-и-шерифам⁹ 1830, 1833 и 1838 гг. сначала в полунезависимое княжество, а затем, на Берлинском конгрессе 1878 г., и в независимое государство. В следующие десятилетия после обретения независимости сербское государство произвело бурную экспансию, расширив свою территорию за счет турецких владений более чем в два раза.

Трансформация европейского политического пространства и глубокое преобразование как Сербии, так и России, оказали на сербско-русские взаимоотношения значительное влияние.

Сербско-русские отношения 1804–1878 гг. Реконструкция.

Если при анализе сербско-русских взаимоотношений исследователю удастся сфокусироваться на реконструкции непосредственно политических событий и дипломатических отношений и избежать привлекательной западни, в которую так часто попадает традиционная историография, которая, занимаясь вопросом русско-сербских отношений 1804–1878 гг., на самом деле предоставляет краткое изложение истории восставшей Сербии, то он заметит, что чисто на фактографическом уровне предмет исследования является более-менее структурированным.

Общий контекст европейских перемен и изменений, через которые прошла Россия, наряду с многозначительной трансформацией Сербии, эволюционировавшей от восставшей области Османской империи до независимого, суверенного государства, делают политический контекст русско-сербских отношений комплексным и многослойным. Их динамику определяла растущая активность российской дипломатии и политики на Балканах. Сербские политические планы,

стремления и интересы лишь считанное количество раз давали импульс динамике международных отношений, в остальных случаях оказываясь вписанными в российскую внешнеполитическую деятельность.

Ключевые эпизоды сербско-русских взаимоотношений связаны с переломными событиями эпохи: Первым сербским восстанием, русско-турецкими войнами, Крымской войной и Великим восточным кризисом 1875–1878 гг. В периоды мира отношения сводились к дипломатическим контактам и сотрудничеству разной интенсивности. В период с 1774 г. по середину XIX в. Россия выступала в роли защитницы и покровительницы для сербов (в том числе и в 1812 г. при подписании Бухарестского мира), хотя ее политика не отвечала сербским ожиданиям и надеждам.

Сразу после начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. сербы недвусмысленно показали, что ожидают от России существенной поддержки. Неважно, говорим ли мы о дипломатическом визите в Россию протоиерея Матии Ненадовича в сентябре 1804 г. или о внешнеполитических планах митрополита Стефана Стратимировича и епископа Бачки Йована Йовановича. Россия тогда в целом обещала поддержку сербскому восстанию, но собственного военного вовлечения не допустила. Только два года спустя, когда началась Русско-турецкая война (а началась она совсем по другому поводу — из-за споров о Молдавии и Валахии), между Сербией и Россией дошло до первых серьезных дипломатических контактов. В мае 1807 г. в Сербию прибыли русские подразделения под командованием генерала Исаева, а в июне прибыл дипломатический посланник К. К. Родофиникин. В то время Россия воевала с Турцией не только в Сербии, но и в Валахии. Кроме того, в 1805–1807 гг. был организован поход балтийской флотилии под командованием адмирала Д. Н. Сенявина, в ходе которого был захвачен Котор и осажден Дубровник. После подписания Тильзитского мира с Францией (25 июня 1807 г.) и Слободзейского перемирия с Турцией (август 1807 г.) наступило военное затишье сроком на два года, и Россия вновь взяла сербов под защиту.

В действительности же в течение того периода Родофиникин вступал во все более открытый конфликт с сербским вождем Карагеоргием. После возобновления военных действий в 1810 г. (накануне этого Родофиникин Сербию покинул) русские силы вновь перешли сербскую границу и воевали с сербскими армиями вместе. В Сербию прибыл и новый русский представитель Ф. И. Недоба. Наконец, незадолго до вторжения Наполеона, политическая повестка полностью

изменилась, и 28 мая 1812 г. Россия заключила мир в Бухаресте. Согласно статье 8 мирного договора, Сербии предоставлялись автономия и внутреннее самоуправление, гарантом которых являлась Россия. Это был первый документ международного значения, в котором говорилось о сербской автономии.

Однако в новых политических условиях 1813 г., сложившихся после захвата Наполеоном Москвы, Сербское восстание было сломлено, после чего Порта отказалась соблюдать условия Бухарестского мира. Потерпев поражение, Карагеоргий с частью сподвижников нашел убежище на территории, находившейся под русским контролем — в бессарабском Хотине.

После окончания Второго сербского восстания русско-сербские отношения возвратились на уровень дипломатических контактов и сотрудничества. Так, дипломатическая деятельность агентов князя Милоша Обреновича, направившего сербскую внешнеполитическую деятельность на взаимоотношения с Портой, в значительной степени обеспечивалась покровительством российских дипломатических представителей в Стамбуле. Россия же, наряду с другими приоритетами в своей внешнеполитической деятельности, имела пространство для маневра в деле защиты сербских интересов. Так, в 1826 г. была подписана Аккерманская конвенция, по условиям которой Турция обязывалась выполнять положения Бухарестского мира. В 1829 г. после очередной русско-турецкой войны был заключен Адрианопольский мир, по которому Турция была вынуждена исполнять обещания, данные сербам в 1812 и 1826 гг., а также вернуть входившие в свое время в состав восставшей Сербии шесть нахий. Дипломатическая активность России в то время была ограничена турецкими хатти-шерифами 1830 и 1833 гг., утверждавшими сербскую автономию, что завершало первую стадию возрождения сербской государственности. В последующие годы Россия поддерживала дипломатические отношения с Сербией через миссии барона Рикмана (1836 г.) и князя Долгорукого (1837 г.), а в 1838 г. в Сербию был отправлен первый российский консул Г. Ващенко. В течение этого периода российские представители активно вмешивались в сербскую внутреннюю политику — борьбу уставобранителей с князем Милошем и в процесс избрания князя Александра Карагеоргиевича в 1841 г.

В 40-е гг. XIX в. представители сербской политической элиты установили отношения с деятелями польской политической эмиграции, что отчасти повлияло на формирование ее взглядов. В начале 50-х гг. Россия активно вмешивалась во внутренние дела Сербии. Это

привело к тому, что когда началась Крымская война 1853–1856 гг., несмотря на поддержку России со стороны гимназистов и студенчества, Сербия войну Турции не объявила. Вскоре официальные отношения ухудшились, а после неожиданной смерти российского консула Турманского в Белграде наступил период политической изоляции. Полное же прекращение каких-либо отношений произошло после подписания Парижских мирных соглашений 30 марта 1856 г., по которым Россия теряла статус покровительницы Сербии (параграфы 28 и 29 определяли Сербию как вассальное княжество Турции). Российский консул Мухин покинул Белград, а вместе с ним покинула Балканы Россия, в обществе которой установилось разочарование в Сербии.

Но после того как в 1858 г. в Сербии сменилась власть, и к престолу вернулся князь Милош Обренович, отношения несколько нормализовались. В этот период Россия помогла Сербии в борьбе за вывод за ее пределы турецких гарнизонов (1867 г.). Следующее потепление в отношениях состоялось в 1871 г., когда молодой князь Милан (1854–1901 гг.) и находившийся при нем регентом Миливое Блазнавац приехали с официальным визитом к Александру II в Ливадийский дворец в Крыму. Наконец, с началом Восточного кризиса 1875–1878 гг. в Сербию прибыло 4500 российских добровольцев во главе с майором Черняевым, получившим в Сербии звание генерала и ставшим главнокомандующим сербской армии.

С этого момента началось очередное ухудшение отношений. 1 сентября 1876 г. с Турцией было подписано перемирие. Русские добровольцы покинули Сербию, а когда началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Сербия открыла военные действия против Турции с большим опозданием. Далее последовало подписание Сан-Стефанского мирного договора и Берлинский конгресс. Хотя Сербия и получила независимость, российские и сербские политические цели в тот момент разошлись. В то время Россия все свои политические амбиции на Балканах обратила к Болгарии, оставив Сербию в австрийской сфере влияния. Похолодание в отношениях и само собой разумеющееся разочарование российской политикой в Сербии, как и сербской в России, царили вплоть до 1903 г., когда к престолу вернулась династия Карагеоргиевичей, а у власти утвердилась Радикальная партия во главе с Николой Пашичем.

При анализе событий, формирующих сербско-русские отношения на уровне политической фактологии, легко заметить, что ключевую роль в них играет политика и совместный интерес в отношении Порты и территорий, находившихся под властью Османской империи

хотя бы формально. Но даже активная политика в отношении Османской империи, которая нередко была синхронизирована, имела две реальности, две цели, и, соответственно, ее можно проанализировать через два дискурса — сербский и российский. Так, в период с 1804 по 1878 г. Сербия вела против Турции три войны: 1804–1813 гг., 1815 г. и 1876–1878 гг. Россия же воевала против Османской империи пять раз: в 1806–1812 гг., в 1827 г. в союзе с Великобританией и Францией, в 1828–1829 гг., в 1853–1856 гг. (когда Россия боролась против коалиции из Турции, Франции, Великобритании и Австрии) и в 1877–1878 гг.

Политические и дипломатические цели сербской борьбы против Османской империи заключались в получении независимости и в освобождении как можно большего массива земель, исторически принадлежавших Сербии. Россия, стараясь теснить противника на всем протяжении от Кавказа до Балкан, также простирала свои интересы вглубь Османской империи, как это было в вопросе о христианском протекторате над Гробом Господним в Иерусалиме. В то время как приоритеты российской политики заключались в установлении максимального возможного контроля над проливами (или даже над самим Царьградом) и в расширении своей территории на всем протяжении от Персии до Балкан, на самих Балканах российская политика расставляла приоритеты следующим образом: на первом месте была борьба за Дунайские княжества — Валахию, Молдавию и Бессарабию, далее следовал болгарский вопрос, и только затем заходила речь о поддержке христиан в Сербии и Греции. Причем реализация этой политики шла таким образом, что сохранялась возможность сотрудничества с Турцией, как это было в 1805 г. при обновлении союзного договора (1799 г. — *прим. пер.*) или в 1832 г., когда Россия оказала помощь в войне с восставшим Египтом, что привело к подписанию в 1833 г. Ункяр-Искелессийского договора о русско-турецком военном сотрудничестве сроком на восемь лет.

За семь с половиной десятилетий военного противоборства регулярные части русской армии действовали с сербской армией против Турции совместно всего два раза — в 1807 и 1810 гг. в рамках Первого сербского восстания. Что касается Сербско-турецкой войны 1876 г., то хотя главнокомандующим был назначен российский майор Черняев в чине сербского генерала, в действительности в военных действиях принимали участие нерегулярные части, состоявшие из российских добровольцев, которых набирал и координировал Славянский комитет в Москве. Официальная российская государственная власть за ними не стояла, и российские добровольцы среди сербов приобрели

несоизмеримо большую важность по сравнению с той, что была у них в российском обществе. Наконец, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сербская армия присоединилась к военным действиям с большим опозданием — лишь после шестимесячной осады Плевны. К тому же, влияние сербов на общую стратегическую ситуацию на заключительном этапе войны было весьма эфемерным, что, в конце концов, привело к прямым политическим последствиям.

Мы разобрали в общих чертах лишь эскизы сегмента внешнеполитического прошлого сербско-русских отношений. Но хотя «ослепительный блеск» высокой политики и дипломатии составляет важную, если не важнейшую часть этих отношений, всю полноту сербско-русских отношений с помощью лишь этого аспекта передать невозможно.

Концептуализация интерпретаций. Итак, увлеченность высокой политикой может лишь частично помочь в объяснении сложнейших общественных явлений и всей многослойности сербско-русских взаимоотношений и взаимосвязей. Невозможно осознать все их многообразие, исключив влияние связей другого типа — начиная от церковных и духовных, заканчивая культурным сотрудничеством и взаимным восприятием этих отношений. Это важно по двум причинам. Во-первых, весь этот комплекс явлений занимает важное место в коллективной памяти и менталитете, начиная от русофилии и русофобии, которые имеют место в сербском обществе, заканчивая появлением в середине XIX в. в русском обществе «славянофилов» или «гуманофилов», как их в 1867 г. назвал Милан Миличевич¹⁰. Во-вторых, эти явления постоянно оказывали влияние на политическую среду, вплоть до принятия конкретных политических решений.

Из-за своей сложности и многозначности эти взаимоотношения и явления, осуществлявшиеся на гораздо более глубоком уровне исторической реальности, не могут быть вписаны в фиксированный период 1804–1878 гг. Здесь идет речь о более многослойных и продолжительных процессах. Так что, при интерпретации обстоятельств, при которых выстраивались и формировались отношения русских и сербов как в рамках периода 1804–1878 гг., так и в целом, следует обратить внимания на три уровня аналитики.

Первый уровень обязательно включает в себя анализ дипломатических отношений и контактов и может быть ограничен, особенно в сербском дискурсе, заданными им хронологическими рамками. Как мы уже говорили, на этом «поверхностном» уровне невозможно

не то что объяснить полностью, но хотя бы попытаться объяснить всю составляющую сербско-русских взаимоотношений.

Следующий уровень содержит сложные составные явления и контакты, которые представляют собой лишь вершину айсберга, состоящего из продолжительных процессов и феноменов, которые в рамках периода 1804–1878 гг. объяснить практически невозможно. Только на этом уровне возможно обозначить, изучить и интерпретировать различного рода феномены наподобие русофильства и русофобии или «русского фактора» в сербской политико-общественной реальности или отношения российских общественно-политических деятелей к «сербскому вопросу», балканской политике и славянству в целом. Об этом уровне поговорим подробнее.

Итак, что же содержится в этой незаметной на первый взгляд совокупности различных идей, связей и контактов, реальной или вымышленной близости народов, представлениях о противоположной стороне, основанных на реальных или вымышленных событиях, намерениях, героях и т. д.? Речь идет о сплетении опыта многих поколений, в котором интересы, типичные для какого-либо одного времени и поколения, теряют со временем актуальность и перерастают в нечто, понятное само по себе — в то, что превращается в традицию. Хотя это своеобразное сплетение из опыта, интересов, политических планов, реализованных и нереализованных, и заполнено разнородным, несравнимым друг с другом и противоречивым содержанием, вызывавшим многочисленные разногласия, с течением времени оно принимает черты целостной и когерентной системы.

Эти связи и отношения выражались через конкретные действия, проистекавшие как из факта установления в 1774 г. политического патроната, так и из связей в культурной сфере, установленных еще во времена Петра Великого. Здесь может идти речь как о деятельности российских профессоров в сербских школах и в университете (вспомним Платона Кулаковского¹¹ в 1878 г.), так и о символических жестах, например о передаче сербским школам от псковского духовенства пожертвования суммой в 5 рублей 82 копейки. Также можно вспомнить о церковно-религиозных взаимоотношениях двух народов и двух церквей, которые установились едва ли не со времени восхождения на престол династии Романовых. Примером подобного рода отношений является акт прокурора Священного Синода Русской православной церкви А. Н. Голицына в отношении архимандрита монастыря Студеница Мелентия от 20 сентября 1811 г. Согласно этому постановлению, монастырю была единовременно выплачена сумма в 1855 рублей за

период с 1758 по 1811 г. на основании решения о ежегодной выплате 35 рублей, принятого еще царем Алексеем Михайловичем.

Сложность этого феномена становится еще заметнее, когда анализируются явления, называемые «русским фактором», в сербской политике. Трудно отрицать тот факт, что «русский фактор», вернее, отношение к России и ее политике, выраженное через русофилию или русофобию, не только присутствует в сербском обществе, но и оказывает влияние на принятие конкретных политических решений. Но когда мы пытаемся ответить на вопрос, что в действительности содержится в этом понятии, то понимаем, что какой-то общий ответ найти невозможно. Невозможно найти не просто некий общий ответ, но вообще какое-либо сложившееся представление о том, какой набор общественно-политических символов следует подразумевать под «русским фактором». Все понимание «русского фактора» в сербском обществе сводится к двум словам — «страх» и «надежда».

Даже если мы попытаемся проанализировать элементы этого понятия — церковные, религиозные и духовные, в том числе и предполагаемую близость между народами, артикулирующуюся через концепции «одноплеменности», «однородности» и «единоверия»; через идею «Третьего Рима», как мессианскую основу этого понятия, через экономические или политические интересы, лингвистические связи, контакты в сфере образования и просвещения, военной сфере и т. д. — то обнаружим, что ни один из них не может и приблизительно объяснить сложность самого феномена «русского фактора». К тому же, в сербском обществе каждый из этих элементов имеет свой антипод, выраженный во франкофильской, австрофильской или англофильской концепции генезиса общества и политики. Так что анализ каждого из этих элементов в отдельности никак не может помочь в осознании и объяснении реального влияния «русского фактора» на принятие конкретных решений и на появление сильной и неминуемой эмоциональной реакции как со стороны общества, так и со стороны представителей политической элиты.

Еще тяжелее объяснить эмоциональную реакцию на внешнеполитические решения России. Вспомним, например, гнев, связанный с заключением Сан-Стефанского мирного договора. Его возникновение связано с убеждением, что Россия может и должна помогать сербам в осуществлении исключительно их собственных интересов. Вспомним любое другое проявление гнева, связанное с попытками России воплощать в реальность на Балканах собственные политические интересы. Его появление вызвано иррациональным убеждением, по которому в отличие от других великих держав Россия не

имеет право иметь в регионе собственные политические интересы. В конце концов, анализ всего лишь одного элемента не может объяснить природу глубоко укоренившейся у ведущих представителей сербского общества привычки самим управлять российской политикой, поучая при каждом удобном случае Россию и ее политиков, как вести не только российскую политику в отношении Сербии, но и как вести политику внутри самой России.

Третий аналитический уровень предусматривает изучение возникновения новых явлений и феноменов, связанных с политической активностью или контактами культурного или духовного типа. Следует принять во внимание такие явления, как:

1. Деятельность западников или славянофилов (организация этнографической выставки 1867 г. как своеобразной политической декларации; деятельность в области науки и просвещения, например обучение балканских девушек в Смольном институте благородных девиц; отправление добровольцев на Сербско-турецкую войну 1876 г.; все события во внутривосточной жизни России, оказывавшие влияние на императора и принятие в Санкт-Петербурге конкретных политических решений).

2. Установление сотрудничества между революционно ориентированными сербами и русскими, причем как политиками, так и представителями молодежи, начавшееся именно в период 1804–1878 гг.

3. Попытки установления твердых экономических отношений, которые должны были стать альтернативой сильным и традиционным отношениям, сложившимся с империей Габсбургов. К таковым можно отнести стремление сербского Министерства финансов в 1848–1849 гг. заключить договор с российским обществом по поиску золота в Сербии или случаи покупки и вывоза оружия из России в Сербию в 1830–1860-е гг.

Достаточно привести лишь один-единственный пример — возникновение и взаимосвязь революционных движений в русском и сербском обществе в середине XIX в. Их появление было вызвано целым спектром самых разнообразных причин. Но лишь с того момента, когда деятели сербской Омладины, такие, как Светозар Маркович или чуть позднее Никола Пашич, вступили в контакт с российскими революционными кругами и стали на этой основе формировать свои политические программы, или с того момента, когда российский революционер Бочкарев в 1867 г., как впоследствии отметил Светозар Маркович, первым в сербской политической среде затронул «вопрос женской эмансипации, ранее в сербской журнали-

стике не освещавшийся», — эти связи в русско-сербских отношениях начинают играть роль.

То же самое — с вопросом появления в середине XIX в. общества славянофилов. Славянофилы появились в русско-сербских отношениях только когда стали заниматься конкретными делами — организовали проведение этнографической выставки в Москве или отправку добровольцев в Сербию в 1876 г. Вне этих событий их деятельность связана исключительно с внутривосточной российской повесткой дня, с сербско-русскими отношениями же она имела мало общих точек. Вот почему ни появление славянофильства, ни установление отношений между русскими и сербскими революционерами нельзя считать основным содержанием русско-сербских отношений. Но в то же время из-за сильного влияния этих явлений их нельзя маргинализировать и оставлять без внимания. Этот принцип должен быть применим как к периоду 1804–1878 гг., так и к другим эпохам.

Только принимая в расчет все эти разнообразные, но переплетенные между собой уровни можно осознать все многообразие и сложность русско-сербских отношений. Любое выделение или абсолютизация какой-то одной тематики — политических взаимоотношений или решений, духовных связей, славянофильства или русофильства и т. д. — неминуемо обедняет общий контекст взаимоотношений, приводит к одностороннему, ошибочному пониманию взаимосвязанных между собой контекстов. Контекстов, внутри которых различные и иногда противопоставляемые друг другу явления создают всю целостность того, что в науке известно как взаимоотношения сербов и русских.

Перевод с сербского А. А. Пивоваренко

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Монастырь в Расинском округе в Центральной Сербии, при котором 17 октября 1876 г. сербская армия под командованием М. А. Черняева потерпела крупное поражение в рамках Сербско-турецкой войны. В сражении принимали участие 6 тыс. русских добровольцев.
- 2 Коста Протич (1831–1892) — сербский генерал и политический деятель, в 1877 г. — начальник Генерального штаба сербской армии. С 1889 по 1893 г. — регент при малолетнем короле Александре Обреновиче (годы правления: 1889–1903).

- 3 Матия Ненадович (1777–1854) — протоиерей, один из организаторов Первого сербского восстания. 1 сентября 1804 г. отправился в Россию, чтобы от имени сербского народа просить помощи и защиты у русского царя.
- 4 Фанариоты — представители правящего класса греческого происхождения, назначавшиеся господарями в вассальных землях Молдавии и Валахии.
- 5 Илия Гарашанин (1812–1874) — министр иностранных дел (1843–1853, 1858–1859, 1861–1867 гг.) и премьер-министр Сербии (1852–1853, 1861–1867 гг.).
- 6 Живоин Жуевич (1838–1870) — сербский общественный деятель и философ, придерживавшийся социал-демократических взглядов.
- 7 Священный союз — консервативный союз России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе (1815 г.) международного порядка.
- 8 Фрайкор — добровольческий полувоенный патриотический корпус, военное формирование, существовавшее в Австрии и Германии в XVIII–XX вв.
- 9 Указам — *прим. авт.*
- 10 Милан Миличевич (1831–1908) — сербский литератор, общественный деятель и государственный советник, постоянный член Научного общества Сербии, Академии наук в Санкт-Петербурге, Югославской академии наук и искусств в Загребе, член Сербской Королевской академии в Белграде, президент Сербского археологического общества и один из основателей сербского литературного общества.
- 11 Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913) — историк и филолог-славист, в период с 1878 по 1882 г. возглавлял кафедру русского языка и словесности в белградской Великой школе.

Jovanovic M.

Between Common Gens and Enmity: Serbia and Russia
in 1804–1878 — Politic, Tradition and Perception

The text covers Russian-Serbian relations in 1804–1878. A special attention is put on the analysis of various ideas on those relations existing in historiography till nowadays. Also, the author makes an attempt to reconstruct them and to interpret historical range of problems.

Key words: *Russia, Serbia, politic, traditions, perception.*

Л. А. Кирилина
(Москва)

Тенденции развития словенского либерализма в конце XIX — начале XX в.

В статье рассматриваются характерные особенности развития теории и практики либерализма в словенских землях, анализируются причины общей слабости и непопулярности словенского либерального движения в начале XX в.

Ключевые слова: *либерализм, политическая программа, национальный вопрос, словенские земли.*

Середина 90-х гг. XIX в. явилась важной вехой в развитии словенского либерального движения — произошло организационное оформление его в политическую партию. В идейно-теоретическом отношении словенский либерализм шел по стопам общеевропейского либерального движения, придерживаясь основных принципов его политической доктрины (свободное развитие индивида, равноправие, политическая демократия). Главный акцент в своей политике словенские либералы делали на национальном вопросе, социально-экономические проблемы имели для них второстепенное значение, и программы, способной их разрешить, они не разработали.

Либеральное движение не представляло крупной политической силы в словенских землях. Социальная база либералов была довольно узка. В их партии объединились, в основном, представители словенской либеральной буржуазии. В городах ее поддерживала либеральная интеллигенция и мелкобуржуазные слои. В деревнях — зажиточные крестьяне и учителя. Однако значительная часть интеллигенции в словенских землях была онемечена, словенская буржуазия была еще малочисленна, слаба и зависима от немецкого и итальянского капитала, а зажиточные крестьяне представляли лишь мизерную часть в целом бедного крестьянского населения (составлявшего в те годы около 80% населения словенских земель). Так что, по сути, либералы могли опереться лишь на весьма ограниченную социальную прослойку.

В 1848 г. только начавшее оформляться либеральное течение в словенских землях выдвинуло первую в Австрийской империи национальную программу, основанную исключительно на этническом принципе¹, — действительно революционную программу Объеди-

ненной Словении, предусматривавшую объединение всех словенских земель в одну провинцию в рамках австрийской империи. Она была слишком радикальна и нереальна для того времени, поскольку ее осуществление потребовало бы коренного передела исторических границ провинций. Эта программа, воспринятая сперва лишь горсткой национальной интеллигенции, стала для словенцев программой-максимум на последующие 65 лет. Ее выдвижение было, пожалуй, самым существенным вкладом словенцев в либеральную национальную теорию.

Для словенских либералов как представителей нации, формирующейся в условиях инонационального гнета, главным был национальный вопрос. Именно на нем, прежде всего на требовании национальной автономии, под которой подразумевалась Объединенная Словения, делался главный акцент в их программе. Но если в 60-е гг., в атмосфере реформ в империи, они могли прямо говорить об Объединенной Словении и обсуждать на таборах (митингах под открытым небом) разные аспекты национального вопроса, то в напряженной политической атмосфере конца XIX — начала XX в., в условиях роста австро-немецкого национализма и ужесточения политики германизации в Цислейтании, либералы стали делать акцент на требованиях языкового равноправия и национальной автономии, лишь изредка упоминая об Объединенной Словении. Больше всего они занимались практическими вопросами культурного развития словенского народа, роста его образованности, создания культурно-образовательных учреждений. Практически то же самое делали и католики. В этот период позиции либералов и католиков по большинству аспектов национального вопроса были близки.

В 70-х гг. XIX в., когда у власти в империи были немецкие либералы, национальное положение словенцев из-за проводившейся ими германизаторской политики резко ухудшилось. Раскол между младословенцами и старословенцами приводил к плачевным для словенцев результатам выборов в австрийский рейхсрат. Однако либеральное правительство пало из-за боснийского кризиса, и с 1879 по 1893 г. у власти находился кабинет Э. Таафе, опиравшегося на немецких консерваторов и на славянских политиков. С конца 1870-х гг. старословенцы и младословенцы, наученные горьким опытом поражений, стали выступать на выборах в рейхсрат единым лагерем, что позволило им добиться большего успеха. В 1880-е гг. словенские либералы вместе с консерваторами в рейхсрате и в провинциальных собраниях поддерживали политику немецких консерваторов. Этот

период назван в словенской историографии «временем согласия». В годы правления Таафе словенцы добились для своего народа больше, чем за весь период существования их в Габсбургской монархии². Кстати, будущие лидеры Национально-прогрессивной партии, Иван Хрибар и Иван Тавчар, тогда стояли на радикальных позициях и не поддерживали коалиции с консерваторами.

Союз с консерваторами был выгоден либералам, поскольку способствовал укреплению национальных позиций словенцев, а также веса самих либералов, у которых было бы гораздо меньше шансов провести своих депутатов в провинциальные собрания и рейхсрат, выступай они на выборах отдельным блоком. Однако на рубеже 80–90-х гг. политическому согласию между консерваторами и либералами пришел конец. В последний раз они выставили общих кандидатов на выборах в рейхсрат в Крайне в 1891 г. Раскол начался в Горице еще в 1889 г., когда часть клерикалов во главе со своим идеологом, профессором богословия А. Махничем, ярким противником либерализма и социализма, отказались от политики «согласия». В 1890 г. в Любляне было основано Католическое политическое общество, энергично занявшееся организацией массовых собраний по всей Крайне, а в 1892 г. прошел первый словенский католический съезд, принявший политическую программу словенских католиков. Католическое политическое общество с 1895 г. стало называться Католической национальной партией, а с 1905 г. — Словенской народной партией (СНП).

Эти обстоятельства вынудили либералов также оформить свою политическую организацию. В 1891 г. было основано либеральное Словенское общество. В ноябре 1894 г. либералы объявили об образовании Национальной партии (с 1905 г. — Национально-прогрессивная партия). Вождями ее стали писатель И. Тавчар и банкир И. Хрибар. Характерно, что первый съезд либеральной партии задумывался его организаторами как попытка обновления сотрудничества с консерваторами. Один из старых и уважаемых либеральных лидеров Лука Светец, напомнив об успехах политики «согласия», призвал католиков: «Давайте объединимся снова под именем национальной партии!». Однако представители католической партии на обновление сотрудничества не пошли. Более того, отказались присоединиться к партии и приехавшие на съезд представители либералов Триеста, Истры и Штирии. Так, вопреки надеждам устроителей съезда, Национальная партия оформилась как чисто либеральная и крайнская³. Печатным органом либералов была газета «Словенски народ».

Политический раскол и образование партий произошли и в других словенских областях, но уже позднее. Так, в Горице Национально-прогрессивная партия под руководством А. Габршека и Х. Тумы образовалась в 1900 г., а Словенская народная — в 1907. В Штирии в 1906 г. была установлена Национальная либеральная партия, возглавил которую В. Куковец, а в 1907 — Католический словенский крестьянский союз во главе с А. Корошецем.

За политическим расколом последовал раскол в различных сферах общественной жизни. Так, в противовес либеральной спортивной организации «Сокол» католики организовали своего «Орла», в противовес Словенской матице — научное Леоново общество (1896). Каждая из партий имела свои учительские, студенческие и академические общества.

Впрочем, не все словенские области были охвачены расколом. В Триесте, Истре и Каринтии словенский лагерь остался единым. В Триесте словенцы вместе с сербами и хорватами объединились в либеральном обществе «Единость» (Единство), в Истре — в хорватско-словенской партии, образованной в 1902 г., а в Каринтии действовала словенская консервативно-католическая партия (по этой причине некоторые либеральные словенцы перешли на сторону немецких либералов).

Итак, раскол произошел вопреки желаниям большинства либералов. Им пришлось самостоятельно выступать на политической сцене и бороться за голоса избирателей против недавних союзников. Политическая ситуация складывалась неблагоприятно для них. Расширение базы избирателей вследствие ряда реформ, проводившихся австрийским правительством с середины 90-х гг. XIX в. и завершившихся в 1907 г. введением всеобщего и равного избирательного права, существенно ослабляло их позиции. В теории словенские либералы выступали за всеобщее (но не равное) избирательное право. Они считали (и в этом их взгляды вполне соответствовали общеевропейской либеральной теории), что необходимо сохранение определенного имущественного и образовательного ценза. Люди, не сумевшие реализовать свой внутренний потенциал и обеспечить себе достаток и не имеющие образования, не должны участвовать в принятии серьезных решений на государственном (провинциальном) уровне. Когда они, с помощью либералов, разовьются и цивилизуются в достаточной степени, эти права им будут предоставлены. По меткой характеристике американского социолога И. Валлерстайна, «в теории... права понимались как универсальные, но вещью, которой меньше

всего хотели бы либералы, было буквальное восприятие либеральных принципов, то есть их действительно всеобщее применение»⁴.

Помимо общелиберальных теоретических постулатов, политика словенских либералов во многом определялась опасениями, что введение всеобщего и равного избирательного права будет на руку католической партии и обеспечит ей политический перевес. Либералы в начале XX в. выступали против избирательной реформы во многом и потому, что за нее ратовали католики. Даже И. Хрибар, еще в 1895 г. считавший необходимым проведение избирательной реформы, в 1902 г. на заседании крайнского провинциального собрания высказался против введения всеобщего избирательного права, поскольку это предложение исходило от главы Католической партии Шуштершича⁵.

Как и католики, либералы полагали, что словенский народ должен развиваться на основах католической религии, однако резко выступали против клерикализма, считая, что вера — дело личное, к политике отношения не имеющее. Они возражали против активного вмешательства «попов» в политику, считали недопустимым проведение политической агитации в церкви (в чем неоднократно упрекали своих оппонентов).

В экономических начинаниях либералов также доминировали национальные задачи. Самостоятельной экономической и социальной программы у них не было. Прежде всего они стремились к развитию и укреплению словенской экономики и торговли, созданию словенского капитала и росту его конкурентоспособности по отношению к немецкому и итальянскому, к национально-культурной и политической эмансипации словенских предпринимателей.

Достаточно эффективными оказались финансовые предприятия словенских либералов и их муниципальная политика. Либералы выступали за широкую модернизацию словенских культурных и торгово-промышленных центров. В 1889 г. по инициативе И. Хрибара в Любляне был установлен Городской сбербанк в противовес немецкому Крайнскому сбербанку. В 1896–1910 гг. Хрибар являлся жупаном Любляны, и за эти годы ему и его единомышленникам удалось превратить ее в современный европейский город. В Любляне появились канализация, водопровод, электричество, общественный транспорт (трамвай), был построен ряд учреждений социального назначения. В 1900 г. открылся Люблянский кредитный банк. Были осуществлены и многие культурно-просветительские проекты Хрибара. Все надписи на улицах Любляны стали словенскими, был реор-

ганизован городской архив и открыта городская библиотека. Город расширился, были построены новые улицы и дома, создано немало прекрасных скульптурных и архитектурных произведений. При поддержке Хрибара в Любляне и ряде других словенских городов действовали русские кружки. В Любляне организовывалось много общеславянских мероприятий. В городе прошли всеславянский слет спортивных молодежных организаций «Сокол» (1904), два съезда славянских журналистов (1902, 1908).

Однако, в отличие от католиков, в партии которых с середины 90-х гг. бурно начало развиваться христианско-социалистическое движение, либералы не смогли предложить сколько-нибудь действенных мер для решения социального вопроса и преодоления экономического кризиса, изнурявшего империю более 20 лет, с начала 1870-х до середины 1890-х гг. Под влиянием идей и деятельности немецкого экономиста Ф. Г. Шульце-Делича словенские либералы с 1880-х гг. стали основывать ссудно-сберегательные кассы, крестьянские кооперативы и рабочие профсоюзные организации. Поскольку лейтмотивом их деятельности была поддержка представителей средней буржуазии, богатых крестьян, то кооперативы основывались прежде всего для них. Выраженного социального значения, направленности на помощь беднейшим слоям населения кооперативы словенских либералов не имели⁶.

Сначала либералы приветствовали энергичную деятельность христианских социалистов по развитию кооперативного движения в словенских землях, но скоро стали резко выступать против них, поскольку кооперативы Я. Крека пользовались значительно большей популярностью, чем их собственные. Католическая партия благодаря им приобретала все больше голосов избирателей на выборах. Уже в 1895 г. либералы потерпели серьезнейшее поражение на выборах в крайнское провинциальное собрание — в городских избирательных округах они победили, но в сельских ни один либеральный кандидат не был избран. Крестьяне отдали свои голоса Католической партии, получившей 16 мандатов против 9 либеральных (ранее соотношение мандатов было 13:12 в пользу либералов)⁷. Неудачей закончилось движение либеральных кандидатов и в Штирии. В Горице позиции либералов были несколько прочнее, но и там католики завоевывали все большую поддержку крестьян. Многие зажиточные крестьяне, являвшиеся главной опорой либералов в сельских округах, почувствовав, на чьей стороне сила, стали переходить в католический лагерь, чтобы сохранить свое положение и влияние. Ситуация для

либералов складывалась критическая. В 1899 г. И. Тавчар даже потребовал, чтобы крайние власти запретили создание кооперативов христианскими социалистами⁸.

И. Тавчар, под влиянием которого была почти вся словенская либеральная печать, уже с 1890-х гг. начал проводить на страницах либеральных изданий так называемую «травлю попов», в грубой форме понося как политику Католической партии, так и ее лидеров. Хрибар и его единомышленники считали такую политику недалевидной, ведущей к окончательному расколу национальных сил. Характерно, что даже приехавший в 1897 г. в Люблян премьер-министр К. Ф. Бадени высказал либеральным политикам свое недоумение: «Вы не ведете правильной политики. Разве не было бы разумнее, чтобы дома и в Вене вы выступали заодно?» И добавил, что «для нас, „правительства“, это хорошо... Для словенского же дела плохо»⁹. Однако раскол продолжал углубляться.

Чтобы не допустить к власти в Крайне католическую партию, словенские либералы заключили союз с Немецкой партией, наиболее близкой им по социальному составу и идеологии, и эта словенско-немецкая либеральная коалиция действовала эффективно более 10 лет, она сохраняла большинство в крайнем провинциальном собрании вплоть до 1908 г.

Когда Тавчар и Хрибар в середине 80-х гг. издавали славянофильскую газету «Слован», Тавчар был убежден: словенцы и славяне никогда не должны вступать в союз с немцами. Прошло немногим более десяти лет, и он стал одним из инициаторов союза с Немецкой партией. Вступил в коалицию и горячий поборник идей славянского единства Хрибар, считавший, что поддержка немцев поможет словенцам более эффективно осуществить некоторые либеральные преобразования.

Словенско-немецкая либеральная коалиция начала давать трещину в 1904–1905 гг. Католики в крайнем провинциальном собрании умело использовали разногласия в рядах либералов. Так, например, в 1905 г. на заседании провинциального собрания они выступили с предложением вести протоколы на словенском языке. Хрибар и некоторые его сторонники поддержали своих политических противников, фактически нарушив договор с Немецкой партией¹⁰. Тавчар встал на сторону немцев.

Немецкая партия охладела к сотрудничеству со словенскими либералами, то и дело отступавшими от заключенного с ними договора о взаимной поддержке. Коалиция распалась.

Результаты выборов в австрийский рейхсрат в 1907 г., после введения всеобщего избирательного права, потрясли либеральную общественность. В Крайне, Штирии и Горице депутаты католиков получили 17 мандатов, а либералы всего 4, остальные три депутата от Каринтии, Триеста и Истры были общими. Результаты выборов 1911 г. оказались для либералов еще хуже — они получили всего 2 мандата, а католики — 19¹¹.

Со времени выборов в крайнское провинциальное собрание в 1908 г. и вплоть до Первой мировой войны Национально-прогрессивная партия выдвигала своих кандидатов только в городах.

Внутреннего единства в Национально-прогрессивной партии не было. В ней объединились люди как либеральных, так и демократических взглядов. Для многих либеральных лидеров была характерна определенная лабильность мировоззрения. Так, например, один из видных либеральных политиков Ф. Шукле в начале XX в. перешел в католический лагерь. Радикал и славянофил И. Тавчар стал умеренным либералом и поборником союза с Немецкой партией. Верным своим идеалам демократии и славянского единства остался И. Хрибар, но и он периодически отступал от них из тактических соображений. Некоторые либералы, несогласные с политикой партии, выходили из ее рядов, основывали собственные течения. Однако большинство из них через некоторое время возвращалось в ее лоно — явный политический перевес католиков и рост влияния социал-демократов побуждал к объединению сил.

Отсутствие у либералов социально-экономической программы, направленной на помощь крестьянству, привело к отмежеванию от их партии даже либерально настроенных крестьян. В Крайне и Горице в либеральном лагере возникло особое, крестьянское движение. Крестьянские либералы делали акцент на удовлетворении крестьянских интересов и потребностей. Они не называли себя «либералами» и отрекались от каких-либо связей с либеральной партией. Если в конце XIX в. в Крайне либерально ориентированные крестьянские кандидаты на выборах выступали как представители Национально-прогрессивной партии, то уже в начале XX столетия они позиционировали себя в качестве «независимых крестьянских кандидатов». В некоторых местах уже устанавливались самостоятельные крестьянские организации, готовилась почва для последующего образования крестьянской партии.

Союз с Немецкой партией вызвал резкое неприятие в среде национально ориентированной словенской интеллигенции. Либеральные

студенты, учившиеся в Граце, Праге и Вене, разочарованные политикой Национально-прогрессивной партии, в начале XX в. организовали движение «национальных радикалов», главную роль в котором играло венское общество «Словения» под руководством Г. Жерьява и В. Равнихара. Их печатным органом стала академическая газета «Омладина» («Молодежь»). Студенты выступали против клерикализма, в их программу были включены и социально-экономические требования. В национальном вопросе они поддерживали программу культурно-национальной автономии, а в 1912 г. выдвинули на первый план борьбу за создание Объединенной Словении. Движение «национальных радикалов» приобрело наибольший размах в 1905–1907 гг. Они организовывали хозяйственные кооперативы, объединившиеся в 1907 г. в Союз словенских кооперативов, передвижные библиотеки и т. д. В 1912 г. они вновь вошли в состав либеральной партии, оформив в ней «младолиберальное» крыло, и в дальнейшем в целом придерживались ее политики.

В начале XX в. группа молодых интеллигентов, учившихся в Праге, воодушевилась идеями Т. Г. Масарика, лидера леволиберальной чешской партии реалистов. Масариковцы ратовали за развитие буржуазно-демократических институтов, введение правительством демократических свобод, выступали за парламентские методы борьбы, против революционных действий пролетариата¹². Они отрицательно относились к клерикализму, хотя и подчеркивали этическое и социальное значение религии, осуждали равнодушие либералов по отношению к проблемам крестьян и рабочих. Печатным органом масариковцев был журнал «Наши записки». Возглавляли движение А. Дермота и историк Д. Лончар. В отличие от национальных радикалов, масариковцы вскоре присоединились к социал-демократам.

Под влиянием неославистского течения в Чехии и идей К. Крамаржа в словенских землях в 1907–1910 гг. развивалось аналогичное движение. Неослависты выступали за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию, на поддержку которой рассчитывали в борьбе за права славян. В единстве всех славян они видели гарантию признания империей их политических и национальных прав. Неослависты стремились к созданию культурного, научного и экономического союза всех славян. Такой союз, по их мнению, смог бы превратить австрийских славян в мощную силу, требования которой монархия уже не сможет игнорировать.

Неославистские идеи не пользовались особой популярностью у словенцев. Их сторонниками стали как известные либеральные по-

литики И. Хрибар, А. Габршек (издатель газеты «Соча» в Горице), О. Рибарж (редактор триестской газеты «Единость»), так и представители либерального студенчества, в том числе и некоторые «национальные радикалы» — Б. Вошняк, И. Лах и др. После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение пошло на спад, и на первый план в замыслах словенских либеральных (как, впрочем, и католических) политиков выдвинулись идеи триализма и югославянского сближения.

Словенские либералы не составили сколь-нибудь определенной югославянской программы. Они стремились к сближению с хорватско-сербской коалицией, к установлению более тесных контактов с сербами и болгарами. Но поиски либералами союзников среди сербов и хорватов оказались не слишком успешными. Хорватско-сербская коалиция не проявила интереса к сотрудничеству со словенцами, концепция триализма, которой она придерживалась, вообще не предусматривала включение словенцев в югославянскую часть империи. Большинство хорватских партий видели важнейших союзников в сербах, связям со словенцами большого значения не придавалось.

В предвоенный период либералы стремительно теряли свой политический вес, народные массы пошли за католиками, прежде всего за христианскими социалистами, выдвинувшими и осуществлявшими на деле обширную социальную программу. Католическая партия стала монолитной и широко разветвленной массовой организацией. Сплоченной и организованной партии либералы создать не сумели, их политика с конца XIX в. все более стала приобретать конъюнктурные черты — главным стала не борьба за осуществление своих идей, а борьба против набиравших силу католиков, борьба, в которой обе стороны не стеснялись в средствах. Такая политика обесценивала лозунги либералов и приводила ко все большему расколу в их рядах.

Причины общей слабости, разобщенности, непопулярности словенского либерального движения крылись не только в недостаточной теоретической разработке либеральной программы, в политических и тактических просчетах лидеров Национально-прогрессивной партии, но и в узости социальной базы либералов, обусловленной относительной неразвитостью капиталистических отношений в словенских землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kann R. A.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz; Köln, 1964. Bd. 1. S. 304.
- 2 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 104.
- 3 *Pleterski J.* Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // *Zgodovinski časopis* 31. Ljubljana, 1977. № 1–2. S. 8–9.
- 4 *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 198.
- 5 *Grdina I.* Ivan Hribar. «Jedini resnični radikalec slovenski». Ljubljana, 2010. S. 54.
- 6 *Perovšek J.* Pogled na pojav socialnega liberalizma v evropski in slovenski politični misli in praksi // *Perovšek J.* Na poti v moderno. Ljubljana, 2005. S. 46.
- 7 *Melik V.* Volitve na Slovenskem 1861–1918. Ljubljana, 1965. S. 297.
- 8 *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 281.
- 9 *Grdina I.* Ivan Hribar... S. 44.
- 10 *Ibid.* S. 58.
- 11 *Pančur A.* Politično življenje po volilnih reformah / Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 41.
- 12 *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 29.

Kirilina L. A.

Tendencies of Development of Slovenian Liberalism
in the End 19th — Early 20th Centuries

The article presents typical features of the development of the theory and practice of liberalism in Slovenian lands; the author analyses reasons of the general weakness and unpopularity of the Slovenian liberal movement of the early 20th century.

Key words: *liberalism, political program, national question, Slovenian lands.*

Л. П. Лантева
(Москва)

**Неопубликованная рукопись В. А. Францева
о чешской историографии второй половины XIX в.**

В статье характеризуется неопубликованная рукопись русского слависта В. А. Францева, хранящаяся в архиве ученого в Праге. Рукопись освещает процесс развития историографии в Чехии во второй половине XIX в.

Ключевые слова: *В. А. Францев, историография, Чехия, Ф. Палацкий, Я. Голл.*

В 1962 г. я получила достаточно продолжительную командировку в Карлов университет в Праге с целью повышения квалификации. Ввиду того, что накануне на кафедре истории западных и южных славян МГУ обсуждался вопрос о написании сборника статей по славянской историографии, мне было поручено написать о творчестве В. А. Францева. Кроме того на кафедре новой и новейшей истории МГУ готовилось издание по историографии, меня просили написать об историографии в современной Чехословакии.

Прибыв в Прагу, я обратилась в Архив Национального Музея, куда В. А. Францев сдал свое литературное наследие, завещав открыть его для исследователей через 20 лет после его смерти. В. А. Францев скончался в 1942 г., в 1962 г. истек срок запрета, и собравшая комиссия Чехословацкой Академии наук разрешила доступ к документам архива Францева, хранившегося тогда в LAPNP (Литературном архиве памятников национальной письменности) в помещении Страговского монастыря. Условие фондообразователя касалось корреспонденции, но и остальная часть архива оказалась никем не тронутой, ибо наследием русского эмигранта тогда никто из чехов не интересовался, а в Советском Союзе В. А. Францев вообще был неизвестен. Материалы об эмигрантах по идеологическим соображениям у нас не публиковались и изучение их не поощрялось.

Я погрузилась в изучение материалов архива Францева и в частности обнаружила там его рукопись под названием «История нового времени» под сигнатурой архива Чешского Национального Музея 135, 3 12 Francev V. A. гкр. Находка как нельзя лучше отвечала моим задачам, и я ее полностью переписала, стараясь не пропустить ни одной буквы.

Рукопись представляет собой, вероятно, вариант неопубликованной статьи, написанной в 1901–1903 гг., возможно к 20-летию разделения Пражского университета и появления Чешского Пражского университета. В ней дается подробный обзор состояния современной Францеву чешской историографии с указанием библиографии трудов историков. Сведения современника мне показались важными, обладающими высокой степенью достоверности. Учитывая тот факт, что в русском славяноведении такие обзоры не встречаются, я сочла свою находку полезной и ценной. Однако по разным обстоятельствам в 60-х гг. найденный материал мне использовать не удалось. Теперь я решила обнародовать его содержание.

Чтобы оценить значение статьи Францева и определить ее место в ряду историографических обзоров, необходимо хотя бы в самых общих чертах представить себе состояние чешской историографии во второй половине XIX и самом начале XX в.

Вторая половина XIX в. в чешской историографии является переходной эпохой от возрожденческого историописания поколения Ф. Палацкого к позитивистски ориентированной исторической науке. Этот переход объясняется как внутренними, так и внешними причинами. К последним можно отнести состояние исторической науки в странах Западной Европы (Франции и Германии), освоившей новые методы исследования и принявшей другую философию сущности исторической науки. К внутренним факторам относятся, прежде всего, интеллектуальная, общественная и политическая зрелость чешского общества после ликвидации феодализма в период революции 1848 г. в процессе борьбы либерально-демократических идей с консервативными за характер общественного строя и политического режима. Борьба либерально-демократического и консервативного направлений к середине 80-х гг. XIX в. закончилась разделением в 1882 г. Пражского университета на два — чешский и немецкий, а в научной области развитию нового мышления способствовала многолетняя борьба по вопросу о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ). В целом новую обстановку в исторической науке подготовило три поколения историков. Все они исходили из программы классика — Ф. Палацкого, продолжали его планы, дополняли фактографическую картину прошлого, но не соглашались с его концепцией чешской истории.

Развитие чешской историографии не представляло единого процесса, изменения происходили постепенно. Консервативное направление представляли труды А. Гинделы и В. В. Томка. Определенно

компромиссное, примирительное направление представлял Й. Калоусек. Активно развивалось либерально-демократическое направление¹. Характерной чертой чешской историографии всех направлений 60–80-х гг. XIX в. являлась активная деятельность по изданию источниковой базы чешской истории, осуществлявшаяся критически и новой издательской техникой. Печатался дипломатический (грамоты) и нарративный материал (хроники и пр.) преимущественно XVI–XVII столетий как продолжение «Истории» Ф. Палацкого. Продолжалось издание «Архива чешского», созданного Палацким, с 1862 по 1872 г. редактировавшегося Й. Калоусеком, который издал IV и VI тома. Дальнейшие тома редактировали представители среднего и младшего поколения историков.

Сеймовые акты и корреспонденцию с 1526 г. опубликовал А. Гинделы. Он же основал и редактировал другое издание нарративных и актовых материалов XVI и XVII вв. — *Monumenta historiae Bohemica. Stare paměti dějin českých* (1865–1874). По древней чешской истории выходили *Regesta diplomatika nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, доведенное до эпохи Карла IV. В Моравии издавались сборники грамот — *Codex diplomatias et epistolaris Moraviae*. Все эти издания содержали много исторических фактов и сведений и требовали подготовки специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам.

Специализация и дифференциация исторической науки углублялась исследованием литературы и истории искусства. Либеральная историография была обращена против церковного догматизма и ослабляла религиозность в обществе, что вызвало активность церковных историков как католической, так и евангелической историографии. Церковные историки также издавали источники и писали исследования по своей тематике.

Активность исторической работы привела к новой организации исторической общности: создавались новые центры исследования и органы печати. Кроме старого немецкого «Исторического кружка» возник в 1866 г. чешский «Исторический кружок», который взял на себя ряд изданий и поставил задачей обследование мелких местных архивов. В начале 70-х гг. возник чешский «Исторический клуб», ставший постепенно научной организацией исторической работы.

Важным центром исследования истории стали архивы. Кроме уже имевшихся был основан «*Archiv země česke*».

Более интенсивной и квалифицированной по содержанию стала работа научных журналов. Кроме «*Časopis českého musea*», уделяя-

шего с 1871 по 1890 г. большое внимание исторической проблематике, и журнала «Památníki archeologiché a mistopisne», который с 1871 г. редактировал Й. Калоусек и печатал материалы по истории искусства, появился «Časopis Matice Moravske» (в 1869 г.). Публикации по истории права осуществлял журнал «Právník» (с 1861 г.). Свои журналы имели представители чешского духовенства. Историки писали специальные популярные работы в беллетристические журналы «Lumír», «Světozor» и в консервативное ученое ревю «Osvěty».

В отдельных исторических дисциплинах в период до 80-х гг. тон задавали прямые или не прямые ученики или сотрудники Палацко-го. Сам «отец чешской истории» закончил свою деятельность к середине 70-х гг. (умер в 1876 г.). Ученики и последователи продолжали его работу хронологически, расширяли проблематику исследований, но часто существенно отличались как от Палацкого, так и друг от друга по мировоззрению, методам работы, политическим взглядам. К старшему поколению историков принадлежали Вацлав Владивой Томек (1818–1905) и Антонин Гинделы (1829–1892). Младшее поколение представлял в истории Йозеф Калоусек (1838–1915), во вспомогательных исторических дисциплинах Йозеф Эмлер (1836–1899) и Винценц Брандл (1834–1901), в истории литературы Йозеф Иречек (1825–1888) и его брат Герменегильд Иречек (1827–1909) — в истории права. Кроме них существовал целый ряд других исследователей.

В 80-х гг. XIX в. в исторической науке Чехии все большее влияние приобретает новое поколение историков, которому предстояло готовить кадры в разделенном в 1882 г. Пражском университете. Однако европейское значение чешской историографии было определено еще в неразделенном университете. Среди нового поколения особое место в науке занимали Й. Эмлер, Й. Калоусек, Я. Голл и А. Резек.

Выдающейся личностью в развитии нового направления в исторической науке был Ярослав Голл (1846–1929). Он учился в иностранных европейских университетах. В своем методе и исследовательской технике придерживался европейской позитивистской историографии. Голл включил чешскую историю в рамки европейской и подчеркивал ее западную культурную ориентацию. Таким образом, он обозначил окончание романтической эпохи Палацкого в чешской историографии.

Й. Калоусек до 80-х гг. усиленно боролся в полемике с немецкими историками за сохранение национальных традиций, но в его творчестве были консервативные черты, что отразилось в борьбе по поводу РКЗ, где Калоусек в отличие от Голла защищал их подлинность.

Известным ученым был Антонин Резек (1855–1909). Он был учеником В. В. Томка, которого сменил на кафедре австрийской истории в Чешском университете в 1888 г. В отличие от Я. Голла, Резек придерживался традиционных методов. По сравнению с Голлом, который свои подробные аналитические монографии посвятил средневековью до 1526 г., Резек из своих аналитических исследований пытался сделать синтез и разрабатывал проблемы новой истории. В отличие от Голла, который принципиально отрицал подчинение науки политическим и общественным целям и дистанцировался от современных политических проблем, Резек участвовал в общественной жизни, в 1897 г. сделал политическую карьеру и отбыл в Вену.

Й. Эмлер получил специальное образование в венском Институте австрийской истории и являлся лучшим знатоком вспомогательных исторических дисциплин. В своей педагогической деятельности он обучал критике источников с точки зрения палеографии и дипломатики и так подготавливал к методам исторической работы. Базой его семинара были материалы Архива города Праги, директором которого он являлся. Эмлер стал основателем науки вспомогательных дисциплин в чешском Пражском университете и издал целый ряд обширных публикаций по средневековой чешской истории.

К младшему поколению чешских историков, начавших свою деятельность в 90-х гг. XIX в., принадлежали Ярослав Бидло (1868–1937), ученик Голла, Ладислав Пич (1847–1911), изучавший славянскую этнографию и историю права словаков, а также румын, то есть историю Австрийской империи. Крупнейшими представителями позитивизма были ученики Я. Голла — Йозеф Пекарж (1870–1937) и Йозеф Шуста (1874–1945). В начале XX в. стали известны своими трудами ученики Голла — Вацлав Новотны (1869–1932) и Камил Крофта (1876–1945).

К числу учеников Я. Голла принадлежал и Густав Фридрих (1871–1943), который создал в университете семинар по вспомогательным историческим дисциплинам и готовил кадры по этому предмету. В 1898 г. Г. Фридрих написал первый чешский учебник по латинской палеографии. Между прочим, в России латинская палеография не существовала ни как предмет преподавания, ни как наука, то есть не изучалась теоретически, хотя в российских хранилищах находилось более 100 тысяч рукописей латинского письма. Среди них были памятники европейской культуры первоклассной научной и художественной ценности, но эти памятники являлись предметом гордости, их показывали в Санкт-Петербургской библиотеке важ-

ным гостям, их никто не изучал и вообще не мог прочесть. Русские историки-медиевисты получали образование по вспомогательным историческим дисциплинам за границей, главным образом во Франции и Германии. В России первым специалистом-палеографом была О. А. Добиаш-Рождественская, которая после обучения во Франции, с 1911 г. ввела преподавание латинской палеографии на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге.

В среднем поколении чешских историков в первой половине XX в. особое место принадлежит Любору Нидерле (1865–1944), занимавшемуся этнологией и археологией, особенно славянской пред- историей, и древностями.

Таковой в общих чертах была ситуация в исторической науке в Чехии в тот период, когда В. А. Францев сделал попытку охарактеризовать ее в своей статье. Необходимо подчеркнуть, что в русской историографии того времени не существовало какого-либо очерка на эту тему. Русские слависты-богемисты в своих исследованиях, естественно, характеризовали те труды чешских ученых, которые касались проблематики их работ. Но общая картина чешской исторической науки в русской печати не отражалась, хотя, вероятно, такие ученые как Ю. С. Анненков, И. С. Пальмов, Н. В. Ястребов, А. Н. Ясинский и другие медиевисты имели о ней достаточное представление. Упомянутая архивная статья В. А. Францева показывает, что первая попытка дать очерк развития чешской исторической науки во второй половине XIX — начале XX в. была в России сделана именно этим ученым.

Варшавский славист хорошо знал ситуацию в гуманитарных науках в Чехии. Он находился в контакте с историками, многих знал лично, а с представителями его поколения активно сотрудничал и дружил, так что его сведения есть свидетельство современника. Возможно, та ученая страсть по разысканию источников и их публикации, которую В. А. Францев проявлял на протяжении всего творчества, была им усвоена от чешских историков. Ведь в русском славяноведении никто, больше чем В. А. Францев, не опубликовал документов по русско-славянским и межславянским связям.

Рукопись, названная «Историки новейшего времени», написана в 1901–1903 гг. Ее общий объем — около 20 страниц (в моей копии). Основной текст написан на русском языке, названия сочинений чешских историков на языке оригинала (чешском и немецком).

Как известно, В. А. Францев не проходил школы исторической подготовки и не являлся профессиональным историком. Он относил-

ся к числу филологических позитивистов. Писал свои сочинения на основании данных источников, но редко подвергал их критическому анализу и почти не делал выводов, предпочитая уже высказанные другими оценки вместо собственных. Эта манера изложения материала решительно критиковалась историками (например, Т. Д. Флоринским) и даже филологами (например, А. И. Степовичем). Кроме того, Францев в своих работах, как правило, не объяснял причины возникновения политических, культурных и других явлений исторического процесса, то есть не поддерживал исследовательских методов и тенденций, характерных для чешских историков — его современников. Он был больше склонен к романтическому толкованию явлений, часто оценивал события и поступки деятелей славянского возрождения, которое преимущественно исследовал, с позиций славянской взаимности колларовского варианта. Именно в таком духе и была написана сохранившаяся в архиве статья. Так, Францев считает, что «развитие чешской исторической науки пошло вперед особенно быстрыми шагами с разделением Пражского университета на чешский и немецкий в 1882 г. Только с этого времени она приобрела те необходимые условия, при которых могло совершаться ее дальнейшее преуспевание». Такое утверждение, возможно, льстит чешскому патриотизму, однако не может считаться правильным. Все профессора, занявшие исторические кафедры в Чешском университете прошли большую школу не только в Пражском университете, но преимущественно в Вене и других немецких университетах, познавали предмет во французских, английских университетах и ко времени профессорства в чешском Пражском университете были уже известными историками, авторами крупных сочинений и издателями собраний источников. Кроме того, значительная часть преподавала в Пражском университете еще до его разделения.

Выдающееся место среди современных ему чешских историков, по мнению Францева, занимает Й. Калоусек. Главнейшим трудом этого историка Францев считает обширную монографию «Чешское государственное право» (1871) — «блестящее и незаменимое исследование по истории развития государственного права». Далее Францев говорит о других ученых трудах Калоусека, упомянув и о статьях, касающихся русской истории. В целом творчество Калоусека Францев характеризует так: «...как исторический исследователь профессор Калоусек отличается большой строгостью научных методов, чрезвычайной основательностью и логичностью суждений и выводов, необыкновенным разнообразием затрагиваемых вопросов,

широкою взглядов, прекрасным замечательным и художественным в своей простоте стилем». Добавим к этому, что с таким же глубоким уважением к чешскому историку относились русские слависты, например Ф. Ф. Зигель, А. Н. Ясинский и другие, о чем свидетельствует их переписка с Калоусеком.

Достаточно подробную характеристику В. А. Францев дал творчеству Я. Голла, который получил основное образование за границей, прошел прекрасную критическую школу, путешествовал по Германии, Голландии и Англии. Автор статьи отмечает тщательное изучение и обследование Голлом источников по истории Общины Чешских Братьев. Голл описал подробно фолианты Гернгутского архива, некоторые рукописи житавские и чешские рукописи библиотеки гимназии во Фрейберге. Результатом исследования Голлом документов о Братской Общине был большой ряд его трудов об этом предмете. Главным из них является замечательный по строгости критического метода «Источники и исследования по истории Чешских братьев» (т. I–II, 1878–1882). В споре о рукописях Голл выступил против подлинности Краледворской рукописи с блестящим историческим этюдом «Исторический разбор песен Рукописи Краледворской». Указав на то, что Голл стал инициатором создания «Чешского исторического журнала» (СЧЖ) и перечислив большое количество его сочинений, Францев отослал читателя за более подробной характеристикой значения творчества знаменитого чешского историка — родоначальника позитивистского направления в чешской историографии — к статье Э. Дени во Французском историческом ревю (1897).

Заметим, что некоторые русские историки — современники В. А. Францева стали своего рода продолжателями исследования проблем чешской истории, намеченных Я. Голлом. В первую очередь это касалось идеологических вопросов гуситского движения — Петра Хельчицкого и Общины Чешских Братьев. Так, жизненный путь и деятельность П. Хельчицкого изучал Ю. С. Анненков, открывший несколько ранее неизвестных науке сочинений чешского средневекового мыслителя и подготовивший к изданию его главный труд «Сеты веры». Русский историк был не только тематическим, но и методологическим последователем Я. Голла. Весьма обогатил сведения об идеологии гуситского движения труд Н. В. Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком», что признавалось и чешскими критиками. Прямым продолжателем исследований Я. Голлом истории Общины Чешских Братьев был И. С. Пальмов, также проработавший Гернгутский архив и другие источники и опубликовавший 2-томное ис-

следование об «Общине» и тексты ее конфессий. Труд Пальмова внес много нового в изучение вопроса².

К сожалению, В. А. Францев в характеризуемой рукописи не упомянул о факте влияния научного творчества Я. Голла и на некоторых русских историков.

Среди учеников Я. Голла В. А. Францев выделяет Й. Пекаржа, впрочем не называя его по имени, а обозначив как представителя младшего поколения чешских историков. Русский славист указывает наиболее крупные работы Пекаржа — большое исследование по истории заговора против Валленштейна в 1630–1634 гг.³, останавливается на полемике⁴ по поводу «Старейшей чешской хроники», то есть легенды Христиана, и относит эту легенду к концу X в., а не к первой половине XIV в., как было принято до сих пор⁵. Общей характеристики творчества Пекаржа или других каких-либо оценок его деятельности у Францева нет.

Из других учеников Голла Францев упоминает Й. Шусту, перечисляя его труды⁶, и Я. Бидло, который преимущественно занимался исследованием Византии и славянских народов.

Значительное место в статье отводится литературе и изданиям по истории Чехии, которые осуществляют церковные историки, профессора богословия и канонического права. Впрочем, здесь автор статьи ограничивается исключительно библиографическими указаниями. Имеются сведения об авторах и их работах по истории чешского искусства, истории церковного пения, первых славянских монахах и святых.

Переходя к характеристике чешской литературы о доисторической древности, В. А. Францев пишет о работах Л. Нидерле в этой области. Отмечается, что известностью пользуется его труд «Человечество в доисторическую эпоху»⁷, переведенное на русский язык. Из других трудов называется «О происхождении славян»⁸ и упоминается о начале издания «Славянских древностей»⁹ — обширного труда рассчитанного на 6–7 томов. По мнению Францева, «цель этого труда та же, что имел в виду Шафарик в своих знаменитых „Славянских древностях“, т. е. представить образ первоначальной истории и культуры славянского народа на основании данных, добытых наукой до последнего времени». Добавим к тому, что указанным исследованием Л. Нидерле закончился процесс превращения классического в первой половине XIX в. труда Шафарика «Славянские древности» в историографическую реликвию.

Характеризуя далее Л. Нидерле, В. А. Францев пишет: «В то время, когда Пич строит свои заключения главным образом на данных,

добываемых путем раскопок и изучения археологических собраний по всем европейским музеям, Нидерле избирает другой путь решения тех же вопросов — путь тщательного изучения источников и всей литературы, к ним относящейся. Оба ученые сильно, однако, расходятся в своих конечных результатах.

Достаточно подробно В. А. Францев характеризует «чрезвычайно многочисленные и разнообразные труды Зигмунда Винтера (1847–1912). Большие исторические монографии и отдельные статьи его основаны всегда на детальном изучении архивных материалов, из которых Винтер с искусством художника-мозаичиста тщательно выбирает и крупные яркие камешки, и мельчайшие крупинки и соединяет их в стройное и изящное целое на фоне добросовестного исторического освещения», — пишет Францев. «Работы Винтера представляют собой в этом отношении нечто оригинальное и своеобразное», — продолжает он. Известнейшая из его трудов двухтомная монография «Культура чешских городов»¹⁰, дающая ряд живых картин чешской городской жизни XV–XVII вв., награждена премией Чешского Ученого общества. Ему также принадлежит работа в двух томах «Церковная жизнь в Чехии»¹¹, культурно-исторические картины XV–XVI столетий, «История пражских высших школ (1409–1622)»¹², где описывается внешняя история обоих университетов в Праге — университета, созданного Карлом IV, и Климентинской иезуитской коллегии — до соединения их в 1622 г.

Внутренней жизни университетов, их организации, преподаванию, профессорам и студентам посвящена особая монография «О жизни в Высших Пражских школах»¹³. Наконец, история низшей школы изображена в новейшем труде Винтера «Жизнь и обучение в чешских партикулярных школах XV–XVI вв.»¹⁴. В 1894 г. Винтер написал «Историю костюма в чешских землях от начала XV столетия до периода Белогорской битвы»¹⁵. Кроме крупных трудов, пишет далее Францев, Винтеру принадлежит еще длинный ряд статей по истории культурной жизни Чехии, рассеянных в чешских журналах, и множество беллетристических произведений, материалом для которых послужили те же архивные извлечения, которыми он пользуется в этом случае с замечательным умением. Другой оценки творчества Винтера у Францева нет.

Между тем современники резко критиковали метод Винтера и его концепцию освещения культурной истории за некритическое отношение к источникам и отделение культуры от других видов деятельности людей в прошлом. Так, В. Шимак в статье, посвященной

З. Винтеру¹⁶, характеризовал его метод как описание некоторых источников (в том числе с повторением многих ошибок), как изображение разных картин жизни, создания мозаики без попытки осмыслить историю культуры. «Каждый день он сидел в архивах, прежде всего в Пражском городском, читая книгу за книгой и усердно записывая все, что ему казалось важным. И так проработал несколько сот рукописей», — писал Шимак. Таким образом, чешская позитивистская историография критиковала Винтера «за топтание» в безбрежном материале без какой-либо попытки понять культурную историю как неотъемлемую часть общего развития исторического процесса.

Большое место в статье Францев уделил творчеству и библиографии трудов Ченека Зибрта (1864–1932), исследователя культурной истории, этнографии и фольклора. Особенно ценным вкладом в науку является, по мнению Францева, сравнительное исследование Зибрта языческих нравов и обычаев с VIII в. и их значение для изучения пережитков в области современной народной культуры. Отмечен факт составления Зибртом библиографии чешской истории, которой вышло к 1902 г. два тома¹⁷. Для знакомства с ученой деятельностью Зибрта Францев отсылает читателя к статье Ив. Франка от 1894 г.

Приведенными здесь примерами не исчерпывается перечень чешских историков и их трудов, это вообще небольшая часть того, что содержит статья Францева. Примеры выбраны с целью показать подход ученого к освещению историографических сюжетов. В целом же работа избилует именами историков и названиями их сочинений. Создается впечатление, что не забыт даже тот автор, который написал одну единственную работу по истории Чехии. Всего упоминается 39 историков.

Таким образом, читатель имеет возможность представить себе объем исторической продукции в Чехии и убедиться, что активное изучение источников, их публикация и использование в исследованиях хронологически охватывает всю чешскую историю от древности до революции 1848 г. В этом главное значение очерка В. А. Францева о новой чешской историографии. Поскольку материал статьи повествует о современниках автора, он имеет высокую степень достоверности и представляет собой надежное справочное пособие, которого так не хватало русским славистам второй половины XIX в. Впрочем, эту последнюю функцию статья не выполнила, так как в печати не появилась. Наконец статья В. А. Францева показывает, что в начале XX в. наиболее престижным в чешской историографии было позитивистское направление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О чешской историографии второй половины XIX в. существует значительная литература. Укажем некоторые работы: *Kazbunda K.* *Stolice dějin na pražské Univerzite.* Praha. 1964. Č. I; Praha, 1965. Č. II; Praha, 1968. Č. III; *Kutnar Fr.* *Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví I.* Praha, 1972; *Vojtěch T.* *Česká historiografie a pozitivismus.* Praha, 1984; *Kučera K.* *Historie et Historici.* Praha, 1992; *Štaif J.* *Historici, dějiny a společnost.* Praha, 1997. Č. I–II; и др.
- 2 О трудах русских историков, продолжавших исследования проблематики, начатой Я. Голлом, см.: *Лантева Л. П.* *История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.*
- 3 *Pekař J.* *Dějiny Valdšteinského spiknutí 1630–1634.* Praha, 1895.
- 4 *Pekař J.* *Nejstařší kronika česka // ČČH. 1902. Zvl. vyd. 1903.*
- 5 Указаны полемические статьи: Вацка в ЧСМ, 1903 и Й. Калоусека в журнале *Osveta*, 1903, seš. 2.
- 6 *Šusta J.* *Pius IV před pontificatem a na počátku pontificatu // Biblioteka Historicka. 1900. № 111; Šusta J.* *Otroctví a velkostatek v Čechách // ČČH. 1899. V.*
- 7 *Niederle L.* *Lidstvo v době předhistorické.* Praha, 1893–1894.
- 8 *Niederle L.* *O původu slovanů. Niederle L.* *Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy.* Praha, 1899.
- 9 *Niederle L.* *Slovanské starožitnosti.* Praha, 1902. I.
- 10 *Winter Z.* *Kulturní obraz českých měst.* Praha. 1890–1892. 2 t.
- 11 *Winter Z.* *Život církevní v Čechách. 1895–1896.* Praha. 2 t.
- 12 *Winter Z.* *Děje vysokých škol pražských (1409–1622).* Praha, 1897.
- 13 *Winter Z.* *O životě na vysokých školách Pražských.* Praha, 1899.
- 14 *Winter Z.* *Život a učení na partikulárních školách v čechách XV–XVI stol.* Praha, 1901.
- 15 *Winter Z.* *Dějiny kroje v zemích českých od XV stolař po dobu bitvy belohorské.* Praha, 1894.
- 16 *Šimák J. V.* *Zikmund Winter.* Praha, 1912. Подробно см.: *Vojtěch T.* *Česká historiografie a pozitivismus.* Praha, 1984.
- 17 *Zibrt Č.* *Bibliografie české historie. 1898. D. I; 1902. D. II.*

Lapteva L. P.

One Non-Published Manuscript by V. A. Frantsev
on the Czech Historiography of the Second Half of the 19th century

The article provides a characteristic of an unpublished manuscript by Russian specialist in Slavic studies V. A. Frantsev which is kept in the personal archive of the researcher in Prague. The manuscript covers a process of the development of historiography in Czech in the second half of the 19th century.

Key words: *V. A. Frantsev, historiography, Czech lands, F. Palatzki, J. Goll.*

В. В. Котов
(Москва)

Возникновение сокольского движения (1861–1862 гг.)

В статье рассматривается зарождение сокольского движения в 1861–1862 гг. в чешских землях монархии Габсбургов, выявляются причины и предпосылки его возникновения, описывается начало деятельности соколов.

Ключевые слова: *сокольство, чешские земли, Турнферайн, Мирослав Тыриш, Йиндржих Фигнер.*

150 лет назад в конце 1861 — начале 1862 г. в чешских землях возникло сокольское движение, основной сферой деятельности которого был спорт. Кроме того Движение ставило своей целью защиту чешских национальных интересов, а также в его программу с самого начала были включены идеи славянской взаимности.

Сокольство появилось не на пустом месте. Ему предшествовало создание в Праге нескольких гимнастических школ. Первую из них в 1843 г. основал Рудольф Стефанни из Пруссии¹, с 1845 по 1855 г. ее возглавлял соотечественник Стефанни, Густав Штегмайер, а затем — чех Ян Малипетр². Другой школой руководил доктор медицины Зеген, а затем с 1849 г. — юрист Фердинанд Шмидт³. Обе эти школы проводили свои гимнастические занятия по системе, практикуемой в немецких обществах «Турнферайн», получившей широкое распространение в германских землях в первой половине XIX в. Главным создателем этой системы был Фридрих Людвиг Ян (1778–1852).

В 1847 г. в помещении школы Зегена начало действовать чешско-немецкое «Академическое гимнастическое общество», где, как и в будущем «Соколе», практиковались туристические поездки и совместное проведение досуга, но в бурном 1848 г. оно было закрыто⁴. Позднее эта организация студентов не восстановила свою деятельность, что неудивительно, так как отношения государства и общества в следующее десятилетие характеризовались ужесточением режима, получившего в историографии название «неоабсолютизм»⁵. О необходимости более активного распространения гимнастики говорили в этот период лишь ученые, например Ян Эвангелиста Пуркине⁶ и Йозеф Чейка⁷.

В начале 1860-х гг. существенным образом изменился политический фон в стране. Экономические и внешнеполитические неудачи монархии Габсбургов привели к реформам во внутренней политике и к серии конституционных экспериментов, на что чехи отреагировали созданием «Национальной партии», изданием «Национальной газеты» и общим оживлением политической жизни.

Инициированные Веной преобразования побуждали чешских общественных деятелей к активной работе в национальном ключе, своими финансами их поддерживала аристократия и окрепшие промышленные круги. Ярким отражением общественных сдвигов стало образование многочисленных обществ, союзов и объединений: театральных, певческих, студенческих, учительских, научных, читательских, туристических, пожарных, благотворительных и т. д.⁸. Они появлялись и раньше, но начиная с 1860-х гг. их численность и активность резко возросли.

Как отмечал спустя 10 лет после появления движения известный чешский политик, журналист и сокольский деятель Эдуард Грегр: «Это произошло в тот знаменательный момент, когда после многих лет угнетения был проломлен толстый лед абсолютизма, когда были разбиты кандалы жестокого самовластья, когда на темном горизонте политической неволи вспыхнула утренняя звезда гражданских свобод и народы Австрии начали предаваться надежде, что им вернут то, что принадлежало им по закону Божьему, согласно правам человека и по их естественному праву»⁹.

В начале 1860-х гг. гимнастическая школа Шмидта стала испытывать финансовые трудности и была вынуждена переехать в менее удобное помещение, в результате чего часть ее инструкторов и учеников перешли в школу Малипетра¹⁰. В качестве рабочего языка в ней использовался преимущественно чешский¹¹.

Затем возникла идея создать в Праге новое спортивное общество. Предлагалось использовать в качестве рабочего языка немецкий, взять устав какого-либо из аналогичных обществ Германии и назвать его «Prager Männerturnverein» («Пражское мужское гимнастическое общество»)¹².

Однако чехи уговорили немцев сделать общество двуязычным, начался сбор подписей. Между тем, согласно чешской версии событий¹³, один из так называемых будущих «членов-меценатов», который, как предполагалось, должен был стать главным «спонсором», глава Пражского филиала Венской кредитной компании Карл Фридрих Зойттер фон Лётцен, заявил, что готов финансировать новое

общество только в том случае, если оно будет полностью немецким. Немцы согласились на эти условия, тогда как чехи отозвали свои подписи и решили учредить свое общество¹⁴.

Активнейшим образом в тот момент проявил себя Мирослав Тырш, которого тогда называли Бедржих¹⁵. Об этом свидетельствует заявление¹⁶ секретаря Пражского гимнастического общества Э. Грегга на сессии Общего собрания этой организации 19 июля 1862 г. Будущий старший инструктор общества, создатель сокольской гимнастической системы и идеологии, вскоре ставший символом «Сокола», был в тот момент мало кому известным выпускником юридического факультета Пражского университета, работавшим в гимнастической школе Малипетра, а ранее — у Шмидта. Согласно свидетельству одного из очевидцев событий 1861–1862 гг., до этого фигура Тырша еще не выделалась столь ярко на общем фоне¹⁷.

Слухи о подготовке нового общества стали появляться еще в сентябре 1861 г¹⁸. Первая встреча будущих основателей «Сокола», на которую собралось около 40 человек, состоялась в ноябре в школе Малипетра¹⁹, хотя он сам в начале был негативно настроен по отношению к этому проекту²⁰. На встречах, которые становились все многочисленнее, обсуждались различные организационные вопросы и, в первую очередь, вышеупомянутый Устав²¹.

Документ был подан на рассмотрение в Высшее Императорское Королевское наместничество 17 декабря 1861 г. В основу текста был положен перевод, сделанный М. Тыршем с немецкого языка для так и не появившегося на свет совместного чешско-немецкого гимнастического общества и переработанный при участии братьев Эдуарда и Юлиуса Грегров²².

Устав был одобрен 3 января 1862 г²³, однако по требованию властей в него пришлось еще внести отдельные поправки²⁴. Уже 4 января было опубликовано приглашение вступать в общество, создание которого обосновывалось опытом древних греков, а также «самых лучших педагогов, представляющих все просвещенные народы», и необходимостью бороться с малоподвижным образом жизни²⁵.

Окончательно Устав общества был утвержден в конце января 1862 г.²⁶ и вскоре опубликован в газете «*Národní listy*»²⁷. Общество состояло из учредителей, действительных членов и учеников. Первые отличались от вторых размером взносов, а третьи — от остальных — возрастом и правами. Руководство обществом осуществляли в период проведения сессий Общее собрание, а между ними — Правление, избираемое первым из упомянутых органов. Очередные

сессии Общего собрания должны были проходить раз в полгода. В Правление входили староста, его заместитель и еще 10 членов, включая секретаря, казначея, делопроизводителя и интенданта. На сессиях Общего собрания избирались также инспекторы и ревизоры, в ведении которых находились финансы.

Слово «Сокол» тогда отсутствовало в названии общества, однако в Уставе есть следующий пункт: «Эмблема общества — „парящий сокол“. Эта эмблема изображена на печати и на знамени»²⁸. Использовать это слово в память о югославянских героях борьбы против «османского ига» предложил журналист и ученый Эммануэль Тоннер, позднее один из членов Правления. Официально оно стало названием лишь в 1864 г.²⁹

Несмотря на то, что по Уставу в оформлении документов должен был использоваться лишь чешский язык и существовала определенная напряженность в отношениях с возникшим чуть позднее «Немецким гимнастическим обществом» («Deutscher Turnverein»), новое общество старалось действовать осторожно и не выдвигало каких-либо резких радикальных национальных лозунгов. В его Уставе указывалось, что «согласно действующему законодательству, над обществом осуществляется административный надзор со стороны соответствующих органов власти, с которыми должны быть согласованы все изменения», вносимые в этот документ³⁰.

16 февраля 1862 г. в гимнастической школе Я. Малипетра состоялась первая сессия Общего собрания Пражского гимнастического общества³¹. На ней был избран состав Правления³²: старостой общества стал Йиндржих Фигнер, глава отделения триестского Нового страхового общества для Богемии³³ и одновременно председатель Пражского союза стенографистов³⁴, а его заместителем — Тырш. В Правление вошли также: граф Рудольф Турн-Таксис, профессор Рудольф Скугерский, Фердинанд Фингергут, Карел Штеффек (казначей), Франтишек Писаржович (интендант), Эммануэль Тоннер, Эдуард (секретарь) и Юлиус Грегры, Ян Криспин и Томаш Черны (делопроизводитель)³⁵. В отличие от последующих выборов, тогда не образовалось никаких «партий» и единственным предметом дискуссии была кандидатура старосты — Фигнер или Турн-Таксис (однако Э. Грегр и М. Тырш убедили всех голосовать за первого, так как Турн-Таксис уже возглавлял певческое общество «Глагол», да и сам он отказывался от руководства обществом при любом результате выборов)³⁶. Организационный уровень в тот момент был далек от совершенства: список кандидатов был напи-

сан от руки, а большинство участников были вынуждены стоять во время мероприятия³⁷.

Р. Турн-Таксис, представитель древнего европейского аристократического рода, был заметной политической фигурой тех лет, разделял довольно радикальные политические взгляды, однако авторитета в «Соколе» он, несмотря на ряд попыток, добиться не сумел, проиграв борьбу противостоявшей ему группе сторонников братьев Грегров³⁸.

Выбор Фигнера старостой был весьма знаменательным событием. Заслуга в привлечении Фигнера к сокольскому делу принадлежала Тыршу, который познакомился с ним летом 1861 г. через промышленника Бартелмуса, с детьми которого он в тот момент занимался³⁹. Важными были как управленческие способности Фигнера как опытного предпринимателя, так и еще в большей степени его значительные денежные средства⁴⁰. О последнем факторе членам общества долгое время не сообщалось, и объяснение источников финансирования было дано позднее в «закрытом формате»⁴¹. До этого члены общества довольствовались лишь слухами, о чем свидетельствуют воспоминания одного из его основателей Вацлава Червинки:

«Я уже упоминал, что нас невероятно удивило помещение общества... Это все казалось нам каким-то чудом, словно вызванным взмахом волшебной палочки... И, конечно, у всех естественным образом рождался вопрос, который часто задавался в обществе: откуда взялись эти деньги? Ведь было очевидным, что месячных взносов с приблизительно ста действительных членов и того, что внесли многочисленные члены-учредители, было недостаточно для приобретения всего этого»⁴².

Следующая сессия Общего собрания состоялась 23 февраля 1862 г.⁴³, а затем — 2 марта⁴⁴. На последней был предложен и утвержден ряд изменений в Уставе, включая появление нового типа членов — «членов-меценатов», платящих меньше, чем «члены-учредители», но также, в отличие от действительных членов, не обязанных принимать участие в занятиях. Однако это изменение не было одобрено властями, на что была подана апелляция⁴⁵. Четвертая сессия была созвана 10 апреля⁴⁶.

11 мая состоялся первый «вылет» или поездка «соколов». Речь шла о первом появлении «соколов» на публике. Полиция запретила им использовать барабаны и в черте города — рожки⁴⁷. Среди пражан ходили слухи о создании из соколов «будущей национальной армии»⁴⁸. Большое впечатление толпа из двухсот человек в красных рубашках произвела на сельских жителей⁴⁹.

Важным событием с точки зрения формирования идеологии «Сокола» и внутренней борьбы в нем стали торжества, посвященные вручению знамени, прошедшие 1 июня 1862 г.⁵⁰. Это знамя создал известный художник Йозеф Манес, а соткали его жены и дочери ряда видных деятелей сокольского движения и чешской общественной жизни (в том числе, Фигнера, Турн-Таксиса, Палацкого, Ригера), а также известная чешская писательница Каролина Светла.

За распространение билетов на это мероприятие отвечал Й. Фигнер, который, вместе с М. Тыршем, в отличие от братьев Грегров, Турн-Таксиса, Тоннера, Скугерского и Барака, выступал за то, чтобы общество в большей степени занималось спортом, а не участвовало в политических играх, которые могли поставить под вопрос само его существование⁵¹. Фигнер постарался, чтобы на этом важнейшем событии присутствовало как можно меньше представителей «неспортивного» направления⁵².

В связи с этим праздником в газете «*Národní listy*» приводилось описание костюма сокола, основными элементами которого были тогда: красная рубашка, незастегнутый пиджак и шляпа с пером⁵³. О том, как должен выглядеть сокольский костюм, споры продолжались вплоть до 1873 г., а о его отдельных элементах — еще дольше.

Вскоре среди соколов вошло в обычай обращение «Брат!» или «Братья!», а изначально в качестве приветствия планировалось употреблять шахтерское «*Zdař Vůh!*» («В добрый час!»). Последнее, по предложению Э. Тоннера, было заменено на «*Na zdar!*» («Привет!»), а автором утвердившегося обращения стал Й. Барак. При приветствии перестали также снимать головной убор⁵⁴.

Использовать девиз «*Tužme se*», который дословно переводился как «Закаляйся!», а на деле означал призыв не только к физическому, но и к духовному самосовершенствованию, М. Тырш предложил еще на заседании Правления 20 апреля 1862 г. Постепенно этот девиз становится неотъемлемой частью жизни сокольства, хотя первоначально альтернативным вариантом, автором которого выступил Э. Грегр, было «Добьемся свободы силой»⁵⁵.

На торжествах по вручению знамени произносилось множество речей, а также прозвучала клятва, в которой основными ценностями общества провозглашались «любовь к Родине... человечность, братство, единоклассие, решительность, неустрашимость, упорство, умеренность, честность, активность, честь и слава»⁵⁶ и дважды «свобода». Позже эти заявления по-разному трактовались разными противоборствующими группами внутри движения, но и использовались

практически для оформления обложки журнала «Сокол», начавшего выходить с 1871 г.⁵⁷

Несмотря на соперничество чехов и немцев, на празднике 1 июня присутствовали 4 представителя «Немецкого гимнастического общества», что говорит о сложности взаимоотношений гимнастов двух наиболее многочисленных наций, проживавших на чешских землях.

В тот же день состоялось первое публичное выступление «соколов», которое рядовыми членами воспринималось как гораздо более важное событие, чем многочисленные «речи»⁵⁸. Под впечатлением от этого выступления многие зрители решили затем вступить в ряды общества⁵⁹.

После этого была организована традиционная поездка за город, на которой Турн-Таксис потерпел публичное фиаско. В начале мероприятия ему не предоставили слова. А когда он собрался произнести большую патриотическую речь во время всеобщего отдыха, ему не удалось перекричать шумную веселую кампанию, распевавшую патриотические песни о революции 1848–1849 гг.⁶⁰ В отличие от братьев Грегров, которые происходили из многолетней семьи лесника и поднялись наверх благодаря университетскому образованию, ему не хватало навыков общения с простыми людьми.

Этому празднику сами «соколы» придавали большое значение. Спустя 8 с лишним лет после него в связи с похоронами одной из его участниц Марии Махачковой⁶¹ газеты вновь вспоминали об этих торжествах. Одно издательство выпустило даже схему, на которой детально изображалось, где именно стояли 32 известных деятеля в момент вручения знамени⁶².

Праздником 1 июня 1862 г. завершился начальный этап истории сокольства. Сокольское движение представляется весьма интересным объектом исторического исследования. Равенство членов сокольских организаций и выборность должностных лиц свидетельствовали о демократизме и повышали общий уровень чешской политической культуры. Не ограничиваясь одним спортом, сокольство поддерживало любые действия, полезные с национальной точки зрения в сфере образования, искусства, науки, благотворительности или, скажем, пожарной безопасности.

Вскоре по образцу «Пражского „Сокола“» подобные общества стали возникать и в других чешских городах⁶³. Все они ориентировались на Прагу, однако лишь через много лет «соколы» смогли добиться организационного объединения в пределах Богемии, а затем

и всех чешских земель. С самого начала движение быстро ширилось и проникало за рубеж. Еще в 1862 г. начался процесс утверждения устава «Сокола» в Любляне⁶⁴, затем постепенно движение распространилось на территории почти всех современных славянских стран, а также стало популярным среди многочисленных чешских эмигрантов по всему миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. Praha, 1883. S. 33.
- 2 Národní listy. 4.I.1862; Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. Praha, 1883. S. 33.
- 3 Ibid. S. 15, 34, 41–43.
- 4 Ibid. S. 345.
- 5 Dějiny českých zemí (Pánek J., Tůma O. a kolektiv). Praha, 2008. S. 251–253.
- 6 Marek J. Dějiny Československé tělesné kultury (od roku 1848 do současnosti). Praha, 1983. S. 4–5.
- 7 Čejka J. Několik slov před wytím «Domacího lékaře» od Paulického // Časopis českého Museum. Praha, 1850. № 2. S. 269–285.
- 8 Nacionalizace společnosti v Čechách. 1848–1914. Ústí nad Labem, 2008. S. 57–60, 339–355.
- 9 Národní listy. 19.III.1872.
- 10 Müller J. Vznik a založení Pražské tělocvičné jednoty Sokola // Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 44–47.
- 11 Červinka V. U kolébky Sokola. Praha, 1920. S. 10.
- 12 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 45.
- 13 Тогда как немецкие источники отвергают такую трактовку событий (Nolte C. E. The Sokol in the Czech Lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2003. P. 196).
- 14 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 45.
- 15 Эта трансформация произошла в 1865 г. (Národní listy. 8.X.1865). При рождении Тырш был назван Фридрихом Эммануэлем Тиршом, имя Бедржих он начал нерегулярно использовать в 1850 г. (Oddělení dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea (далее — ODTVS NM), fond Miroslav Tyrš, karton 1. № 1, 5).

- 16 Národní listy. 20.VII.1862.
- 17 *Červinka V.* U kolébky Sokola. S. 25.
- 18 Ibid. S. 9.
- 19 Ibid. S. 11.
- 20 Ibid. S. 10.
- 21 Ibid. S. 17.
- 22 Národní listy. 20.VII.1862; Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 45.
- 23 Národní listy. 20.VII.1862.
- 24 Ibid. 2.I.1862.
- 25 Ibid. 4.I.1862.
- 26 Ibid. 31.I.1862.
- 27 Ibid. 10.II.1862.
- 28 Ibid.
- 29 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 46.
- 30 Národní listy. 10.II.1862.
- 31 Ibid. 14.II.1862, 16.II.1862.
- 32 Ibid. 17.II.1862.
- 33 Ibid. 1.I.1861.
- 34 Ibid. 4.I.1861.
- 35 Ibid. 20.VII.1862.
- 36 *Červinka V.* U kolébky Sokola. S. 33.
- 37 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 46.
- 38 *Červinka V.* U kolébky Sokola. S. 59–63.
- 39 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 44.
- 40 *Červinka V.* U kolébky Sokola. S. 33.
- 41 Ibid. S. 32.
- 42 Ibid. S. 31.
- 43 Národní listy. 23. II. 1862.
- 44 Ibid. 1.III.1862.
- 45 Ibid. 20.VII.1862.
- 46 Ibid. 9.IV.1862, 10.IV.1862. В последней заметке впервые слово «Сокол» выносятся в название общества, затем это станет общепринятым.
- 47 *Červinka V.* U kolébky Sokola. S. 45.
- 48 Ibid. S. 38.
- 49 Ibid. S. 38–54.
- 50 Národní listy. 2.VI.1862.

- 51 *Nolte C. E.* The Sokol in the Czech Lands to 1914... P. 50–51.
- 52 Ibid. P. 53.
- 53 Národní listy. 2.VI.1862.
- 54 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 51.
- 55 Ibid.
- 56 Ibid. S. 63.
- 57 Sokol. 1871. № 1.
- 58 Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského. S. 55.
- 59 Ibid. S. 58.
- 60 *Červinka V.* U kolébky Sokola. Praha. 1920. S. 73–75.
- 61 Národní listy. 4.X.1870.
- 62 ODTVS NM, fond Sokol, karton 21, № 268.
- 63 Единственное чешское спортивное общество, возникшее до «Пражского „Сокола“», появилось в 1861 г. в Брно, в 1864 оно стало сокольским, в 1866 прекратило свою деятельность в ходе Австро-прусской войны, а в 1868 снова заработало (Národní listy. 5.X.1869; *Scheiner J.* Dějiny sokolstva v prvním jeho pětadvacetiletí. Praha. 1887. S. 26, 41, 65).
- 64 Statisticko-historický přehled jednot sokolských pro rok 1865. Praha. 1866. S. 106–107.

Kotov V. V.

Shaping of the Sokol Movement (1861–1862)

The article deals with the origin of the Sokol movement in the years 1861–1862 in the Czech lands of the Habsburg monarchy, reveals direct and indirect causes of its emergence and describes the beginning of Sokols' activity.

Key words: *Sokol movement, Czech lands, Turnverein movement, Miroslav Tyrš, Jindřich Fügner.*

К. А. Вах
(Москва)

Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины*

В статье впервые исследуется роль итальянского архитектора Э. Пьеротти в деле приобретения в собственность России земельных участков в Иерусалиме, на которых позднее были построены первые русские храмы и паломнические приюты.

Ключевые слова: *Иерусалим, Русская Палестина, Русская Духовная Миссия, паломничество, дипломатия, Турция, археология, топография.*

Русские постройки в Иерусалиме — архитектурный ансамбль, воздвигнутый к северу от Яффских ворот Святого Града в 1859–1864 гг. для размещения паломников из России. Окрестные жители называли постройки «Москобия», а также «Новый Иерусалим». Это был первый жилой квартал за средневековыми стенами. Отсюда во второй половине XIX в. началось формирование нового города с европейским устройством и инфраструктурой.

Абсолютно неизвестной страницей в истории Русских построек является участие иерусалимского инженера-архитектора, топографа и археолога Эрмета Пьеротти. Ему Русская Палестина обязана приобретением важнейших земельных участков в Святом Граде и его окрестностях в 1857–1859 гг. Не в последнюю очередь благодаря Пьеротти Русский Иерусалим получил возможность при своем рождении не следовать греческому сценарию¹, который ранее «похоронил» намерения главы Духовной Миссии архимандрита Порфирия (Успенского). Но, для характеристики ситуации, связанной с его участием в «Иерусалимском проекте» русских, необходимо кратко описать первые шаги, предпринятые российскими властями в Святой Земле после окончания Крымской войны.

Основной задачей России в Палестине в условиях новой политической системы, сложившейся после заключения Парижского мира, было сохранение там своего влияния. К ее решению подключились два российских ведомства: Министерство иностранных дел и Мор-

* Исследование подготовлено в рамках гранта РГНФ № 11-61-00005а/П.

ское министерство. Последнее выдвинуло идею строительства в Палестине русских богоугодных заведений по принципу единой и самодостаточной паломнической инфраструктуры, а также высказалось за необходимость учреждения в Иерусалиме особого консульства для защиты интересов русских паломников и для управления российскими учреждениями в Святой Земле. Проект Морского министерства разработал и воплощал в жизнь чиновник Морского министерства Б. П. Мансуров, посетивший Иерусалим в январе-марте 1857 г. В своем отчете об этой поездке² Мансуров предложил использовать принцип экстерриториальности при устройстве русских приютов в Святой Земле. Паломничество из России Мансуров рассматривал как гуманитарную деятельность, которая должна была осуществляться по стандартам международного права под зашитой российского консула в Иерусалиме в соответствии с двусторонними правительственными соглашениями между Османской империей и Россией. Идею Мансурова поддержал брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич, под руководством которого в Петербурге составил особый Иерусалимский комитет, занятый разработкой мер по улучшению быта русских паломников в Палестине. Новый министр иностранных дел России князь А. М. Горчаков также принимал участие в разработке «Иерусалимского проекта» великого князя Константина Николаевича, но в итоге выдвинул альтернативный план. По линии МИДа в Иерусалиме была восстановлена Русская Духовная Миссия во главе с епископом, который по своему статусу оказывался выше всех других русских представителей в Святой Земле. Начальником Духовной Миссии был назначен епископ Кирилл (Наумов). Кроме основной инструкции³, он имел секретное поручение МИДа купить в Иерусалиме землю для устройства на ней русских богоугодных заведений⁴, подведомственных начальнику Миссии. Российский посланник в Константинополе и русский генеральный консул в Бейруте получили предписание содействовать епископу Кириллу в этом вопросе⁵.

1 февраля 1858 г. Русская Духовная Миссия достигла Иерусалима и сразу же стала заметным фактором всей церковно-политической жизни в Святой Земле⁶. «Странно, но правда требует сказать, — общал епископ Кирилл А. М. Горчакову, — наряду с православными арабами и болгарами, и турки употребляли и употребляют все меры выразить свои чувства дружбы и преданности⁷; вместе с армянами, слишком уж сильными в изъявлении своих чувств к России, и сирійцы, и грекоуниты, и марониты с доверием обращаются ко мне, не

стесняясь принять благословение от русского архиерея: все возлагают надежды на Россию, страшась ближайших новых друзей, так уже близко прижимающих здешнее народонаселение к своей груди, что ему становится душно и тяжело, как в агонии, — и презирая, с другой стороны, старых покровителей, дающих полную свободу всем и всему, кроме своих кошельков и своего участия к страждущим за Веру и Правду»⁸. Все в Иерусалиме «выражали уверенность, что Миссия предпримет что-нибудь вроде серьезной и прочной постройки, многие даже прямо предлагали свои услуги»⁹. Австрийский консул устроил для начальника Миссии подробную экскурсию по строящемуся странноприимному дому, а французский консул с явным намерением продемонстрировал ему купленное драгоманом консульства место за городом «ничем пока не занятое»¹⁰. Греческое святогробское братство, наоборот, пребывало в состоянии настороженного ожидания, решившись, тем не менее, в случае необходимости выделить для возможных русских заведений в Иерусалиме какой-нибудь участок от себя бесплатно, что позволило бы им в будущем заявить о своих правах на него¹¹. В качестве поддержки в Иерусалим был вызван устроитель и первый ректор богословской школы на острове Халки митрополит Ставропольский Константин (Типалдос). Присутствие этого авторитетнейшего ученого и педагога должно было устранить любую возможность участия русского архиерея в устройстве местных школ¹². Вслед за ним из Константинополя внезапно приехал сам Иерусалимский Патриарх, который, по словам начальника Миссии, уже в Яффе «начал расспрашивать с весьма двусмысленной улыбкою, как поживает Мелитопольский, как преуспевают его школы и разные другие заведения»¹³. На первой же официальной аудиенции Патриарх «попрекнул» начальника Миссии домом, в котором Миссия разместилась и который был построен на деньги Патриархии¹⁴. Митрополит Константин (Типальдос) утверждал в кругу иерусалимских греков, «что Патриарх прислан Портою именно для того, чтобы ослабить силу и влияние русского епископа»¹⁵. Начальнику Миссии понадобилось более полугода, чтобы нормализовать свои отношения с Патриархом, которые в конце концов переросли даже в подобие церковно-дипломатического союза. Блаженнейший стал использовать русского епископа, когда ему нужно было противостоять давлению членов святогробского братства. «Дай только Бог, — писал начальник Миссии, — чтобы то доверие, которое питает теперь Патриарх лично ко мне, распространилось и на все наши дела на Востоке и на всех других русских деятелей в Иерусалиме, чтоб не было

у него задней мысли сделать из меня орудие своей зависти против русских же, что могло бы повести к крайне тяжким последствиям; с нетерпением ожидаю прибытия г. консула и в особенности г. Мансурова, которому имею передать весьма многое; они должны быть здесь на днях»¹⁶.

Первый российский консул в Иерусалиме В. И. Доргобужинов прибыл в Святой Град совместно с Б. П. Мансуровым и будущим архитектором Русских построек М.И. Эппингером 17 сентября 1858 г. Таким образом, в Палестине собрались все основные исполнители «Иерусалимского проекта». «Епископ Кирилл мне очень понравился, мы очень тепло встретились, и я надеюсь, что все пойдет хорошо», — написал Мансуров отцу через два дня после прибытия в Святой Град¹⁷. Тогда же был сделан и единственный фотоснимок, известный как «Строители Русских подворий в Иерусалиме», который дошел до нас в составе коллекции епископа Порфирия (Успенского)¹⁸. На нем в первом ряду, кроме основных членов Русской Духовной Миссии: епископа Кирилла (Наумова) и иеромонахов Леонида (Кавелина) и Ювеналия (Половцова), сидят В. И. Доргобужинов и Б. П. Мансуров. Во втором ряду, между епископом и консулом, стоит архитектор М.И. Эппингер, а за ним, левее, в третьем ряду, можно обнаружить фигуру Эрмета Пьеротти. Дата фотоснимка (17.09–03.11.1858) устанавливаются благодаря письмам Мансурова к отцу¹⁹, из которых следует, что Мансуров покинул Святой Град 3 ноября 1858 г. Интересно и место съемки. Групповая фотография сделана на террасе (на крыше) так называемого Дома Порфирия, построенного в 1853–1855 гг. греческой Патриархией при участии архимандрита Порфирия (Успенского) для размещения в нем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Сам Порфирий ни одного дня не жил в этом доме, так как после начала Крымской войны вынужден был уехать в Россию. Дом был построен во внутреннем дворе (в саду) Иерусалимской Патриархии и всегда оставался в ее владении. Характерной привязкой к месту служат керамические фрагменты вершины оградной стены террасы, частично сохранившиеся до настоящего времени. Памятный снимок был сделан иерусалимским фотографом Джоном Динесом, который в 1856–1859 гг. постоянно работал с Пьеротти.

Справедливо будет поставить вопрос: что связывало Пьеротти с теми, кто изображен на фотографии?

Биографические сведения о Пьеротти скудны²⁰. Обладая незаурядными способностями, он отличался склонностью к авантюризму. Один из современных интернет-источников называет Пьеротти «ко-

мендантом инженеров итальянской армии»²¹, другой «опальным пьемонтским офицером»²². Он служил у моденского герцога в должности капитана инженерных войск²³. В 1849 г. Пьеротти был обвинен в хищении военного имущества и после суда вынужден был оставить службу. В Палестину он прибыл, по его собственным словам, в марте 1854 г.²⁴, вероятно, вместе с войсками Сардинского королевства. С этого времени до августа 1861 г. он постоянно находился в Палестине, занимаясь изучением библейской истории и археологии²⁵. Пользуясь покровительством губернатора Иерусалима Суррейя-паши²⁶ и французского консула в Иерусалиме Эдмонда де Баррера, он сделал удачную карьеру, заняв должность городского архитектора. В 1856 г. он участвовал в реконструкции водопровода на Храмовой горе и в других частях города. Используя свое официальное положение и связи, Пьеротти стал первым европейским исследователем, сумевшим изучить и составить подробный план археологических древностей, памятников и подземелий Храмовой горы²⁷. В том же 1856 г. в Иерусалиме были изданы первые топографические исследования Пьеротти: План Иерусалима, Иллюстрированная панорама Святого Града и План храма Воскресения²⁸. Б.П. Мансуров познакомился с ним во время своего посещения Святой Земли в 1857 г. Пьеротти произвел на него большое впечатление не столько познаниями в археологии, сколько возможностями, которыми располагал в Палестине иерусалимский архитектор-европеец²⁹. В 1857 г. он, с разрешения Сурейя-паши, устроил посещение мечети Омара для Б. П. Мансурова³⁰. Вероятно, в том же году Пьеротти познакомился с новым российским генеральным консулом в Сирии и Палестине Н. Я. Мухиным. Именно Пьеротти участвовал в покупке первых русских участков в Иерусалиме в апреле 1857 г. молодым и очень богатым русским меценатом графом Н. А. Кушелевым-Безбородко. Сохранившаяся переписка Мансурова с отцом позволяет нам точно определить время и некоторые обстоятельства этой сделки. Граф Кушелев прибыл в Бейрут из Константинополя 10 апреля 1857 г. по новому стилю, как раз когда там находился Мансуров. Уже через два дня, 13 апреля, он вместе с генеральным консулом отправляется в Яффу. Заметим, что обычно генеральный консул не сопровождал путешественников в Иерусалим, если к этому его не побуждало прямое распоряжение начальства³¹. В Иерусалиме Мухин и Кушелев пробыли совсем недолго и вернулись в Бейрут уже 27 апреля. Даже если учесть, что путь от Бейрута до Яффы на пароходе займет день, еще день займет путь от Яффы до Иерусалима и столько же времени понадобится путе-

шественникам на обратную дорогу, получается что в самом лучшем случае Кушелев пробыл в Иерусалиме с 15 по 25 апреля, т.е. не более 10 дней. За это время путешественник не только совершил паломничество, но и успел найти два земельных участка, договориться с продавцами и начать оформление сделки. При этом купленная земля была совершенно не нужна Кушелеву, хотя в итоге он даже заработал на ее продаже³².

Каким образом вообще могла состояться эта покупка? Даты оформления сделок: 23 мая по участку на Мейдаме и 31 июля по участку Мамилла³³. Кушелева не было в это время в Иерусалиме. Кто-то должен был оформить сделку вместо него. Причем схема покупки участка на Мейдаме была сложной. Сначала была оформлена купчая на некоего Антона сына Лонзо, который заплатил за участок 7800 франков с приложением пары часов и ящичка с неизвестной суммой денег. Через два дня покупатель продал его графу Кушелеву на тех же самых условиях. Человеком, оформившим эти сделки, был Пьеротти. О том, что Кушелев познакомился с Пьеротти при своем посещении Иерусалима, свидетельствует доверенность, выданная иерусалимскому консулу Доргобужину в марте 1859 г. Согласно доверенности, Кушелев, во-первых, поручает консулу оформить продажу своих участков на имя Мансурова или Пьеротти, и, во-вторых, он упоминает о значительной денежной сумме в 2000 франков, которую Доргобужин должен был уплатить Пьеротти по выданной ранее доверенности³⁴.

Появление на Востоке одного из богатейших людей России было большой удачей для российского Министерства иностранных дел. Граф Н. А. Кушелев-Безбородко быстро принял предложение на время сделаться «иерусалимским помещиком», а для МИДа этот опыт стал наглядным доказательством возможности подобных покупок и относительной простоты всего механизма сделки. Интересен и выбор участков, приобретенных Кушелевым: на Мейдаме и в Мамилле. Расположенные в непосредственной близости от Яффских ворот Старого города, они находились на открытых, сравнительно ровных площадках, позволявших в случае приобретения в будущем других прилегающих участков построить тут значительное количество зданий со всеми коммуникациями. По нашему предположению, единственным человеком в Иерусалиме, располагавшим одновременно необходимой информацией о продававшихся участках, способным выбрать подходящие участки и почти мгновенно начать оформлять их покупку, мог быть только Пьеротти. Эта гипотеза получила под-

тверждение, когда в архиве Мансурова нам удалось обнаружить письмо к нему Кушелева-Безбородко от 18 мая 1857 г., отправленное из Бейрута. Граф сообщал, что послал Пьеротти деньги и доверенность, чтобы он мог завершить акт покупки обоих участков на имя Кушелева³⁵.

Скорее всего, инициатива по части приобретения земли близ Иерусалима графом Кушелевым-Безбородко принадлежала генеральному консулу в Бейруте Н. Я. Мухину, который для этого и отправился с ним в Палестину. Но несомненно и то, что действовал он в рамках полученных инструкций из Министерства иностранных дел России³⁶. Эта покупка произвела принципиальные сдвиги в торговле недвижимостью. Ранее относительную ценность имели лишь земли внутри Старого города или святые места, связанные с народной традицией и историей. Теперь земли на Мейдаме и в окрестностях Иерусалима стали приобретать для перепродажи под нужды будущего строительства. Единственным человеком до Кушелева, купившим земли возле стен старого города под возведение жилых домов, был Мозес Монтефьоре. Участок земли на западе от Иерусалима он приобрел в 1855 г., в 1857 г. построил на нем знаменитую мельницу Монтефьоре, но строительство первого жилого дома началось лишь в 1859 г., практически одновременно с открытием русскими своих работ на Мейдаме.

Наиболее сильной профессиональной стороной Пьеротти была топография, а топографию окрестностей Иерусалима он изучил в совершенстве. В глазах и Мансурова, и Мухина это обстоятельство делало его практически незаменимым сотрудником. А дел предстояло много. В Иерусалиме требовалось снять в аренду помещения для временных паломнических приютов, найти и приобрести земельные участки или здания как в городе, так и за его пределами с учетом дальнейшего устройства на них русских богоугодных заведений и других инфраструктурных объектов. Вероятно, после покупки земель на имя графа Н. А. Кушелева-Безбородко и знакомства с епископом Кириллом и Б. П. Мансуровым, Пьеротти принял предложение продолжить сотрудничать с российскими представителями в Палестине. До учреждения российского консульства в Иерусалиме он взаимодействовал с генеральным консулом в Бейруте Н. Я. Мухиным и начальником Духовной Миссии епископом Кириллом (Наумовым). Как уже было сказано, епископ Кирилл прибыл в Иерусалим с секретной инструкцией министерства, предписывавшей ему найти в Иерусалиме место для постройки на нем русских богоугодных заведений. Об этом

поручении он лично сообщил генеральному консулу. По словам Мухина, «этот предмет требовал предварительного изучения местности и разведываний под рукою. Я не оставил предпочтительно заняться сею статьею, тем более что духовные требы и светские обязанности, налагаемые в Иерусалиме этикетом на новоприезжих, мешали нашему епископу приложить к тому исключительное внимание»³⁷. Для «подробного обозрения местностей» Мухин привлек Пьеротти, в совершенстве изучившего «как топографию Святого Града, так и местные способы приобретения земель и построения»³⁸. По результатам поисков Пьеротти составил для него и епископа Кирилла особую записку на итальянском языке³⁹, датированную 24 февраля 1858 г. Несмотря на то что было осмотрено большое количество мест внутри Старого города, Пьеротти акцентировал внимание российских властей только на пяти участках, которые могли, по его мнению, быть приобретены в Иерусалиме. Он подробно описал особенности каждого, оценил их возможную стоимость и предположил способы их приобретения. В числе прочих, Пьеротти обращал внимание на участок Даббага (Кожевенный завод) возле храма Воскресения, за право приобрести который давно уже боролись греки и католики, и на участок, называемый Больницей св. Елены (Хассеки-Султан) в юго-восточной части Иерусалима. Об этих же участках писал в своем отчете 1857 г. и Б. П. Мансуров⁴⁰. Если припомнить, что его иерусалимским чичероне в 1857 г. был именно Пьеротти, можно сделать вывод о вероятном обсуждении ими приобретения этих же участков для Российского Правительства еще в начале 1857 г.

По мнению генерального консула Мухина, приобретение любого из этих участков для российской стороны «повлекло бы большие неудобства»⁴¹. Особенности турецкого земельного законодательства, по расчету консула, приведут к существенному увеличению затрат, которые необходимо будет понести, чтобы иметь возможность использовать купленные земли для целей правительства. Оставались еще участки, принадлежавшие Греческой Патриархии, о которых не было упомянуто в записке Пьеротти, поскольку они не подлежали продаже, но которые, по мнению епископа Кирилла, представляли «самые лучшие и удобнейшие для нас места»⁴². Наиболее подходящими греческими владениями были, по мнению Мухина, два участка: Версабия и участок, называемый монастырем странноприимных рыцарей св. Иоанна, охватывающий с двух сторон Кожевенный завод⁴³. По соглашению с епископом Кириллом⁴⁴, Мухин решил переговорить об уступке одного из этих участков России с наместниками

Иерусалимского Патриарха: митрополитами Петрским Мелетием и Лиддским Герасимом. В итоге, по просьбе Мухина, Пьеротти отменил на печатной карте Иерусалима интересовавшие русских арабские и греческие владения в Иерусалиме. Поскольку масштаб плана был невелик, Пьеротти по просьбе Мухина от руки составил план участка Версабия⁴⁵. Записка Пьеротти, датированная 1 марта 1858 г., ее перевод на русский язык, отношение генерального консула Мухина к данному вопросу, карта Иерусалима и рукописный план участка Версабии были отправлены посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу. В свою очередь посланник переправил эти материалы министру иностранных дел А. М. Горчакову в Петербург, испрашивая его указаний: «До какой степени я могу быть уполномочен со своей стороны на объяснения по сему предмету с самим Патриархом Иерусалимским в случае действительного желания нашего Правительства приобрести покупкою помянутый участок»⁴⁶.

С этого момента Пьеротти становится помощником⁴⁷ епископа Кирилла в различных сложных и щекотливых делах. Вскоре, 20 марта 1858 г., в Чистый четверг в Иерусалиме разгорелся скандал вокруг права епископа Кирилла служить на Голгофе. Католический Патриарх Иосиф Валерга потребовал от градоначальника наказать тех, кто впустил русских в храм Воскресения. Пьеротти составил для начальника Миссии подробный план Голгофы, с указанием пропорций и всех святынь, чтобы показать абсурдность основных обвинений, которые ему предъявляли⁴⁸. 1858 год был временем наиболее тесного сотрудничества Пьеротти с российскими представителями в Иерусалиме. Дружба с генеральным консулом и начальником Духовной Миссии, прямое участие Пьеротти в делах российских учреждений в Святом Граде, оказанные им услуги — все это позволяло ему рассчитывать на вступление на русскую службу. Логично будет предположить, что «инженер-архитектор», как называл себя сам Пьеротти, рассчитывал получить работу именно по этой специальности. Этим надеждам не суждено было сбыться по нескольким существенным причинам: его репутация была испорчена вследствие судебного преследования в 1849 г., покровительствовавший ему Мансуров не имел достаточной власти для единоличного принятия подобного решения, а архитектор М.И. Эппингер, по-видимому, не выражал желания иметь своим товарищем Пьеротти.

Итак, в сентябре 1858 г. в Иерусалим вместе с Мансуровым прибыли первый российский консул В.И. Доргобужин и архитектор Морского министерства М. И. Эппингер⁴⁹. Мансуров привез целую

экспедицию, задачей которой было определить место будущих русских богоугодных заведений, изучить его топографические особенности, снять рабочие планы и получить необходимые сведения для составления сметы. Поначалу у Мансурова сложились доверительные отношения с епископом Кириллом⁵⁰. «Мы находимся в прекрасном согласии с епископом Кириллом и во всем действуем заодно», — сообщал он отцу, прибавляя, что из-за огромного количества работы все его спутники и он едят уже 72 часа без перерыва⁵¹. Но дружеские отношения с начальником миссии скоро подверглись серьезному испытанию. В конце октября многие противоречия обнажились⁵². Епископ Кирилл имел собственное представление о своей роли в Иерусалиме. Мансуров вынужден был уступить. Аргументация епископа дошла до нас в одном из его частных писем к российскому посланнику в Константинополе князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. Она состояла в том, что, только Духовная Миссия имеет естественные «право и нужду» управлять Русскими постройками в Иерусалиме⁵³. Единственной уступкой со стороны епископа стало согласие на то, что кроме него покупкой земель в Иерусалиме будет заниматься Доргобужинов.

Мансуров вместе со всеми спутниками покинул Иерусалим 15 ноября 1858 г., убедившись, что консул успел войти в круг своих обязанностей. При этом ближайшим помощником Доргобужинова во всем, что касалось поиска и приобретения земель, стал Пьеротти. С разрешения Мансурова он был полуофициально принят на службу в российское консульство сверх штата. Его ежемесячное жалование составляло 500 франков в месяц и выплачивалось консулом из пожертвований, поступавших через Морское министерство на улучшение быта православных поклонников в Палестине⁵⁴. С этого момента Пьеротти выступал для продавцов земельных участков как служащий российского консульства.⁵⁵ Характеристикой отношения Пьеротти к своим обязанностям может служить и то, что даже купив в декабре 1857 г. (подобно многим другим) участок земли на мейдамской площади за 2400 франков с очевидной целью перепродажи, Пьеротти продает его весной 1859 г. консулу В.И. Доргобужинову всего за 2520 франков (учитывая затраты на оформление)⁵⁶.

В архивных документах практически не встречается прямых упоминаний о деятельности Пьеротти в российском консульстве в Иерусалиме. Его участие в делах «Иерусалимского проекта» приходится реконструировать на основании малозаметных упоминаний и сопоставлении всех этих сведений между собой. В качестве нештат-

ного сотрудника консульства Пьеротти прослужил как минимум до мая 1859 г., когда в Иерусалим прибыл великий князь Константин Николаевич. Августейший визит подвел итог всем земельным приобретениям в Иерусалиме: некоторые из участков были уже оформлены, другие требовалось еще подтвердить документально. Эту работу выполнял Пьеротти. Мы рискуем сделать еще одно предположение. Когда великий князь Константин Николаевич прибыл в Иерусалим, стало известно, что султан Абдул Меджид в память об этом событии дарит России участок государственной земли на Мейдаме, примыкавший к земле графа Кушелева-Безбородко. Об этом подарке султана великому князю сообщил губернатор Иерусалима Сурейя-паша — друг и покровитель Пьеротти. Вероятно, именно Пьеротти подсказал губернатору данное решение, которое затем было официально оформлено в османском правительстве. После отъезда великого князя из Палестины Пьеротти надеялся на свое участие в строительстве в качестве архитектора и с этой целью принимал участие в каких-то работах на русском участке осенью 1859 г. Журнал Палестинского Комитета от 15 апреля 1860 г. утвердил все произведенные ранее расходы на подготовительном этапе устройства богоугодных заведений в Иерусалиме. Среди прочих статей расходов значатся «расходы на отыскание земель», куда, вероятно, вошли суммы, выданные Пьеротти по этому предмету, а также «содержание прежнего архитектора», т.е. жалование Пьеротти на сумму 1152 р. 21 к. Такие деньги Пьеротти мог получить не более чем за год службы. Поэтому можно считать, что в конце 1859 г. он уже не получал жалования в российском консульстве в Иерусалиме.

Всю свою жизнь, насколько мы можем это проследить, Пьеротти старался попасть в поле зрения коронованных особ, рассчитывая на их покровительство. Козырной картой в этом расчете был Иерусалим: полный загадок, почти еще не известный науке, овеянный легендами, отложившимися в европейской паломнической литературе. И в то же время в середине XIX в. Иерусалим делается центром притяжения европейской политики, ареной соперничества и борьбы великих держав за турецкое наследство при еще живом владельце. Пьеротти рассчитывал, что его знания Палестины и практический опыт доставят ему почетное место эксперта по Востоку при одном из европейских правительств. Через два года после издания в 1856 г. в Иерусалиме своих первых научных работ: двух топографических планов Иерусалима и плана храма Воскресения, Пьеротти публикует два более подробных исследования по тому же предмету, основанных на

личных археологических изысканиях. Книги Пьеротти увидели свет в Мадриде в 1858 г. и были изданы на средства королевы Испании и ей же посвящены⁵⁷. В 1858–1860 гг. Пьеротти сотрудничает с русскими и ничего не издает, но строит планы поездки в Петербург, чтобы поднести императору «свой редкий, даже единственный по своему внутреннему достоинству альбом Иерусалима с подробным изображением и измерением всех местностей Св. Града и Палестины...»⁵⁸. В 1861–1862 гг. он занимается составлением рукописного атласа Палестины и покидает Святую Землю в августе 1861 г. после того, как его друг и покровитель Сурейя-паша оставил должность губернатора Иерусалима. Вероятно, в 1863–1864 гг. он живет в Лондоне, где в 1864 г. выпускает в английском переводе две свои наиболее значительные в научном отношении книги: «Jerusalem Explored» (имеется также ее итальянское издание) и «Ancient and Modern Customs of Palestine» (London, 1864). Первая из этих книг имеет посвящение Наполеону III. В связи с обвинениями в плагиате и в результате страстной полемики вокруг его научных открытий⁵⁹ он вынужден был покинуть АНГЛИЮ. В 1865 г. в Париже вышла его следующая книга — «La Palestine actuelle das ses rapports avec la Palestine ancienne», профинансированная Ротшильдом и также посвященная Наполеону III. В 1865 г. он перебирается в Италию и пытается заручиться поддержкой короля Витторио Эмануила, которому он посвятил другую книгу «Rivista generale della Palestina antica e moderna», вышедшую во Флоренции и Генуе в 1866 г. На такое посвящение он получил официальное разрешение. Во введении, обращенном к королю Италии, Пьеротти упоминает об аудиенции, состоявшейся «в феврале прошлого года»⁶⁰, т.е. в 1865 г., когда он имел возможность представить свой труд в рукописи. На с. 66 указанной книги приведен список публикаций Пьеротти. Там же упоминаются книги, готовящиеся к выходу в свет: «La Grande Carta della Palestina», посвященная королю Витторио Эммануилу, и «Scene Arabe», которая, по-видимому, представляет собой литературные опыты Пьеротти.

Последняя из известных нам книг Пьеротти вновь была обращена к России. По сути она являлась французским переводом «Rivista generale della Palestina antica e moderna» и была посвящена автором «самодержцу всея России» императору Александру II⁶¹. На такое посвящение Пьеротти также получил официальное разрешение, подписанное министром императорского двора графом Адлербергом 5 июля 1869 г.⁶². Данный факт косвенно может свидетельствовать, во-первых, о том, что услуги Пьеротти не были забыты в России, и, во-вторых,

что Александру II действительно удалось возродить на Западе и Востоке образ России как покровительницы святых мест и Иерусалима.

В заключение можно добавить, что хотя авантюризм, свойственный натуре нашего исследователя, не принес ему личных выгод, но имя Пьеротти все-таки осталось в истории благодаря его энергии в исследовании топографии и археологии Иерусалима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В оценке роли греческой Иерусалимской Патриархии по отношению к русским учреждениям на Святой Земле российский МИД и начальник Миссии епископ Кирилл были едины: «Окончательно улучшить положение поклонников нельзя, не устроив новые заведения сообразно с их потребностями; этим только средством мы можем освободить себя из зависимости от Патриархии, которая старается стеснить нас бескорыстными с первого взгляда, но в сущности рассчитанными предложениями уступить нам бесплатно некоторые помещения. Подобная зависимость от Патриархии унизила бы нас в глазах не только иностранцев, но и наших единоверцев, сербов и болгар, дала бы повод русским поклонникам разделиться между Духовной Миссией и греческой иерархией и обеспечила бы перевес над нами грекам, которые, извлекая из нас всю возможную пользу, захотели бы приобрести преимущественное влияние над русскими посетителями Святого Града». АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 10. Ч. 5. Л. 51.
- 2 Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857.
- 3 Текст официальной инструкции МИДа начальнику Духовной Миссии опубликован: *Титов Ф.И.*, свящ. Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с Православным Востоком. Киев, 1902. С. 132–136. В 11-м пункте инструкции в общих выражениях сказано: «При человеколюбивых заведениях латинских необходимо, чтобы и с нашей стороны было сделано что-либо подобное» (с. 134–135).
- 4 О существовании инструкции, в части приобретения земель, которую начальник Миссии показывал наиболее доверенным лицам: российскому посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу и генеральному консулу в Сирии и Палестине Н. Я. Мухину, можно заключить из донесения генерального консула от 21 февраля 1858 г.:

«Начальник Духовной нашей Миссии сообщил мне инструкции императорского министерства о приискании места в Иерусалиме для построения русских богоугодных заведений» (АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 9об.). О ней прямо говорится в журнале Палестинского Комитета от 11.12.1859 г.: «Так как инструкция начальнику Духовной Миссии была дана прежде учреждения Комитета для ведения всех дел, касающихся до устройства благотворительных заведений в Иерусалиме, то просить г. министра иностранных дел изменить в чем следует те части инструкции начальника Духовной Миссии, которые не согласны с началами, изложенными в настоящем журнале» (АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1859 г. Д. 17. Л. 9об.). В результате министерского распоряжения право «предоставленное начальнику Миссии прежними инструкциями в деле покупки земель под предполагаемые богоугодные заведения наши» уже в августе 1859 г. было отменено (АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3342. Л. 131об.). О том, что инструкция была секретной, говорит тот факт, что задача покупки земель в Иерусалиме не проходила в официальных документах МИДа, а сообщалась начальнику Миссии в письме министра иностранных дел А. М. Горчакова от 17.10.1857 г. за № 3956. АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 10об. По той же причине об этом не было известно исследователям, занимавшимся деятельностью епископа Кирилла (Наумова) в Иерусалиме и изучавшим данные ему предписания. Секретностью можно объяснить странное отсутствие в известной инструкции епископу Кириллу какого-либо упоминания о проблемах русских паломников в Палестине. Об этом противоречии писал еще Мансуров в декабре 1857 г. Создавалось впечатление, будто «русские богомольцы поставлены к Миссии в отношении особого рода единоверцев, не входящих в обязательный круг ее действий». См.: *Мансуров Б. П.* Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 93.

- 5 Этот вопрос находился на контроле у Горчакова: посланник в Константинополе А.П. Бутенев пересылал министру лично всю информацию, которая доставлялась ему генеральным консулом в Бейруте и начальником Духовной Миссии в Иерусалиме «даже в частных письмах... в особенности о разысканиях местности, годной для приобретения» (АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 3об.).

- 6 «Другие уже подумали за нас, прежде чем мы сами о себе, и обратили вопрос о наших нуждах... в вопрос о чести России и о будущем Православия на Востоке», — писал о значении новой Русской Духовной Миссии епископ Кирилл. Там же. Л. 10об.
- 7 По сообщению А. П. Бутенева, известный в Иерусалиме Абдалла эфенди, владевший скандальной комнатой на крыше храма Воскресения, желал продать ее и свой дом рядом с храмом русским, если они помогут ему получить разрешение османского правительства на сделку. Там же. Л. 2–2об.
- 8 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 6об.
- 9 Там же. Л. 9об.
- 10 «До сведения моего дошло, — писал епископ Кирилл, — что об этом месте были в консульстве французском толки еще прежде нашего приезда и родилась мысль — сбыть его русским» (Там же. Л. 9об–10).
- 11 «У греков, которые не могут скрыть страха нашей самостоятельности, еще прежде прибытия Миссии в Иерусалим, были уже в домашнем кружке совещания, какое место уступить русским. Место избрано, какое — я еще не знаю, но избрано. Видимо, что нам остается быть настоятельными в своем желании приобрести. Одна только тут нужна предосторожность. Трусливые греки хотят на всякий случай иметь в своих руках хотя полу нашего платья. Они хотят уступить нам землю, но только — без денег: ловушка, в которую они уже раз поймали нас, отдав (на словах) без денег дом архимандрита Порфирия под Русскую Духовную Миссию и монастыри Архангельский и Феодоровский для поклонников», — сообщал епископ Кирилл (Там же. Л. 12). О том же по своим каналам узнал и А.П. Бутенев в Константинополе (Там же. Л. 2). Возможно, слух о состоявшемся решении святогробского братства был специально пущен в ход греческой стороной.
- 12 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 2. Л. 2.
- 13 Там же. Л. 1. Из этого фрагмента видно, что Блаженнейший Патриарх еще в Константинополе и, вероятно, непосредственно от начальника Русской Духовной Миссии узнал о планах русских устроить собственную инфраструктуру в Палестине. О том, что епископ Кирилл имел в этот момент совершенно определенные намерения и предполагал со временем добиться полной самостоятельности для Русской Церкви на святых местах свидетельствуют его собствен-

- ные слова: «Было бы прекрасно, если бы открылся случай приобрести право на самостоятельное служение на Св. Гробе. Рано или поздно, но с водворением консула, с устройством отдельного помещения и управления для наших поклонников сделать то и другое будет необходимо» (Там же. Л. 2об.).
- 14 Там же. Л. 1об.
- 15 Там же. Л. 2.
- 16 Там же. Л. 7. Донесение епископа Кирилла (Наумова) об улучшении его отношений с Патриархом Иерусалимским было написано 19.08.1858 г.
- 17 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.
- 18 *Vax K.A.* Фотография строителей русских подворий в Иерусалиме в собрании видов Святой Земли епископа Порфирия (Успенского) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 2. М., 2011. С. 163–176.
- 19 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 34.
- 20 Приблизительные даты жизни Пьеротти: 1820?–188?. В Палестину он прибыл в возрасте около 35 лет.
- 21 <http://cosmos.ucc.ie/cs1064/jabowen/IPSC/php/authors.php?aid=24792> (дата обращения 09.03.2012)
- 22 <http://www.pef.org.uk/maps/> (дата обращения 09.03.2012)
- 23 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 10об.
- 24 *Pierotti E.* Topographie ancienne et moderne de Jerusalem. Lausanne, 1869. P. 7.
- 25 Там же.
- 26 «Покровительству и помощи Сурейя-Паши, губернатора Иерусалима, я во многом обязан успехом моих научных изысканий, и я доказывал ему свою благодарность, будучи лично преданным его особе и оказывая ему различные услуги, которые он мог ожидать от меня как губернатор и как друг. Воспоминание о его расположении навеки запечатлелось в моем сердце». См.: *Pierotti E.* Topographie ancienne et moderne de Jerusalem. Lausanne, 1869. P. 8.
- 27 http://www.edicolaweb.net/am_0333.htm (дата обращения 09.03.2012); <http://www.pef.org.uk/maps/> (дата обращения 09.03.2012)
- 28 *Rivista generale della Palestina antica e moderna. Cronologia storica, topografia, divisioni, prodotti, leggende, tradizioni par dottore Ermete Pierotti Architetto Ingegneri di Terra Santa di S.E. Soraya Pascia e membro corrispondenti di varie Accademie (de servire anche d'illustratine alla carta della Palestina).* Firenze e Genova, 1866. P. 66.

- 29 «Я также познакомился с итальянским художником-архитектором господином Пьерротти... человеком многих талантов, прекрасно образованным и редкой решительности путешественником, который находится в Палестине уже более двух лет, чтобы завершить огромный и замечательный труд на Святой Земле», — писал Б.П. Мансуров отцу. См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 32. Л. 67об.–68.
- 30 См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 32. Л. 68–68об.
- 31 Например, он не ездил в Палестину вместе с Мансуровым, хотя ему было хорошо известно, что последний выполняет поручение брата императора великого князя Константина Николаевича и действует с одобрения царя. И, наоборот, по поручению МИДа консул сопровождал в Иерусалим Русскую Духовную Миссию и способствовал ее успешному водворению в Святом Граде.
- 32 Кушелев заплатил 7800 франков, двое часов и ящичек с неизвестной суммой денег за участок на Мейдаме и 6000 франков за участок Мамилла. Палестинский Комитет заплатил за оба эти участка 44160 франков.
- 33 АВП РИ. Ф. 142. Греческий стол. Оп. 497. Д. 2421. Ч. I. Л. 139–170об.
- 34 Письмо графа Н. А. Кушелева-Безбородко консулу в Иерусалиме В. И. Доргобужину. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. I. М., 2000. С. 226.
- 35 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 382. Л. 1об.
- 36 В стенах МИДа данная установка появилась скорее всего в русле общего тренда, связанного с проявлением пристального внимания к положению Православной Церкви на Востоке со стороны членов царствующей династии и начавшейся деятельностью на Востоке великого князя Константина Николаевича и РОПиТ. В докладе императору о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме от 23 марта 1857 г. Горчаков сетовал на то, что не получил еще от константинопольского посланника А. П. Бутенева собранных на месте точных сведений, необходимых для решения вопроса о покупке недвижимости под собственные русские учреждения в Святом Граде. См.: *Титов Ф.И.*, свящ. Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С. 118. Позднее, 9 декабря 1857 г., А. П. Бутенев, получивший из министерства секретную инструкцию, данную начальнику Духовной Миссии, «проникнувшись смыслом благочестивых предначертаний правительства нашего, заключающихся в помянутой инструкции», обратился в Азиатский департа-

- мент с предложением об устройстве в Константинополе больницы и странноприимного дома. АВП РИ. Ф. 161. СПб ГА. П-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 21. Л. 1–10б.
- 37 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 9об.–10.
- 38 Там же. Л. 10об.
- 39 Перевод на русский язык: Там же. Л. 3–8; подлинник на итальянском языке: Л. 17–18.
- 40 *Мансуров Б. П.* Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 83.
- 41 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 12об.
- 42 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 11об.
- 43 План Иерусалима с выделенными на нем синим цветом и помеченными цифрами участками См: АВПРИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 19.
- 44 «Я воспользовался присутствием в Иерусалиме г. генерального консула нашего, чтобы без нужды не выдавать себя непосредственными по предмету такой важности сношениями», — писал епископ Кирилл А. М. Горчакову. АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 11об.
- 45 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 22. Л. 20.
- 46 Там же. Л. 16.
- 47 По свидетельству епископа Кирилла, Пьеротти всячески старался «подслуживаться здесь Русской Миссии и консульству». АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. П-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 11об.
- 48 План Голгофы, подписанный совместно Пьеротти и епископом Кириллом см.: Там же. Д. 20. Л. 14.
- 49 «Иерусалимский проект», позднее преобразованный в Палестинский комитет, возглавлял великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал и глава Морского министерства России. Поэтому и все главные действующие лица на первом этапе возведения Русских построек в Иерусалиме имели отношение к этому ведомству.
- 50 «Епископ Кирилл мне очень понравился, мы очень тепло встретились, и я надеюсь, что все пойдет хорошо». Из письма к отцу 19.09/01.10. 1858 г. См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.
- 51 Письмо к отцу от 30.09/12.10.1858 г. См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.

- 52 «Тем временем мои дела принимают довольно тяжелый и серьезный оборот, потому что мы приближаемся к развязке. Встречается множество сложностей, и мне очень трудно делать то, что я хочу и что нужно...» Письмо Мансурова к отцу от 29.10/10.11. 1858 г. См.: ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 34. Л. 9об.
- 53 «Миссия имеет и право и нужду отстаивать свое прямое влияние на русские богоугодные заведения: право потому, что она имеет Высочайшее поручение на этот предмет; нужду потому, что иначе визиральное письмо, на котором утверждается мое пребывание в Иерусалиме, теряет смысл и я не буду иметь для себя точки опоры на Востоке». Письмо от 02.03.1859 г. См.: АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3341. Л. 32–32об.
- 54 В журнале консульских расходов отмечена выдача Пьеротти жалованья за октябрь и ноябрь 1858 г. по 500 фр. в месяц, а также расходы на поездки для осмотра земель, в частности в Горнее, поездка по делам Мансурова в Яффу и т.п. См.: АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1858 г. Д. 19. Ч. 2. Листы в деле не нумерованы.
- 55 Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 90.
- 56 Там же. С. 79.
- 57 *Pierotti E.* Piano topografici-archeologico di Gerusalemme, contornato dai piani degli edifizii religiosi piu rimarchevoli della Palestina, aventi ognuno le sue spiegazione. Madrid, 1858; *Pierotti E.* Piano Archeologico della Chiesa del Sepolcro, contornato dalle vedute piu rimarchevoli dell'edifizio stesso aventi ognuno le relative spiegazione. Madrid, 1858.
- 58 АВП РИ. Ф. 161. Санкт-Петербургский Главный архив. II-9. Оп. 46. 1857 г. Д. 10. Ч. 3. Л. 11об.
- 59 Об этой полемике см.: *Williams G. Dr. Pierotti and his Assailants: or a defense of «Jerusalem Explored».* London, 1864.
- 60 *Pierotti E.* Rivista generale della Palestina antica e moderna. Firenze e Genova, 1866.
- 61 *Pierotti E.* Topographie ancienne et moderne de Jerusalem. Lausanne, 1869.
- 62 Там же. С. 5.

Vakh K. A.

The Italian on Russian Service:
Unknown Pages in the History of Russian Palestine

This article provides the first attempt of analysis if the role of Italian architect E. Pierotti in acquiring land spots in Jerusalem by Russia; later, they built the first Russian churches and pilgrims' hostels on them.

Key words: *Jerusalem, Russian Palestine, Russian Spiritual Mission, pilgrimage, diplomatic service, Turkey, archaeology, topography.*

В. А. Малахов
(Москва)

**«Польские» и «русские» евреи 50–80-х гг. XIX в.
глазами современников**

Статья посвящается образу польских евреев в 50–80-е гг. XIX в. в глазах современников. Анализируется, как евреи Царства Польского воспринимались различными группами населения Российской империи, каково было понимание термина «польский еврей» и в чем состояла разница между евреями польскими и русскими.

Ключевые слова: *польские евреи, Царство Польское, Российская империя.*

Вплоть до конца XVIII в. евреям запрещалось селиться на территории России. Ситуация изменилась после разделов Речи Посполитой, когда вместе с новыми территориями Российская империя приобрела и самое многочисленное в мире еврейское население. Количество евреев — подданных российского императора — возросло еще больше в 1815 г., после присоединения к России Царства Польского. Таким образом, абсолютное большинство евреев западной части империи являлись евреями бывшей Речи Посполитой или их потомками. Все они были восточноевропейскими ашкеназами, воспринимавшимися в Западной Европе, особенно в Германии, как единая общность, противопоставленная евреям западноевропейским¹.

Тем не менее среди евреев Российской империи существовали региональные различия, осознаваемые современниками. Так, о существовании особого «новороссийского типа» еврея писали журналы 1860-х гг.², различиям между евреями Юго-Западного края, Северо-Западного края и Левобережной Украины немало места отвел в своих мемуарах Г. Б. Слиозберг³. Однако наиболее значимой в представлении современников была разница между евреями Царства Польского («польскими евреями»), с одной стороны, и евреями черты оседлости («русскими евреями»), с другой. Подобное разделение перешло и в историографию. Во многих трудах, посвященных евреям Российской империи, этнически польские территории обходятся стороной даже после восстания 1863–1864 гг., когда Царство окончательно потеряло свою автономию и превратилось в Привислинский

край⁴. То же можно наблюдать в работах историков польских евреев, где евреям Западного края уделяется значительно меньше внимания, чем евреям Царства Польского⁵. Несмотря на общность происхождения и проживание в одном государстве, на ментальных картах современников между Западным краем и Царством проходила важная граница, разделяющая еврейское население империи на польских и русских евреев.

Различия между двумя названными группами начинают все более осознаваться в 50–80-е гг. XIX в. В статье мы рассмотрим отношение к польским евреям представителей польского и русского обществ, евреев черты оседлости (в первую очередь, русско-еврейской интеллигенции), а также бюрократии. Следует отметить, что в понятие «польские евреи» современники вкладывали различное содержание. «Польские евреи» могли обозначать этнокультурную группу российского еврейства, отличную от литваков (евреев Северо-Западного края) или евреев Малороссии по диалекту идиша, традициям и обычаям; тяготивших к польской культуре евреев (в отличие от евреев русской культурной ориентации); это мог быть также сугубо географический термин, обозначающий всех евреев Царства Польского. Намного более акцентированным, особенно в русско-еврейской публицистике, было противопоставление русских и польских евреев по признаку принадлежности к двум различным культурам. Подобное употребление термина сужает группу до небольшой части просвещенного еврейства, игнорируя огромные массы иудеев-традиционалистов. То, как определялось понятие «польские евреи», дает возможность разобраться в отношении к ним.

К 1850 г. в Царстве Польском проживало 600 тыс. евреев, что составляло 25% от общей их численности в Российской империи⁶. К 1865 г. эта цифра возросла до 719 тыс. человек (13,5% общей численности населения Царства). При этом рост численности евреев происходил не только за счет естественного прироста: с 1840-х гг. начинается приток евреев из Галиции, находившейся в составе Австрийской империи⁷. Официально польские губернии не входили в черту оседлости, и евреям Царства запрещалось переселяться в губернии черты и наоборот. Только в 1857 г. ряду групп еврейского населения Царства (купцам, фабрикантам, учителям, раввинам, медикам и др.) было разрешено переселяться в империю⁸. Царство Польское обладало уникальной правовой системой: на ее территории действовали гражданский кодекс Наполеона и собственное законодательство о евреях. В 1862 г. Александр II утвердил проект маркиза А. Велеполь-

ского, руководителя гражданской администрации Царства Польского. Евреи получили практически равные права с остальным населением: право владения земельной собственностью, повсеместного жительство в пределах Царства, выступления свидетелями в суде.

Если до 1862 г. экономическое и правовое положение евреев в Царстве Польском считалось хуже, чем в Западном крае⁹, то в 1870 г. И. Оршанский на страницах журнала «День» писал: «Польские евреи пользуются вообще большим благосостоянием, чем западнорусские их единоверцы, в умственном же отношении первые стоят гораздо ниже последних»¹⁰. Под «умственным отношением» Оршанский, конечно, подразумевал степень обрусения польских евреев. Если в 1850-е гг. евреи стремились переселяться из Царства в империю, то в 1870–80-е гг. наметилась обратная тенденция.

Процесс аккультурации евреев на этнически польских землях начался раньше и к началу рассматриваемого периода достиг большей глубины, чем в губерниях черты оседлости. Так, первые «поляки Моисеева закона» (то есть евреи, полностью воспринявшие польскую культуру и быт, сохранив лишь приверженность иудаизму) появились здесь еще в конце XVIII в., когда часть евреев поддержала восстание Т. Костюшко¹¹. Больших успехов в Польше, по сравнению с чертой оседлости, добились и деятели Гаскалы (еврейского Просвещения). К середине XIX в. еврейская община Варшавы представляла собой одну из наиболее светских и аккультурированных общин империи, служила в глазах имперских чиновников и маскилов (еврейских просветителей) примером для губерний черты¹². Странники ассимиляции продолжали сохранять свои позиции и в 1860–70-е гг. Одним из их важнейших печатных органов этого направления была газета «Israelita», выходившая в Варшаве с 1866 г.¹³. Впрочем, не стоит преувеличивать степень аккультурации польских евреев. Даже в Царстве Польском «поляки Моисеева закона» по сравнению с традиционным еврейством составляли меньшинство. Более того, огромное влияние имел хасидизм — течение иудаизма, которое маскилы считали наиболее вредной и противной прогрессу сектой.

Однако для поляков в конце 1850-х и 1860-е гг. именно большая «образованность» евреев Царства была важнейшей их отличительной чертой по сравнению с евреями других регионов империи. Подобно тому, как «цивилизованные» немецкие евреи противопоставлялись «закостенелым» традиционалистам — восточным евреям, в рамках империи польские евреи противопоставлялись евреям черты оседлости. Известная польская писательница и общественный дея-

тель Э. Ожешко, жившая в Гродно и немало работ посвятившая еврейскому вопросу, в письме соредактору газеты «Israelita» отмечала в 1877 г.: «Евреи Царства Польского, и в особенности Варшавы, резко и во многом отличаются от своих литовских братьев, причем первые стоят во всех отношениях выше. У нас невежество гораздо глубже и носит более общий характер»¹⁴. Интересно, что вплоть до 1860-х гг. польские евреи редко воспринимались в качестве эталона «цивилизованности» и примера для подражания. Ситуация начала меняться только после Январского восстания 1863–1864 гг., причем «цивилизованность» евреев Царства всегда связывалась поляками с пропольской политической и культурной ориентацией. В упомянутом выше письме Э. Ожешко следующим образом описывает «отсталость» евреев Северо-Западного края: «Отношения между евреями и местным населением гораздо хуже с обеих сторон, если, конечно, под местным населением понимать поляков. Что же касается русских, то по отношению к ним евреи заняли положение, которое раздражает и не может не раздражать даже тех из местных поляков, которые — поверьте — питают к евреям самые лучшие чувства. Только низшие слои еврейского населения, да и то лишь в старшем поколении, относятся к нам с некоторой симпатией или, по крайней мере, держатся нейтрально по отношению к обеим сторонам. Но более или менее богатые и влиятельные евреи все, без исключения, безусловно, отреклись от нас, как Петр от Христа, в годину несчастья. Во всех домах слышишь только русскую речь, дети одеваются в национальный русский костюм, носят имена: Володя, Иван и т. п. Нам приходится мириться с тем, что они в наших собственных домах говорят с нами на чужом языке»¹⁵.

Именно подъем польского национального движения первой половины 1860-х гг., в котором евреи Царства, в основном ассимилированная интеллигенция, приняли довольно активное участие, стал своеобразным водоразделом, после которого евреев империи стали разделять на русских и польских. Еще в 1861 г. еврейское духовенство Варшавы, руководимое главным раввином города Д. Майзелем, обратилось к единоверцам с призывом быть солидарными с поляками¹⁶. В действовавших в Польше накануне восстания тайных кружках и обществах состояло немало евреев. Только за первые несколько месяцев восстания в Царстве было повешено более 40 евреев-повстанцев¹⁷. В числе видных еврейских деятелей, поддержавших польское движение, помимо Майзельса были И. Крамштык, варшавский раввин, переведший Талмуд на польский язык, извест-

ный синагогальный проповедник доктор М. Ястров. Сочувствующие восстанию находились и среди хасидов. Одного из них, реб Исроэля, радовавшегося любым победам поляков и оплакивавшего их поражения, но при этом действенного участия в восстании не принимавшего, описал в своих воспоминаниях Е. Котик¹⁸. В целом же далеко не все еврейское население Царства поддерживало повстанцев. Многие из проявлявших сочувствие к движению в 1861–1862 гг. отказались поддержать вооруженную борьбу.

Включение евреев в польское движение не могло произойти без перемен в сознании поляков. Если раньше под «слиянием» евреев с христианами подразумевалась исключительно полная ассимиляция первых, то на рубеже 1850–1860-х гг. растет число поляков, готовых принять евреев в качестве соотечественников без их крещения или полной ассимиляции. Религиозная идентичность отходит на второй план. Для многих поляков стало допустимым наличие определенного культурного и даже религиозного разнообразия в пределах национального единства¹⁹, что явилось своеобразным приглашением евреев пополнять ряды польского народа. В 1861–1862 гг. на волне патриотических настроений ряд видных польских деятелей, включая вождя польской эмиграции А. Чарторыйского, призвал евреев и христиан объединиться в борьбе за общую родину²⁰.

В 1860–70-е гг. антисемитизм был непопулярен в польском обществе. Юдофобия, конечно, не исчезла, однако она все больше отделялась от польского национализма. Обстановка начинает меняться к концу 1870-х гг., когда громко зазвучали антисемитские высказывания. В середине 1870-х гг. О. Еленский выпустил книгу «Евреи, немцы и мы», пропагандировавшую полонизацию торговли и промышленности²¹. Он призывал поляков овладеть теми отраслями хозяйства, которые находятся в руках чужеродных групп — немцев и евреев. Еленский видел в еврейской буржуазии элемент, не несущий никаких обязанностей по отношению к Польше, а еврейскую массу, численность которой росла, по его мнению, угрожающими темпами, укорял за невежество, паразитизм и враждебное отношение к польской культуре. При этом Еленский все же не отказывался окончательно от идеи ассимиляции евреев, считая единственной группой еврейского населения, полезной для Польши, ассимилированную интеллигенцию. Впрочем, уже в 1880-е гг. он окончательно отказывает евреям в возможности интегрироваться в польское общество²².

Немалую роль в усилении антисемитских настроений в польском обществе 1880-х гг. сыграло переселение в Царство большого числа

евреев из империи, которых поляки называли литваками. Между ними и «представителями польской ассимиляции» разгорается борьба. Более того, по воспоминаниям Слиозберга, «прилив в Варшаву и Лодзь русско-еврейских элементов, говоривших по-русски, давал полякам повод, несмотря на все старания польских евреев проявлять солидарность с польскими политическими интересами, обвинять еврейство в измене польской культуре»²³. Поляки обвиняли литваков в захвате польских предприятий и в том, что, чуждые всему польскому, они помогают властям проводить русификацию Польши, насаждая в стране русскую прессу, литературу и язык. Подобная реакция показывает, насколько различалось отношение поляков к польским и русским евреям.

Если в Царстве Польском еврейская интеллигенция поддержала Январское восстание, то в Западном крае она выступила с его осуждением. Л. О. Леванда, выпускник Виленского раввинского училища, заявлял в разгар борьбы, что Литва — исконно русская земля, а «пресловутое польское восстание это гнилая лихорадка, которая парализовала и парализует очень много хорошего и существенно полезного в нашем крае»²⁴. О том, что евреи Западного края не поддерживали восстание, писал Оршанский, четко противопоставляя их польским евреям: «Западнорусских евреев по чувству к России в период демонстраций не следует смешивать с евреями польскими, которые в большинстве своем были вовлечены поляками в агитацию. Польские евреи и через раввинов, и воззваниями настойчиво и даже с угрозами требовали от западнорусских содействия мятежу, но всегда встречали упорный отказ»²⁵.

О подобного рода трениях между русскими и польскими евреями свидетельствовал литовский еврей Э.-Б. Ливерант. Вспоминая расправы польских повстанцев над евреями, которых те считали русскими шпионами, он следующим образом описывал реакцию польских евреев: «...эти так называемые коренные польские евреи, всегда ненавидящие почему-то еврея русского, еще будут рады всему случившемуся...»²⁶. В конце 1860-х гг. на страницах журнала русских евреев «День» появляются статьи с призывами проводить более активную русификацию евреев не только в Западном крае, но и в Царстве Польском, а польские евреи характеризуются как «сырой материал, из которого можно еще вылепить, что угодно»²⁷. Впрочем, абсолютизировать указанные противоречия не следует. Из мемуаров известны случаи, когда евреи Западного края помогали польским евреям, осужденным за участие в восстании. Когда И. Крамштык,

признанный виновным «в возбуждении проповедями своими здешнего еврейского народонаселения против правительства и в преднамеренном закрытии еврейских синагог с вредною для правительства целью»²⁸, был вместе с польскими повстанцами заключен в крепости под Бобруйском, благодаря усилиям местной еврейской общины жилось ему там совсем неплохо²⁹. С активной поддержкой как польского национального движения, так и российских властей по обе стороны от Буга выступила лишь небольшая часть наиболее образованного и аккультурированного еврейства. Традиционалистски же настроенная масса оставалась в большинстве своем нейтральной, дистанцированной от конфликта.

Таким образом, начиная с 1860-х гг. границей, делившей еврейскую интеллигенцию на польскую и русскую части, служила ее культурная принадлежность. Интересной в этом плане представляется статья «Дня», автор которой задается вопросом, почему «орган русских евреев» так мало внимания уделяет евреям Царства Польского. По его мнению, евреи этого региона делятся на две группы: одни «погружены в ярый фанатизм», другие — «совершенно натурализованные поляки». Следовательно, собственно русских евреев в Царстве нет³⁰. Один из редакторов «Дня», Е. Соловейчик, говоря о неприятии евреями польских идей, писал: «Мы, имея в виду евреев западных губерний России, оставляем без внимания Царство Польское, так как, по нашему убеждению, евреи Царства Польского должны, хотя позже, стать такими же, какими станут их соплеменники в сопредельных губерниях»³¹.

Важно отметить, что в данный период у еврейской интеллигенции еще не сложилось четкого представления о том, каковы допустимые пределы аккультурации и ассимиляции, можно ли быть русским, оставаясь евреем. Соответственно, различия между польскими и русскими евреями трактовались по-разному.

Во-первых, они воспринимались как представители двух славянских народов, сохранившие, однако, свою древнюю веру. К подобной точке зрения в 1860-е гг. склонялся Леванда, утверждая на страницах «Виленского вестника», что евреи, «рассеянные по всему лицу земли, не имеют собственно между собою ничего общего, кроме своей веры, да и та не практикуется ими по однообразной форме»³².

Во-вторых, польские и русские евреи воспринимались как представители одного народа, говорящие на разных языках. Это мнение утвердилось в среде русско-еврейской интеллигенции только после погромов 1881–1882 гг. Так, миссию еженедельного журнала «Рус-

ский еврей» редакция видела «в служении интересам наших единоверцев», оберегая «все условия нашей племенной индивидуальности, все то, что делает нас в расовом и религиозном отношении отдельной народностью в стране, исключая оттуда всякий гражданский и политический элемент»³³. В статье «Нечто о принципе еврейской национальности» автор осудил сторонников ассимиляции и констатировал, что «принцип еврейской национальности есть исторический и антропологический факт, не подлежащий никакому сомнению»: у евреев есть общий язык (иврит), религия (несмотря на различные течения), национальная культура (особенно активно развивающаяся в последние годы) и общая самоидентификация³⁴. В программной статье «По поводу вступления „Русского Еврея“ во второй год своего существования» редактор журнала Л. О. Кантор писал об обособленности различных групп российского еврейства, являющих собой «как бы отдельные мирки, из которых каждый мало знал или даже мало интересовался евреями другого мирка». Эти различия необходимо преодолевать: «Для нас... нет ни хасидов, ни миснагедов, ни литовцев, ни южан, а есть только — русский еврей». При такой постановке вопроса польские евреи делались единственной группой еврейства империи, за которой признавалось право быть нерусской.

В постоянном разделе этого журнала «Привислянская хроника» Леванда следующим образом характеризовал различия между двумя группами евреев: «Конечно, привислянские евреи — евреи *польские*, а мы — евреи *русские*, т. е. на них фыркают поляки, а от нас отрекнутся русские; они, когда встречается надобность, огрызаются по-польски, а мы, когда Бог нас сподобит, огрызаемся по-русски. В этом и вся существующая между нами разница»³⁵. Евреи Царства Польского аккультурируются в польскую культуру, евреи черты оседлости — в русскую. Однако при этом, по мнению Леванды, и те, и другие остаются евреями, которых объединяет не только вера, но также общность интересов. Он напоминает, что «перед сводом законов и польские, и русские евреи — одно племя»³⁶. Само существование подобного раздела в журнале, позиционируемом как «орган русских евреев», говорит о том интересе, который русские евреи проявляли к положению своих собратьев в Польше. На страницах «Привислянской хроники» в основном пересказывались статьи «Israelita», освещавшие важнейшие события из жизни еврейской общины в Варшаве. С тревогой сообщалось о популярности юдофобской книги Я. Еленского «Немцы, евреи и мы»³⁷ и осуждалась усилившаяся в польском обществе антисемитская пропаганда. В то же время в

«Русском еврее» начинают проскальзывать упреки в адрес польских евреев и «Israelita» за их излишнюю обособленность от евреев русских и равнодушие к общееврейским интересам³⁸.

Этот взгляд на обособленность польских евреев от евреев русских нашел свое отражение также в мемуарах юриста и еврейского общественного деятеля Г. Б. Слиозберга. В отличие от Леванды, Слиозберг полагал, что разница между польскими и русскими евреями была далеко не только в ориентации на русскую или польскую культуры. Более того, по его мнению, само понятие «польский еврей» лишено культурного смысла: Слиозберг предпочитал говорить о «поляках Моисеева закона». Феномен русских евреев нельзя смешивать с «ассимиляторством» в Царстве Польском, которое «знаменовало собой, вместе с отходом от еврейства, сопричисление себя польскому национальному коллективу без принятия католичества, — усвоение польских национальных идеалов, внешней и внутренней культуры»³⁹. Разница между русскими и польскими евреями заключается в степени ассимиляции. «Мы, не сионисты, — пишет Слиозберг, — признавали еврейскую национальность и считали себя не русскими Моисеева закона, а русскими евреями»⁴⁰. В российской государственной жизни, согласно Слиозбергу, евреи не составляли чужеродного элемента: в России «уживались многие национальности, объединенные в русской государственности без попыток поглощения всех прочих со стороны господствующей национальности»⁴¹. Иная ситуация в Польше, где интегрироваться в общество евреи имели шанс, лишь полностью отказавшись от своей национальности, то есть еврей мог либо стать поляком, либо оставаться евреем, но быть «польским евреем» не представлялось возможным. Понятие «польский еврей» для Слиозберга чисто географическое, лишенное культурного смысла. Именно поэтому, считал мемуарист, польские евреи (поляки-иудеи) держались обособленно, явно не желая отождествлять своих интересов с интересами русских евреев.

Если поляки и русско-еврейская интеллигенция выделяли польских евреев в особую группу, то для чиновников значимой разницы между двумя еврейскими общностями не существовало, несмотря на вариативность региональной политики в отношении к евреям. Даже в оценках вовлеченности евреев в Январское восстание зачастую не было заметной их дифференциации на польских и западнорусских. Хотя в мемуарах отдельных государственных деятелей и проскальзывали утверждения, что в Западном крае евреи более пассивно отнеслись к «польским крамолам»⁴², в целом в донесениях чиновников

участие евреев в восстании в Царстве Польском и Западном крае трактовалось примерно одинаково. Как правило, утверждалось, что большинство из них преследовало свои корыстные цели, занимало выжидательную позицию, оказывало услуги обеим сторонам конфликта и т. д. Так, в докладе Варшавского губернского жандармского управления говорится: «Еврейское сословие, столь многочисленное по городам и местечкам Царства Польского, суеверное и безусловно повинующееся своим раввинам, вообще предано своим корыстолюбивым видам... Евреи ровно ненавидят как русских, так и поляков — покоряются тому, кто сильнее... Это продажное сословие привязанности к русским не имеет»⁴³. Начальник Радомского губернского жандармского управления доносил, что евреи «в целой массе больше преданы нам, чем полякам», но при этом «готовы служить и той, и другой стороне»⁴⁴. Близкие характеристики исходили от жандармов Северо-Западного края: «Евреи по природной своей трусости заметно придерживаются стороны поляков, как из опасения потерять торговлю, так в особенности из чувства самосохранения, боясь за свою жизнь»⁴⁵. «Евреи, преданные только своим интересам — и никому более, — сообщал один из чиновников края, — распространяют за деньги революционные медальоны и промышляют, где только можно, запрещенными книгами. Поляки стараются их бунтовать посредством воззваний, но это напрасно, доколь на стороне нашего правительства оставаться будут власть и сила»⁴⁶.

Впрочем, говорить о том, что русские власти не разделяли польское еврейство на различные группы, тоже не стоит. Интересный взгляд на польских евреев и их солидарность с польским движением можно обнаружить в донесениях генерал-адъютанта А. Н. Лидерса военному министру. Характеризуя напряженные отношения между поляками и евреями в декабре 1861 г., он свидетельствовал, что «уже еврей не хочет назваться поляком Моисеева исповедания или жидовским поляком, а остается по-старому при своем „польский жид“»⁴⁷. «Евреи, — писал Лидерс, — чувствуют смешную сторону наброшенного им названия „поляков Моисеевой веры“... они взваливают всю вину мнимого братства на реформистов и новомодные божницы, что на Данеличевской улице и на Наливках»⁴⁸. Из данных донесений видно, что русские власти различали традиционное еврейство и «поляков Моисеева закона». Описывая умонастроения польских евреев после восстания, чиновники не могли не отметить особую поддержку польскому движению со стороны наиболее европеизированной их части: «Что же касается евреев, принявших ко-

стю европейский, то они сочувствовали бывшему восстанию, явно оказывали пренебрежение законным властям и принимали участие во всех беспорядках»⁴⁹.

До 1860-х гг. культурная ориентация евреев мало заботила правительство. В раввинских училищах Западного края преподавание шло на немецком и польском языках. Существовавшие в 1840–50-е гг. проекты унификации еврейского законодательства Царства и черты оседлости⁵⁰ не содержали обрусительных интенций. В 1860-е гг. российские чиновники все больше осознают необходимость борьбы с польским культурным влиянием на евреев Царства. В 1872 г., когда наместник Царства Польского Ф. Ф. Берг составлял отчет о последствиях реформы А. Велепольского десятилетней давности, большинство губернаторов доносило о провале реформы, поскольку, по их мнению, евреи пользуются новыми правами исключительно для извлечения материальных выгод и сближаться с местным христианским населением не хотят⁵¹. В то же время высказывались опасения о том, что сближение иудеев с христианами в Польше «поведет к большей солидарности евреев к местному городскому населению, следствием чего много евреев опоялится едва ли не ко вреду общего нашего здесь положения». Губернатор Радомской губернии Д. Анучин приходил к заключению, что следует, «стараясь обрусить евреев, жительствоющих в прочих губерниях империи, принимать меры к меньшему их опоялчиванию в Привислинском крае»⁵². Несмотря на особенности политики властей по отношению к евреям в различных регионах империи, говорить о том, что польские евреи каким-либо образом выделялись в отдельную категорию, было бы неправильным. Для русского правительства понятие «польский еврей» имело сугубо географический смысл, и если еврей, например, переезжал из Польши в Новороссию, он становился новороссийским евреем и наоборот.

Что касается русского общества, то его представителей, как правило, мало заботили польские евреи. Куда большее внимание привлекали евреи черты оседлости. В 1860-х гг. о евреях Царства вспоминали в основном в связи с польским вопросом. Как и представители власти, российские публицисты в большинстве своем не видели существенной разницы между польскими и русскими евреями, для них это были представители одного народа, проживающие в разных регионах. В большинстве работ русских авторов, посвященных евреям Польши, использовался чисто географический термин «евреи Привислинского края»⁵³. В 1870–80-е гг., когда вызванные

восстанием волны затихли, в высказываниях по еврейскому вопросу в Польше возобладали либо переложения польских антисемитских опусов, либо призывы к русификации евреев Царства Польского. Так, историк-славянофил В. И. Ламанский в 1879 г. настаивал в катковском «Русском вестнике» на том, что Россия должна заботиться, чтобы «евреи Привислинского края в низших, средних и высших училищах получали свое образование исключительно на одном русском языке: оставаясь при своей вере, они должны быть гражданами и подданными русской империи, а не поляками *Moyseszowego wyznania* („Моисеева закона“))»⁵⁴.

В то же время Ламанский доказывал, что все разговоры о еврейско-патриотах Польши не более чем мифотворчество. Польша никогда не сможет ассимилировать евреев, ибо даже просвещенные и интегрированные в польское общество евреи остаются врагами славяно-христианского мира, продолжают эксплуатировать местное население в своих корыстных интересах, тормозя развитие края. «Борьба поляков с евреями есть борьба начал, идеалов, историко-культурных типов»⁵⁵, — пишет Ламанский. В разговоре с О. Еленским в 1880 г. М. Н. Катков сказал: «Если пустить вас свободно с товарами на Волгу и вообще в русские губернии, через год, много через два, поляки „Моисеева закона“, как вы их величаете, заполонят нас своими фабрикатами и сами полезут, как саранча, а такое нашествие хуже голода и чумы»⁵⁶.

Таким образом, в Российской империи польские евреи воспринимались как отдельная, во многом противопоставленная русским евреям группа. Этому способствовали особенности их правового статуса и большее распространение в Царстве Польском идей Гаскалы. Однако, на наш взгляд, главную роль сыграла их принадлежность к польской культуре. Если евреи черты оседлости аккультурировались в русскую культуру, то евреи Царства — в польскую. Даже такая юдофильски настроенная польская писательница, как Э. Ожешко связывает «невежество» евреев Западного края с их нежеланием приобщаться к польской культуре. О языке, как основном различии между двумя группами евреев, писали и русско-еврейские публицисты. Хотя для российских властей и общества разница между польскими евреями и евреями черты оседлости была преимущественно географической, проблема культурной ориентации евреев Польши начиная с 1860-х гг. тем не менее становится важной. При этом в Царстве Польском сколько-нибудь серьезных мер по русификации евреев не предпринимается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Hauman H.* Geschichte der Ostjuden. München, 1990; *Труде М.* Западные евреи? Восточные евреи? Аккультурация как парадигма сравнительной истории евреев в Германии и Восточной Европе // *Ab Imperio.* 2003. № 4. С. 59–91.
- 2 *Рабинович О.* Одесса // *Рассвет.* Орган русских евреев. 1860. № 3. С. 35–37.
- 3 *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших лет. Записки Русского еврея. Париж, 1933. Т. 1. С. 19–25.
- 4 См., например: *Klier J. D.* Imperial Russias's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995; *Haberer E.* Jews and revolution in nineteenth century Russia. Cambridge, 1995.
- 5 См., например: *Eisenbach A.* The Emancipation of the Jews in Poland, 1780–1870. Oxford; Cambridge, 1991.
- 6 Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // *Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] // Ассоциация по изучению еврейских общин.* Иерусалим, 2009. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15443> (дата обращения 29.10.2011).
- 7 *Piechocka M., Piechocka K.* Polish Synagogues in the Nineteenth Century // *Polin. A Journal of Polish-Jewish Studies.* 1987. Vol. 2. P. 180.
- 8 Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 гг.: извлечение из полных собраний законов Российской Империи. СПб., 1874. С. 880–881.
- 9 См., например: *Weeks T. R.* Nation and State in late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. Dekalb, 1996. P. 101.
- 10 *Оршанский И. Г.* К вопросу о преобразовании владельческих городов в западном крае // *День.* Орган русских евреев. 1870. № 10. С. 157–158.
- 11 *Porter B. A.* When nationalism began to hate: Imagining modern politics in nineteenth century Poland. Oxford; N.-Y., 2000. P. 37.
- 12 *Kieniewicz S.* The Jews of Warsaw, Polish Society and the Partitioning powers. 1795–1861 // *Polin. A Journal of Polish-Jewish Studies.* 1988. Vol. 3. P. 102–121.
- 13 *Steinlauf M. C.* The Polish Jewish Daily Press // *Polin. A Journal of Polish-Jewish Studies.* 1987. Vol. 2. P. 219–245.
- 14 Письма Элизы Оржешко, в переводе и с предисловием С. Мстиславской // *Еврейская Старина.* 1914. Вып. 1. С. 50.

- 15 Там же.
- 16 *Eisenbach A.* The Emancipation of the Jews... P. 434.
- 17 ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 38. Д. 234. Ч. 1. Л. 171.
- 18 *Котик Е.* Мои воспоминания. СПб.; М.; Иерусалим, 2009. С. 109–112.
- 19 См.: *Porter B. A.* When nationalism...
- 20 *Ibid.* P. 39–40.
- 21 *Горизонтов Л. Е.* Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли Российской империи (1831–1917) // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: Новые источники, новые подходы. Материалы международной научной конференции, 8–10 декабря 2003 г. М., 2004. С. 264–265.
- 22 *Golczewski F.* Anti-Semitic Literature in Poland before the First World War // *Polin. A Journal of Polish-Jewish Studies.* 1989. Vol. 4. P. 87–97.
- 23 *Слюзберг Г. Б.* Дела минувших лет... Т. 1. С. 291.
- 24 Цит. по: *Бухбиндер Н. А.* Л. О. Леванда по неизданным архивным материалам. Вып. 1. Л. О. Леванда в 60-х годах. Пг., 1918. С. 13.
- 25 *Оршанский И. Г.* Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 261.
- 26 *Ливерант Э. Б.* Приключения еврея во время польского восстания // Еврейская старина. СПб., 1910. Вып. 3. С. 385.
- 27 *Паперна А. И.* К еврейскому вопросу в Привислянском крае // День. Орган русских евреев. 1869. № 13. С. 196.
- 28 ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 37. Д. 255. Л. 11.
- 29 *Паперна А. И.* Из Николаевской эпохи // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 176.
- 30 *Б-ъ.* Письма из Варшавы // День. Орган русских евреев. 1869. № 49. С. 801–802.
- 31 *Соловейчик Е.* Передовая статья // День. Орган русских евреев. 1869. № 7. С. 99.
- 32 Цит. по: *Бухбиндер Н. А.* Л. О. Леванда... С. 127.
- 33 *Кантор Л. О.* По поводу вступления «Русского Еврея» во второй год своего существования // Русский Еврей. 1880. № 37. С. 1361.
- 34 *Бранд Б.* Нечто о принципе еврейской национальности // Русский Еврей. 1880. № 24. С. 946–950.
- 35 *Леванда Л. О.* Привислянская хроника // Русский еврей. 1880. № 52. С. 2065.
- 36 Там же. С. 2066.
- 37 *Он же.* Привислянская хроника // Русский еврей. 1880. № 6. С. 222.
- 38 *Он же.* Привислянская хроника // Русский еврей. 1880. № 52. С. 2065–2067.

- 39 *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших лет... Т. 1. С. 91.
- 40 Там же. Т. 2. С. 301–302.
- 41 Там же.
- 42 *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864. М., 2003. С. 96.
- 43 ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 207. Д. 237. Л. 9.
- 44 Там же. Л. 41.
- 45 ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 36. Д. 303. Ч. 4. Л. 54об.
- 46 Там же. Л. 413–413об.
- 47 Состояние царства Польского в 1861 и 1862 гг. // *Русская Старина*. 1900. Т. 100. Кн. 12. С. 677.
- 48 Там же. С. 681–682.
- 49 ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 207. Д. 237. Л. 9.
- 50 РГИА Ф. 1269. Оп. 1. Д. 61. Л. 139–139об.
- 51 Материалы комиссии по устройству быта евреев (По Царству Польскому). СПб., [1879]. Разд. 1. С. 458.
- 52 Там же. Разд. 1. С. 262.
- 53 См., например: *Ламанский В. И.* Евреи и немцы в Привислинском крае // *Русский Вестник*. М., 1879. Т. 140. С. 398–412; *Исаевич П. П.* Евреи в Привислянском крае. Характеристика деятельности среди христианского населения этого края. СПб., 1892.
- 54 *Ламанский В. И.* Евреи и немцы... С. 394.
- 55 Там же. С. 404.
- 56 *Еленский О.* Мысли и воспоминания поляка // *Русская старина*. 1906. № 10. С. 212; См. подробнее: *Горизонтов Л. Е.* Польско-еврейские отношения...

Malakhov V. A.

«Polish» and «Russian» Jews of 1850–80-s through the Eyes of their Contemporaries

The article deals with the image of tPolish Jews in the eyes of their contemporaries in 1850–80-s. The author examines how the Jews of Congress Poland were perceived by various groups of population of the Russian Empire, what was the meaning of the term «Polish Jew», and what was the difference between Polish and Russian Jews.

Keywords: *Polish Jews, Congress Poland, Russian Empire.*

Л. М. Аржакова
(Санкт-Петербург)

Отечественная полонистика первых десятилетий XX в.

Статья посвящена состоянию российской исторической полонистики в первые десятилетия XX в. Предпринят анализ ряда трудов видных ее представителей — А. Л. Погодина, А. А. Корнилова, М. К. Любавского, показан характерный для них подход к изучению проблем истории Польши.

Ключевые слова: *российская историческая полонистика, польский вопрос, Речь Посполитая, А. Л. Погодин, А. А. Корнилов.*

С началом XX в., при всех заметных переменах в подходе русского общества к польскому вопросу, продиктованных существенно менявшейся общественно-политической обстановкой в стране и в мире, интерес к истории Польши и вообще к польским делам (подогреваемый, к слову сказать, думскими дебатами и пр.) никак не идет на убыль. Одно из свидетельств тому — появление новых переводов с польского языка. На рубеже XIX–XX вв. по-русски были изданы не только популярная «История Польши» В. Грабенского (то есть Владислава Смоленского), но и (уже в начале XX в.) достаточно специальные (и, к тому же, полемически заостренные) книги С. Кутшебы и О. Бальцера, посвященные эволюции государственного строя Польши¹.

Наряду с историческими трудами (и весьма читаемыми в России историческими романами Г. Сенкевича, Ст. Жеромского, Б. Пруса) активно переводилась мемуаристика — воспоминания князя Адама Чарторыйского и др. Вместе с тем заметной популярностью пользовались и работы, посвященные современным общественно-политическим делам — так, значительный резонанс имел выход книги видного польского политика и публициста Романа Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» (СПб., 1909).

В 1890-е гг. в русской полонистике можно отметить некоторое затишье. Такие корифеи, как Н. И. Кареев и Н. Н. Любович, с чьими именами были связаны крупнейшие достижения отечественного славяноведения 1880-х гг., продолжали трудиться. Однако с начала 1890-х гг. они практически отходят от польской исторической проблематики².

Если же говорить о наших полонистических штудиях начала XX в., то нельзя не заметить, что значительную долю в российской научной продукции по-прежнему составляли работы, выполненные в консервативном духе. Наглядным примером подобных сочинений может служить увидевшая свет на пороге нового столетия, в 1900 г., брошюра почтенного военного историка, профессора Академии Генерального штаба полковника П. А. Гейсмана «Конец Польши и Суворов». С тем, чтобы (по словам самого автора) уяснить место Суворова «в ряду тех русских людей, общими усилиями которых Польша была уничтожена», он включил в брошюру краткий — и по-своему выразительный — очерк польской истории, начиная с X в.

В этом очерке, сочетая элементарную информацию о старой Польше с традиционными для консервативной российской историографии утверждениями, Гейсман охотно оперировал стандартными и малосодержательными фразами о Польше — «могущественнейшей державе», на долю которой «выпадала задача объединить славянский мир и создать противовес как германской империи, так и угрожавшей всей Европе турецкой монархии». Однако Польша, констатировал Гейсман, оказалась «не в силах решить эту задачу», и причиной тому была, по словам историка, «слабость... государственного и военного устройства».

Но все же научная продукция такого рода, как сочинение П. А. Гейсмана, для первых десятилетий XX в. уже была, можно сказать, устаревшей. В эти годы в нашей полонистике все увереннее выступает новое поколение полонистов (в какой-то мере заявившее о себе еще на исходе XIX столетия).

Обращает на себя внимание уже то, что для этого поколения ключевая для российской полонистики XIX в. проблема — падение Речи Посполитой и его причины — постепенно отходила на второй план. Погоду в нашей науке теперь делают труды по истории польской общественной мысли периода утраты Польшей государственной самостоятельности, а также работы, посвященные аграрному вопросу и сдвигам в социально-экономическом быте (то есть темам, которые усиленно дебатировались и в польской научной среде).

Особое место здесь, как известно, принадлежит трудам А. А. Корнилова и А. Л. Погодина. К их творчеству неоднократно обращались наши исследователи, среди которых нельзя не назвать В. А. Дьякова с его во многом знаковой статьей³. Не менее значимыми оказались и наблюдения Л. П. Лаптевой, которая в свое время с полным на то основанием подчеркнула, что в нашей полонистике начала XX в.

значительная часть обзорных работ носила публицистический характер и, в основном, была призвана решать скорее общественно-политические, чем научные задачи⁴.

При всем уважении к научным заслугам А. А. Корнилова и А. Л. Погодина, следует признать, что это наблюдение целиком относится и к ним. Эти виднейшие представители отечественной исторической полонистики принадлежали, как известно, к числу активных деятелей партии конституционных демократов, и их научная позиция в значительной мере коррелировала с партийной принадлежностью. Вообще, насколько можно судить, кадетам — при всех их партийных пристрастиях — были все же свойственны более объективные оценки польского прошлого и настоящего, чем приверженцам крайне левых или крайне правых воззрений.

А. А. Корнилов, сделавший себе имя в отечественной полонистике как автор серии статей «Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском» (1894), не оставил занятия наукой и в последующие годы — в период всероссийских и мировых потрясений. К этому времени относится его монография «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века», вышедшая в Петрограде в 1915 г.

Корнилов предупреждал читателей, что его книга представляет собой не что иное, как воспроизведение двух статей «по польскому вопросу», опубликованных немногим ранее в «Русской мысли» за тот же 1915 год. Этим, практически не претерпевшим изменений статьям в книге был предпослан «подробный очерк истории разделов Польши в XVIII веке и переделов Польской земли в начале XIX столетия: в 1807, 1809 и 1815 гг.»⁵.

В скобках заметим, что уже сама авторская аннотация дает возможность составить некоторое представление о том, как понимал А. А. Корнилов польский вопрос для России и каким временем его датировал. Нельзя, однако, не сказать и о том, что в этой книге едва угадывается автор «Судьбы крестьянской реформы...» — строгий аналитик, склонный к скрупулезному, постатейному разбору конституций и иных актов, имевших отношение к крестьянскому вопросу (Органического статута 1832 г. и др.). Так или иначе, А. А. Корнилов в своей книге 1915 г. скорее следовал распространенной в России начала XX ст. практике создания сводных, обзорных трудов, но при этом, по своему обыкновению, демонстрируя превосходное знание литературы предмета.

Думается, особого внимания к себе требует вопрос о том, как понимал ученый (и, что следует подчеркнуть, не только он один) часто

фигурирующее и в польской, и в русской литературе применительно к Речи Посполитой выражение «демократичная (демократическая) Польша». Этому вопросу А. А. Корнилов уделил особое внимание в одной из своих работ, относящихся к тому же периоду: «Русская политика в Царстве Польском после восстания 1863 г.» (Пг., 1915).

Дело в том, что еще в своем «крестьянском» цикле статей А. А. Корнилов вступил в полемику с В. Д. Спасовичем — как известно, ревностным угодником (то есть сторонником примирения польского общества с обществом российским) и, вместе с тем — и прежде всего — убежденным польским патриотом. Так, петербургский поляк утверждал, что «несправедливо... укорять современное общество польское в том, что оно не демократично, но оно демократично по-своему. Оно ближе стоит к европейскому Западу». Корнилов, процитировав эту тираду, констатировал: «Спасович говорит это с гордостью». Сам же российский публицист не разделял чувств своего коллеги по перу, поскольку, по словам Корнилова, «мы повторяем это с горечью, в печальном раздумье о будущем польского народа. Конечно, можно и теперь сказать, что общество польское демократично, но оно буржуазно-демократично, если можно так выразиться, и вряд ли в этом можно видеть залог хорошего и счастливого будущего для него...»⁶. Судя по всему, Корнилова не устраивала перспектива для Польши идти проторенным путем западной буржуазной демократии.

Если, как видим, Корнилов все же считал современное ему польское общество демократичным, то напрашивается вопрос, *что* он имел в виду, когда писал: «...на почве этой реформы (реформы Н. А. Милютина. — Л. А.) выросла современная демократическая Польша»? Не то ли, что «выросшая» демократическая Польша — это заслуга России? Похоже, что да. Больше того, это, по его логике, и цель России. Ибо, по словам Корнилова, «только с демократической Польшей Россия и может иметь надежду окончательно размежеваться на справедливых и приемлемых для обеих сторон условиях»⁷. Такая постановка вопроса была, по всей видимости, продиктована надеждой на то, что (если вновь цитировать работу 1915 г.) «с Польшей, демократизированной и освобожденной от клерикально-просветительных стремлений, но вовсе не лишенной самостоятельности, возможно будет заключить прочный договор, выгодный и для нее, и для России»⁸.

Не скажешь, что Корнилов всегда в должной мере бывал так уж последователен. Он мог без особой симпатии, даже с налетом снис-

ходительности, написать: «Позиция Герцена в то время была явно утопическая — сантиментально-романтическая — и притом с резко выраженными славянофильскими нотами», а затем, нимало не смущаясь, принять формулировку политической задачи России в Польше, предложенную классическими, так сказать, славянофилами — А. Ф. Гильфердингом и Ю. Ф. Самариним.

В итоге выходило, что, на его взгляд, политическая задача России в Царстве Польском «заключалась в том, чтобы, с одной стороны, перестроить социальный строй Польши — сделать ее страной демократической, а с другой — постараться уничтожить или, по крайней мере, ослабить в ней те миссионерские и культуртрегерские тенденции, которыми она оправдывала свое стремление на Восток и на почве которых развивалась многовековая борьба ее с Русью»⁹. Оставляем без комментария избранную автором формулировку, согласно которой выходило, что Россия была в состоянии сделать Польшу «страной демократической». О какой России писал Корнилов?

Не меньшую активность на ниве отечественной полонистики в начале XX в. проявлял А. Л. Погодин. В рамках данной статьи коснемся лишь двух его трудов — «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)» (1907) и «Очерк истории Польши» (1909). Вышедшие с небольшим разрывом по времени, эти столь непохожие друг на друга работы способны дать известное представление о Погодине как исследователе и, одновременно, историке-популяризаторе.

Автор «Главных течений...», убежденный, что основная причина неудачи русско-польского примирения заключалась «в полном взаимном незнакомстве и непонимании», решил познакомить «русское общество с главными течениями польской политической мысли (в Царстве Польском) после восстания 1863 года». Погодину, по его собственным словам, казалось: «Я, русский, стоящий вне польских партий, могу отнестись объективно ко всем им, снять с них те незаслуженные обвинения, которые слышатся в русском обществе»¹⁰. В итоге цель книги была им сформулирована следующим образом: «Дать возможно полный, беспристрастный и документальный обзор тех направлений, какие приняла польская политическая мысль от конца восстания до наших дней».

Но что обращает на себя внимание (и в то же время — несколько удивляет): Погодину, известному своими полонофильскими настроениями, показалось уместным начать свое изложение с такой цитаты из «Воспоминаний о молодости» (Львов, 1895) одного из современников Январского восстания, некоего Стецкого: «Горсточка

безумцев, в начале очень немногочисленная и даже в конце 1862 года не превышавшая нескольких десятков тысяч человек, навязала свою волю всему обществу, десяти с лишком миллионам, не желавшим начинать борьбу с Россией»¹¹. Кроме того, сам Погодин счел нужным тут же (и, пожалуй, слишком поспешно для серьезного исследователя) констатировать: «Можно сказать, что восстание 1863 года осуждено польским историческим сознанием»¹².

В целом, несмотря на свой внушительный объем (662 с.), как всегда — солидный научный аппарат, и бесспорную эрудицию автора, «Главные течения польской политической мысли» порой больше напоминают злободневный политический памфлет, появившийся на свет в ту пору, когда «выступили на сцену старые счеты, и всеми почувствовалось, что старые предубеждения, старые предрассудки не так легко забываются»¹³.

Понимание А. Л. Погодиным давних и современных польских дел особенно рельефно выступает в его появившемся вскоре, в 1909 г., «Очерке истории Польши». Книга вышла в серии «Библиотека для семьи и школы» и, очевидно, имела успех, поскольку через год понадобилось ее второе издание. И по отбору материала, и по манере изложения «Очерк...» — научно-популярная книга для юношества (уже в наши дни он будет вновь переиздан¹⁴ в сочетании с никак не рассчитанным на юного читателя «Очерком истории государственного и общественного строя Польши» Станислава Кутшебы, крупнейшего знатока истории польского права). Но, думается, это обстоятельство несколько не мешает использовать книжку 1909 г. для характеристики воззрений А. Л. Погодина на польскую историю — и, в частности, его понимания тех причин, которые в свое время свели Речь Посполитую в могилу и обусловили дележ польских земель между тремя соседними державами. Скорее — даже напротив, такой характер изложения заставлял автора более четко (пусть и упрощенно) излагать свои мысли по поводу судеб страны.

Уже в первой главе, охватывающей период от легендарных времен до конца Средневековья, автор констатировал, что в XV в. «зрели и те внешние и внутренние силы, которые погубили Польшу»¹⁵. Здесь же отмечены неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства. В самой же Польше «шли раздоры вельмож с низшим дворянством, дворянства с городами и их всех вместе с королем». По словам автора, подводящего итоги состоянию страны в период средневековья, «не то удивительно, что Польское государство падет в XVIII в., а то, что оно смогло просуществовать еще триста лет»¹⁶.

Погодин вполне согласен с тем, что XVI столетие — действительно «золотой век» в истории Польши. Но все же и тогда дела, на его взгляд, развивались не лучшим образом. Он считал, что Генриховы статьи «окончательно вводили Польшу в период смут и анархии, в стране «водворилась самая вредная форма правления, *олигархия*»¹⁷. Хотя о «мудром, мужественном» Батории Погодиным сказаны добрые слова, в конечном счете королю поставлено в вину приглашение в страну ордена иезуитов, что, по утверждению историка, было «гибелью для Польши»¹⁸.

Двум последним столетиям существования Речи Посполитой автор отвел всего около двадцати страниц, из которых драматическим событиям второй половины XVIII в. вместе с информацией о XIX в. досталось всего две. Проводимые поляками реформы и Конституцию 3 мая 1791 г. в том числе Погодин одобрял, считая даже, что «будь эти реформы произведены на сто лет раньше... и Польша была бы спасена»¹⁹. Невольно возникает вопрос, как в таком случае согласовать данную гипотезу с авторскими же утверждениями о гибельных для страны явлениях еще в период XV–XVI вв.? Но историк пояснений на сей счет не дает... Зато достаточно симптоматично, что ситуация после первого раздела охарактеризована автором следующим образом: «После этого Польша пользовалась в продолжение 20 лет внутренним спокойствием, под покровительством России».

В контексте заявленной темы вспомним еще лишь о том, что историю нашей дореволюционной полонистики фактически замкнет дважды изданная «История западных славян» М. К. Любавского. Любавский, будучи (в отличие от Погодина) убежден, что причины падения Польши «коренились в особенностях ее организации и историческом воспитании польского общества»²⁰, похоже, исходил из того, что у Речи Посполитой вовсе не было никаких шансов уцелеть.

Лекционному курсу М. К. Любавского, на протяжении долгих послереволюционных лет пренебрежительно третируемому, а то и попросту изымаемому из обихода, однако, будет суждено стать своего рода связующим звеном между нашей старой наукой и возрождаемыми с конца 1930-х гг., прежде всего стараниями Владимира Ивановича Пичеты и его молодых коллег, полонистическими штудиями.

В заключение нельзя не подчеркнуть, что в полонистических трудах рассматриваемого периода — при всех идейных расхождениях между их авторами — настойчиво звучит мысль о «золотой шляхетской вольности» как главной причине слабости, а затем и падения Речи Посполитой. Например, М. К. Любавский так и писал: «золотая

вольность, тесно связанная притом с железным порабощением народной массы, и была главной причиной упадка и окончательного падения Речи Посполитой»²¹.

Собственно говоря, такая точка зрения не была чем-то новым для нашей полонистики. Между воцарившейся в старой Польше политической анархией и судьбами Польского государства есть причинно-следственная связь — это бесспорно. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что наши соотечественники, писавшие в начале XX в. (да и в другие времена) о бесправии простонародья, об угнетении крепостных крестьян польскими помещиками и пр., постоянно — пусть и незаметно для самих себя — абстрагировались от российских реалий.

Живописуя тяготы крепостничества в Польском государстве, Погодин, Любавский и другие отечественные полонисты как-то упускали из виду тот факт, что мужики куда чаще бежали из России в Речь Посполитую, чем наоборот (об этом в свое время писал В. О. Ключевский). Затруднимся назвать российского автора, который подчеркнул бы, что как ни тяжел был панский гнет, но в Речи Посполитой все же никогда не торговали крепостными душами поштучно. Российские полонисты с чувством писали (нередко и сейчас пишут) о выборности королей, как главной язве политического строя шляхетской республики, как-то не задумываясь над тем, что династический принцип не так уж строго соблюдался на их собственной родине, а в Речи Посполитой, вроде бы, не бывало царубийств и дворцовых переворотов. Но данное сопоставление, пожалуй, уже выходит далеко за рамки рассматриваемой темы...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Смоленский В.* История польского народа. СПб., 1899; *Кутшеба С.* Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907; *Бальцер О.* К истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1908.
- 2 См., в частности: *Аржакова Л. М.* Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века // *Славяноведение.* 2010. № 1. С. 44–53.
- 3 *Дьяков В. А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // *История и историки. Историографический ежегодник.* 1978. М., 1981. С. 147–162.

- 4 Историография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 189.
- 5 *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 3.
- 6 *Корнилов А. А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 434.
- 7 *Корнилов А. А.* Русская политика в Царстве Польском после восстания 1863 г. Пг., 1915. С. 36.
- 8 Там же. С. 15.
- 9 Там же. С. 3, 15.
- 10 *Погодин А. Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. VI.
- 11 Там же. С. 1.
- 12 Там же. С. 2.
- 13 Там же. С. V.
- 14 *Погодин А. Л.* История Польши // История Польши. М., 2002. С. 5–91. Ср.: *Кутшеба С.* История государственного и общественного строя Польши // Там же. С. 92–262.
- 15 *Погодин А. Л.* Очерк истории Польши. М., 1909. С. 73–74.
- 16 Там же. С. 72.
- 17 *Погодин А. Л.* Очерк истории Польши. С. 104–105.
- 18 Там же. С. 116.
- 19 Там же. С. 138.
- 20 *Любавский М. К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1918. С. 354.
- 21 Там же. С. 310.

Arzhakova L. M.

Domestic Polish Studies of the First Decades of the 20th Century

The article provides a review of the situation in Russian historical Polish studies in the first decades of the 20th century. The author undertook analysis of works of leading specialists who had worked in the field: A. L. Pogodin, A. A. Kornilov, M. C. Liubavsky. Their typical approach to studying of problems of the history of Poland is revealed.

Key words: *Russian historical Polish studies, Polish question, Rzeczpospolita, A. L. Pogodin, A. A. Kornilov.*

А. А. Силкин
(Москва)

Делегитимизация сербских правящих кругов (1930-е — начало 1940-х гг.) как внутривнутриполитическая предпосылка «социалистической революции» в Югославии

В статье анализируется процесс постепенной утраты устойчивости положения правящей элиты Королевства Югославия в 1930-е гг., что способствовало произошедшей во время Второй мировой войны смене авторитарного монархического режима на тоталитарный коммунистический. Рассматривается содержание внутривнутриполитического курса «шестоянварской диктатуры».

Ключевые слова: *король Александр Карагеоргиевич, «шестоянварская диктатура», кризис авторитаризма, делегитимизация режима, Сербия, Королевство Югославия.*

Участь Сербии в 1941–1945 гг. — оккупация и раздел, гражданская война и «революция», освобождение и установление власти коммунистов — была в значительной степени предопределена воздействием внешних факторов¹. Что касается внутренних политических предпосылок смены авторитарного монархического режима на тоталитарный коммунистический, то российский автора к их исследованию побуждает, в частности, аналогичный характер произошедшего в Сербии/Югославии и событий в России в 1917–1920 гг. В обоих случаях изменению общественно-политического строя, состоявшемуся в условиях военного катаклизма мирового масштаба, предшествовала постепенная утрата устойчивости положения правящей элиты. Прежде чем приступить к рассмотрению данного процесса в Сербии — предмета нашего исследования, — зададимся вопросом, что же она, то есть Сербия, представляла собой накануне нападения Германии — в 1939–1941 гг.

Скорый и однозначный ответ для нас так же затруднителен, как и для тех, кто жил в Югославии в конце 1930-х — начале 1940-х гг. Раньше — на рубеже первого и второго десятилетий XX в. — ясности было больше. Новосозданное Королевство сербов, хорватов и словенцев во многом выглядело как увеличившаяся в размерах Сербия, от которой оно автоматически унаследовало династию, победоносную армию, административный аппарат и правоохранительные органы, избирательное право, на основании которого прошли вы-

боры в Уставотворную скупщину, политические партии, занявшие доминирующее положение в исполнительной и законодательной власти, и, наконец, саму конституцию². Кроме того, при формальном разделении королевства на тридцать с лишним областей (с 1922 г.) каждый серб — будь то сербиянец, черногорец или пречанин — был уверен, что живет в обретенном «Душановом царстве», начало борьбе за которое положил Карагеоргий, а завершил принц-триумфатор Александр Карагеоргиевич³.

В интересующие же нас годы убежденных в этом осталось немного. В частности, потому что в то время как Сербия по-прежнему отсутствовала на карте как территориальное образование, на ней появились сначала Словения, а потом и Хорватия, обособившие собственные «исторические земли» в соответствующих бановинах. Поэтому адекватным реальности выглядит мнение, проиллюстрированное в конфиденциальном «Донесении из Загреба» от января 1941 г., описывающем, помимо прочего, итоги конференции спортивных объединений страны. В ходе собрания один из его хорватских участников заявил, что представленные сербские спортивные союзы, в отличие от хорватских, «не имеют права называться сербскими, так как *не существует ни Сербии, ни Сербской бановины* (курсив мой. — А. С.)». В отличие от недавно созданной Бановины Хорватия, которой предстоит «в самое ближайшее время расшириться за счет областей, ранее не охваченных разграничением»⁴.

Формальным поводом для подобного оптимизма была предусмотренная Соглашением Цветкович–Мачек⁵ возможность изменения границ и статуса составлявших королевство бановин, в том числе и хорватской. Экспансия Загреба в отношении Воеводины и Боснии выглядела наиболее реалистичным ее вариантом в условиях соотношения сил, оценку которого дал британский дипломат: «По любой проблеме, по которой сербские интересы не совпадают с хорватскими, хорваты, по-видимому, одержат победу»⁶.

Обоснованности данному мнению придавало, в частности, состояние вышеперечисленных сербских/югославских политических и административных институтов, выглядевшее особенно удручающим в сравнении с атрибутами народившейся хорватской протогосударственности. Так границы, статус и полномочия бановины определялись политическим актом и постановлениями, законность которых не вызвала сомнений у большей части населения и политических кругов не только Хорватии, но остальных областей страны. Оговорки сохранялись только у самого сербского руководства, считавшего Согла-

шение Цветкович–Мачек временным, пока оно не будет окончательно ратифицировано парламентом⁷. Впрочем, дело до этого не дошло, так как одновременно с заключением соглашения сенат и нижняя палата были распущены, а новые выборы так и не состоялись.

Основным же законом для Белграда оставалась Октроированная конституция 1931 г. Показателем скептического восприятия ее сербским обществом (о хорватском и не говорим) служит даже не открытое отторжение, демонстрировавшееся Объединенной оппозицией (ОО), а тот факт, что сам режим регентства, призванный охранять Устав с его императивно централистскими и унитаристскими постулатами, использовал одну из его статей для радикальной децентрализации государства.

Совершенно очевидно, что Сербия — без очерченных границ, общепризнанных государственно-правовых норм и с распущенной раз и навсегда скупщиной — не располагала дееспособной политической элитой — властью и оппозицией. Чего стоил суверенитет династии, зафиксированный в первой статье конституции, с которой так цинично обошлось регентство, продемонстрировали события 27 марта 1941 г. При этом показательна как сама успешность переворота, так и некоторые обстоятельства его осуществления — безразличие общества к судьбе князя Павла и то, что вместо короля Петра II манифест о досрочном наступлении его совершеннолетия по радио прочитал поручик Яков Йовович.

О состоянии же бывших парламентских партий говорил факт их неучастия в подготовке передела страны — важнейшего политического события десятилетия. Для Хорватской крестьянской партии (ХКП) радикалы, демократы и земледельцы, даже объединившись, не стали равноправным союзником, которому имело бы смысл хранить верность. В свою очередь двору, чем идти на компромисс с А. Станоевичем, Л. Давидовичем и Й. Йовановичем⁸, всегда было легче переманить на свою сторону тех их соратников, кто предпочитал партийной дисциплине выгоды нахождения у власти. Косвенным, но весьма достоверным свидетельством несостоятельности ОО как системной оппозиции стало и то, что в последние годы и месяцы существования государства функцию артикуляции общественного недовольства режимом себе присвоила просветительская организация — Сербский культурный клуб, а перехода власти добились не политики, а офицеры-заговорщики.

Констатация «виртуального» характера Сербии, само существование которой оспаривалось, делает актуальным вопрос о содержа-

нии внутреннего курса режима, который в 1929 г. был установлен под лозунгом усиления государства, но довел его до того, что в конце 1939 г. оно напоминало итальянскому послу «корабль, который, вне зависимости от того, куда возвращается штурвал, плывет по направлению ветра»⁹. Представление лишь о хрестоматийном перечне мер¹⁰, осуществленных «диктатурой», недостаточно для понимания закономерностей и результатов десятилетней политики. Не менее важно иметь в виду те шаги, которые власть сочла необходимыми, но так и не смогла предпринять.

Речь идет о планах внутривластной либерализации и административной децентрализации страны, декларировавшихся двором и правительством на всем протяжении 1930-х гг. Один из первых намеков на возможное смягчение контроля центра над окраинами содержался в парламентском выступлении короля (январь 1932 г.), допускавшего возможность «здорового национального и социального прогресса» в «*децентрализованном* унитарном государстве»¹¹. Однако дальше слов дело не пошло. Правительство В. Маринковича, в повестке дня которого стояло принятие нового избирательного закона¹², проведение выборов в представительные органы муниципалитетов и бановин¹³, продержалось лишь с весны до лета 1932 г. Был положен под сукно и проект Закона о самоуправлении бановин, разработанный следующим премьером — М. Сршкичем¹⁴ (июль 1932 г. — январь 1934 г.).

После гибели короля Александра невыполненные обещания новаций звучали из уст представителей Регентства. В декларации правительства Б. Евтича (декабрь 1934 г. — июнь 1935 г.) от 3 января 1935 г. говорилось, что «первой его заботой станет реорганизация государственной администрации; превращение бановин в самоуправляющиеся единицы, а также полная деконцентрация власти»¹⁵. Чуть позднее пункт о self-government'e перекочевал и в датированную августом 1935 г. программу Югославянского радикального объединения (ЮРО) — политическое credo правительства М. Стоядиновича. Помимо самоуправления программа предусматривала формирование «конституционного и парламентского строя в демократическом духе», введение общего, прямого и тайного голосования, свободу печати и собраний, независимость суда и т. д.¹⁶.

Регулярность, с которой анонсировалась ревизия «шестоянварской политики», свидетельствовала об осознании властями предрешенности ее общественной востребованности. То, что она так и не состоялась, говорило о принципиальной неспособности режима к

осуществлению внутривластной демократизации и реформы административно-территориального устройства страны. Подтверждением тому стало и формирование Бановины Хорватия, которое подменило общую федерализацию Югославии, изначально видевшуюся Д. Цветковичу следующим образом: «Все должно быть одновременно и взаимосвязано: достижение соглашения, осуществление реформы, издание политических законов»¹⁷. Вместо последнего, как уже было сказано выше, последовало фактическое установление моратория на публичную политику — роспуск парламента без объявления выборов.

Следует отметить, что и на протяжении 1930-х гг. каждому из упомянутых премьер-министров «закручивание гаек» давалось много легче, чем пресловутая «деконцентрация власти». Так, короткая маринковичевская «оттепель» сменилась реакцией и репрессиями по отношению к противникам режима. Что касается Евтича и Стоядиновича, то и тот, и другой — «в противоположность объявленному курсу на умиротворение и поиск общественного согласия»¹⁸ — доводили противоречия между официальным Белградом и мятежным Загребом до крайней стадии обострения. Последнее, наряду с грубым давлением на оппозицию внутри Сербии, виделось главам правительств рецептом удачи в кампаниях по выборам в скупщину. Так, в 1935 г. Евтич на выборы вышел с лозунгом «За Опленец, или за Янка Пусту»¹⁹, чем, по свидетельству современника, поставил страну на грань гражданской войны и сделал неизбежной собственную отставку²⁰. Не многим менее агрессивная риторика раздавалась в 1938 г. в адрес противников ЮРО, которых председатель партии в деловой переписке называл не иначе как «врагами»²¹. Некоторое время спустя Стоядинович объяснял свою отставку собственной принципиальной позицией «по вопросу определения за Каймакчалан, или за Купинец»²².

Стабильная «нереформируемость» «шестоянварской диктатуры», представители которой, безотносительно их первоначальных намерений, были обречены на консервацию существующего порядка и конфронтацию с оппозицией, была результатом свойств и ограничений, имманентно присущих авторитарным режимам.

Установление режима личной власти короля Александра стало возможным благодаря кризису югославского парламентаризма, кульминация которого достоверно описана в монаршем манифесте от 6 января 1929 г.: «Согласие и даже обычные отношения между партиями... стали совершенно невозможными... Парламентский

строй и вся наша политическая жизнь приобретают негативный облик, что наносит вред и народу, и государству...»²³. Ответственность за прискорбный итог десятилетия лежала на югославских и, в первую очередь, сербских партийных деятелях, для которых Народная скупщина была не столько законодательным органом, сколько «полигоном для обстрела политических противников»²⁴. «Линия фронта» разделяла парламентское большинство, воспринимавшее собственное численное превосходство как основание для того, чтобы не принимать в расчет чье-либо мнение, и меньшинство, методами обструкции препятствовавшее работе скупщины.

Первопричиной подобной нетерпимости можно считать патриархальность сербского и, в целом, югославского социума, находившегося во власти коллективистских и эгалитаристских представлений. Апелляции к ним были много эффективнее, чем приверженность либеральным идеалам, слабая приживаемость которых на местной почве и предопределила облик парламентских институтов, весьма далекий от европейского оригинала²⁵. И до, и после Первой мировой войны на успех могли рассчитывать не поборники соблюдения прав меньшинства, толерантности и плюрализма, а «народные» организации, обещавшие крестьянской массе разобраться с виновными в том, что существующая власть и государственное устройство не соответствуют ее представлениям о «справедливости» и «правах».

В отдельных «исторических областях» — в Сербии рубежа веков и послевоенной Хорватии — популизм политиков, отождествлявших себя с народом, а своих оппонентов — с его «врагами», позволял добиться максимальной мобилизации электората, соблазненного проектами построения «государства — народного дома» или «хорватской нейтральной крестьянской республики». Однако в Югославии использование сразу несколькими «племенными» партиями шкалы «народности–антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих делало невыполнимой стоявшую перед парламентом задачу нивелирования общественных противоречий и выработки вменяемого государственного курса.

Уже в 1927 г. один из авторов Сербского литературного вестника констатировал: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных госу-

дарственных проблем, от которых зависит будущее страны... Хочется бережливости и бездефицитного бюджета... но скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается... Таким образом, нужно наконец выяснить, как надо управлять страной... Но, если не хочется парламентаризма, нужно определить-ся в пользу других методов правления...»²⁶.

Таким образом, неэффективность парламентских механизмов была обусловлена тем, что их изначальному предназначению не соответствовали разделяемые большинством партийных деятелей и стоявших за ними избирателей архаичные политико-этические представления. В гораздо большей степени они гармонировали с той простой моделью «справедливого» и простого государственного устройства, которую предъявил король Александр. Действительно, «в авторитарных государствах пропаганда целенаправленно эксплуатирует мифо-символический комплекс для индоктринации населения»²⁷.

Так, манифест от 6 января 1929 г. живописал отношения подданных и «столь терпеливого в выполнении своих высоких обязанностей» правителя, взывавшего к «моему дорогому народу — всем сербам, хорватам и словенцам», дабы объявить, что «настал час, когда следует устранить посредников между Народом и Королем»²⁸. Обозначение паритета одного и другого преследовало цель узаконивания суверенных прав монарха, равных народному суверенитету. При этом в риторическом плане очевидна преимущество «прокламации» в отношении документов эпохи Первого и Второго сербских восстаний, вожди которых первыми в новой сербской истории пытались использовать для легитимации собственной власти массовое восприятие государства как большой семьи. Поэтому в обращениях к жителям Сербии и к иностранным адресатам «истинно народные правители» Карагеоргий и позднее Милош Обренович представляли «благими отцами», «сынов своих всех одинаково любящими», «день и ночь старающимися народ сербский в опасности и по учению блюсти»²⁹.

Век с лишним спустя Александр Карагеоргиевич, «единство народное и целостность государственную охраняющий», руководствовался теми же «отеческими» чувствами, когда решил не оставить безответными «душу его раздирающие вопли масс, сколь трудолюбивых и патриотичных, столь и истрадававшихся». Виновниками «страданий» и в начале XIX в., и в конце 1920-х гг. были политические оппоненты правителей — ненужные в «семейных» отношениях

«посредники», «непослушники воли народа», — обвиняемые, как в первом случае, во взаимной «неприязни и несогласии, которое далеко простирается, отчего и происходит величайшее зло», или в «ослепленности политическими страстями», ведущими, по словам короля Александра, к «духовному разброду и народной разобщенности».

Совершенный 6 января переворот не встретил сопротивления. Ни одна из дискредитированных парламентских партий не посмела перечить харизматичному автократу, узурпировавшему власть ради решения амбициозных задач: достижения единоначалия власти, видевшегося панацеей от государственной нестабильности, прекращения «межплеменных» распрей, установления равенства разношерстных поданных королевства перед сюзереном и издаваемыми им законами, объединения югославын общей надплеменной идеологией.

Поначалу благожелательная внутри- и внешнеполитическая³⁰ реакция вселяла в Александра Карагеоргиевича чувство уверенности в популярности и необратимости его действий. «Неудача исключена, если за тобой стоит весь народ»³¹, — заявил король в интервью французской газете. В его новогоднем обращении от 31 декабря 1929 г. говорилось о свершившемся «преодолении опасности духовной разобщенности»³². Декларация правительства от 4 июля 1930 г. объявляла, что «*навсегда* стерты внутригосударственные исторические границы, препятствовавшие формированию нации» и реализации принципа «один народ — одно национальное чувство».

И впрямь, «авторитарные лидеры, устранившие политических конкурентов, подавившие оппозицию, поставившие под контроль средства массовой информации, полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны, чтобы обеспечить стабильность власти. Это иллюзия, дорого стоившая многим»³³. В случае с шестоянварской диктатурой иллюзорность подобных надежд стала очевидной с наступлением в том же 1929 г. мирового экономического кризиса. Его влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в королевстве оценивал британский посол Кеннард: «Ситуация в Югославии... в экономическом, финансовом, а следовательно, и общественном плане развивается от плохого к худшему... Экономический кризис стал одной из причин широко распространенного политического недовольства... Вина за все недуги, от которых страдает Югославия, возлагается на режим короля Александра... В решении главной внутренней проблемы страны не достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса: не создана основа для добровольного сосуществования разных ча-

стей королевства... В Хорватии и Словении... неприятие белградского централизма выросло, а доверие к персоне короля, которое без того никогда не было высоким, еще упало»³⁴.

Таким образом, экономические трудности усугубили непреодоленное отторжение значительной частью населения страны идеологии «интегрального югославизма», что подрывало авторитет диктатуры, установленной в январе 1929 г. именно ради воплощения на практике теории «народного единства сербов, хорватов и словенцев». Проблема сужения социальной базы осознавалась и самими представителями режима: «Нам приходится иметь дело с сегодняшним поколением. Генерацию наших сторонников еще предстоит создать... Надо найти людей, на которых мы сможем опереться, которые будут нести режим, а не наоборот...»³⁵.

Унылая констатация В. Маринковича, датированная сентябрем 1930 г., иллюстрирует, насколько быстро диктатура столкнулась с уготованными авторитарным режимам затруднениями: «Даже, когда подобные политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем они начинают восприниматься обществом как нелегитимные, начинается обсуждение путей и сроков восстановления демократических институтов. Когда такие дискуссии становятся значимыми, выясняется, что и лидеру режима, и его ближайшему окружению не просто выстроить то, что называется „стратегией выхода“...»³⁶.

В Королевстве Югославия в сентябре 1931 г. в качестве таковой было избрано «подведение широкой основы непосредственного народного сотрудничества под... государственную политику»³⁷, чему должно было способствовать дарование конституции и формирование двухпалатного представительного органа. Последнему следовало компенсировать ущербную простоту «шестоянварской формы правления», делавшей автократа, устранившего с политической арены конкурентов, единственным объектом «любви и ненависти» его поданных. Или, как гласил отчет британского посольства, «руководствуясь личными и династическими соображениями, король решил подключить нацию к решению сложных проблем, ибо кризис предполагал большую ответственность, чем ту, которую он был готов взыскать на свои плечи»³⁸.

Увы, ни «парламент», ни единственно легальная «партия власти» (Югославянская радикально-крестьянская демократия³⁹ (ЮРКД) не

выполнили своего предназначения. Будучи не в состоянии разделить с создавшим их двором бремя государственных забот, они лишь ретранслировали социальные и межэтнические противоречия, общественное неприятие официальной идеологии⁴⁰. Тот факт, что квазидемократические институты не оправдали ожиданий, не побудил короля к реализации вышеописанных планов ревизии административного и территориального устройства страны. Одной из причин этого была личная нерасположенность к ограничению самовластья. Другую и более существенную характеризует следующий тезис: «Нестабильность положения, ненадежность власти заставляют правящую элиту ориентироваться на короткую перспективу»⁴¹. Речь идет о неспособности к долгосрочным преобразованиям, которые не сулят теряющим популярность авторитарным режимам гарантированных и скорых плодов, но требуют широкой общественной поддержки и, что не менее важно, лояльности административного аппарата. «Диктатура» не располагала ни тем, ни другим.

Характеристика настроений, предопределивших неэффективность созданных институтов «управляемой демократии» и оказывавших угнетающее действие на способность «диктатуры» к проведению каких-либо реформ, содержится в официальном аналитическом материале, датированном августом 1931 г.: «Среди тех, кто не одобряет сегодняшнюю политическую ситуацию в стране, ходят разговоры, будто Его Величество перед 6 января 1929 г. находился в гораздо более простой ситуации, чем сейчас... День, выбранный, для того чтобы вернуть страну в конституционное и парламентское состояние, отнюдь не станет для него приятным. Говорят, что из-за положения, в котором оказалась страна накануне 6 января 1929 г., Его Величество своим жестом заслужил симпатии всего сербского общества... Однако теперь очень не просто будет добиться признания парламента, который не был избран народом на свободных выборах, и конституции, за которую не голосовали народные избранники в скупщине»⁴².

Утрата режимом кредита доверия порождала ненадежность чиновничества, озабоченного не выполнением высочайшей воли, а своими сиюминутными карьерными интересами. Их незащищенность подталкивала государственных служащих всех уровней к установлению отношений с теми, кто был изгнан с политического Олимпа, но мог в ближайшем будущем на него вернуться. Уже в апреле 1929 г. премьер-министр Петр Живкович вынужден был констатировать: «Вера чиновников в стабильность нынешнего правительства стала

меньшей по сравнению с первыми днями его работы. Разные интриги и сплетни, запускаемые в народ, имеют целью представить правящий режим как временный... Несомненно, это пагубно влияет на чиновничество, которое больше не проявляет былого рвения...»⁴³.

В ситуации невозможности осуществления мер, необходимость которых признавалась самим режимом, единственным фактором его устойчивости оставался авторитет короля-освободителя-объединителя. Вплоть до рокового октября 1934 г. этот «неразменный рубль» позволял сдерживать центробежные тенденции и гарантировать целостность государства. Дальнейший ход событий подтвердил проницательность наблюдения британского посла, сделанного им в конце 1932 г.: «Если когда и существовали примеры того, что неразрывность цепи зависит от одного единственного звена, то это случай Югославии и ее короля»⁴⁴.

Князь-регент Павел Карагеоргиевич, не располагавший ресурсом личной популярности, во взаимоотношениях с противниками не был в состоянии выступать с позиции силы — использовать инструмент репрессивной политики и самостоятельно определять размер собственных уступок. Последствием этого стала эскалация сепаратистских устремлений части населения, приведшая к ослаблению контроля центра над периферией: «В областях по ту сторону Савы полный разброд... Белград похож на человека, у которого болят ампутированные конечности»⁴⁵. Одновременно в Сербии ранее сдержанно высказываемое недовольство режимом переросло в открытое требование его упразднения. Право регентства считаться законным представителем подданных королевства и, в первую очередь, сербов оспаривали как твердые последователи шестоянварского курса, уличавшие двор в недолжном исполнении «завещания» Александра, так и «восставшие из пепла» парламентские партии, адресовавшие князю и его окружению те обвинения, которые они не осмеливались озвучить при покойном короле. «Все зло в стране — от самозванцев, которые защищают государство от народа, как будто народ настолько глуп, чтобы разрушить его...»⁴⁶, — гласило обращение Л. Давидовича к избирателям.

В 1936 г. затруднительное положение власти описывал осведомленный современник: «Личный режим был возможен раньше, так как его поддерживал король Александр. Теперь, когда его нет, встает вопрос, кто бы смог стать носителем этого личного режима... Авторитаризм сейчас нужнее, чем когда либо... Однако неизвестно, откуда этому авторитету взяться». До определенного времени послед-

ним его источником могла считаться харизма покойного Александра Карагеоргиевича. Необходимость выполнения «святого завета хранить Югославию, хранить единство югославской нации»⁴⁷ служила для Павла Карагеоргиевича и его окружения главным аргументом, оправдывающим пребывание у власти. Своим долгом перед погибшим кузеном и его сыном, которому по достижении им совершеннолетия государство должно было достаться в неизменном виде, князь-регент объяснял отказ упразднить конституцию и провести выборы в учредительное собрание.

Декларативная приверженность «шестоянварской» политике апеллировала к чувствам масс, сожалеющих о судьбе «короля-мученика». Недолговечность сантиментов проявилась в скором падении кабинета Б. Евтича, вышедшего на выборы 1935 г. с централистско-унитаристскими лозунгами. «Казалось, — писал в Прагу чехословацкий дипломат Х. Рипке, — что трагическая смерть Александра приведет к формированию его культа, что забудутся его ошибки и недостатки. Реальность оказалась совсем иной. За ним не признается даже то хорошее, что он сделал... К Павлу же как к политике относятся без всякого уважения»⁴⁸.

Невозможность следования «заветам» побуждала регентство к ревизии проводимого с 1929 г. внутривластного курса. «Те, кто находятся у власти, стоят перед проблемой — как ликвидировать режим 1929–1934 гг. и при этом не показать обществу, что они отрекаются от всего наследия покойного короля, которое и служит правовой базой регентства»⁴⁹, — сложность стоявшей перед правящей верхушкой задачи, как ее описал Р. У. Ситон-Уотсон, служила дополнительным препятствием на пути осуществления преобразований, анонсированных правительством М. Стоядиновича. Главным же была неспособность преодолеть сопротивление общества, переставшего считать власть легитимной и блокировавшего любые мало-мальски значимые ее начинания. В этом отношении показателен как провал имевшей место в 1937 г. попытки ратификации разработанного еще при Александре конкордата с Ватиканом, так и то, что партиям власти в ходе избирательных кампаний 1935–1938 гг. даже с помощью «административного ресурса» не удалось добиться решающего преимущества в борьбе с Объединенной оппозицией и завоевать убедительное большинство в Сербии.

В этих условиях двор не имел ни желания, ни, по-видимому, возможности осуществлять какие-либо реформы, а тем более решать «комплексную проблему формирования здорового государственно-

го устройства для всей страны», как того требовали «сербиянская» Объединенная оппозиция. Регентству единственным способом выживания виделся союз с «пречанскими» племенными партиями, с которыми приходилось делиться властными полномочиями в обмен на лояльность и поддержку в противостоянии с оппозицией внутри Сербии. Возвращалась практика, когда участие Югославянской мусульманской организации (ЮМО) и Словенской народной партии (СНП) в правительстве означало подконтрольность им административного аппарата в Боснии и Словении. Единственным отличием от 1920-х гг. было формальное членство обеих организаций в «надплеменном» Югославянском радикальном объединении, служившее знаком признания ими государственной идеологии национального унитаризма.

Триумвират Стоядинович–Корошец–Спахо⁵⁰ должен был стать, по словам первого, «трехногим стулом», удерживающим правящую верхушку от падения⁵¹. Впрочем, созданная летом 1935 г. коалиция не была в состоянии надолго обеспечить стабильное положение власти. Во-первых, небескорыстной поддержки мусульман и словенцев априори не хватало для нейтрализации хорватского сепаратизма, представлявшего все большую опасность. Во-вторых, поражение ЮРО на выборах в Сербии в 1938 г. сделало актуальной задачу замены одной из опор национально-партийной конструкции.

Заключенное в августе 1939 г. соглашение с хорватами смогло устранить обе эти проблемы. Помимо «решения» хорватского вопроса союз с ХКП обеспечил двору победу в противостоянии с сербиейнской оппозицией. Согласие В. Мачека сотрудничать с князем Павлом удостоверяло его статус «законного представителя сербского народа». Столь весомым содействием председателя ХКП делало то, что в отличие от ослабленных междоусобицей сербиейнских политических групп возглавляемая им организация имела полное, подтвержденное триумфальным участием в шести парламентских избирательных кампаниях⁵² право именоваться «народным движением» или «хорватским народным представительством». Чем больше представители Сербии дискредитировали друг друга, тем сильнее была их заинтересованность в альянсе, подтверждавшем обоснованность претензий на политическое лидерство. В этом плане незаменимость Мачека иллюстрирует то, что среди тех, кто во второй половине 30-х гг. обращался к нему за протекцией, были не только традиционные белградские оппозиционеры, но и подвергнутые князем Павлом опале соратники короля Александра: многолетний министр периода диктатуры Б. Максимович, премьеры П. Живкович и Б. Евтич и др.

По мере того как увеличивалось значение позиции хорватского руководства для исхода внутрисербского противостояния, рос и масштаб уступок, в обмен на которые ХКП была готова сотрудничать. В середине 1920-х гг. авторитет короля Александра и премьер-министра Николы Пашича был достаточно высок, чтобы Степан Радич удовлетворился (правда, совсем ненадолго) участием в правительстве и приостановлением реализации централистской Видовданской конституции. В конце 30-х гг. князю Павлу пришлось удовлетворить все 100% требований радичевских наследников. Соглашение с премьер-министром Д. Цветковичем позволило Мачеку добиться одновременно и децентрализации государства, и установления собственного решающего влияния на политику центральной власти.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. слабость режима, зависящего от сторонников «племенного» партикуляризма, лишённого поддержки тех, кто был заинтересован в усилении государства, послужила непосредственной предпосылкой описанного в начале нашего исследования плачевного состояния Сербии. Ее интересы на протяжении двадцати лет были заложниками непримиримой борьбы между различными фракциями белградского истеблишмента, к концу 1930-х гг. дискредитировавшего себя в глазах населения. Достоверно свидетельство неизвестного автора: «Шумадия дезориентирована в политическом отношении. Можно сказать, что партийной и идеологической принадлежности больше не существует... Народ отрекается от своих партий и от своих бывших вождей, годами его обманывавших...»⁵³. В результате, к началу войны делегитимизация традиционного политического класса создала в Сербии, как и в России в 1917 г., благоприятные условия для «диссеминации» простых и привлекательных для неизменного в своей патриархальности общества лозунгов («всеобщего равенства», «справедливости и перераспределения», «борьбы с антинародным режимом» и т. п.), декларируемых некогда малочисленной и маргинальной партией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., например: *Тимофејев А. Ј.* Руси и други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- 2 Видовданская конституция 1921 г. во многом повторяла сербскую конституцию 1903 г.

- 3 Regent Aleksandar Srpskoj vojsci // *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1920. S. 300.
- 4 Архив Југославије (Далее — АЈ). Ф. 38 (Централни пресби́ро). Фасцикла 16.
- 5 В августе 1939 г. глава Хорватской крестьянской партии Владимир Мачек и премьер-министр Югославии Драгиша Цветкович подписали соглашение, в результате которого была сформирована Бановина Хорватия.
- 6 Цит. по: *Boban Lj.* Маček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. Zagreb, 1974. Knj. 2. S. 162.
- 7 *Константиновић М.* Политика споразума: дневничке белешке 1939–1941: лондонске белешке 1944–1945. Нови Сад, 1998. С. 60.
- 8 Лидеры Народной радикальной, Демократической и Земледельческой партий.
- 9 *Boban Lj.* Маček i politika Hrvatske Seljačke Stranke... Knj. 2. С. 153.
- 10 Государственный переворот 6 января 1929 г., упразднение Видовданской конституции, запрет парламентских партий, переименование и административно-территориальное переустройство государства, насаждение догматов официальной идеологии, октроирование конституции, репрессии в отношении оппозиции, организация сначала одной, а затем и второй «партии власти», проведение трех избирательных кампаний и формирование квази-парламента, в котором подавляющее большинство мест занято депутатами из «правительственного списка», заключение сепаратного соглашения с ХКП и раздел государства, роспуск скупщины и сената без объявления новых выборов и т. д.
- 11 АЈ. Ф. 74 (Двор). Фасцикла 38. Л. 72.
- 12 Новый избирательный закон, принятый в 1933 г., был не намного либеральней предыдущего. Тем не менее он оставлял оппозиции возможность участия в выборах в случае формирования избирательной коалиции и выдвижения единого списка. Выборы 1935 и 1938 гг. прошли в соответствии с данным законом.
- 13 *Pavlović K. St.* Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935). London, 1960. Kn. 5. S. 7; *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969. S. 142.
- 14 *Boban Lj.* Маček i politika Hrvatske Seljačke Stranke... Knj. 2. S. 78.
- 15 Краљевске владе од 1903–1935. Београд, 1935. С. 87.
- 16 Program i statuti Jugoslovenske radikalne zajednice. Beograd, 1935. S. 6–7.
- 17 *Константиновић М.* Политика споразума... С. 14.

- 18 *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... S. 13.
- 19 Опленец — мемориальное место захоронения Карагеоргиевичей, включая Александра. Янка Пуста — усташеский тренировочный лагерь в Венгрии, в котором готовились совершившие на него покушение террористы.
- 20 *Јовановић Стоимировић М.* Дневник. 1936–1941. Нови Сад, 2000.
- 21 *Симић Б.* Пропаганда Милана Стојадиновића. Београд, 2007. С. 245.
- 22 АЈ. Ф. 14 (Министарство унутрашњих послова). Фасцикла 21. Л. 100 («Програм Српске радикалне странке»). Каймакчалан — горный массив в Македонии, на котором в 1916 г. сербская армия одержала важную победу над болгарами. Купинец — имение В. Мачека в Хорватии.
- 23 Цит. по: Краљевске владе... С. 65.
- 24 *Vesić. I.* Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923. (магистерская диссертация, защищенная на философском факультете Белградского университета в 2002 г.).
- 25 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998; *Шемякин А. Л.* Политическое развитие Сербии в 1903–1914 гг. Особенности сербского парламентаризма // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011.
- 26 *Аранђеловић Д.* Наша политичка криза // Српски књижевни гласник. 1927. Књ. 22. Број 6. С. 449–450.
- 27 *Белов М. В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX в.). СПб., 2007. С. 203.
- 28 Прокламација од 6 јануара 1929 године // Краљевске владе... С. 64–66.
- 29 Цит. по: *Белов М. В.* У истоков сербской национальной идеологии... С. 329, 354.
- 30 Показательно мнение английского посла Кеннарда: «Что впечатляет больше всего, так это масштаб решаемой задачи — объединение Королевства и его превращение в современно устроенное цивилизованное государство... Если диктатуре удастся осуществить программу реформ... она оправдает свое неконституционное происхождение...» (*Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Књ. 1. Р. 590–591).
- 31 Цит. по: *Dobrivojević I.* Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra 1929–1935. Beograd, 2006. S. 45.
- 32 Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931. Београд, 2002. С. 129, 193.

- 33 *Гајдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 59.
- 34 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji... Књ. 2. S. 79, 145.
- 35 Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931. Београд, 2002. С. 201–202.
- 36 *Гајдар Е. Т.* Гибель империи... С. 68.
- 37 Прокламација од 3 септембра 1931 године // Краљевске владе... С. 71.
- 38 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji... Књ. 2. S. 9.
- 39 20 јула 1933 г. партија била преименована у Југославјанску националну партију (ЈОНП). На изборима 1931 г. и 1935 г. партија не издвигала сопствених спискова. Оба пута у кампањама приимали учешће «правителственне списки».
- 40 См. подробнее: *Силкин А. А.* Внутриполитическое развитие Югославии в 1930-е годы // Югославия в XX веке... С. 265–289.
- 41 *Гајдар Е. Т.* Гибель империи... С. 68.
- 42 АЈ. Ф. 37 (Милан Стојадиновић). Фасцикла 9. Л. 13.
- 43 Записници са седница Министарског савета... С. 63, 68, 206, 208.. (Самим министрима аналогичне претензије П. Живковичу пришло висказивати уже у мае 1929 г.: «Разные слухи ходят о правительстве и его работе... Виноваты и сами члены кабинета... Поддерживаются отношения с бывшими политиками... что порождает разговоры о временности режима. Необходимо, чтобы все члены правительства продемонстрировали, что не смотрят ни налево, ни направо, а вместе блюдут верность манифесту Его Величества...». Данное пожелание осталось невыполненным. Осенью 1930 г. Живкович горько упрекал своих подчиненных: «Моя цель была получить заявления членов правительства, что они больше не состоят в прежних партиях... Кто из вас выступил с таким заявлением?»; «Результатов нет, так как все остались при своих партиях, которые до сих пор действуют организованно, только лишь благодаря тому, что ни один министр не сделал ничего для их упразднения...»).
- 44 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji... Књ. 2. S. 80.
- 45 *Јовановић Стоимировић М.* Дневник... С. 35–36.
- 46 АЈ. Ф. 38. Фасцикла 94.
- 47 Декларација Краљевске владе Богољуба Јевтића од 3 јануара 1935 // Краљевске владе... С. 85–89.
- 48 Цит. по: *Boban Lj.* Маџек i politika Hrvatske Seljačke Stranke... Књ. 1. S. 243.

-
- 49 Memorandum R. W. Seton-Watsona o prilikama u Jugoslaviji (1936) // *Boban Lj. Maček i politika Hrvatske Seljačke Stranke...* Knj. I. S. 243.
- 50 Антон Корошец — глава Словенской народной партии, Мехмет Спахо — Югославской мусульманской организации.
- 51 Цит. по: *Stojkov T. Vlada Milana Stojadinovića (1935–1937)*. Beograd, 1985. S. 58.
- 52 1920, 1923, 1925, 1927, 1935, 1938 гг.
- 53 А.И. Ф. 37. Фасцикла 9. Л. 714.

Silkin A. A.

Delegitimization of Serbian Ruling Circles (1930-s — early 1940-s) as an Inner Political Premise for the «Social Revolution» in Yugoslavia

The author analyses the process of gradual loss of stability in the positions of the ruling elite of the Kingdom of Yugoslavia in 1930-s, which promoted the change of the authoritarian monarchic regime during the WWII to the totalitarian Communist one. The author observes the content of domestic politic of the «dictatorship of 6th January».

Key words: *King Alexander Karageorgievic, dictatorship of the 6th January, crisis of authoritarianism, delegitimization of regime, Serbia, Kingdom of Yugoslavia.*

М. Белајац
(Белград)

Армия Королевства Югославии в 1939–1941 гг.

В публикации рассматривается деятельность высшего политического и военного руководства Югославии накануне нападения Гитлера на эту страну. Особое внимание уделяется внешнеполитическим маневрам Белграда, в том числе попыткам установления союзнических отношений с СССР.

Ключевые слова: *Югославия, князь Павел Карагеоргиевич, генерал Милан Недич, полковник Жарко Попович, переговоры с СССР, переворот 27 марта 1941 г., Апрельская война 1941 г.*

Стратегические военные союзы обуславливаются не только идеологическими, религиозными, национальными или культурными причинами, наличием старых врагов или новых союзников, но и имеют, прежде всего, национальный интерес — общность стратегических подходов. В случае поражения государства под вопрос ставится существование не только общества и экономики, но и всего его будущего. Эти факторы имели в виду германские правительственные круги, устанавливая близкие отношения с СССР; они же нашли отражение во французских стратегических планах 1934–1940 гг.¹. А к осени 1939 г. и в Королевстве Югославия оформились силы, выступавшие за развитие отношений с Советским Союзом².

Наши представления о данном предмете в течение длительного времени зависели от политической конъюнктуры. Это и не удивительно, но в свете новых документов некоторые исторические факты могут быть представлены в ином качестве. Многие из них и ранее были использованы в соответствующих исследованиях, однако интерпретация выглядела весьма неубедительно, что ставило под сомнение их достоверность. Документы, хранящиеся в архиве Гуверовского института (США) дали возможность опровергнуть выводы, содержащиеся в подобных работах³.

Сейчас мы наблюдаем две крайности, одна из которых характеризуется поиском новых парадигм и так называемой «ревизии» сложившихся мифов, а в сущности служит современным политическим реалиям под маской науки, а другая до сих пор находится под влия-

нием «классового» подхода к изучению положения в Королевстве Югославия⁴.

Так, например, современный французский историк Г. Жакиньон, который в своих исследованиях приходит к выводу о «германской ориентации» и «отторжении Югославии от советско-французского сближения», сознательно избегает объективного анализа французского взгляда на Александра Карагеоргиевича, югославскую внутреннюю и внешнюю политику и характер югославо-французских отношений, что содержится в Записке, составленной министерством иностранных дел для так и не состоявшихся в октябре 1934 г. переговоров французских президента, премьер-министра и министра иностранных дел с королем Югославии. Из нее мы можем узнать, как Франция видела развитие двусторонних отношений, а также оценить содержание тех шагов, которые французское правительство намеревалось предпринять. В первую очередь, в этом документе указывается, что «югославское правительство весьма ценит шаги Франции, направленные на сближение с СССР».

Тем не менее историк при анализе Записки указывает, что это, «по меньшей мере, преувеличенная оценка», за чем следует целый ряд домыслов⁵. На наш взгляд, оценки французского МИД не были преувеличением и отражают тот факт, что убийство короля Александра произвело сильное впечатление на Москву. В свою очередь, американский посол в Москве также заметил сближение СССР и Франции, а короля Александра считал опорой ее политики на Балканах, которая, «вероятно, находилась в полном согласии с планами СССР»⁶.

В упомянутой Записке четко прослеживается, что «югославское правительство слишком хорошо осведомлено об опасности, которую представляет триумф германизма в Восточной Европе, чтобы остаться в стороне от происходящих событий». Это вытекает и из того факта, что официальный прием Геринга в 1934 г. был отложен, а король укреплял отношения с Францией. Да и тогдашняя правящая сербская элита помнила недавнюю войну. Она высказывала определенную озабоченность тем, что в будущем Германия будет оказывать серьезное экономическое и культурное влияние, имея в виду, что в Словении и Хорватии оно и так было достаточно сильным⁷...

С другой стороны, югославский журналист Н. Милованович, весьма произвольно трактуя фрагменты из донесения югославского посла в Москве, пытается доказать, что политика официальных военных и гражданских властей Югославии была неискренна в желании установить сотрудничество с СССР, имея целью лишь показать

свои стремления народам Югославии; да и советская сторона не желала рассматривать эти предложения⁸.

Историки Б. Петранович и Н. Жутич, используя новые документы, показывают, что в начале февраля 1940 г. между представителями обеих стран шел активный обмен мнениями, инициатива которых исходила от министра иностранных дел Югославии А. Цинцар-Марковича. 13 февраля он представил регенту, князю Павлу, и премьер-министру Д. Цветковичу меморандум в котором изложил немецкие требования и возможный ответ на них. Как один из вариантов он предложил рассмотреть и советские предложения⁹.

Из предварительных бесед с советскими представителями посол Югославии М. Гаврилович сделал вывод, что СССР заинтересован в ослаблении Германии и в оказании помощи балканским странам для их сопротивления, пока военная ситуация радикально не изменится против Берлина. Затем, через Тупанянина, главе правительства была послана записка о наделении Гавриловича полномочиями для ведения дальнейших переговоров о создании советско-югославского военного союза. Причем переписка об этом шла, минуя Министерство иностранных дел. Объясняя министру эту инициативу, о которой он узнал непосредственно от Цветковича, посол 14 марта указал на роль подполковника Б. Симича, а также изложил свои взгляды:

«Утром мне сообщил Божин Симич: „Эти люди постоянно меня спрашивают, оповестил ли я вас об их инициативах, сообщили ли вы о них своему правительству и какова его реакция. Я уверен, что этот вопрос их очень сильно заботит“. Я ответил Симичу, что я довел информацию, но больше ничего не знаю».

И далее: «Во всяком случае, следует попытаться, поскольку:

Во-первых, советское правительство может не отреагировать на мой зондаж из-за отсутствия у меня соответствующих полномочий. В этом случае наше правительство потеряет доверие народа, известного своими симпатиями к России, несмотря на установленный там режим. В этой ситуации у нас тем более нет другого выхода, как попытаться изложить наши условия. В противном случае советское правительство в удобный момент может объявить, что проявляло соответствующие инициативы, но мы их отвергли для будущего союза с Великобританией по примеру Болгарии.

Во-вторых, советское правительство может согласиться, но в то же время ставить условия и тянуть время, в том числе и с поставками вооружения. В этом случае необходимо сделать так, чтобы возможный отказ советских властей рассматривался исключительно как их инициатива.

В-третьих, советское правительство может и в самом деле пойти на сотрудничество. В этом случае мы не будем против Германии и Европы один на один, а объяснения с Германией, в случае отсутствия реакции в виде параллельного заключения мира, о котором писала „Нью-Йорк Таймс“, будут делом Советской России. Германия не сможет официально выступить против этого соглашения, так как это будет означать ее разрыв отношений с Советской Россией, а в этом случае она будет слабее и в отношении нас. Все это имеет огромное значение, поскольку сейчас мы находимся под германским давлением, и поэтому не можем больше ни ждать, ни маневрировать, а присоединение к оси Берлин–Рим было бы нежелательно.

В-четвертых, эта попытка позволит нам убедиться, действительно ли эти военные круги, так настаивающие на своих предложениях, связаны с их правительством, и в противном случае, что весьма маловероятно, насколько они сильны, так как на самом деле в их рядах, как и в рядах армии, а теперь и в партийных кругах, растет недовольство прогерманской политикой, существовавшей до настоящего момента. Вчера вечером один полковник в своей лекции заявил, что уже сейчас может сказать, что Германия проиграла войну и что их политика должна формироваться с учетом этого факта»¹⁰.

Британский посол в Белграде сообщал в Лондон, что премьер-министр Цветкович через Тупанянина зондировал вопрос о возможном военном союзе с СССР. Тупанянин, по словам Цветковича, медлил с выводами, но, видя настойчивость своего премьер-министра, «выразил полное одобрение, если это было бы возможно, так как это означало бы столкновение СССР и Германии». Только тогда Цветкович поверил ему, что несколькими неделями ранее в Москву было отправлено специальное доверенное лицо и что военным чиновникам, с которыми он поддерживал связь, понравилась эта идея. В той же депеше посол отметил, что он получил такие же проверенные сведения из других источников. Он также предположил, что и Цинцар-Марковичу понравилась эта идея¹¹.

Британский посол в СССР Стаффорд Криппс, по неосмотрительности Гавриловича, получил возможность передать из Москвы в Лондон сообщение о том, что «специальный военный представитель Югославии, бывший генерал Красной армии, здесь уже более двух недель» и что он дважды разговаривал с российскими властями, которые с радостью заключили бы военное соглашение с Югославией и настаивают на том, чтобы ее послу были даны инструкции для обсуждения этого вопроса с советским правительством. Гаврилович, по словам Криппса, отправил сообщение о том в Белград¹².

Факт сотрудничества бывших участников организации «Черная Рука» (в нее в свое время входил Б. Симич) с советским руководством особо подчеркивал видный историк В. Дедиер. Между тем, в контексте поставленной темы, на наш взгляд, наиболее интересны свидетельства о деятельности Сербского культурного клуба (СКК). Так, непосредственно после аншлюсса Австрии, в марте 1938 г., руководство СКК организовало для своих членов лекцию генерала и академика Ж. Павловича на тему «Стратегическое положение Югославии в будущем мировом конфликте». Вход на это мероприятие осуществлялся по специальным пропускам.

Основные идеи генерала Павловича сводились к следующему:

1. Стратегическое положение Югославии в будущей мировой войне будет намного тяжелее, чем в Первой мировой войне.

2. Союзники Югославии — Франция и Великобритания — не смогут победить германский вермахт.

3. Переход Италии на сторону Гитлера делает невозможным, в случае начала войны, посылку Югославии помощи по Средиземному морю.

4. После оккупации Австрии судьба Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии предрешена.

5. Будущая стратегическая изоляция Югославии будет обусловлена разрывом транспортных средиземноморских путей, что не позволит ей создать новый фронт на Балканах.

Генерал Павлович завершил свою лекцию тезисом, что в Европе, в случае начала мирового конфликта, еще есть условия для успешного противостояния гитлеровской агрессии, но этот вопрос находится в компетенции политической, а не военной стратегии. Когда после лекции, в разговоре в узком кругу, ему был задан вопрос — какая могла бы быть новая политическая стратегия Югославии, генерал Павлович ответил, что он имеет в виду СССР как возможного партнера Югославии, «поскольку там существует возможность успешного стратегического маневра против германской армии».

Дедиер указывает, что этого же мнения придерживались генералы В. Максимович и М. Недич. Недич, в ходе расследования его дела при режиме Тито, заявил следователю, что он отправил в СССР доверенное лицо, чтобы прозондировать возможность военных контактов. Значительную роль в этом сыграл и Б. Симич, который с той же целью в феврале 1941 г. был отправлен в Москву¹³.

Еще в конце сентября 1939 г. от самого князя Павла военные и политические круги Франции получали сведения о том, что Югославия

собирается пойти на установление тесных отношений с СССР¹⁴. В течение зимы–весны югославское руководство рассматривало возможности обновления отношений с СССР, и 17 апреля 1940 г. Цинцар-Маркович тайно передал французскому послу Брижеру, что югославское правительство готово начать диалог по обновлению дипломатических отношений и отправляет в Москву торговую делегацию. Тогдашний министр обороны генерал М. Недич надеялся, что таким образом можно будет приобрести необходимое оружие и боеприпасы. Цинцар-Маркович обещал ему, что в случае продолжения экономических переговоров он будет иметь возможность послать в Москву военную миссию для достижения договоренности о поставках¹⁵.

Заместитель министра обороны генерал Д. Лукич, назначенный на этот пост 1 мая 1939 г. и занимавший его вплоть до капитуляции в апреле 1941 г., в своих мемуарах охарактеризовал причины югославско-советского сближения так: «С Советским Союзом не существовало никаких договоренностей, но чувствовалось, что это наша последняя возможность установить дипломатические отношения и в связи с этим обратиться к нему за помощью, поскольку бурное развитие тяжелой промышленности в СССР позволило ему обеспечить свою огромную армию самым современным вооружением»¹⁶.

При этом, в начале лета 1939 г. старые союзники — англичане, французы и американцы — объявили Югославии, что они не в состоянии в течение 1939 г. обеспечить поставки требуемых вооружений и что это станет возможным лишь в следующем году, не дав при этом никаких гарантий, что стало шоком для военно-политического руководства страны. Британское правительство обещало снизить объем поставок авиационного оборудования, медикаментов и инженерных материалов. В США государственные заводы обеспечивали собственную армию, а частные еще не перешли на военные рельсы; французы также снабжали только свою армию. Нейтральные страны как потенциальные поставщики оказались в строгой британской блокаде. Таким образом, оставались Италия и Германия, подчинившая себе и чешскую промышленность и, потенциально, СССР¹⁷.

«Летом 1940 г. в Советский Союз, с целью установления дипломатических и торговых отношений, нами была послана правительственная делегация. Ее очень хорошо приняли в Москве, и она выполнила свою задачу. Что касается торгового обмена, то достигнута договоренность о поставках нам из Советского Союза хлопка, а от нас в Советский Союз — металлов: меди, свинца, цинка, хрома, а также бокситов. Когда этот план будет реализован, возможно, последует

расширение товарообмена. Этот договор начал выполняться: Советский Союз поставлял нам хлопок, а мы ему — металлы. После чего мы запросили поставку части современного вооружения. Мы получили обещание, что они готовы нам его предоставить, если мы отправим список необходимого нам вооружения. Мы составили список и отправили его в Москву [...]. Осенью 1940 г. министром обороны был назначен армейский генерал П. Пешич, который, как и его предшественник, продолжил работу в этом направлении. Сразу после вступления в должность он распорядился составить список современного вооружения, которое требовалось получить от Советского Союза. Не помню подробностей, но там были перехватчики, бомбардировщики, танки и т. д. Но немцы тогда уже добрались до Румынии, закрыли Дунай и стали бдительно следить за Турцией и Болгарией, поэтому доставка требуемого вооружения была весьма затруднительной»¹⁸.

Генерал Д. Лукич не упомянул, чем конкретно завершились те переговоры, добавив только, что «великодушное предложение СССР так никогда и не реализовалось»¹⁹.

Генерал и историк В. Терзич в объемной, двухтомной монографии о Югославии в Апрельской войне 1941 г. также упоминает о попытке получения вооружения из СССР: «В виду начала войны в Европе невозможно было организовать какие-либо поставки, поскольку находящиеся в состоянии войны государства по понятным причинам не хотели продавать боеприпасы и вооружение, а невоюющие западные страны неохотно продавали вооружение Югославии, так как политика ее правительства была профашистской [...]. Наконец, Югославия безуспешно пыталась добиться поставок и от СССР. Хотя Советский Союз в ноябре 1940 г. через своего военного атташе в Белграде обещал поставить необходимое вооружение в кредит (речь шла о 600 самолетах, 300 танках и орудиях различных калибров), однако до Апрельской войны ничего получено не было»²⁰.

И хотя Югославия была вынуждена сохранять нейтралитет, тем не менее она продолжала негласно сотрудничать со старыми союзниками. Недостаточно вооруженная, с пошатнувшейся верой в самого сильного союзника, она пыталась выиграть время, чтобы перевооружить свою армию²¹. После нападения на Югославию немцы опубликовали часть секретных материалов французского Генштаба: из них ясно видно тесное сотрудничество двух Генеральных штабов — планирование посылки экспедиционного корпуса в Грецию, организация снабжения Польши, поставки вооружения, секретные миссии, обмен разведанными, препятствия действиям Германии и т. д.²².

Вслед за Лондоном отделение комитета «Свободная Франция» было основано в Белграде. Оно пользовалось поддержкой не только британского посольства и отдельных частных лиц, но, вплоть до падения Югославии, и ее официальных властей²³.

После нападения Италии на Грецию Югославия, вопреки предостережениям сил Оси, поддержала южного союзника. «Правительство в Белграде, несмотря на сохранение нейтралитета, продолжает помогать греческой армии, разрешая размещение ее складов продовольствия и боеприпасов на своей территории»²⁴. Для поставок вооружения грекам использовались фиктивные договоры частных компаний. С другой стороны, в декабре 1940 г. югославское руководство отказалось пропускать необходимые для итальянских войск, расположенных на территории Албании, продовольствие и боеприпасы. Такая позиция обусловила временное прекращение поставок в Югославию оружия из Италии, Германии и Чехии...²⁵

О генерале М. Недиче написано много — как современниками, так и историками. Он остался противоречивой фигурой в истории сербского народа, личностью, о которой еще при жизни ходили легенды. О его взгляде на СССР в 1940 г. наиболее полно свидетельствует Д. Йованович: «Был ли он одним из величайших актеров [...], или на самом деле искренне любил сербский и вообще славянские народы? [...] Самой интересной была моя беседа с ним в конце октября 1940 г. От того, как будет оценено то, что он сказал мне в ходе той беседы, в большой степени будет зависеть его образ в истории. Во всех ситуациях, в которых он оказывался во время оккупации, он проявил себя как гениальный актер. Но это не исключает того, что он был истинным патриотом и настоящим славянином и обманывал немцев, когда через меня предупредил Россию об опасности, угрожавшей ей со стороны Германии. Актеры весьма странные люди. Некоторые иногда играют так хорошо, что сами верят в то, что говорят»²⁶.

Д. Йованович познакомился с М. Недичем благодаря советскому послу в Югославии В. А. Плотникову. Плотников как-то пожаловался, что находится в изоляции и не может проверить, действительно ли посол Югославии М. Гаврилович передал некое сообщение из Москвы. Йованович навел справки, кто бы мог стать тем человеком, который имеет подход к князю Павлу, и сошлись на Недиче. В целях конспирации генерал принял его поздно вечером и подтвердил получение данного сообщения. На вопрос Недича о том, что делает Плотников, Йованович стал пересказывать недавний разговор, но генерал сразу прервал его заявлением о том, что он знает, чего

ждут русские, — 1942 года, чтобы осуществить третью пятилетку с целью перевооружения и реорганизации армии, после чего отправил сообщение, предупреждавшее Плотникова, с данными о приготовлениях Германии к нападению на Россию и ее намерении занять весь славянский восток. Недич хотел также выяснить, почему русские сотрудничают с полковником Ж. Поповичем и не сотрудничают с послом Гавриловичем. Йованович отмечает: «После той беседы с Недичем я задался вопросом, был ли он искренен. Этот вопрос приобрел еще большее значение, когда после оккупации [...] он сам стал председателем правительства. Была ли это актерская игра для Плотникова и меня или для Германии? [...] Во всяком случае, его информации, которую он передавал через Плотникова, Сталин не доверял и относился к ней как и к другим аналогичным сообщениям, которые он получал от Черчилля и Бенеша и еще много от кого („капиталистическая интрига“). В этом нас убеждал Хрущев на XX съезде КПСС»²⁷.

Эта беседа, если она была верно интерпретирована, имела продолжение, а именно — высказанное Недичем спустя несколько дней князю Павлу мнение о необходимости определения четкого политического курса, чтобы и армия могла лучше подготовиться. И действительно, одним из предлагаемых пунктов было установление союза с СССР, но, с другой стороны, были показаны и его слабые стороны.

Генерал констатировал, что колеблющаяся политика, постоянное давление на армию начали разрушать ее мораль и позволили распространиться среди ее личного состава оппозиционным взглядам. К несчастью для страны, стратегическая ситуация резко изменилась. Армия, по мнению министра, не сможет противостоять одновременному, концентрированному удару со стороны Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Последствием этого может быть крах государства еще до конца Второй мировой войны.

Исходя из сложившейся ситуации, он предложил руководству страны три возможных варианта. Первый заключался в немедленной мобилизации и оказании помощи грекам, в связи с угрозой стратегического окружения Югославии в случае возможного прорыва Италии в северную Грецию. Однако тогда Белграду не стоило рассчитывать на серьезную помощь со стороны Великобритании. Вторым вариантом был союз с Россией, которая, с другой стороны, сама находилась в незавидном положении и вследствие своей географической отдаленности не могла оказать прямую помощь. Третий вариант, который, согласно Недичу, был весьма своевременен, — присоединение

к странам Оси. В пользу такого решения он приводил следующие факты: «Дела Оси идут не столь гладко, поэтому сейчас подходящий момент для принятия данного решения. Германия заняла европейский континент и установила на нем свое неограниченное господство. Со своим многомиллионным населением, если только она не допустит гражданской войны внутри страны, она будет господствовать в Европе еще долгое время. В связи с этим Германия остается нашим сильным соседом. Поэтому воспользоваться этой возможностью для нас будет естественным шагом. В результате такого нашего решения мы, во-первых, продлим себе жизнь, во-вторых, ограничим требования наших алчных соседей; и в-третьих, хотя и лишимся части нашей территории в качестве компенсации, сохраним свою страну от будущей оккупации. В противном случае мне кажется, что сербский народ очень дорого заплатит за поражение Югославии. Однако для принятия подобного решения нам необходимо пересмотреть весь наш курс, особенно внешнюю, внутреннюю и военную политику»²⁸.

Недич был осведомлен о немецком давлении и высказываемых «предположениях», что в интересах Югославии лучше в любом случае присоединиться к Оси, но не знал того, что стало известным из дневников графа Чиано, а именно: 7 июля 1940 г. Гитлер решил, что «Югославия в том состоянии, в котором она находится сейчас, не может иметь права на членство в новой Европе, оформленной на базе Оси»²⁹. В это же время похожие сведения получили дипломаты правительства Виши в Риме, Будапеште и Софии. Из Венгрии, из надежных источников, стало известно, что предварительные обсуждения плана оккупации Югославии прошли в Риме, однако время для его реализации еще не настало. Согласно достигнутым договоренностям, Далмация должна была оказаться в составе Италии, Словения и большая часть Хорватии — войти в состав Германии, Венгрии доставался значительный кусок югославской территории — вглубь от «существующей границы до Земуна». В то же время из столицы Болгарии от высокопоставленных лиц приходили сведения о содержании их бесед с Гитлером и его министрами, что Берлин, в силу экономических и иных объективных причин, пока не планирует начинать немедленные военные действия на Балканах, однако следует ожидать вторжения Рейха в Югославию, территория которой будет сведена к старым границам Сербии, а в Греции установят тот режим, какого она заслуживает³⁰.

Недич настаивал на немедленном принятии решения. Однако, передав через Цинцар-Марковича свой меморандум, он был смещен

с министерского поста, поскольку князь Павел расценил этот поступок как прямое давление на него.

В разговоре с британским послом в Белграде князь Павел не упоминал меморандум Недича как повод для его отставки. Он попытался дать понять Лондону, что основной ее причиной являлась неадекватная реакция министра на ситуацию с нападением итальянской авиации на Битоль. Особое недовольство князь выразил состоянием противовоздушной обороны на юге страны и отчаянием, охватившим население. Он полагал, что он и председатель правительства Д. Цветкович — единственные, кто может в сложившейся ситуации принять энергичные меры³¹.

Преемник генерала Недича на посту военного министра, генерал П. Пешич, продолжил политику сотрудничества с СССР. Вместе с начальником Генштаба П. Косичем он пытался как можно скорее решить вопрос с обещанными поставками оружия и боеприпасов...

В июле 1940 г. М. Недич вызвал к себе полковника Ж. Поповича³² и сообщил ему следующее: «У нас нет никого лучше вас, кто мог бы в короткое время дать нам ясную картину того, что СССР представляет из себя в военном отношении»³³.

На этой встрече Недич изложил ему свои планы. Он ожидал, что тот, контактируя с советскими военными кругами, сможет оценить, насколько СССР заинтересован в судьбе Югославии, и может ли она рассчитывать на поставки оружия и сырья. Недич напомнил Поповичу, что Германия оказывает давление на Белград, вынуждая его отказаться от собственной экономической политики, перестать оглядываться на СССР и Британию и не противиться возможным территориальным уступкам в пользу Италии. Пусть русские знают, что немцы не дают нам контактировать с ними, преуменьшают их силу и готовят масштабную агрессию против СССР, в том числе вербуя беженцев для разведывательных целей³⁴.

Полковнику Поповичу в ходе этой сложной миссии предстояло оценить, действительно ли СССР может стать могущественным стратегическим партнером Югославии и предоставить ей необходимые вооружение и боеприпасы для приведения югославской армии в боевую готовность, с тем чтобы она смогла успешно противостоять растущему германскому давлению.

В июле Недич издал распоряжение о том, чтобы экономический отдел Генерального штаба подготовил список материалов, которые можно было бы получить в Советском Союзе. Отделение подготовило все необходимое и к 5 августа отправило их начальнику Разведывательного отдела для передачи Поповичу.

Попович отправился к новому месту службы 30 августа, вместе с ним поехал майор Б. Станойлович. По пути они задержались в Софии и Одессе³⁵. В Москву они прибыли 5 сентября. Уже 15 сентября их принял, в присутствии начальника Генштаба генерала К. А. Мерцкова, нарком обороны маршал С. К. Тимошенко³⁶.

Попович тщательно подготовился к этой встрече. Наряду с утверждением, что Югославия — это мирная и стабильная страна, которая находится в хороших отношениях с соседями, он заявил, что она, тем не менее, будет защищаться в случае нападения, а также сообщил, что Германия неприязненно смотрит на отношения Белграда с СССР и везде, в том числе и в самой Югославии, старается убедить всех в полной несостоятельности советской мощи, одновременно ведя подготовку вторжения в СССР, и что он сам приехал в Россию «как на вторую родину, где провел детство», и что естественные отношения двух стран таковы, что хоть ранее они и не имели намерения помогать друг другу, тем не менее не могут желать друг другу зла³⁷.

Желая произвести на собеседника благоприятное впечатление, маршал Тимошенко говорил очень проникновенно. Он оценил положение Югославии как стратегически важное, но тяжелое. Попович воспользовался благоприятным моментом, чтобы сразу перейти к вопросам поставки вооружений, которые могли бы поступить из СССР уже зимой; в первую очередь, имелись в виду танки, зенитные и противотанковые орудия. Маршал благожелательно ответил, что список необходимого Белграду вооружения ему известен и что он уже беседовал с В. М. Молотовым о решении этого вопроса в кратчайшие сроки³⁸.

Югославский атташе прибыл в Белград только 22 сентября, поскольку двумя днями ранее советский министр обороны лично сообщил ему, что «вопрос предоставления Югославии военных материалов в ближайшем времени будет решать Совет народных комиссаров; и что председатель Совнаркома настроен благосклонно, а он (нарком. — М. Б.), как военный, осознающий „ценность и стратегическую значимость Югославии“, поддержит ее просьбу»³⁹.

Контакты участились. Советский нарком поручил начальнику Разведуправления более детально оценить внешнеполитические перспективы Югославии, прежде чем принять какое-то окончательное решение по вопросу поставок. Обо всех деталях этих переговоров Попович оповещал своего министра. Советские представители хотели выяснить, к какому именно государству относились слова Поповича «мы будем защищаться». Им было объяснено, что речь идет о

Германии. Был также поднят вопрос о Болгарии. Стороны сошлись на том, что ей нет оснований доверять и что не стоит рассчитывать на ее лояльность. В ходе переговоров советская сторона высказала опасение, чтобы в Югославии не произошло крушения изнутри, «как во Франции». Русские расспрашивали также про А. Корошеца и М. Стоядиновича. Неожиданно Поповичу и его помощнику поступило приглашение посетить штабы ВМФ и ВВС, а 4 октября их пригласили и к начальнику Генштаба. Попович сообщил ему, что располагает сведениями о том, что для нападения на Советский Союз у немцев есть 88 дивизий, и неофициально пообещал передать им собственные разведданные, собранные, в том числе, и в Москве. Начальник Генштаба был доволен⁴⁰.

В советской военной верхушке особое расположение к Поповичу оказывал нарком авиации. Вообще, его влияние за месяц пребывания в СССР было таково, что советские военные круги стали склоняться к поискам опоры в балканских государствах, но не решались предпринимать что-либо без согласия партии. Тем более, что советские военные болгарам не доверяли. Переговоры о закупке ими советского оружия не имели успеха, поскольку российская сторона требовала оплаты золотом. Значительно усилились германские позиции в Румынии. С другой стороны, «с Югославией здесь хотят сотрудничать, но недостаточно верят в ее прочность. Они полагают, что мы изнутри все изъедены фашистским и нацистским влиянием; доказательство тому они видят в последних изменениях во власти и событиях в стране. Это убеждение делает их осторожными, хотя военные круги открыто заявляют о возможном сближении и сотрудничестве»⁴¹.

В своем рапорте от 9 октября полковник Попович передал важную информацию, касающуюся оценки военного потенциала СССР военными атташе в Москве и военными кругами сопредельных государств. Эти оценки были неблагоприятными. Советская армия рассматривалась ими как отстающая во всех отношениях. Немецкие офицеры (в Швеции) открыто утверждали, что разобьют эту армию за 2–3 месяца. Тем не менее Попович оговаривался, что еще не составил личное мнение и что подобное общее мнение может оказаться результатом, с одной стороны, немецкой пропаганды, а с другой — закрытости советской армии от контактов с иностранцами. Он подчеркивал, что никто не отрицает прогресса и значительного развития промышленности, как и высокого качества вооружения. Об этом свидетельствовали, писал Попович, французы и англичане, которые с апреля по август 1939 г. вели переговоры с СССР и могли в этом убедиться лично.

В этом докладе, доставленном курьером в Белград в середине октября, то есть в те дни, когда Недич готовил свой меморандум для князя Павла, было сделано следующее заключение:

«Наряду с внешним желанием СССР придерживаться строго нейтральной позиции мои связи позволили выяснить, и это мне косвенно подтвердил начальник Разведуправления, что сегодняшние события советское руководство рассматривает только как подготовку „к занятию выгодной позиции“ в будущей войне с Германией, которую здесь считают неизбежной. Первоначальное решение о поставке нам сырья и оборудования покажет — существует ли единство мнений политических и военных кругов по отношению к Югославии. В любом случае, похоже, не стоит ожидать в ближайшем будущем активного заступничества СССР за интересы Балкан, по крайней мере до тех пор, пока существует убежденность в том, что, благодаря весьма сильному фашистскому и нацистскому влиянию в отдельных балканских государствах, державам Оси будут преждевременно выданы планы сотрудничества, что сделает его вовсе невозможным»⁴².

Югославский военный атташе в Москве сообщил 25 октября в Белград, что высшие круги СССР дали предварительное согласие на поставки и что 28 октября он передаст им список необходимого. В том же документе он выразил свое мнение, что, «поскольку мы просим немного и не затрагиваем вопрос снабжения в случае войны, они сомневаются в нашей боевой решимости [...]. У меня складывается впечатление, что они хотели бы заключить с нами политический договор»⁴³.

В начале ноября 1940 г. полковник Ж. Попович вновь был вызван в наркомат обороны, где у него запросили список необходимых материалов. Попович отмечает, что Сталин сможет предоставить помощь лишь при условии, «что все будет происходить через военных, а не дипломатов».

21 ноября Попович получил сообщение из советского Генерального штаба о том, что СССР одобрил поставки военных материалов, запрашиваемых Югославией. Москва, писал он, выразила готовность обеспечить всестороннее военное снабжение. С советской стороны изъявлялось желание поручить ведение всех переговоров военным властям, а также то, чтобы транспортное сообщение осуществлялось не через болгарскую территорию, на что атташе предложил осуществлять перевозки югославскими судами по Дунаю, но указал, что действовать надо быстро, пока Дунай не замерз. Советское руководство также потребовало, чтобы в Москву «срочно, до

полудня 23 ноября» были предоставлены данные о виде военных машин, моделях и калибре артиллерии, типе бензина и способе транспортировки⁴⁴.

В качестве ответа на данное требование югославский Генштаб 23 ноября отправил дополненный список по требуемой спецификации вооружения, боеприпасов и бензина. Он также выразил согласие на транспортировку их по Дунаю. Что касается самолетов, то предлагалось осуществить их перелет в Югославию югославскими или, по желанию СССР, советскими пилотами⁴⁵.

С назначением на пост военного министра генерала Пешича и обострением ситуации на Балканах активность вокруг обещанных поставок вооружения и боеприпасов увеличилась. Так, 6 декабря советский Генштаб сообщил, что перелет самолетов признан нецелесообразным. В нем полагали, что лучше осуществить транспортировку кораблями и требовали от югославской стороны предоставить детальный план перевозок. Передавая Белграду эту информацию, полковник Попович особо подчеркнул: «Из надежных источников поступило сообщение, что Италия, а возможно, и Германия уже оповещены [...], вероятно, в связи с ненадежностью Белграда. Необходимо принять меры безопасности, поскольку существует опасность, что нам сорвут поставки»⁴⁶.

Заместитель министра Пешича, генерал А. Стоянович поручил военному атташе немедленно проверить исправность бомбардировщиков и перехватчиков, совершить перелет малыми группами, а также согласовать с СССР, не лучше ли осуществить их транспортировку кораблями из Одессы в югославскую Свободную зону в порту Салоники. В начале декабря начальник Генштаба Косич потребовал срочный отчет — моторизированы ли противотанковые и зенитные орудия, какого они калибра и сколько автомобилей приходится на батарею. Косич потребовал предоставить все описания и таблицы вооружений⁴⁷.

Особую озабоченность у Белграда вызывала советская двусмысленность и нерешительность. В беседе с британским послом Кэмбеллом князь Павел выразил удивление по поводу того, что Москва до своего решения от 25 ноября ничего не отвечала на предложения о немедленных поставках требуемого вооружения. «Наш друг (князь Павел. — М. Б.) говорит мне, что не может понять целей советского правительства». В продолжении телеграммы Кэмбелл писал: «Министр юстиции (В. Ружич) сказал мне 6 декабря, что на обеде, устроенном в тот день для нескольких югославских министров советским

послом (Плотниковым), тот был чрезвычайно любезен, но довольно скрытен. А сама атмосфера напоминала времена старого режима. Министр юстиции спросил, могло бы советское правительство продать Югославии 500 самолетов? Советский посол улыбнулся и ответил: „Посмотрим“. Председатель правительства вмешался в разговор и уменьшил число — 200. Советский посол предложил 150, словно торгуясь, и вновь, улыбаясь, сказал: „Там видно будет“. Министр юстиции также прямо спросил, заинтересована советская сторона в поддержании мира или в войне на Балканах, на что советский посол ответил: „И то, и другое“»⁴⁸.

Анализируя поступившие сведения, сотрудники Форин Офиса констатировали, что советское правительство все еще в нерешительности, причем было заявлено, что речь идет о «природном коварстве» и ненадежности русских⁴⁹.

На наш взгляд, Плотников последовательно осуществлял распоряжения, согласно которым в дело по заказу вооружений и боеприпасов должны были быть посвящены только военные и князь Павел. СССР не был уверен в надежности и благих намерениях гражданских министров. Известно, что ни Ружич, ни Цветкович не знали количественных показателей югославских требований, не были они в курсе и согласия в полном объеме предоставить требуемые материалы.

14 января 1941 г. министр Пешич снова приказал, чтобы военный атташе доложил ему о ходе переговоров, а генерал Косич 16 и 28 января затребовал полную информацию о намерениях советской стороны, чтобы оценить стратегическую значимость возможного союзника: «Развитие крупных военно-политических событий в мире, и особенно на Балканах, ставит перед нами необходимость как можно более частого и достоверного оповещения о позициях и намерениях военных и политических кругов Москвы в связи с этими событиями. Неуклонное укрепление германских сил в Румынии, концентрация их в Валахии и Южной Добрудже, подготовка к форсированию Дуная, как и политическая активность болгарских государственных деятелей, указывает на возможность вхождения немецких войск в Болгарию, тем более, что этот факт не скрывают даже немецкие дипломатические круги.

Первостепенное значение имеет позиция Советской России по отношению к Германии, и особенно ее позиция на случай оккупации Болгарии, нападения на Грецию и Турцию и, возможно, дальнейшего порыва через Проливы на Средний Восток. Также важно знать, как ответила Советская Россия на военные приготовления, предпри-

нятые Германией в Румынии, в плане обеспечения своих интересов в черноморском регионе. Вам следует быть в курсе этих актуальных проблем и как можно чаще получать информацию, не полагаясь на редкие и ненадежные курьерские донесения.

В ваших донесениях следовало бы больше внимания уделять аспектам военной и военно-политической деятельности, в то время как общеполитические разделы следует ограничить наиболее важными событиями, не повторяя более подробно то, что известно из прессы.

Начните собирать сведения о концентрации советских сил на германской границе и прибавьте материалы о состоянии и развитии военной мощи Советской России, хотя бы в общих чертах, не дожидаясь окончания сбора материала для полномасштабного изучения»⁵⁰.

3 марта Попович, опираясь на данные весьма надежного источника, сообщил в Белград: «Россия будет придерживаться выжидательной позиции, что бы ни случилось на Балканах».

К сожалению, еще 4 февраля он был вынужден известить Генштаб и военное министерство, что по вопросу поставок в советском наркомате обороны ему сообщили, что переговоры по ним замедляются в связи с подписанием Югославией пакта с Венгрией и торгового соглашения с Германией. В Советском Союзе это было истолковано как отдаление от него. «Это, как и подчеркивание того, что цена роли не играет, показывает, что они хотят использовать наши требования для политической игры. Потому я считаю, что не стоит полагаться на этот источник. Спрашиваю, в состоянии ли мы собственными силами забрать из Одессы оружие и тайно его перебросить [...]. Они вновь требуют полной секретности»⁵¹.

Генерал Пешич ухватился за эту соломинку и тут же, через военного атташе, направил советскому руководству сообщение, что Югославия способна сама, своими силами, тайно забрать поставленное из Одессы и переправить его по морю. Он снова потребовал, чтобы его известили, когда советская сторона доставит материал в Одессу⁵².

Но советское вооружение так и не пришло. Канун гитлеровской агрессии Югославия встретила с недостаточно подготовленной армией, что особенно касалось тяжелой техники, авиации, противотанковой и зенитной артиллерии, с недостаточным количеством транспортных средств и запасов артиллерийского снаряжения. Этот факт оказал воздействие на генералов Пешича и Косича, которые на королевском совете заняли сдержанную позицию по вопро-

су организации эффективного и долгосрочного отпора немецкой агрессии...

После свержения Регентства и правительства, подписавшего акт о присоединении к Тройственному пакту, путчисты попытались через министра М. Нинчича успокоить Италию и Германию, но в то же время, несмотря на требование немецкого посла фон Геррена, отказались немедленно демобилизовать армию. Одновременно начались переговоры с советскими и британскими представителями о союзе и взаимопомощи.

Благодаря опубликованным в СССР в конце 1980-х гг. архивным документам мы можем проследить, сколько усилий приложили представители путчистов для того, чтобы сделаться стратегическими партнерами Москвы и таким образом, быть может, предотвратить нападение Германии. Эти сведения в полной мере подтверждаются мемуарами главы нового правительства Д. Симовича, где утверждается, что именно он является инициатором заключения пакта. Согласно советским донесениям из Белграда, первое заседание в Генштабе состоялось утром 30 марта. В тот же день поздно вечером с личным посланием Симовича Б. Симич нанес визит российским представителям в Белграде, а уже на следующий день Сталин потребовал от них, чтобы югославы срочно отправили в Москву делегацию для переговоров.

В последующие дни, в связи с помехами, создаваемыми немецкой агентурой, переговоры проходили ночью в доме Симовича. На первой встрече 30 марта генерал Б. Илич сообщил советским представителям, что югославское правительство желает установить всестороннее политическое и военное сотрудничество с СССР. Он пояснил, что «мы желаем военно-политического союза на любых условиях со стороны советского правительства, вплоть до определенных социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны проводиться и в других странах». Илич изложил идею вооруженного нейтралитета, в связи с которой требовались поставки танков, самолетов и прочего вооружения. Однако Илич был неискренен, когда отрицал помощь Великобритании («Англия для нас означает только войну»). Он уверял, что югославский народ традиционно ориентируется на Советскую Россию, и требовал ответа, существует ли и с ее стороны доверие к югославскому народу. В этой беседе Илич озвучил наивную мысль, что «Москва может своим заступничеством в Берлине предотвратить нападение Германии на Югославию». При этом он подчеркнул, что предложение сотрудничества исходит от премьера, и это мнение разделяют не только все члены правительства, но и во-

енные. Результатом этих переговоров стала отправка в Москву миссии из трех человек. Между тем, весьма интересна позиция Симовича, которую он озвучил 3 апреля российским представителям в Белграде на секретном ночном совещании. Он сообщил, что считает договор с СССР уже заключенным и что «Югославия готова принять на своей территории любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию». На этом же совещании он передал данные разведки о концентрации немецких войск у границ Югославии, а также информацию, поступившую от шведского посла в Берлине, что немцы разработали план нападения на СССР, который должен быть приведен в действие около мая 1941 г. Донося об этих совещаниях, советник посольства В. З. Лебедев утверждал, что в югославском правительстве не было единой позиции по вопросу об установлении союзнических отношений с СССР и что инициатива исходила от югославских военных. В результате переговоров был заключен «Договор о дружбе и ненападении между СССР и королевством Югославия», подписанный 6 апреля и датированный 5 апреля⁵³.

Полковник Ж. Попович, присутствовавший 4 апреля в Кремле при обсуждении положений договора, свидетельствует, что там шла речь и о поставках оружия. Сталина интересовала способность Югославии к сопротивлению и состояние югославской армии. Получив информацию о нехватке вооружения, он заметил, что у СССР его достаточно, особенно противотанковых орудий. Член делегации полковник Д. Савич использовал эти слова, чтобы в присутствии вождя вновь поднять вопрос о поставках. Попович также напомнил, что 21 ноября 1940 г. поставки уже были одобрены и что со стороны Югославии приняты все необходимые меры, но документы уже много месяцев лежат в советских канцеляриях без движения. Сталин усмехнулся и добавил: «Идите завтра в наркомат обороны, завтра все будет сделано. Я сделаю для вас даже больше. Отправлю вам несколько моих пилотов и механиков, чтобы построили вам авиастроительный завод»⁵⁴.

Попович пишет, что после подписания договора 6 апреля В. М. Молотов отвел его в сторону и сказал, что ускорит процесс начала военных поставок в Югославию. Он пообещал, что соответствующее распоряжение будет дано офицеру, курирующему этот вопрос. Однако когда они с полковником Савичем 7 апреля направились в наркомат обороны, там не имели никакого понятия о каком-либо указании или инструкции по поводу поставки в Югославию вооружения.

Они и подумать не могли, что на их глазах вновь происходит смена политического курса, и настаивали, чтобы в наркомат при-

гласили руководителей, присутствовавших на переговорах со Сталиным, или его лично. Им было отказано. Это было новым разочарованием. Только после войны, когда стало известно, что Молотов в четыре часа дня принимал немецкого посла графа Шуленбурга, Попович понял, что СССР получил от Гитлера ультиматум с требованием не вмешиваться в балканские дела⁵⁵.

Со своей стороны, британское правительство было осведомлено от того же Симовича о контактах югославского правительства с СССР, «который готов оказать помощь». Симович в разговоре с послом Кэмбеллом выразил уверенность в том, что СССР произвел в Берлине демарш о недопущении войны и что переговоры продолжатся⁵⁶.

С другой стороны, в Белграде с 31 марта в большой тайне велись переговоры с начальником британского Генерального штаба генералом Дилом. В этих беседах Симович дал точную оценку того, что Германия в первую очередь нападет на Югославию и лишь затем на Грецию. Он полагал, что в этой ситуации важнейшее значение имеет сохранение под контролем Скопье и долины Вардара, куда необходимо перебросить дивизии югославской армии, но в ближайшие восемь дней положение будет критичным, поскольку ни мобилизация, ни стратегическое развертывание войск совершенно не подготовлены. Из содержания беседы было очевидно, что для всех приготовлений Югославии требуется почти 20 дней. Симовича особенно интересовало, может ли югославская авиация дислоцироваться и на греческих аэродромах и оттуда действовать против немцев. Дил ответил, что соответствующие переговоры ведутся с греческим правительством, чего требовала политическая конъюнктура. Греция еще не вступила в войну с Германией, а Югославия в свою очередь не приняла предложение о превентивном ударе по итальянским войскам в Албании. Англичане ознакомили Илича и Симича с состоянием их вооруженных сил на Балканах и предложили заключить союз. Кроме того, они толкали Югославию к началу немедленных переговоров с Грецией и Турцией. Однако до начала агрессии турецкая сторона, подобно югославской, сдержанно отнеслась к открытому принятию британской помощи. На переговорах обсуждалась только разведывательная информация и возможные варианты совместных действий. 3 апреля в Грецию с секретной миссией были направлены генерал Р. Янкович и майор М. Перишич, чтобы начать переговоры о сотрудничестве с генералом Папагосом и командующим британскими силами в Греции. В то же время, чтобы не провоцировать немцев, югославские генералы и правительство отказались принять в Белграде британского министра иностранных дел⁵⁷.

Все эти маневры не принесли никакой практической пользы самой Югославии. Гитлер принял решение о ее ликвидации сразу же после путча. Между тем, сам переворот и начавшаяся вскоре Апрельская война отложили нападение Германии на СССР на несколько недель, что впоследствии оказалось фатальным для германской армии, встретившей под Москвой суровую русскую зиму.

Перевод с сербского Я. В. Вишнякова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Huntington S.* Vojnik I država. Teorija I politika vojno-civiljnih odnosa. Beograd, 2004. S. 75; см. также: *Von Seek.* The future of German empire. New York, 1930. S. 151–153. *Bankwitz Ph.* Maxime Wezgard and civil-military relations in modern France. Cambridge-Harvard University Press, 1967; *Young R.* In command of France: French foreign policy and military planning 1933–1940. Harvard University Press, 1978; *Vaisse M.* Les militaires française et l’alliance franco-sovietique au cours des années 1930. Colloque forces armées et systmes d’ alliance franco-sovietique au cours des années 1930. Colloque forces armeés et systémes d’alliances. Montpellier, september 1981; *Wandycz P.* The Twilight of the France’s Eastern Alliances 1926–1936. Princeton, 1988; *Alexander M.* The Republic in danger. General Maurice Gamelin and the politics of French defence 1933–1940. Cambridge University Press. 1992. S. 210–314; *Jordan N.* The popular Front and Central Europe. The Dilemmas of French Impotence. 1918–1940. Cambridge University Press, 1992. S. 188–307.
- 2 Как формировался подобный курс мы, на основе французских документов, показали в нашем исследовании: *Belajac M.* Vojska Kraljevine SHS/Jugoslavije 1922–1935. Beograd, 1994.
- 3 Это прежде всего относится к бумагам полковника Жарко Поповича, военного атташе в Москве с сентября 1940 по апрель 1941 г., который, уходя в отставку, забрал с собой множество документов Генштаба ЮА. Их копии он отсылал в Белград, как и свои личные дневники; часть архивного материала, точнее воспоминания Ж. Поповича о его отдыхе в Москве, были опубликованы в белградском еженедельнике «НИН» в 1991 г. Часть — взята из книги «На распутье. 1941 г.» Драгослава Джорджевича, бывшего офицера, ставшего историком в Калифорнии. В первую очередь, ее автор опубликовал свои беседы с князем Павлом, а в одной работе использовал записи

- бесед с Поповичем и рукопись его мемуаров, которая хранится в Гуверовском институте.
- 4 *Jacquignon G.* La Yougoslavie dans la strategie francaise de l'entre-deux-guerres, aux origines du mythe serbe en France 1918–1935. Berlin; New York; Wien, 1999; *Milovanović N.* Vojni puč 27 marta 1941. Beograd, 1981.
 - 5 *Jacquignon G.* Op. cit. P. 468; О ненаучных методах и фальсификациях источников, с указанием конкретных мест и документальными доказательствами, мы писали в обширном эссе в журналах «Tokovi istorije» (Beograd, 2000. Br. 1–2) и «Balkanologie» (Paris. Decembre 2002. VI (1–2)).
 - 6 National Archives. Washington. NA MP. Micro Film M-1203. Roll 5. 860 H 001 AL 2/102. Yougoslavija-Internal. Moscow to State Department. October 20, 1934. Strictly Confidential: «I have the honor to resort that the assassination at Marseille of the King of Jugoslavia and the French Minister of Foreign affairs has caused a deep impression in Moscow. M. Barthou was the active campion of the French policy of Balkans, a policy which has presumably been assimilated with that of Soviet Union. While».
 - 7 ADMAE. Europe 1918–1940. Yougoslavie. Vol. 181. 29 septembre 1934. S. 140, 142–143.
 - 8 «С целью конспирации князь Павел заявил, что не исключается возможность заключения военного соглашения с СССР. Причем эта попытка была предпринята лишь в виде телеграфной связи с послом в Москве Гавриловичем, который не имел никаких полномочий от своего правительства для проведения переговоров с СССР, а также через одного из основных руководителей Крестьянской партии Милоша Тупанянина, как неофициального лица. От такого несерьезного отношения от каких-либо действий отказались, когда была получена... нота из Берлина. Чтобы быть полностью уверенным, что подобные попытки прекращены, князь Павел распорядился, чтобы Божин Симич, который контактировал с функционерами наркомата внешней политики СССР, выразившими интерес к Югославии, немедленно прибыл в Белград с докладом. Таким образом, князь Павел считал, что в этой двуличной игре с СССР он приобрел еще один аргумент для обществнности: „Мы попытались...“» (*Milovanović N.* Vojni puč... S. 346).
 - 9 27 mart 1941: Knez Pavle u vihorima evropske politike. Beograd, 2003 (dokument u priložima. S. 211–213).
 - 10 *Petranović B., Žutić N.* 27 mart 1941. Tematska zbirka dokumenata. Beograd 1990. S. 215–218. Цинцар-Маркович — посольству в Москве, 3

- февраля 1941 г.; М. Гаврилович — Цинцар-Марковичу, 8 февраля 1941 г.; Цинцар-Маркович — посольству, 13 марта 1941 г.; М. Гаврилович — Цинцар-Марковичу, 14 марта 1941 г. 15 марта Министерство иностранных дел передало послу М. Гавриловичу решение правительства о том, что Б. Симич должен явиться с докладом в Белград.
- 11 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1996. Knj. 3 (1938–1996). S. 650.
 - 12 *Ibid.* S. 654.
 - 13 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju J. B. Tita. Beograd, 1984. T. 3. S. 150–151. Милан Живанович, со слов самого Б. Симича, пишет о том, что правительство направило его в Москву для установления дипломатических отношений, и он в период с февраля по март 1941 г. состоял на службе в посольстве Югославии. В конце марта он вернулся в страну. Он знал о том, что готовится путч, а после него был отправлен в составе делегации для заключения договора о дружбе с СССР (*Živanović M.* Pukovnik Apis. Solunski proces hiljadu devetsto sedamnaeste. Beograd, 1955. S. 655).
 - 14 ADMAE. Papiers d'argents (PA-40). Gamelin vol. 1, 14. Poslanstvo Beograd, 23 septembar 1939. Беседа с князем Павлом.
 - 15 ADMAE. PA-40. Papier Rochat vol. 12. 230–231. Beograd, 22 april 1940.
 - 16 Архив Војно-Историјског Института (далее — АВИИ). П. 17. К. 4. Ф. 1. С. 3.
 - 17 Там же. С. 4–5.
 - 18 Там же. С. 13–14.
 - 19 *Balfour N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević. Jedna zakasnela biografija. Beograd, 1990. S. 140.
 - 20 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941 godine. Beograd; Ljubljana; Titograd, 1983. T. 2. S. 143.
 - 21 *Hopther J.* Jugoslavija u krizi 1934–1941. Rijeka, 1972. S. 15.
 - 22 PA-40. Cabinet Bonnet. Vol. 16. 57–61. Declaration concernant la Yougoslavie 6 avril 1941.
 - 23 *Pavlovitch S.* Unconventional Perception of Yugoslavia 1940–1945. Chapter I. General De Gaulle: The Free French and Yugoslavia. N. Y., 1985. S. 1–4.
 - 24 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... T. 1. S. 303. См также: *Brescia A.* Jugoslavija 1939–1941. Diplomazia della neutralna. Guiffre ed. Roma, 1978. S. 382–383.
 - 25 *Hopther J.* Jugoslavija u krizi... S. 199–200; *Balfur N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević... S. 135; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. S. 563, 573 (dok. 244, 253).

- 26 *Jovanović D.* Ljudi, ljudi. Beograd, 1975. Knj. 2. S. 161–165.
- 27 Ibid.
- 28 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... Knj 1. S. 584–586 (prilog 5).
- 29 *Ciano's Diary 1939–1944.* Heinemann, London, 1947. S. 378.
- 30 Сообщение французского консула в Софии Блондела от 12 августа 1940 г. (МАЕАД. Serija PA-40. 00-Papiers Baudoin. Vol. 7. 25); Телеграмма из Будапешта № 616, секретно, 25 сентября 1940 г. (PA-40. Bureau d'etude Chauvel. Vol. 46. 2).
- 31 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj 3. S. 543 (dok. 226).
- 32 Попович Жарко (Мордича, Босния, 27.01.1896 — Лондон, 1989), полковник Генштаба, в то время начальник Разведотдела Генштаба. Воспитанник Одесского кадетского корпуса (1906–1913), Петроградского артиллерийского училища (1913–1914), Высшей военной школы Ecole Supérieure de la Guerre, Париж (1921–1923). В сербскую армию вступил добровольцем в 1914 г. После Первой мировой войны являлся членом делегации правительства и верховного командования в Софии. В октябре 1924 г. переведен на службу в Генштаб. Звание полковника получил в 1936 г. С 21 августа 1940 г. — военный атташе в Москве. После поражения в Апрельской войне перешел в Британскую армию в звании полковника (АВИИ. Персональное досье. См. также: *Bjelajc M.* Generali i admirali Kraljevine Jugoslavije. 1918–1941. Beograd, 2004. С. 278).
- 33 Институт Гувера. Архив Жарко Поповича Z-28. Ч. 2. Мемуары «Моя служба в Советском Союзе — My service in the Soviet Union» были написаны в 1948 г. и посланы для ознакомления отставному военному атташе США в Белграде и личному его другу генералу Льюису Фортьеру; о немецком ультиматуме в начале июля см: *Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata.* Beograd 1969. Knj. 1.
- 34 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октябрь 1940).
- 35 *Ђорђевић Д.* Успомене војног изасланика // НИН. 29 марта. 1991 г. С. 74.
- 36 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октябрь 1940. С. 1–2).
- 37 Там же. С. 1.
- 38 Там же. С. 2.
- 39 ZP-28. Ч. 1–14. № 1. Москва, 22 сентябрь 1940. В рукописи своих мемуаров (с. 56) Попович упоминает, что перед отъездом в Москву его проинструктировал министр иностранных дел Цинцар-Маркович. Как и Недич, он требовал информации о действительной мощи СССР, поскольку не верил сообщениям посла Гавриловича, и вообще членам Земледельческой партии, которую подозревали в

- том, что в ней много коммунистов. Все надежды возлагались на военного атташе.
- 40 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октобар 1940. С. 2).
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Ч. 3.
- 44 Там же. Ч. 22.
- 45 Там же. Ч. 23.
- 46 Там же. Ч. 27 (Москва, 6 децембар 1940).
- 47 Там же. Ч. 28 (А. Стоянович — Ж. Поповичу. Београд, 7 декабря 1940; П. Косич — Ж. Поповичу. Београд, 11 декабря 1940).
- 48 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. S. 571.
- 49 Там же.
- 50 ZP. 1. С. 41 (№ 11084. Београд, 28 јануар 1941).
- 51 Там же. С. 42.
- 52 Там же (П. Пешич — Ж. Поповичу. Београд, 6 фебруар 1941).
- 53 *Balfour N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević... S. 241–250. Выдержка из советского журнала «Вестник министерства иностранных дел». 15 августа 1989. № 15 (49); *Илић Б.* Успомене армијског генерала. Београд, 1991. С. 190; *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... Knj. 1. S. 539–543; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 750 (dok. 399).
- 54 *Борћрвић Д.* Успомене војног изасланика. С. 73. Попович подчеркивает, что посол Гаврилович исключил его из состава югославских переговорщиков, но Сталин потребовал пригласить его.
- 55 Там же. С. 76.
- 56 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 750.
- 57 *Илић Б.* Успомене армијског генерала. С. 190–191; *Terzić B.* Slom Kraljevine Jugoslavije. Knj. 1. S. 526–539; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 786–799.

Belajaz M.

The Army of the Kingdom of Yugoslavia in 1939–1941

This publication presents an overview of activity of the highest political and military leaders of Yugoslavia just before the Hitler's attack at the country. A special attention was put on the foreign policy manoeuvres of Belgrade including attempts to establish allied relations with the U.S.S.R.

Key words: *Yugoslavia, Prince Pavel Karageorgievic, General Milan Nedic, Colonel Zarko Popovic, negotiations with the U.S.S.R., coup d'état on March 27, 1941, April War of 1941.*

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Прешовская газета «Русское Слово» (1924–1938)
в контексте процессов формирования
этнонациональной идентичности
русинов¹ Словакии. Постановка проблемы**

Статья посвящена истории газеты «Русское Слово» (1924–1938), одного из печатных органов Прешовской греко-католической епархии. Наибольшее внимание уделено позиции данного издания в вопросе этнонациональной идентичности русинов, а также трактовкам национально-языковой политики «Русского Слова» исследователями и публицистами последующих десятилетий.

Ключевые слова: *Греко-католическая церковь, идентичность, «москвофилы», «народовцы», Прешовская епархия, русинофильство, русины, русофильство, «Русское Слово», Словакия, «тутешняки», украинофильство.*

Национальная пресса XIX–XX вв. — одна из важнейших групп источников, необходимых при изучении национально-языковых процессов в русинской среде, которые, как известно, носят изначально сложный и неоднозначный характер (свидетельством этому является бытование у русинов сразу нескольких этнонациональных идентичностей, что можно наблюдать и сегодня). Учитывая значительную административно-политическую разрозненность, свойственную русинам, несомненно, что отдельные периодические издания, выходившие в том или ином регионе их проживания в тот или иной период, играли ключевую роль в направлении хода интеллектуальных дискуссий о выборе современной идентичности и литературного языка для русинского населения. Думается, что в случае русинов в границах современной Словакии одним из подобных знаковых изданий являлся еженедельник «Русское Слово», который выпускался в г. Прешове в течение пятнадцати лет межвоенного периода — с 1924 по 1938 г. включительно.

Следует напомнить, что русинские этнические территории, вошедшие в 1919 г. в состав Чехословацкой Республики (ЧСР), были, волею политических обстоятельств, разделены между двумя крупными административными единицами нового государства, а именно Подкарпатской Русью и Словакией. Данное обстоятельство обусловило то,

что национально-языковые процессы на востоке и западе русинского ареала в республике протекали по-разному. В отличие от русинов в Подкарпатской Руси их соплеменники в Словакии считались не государствообразующим народом, а лишь одним из национальных меньшинств. Это автоматически придавало особую значимость Греко-католической церкви (господствовавшей и до конца XIX в. практически единственной конфессии в русинской среде), которая оставалась, в сущности, главным репрезентантом словацких русинов.

Идея выпуска «Русского Слова» пришла в начале 1920-х гг. канонику Прешовской греко-католической епархии Эммануилу Бигарий (1854–1934). По крайней мере, именно так утверждал сам Бигарий в одном из юбилейных номеров газеты. Каноник поделился своей задумкой с тогдашним апостольским администратором епархии — епископом Дионисием Нярадием (1874–1940). Епископ же охотно поддержал инициативу, пообещав начинанию не только моральную, но и финансовую поддержку².

Примечательно, что Бигарий хотел издавать именно «русскую» газету³. При этом Нярадий являлся убежденным украинофилом, скептически относившимся к значительному русофильскому пласту в истории и культуре русинов. К слову, во многом именно поэтому он, будучи хотя и русином, но иностранцем (гражданином Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев), не пользовался ни популярностью у местного клира, ни доверием властей ЧСР. Однако, несмотря на собственные убеждения, епископ сразу же пошел на встречу Бигарию. Это можно объяснить следующим. В данный период в Прешовской епархии активно распространялось православие, протагонисты которого представляли его как подлинную «русскую веру» и увязывали свою религиозную пропаганду с популяризацией русской этнонациональной идентичности. В вину Греко-католической церкви православные ставили, в частности, проводившуюся в предыдущие десятилетия политику мадьяризации, которая отдала священнослужителей, принимавших господствовавшую венгерскую культуру, от своих славянских верующих. Поскольку в первые годы существования ЧСР усилия православного движения среди урожденных греко-католиков имели значительный успех⁴, во избежание дальнейшей потери паствы Нярадий решил укреплять ее в католической вере, используя для этого популярное у русинов русофильство⁵. Учитывая общую принадлежность к восточному славянству, русинское русофильство, как известно, выражалось не только в симпатиях к русскому народу, но в отождествлении себя с ним⁶.

25 ноября 1923 г. в Прешове состоялось специальное совещание местной русинской интеллигенции, в первую очередь преподавателей епархиальных учебных заведений. Собравшиеся обсудили перспективы издания собственной массовой газеты, которая носила бы одновременно национальный и конфессиональный характер. Результатом этой встречи стало создание подготовительной комиссии во главе с авторитетным педагогом о. Иоанном Кизаком (1856–1929). В виду дефицита средств на предстоящее издание было решено обратиться за помощью к русинской общественности в США, которая в итоге оправдала возложенные на нее надежды. 3 февраля 1924 г. состоялось следующее совещание интеллигенции. Его участники единогласно постановили начать издание газеты 1 марта. Тогда же было окончательно принято название «Русское Слово» и избран ответственный редактор — о. Степан Гойдич (1889–1968). Интересно, что, исходя из тяжелого материального положения русинского населения, была установлена относительно низкая цена подписки — 24 кроны ежегодно (впоследствии она была еще уменьшена). Поэтому сотрудники редакции и внешние авторы, согласно изначальной концепции, должны были получать не финансовый, а только моральный гонорар. Что касается языка издания, было решено, что газета будет выпускаться «на литературномъ русскомъ языке съ сближеніемъ къ нашему народному говору»⁷.

1 марта 1924 г. из прешовской типографии св. Николая вышел долгожданный первый номер «Русского Слова». Формат восьмистраничной газеты составлял 32 × 24 см (только в 1937 г. был принят размер 48 × 32 см)⁸. Прямо под крупными литерами названия было подписано: «Еженедѣльная народная газета» и «Желаніе русскихъ вождь: русскій да живеть народъ!». Последнее изречение (вскоре исчезнувшее с обложки) представляет собой фрагмент стихотворения-гимна «Подкарпатскіи Русины», традиционно приписываемого русинскому будителю Александру Духновичу (1803–1865)⁹. Здесь же наряду с фото Д. Нярадия вместе с юными причастниками была помещена краткая программа редакции, озаглавленная «Отъ Попрада — ажъ до Тисы!». Как можно догадаться по очерченным географическим границам, газета, называя себя русской, в то же время изначалью акцентировала свой локальный характер — от Попрада (в западной части Восточной Словакии) до Тисы (в восточной части Подкарпатской Руси). По-видимому, таким образом газета, декларируя свою русскость, в то же время подчеркивала свою лояльность ЧСР и абстрагировалась от послеоктябрьской русской эмиграции,

которая участвовала в национальной жизни русинов, популяризируя среди них православие.

Первые годы «Русского Слова» были достаточно тяжелыми: газета имела долги, расплатиться с которыми ей удалось опять-таки лишь с помощью меценатов. Новый период в истории издания начался с назначением в 1926 г. на пост апостольского администратора епископа Павла Гойдича (1888–1960), который являлся к тому же родным братом редактора. Несомненно, изначальная национально-языковая концепция газеты была ему, как представителю местного консервативного священнического рода, гораздо ближе, чем его предшественнику Д. Нярадию. Как отмечал епископ Гойдич в 1929 г., «Русское Слово намѣряло и намѣряетъ въ нашемъ народѣ на христіанской, гр.[еко-]католической платформѣ углубити русску-славянску свѣдомость. Защепити до сердець нашихъ вѣрниковъ любовь до своей русской народности, гр.[еко-]католической Церкви...»¹⁰. Епископ проявлял отеческую внимательность к нуждам газеты, начиная со своего вступления в должность апостольского администратора вплоть до прекращения издания «Русского Слова».

В 1928 г. газета обзавелась собственным приложением «Да Прийдець Царствіе Твое!», постоянным редактором которого вплоть до последнего, 1936 года издания являлся о. Мирон Петрашович (1890–1960)¹¹.

Редакторы самого «Русского Слова» неоднократно менялись. Так, после о. С. Гойдича редакторский пост последовательно занимали: в 1928–1930 гг. — о. Иосиф Дюлай (1882–1973), в 1930–1933 гг. — о. Федор Ройкович (1877–1963), в 1933–1936 гг. — о. Иосиф Кизак (1898–1966), в 1937 г. — о. Николай Ладыжинский (1897–?), в 1937–1938 гг. — о. Эрнест Гомичков (1892–1980). Сотрудниками газеты в разные годы числились о. Дионисий Зубрицкий (1895–1949), Александр Демянчик, Иван Пьещак (1904–1972)¹².

Менялся и статус «Русского Слова». С 1931 г. издателем газеты стало Общество Св. Афанасия, которое объединяло священников епархии¹³. В 1934 г., когда ужгородский журнал «Душпастьрь», являвшийся общим официальным органом Мукачевской и Прешовской епархии, перестал представлять последнюю, «Русское Слово» в значительной степени заменило упомянутое издание. Согласно указанию епископа, подписка на газету стала обязательной для всех приходов и церковных школ¹⁴. Последние два года издания официальный характер «Русского Слова» подчеркивался и в подзаголовке¹⁵.

Относительно содержания газеты следует отметить, что она поднимала самые разные вопросы, освещая их с точки зрения христиан-

ской морали и местного патриотизма. В качестве лейтмотива «Русского Слова» можно считать укрепление национально-религиозной сознательности русинов. Собственной аудиторией редакция стремилась видеть всех русинских греко-католиков, в том числе интеллигенцию (весьма малочисленную) и селян. Важную часть материалов составляли распоряжения епархиального управления, предназначенные для священников и учителей. В целом «Русское Слово» стремилось к надпартийности. При этом оно, естественно, всегда критиковало антиклерикально настроенные левые партии. Также на страницах газеты публиковались резкие полемические тексты, направленные против распространения в регионе православия. Часто появлялись статьи о языке и национальной идеологии русинов, отражавшие порой весьма отличные точки зрения. Пик наиболее острых национально-языковых дискуссий пришелся на конец 20-х — самое начало 30-х гг. Особенно активно «Русское Слово» боролось против словакизации государством русинского образования. Много внимания газета уделяла деятельности различных организаций русинов Словакии. Кроме этого в «Русском Слове» можно было найти пробы пера местных литераторов, практические советы для педагогов и селян, всевозможные объявления, рекламу и многое другое.

Язык издания заметно варьировал в зависимости от знаний и вкуса автора и редактора. Таким образом, в «Русском Слове» появлялись, например, как статьи на чистом русском литературном языке, так и тексты на местных диалектах. Однако основная часть публикаций в течение всех лет издания газеты была написана на не имевшем четких правил специфическом русском языке. Он основывался на русской грамматике и традиционном этимологическом правописании, но был приспособлен к местным условиям. Иногда протагонисты этого языка называли его карпаторусским или подкарпаторусским, а оппоненты — «язычием» (правда, все эти лингвонимы всегда носили дискуссионный характер). Важной особенностью данного языка было то, что в устной форме он ориентировался на местную русинскую фонетику. Такую возможность предоставляло по-своему универсальное этимологическое правописание, которое использовалось русинами Словакии, как минимум, до 1945 г. (именно поэтому далеко не всегда корректно транслитерировать русинские русскоязычные тексты первой половины XX в. в соответствии с современным русским правописанием).

Хотя бы вследствие постоянных изменений в составе редакции «Русского Слова» дать односложную оценку его национально-

языковой платформе, по-видимому, нельзя. Общим знаменателем всех публикаций газеты, посвященных национальному самосознанию и литературному языку, является разве что принадлежность русинов к восточному славянству и неприятие ни в каких формах словакизации. При этом в пятнадцати годовых подшивках газеты при желании можно обнаружить самые разные взгляды на конкретное место русинов в восточнославянском контексте. Варьировалась и этнонимия. Так, в различных текстах русины назывались собственно русинами, подкарпатскими русинами, русскими, карпатороссами, карпаторусскими и т. д. В годы редакторства о. И. Дюляя на страницы «Русского Слова» стали попадать материалы, авторы которых стремились склонить читателя к принятию этнонимов «русины-украинцы» и «украинцы». Примечательно, что подобные статьи вызывали резкую полемику и в перспективе грозили газете потерей подписчиков. Вскоре после этого был назначен новый редактор о. Ф. Ройкович, а сторонники украинской идентичности основали собственный печатный орган, названный (вероятно именно для противопоставления «Русскому Слову») «Слово Народа».

Однако, несмотря на имевшие место идейные колебания, все же можно говорить о господствовавшей национально-языковой линии «Русского Слова». С одной стороны, культивировалась местная, русинская (выраженная исключительно в употреблении этнонима русин), карпаторусская, подкарпаторусская и т. п. идентичности. С другой стороны, чаще всего признавалась принадлежность русинов к некоей более широкой, просто русской или общерусской общности. В частности, это было выражено в выборе грамматики и неизменном названии газеты.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают оценки «Русского Слова», сделанные учеными и публицистами уже во второй половине XX — начале XXI в. Отношение к «Русскому Слову» с его, пускай, несколько изменявшимися национально-языковыми установками может рассматриваться как дополнительный индикатор различных идеологических подходов к проблеме этнонациональной идентичности русинов.

Как известно, вследствие послевоенной административной украинизации, достигшей своего апогея в 1950-е гг., словацкие русины были официально объявлены украинцами. Развивать какую бы то ни было национальную деятельность вне фарватера украинофильства уже не представлялось возможности. В то же время социалистический строй не приветствовал и крайности украинского «буржуазного» национализ-

ма. Поэтому часто акцентировались братские связи украинского народа, в первую очередь, с русским, а также белорусским народами. Это обуславливало некоторую витиеватость трактовок учеными и публицистами русинских национально-языковых дискуссий 1920–1930-х гг.

Первые серьезные работы, посвященные истории журналистики и литературного процесса у восточнословацких русинов в межвоенный период, стали появляться во второй половине 1960-х гг. Веховым, на наш взгляд, можно считать известный очерк прешовского литературоведа Елены Рудловчак (1919–2007) «Литературные стремления украинцев Восточной Словакии в 20–30-х годах нашего столетия», который был опубликован в 1968 г.¹⁶ и с незначительными исправлениями переиздан в 1981 г.¹⁷ По словам Рудловчак, «Русское Слово» было основано под знаменем так называемой «тутешняцкой» или «русинской» ориентации, которая, по ее мнению, являлась официальной ориентацией Прешовской епархии. Исследовательница отделила «тутешняков» от «москвофилов» (то есть сторонников идеи «большой русской нации»), которые апеллировали к тем же будительским традициям, однако признала, что четко разграничить одних и других применительно к межвоенному периоду трудно. Характеристика, данная Рудловчак «тутешняцтву», звучит вполне в духе своего времени, не вызывая к его адептам особых симпатий: «Сторонники этой ориентации остро осуждали „всякую пропаганду крайности“, в литературной практике одобряли местную тематику, разработку библейских тем, будительские мотивы, дидактизм и морализаторство, национальную бесцветность, избегание социальных контрастов, философию покорности. [...] Ярких литературных образцов у нее (ориентации. — М. Д.) не было, к народным источникам она обращалась осторожно, боясь народной философии, следовательно, для нее оставались только низкокачественные местные образцы. [...] Особенно остро она выступала против коммунистической идеологии»¹⁸. Сказанное Рудловчак о «тутешняцтве» напрямую касается и газеты «Русское Слово», «которая была преимущественно в руках „тутешняцкого“ направления»¹⁹. По наблюдениям ученого, вследствие определенного упадка данной ориентации в 1930-е гг. «Русское слово» «почти полностью отходит от литературных проблем, замыкается в свои церковные и другие проблемы»²⁰. Заметно, что самой Рудловчак импонировали отдельные публикации газеты конца 1920-х гг., авторами которых были так называемые «народовцы» (то есть украинофилы или деятели, постепенно «дрейфовавшие» к украинофильским взглядам). По мнению исследовательницы, именно от «народовцев» исходила первичная инициати-

ва издания «Русского Слова». Отметим Рудловчак и их влияние на языковой узус, назвав приближение «русского литературного языка» газеты к народной речи «уступкой „народовцам“, которые в местных условиях уже приобрели определенный вес»²¹. Последнее утверждение косвенно свидетельствует о несовершенстве используемой классификации национально-языковых идеологий или, как минимум, ее применения к истории «Русского Слова». Тяжело объяснить, почему «тутешняки» избрали в качестве основы для языка своей газеты русский литературный, а его приспособление к местной специфике являлось уступкой «народовцам», а не являлось, например, отличительной чертой «тутешняков» от «москвофилов».

В сходном ключе выдержаны оценки и в капитальной монографии «Литературный язык украинцев Закарпатья и Восточной Словакии (после 1918)» (1969), которая принадлежит перу другого прешовского ученого — лингвиста Николая Штеца²². «Русское Слово» было названо Штецом «печатным органом „карпаторусской“ языковой ориентации»²³. Сторонники этой ориентации, по словам исследователя, «боролись против словакизации (в печатном органе „Русское Слово“), но одновременно, выступая за создание „карпаторусского“ языка (получается, что его еще не существовало, хотя Штец дает его характеристику²⁴. — М. Д.), поддерживали ошибочное утверждение о том, что местное украинское население образует отдельный „карпаторусский народ“, который не имеет ничего общего ни с русским, ни с украинским народом»²⁵. При этом, основываясь именно на заметках в «Русском Слове», автор пришел к выводу, что «не все сторонники „карпаторусской“ ориентации придерживались единого взгляда в вопросе литературного языка. Наряду с „карпаторусским языком“ („язычием“) кто-то добивался использования в Восточной Словакии русского или местного народного языка»²⁶. Некоторые материалы газеты Штец использовал для наглядной иллюстрации литературной практики собственно «москвофилов». Как и Е. Рудловчак, он позитивно выделил появившиеся в «Русском Слове» статьи «народовцев». Например, те тексты, в которых, согласно резюме Штеца, доказывалось, «что не зависимо от того, признают ли это местные „москвофилы“ или нет, отдельный украинский народ существует, имеет свой отдельный язык и культуру», или же поднимался «очень актуальный вопрос о правильном названии местного населения»²⁷. В качестве «правильного» в момент написания монографии, конечно же, выступал этноним «украинец».

Подобная нечеткость и схематичность в отношении «Русского Слова» естественным образом передалась от литературоведа Е. Рудловчак и лингвиста Н. Штеца к корифею местной историографии Ивану Ванату, являющемуся, однако, специалистом скорее в социально-политических, нежели в национально-языковых вопросах. Так, в своем труде «Очерки новейшей истории украинцев Восточной Словакии» (1979–1985)²⁸, являющемся одной из важнейших работ по истории словацких русинов, повторяется тезис о том, что «Русское Слово» выходило «на „карпаторусском“ языке», причем в последнем заметно «влияние как москвофильского, так и украинского языковых направлений»²⁹. Вслед за предшественниками Ванат упомянул и выступления на страницах газеты «народовцев», как в значительной степени положительное явление на общем негативном фоне.

В целом, находясь в идеологическом плену необходимости навешивания ярлыков «правильности» и «ошибочности», чехословацкие исследователи 1960–80-х гг. не решались давать «Русскому Слову» оценки, которые бы существенно отличались от приведенных. По логике, альтернативный взгляд на «Русское Слово» мог сформироваться лишь в западном карпатоведении. Однако исследователям, географически удаленным от Чехословакии, очевидно, часто были не доступны сами комплекты прешовских газет, что явственно отразилось на их выводах.

Ярким примером могут являться утверждения церковного историка о. Юлия Кубиния — автор англоязычного труда «История Прешовской епархии»³⁰. По-видимому, отталкиваясь от того факта, что Д. Нярадий был украинофилом, он утверждал: «В Прешове епископ основал еженедельник „Руськое Слово“ („Украинское Слово“), который после его отъезда из Прешова стал „Русским Словом“ („Русское Слово“)...)»³¹. Ориентируясь на западного читателя, в скобках автор поместил собственный небесспорный перевод названий на английский. В действительности мнение Кубиния — лишь неудачный процесс домысливания: в течение всего периода издания газеты она неизменно носила название «Русское Слово».

Сходные неточности сопровождают компилятивный очерк «История южной Лемковщины с 1867 по 1982 г.» о. Александра Барана (1926–2004)³², проживавшего в Канаде. «Нярадий основал также и еженедельник „Руске Слово“, который в известной степени старался поддерживать народовецкую идеологию епископа»³³. Хотя Баран сослался на книгу о. Ю. Кубиния, у которого упоминается «Руськое Слово», легко догадаться, откуда было взято словосочетание «Руске

Слово». В качестве иллюстрации для своего очерка историк использовал рекламу газеты, опубликованную в доступном ему ужгородском издании «Наш рідный край»³⁴. Редакция последнего приспособила название прешовского еженедельника к собственному правописанию. Правда, нельзя логически объяснить, почему Баран, цитируя одну из «народовецких» статей газеты (текст которой он, по всей видимости, позаимствовал у Н. Штеца), в сноске привел правильное название — «Русское Слово»³⁵.

Показательно, что американский историк Павел-Роберт Магочий, считающийся крупнейшим русинистом современности, в своей ранней работе «Подкарпатская Русь: Формирование национального самосознания (1848–1948)» (1978)³⁶ выразился достаточно осторожно. Как отмечено в монографии, в газете «Русское Слово» «попадались тексты, написанные на диалектном русинском языке (укр. *руською мовою*. — М. Д.), и отдельные попытки писать на литературном русском языке»³⁷.

Общественно-политические трансформации конца 80-х — начала 90-х гг., легализовавшие в Европе неукраинские идентичности для русинов, способствовали появлению новых акцентов при оценке «Русского Слова». В качестве наглядного примера свежей, причем уже однозначно положительной трактовки газеты хочется привести специальную статью активного публициста русинофильского направления прешовского краеведа Гавриила Бескида³⁸. Не исключено, что это единственный самостоятельный ретроспективный текст о «Русском Слове», который вышел не в справочно-энциклопедических изданиях. По убеждению Бескида, газета «была ориентирована на духовную, церковную сферу Греко-католической епархии, но кроме этих интересов защищала и национальные интересы русинов...»³⁹. Автор привел фрагменты отдельных статей «Русского Слова» в переводе на современный русинский литературный язык. Примечательно, что вместо популярных у исследователей социалистического периода цитат «народовцев» Бескид опубликовал фрагменты исключительно из тех текстов, которые отстаивают специфическую местную русскость (отчасти напоминая современную русинскость), при этом не упомянув об известной доле плюрализма на страницах газеты. В одной из цитат Бескид (или его редакторы) даже перевел слово *карпаторусский* как *карпаторусинский*⁴⁰. Несомненно, подобная трактовка «Русского Слова» — другая крайность, являющаяся своеобразной реакцией на длительную критику газеты со стороны протагонистов украинофильства. По-своему, она являет собой идеалистический поиск корней для сегодняшнего русинофильства в межвоенных десятилетиях.

В более корректных формах схожая оценка газеты присутствует в авторитетной энциклопедии русинской истории и культуры под редакцией П.-Р. Магочия и Ивана Попа⁴¹. По словам автора соответствующей статьи (Магочия), газета «Русское Слово» «отстаивала мнение, что русины образуют отдельную национальность; ее язык был, в основном, русинским, с примесью русских и церковнославянских слов»⁴². При этом ученый смягчил свое утверждение следующим замечанием, которое можно отнести и к национально-языковым дискуссиям на страницах «Русского Слова»: «Она (газета. — М. Д.) представляла собой форум для новых литературных произведений и общественных комментариев местных писателей»⁴³.

Отметим, что приведенное мнение разделил и сегодняшний мэтр отечественной русинистики Кирилл Шевченко. Так, в своей первой монографии, посвященной русинам, он подчеркнул, что газета «Русское Слово» «поддерживала русинское направление»⁴⁴ (во второй — «поддерживала русинофильское направление»⁴⁵).

Однако кроме подчеркнуто русинофильских появились и другие новаторские трактовки. Так, библиограф Государственной научной библиотеки в Прешове Зузана Джупинка в своем обзоре местных «русинских и украинских периодических изданий», не решаясь четко охарактеризовать национально-языковой облик «Русского Слова», ограничилась следующей формулировкой: «Выходил (еженедельник. — М. Д.) на русинско-украинском языке»⁴⁶. То же самое сказано о приложении «Да Прийдець Царствіє Твое!»⁴⁷. Необходимо пояснить, что составной этноним «русины-украинцы» в настоящее время иногда используется для собирательного обозначения русинов в Словакии, которые разделены между официальными русинским и украинским меньшинствами. О том, что же понимается под русинско-украинским языком (то есть одновременно и русинским, и украинским или, наоборот, не русинским и не украинским), остается только гадать.

Российская коллега З. Джупинки Елена Гурко-Кряжина отнесла практически всю греко-католическую прессу «Пряшевской Руси» 1919–1944 гг. к русскоязычной периодике, являющейся темой ее исследования⁴⁸. Следовательно, сюда же было отнесено и «Русское Слово». Библиографирование данной периодики, по мнению Гурко-Кряжиной, «позволит прояснить целый ряд спорных и недостаточно изученных вопросов истории Русского Зарубежья (понятие включает в себя не только эмиграцию, но и местный карпаторусский субстрат)»⁴⁹. Таким образом, «Русское Слово» в восприятии российского библиографа — это одна из газет Русского Зарубежья.

На наш взгляд, подобное различие оценок национально-языкового облика газеты «Русское Слово» объясняется не только его изменчивостью и излишней идеологизированностью или недостаточной информированностью исследователей. Дело в том, что популярная схема членения национально-языковых ориентаций русинов, предполагающая классифицирование всех деятелей как русо-, украино- и русинофилов (или «москвофилов», «народовцев» и «гутешняков»), далеко не всегда исправно функционирует в случае межвоенных десятилетий. Содержание газеты «Русское Слово» свидетельствует о том, что очень многие ее материалы крайне сложно рассматривать с позиций взаимоисключения русофильства, украинофильства и русинофильства. Еще исследователи старшего поколения (в частности, Е. Рудловчак и Н. Штец), основываясь на прекрасном знакомстве с источниками, например, указывали на сложность разделения «москвофилов» и «гутешняков». Однако сами упомянутые авторы придерживались данной схемы, сознательно идя на упрощение.

Гораздо более прояснить мировоззрение редакции и авторов «Русского Слова» способно его рассмотрение с позиций распространённого бытования у русинов Словакии множественных идентичностей. Как убеждают многие статьи газеты, в 1920–1930-е гг. была возможность одновременно считать себя русином или карпатороссом, но в широком смысле относить себя к русским, культивировать специфический «карпаторусский» язык, но чувствовать свою особенную связь с «общерусским» языком. Можно предположить, что разница между «гутешняками» и «москвофилами» заключалась в том, какая из идентичностей была у тех и у других доминирующей. Если в первом случае, очевидно, доминировала русинская, карпаторусская или т. п., то во втором — широкая русская идентичность. Учитывая возможность актуализации в разных ситуациях и второстепенной идентичности, границы между двумя группами представляются еще более условными. Думается, именно в этом поле идентичностей, в основном, и находилось «Русское Слово». В перспективе было бы полезно подобным образом внимательнее присмотреться к весьма пестрым «народовцам», связанным с газетой.

Хотя «Русское Слово», как было показано выше, регулярно упоминается в историографии и публицистике, комплексное изучение этого эпохального для словацких русинов издания все еще впереди. Достойным примером в этом отношении может являться интерес карпатоведов к упоминавшейся газете «Слово Народа». Так, благодаря тому факту, что эта газета издавалась по-украински, она детально изучена прешовскими интеллектуалами-украинофилами⁵⁰. При этом, «Слово Народа», представленное всего 15 номерами за 1931–1932 гг.

и никогда не пользовавшееся большой популярностью, несомненно, гораздо маргинальнее, нежели «Русское Слово», которое выпускалось в течение полутора десятилетий под контролем господствовавшей у русинов Греко-католической церкви.

Учитывая сказанное, на наш взгляд, давно назрела необходимость подготовки библиографии статей «Русского Слова», а также проведения отвечающего требованиям современной науки лингвистического анализа языка газеты. Это не только поможет избежать схематизма в оценках издания, но и в целом станет ценным подспорьем для дальнейшего исследования процессов формирования этнонациональной идентичности у русинов Словакии в межвоенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этноним *русин* (и производные от него), за исключением специально оговоренных случаев, мы используем как конвенциональный термин для обозначения представителей конкретного сегмента восточного славянства, вне зависимости от того, к какой конкретно национальности (русинской, украинской, русской и т. д.) причислял или причисляет себя тот или иной человек. При этом, учитывая распространенность указанного этнонима в различные периоды на самых разных территориях (в том числе удаленных от Карпатского региона), мы руководствуемся теми границами ареала расселения русинов, которые приняты в современной русинистике (см. карту: *Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn settlement at the Outset of the 20th century with additional data from 1881 and 1806. Мапа розселеня Карпатських Русинів на зачатку ХХ століття з далшыми даними з 1881-го і 1806-го року.* [Orwell, Verm.], 1996; 2d ed. 1998. Принимая настоящую терминологию, мы ни в коем случае не посягаем на свободный выбор идентичности теми из русинов в нашем понимании, которые сами себя русинами не считают.
- 2 См.: *Бигарій Э.* «Русское Слово». 1924.III.1 — 1929.III.1 // Русское Слово. 1929. № 11. С. 7–8. Здесь и далее в русинских русскоязычных текстах мы сознательно сохраняем этимологическое правописание, что вызвано особенностями его фонетической интерпретации русинами. См. подробнее в тексте статьи.
- 3 Хотя о. Э. Бигарий известен, прежде всего, как председатель основанного в 1930 г. прешовского филиала украинофильского общества «Просвіта» (Краєзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / Головний редактор Ковач Ф. Пряшів, 1999. С. 42, 284), в начале

- 1920-х гг. он, по-видимому, еще был далек от украинской национальной идеи. Собственно, его статья, датируемая хронологически близким к 1930-му 1929 годом, показывает, что взгляды Бигария заметно отличались от мировоззрения радикальных украинофилов, а язык статьи — от украинского литературного языка.
- 4 Подробнее о новейшей истории Православной церкви в регионе см.: *Horkaj Š., prot.; Pružinský Š., prot.* Pravoslávna cirkev na Slovensku v 19. a 20. storočí. Ľudia — udalosti — dokumenty. Prešov, 1998; *Harbul'ová L.* Ladomirovské reminiscencie. Z dejín ruskej pravoslávnej misie v Ladomirovej 1923–1944. Prešov, 2000; *Coranič J.* Pravoslávne hnutie na území Prešovského gréckokatolíckeho biskupstva v prvej pol. 20. storočia // *Theologos*. 2004. № 2; *Шкаровский М. В.* Монастырь Преподобного Иова Почаевского // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб., 2007. Т. 9; *Ivan R.* Obnova pravoslavia na území Slovenska v 20. storočí. Prešov, 2007.
 - 5 См.: «Ані не зв□дайте лемь бійте...» // Русское Слово. 1934. № 3. С. 2.
 - 6 См.: *Дронов М. Ю.* К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2. Словацкая версия: *Dronov M.* Rusofilstvo ako etnonacionálna ideológia Rusínov na Slovensku // *Ivanyšynová T., Kodajová D. a kol.* Východná dilema strednej Európy. Bratislava, 2010.
 - 7 *Бигарий Э.* «Русское Слово»... С. 8.
 - 8 *Džupinková Z.* Prehľad rusínskych a ukrajinských periodík vychádzajúcich v Prešove v rokoch 1919–2006 (s dôrazom na fond ŠVK Prešov) // *Z minulosti a súčasnosti knižnej kultúry Prešova*. Prešov, 2007. S. 111.
 - 9 Подробнее об этом гимне и его авторстве см.: *Алмашии М.* Русинські національні символи / Серія «Бібліотека русина». Ужгород, 2010. С. 15–23, 31–40.
 - 10 *Павель, епископъ, апост. админ.* Празднуем! // Русское Слово. 1929. № 11. С. 2.
 - 11 См.: *Džupinková Z.* Prehľad... S. 107.
 - 12 См.: *Ibid.* S. 111.
 - 13 *Ройкович Э.* Новый издатель газеты Русское Слово. Достопамятный день 24. февр. 1931! // Русское Слово. 1931. № 8. С. 2–3.
 - 14 *Павель, еп.-ап. адсторъ.* Ч. 5339–1933. Вс□м Впр. оо. Приходникамъ и Почт. гг. П.-учителямъ епархii Пряшевской // Русское Слово. 1934. № 1. С. 4.
 - 15 *Džupinková Z.* Prehľad... S. 111.
 - 16 *Рудловчак О.* Літературні стремління українців Східної Словаччини у 20–30-х роках нашого століття // Жовтень і українська культура. Збірник матеріалів з міжнародного симпозіуму. Пряшів, 1968.

- 17 Рудловчак О. Біля джерел сучасності. Розвідки, статті, нариси. Братіслава; Пряшів, 1981. С. 117–146, 368–373.
- 18 Там же. С. 122.
- 19 Там же. С. 369.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 129.
- 22 Штець М. Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918) / Педагогічний збірник № 1. Братіслава, 1969.
- 23 Там же. С. 106.
- 24 См.: Там же. С. 104–106.
- 25 Там же. С. 106.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С. 114.
- 28 Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Кн. 1 (1918–1938). Братіслава; Пряшів, 1979; Т. І. 1990; Кн. 2 (вересень 1938 р. — лютий 1948 р.). Братіслава; Пряшів, 1985.
- 29 Там же. С. 300.
- 30 Kubinyi J., S.T.D. The History of Prjašiv Eparchy / Opera Graeco-Catholicae Academiae Theologicae. Romae, 1970. Vol. XXXII.
- 31 Ibid. P. 149.
- 32 Баран О. Історія південної Лемківщини від 1867 до 1982 р. // Лемківщина. Земля — люди — історія — культура. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. І.
- 33 Там же. С. 359.
- 34 См.: Там же. С. 357.
- 35 См.: Там же. С. 359.
- 36 Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge, 1978; 2d ed. 1979; Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської // Поличка «Карпатського краю». № 3–6 (18). Ужгород, 1994.
- 37 Там же. С. 226.
- 38 Бескид Г. Новинки «Русское слово» (80 років од зачаття видавання) // Русинський народний календарь на 2004 рік. Пряшів, 2003.
- 39 Там же. С. 69.
- 40 См.: Там же. С. 71.
- 41 Encyclopedia of Rusyn History and Culture / Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto; Buffalo; London, 2002; 2nd ed. 2005; Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П. Р. Магочій, І. Поп. Переклад з англійської мови Кушко Н. Ужгород, 2010.

- 42 Там же. С. 660.
- 43 Там же.
- 44 Шевченко К. В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии / *Selecta V. M.*, 2006. С. 201.
- 45 Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. / *Selecta XX. M.*, 2011. С. 303.
- 46 *Džurinková Z. Prehľad...* S. 111.
- 47 *Ibid.* S. 107.
- 48 См.: Гурко-Кряжина Е. В. Русскоязычная периодика Словакии 1919–1944 гг. // Русские и словаки в XIX–XX вв.: конфликты, взаимодействие, стереотипы. Материалы Международной научной конференции, приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии (Москва, 2–4 октября 2007 г.). М.; Йошкар-Ола, 2007. С. 177.
- 49 Там же. С. 172.
- 50 См., например: Штець М. Газета «Слово народа» в боротьбі за українську мову в Східній Словаччині на початку 30-х рр. // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Присвячений пам'яті В. Гнатюка. Братіслава; Пряшів, 1967. Т. 3; Шеленець Й. Слово народа. Prešov, 2000; *Ňachajová M. Publikačná činnosť ukrajinských emigrantov v prešovských novinách «Слово Народа» // Osobnosti ruskej a ukrajinskej emigrácie na východnom Slovensku. Prešov, 2008.*

Dronov M. Yu.

The «Russkoe Slovo» Newsletter in Prešov (1924–1938) in the Context of the processes of Shaping of Ethnic National Identity of Russins of Slovakia. Statement of a Problem

The article covers the history of the «Russkoe Slovo» newspaper (1924–1938), one of the printed matters of the Greek-Catholic diocese of Prešov. The main attention is put at the position of the newspaper in the question of ethnic national identity of Russins, as well as to interpretations of national-language politic of the «Russkoe Slovo» by researchers and writer of political essays of nest decades.

Key words: *Greek Catholic Church, identity, «Moscowphiles», «narodovtsy», Diocese of Prešov, Russinohiles, Russins, Russo-philes, «Russkoe Slovo», Slovakia, «tuteshniaki», Ukrainophiles.*

А. Алипиева
(Варна)

Современная Болгария между мифами и реальностью

В статье рассматриваются проблемы болгарской идентичности, связанные с традиционными представлениями о самих себе, и те изменения, которые диктует современная политическая и вслед за ней культурная конъюнктура. Выявляются трудности идентичности «малых» народов во все более глобализирующемся мире.

Ключевые слова: *идентичность, глобальный мир, традиционные мифы, постмодерное общество.*

Начиная с середины XIX в. и до окончания XX в. болгарское культурное сознание жило, опираясь на распространенные мифы и утвердившиеся легенды о значении «болгарскости» и ее важном месте в мире. Во второй половине XX столетия, в эпоху социализма, продолжали существовать и поддерживаться важные национальные мифы о первенстве болгар в создании славянской письменности, их исключительном трудолюбии, храбрости и любви к знаниям. Они были включены в систему поощрявшей их коммунистической идеологии, поскольку сама она строилась на древних культурах и возникла как их своеобразное усовершенствование. Однако в конце XX ст. в Болгарии произошли революционные преобразования, которые сопровождались интенсивным процессом демифологизации, затронувшим не только коммунистическую идеологию, но и традиционные мифы о болгарах. Ряд литераторов пришел к полному разрушению болгарского космоса, встав на безжизненно каменистую почву нигилизма. Обретение ими мнимой независимости проистекало из утраты формы, исчезновения системы насаждения этических норм и имело своим результатом отчуждение от традиций, мифов и символов, дающих основу для какой-либо идентичности. И, наоборот, другие литераторы намертво вцепились в традиционное, стремясь не столько повторять в новой и новейшей болгарской литературе прежние культурные модели и сюжеты, сколько воспроизводить в ней некий позитивизм времен социализма. Отрицание и восхваление продолжают противостоять друг другу и в XXI в., но более прагматично, без крайностей, факти-

чески положив начало объективному анализу позиции, состоянию и месту нынешней болгарской идентичности в обществе.

Что характерно для современной Болгарии? Печальная статистика уменьшения численности населения и интенсивный отток болгар за границу, к сожалению, не в славянские страны, а в Центральную Европу и Америку, культуры народов которых далеки от славянской и балканской ментальности. Туда, где не проявляют какой-либо заметный интерес к проблемам диаспор проживающих среди них чужаков. Огромные усилия эти страны прилагают для приобщения Болгарии к европейским стандартам и приучению ее к дисциплине, однако болгары, как и большинство восточных народов, этому противятся. И что мы имеем в итоге? Ущербную экономику, порождающую серьезные социальные проблемы, а в литературе и искусстве — доминирование социальных тем, более устойчивых, чем традиционные величальные болгарские мифы. В литературе, тем не менее, присутствует оспаривание утопической идеи о национальном болгарском государстве, с которой большинству болгар трудно расстаться. В ней наблюдается вторжение современных инвенций в наше по-прежнему полупатриархальное сознание, разрыв между традиционными представлениями и современной мобильностью и тенденцией к плюрализму. В эмоциональном плане это порождает чувство одиночества, неверия, отчуждения — состояние, чуждое нашей ментальности, которая еще совсем недавно была защищена ощущением племенного единства. У болгар начинают размываться такие важные для них понятия, как дом и семья. Родители крайне неохотно и болезненно отпускают своих детей учиться за границу, поскольку знают, что те обычно не возвращаются в Болгарию, предпочитая реализовывать себя в личностном и социальном плане в Европе или за океаном. В то время как турки, сербы, поляки, украинцы и русские давно свыклись с волнами массовой эмиграции и относятся к существованию своих диаспор за рубежом вполне спокойно, болгары никак не могут избавиться от чувства боли, ощущения утраты и оторванности от своей идентичности. Появилось несколько романов и фильмов, оплакивающих горестную судьбу болгарских эмигрантов на чужбине и рассказывающих о горе родителей, ждущих возвращения детей на родину. Сглаживание конфликта между «востоком» и «западом» привело к утрате культурного противостояния, что вызвало состояние растерянности.

Ментальность современной Болгарии отличается наличием противоречий, возникающих под воздействием непрекращающихся

вызовов внешнего мира. Один из распространенных мифов есть миф о болгарском перепутье. Он является открытым тезисом, в соответствии с которым говорится о стабильной идентичности, претерпевающей одновременно перманентные изменения. О перепутье было забыто во второй половине XX столетия — в эпоху, когда Болгария, согласно мнению политологов, была типично «закрытым обществом». Теперь же прежние жесткие политические границы разжижились настолько, что заставили забыть о былом противостоянии. Ценностные ориентиры, наподобие «золотого века» Болгарии в эпоху царя Симеона Великого в конце IX — начале X в., «высокой идеологии эпохи болгарского Национального возрождения» во второй половине XVIII — первой половине XIX в. или драматических побед болгар при отстаивании своей державы в прошлом, были вытеснены совсем другими понятиями. На первый план выдвинулись острые социальные и бытовые проблемы современной жизни, с которыми болгары постепенно начали идентифицировать свое государство. Часть народа в нем разочаровалась, положив начало процессу экономической эмиграции. Изменение системы ценностей вызвало смену актуальных культурных языков. Мы пережили стремительный прорыв постмодернизма, который в самых своих радикальных формах стремился демифологизировать все «болгарское». Он обдал его потоками нигилизма, назвав «локальным», «доморощенным» и «маргинальным» по отношению к великим культурам Европы и Северной Америки. Однако, несмотря на свою деструктивность, постмодернизм сыграл весьма полезную роль в разоблачении общества «закрытого типа». Он трансформировал высокий пафос в карнавальный гротеск и благодаря последнему позволил проникнуть «на задворки», за кулисы национальной культуры. В результате этого удалось осознать закулисные мотивы культурного быта и вывести на авансцену иронию, одержавшую верх над прежней патетикой. Вслед за экстремальными проявлениями националистического и постмодернистского языков в болгарской культуре наступил более гармоничный период, однако дебаты о национальной культурной идентичности не были сняты с повестки дня.

В настоящее время политика сохранения исторической памяти порождает в болгарской культуре напряжение. Великий миф о славянстве и о большом месте в нем Болгарии существенно ослабляется ее новой североатлантической интеграцией. Произошло уменьшение ниши контактов между славянами, перемещение их в другие ниши, безотносительно к некоей общей национальной идее. Болгарские

СМИ заняты главным образом освещением болгаро-российских экономических проектов и проблем транзита русского газа через украинские газопроводы. Польша, Чехия и Сербия интересуют болгар значительно меньше, потому что там ниши экономических проблем относительно невелики. Информация СМИ о межславянских гастролях деятелей культуры и культурных диалогах между славянскими странами в целом обычно лапидарна, не вызывает резонанса и не является первоочередной. От прежних грандиозных чествований типа «1300-летия Болгарии» осталось лишь несколько небольших обществ, связанных со славянской темой. Известное напряжение существует и в отношении осмысления культуры эпохи социализма. Система образования в нашей стране расшатана, и это не укрепляет, а подрывает традиционные болгарские мифы, сводя роль национальной истории и литературы к лаконичной информативности. Начался распад коллективной памяти на отдельные людские судьбы, а родовой миф, прелесть которого позволяла хранить болгарскую коллективную идентичность, стал приносить сомнительные плоды. Развившаяся коррупция в бизнесе, возросшие экономическая эмиграция и отчуждение разъединили и разрушили многие семьи. В целом современная Болгария переживает кризис собственной идентичности.

Но давайте попытаемся взглянуть на этот процесс положительно: защищенная изнутри болгарская идентичность, складывавшаяся на протяжении XIX и почти всего XX в., ныне уже не служит достаточно сильным фактором. Героические мифы разъело изнутри ироничное сомнение в истинности традиционных представлений о самих себе. Оказалось, что болгарские мужчины не такие уж и сильные, как это считалось раньше. Болгарские женщины начали выходить замуж за иностранцев, думая о рождении не болгар, а просто собственных детей. Пришло осознание того, что болгарское трудолюбие не сопоставимо с трудолюбием японцев и что болгарские семьи не столь уж и прочны. Открытие границ показало, однако, что и другим народам свойственна сходная проблематика. Болгарское Национальное возрождение создало для описания «болгарского» высокий и низкий языки. До последнего десятилетия XX в. ради отстаивания защищенной и закрытой болгарской идентичности предпочтение отдавалось языку высокому. В 90-е гг. XX в. при изображении «болгарского» мы настолько увлеклись языком низким, что, в конце концов, и сами перепугались. Однако после этого, скрепя сердце, вынуждены были признать, что, несмотря на безвременье, яркие явления в культурной жизни социалистической Болгарии все

же имелись, причем нередко они служили остальной Европе настоящими культурными вызовами.

С другой стороны, в Болгарии имеется идентичность, формирующаяся под воздействием информации извне. Передвигаясь по Европе, болгары узнают, что они бедные, коррумпированные и ничему не желающие учиться. Поэтому европейцы, как и раньше в одном болгарском произведении конца XIX в., продолжают спрашивать болгар, где находится эта самая Болгария и что собой, собственно, представляет? На этот вопрос давно ответил в своем сентиментальном стихотворении «Где находится Болгария?» классик Иван Вазов, но мало кто из нас сегодня сможет припомнить его строки или тем более с гордостью продекламировать целиком. Многим было вдолблено в голову, что гордость за «болгарское» как ценность девальвировалась. По-видимому, в период перехода и снаружи, и изнутри болгарская идентичность больше воспринимается как негатив, а не позитив. Радикальное и категоричное апеллирование к «болгарскому» является не более чем театральным жестом и никак не отражает истинное положение вещей. Но «болгарское» дозволено теперь описывать разными языками — высоким и низким, сентиментальным и гротескным, что усилило ситуацию диалога и выявило болевые точки, которые догматизированное мышление либо игнорирует, либо замалчивает.

Проводившиеся в современном болгарском обществе диалоги не сумели превратить в метафоры, ослабить или отбросить старый миф об извечной болгарской жертвенности, посредством которого реализовывалась наша национальная идеология в XIX–XX вв. Его не смогло поколебать в XXI в. даже крушение идеи о национальном болгарском государстве. Благодаря этому мифу мы воспринимаем себя историческим объектом, а не историческим субъектом, ставшим жертвой внешних сил. Это заставляет нас страдальчески апеллировать к миру, государству, персональным правителям, правительствам и партиям. Такая крайне эмоциональная и психологическая идентичность проецируется на идентичность гражданского общества, государства и ментальность нашей культуры. В этом мы достаточно коллективны как образ, в отличие от других коллективных образов и сюжетов, которые мы с легкостью разрушили или предали поруганию.

Наш переход к современному обществу, бесспорно, является запоздалым. В полную силу болгарская культура устремила взгляд к современным европейским языкам в начале XX в., но в середине упо-

мянутого столетия мы превратились в «закрытое общество» с развитой системой мифов и символов. Позднее в конце указанного века мы смело допустили в свою культуру постмодернизм, необходимый нам потому, что он обладал огромной силой разрушения и развенчивания в условиях, когда наш собственный модернизм не был у нас до конца «переварен» и осмыслен. Именно эта «недопереваренность» породила пародию на традиционные мифы и образы, с одной стороны, а с другой — возмущение, что кто-то может посягнуть на наши святыни, воспринимавшиеся многими как навеки данные нам фетиши. В какой-то момент все забыли, что Балканы являются местом исторического сосуществования многих различностей, что сами болгары являются гетерогенными (славяне и тюрки-протоболгары) по происхождению и мышлению. А это предполагает наличие сильной динамики, метаморфозы застывших устойчивых форм и постоянное тяготение к более сильным зарубежным культурам. Утопия о национальном государстве до недавнего времени была особенно удобной, поскольку с ее помощью удавалось удерживаться в мире на престижном месте. Впечатляющие мифы о славянских первоучителях, славянской азбуке и блестящей болгарской средневековой культуре были легитимным пропуском для нашей современной культуры на мировую арену. Но последние бурные перемены в истории и политической географии Европы и само течение жизни направили наше культурное сознание в иное русло. Оно сопрягалось с практическим изменением институций, законов и политических конфигураций, и долгие рассказы о болгарской идентичности были отторгнуты прагматическими веяниями эпохи. Нашлись даже люди, предлагавшие заменить кириллицу латиницей ради более свободного диалога с миром. Это вызвало в болгарском обществе мощный всплеск патриотических чувств, доказывающий, что наша национальная идентичность есть для нас основная ценность и главный пропуск во внешний мир. Так или иначе, крушение идеи о чисто национальной державе выявило и другую особенность современной болгарской культуры — ее плюралистичность и наличие разных культурных идентичностей, ни одна из которых не была столь сильной, чтобы в одиночку представлять Болгарию в мире. В принципе и сейчас не актуальными представляются дебаты о том, какой, в сущности, является, наша современная культура: домодерной, модерной, постмодерной или неким их синтезом. Когда наши произведения культуры оказываются за рубежом, возникает нечто странное. Если вся эта продукция несет на себе общий коллективный ярлык «болгарское», то тогда это

идентичность с памятью, а если там появляется отдельный, производящий впечатление артефакт, получается, что он как бы лишен этой памяти. Если внутри Болгарии все имеет свое объяснение и традиционную наследственность, то за пределами страны собирательная идея более сильна по сравнению с отдельными индивидуальностями. Мир продолжает оставаться в неведении относительно «болгарского» и ищет этнолигитимность во всем, что идет от данной культуры. Приведу один любопытный случай. Одна наша поэтесса читала в некоем американском университете свои стихи, и когда ее спросили, а что, собственно, есть в них «болгарского», она ответила следующее: «Уж не ожидали ли вы, что я выйду декламировать свои стихи в национальном народном костюме, чтобы вы легче распознали во мне болгарскую поэтессу?» И аудитория чуть ли не хором подтвердила: «Ну да, что-то в этом роде».

В Болгарии ныне медленно сходит на нет список знаменательных фактов нашей национальной культуры, и никто не может понять насколько это действительно. Мы не можем решить, является ли уничтожение границ между высоким и низким полезным, хотя это мировая тенденция. Мы знаем, что болгарская нация напоминает традиционные общности, но нам по-прежнему очень нравится бдительность нашего национального государства по отношению к идентичности болгарской национальной культуры. Но быть в современных условиях закрытым обществом — настоящая катастрофа. Так же как и катастрофа быть абсолютно открытым обществом, потому что в такой ситуации не смогут различаться и заявлять о себе любые идентичности. Именно в 90-е годы прошлого века появились важные теории о «болгарском». Согласно одной из них, болгарская культура является «травмированной»¹. Автор данного определения А. Кёсев считает, что она стала таковой закономерно: будучи атакованной большими культурами, малая болгарская культура крайне трудно может создать свои идентичности, способные стать настолько болгарскими, чтобы быть одновременно и универсальными. Другой важный тезис, прозвучавший впервые в одной из работ С. Игова², касается вечности болгарской культуры, претерпевающей эволюцию во времени, но не теряющей свое собственное лицо, благодаря достаточному уровню собственной идентичности.

Естественно, что этот тезис приносит гораздо больше пользы по сравнению с апокалиптическими видениями отрицательных комплексов болгарской культуры.

Можно также отметить, что отрицание мифов, памяти традиционных культур и их эволюции является другой, ни к чему не ведущей крайностью. В данный момент интегрирование культурных языков и сбалансированное культурное поведение являются возможной адекватной позицией, посредством которой, с одной стороны, уважается память, а с другой — учитывается динамичность развития общества и культуры. Современный человек может обрести идентичность в европейской общности, осознать свое индивидуальное место и место болгарской культуры среди культур балканских. Он может почувствовать себя одновременно наследником болгарской традиции, опершись на местную почву и создав свой внутренний портрет как созидательную составляющую всех перечисленных идентичностей. Особенности болгарской культуры являются «мирный» национализм, делающий акцент исключительно на родовом, локальном и национально экзотичном. У болгар нет агрессивного желания навязывать себя другим или тем более доминировать над другими национальными идентичностями. Идущая со времени национального возрождения исключительность болгарской идентичности за последние два десятилетия существенно померкла. В данный момент наша культура делает большую ставку на индивидуальные идентичности, способные «перевести» на современный язык «болгарское» более разносторонне и с более широким спектром. Деятели культуры нашей страны все легче расстаются со своей идентичностью ради вхождения в ситуацию другой идентичности, что является чертой современного общества. Идентичность уже стала вопросом выбора, а идентичность болгарская будет желанной лишь при осознании, что она не может быть «чистой». Такое нельзя себе представить в период переоценки созидательных ценностей и вековых болгарских мифов, переосмысливаемых с учетом текущей конъюнктуры.

Перевод с болгарского И. И. Калиганова.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 См.: *Кьосев А.* Списъци на липсващия // Българският канон? Криза на литературното наследство. София, 1998. С. 5–50.
- 2 *Игов С.* Българската литература след 1989 година // LiterNet. 24.06.2009. № 6 (115).

Alipieva A.

Contemporary Bulgaria between Mythes and Reality

The article describes the problems of Bulgarian identity connected with traditional self-concepts and those changes shaped with the contemporary political and then cultural conjuncture. The author reveals difficulties of identity of «small peoples» in the more and more global world.

Key words: *identity, global world, traditional myths, postmodern society.*

А. А. Пивоваренко
(Москва)

Республика Хорватия и миротворцы ООН в 1992–1993 гг.

В статье анализируются взаимоотношения миротворческих сил ООН (УНПРОФОР или СООНО) с противоборствующими сторонами хорватской войны 1991–1995 гг. — хорватами и краинскими сербами. Неготовность обеих сторон к заключению мира определила продолжение противоборства, несмотря на наличие международных посредников.

Ключевые слова: *Хорватия, Республика Сербская Краина, УНПРОФОР, Франьо Туджман, Милан Бабич, Слободан Милошевич, план Вэнса.*

В российской историографии, посвященной событиям югославского кризиса, весьма подробно изучаются как события 1991 — начала 1992 гг. (референдумы о независимости, распад государства, сербо-хорватский конфликт лета–осени 1991 г., эскалация конфликта в Боснии весной 1992 г.), так и 1994–1995 гг. (развязка кризиса в Хорватии и Боснии). Располагающийся между ними полуторагодовой период с середины 1992 г. по конец 1993 г. остается в тени.

Между тем, изучение новых источников (воспоминания и мемуары миротворцев, документы, вышедшие из-под делопроизводства Республики Сербская Краина¹ и Республики Хорватия) позволяет осветить этот временной отрезок более предметно. Эти источники, наряду со старыми и относительно новыми историографическими работами, позволяют исследовать тему югославского кризиса в 1991–1995 гг. с разных позиций.

В данной статье будет показано, как миротворческие силы ООН обеспечивали исполнение условий Сараевского мирного соглашения (2 января 1992 г.) и мирного плана Вэнса². Этот вопрос является ключевым для понимания того, как хорватское правительство во главе с Франьо Туджманом смотрело на проблему восставших сербских территорий. Его исследование позволит показать всю сложность ситуации, в которую попали силы ООН в Хорватии, да и на Балканах в целом. Также станет возможно подойти к проблеме отношения хорватов к собственной государственности, еще молодой, но уже стра-

дающей от неполноценности в связи с нежеланием более чем 580-тысячного сербского населения³ жить в рамках независимой Хорватии. А также показать, к каким методам для разрешения возникшего в связи с этим комплекса проблем прибегал официальный Загреб.

С ратификацией Сараевского договора о прекращении огня между силами хорватских войск и Югославской народной армии (ЮНА) началась реализация разработанного еще в декабре 1991 г. плана Вэнса. Прямым следствием этих процессов стало принятие СБ ООН резолюции № 743 от 21 февраля 1992 г., предусматривавшей создание Сил Организации Объединенных Наций по охране (СООНО или UNPROFOR) с мандатом сроком на двенадцать месяцев⁴.

После того как в районы сербо-хорватского противоборства, разгоревшегося в конце марта 1991 г., а в августе с вовлечением сил ЮНА и началом битвы за Вуковар принявшего размах полномасштабной войны, стали прибывать миротворческие силы ООН, характер конфликта в регионе изменился. Боевые действия стали менее активными, крупных территориальных изменений не происходило. Но начиная с мая 1992 г. хорватские вооруженные силы стали проводить небольшие наступательные операции, направленные на достижение постепенного изменения стратегической ситуации в свою пользу. Столкновения в основном носили локальный характер, но имели большое значение для хорватской стороны, причем не столько военное, сколько политическое. «Хорваты потеряли власть над Краиной, они желали ее вернуть любой ценой, вот почему для них не было приемлемо прекращение огня и мирное решение противоречия», — отмечает хорватский исследователь Н. Барич⁵.

Возникает вопрос: чем объясняется весьма агрессивная реализация этих устремлений, если еще 23 января 1992 г. глава хорватского правительства Франьо Грегурич в рамках трехсторонней встречи с Генеральным секретарем ООН Б. Бутросом Гали и президентом союзного комитета СФРЮ Бориславом Йовичем, выражал «готовность сохранить перемирие» и просил направить в регион миротворцев?⁶

Ответ кроется в изменении статуса хорватских земель в рамках международного законодательства. Еще 19 декабря 1991 г. Хорватию признала Исландия, а к 23 декабря закончила процесс признания Германия⁷. Принятие же Хорватии в ООН, состоявшееся 22 мая, сделало существование государства законным в общемировом масштабе.

Именно этими доводами объясняет территориальные притязания и хорватская историография. «В октябре и ноябре 1991 года, несмотря на завоевания юго-сербов, мощное наступление против

Хорватии было остановлено. Хорватская военная, политическая и моральная победа сделала международное признание очевидным, а агрессору пришлось пересмотреть свои военные и политические цели», — отмечает З. Балетич⁸. «Эта военная, политическая и моральная победа приблизила Хорватию к международному признанию, а агрессору пришлось пересмотреть свои военные и политические цели, что выразилось в отказе от покорения всей Хорватии и ограничении лишь теми территориями, которые, как он полагал, должны были войти в состав Великой Сербии», — соглашается с ним Г. Никич, подразумевая под «великосербским проектом» подчинение Белграду территорий РСК⁹.

По мнению хорватских исследователей, пришедших к такому выводу еще в ходе войны (обе работы были написаны в 1993 и 1994 г. соответственно), Сараевское соглашение стало политическим буфером, который уберег страну от реинтеграции в состав Югославии и обеспечил Загребу независимый дипломатический статус. Международная же «полоса признания», закончившаяся 22 мая с принятием Хорватии в ООН, сделала существование государства законным. После того, как этот своеобразный минимум был выполнен, пришло время сосредоточиться на восстановлении территориальной целостности. Тем более что, как отмечает работавший позднее с автором мирного плана С. Вэнсом лорд Д. Оуэн¹⁰, основой для соглашения стали югославские республиканские границы 1945 г., по которым земли с преобладающим сербским населением относились к Социалистической Республике Хорватия¹¹.

Хорватское видение мирного плана воплотилось и в словах президента страны Ф. Туджмана: «Я уверен, что миротворческие силы ООН помогут моей республике вернуть территории, потерянные во время войны. Если силы ООН не смогут обеспечить возвращение этих территорий, тогда их вернут сами хорваты»¹². Стоит добавить, что принятие Туджманом условий Сараевского перемирия и мирного плана Вэнса стало хорошим показательным жестом в адрес международного сообщества. Этот жест продемонстрировал, что хорватские власти готовы к сотрудничеству, хотя внутри страны к соглашению относились критически. Критике подвергалась, в частности, интерпретация, данная одним из авторов плана перемирия М. Гулдингом, из которой следовало, что «законы республики Хорватия в зонах защиты ООН недействительны»¹³.

Для сербской стороны вопрос о плюсах и минусах мирного договора стоял сложнее. С одной стороны, признание «зон защиты» по

плану Вэнса позволило образованной 19 декабря 1991 г. территории под названием Республика Сербская Краина с центром в Книне получить некое юридическое право на существование. Это понимало сербское население непризнанной республики, которое в отличие от хорватов радостно встретило решение о приходе миротворческих сил ООН¹⁴. С другой стороны, дипломатическое положение сербского образования было неочевидным.

Не случайно руководство РСК во главе с М. Бабичем приход миротворцев восприняло настороженно. В своем письме С. Милошевичу, одному из главных инициаторов принятия плана Вэнса, Бабич пытался доказать, что формулировка соглашения подразумевает, что Краина не является независимой, а лишь носит статус территории Хорватии под защитой ООН. Он писал: «Хорватская правовая система не признает существования сербов. Принимая во внимание исторический опыт и нынешние преступления тех, кто создал эту государственно-правовую систему, можно ожидать, что в скором времени произойдет соответствие действительности с данной навязанной установкой. В случае если план Вэнса будет принят, они полностью осуществят свой план по этнической чистке Хорватии»¹⁵.

План Вэнса для руководства РСК был невыгоден еще по одной причине. Соглашение позволило Белграду вывести с территории Краины силы ЮНА, что было важно в условиях разгорающегося конфликта в Боснии и Герцеговине. С прекращением помощи со стороны Белграда бремя обороны республики ложилось на плечи Книна. Не случайно Бабич расценил решение о выводе ЮНА как «недопустимое»¹⁶.

Итак, после дипломатической перегруппировки 1991/1992 гг. на повестке дня перед сторонами возникли следующие задачи. Загреб желал вернуть утраченные территории Сербской Краины. В ее столице Книне царил меньшая определенность. С одной стороны, существовало желание воссоединиться с остальными сербскими землями. С другой стороны, с принятием плана Вэнса для восставших сербов начинался период борьбы не за независимость, но за свои политические права в рамках хорватских границ. Это усугублялось и тем, что официальный Белград не признал РСК как независимое государство¹⁷, что делало невозможным пересмотр плана Вэнса в области юридического статуса сербских районов. Реализация политических и военных планов корректировалась фактором присутствия миротворческих сил ООН.

Одной из первых свой контингент в регион направила Россия. 6 марта 1992 г. Верховный Совет РФ принял решение о выделении

в состав сил ООН одного пехотного батальона численностью в 858 человек¹⁸. Уже в середине апреля он расположился на территории между городами Вуковар и Осиек. Вполне естественно, что российский контингент был тепло встречен местным сербским населением. Как рассказывает один из участников событий полковник Левченко, сербы всячески помогали российским солдатам (наиболее красноречив поступок одного из жителей, который предоставил для расквартирования свой трехэтажный особняк)¹⁹.

Встречная реакция была взаимной. «Российские десантники привыкают к новому статусу ооновца... В разговоре, особенно в начале, настойчиво подчеркивают свою нейтральность. Но потом не скрывают, что им особенно приятно помогать „братьям-славянам“»²⁰. Дипломатическая формулировка корреспондента журнала «Новое время» подтверждается более прямыми словами одного из участника событий от российской стороны, опрошенного автором статьи лично. «Несмотря на официальные формулировки, нам были ближе сербы. Сербь относились к нам очень хорошо, мы в гости к ним ходили, и они к нам в гости ходили... Они были очень гостеприимны. С хорватами мы общались на уровне «Привет-до свидания», в гости они нас не звали, да мы и сами не собирались к ним идти»²¹. Таким образом, на бытовом уровне нейтральные настроения заменялись более естественными для военного времени теплыми взаимоотношениями с очевидными «друзьями» и холодными с возможными «недрузьями».

О том, что отношение к российским миротворцам со стороны хорватов было весьма прохладным, говорит интервью полковника В. Н. Логинова — командира российского батальона в Хорватии («Русбат-1»), данное журналу «Русский вестник». Основная мысль беседы состояла в том, что в отношениях с хорватами постоянно чувствовалась напряженность. «С хорватской стороны постоянно осуществлялись обстрелы как из минометов, так и из стрелкового оружия. Это самые настоящие провокации, которых было очень много — почти каждые сутки, в основном ночью»²². Логинов детально говорил о преступлениях в отношении мирного сербского населения и о нечистоплотности со стороны хорватских журналистов, публиковавших ложные сведения о русбате. При этом полковник подчеркивал следующее: «Никто не может сказать, что наш батальон занимал просербскую или прохорватскую позицию, мы нейтральны. У нас был четкий план, который мы выполняли»²³.

Распространялось ли это только на российских солдат в силу опасений их возможной близости к сербской стороне? Вряд ли. Об

этом можно судить по военной активности в регионе в период 1992–1994 гг. По не лишнему иронии сообщению одного из главных военных руководителей миссии генерала Макензи, «в зонах защиты сравнительно спокойно, в день происходит всего лишь 100–200 случаев нарушения огня»²⁴.

Таким образом, хорватская сторона, несмотря на перемирие и на присутствие сдерживающего фактора в лице УНПРОФОР, от своих планов в отношении сербских земель не отказалась. На практике попытки реинтерации воплотились в 1992–1993 гг. в ряде военных операций:

- 21–22 июня 1992 г. — наступление на Милевацком плато (район городов Крк и Дрниш). Цель — освободить хорватскую деревню Милевцы, находившуюся на сербской территории. Итог — хорватская армия захватила искомые районы.

- 1–13 июля, 20–25 сентября 1992 г. — наступления в районе Дубровника. Имели цель отодвинуть войска ЮНА для того, чтобы усложнить сербской артиллерии обстрелы города. Итог — сербы вывели войска из районов Конавле и Превлакского полуострова (восточнее и юго-восточнее Дубровника).

- 27–28 января 1993 г. — успешное наступление с целью захвата Перучской плотины.

- 22 января — 10 февраля 1993 г. — операция в районе города Масленица. Цель — захватить территории в северной Далмации для того, чтобы отодвинуть войска ЮНА от Задара, Биограда, Шибеника. Итог — успешное наступление хорватских войск.

- 9–17 сентября 1993 — операция в Медакском анклав (г. Госпич). Цель — захватить данный район. Итог — стратегический успех, однако вмешательство канадских миротворцев заставило хорватов вернуться на исходные позиции.

За короткий промежуток с января по апрель 1992 г. хорваты изменили свое отношение к миротворцам. Из гаранта сохранности их государственности миротворцы стали помехой для ее полномасштабного возрождения. Отношение к миротворцам стало меняться и у сербов Краины. Если в период прибытия миротворцев сербское население выказывало им поддержку²⁵, а военные проявляли уважение (текст приказа командира одного из подразделений гласит: «Мы должны показать силам УНПРОФОР своим поведением и личным примером то, что наше подразделение хорошо организовано, упорно, дисциплинированно, культурно и цивилизованно»²⁶), то вскоре настроения изменились. Уже в июле 1992 г. происходят стихийные

митинги недовольных, а командование сербских сил отдает распоряжение отменить проведенную частичную демобилизацию и заново вооружить население в связи с «возможной интервенцией НАТО»²⁷.

Как действовали в обстановке охлаждения отношений сами «голубые каски»? Рассказ Б. К. Ракитина о наступлении на Милевацком плато лучше всего показывает суть происходившего. «За несколько дней до атаки хорваты попросили отказаться от любых боевых действий на период проведения фестиваля детских театров в Шибенике. Сербы дали слово не воевать и отпустили большую часть солдат с позиции домой на побывку. В окопах осталось всего 30% солдат. В день открытия фестиваля хорваты начали наступление. Они легко прорвали сербскую оборону и заняли все плато... Сербы из глубины своих позиций артиллерией остановили продвижение хорватов. Штаб приказал следить за перемещением сербской техники. Куда затем попадали эти сведения, не знаю. Но как показывает мой опыт, высока вероятность того, что они попадали и к хорватам»²⁸.

В данной ситуации у миротворцев ООН было два выбора. Либо самоустраниться, чувствуя свою незащищенность (они были вооружены лишь легким стрелковым оружием) и беспомощность. Либо принять бой, как это произошло во время операции в районе анклава Медак. Канадские и французские миротворцы под командованием подполковника Д. Кельвина приняли бой и более суток сдерживали хорватское наступление. «По оценкам канадских военных, эта операция была крупнейшей битвой Канадской армии за всю послевоенную историю»²⁹. Операция повлекла за собой многочисленные жертвы среди сербского населения. Отметим, что канадские военные собрали информацию о преступлениях, совершавшихся в анклав против мирных жителей, однако она не была предана огласке³⁰.

Как бы ни поступили солдаты «голубых касок», их выбор был ограничен. Миротворцы прибыли в Хорватию для того, чтобы осуществлять соблюдение мирного соглашения, не более того. Их штатная организация и техническое оснащение были направлены для решения именно этой задачи, а не остановки наступающих сил, в распоряжении которых были танки и бронетехника. Безусловно, не было и никакого желания умирать на чужой войне.

Сам вопрос вооруженного нападения вряд ли стоял бы на повестке дня, если бы летом 1992 г. международное сообщество политическими методами добилось исполнения своих требований, ограничивающих военную активность. Речь идет о резолюциях СБ ООН № 762 (13 июня) и № 764 (13 июля), в которых требовалось «прекраще-

тить враждебные военные действия в пределах охраняемых районов Организации Объединенных Наций», отвести вооруженные силы на исходные позиции и «урегулировать свои разногласия через политическое решение проблем в регионе на основе переговоров»³¹. Но хорватские наступления все равно продолжались, а сербы назвали резолюции «мертвым словом на бумаге»³².

Вполне возможно, для того чтобы обуздать все противоборствующие стороны, необходимо было пустить в дело угрозу экономического либо военного характера. Однако этого не было сделано, да и вся политика ООН вплоть до носившего односторонний характер вовлечения в конфликт сил НАТО в феврале 1994 г. показывает, что вряд ли организация была готова пойти на столь бескомпромиссный шаг.

Между тем, слабость как в политике охлаждения пыла разрушителей, так и в реализации мирного соглашения, была быстро обнаружена критиками. В сербской историографии претензии к миротворцам состоят в том, что они не только допустили хорватские нападения, но и запрещали сербской стороне наносить удары по хорватским позициям³³. Хорватская сторона обвиняет посреднические войска в слишком долгом процессе размещения, непрепятствовании обстрелам городов Осиек и Дубровник, допущении этнических чисток и других преступлений, совершенных против хорватского населения³⁴, а также в том, что ООН не ограничила перемещения сербских сил на хорвато-боснийской границе.

Очевидно, что эпизоды каждого из перечисленных явлений имели место. И с сербской, и с хорватской стороны проявления национальной нетерпимости, стремление доказать правоту с помощью оружия и нанести врагу максимальный урон имели губительные последствия для населения, материальных ценностей, архитектурных памятников и репутации сербов и хорватов в глазах мировой общестственности.

Вместе с тем, не стоит забывать, что обе стороны извлекали и выгоды из присутствия международных сил. Хорватские войска могли беспрепятственно концентрировать силы и наносить удары благодаря относительному оперативному спокойствию, созданному «голубыми касками». Для сербов присутствие миротворцев также несло выгоду, ведь теперь они находились под защитой ООН³⁵. Используя защиту УНПРОФОР, они могли продолжать строительство собственного государства. «Подразделения СООНО в секторах помогали сербам в налаживании мирной жизни — раздавали бен-

зин во время посевной, помогали с лекарствами, сотрудничали по хозяйственным вопросам. Это не могло не вызвать гнев у простых хорватов, тревогу у официальных властей, понимавших, что интеграция этих областей в Хорватию может затянуться», — отмечает Е. Ю. Гуськова³⁶. Не исключено, что в ходе этого процесса находилось место и для изгнания несербского населения.

О чем можно говорить уверенно: если бы не присутствие УНПРОФОР, то количество преступлений, совершенных обеими сторонами в 1992–1993 гг., было бы гораздо большим. Благодаря работе миротворцев проводились встречи сербской и хорватской сторон, в ходе которых решались насущные вопросы, связанные с прекращением огня, отводом войск, разминированием и налаживанием коммуникаций. Присутствие ООН помогло появлению определенной кооперации между хорватской и сербской сторонами, которая приводила, например, к появлению возможности для сербов и хорватов пересекать линию фронта, чтобы навестить родственников³⁷ или перевезти больных³⁸.

Самым лучшим примером того, что на местах представители «голубых касок» пытались честно выполнять свою работу, является деятельность полицейских ООН. Они работали преимущественно в так называемых «Розовых зонах» (РОООН) — районах, не входящих в «зоны защиты», в которых проживали преимущественно сербы³⁹. Официально задача полицейских состояла в том, чтобы сгладить противоречия в зонах, снять напряженность и подготовить их интеграцию в состав Хорватии. На практике же им пришлось следить за поддержанием правопорядка и помогать местному населению. Отметим, что состав полицейских работников был интернациональным, что отличало их от военных (вместе могли работать одновременно русский, ирландец, датчанин, кениец, египтянин и бенгалец). Что интересно, служители правопорядка не имели огнестрельного вооружения, притом что им приходилось бывать в ситуациях, в которых оружие было бы весьма кстати⁴⁰.

Поскольку официальная задача, состоявшая в «контроле за поддержанием правопорядка с уделением особого внимания благополучию любых групп меньшинства в этих районах»⁴¹, была сформулирована весьма расплывчато, поначалу полицейские слабо представляли, как они будут выполнять свою работу, при том что местное население относилось к ним настороженно⁴². Однако впоследствии многие из них делом завоевали расположение у местных властей, вовремя предотвращая провокации с целью разжечь национальные

противоречия и оказывая помощь простому населению. «...Самый главный смысл нашей работы был в том, что мы своим присутствием давали людям хоть маленькое, зачастую иллюзорное, но такое необходимое для жизни чувство защищенности, или было бы, наверное, правильнее его определить — неброшенности. Что означает приезд белой полицейской машины с буквами UN на борту в глухую югославскую деревеньку? Это и новости с «большой земли», и продукты питания из гуманитарной помощи, и возможность передать письмо и записку родным. Это — шанс переправить роженицу в больницу, рассказать о вылазках бандитов, о болезнях скота, об отсутствии стройматериалов для ремонта дома, газет, медикаментов, школьных учебников... Просто возможность увидеть новые лица, поговорить с людьми, которых не надо бояться и от которых не надо прятаться в лесу», — судит на основе личного опыта один из командиров интернациональных полицейских станций подполковник В. А. Воробьев⁴³.

Итак, в период с 1992–1993 гг. ситуация в регионе характеризовалась следующим образом. Несмотря на присутствие международных посредников хорватская и сербская стороны, перегруппировав силы, продолжили противоборство. Это стремление было естественным, ведь ни одна из сторон свои стратегические задачи еще не решила. Если у правительства Республики Сербская Краина во главе с М. Бабичем имелись сложности даже с их определением: Сараевское перемирие и мирный план Вэнса оставляли им лишь один выбор — бороться за политические права этнического меньшинства в рамках хорватских границ, то у Загреба определенность в планах была гораздо большей. В ходе дипломатической перегруппировки зимы 1991/1992 гг. хорватское правительство считало, что международное сообщество легитимизировало существование их государства в границах бывшей Социалистической Республики Хорватия. Это давало право на законных основаниях бороться за восстановление хорватского законодательства на восставших сербских территориях, то есть за их реинтеграцию.

Присутствие миротворческих сил ООН повлияло на реализацию планов лишь условно. С одной стороны, противоборство в исследуемый период стало менее активным и разворачивалось вокруг небольших по площади спорных районов. При этом во времена затишья военные, полицейские и дипломаты в целом добросовестно выполняли свою работу, пытались всячески наладить мирное взаимодействие. Когда же вновь говорили пушки, возникали многочисленные и яростные претензии к миротворцам со стороны хорватов и

сербов. Это недовольство было продиктовано желанием решить свои тактические задачи за счет УНПРОФОР, ведь в действительности стороны еще вряд ли были готовы к заключению мира.

Вместе с тем, миротворцы, по-видимому, не имели необходимого плана действий на случай военного обострения. Не была выработана единая линия поведения по отношению к воюющим сторонам. В итоге ситуация в регионе начала постепенно ухудшаться. Если в 1992 г. следствием невозможности обеспечить мир стал рост недоверия со стороны сербского населения и увеличение численности армии РСК⁴⁴, то в начале 1993 г. эффект от миротворческих усилий был фактически сведен на нет. Следствием этого стал всплеск насилия. «Хорваты, оставшиеся в РОООН, во многих случаях подвергались безжалостному преследованию, испытывали страдания в результате убийств, нападений, угроз, вооруженных ограблений и поджогов... Сложилась трагическая в гуманитарном отношении ситуация, которая полностью идет вразрез с обязанностью СООНО (УНПРОФОР)... стремиться к обеспечению совместного проживания хорватских и сербских общин», — характеризовал ситуацию доклад Генерального секретаря ООН Б. Бутроса Гали от 15 мая 1993 г.⁴⁵

Следствием падения авторитета УНПРОФОР стало появление вопиющих актов нападений на сотрудников миссии и их убийства⁴⁶. В итоге, к концу 1993 г. миссия ООН в Хорватии попала в тяжелую ситуацию, из которой существовало три выхода:

Первый — остановить деятельность мандата и пустить ситуацию на самотек. «В момент, когда имеется огромный спрос на деятельность Организации Объединенных Наций по поддержанию мира во всех районах мира, представляется ненормальным, что нынешнее развертывание СООНО представляется как неудовлетворительное обеими сторонами», — предлагал Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос Гали в докладе от 15 мая 1993 г.⁴⁷

Второй — принять хорватскую либо сербскую сторону в процессе разрешения конфликта. Это решение фактически поставило бы УНПРОФОР в состояние войны с одной из сторон.

Третий — оставить УНПРОФОР в текущем положении, без изменения мандата, однако несколько увеличить военный потенциал миссии. «Единственным оправданием для этого варианта является высокий риск, связанный с двумя другими вариантами», — отмечал Б. Бутрос Гали в том же докладе от 15 мая 1993 г.⁴⁸

Как видим, руководители миссии, Совет Безопасности и Генеральный секретарь ООН решили выбрать вариант невмешательства

в надежде на то, что верное решение подскажет логика развития ситуации. К концу 1993 г. решение пустить ситуацию на самотек представлялось логичным, ведь в это же время юго-восточнее, в Боснии и Герцеговине, разворачивались события, не менее сложные по своему характеру, но гораздо более кровавые по сути. Но, выбрав этот вариант, ООН отказалась и от роли авторитетной для сербов и хорватов силы, к которой стоит прислушиваться. Объединенные Нации, потерпев неудачу в Хорватии в 1992–1993 гг., предоставили право определять карту бывшей Югославии региональной организации — НАТО. Она, руководствуясь собственными стратегическими интересами, позволила Хорватии весной–летом 1995 г. провести восстановление собственной государственности в полном объеме посредством военных операций «Блеск» и «Буря».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Республика Сербская Краина (РСК) — непризнанное государство хорватских сербов со столицей в г. Книн, существовавшее в период с 1991 по 1995 г. Находилось на территории областей: Западная и Восточная Славония, Баранья, Северная Далмация, Лика, Кордун, Бания.
- 2 Мирный план, разработанный в декабре 1991 г. бывшим госсекретарем США С. Вэнсом и заместителем Генерального секретаря ООН по политическим вопросам М. Гулдингом. Он предусматривал создание на линии сербо-хорватских противоречий в Западной и Восточной Славонии и Далмации четырех «Зон Защиты Объединенных Наций» (ЗЗОН) или United Nations Protected Areas (UNPAs). Можно выделить три главных принципа, лежавшие в основе операции: 1. Вывод ЮНА со всей территории Хорватии; 2. Демилитаризация ЗЗОН; 3. Продолжение функционирования на временной основе существующих местных властей и полиции под наблюдением Организации Объединенных Наций. См.: Очередной доклад Генерального секретаря, предоставляемый во исполнение резолюции 721 (1991) Совета Безопасности (4 февраля 1992) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Т. 1. С. 113.
- 3 Согласно данным югославского Союзного статистического института, в Хорватии в 1991 г. из 4 760 344 человек населения сербы составляли 580 762 или 12,2%. По переписи 1981 г. из 6650 населенных пунктов Хорватии сербы составляли этническое большинство в 1019 из них, то есть в 15,3%. Сербское население компактно раз-

- мещалось на 32% территории Хорватии. Часть сербов проживала в городах, где большинство составляли хорваты. Например, в общине Загреб сербов было около 9%. См.: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса. М., 2001. С. 127.
- 4 Резолюция 743 (21 февраля 1992) // Международные организации и кризис на Балканах. С. 22.
 - 5 *Barić N.* Srpska pobuna u Hrvatskoj 1990–1995. Zagreb, 2005. S. 155.
 - 6 Ibid. P. 150.
 - 7 *Kinzer S.* Croatia and Slovenia get Bonn's Nod // The New York Times. 24 декабря. 1992. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1991/12/24/world/slovenia-and-croatia-get-bonn-s-nod.html?ref=croatia>
 - 8 *Baletić Z.* UNPROFOR in Croatia // *Politička misao — Croatian Political Science Review*. 1993. Vol. 2. № 2. P. 45.
 - 9 *Nikic G.* Pt. 6 «UNPROFOR in Croatia», article «The Internalization of the conflict» // *Croatia Between Agression and Peace*. Zagreb, 1994. Режим доступа: <http://www.hic.hr/books/croatia-between/part-01.htm>
 - 10 Сайрус Вэнс (1917–2002) — американский государственный деятель, в 1991 г. — специальный представитель Генерального секретаря ООН в Хорватии. Лорд Дэвид Оуэн (р. 1938) — министр иностранных дел Великобритании (1977–1979). С 1992 г. — сопредседатель Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ).
 - 11 *Owen D.* *Balkanska Odiseja*. Zagreb, 1998. S. 69.
 - 12 *Бјелановић М.* «Подривање и пад Републике Српске Крајине... План 3–4 велика обмана и лаж» // *Грађански рад у Хрватској 1991–1995*. Београд, 2005. С. 157.
 - 13 *Baletić Z.* UNPROFOR in Croatia. P. 47.
 - 14 Сообщение штаба Территориальной обороны РСК о реакции народа на приход сил ООН. См.: *Republika Hrvatska i Domovinski Rat 1990–1995. Dokumenti*. Zagreb, veljača 2008. Knj. 4. S. 3.
 - 15 Письмо Милана Бабича Слободану Милошевичу от 11 января 1992 года // *Republika Hrvatska i Domovinski Rat 1990–1995*. S. 9.
 - 16 *Barić N.* UNPROFOR in Croatia. S. 151.
 - 17 Ibid. S. 158.
 - 18 *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса. С. 408.
 - 19 *Сысоев Г.* Тысяча «зеленых» за голубую каску // *Новое время*. 1992. № 15. С. 33.
 - 20 Там же. С. 33.
 - 21 Свидетельство санинструктора отдельного 554-го пехотного батальона (апрель 1992 — середина 1993 г.) и 689-го пехотного батальона Дарькина А. Т. // Личный архив автора.

- 22 В. Н. Логинов — «Русскому вестнику» (декабрь 1992 г.) // Югославский кризис и Россия. М., 1993. Т. 2. С. 308.
- 23 Там же. С. 308.
- 24 MacKenzie L. Peacekeeper, The Road to Sarajevo. Vancouver; Toronto, 1993. P. 153.
- 25 3 февраля 1992 г. — известие о реакции сербского народа на приход сил ООН. См.: Republika Hrvatska i Domovinski Rat 1990–1995. Dokumenti. Zagreb, veljača 2008. Knj. 3. S. 3.
- 26 3 июня 1992 — приказ командира бригады Бенковац подполковника Момчило Богуновича своим войскам. См. там же. S. 529.
- 27 Republika Hrvatska i Domovinski Rat. Zagreb, ožujak, 2009. Knj. 5. S. 64, 114.
- 28 *Ракитин Б. К.* Воспоминания о чужой войне? // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 73.
- 29 *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса. С. 404.
- 30 Там же.
- 31 Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1. С. 34.
- 32 *Бјелановић М.* «Подривање и пад Републике српске крајине...». С. 158.
- 33 Там же. С. 161.
- 34 *Nazor A.* Od oružane pobune srba u Hrvatskoj do oslobodilačke operacije «Oluja» (prilozi za razumijevanje povijesnog procesa u Hrvatskoj od kolovoza 1990. do kolovoza 1995.) // Specijalna Policija MUP-A RH u oslobodilačkoj operaciji «Oluja» 1995. (Prilozi). Zagreb, 2007. S. 91.
- 35 Перед началом каждого крупного наступления командующие территориальных сил РСК отправляли командующим секторов ООН письма с извещением о приготовлениях хорватской стороны и просьбой о защите // Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata. Zapljen. Dok. s odnosima s UN-om i UNCRO-om.
- 36 *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса. С. 403.
- 37 План комиссии МВД РСК по сотрудничеству с УНПРОФОР по организации посещения гражданами Шибеника и Задара родственников в РСК — 16 июля 1992 г. См.: Republika Hrvatska i Domovinski Rat. Zagreb; Slavonski Brod, ožujak, 2006. Knj. 6. S. 45–46.
- 38 Уведомление комиссии МВД РСК по сотрудничеству с УНПРОФОР о возможности перевести хорватов из больницы в Удбине через территорию РСК на территорию Хорватии — 4 декабря 1994 г. См.: Republika Hrvatska i Domovinski Rat. Knj. 6. S. 408.
- 39 Районы городов Задар, Биоград, Бенковац, Дрниш и Синь.

- 40 См.: *Воробьев В. А.* Легко ли быть миротворцем? // Наши миротворцы на Балканах. С. 131–151.
- 41 Очередной доклад Генерального секретаря во исполнение резолюции 752 (1992) Совета Безопасности (26 июня 1992 г.) // Международные организации и кризис на Балканах. Т. 1. С. 124.
- 42 На основании воспоминаний Б. К. Ракитина и В. А. Воробьева. См.: Наши миротворцы на Балканах.
- 43 *Воробьев В. А.* Легко ли быть миротворцем? // Наши миротворцы на Балканах. С. 143.
- 44 Очередной доклад Генерального секретаря, предоставляемый во исполнение резолюции 743 (1992) Совета Безопасности (24 ноября 1992) // Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1. С. 135.
- 45 Очередной доклад Генерального секретаря, предоставляемый во исполнение резолюции 815 (1993) Совета Безопасности (15 мая 1993) // Там же. С. 164.
- 46 Там же. С. 165.
- 47 Там же. С. 166.
- 48 Там же. С. 167.

Pivovarenko A. A.

Republic of Croatia and Peacemakers of the UN in 1992–1993

The author analyses the interrelations of the peacemakers forces of the UN (UNPROFOR) and opposing sides of the Croatian war of 1991–1995 — Croats and Serbs of Krajina. Unavailability of the both sides for a peace agreement defined the continuity of the fight in spite of the presence of international mediators.

Key words: *Croatia, Republic of Serbian Krajina, UNPROFOR, Franjo Tuđman, Milan Babic, Slobodan Miloshevic, the plan of Vance.*

А. В. Осипова
(Москва)

Эскалация косовского конфликта в 1998 — марте 1999 г.

Статья посвящена важному, но мало изученному периоду косовского кризиса накануне натовских бомбардировок Югославии, когда в Косове и Метохии партизанская война переходила в вооруженные столкновения между Освободительной армией Косова и сербской полицией и армией.

Ключевые слова: *Освободительная армия Косова (ОАК), Ораховац, Рачак, Дреница, Адем Яшари, Хашим Тачи, Рамуш Хардинай.*

Большинство исследователей склонны относить начало активной фазы боевых действий между Освободительной армией Косова (ОАК) и силами сербской полиции к концу февраля 1998 г., когда была проведена крупная операция сербской полиции в селе Доньи-Преказ. Однако прежде чем перейти к исследованию тех событий, необходимо охарактеризовать уровень подготовленности ОАК к ведению боевых действий, а также соотношение сил противостоящих сторон.

О численности ОАК на разных этапах вооруженного сопротивления существуют лишь приблизительные данные. Известно, что массовый приток новых членов в ОАК происходил весной 1998 г., после событий в Доньи-Преказе. В июле–августе 1998 г. в ходе контрнаступления сербских сил безопасности численность ОАК резко сократилась. Период с середины октября (подписание соглашения между югославским президентом С. Милошевичем и американским спецпредставителем на Балканах Р. Холбруком) до начала бомбардировок СРЮ авиацией НАТО был использован ОАК для новой консолидации сил и пополнения своих рядов.

К началу 1998 г., по оценкам М. Миялковского, в Косове и Метохии (Космет, КиМ) находилось около 10 000 боевиков ОАК¹. Согласно данным, приводимым в книге «Геополитика и терроризм», летом 1998 г. их было вдвое больше — около 20 000².

По расчетам сербского журналиста М. Дрецуна, соотношение сил в Косове к концу 1998 г. выглядело следующим образом. В Алба-

нии находилось около 15 000 бойцов террористической ОАК. Около 2000 из них прибыло из стран Западной Европы. Этим силам оказывали помощь отряды МВД и армии Республики Албания (6000–8000 человек), которые располагались вдоль югославо-албанской границы. В Косове было около 20 000 террористов, организованных в оперативные зоны³.

Численность сербских сил, по данным, приводимым тем же М. Дрецуном, состояла из 75 000 военнослужащих Приштинского корпуса армии Югославии, 15 000–17 000 сотрудников МВД и около 10 000 вооруженного населения⁴. При этом следует отметить, что до июля 1998 г. армия Югославии не принимала участия в вооруженном противостоянии с отрядами ОАК на территории Косова и участвовала только в столкновениях, происходивших на границе с Албанией. Армия принимала участие в боях, происходивших в Косове с 25 июля по 29 сентября 1998 г., когда в крае проводилась анти-террористическая операция.

В своей книге бывший президент Финляндии и представитель ЕС на переговорах в связи с косовским кризисом М. Ахтисаари приводит несколько другие сведения о численности сербских сил безопасности в крае: «В Косове в конце 1998 г. было немногим более 10 000 военных и столько же сотрудников полицейских сил безопасности министерства внутренних дел. В следующем году численность вооруженных сил в Косове была увеличена и достигла 25 000, а полицейских сил безопасности — 16 000»⁵.

Среди бойцов ОАК преобладали молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Как отмечает в своей статье Б. Димитриевич, 1978 год рождения преобладал в группах боевиков, захваченных в конце апреля 1998 г.⁶.

Во всех албанских населенных пунктах Косова составлялись списки военнообязанных граждан, и проводилось их распределение по военным отрядам. Затем рассылались повестки о мобилизации по принципу один мужчина от каждого дома. В 1998–1999 гг. из-за больших боевых потерь руководство ОАК приступило к принудительной мобилизации в свои ряды новых бойцов. Известно, что в периоды наиболее ожесточенных сражений с сербской полицией в рядах ОАК состояли также женщины и подростки.

Значительное число бойцов ОАК составляли албанские добровольцы из стран Западной Европы. Кроме того, в рядах ОАК сражались наемники из соседних Албании, Хорватии, Боснии, а также арабских стран. М. Дрецун приводит сведения о том, что в мае 1998 г.

по фальшивым документам на территорию Косова и Метохии прибыл иранский отряд моджахедов, который был поделен на семь групп так, что в каждой оперативной зоне ОАК находилась одна группа этих бойцов⁷. Помимо моджахедов из арабских стран, в рядах ОАК сражались и моджахедские отряды из Боснии и Герцеговины. Так, по данным, которые приводит М. Дрецун, «в течение марта–апреля 1998 г. около 300 бывших членов разведывательно-диверсионных отрядов („Черные лебеди“, „Голуби мечети“ и „Желтые осы“) мусульманской армии БиГ нелегально из Албании проникли в СРЮ и присоединились к террористическим отрядам ОАК»⁸.

Данные о численности иностранных наемников весьма приближительны. Как правило, исследователи оценивают ее в 300–800 боевиков⁹. Также в научных публикациях приводятся суммы, которые получали наемники за участие в боевых действиях — месячная зарплата обычных наемников составляла 1000–5000 немецких марок в месяц, зарплата инструкторов доходила до 30 000 марок в месяц¹⁰.

Существуют разные данные о лагерях по подготовке боевиков ОАК. Есть некоторые предположения о подготовке албанских боевиков в Иране и других мусульманских странах, а также в странах Западной Европы, в частности в Германии. Но наиболее многочисленные и обоснованные данные о базах по обучению боевиков относятся к странам балканского региона. По сведениям бывшего министра иностранных дел СРЮ Живадина Йовановича, обучение проводилось в Албании в специальных лагерях сначала около Тираны, а позднее — в Элбасане, Куксе, Тропое, Пескопеи, Хазе и Фиерзи. Лагерь также располагались в Западной Македонии и в самом Косове¹¹.

Что касается внутренней структуры ОАК, то известно, что главнокомандующим ОАК был Агим Чеку, генерал хорватской армии. Под его руководством территория Косова была поделена на 7 оперативных зон — Лаб, Дреница, Шаля, Неродимле, Дрим, Дукаджин и Паштрик.

Несколько другие данные о расположении и численности отрядов ОАК приводятся в книге «В чем обвиняют Югославию?». В ней говорится, что «наибольшая концентрация террористов отмечалась в следующих районах: Шаля — около 2500, Чичавица — около 2000; Дреница — около 3500, Сува-Река — около 3000, Ораховац — 1500, Глождане — около 3000, Юник — около 2000, Жур — около 1500; Ябланица — около 3000, Ругово — около 1500 вооруженных боевиков. В каждом из перечисленных населенных пунктах были сформированы штабы, руководящие террористическими акциями и

вооружением местного населения, а также три региональных штаба (в Дренице, Малишеве и Ябланице) и Генеральный штаб „ОАК“, располагавшийся в Малишеве»¹².

Следует заметить, что расположение в селах было одной из отличительных черт ОАК. Такая тактика позволяла бойцам при необходимости выдавать себя за мирное население. С другой стороны, в полицейских операциях, проводимых МВД Сербии против боевиков, страдало значительное количество мирных жителей, поскольку отличить мирное население от боевиков в таких условиях было весьма затруднительно.

В течение всего периода боевых действий в Косове в различных районах края столкновения проходили с разной интенсивностью. Наиболее прочно ОАК закрепились в районах центрального Косова (общины Србица, Малишево, Клина, Глоговац). Данный регион носит собирательное название Дреница. К 1998 г. в указанном районе практически не осталось сербского населения, а оставшиеся сербы подвергались особенно сильным притеснениям со стороны албанцев.

К началу 1998 г. сербские власти утратили какой бы то ни было контроль над этим районом, и Дреница превратилась в так называемую «освобожденную территорию», которая полностью находилась в руках ОАК. Вооруженные албанцы устанавливали патрули и блокпосты на дорогах, досматривали проезжавшие автомобили, проверяли документы, требуя для проезда по территории Дреницы разрешительные документы, выданные албанскими лидерами.

В течение 1998 — начала 1999 г. нападения ОАК происходили не на всей территории Косова, около трети из 30 общин Косова не были затронуты активной деятельностью ОАК, и обстановка в этих районах была относительно спокойной. В общинах Лепосавич, Звечан и Зубин-Поток, расположенных на севере Косова и примыкающих к основной части Сербии, абсолютное большинство населения составляли сербы, что не давало возможности ОАК закрепиться на этой территории. В общине Гора, расположенной на самом юге Косова между Албанией и Македонией большинство населения составляли горанцы (сербы-мусульмане), которые также не поддерживали ОАК. В расположенных на востоке края общинах Косовска-Каменица, Гнилане, Ново-Брдо, Витина и в южной общине Штрпце значительную часть населения составляли сербы, и в этих общинах находилось значительное число сербских сел, что затрудняло ОАК закрепление на этой территории. Кроме того, данные районы находились вдали от Албании и каналов, по которым в Косово поступали оружие

и добровольцы, в связи с чем указанные общины не представляли стратегического интереса для ОАК.

Помимо этого, ОАК не имела опорных пунктов в столице края Приштине, поскольку там были слишком сильны позиции умеренного лидера косовских албанцев Ибрагима Руговы и его партии — Демократической лиги Косова (ДЛК). Следует заметить, что активность ОАК в городах была существенно меньше, чем в сельской местности, и во многих косовских городах жизнь протекала достаточно спокойно, в то время как в сельских районах происходила вооруженная борьба.

Считается, что к началу 1998 г. под контролем ОАК находилось около 40% территории Косова. Цифра эта весьма условна, поскольку на настоящий момент еще не составлено географических карт, точно отражающих места дислокации ОАК и районы, находившиеся в то или иное время под ее контролем. По данным ООН, «Освободительная армия Косово предположительно контролировала район площадью 3000 кв. км, включая порядка 250 деревень с общей численностью населения 700–800 тысяч человек, большинство из которых находятся в районе Дреницы»¹³.

По официальной статистике, членами ОАК в 1998 г. на территории Косова и Метохии в 1884 терактах было убито 288 человек, из которых — 173 мирные граждане и 115 — представители Министерства внутренних дел Сербии. В этих акциях 216 полицейских тяжело и 187 легко ранены. Из 15 похищенных членами ОАК полицейских трое убиты, столько же выпущены на волю, а судьба девяти остается неизвестной. В нападениях ОАК на мирных граждан ранено 158 граждан, из которых 78 — тяжело. Среди раненых большинство составляют сербы и черногорцы (74), албанцы (72) и другие. Членами ОАК похищено 292 гражданина, из которых: 173 — сербы и черногорцы и 100 — албанцы. Из этого числа 31 человек убит, девяти — удалось бежать, 110 — освобождено, а судьба 142 человек остается неизвестной¹⁴.

По данным, которые приводит в своей книге М. Дрецун, в период с 1 января 1998 по 24 марта 1999 г. албанские террористы совершили 2491 террористический акт, из которых 1484 — против сотрудников и объектов МВД Сербии. В этих акциях убито 140 сотрудников МВД, 260 — тяжело ранено, 244 — легко ранено, 16 — похищено. В тот же период совершено 1007 террористических нападений на мирное население и гражданские объекты, в которых убито 286 граждан (74 серба, 152 албанца, три мусульманина, семь цыган, один турок и 51

не идентифицированы). Ранено 326 граждан. Албанские террористы похитили 352 гражданина (191 серба, 139 албанцев, 14 цыган, двух мусульман, одного гражданина Македонии и пять граждан других национальностей), из них 45 было убито, судьба 160 похищенных неизвестна, 15 сбежало, 132 отпущено на свободу¹⁵.

Точных данных о числе албанцев, убитых в ходе боевых действий, нет. По официальным данным, в период с января по август 1998 г. погибло около 600 албанцев¹⁶. По данным, которые приводит в своей книге Р. Гачинович, до 1 сентября 1998 г. в столкновениях с армией погибло от 2000 до 2500 террористов, 450 из них — на границе с Албанией, 3000 было ранено и 1500 самовольно покинуло ряды ОАК¹⁷.

Только за 1998 г. по официальной статистике число чисто албанских сел, в которых не осталось сербов, в Косове увеличилось с 703 до 793¹⁸. Албанские источники, напротив, сообщают, что «сербские силы» в 1998 г. уничтожили более 450 албанских населенных пунктов¹⁹.

В первые два месяца 1998 г. обстановка в Косове была относительно спокойной в том плане, что столкновения боевиков с полицией и нападения на мирное население не носили массового характера и были не очень масштабными. Тем не менее те или иные относительно мелкие инциденты происходили в крае почти каждый день. В это время география нападений не очень широка — абсолютное большинство из них происходит в области Дреницы, также достаточно неспокойно в это время в общине Подуево, отдельные нападения отмечались в Метохии. За первые полтора месяца 1998 г. было убито «всего» семь мирных граждан и полицейских.

Первый крупный инцидент, положивший начало дальнейшей эскалации насилия произошел 28 февраля 1998 г. в селе Ликошане в общине Глоговац. В этот день на дороге, ведущей в село, было совершено несколько вооруженных нападений на сербскую полицию. И полиция, и боевики в течение дня получили подкрепление, завязался бой. Борьба шла до поздней ночи. Действиями сотрудников МВД в столкновениях в районе Ликошан было убито 16 и задержано девять боевиков.

События 28 февраля считаются началом наступления против повстанцев Освободительной армии Косова в районе Дреницы.

Однако поворотным событием, положившим начало широкомасштабным боевым действиям в Косове, стала, как уже упоминалось, операция полицейских сил в селе Доньи-Преказ в общине Србица 5 марта 1998 г. Перестрелка началась рано утром в селе Лауша, где полицейский патруль подвергся нападению со стороны боевиков ОАК.

После полудня террористы были разбиты на мелкие группы и стали отступать из Лауши. Преследуя отступавших, полиция вошла в село Доньи-Преказ, где террористы забаррикадировались в доме одного из лидеров ОАК Адема Яшари. По сообщениям сербских источников, мирному населению была дана возможность в течение двух часов покинуть село. В ходе боевой операции было ликвидировано 54 албанца, в основном — родственники Адема Яшари и он сам. Известно, что среди убитых в Доньи-Преказе было две женщины и ребенок, скорее всего также родственники Адема Яшари.

События в Доньи-Преказе дали почву для разговоров, как в среде албанцев, так и на Западе, о массовом убийстве мирного албанского населения. На этом фоне в албанской среде возросла популярность ОАК, а Адем Яшари стал национальным героем. После событий 5 марта ряды ОАК начали стремительно пополняться новыми добровольцами.

Следует признать, что в борьбе с боевиками ОАК силы сербской полиции действовали достаточно жестко. При взятии сел часто использовались танки, артиллерия и вертолеты. При этом тактика ОАК, предполагавшая сосредоточение боевиков в селах, делала неизбежными жертвы среди мирного населения, которое зачастую поддерживало ОАК.

Боевые действия в Доньи-Преказе показали, насколько хорошо в этом регионе ОАК была подготовлена к ведению сепаратистской войны. По сведениям белградской «Политики», «территория вокруг Србицы завоевывалась практически от бункера к бункеру»²⁰. В Доньи-Преказе полицейские обнаружили три больших бункера и один блиндаж, в двух из них были полевые госпитали с операционными, оборудованными аппаратами для реанимации, анестезии, несколько больничных коек и большое количество медицинских препаратов. В третьем бункере находился склад оружия и боеприпасов, а также командный пункт, оснащенный средствами связи²¹.

После событий 5 марта в Косове на некоторое время наступает относительное затишье, и в крае происходят только мелкие вооруженные инциденты. При этом число террористических нападений неизменно растет, например в период с 7 по 17 марта в одной только общине Печ было совершено 17 нападений ОАК, в которых погибло три человека, а многие были ранены²².

Несмотря на значительно обострившуюся ситуацию, политическое руководство Сербии предпринимало некоторые попытки для налаживания контактов с умеренным косовским руководством. В

середине марта между С. Милошевичем и И. Руговой было достигнуто соглашение о начале мирного диалога по разрешению косовской проблемы. 23 марта сторонами была подписана договоренность о мерах по осуществлению Соглашения в сфере образования 1996 г., что должно было нормализовать систему образования в Косове и вывести из подполья «параллельные» учебные заведения.

24 марта в общине Дечаны происходит новое крупное вооруженное столкновение ОАК с полицией по сценарию, похожему на события в Доньи-Преказе. На автодороге Дечаны–Джаковица возле села Дубрава полицейский патруль подвергся нападению из засады. Подоспевшее подкрепление из Дечан начало преследование террористов в направлении сел Грамочель и Глоджане. В селе Глоджане боевики забаррикадировались в нескольких домах и после ожесточенной перестрелки с полицией начали отступать в сторону Ябланицы. В селе было обнаружено несколько бункеров, командный центр, оснащенный радиооборудованием, а также большое количество складированного оружия. В ходе вооруженного столкновения было ликвидировано свыше 40 боевиков, десять были захвачены.

Реакция международного сообщества на события конца февраля — начала марта в Косове не заставила себя долго ждать. 9 марта на встрече в Лондоне международная структура по урегулированию югославского кризиса — Контактная группа (КГ) выступила с осуждением действий сербской полиции против, как заявлялось, мирного населения. В принятом на заседании КГ заявлении значилось: «Мы осуждаем крупномасштабные действия полиции за последние 10 дней, которые еще более воспламенили уже и без того неустойчивую ситуацию. Насильственное подавление ненасильственного выражения политических взглядов совершенно неоправданно»²³.

По данным международных организаций, столкновения ОАК с полицией вызвали волну беженцев из района боевых действий: «Недавняя волна насилия в провинции Косово привела к гибели около 80 человек и вызвала перемещение населения, главным образом женщин и детей. Наиболее затронутой оказалась община Србица. Поступающие сообщения говорят, что к настоящему времени порядка 10 000 человек переселились в соседние общины Митровица, Обилич, Вучитрн и Липлян, в то время как большое их число переселились в Черногорию, чтобы быть со своими семьями»²⁴.

31 марта Резолюцией СБ ООН № 1160 вводилось эмбарго на поставки вооружения в Югославию. Также правительству Югославии предписывалось, чтобы оно «вывело специальные полицейские под-

разделения и прекратило деятельность сил безопасности, затрагивающую гражданское население»²⁵.

В апреле в Косове не было крупномасштабных столкновений ОАК с полицией. В это время преобладали традиционные мелкие нападения на полицейские станции и мирных жителей. Наибольший резонанс вызвало очередное убийство ОАК нелояльных албанцев — 6 апреля на трассе Ораховац–Малишево в селе Царевац было найдено шестеро убитых албанцев, похищенных боевиками 2 апреля. Все они в свое время высказывались против ОАК и террористических методов борьбы.

В ночь на 23 апреля произошел крупнейший до того времени приграничный инцидент, когда в районе погранзаставы Кошаре около 200 вооруженных боевиков попыталось перейти из Албании в Косово. В результате завязавшейся перестрелки 16 из них было убито.

Следует заметить, что в 1998 г. из месяца в месяц число приграничных инцидентов и попыток нелегального пересечения югославско-албанской границы постоянно увеличивалось и пошло на спад только в конце лета — начале осени, когда позиции ОАК были сильно подорваны в ходе антитеррористической операции сербских сил безопасности, проходившей в период с 24 июля по 29 сентября 1998. В 1998 г. было зафиксировано 195 пограничных инцидентов, боевики совершили нападения на 23 погранзаставы. Наиболее часто подвергались нападению погранзаставы «Кошаре» (29 раз), «Морина» (21), «Горожуп» (17), «Врбница» (12), «Деян Раданович» (7)²⁶.

Май 1998 г., так же, как и апрель, характеризовался большим числом относительно мелких нападений боевиков на полицию и мирных жителей. Такие нападения происходили ежедневно, как правило в них бывало убито по 1–2 человека. Наиболее крупным из таких инцидентов была серия скоординированных одновременных нападений на полицейские патрули в общине Джаковица 3 мая. В результате завязавшейся перестрелки было ликвидировано порядка 10 боевиков. Другим значительным событием, произошедшим в конце мая, стала попытка ОАК перерезать в нескольких местах трассу Печ–Дечаны–Джаковица и установить свой контроль в приграничных с Албанией районах края.

15 мая в Белграде С. Милошевич и И. Ругова договорились о начале переговоров по политическому урегулированию косовской проблемы. 22 мая в Приштине прошло первое рабочее заседание делегаций сторон. Но в результате дальнейшего обострения ситуации, связанного с боями за трассу Печ–Дечаны–Джаковица, едва наметившийся диалог по решению проблемы Косова вновь сорвался.

По сообщениям приштинского медиа-центра, с начала года до 27 мая в Косове было совершено 395 террористических нападений, в результате которых погибло 14 полицейских, 51 был ранен, погибло 25 мирных граждан, из которых четыре были сербами, а остальные албанцами²⁷.

В июне наиболее активно ОАК действовала в метохийских общинах Дечаны и Джаковица. В ночь на 8 июня из пулеметов были обстреляны сербские села Бане и Суво-Грло в общине Србца. В июне ОАК пыталась установить контроль над территориями, прилегающими к Албании. Многочисленные столкновения боевиков с полицией происходили в окрестностях автомобильных трасс Печ–Дечаны, Джаковица–Призрен и Приштина–Печ.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан об этих событиях в своем докладе сообщал: «Сербы заявляют, что их действия носили чисто антитеррористический характер, и говорят лишь о „ничтожном“ числе жертв, в то время как албанцы настойчиво утверждают, что убитых много (достоверных данных о числе жертв нет, однако, как указывают некоторые неофициальные источники, погибших может быть больше 200 человек). По единодушному мнению многих наблюдателей, зона и масштабы проведения боевых операций подтверждают утверждение о том, что в Косове сейчас идет партизанская война»²⁸.

16 июня в Москве по настоянию российского руководства Милошевич подписал «Московские соглашения», согласно которым Югославия выражала готовность продолжить переговоры по всему комплексу проблем, включая формы автономии края; не осуществлять репрессивные действия против мирного населения; для налаживания доверия обеспечить свободу передвижения на всей территории Косово; гарантировать полный доступ в край гуманитарных организаций, включая Международный комитет Красного Креста (МККК) и Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ); не ограничивать возможности ознакомления с ситуацией дипломатическим представителям иностранных государств, аккредитованных в СРЮ, и международным организациям. Кроме того было решено продолжить переговоры о размещении в крае миссии ОБСЕ.

Как пишет в своих воспоминаниях Е. М. Примаков, «самым болезненным стал вопрос о выводе из Косово югославского спецназа. На наши настойчивые просьбы Милошевич отвечал: „Поймите, что без прекращения активных действий ОАК даже объявление о возможности такого вывода приведет теперь уже к волне сербских беженцев

из Косово⁴. В конце концов, остановились на формулировке: по мере прекращения террористической активности силы безопасности будут сокращать свое присутствие вне мест постоянной дислокации»²⁹.

Московские соглашения были настоящим дипломатическим прорывом и смогли на некоторое время несколько ослабить давление Запада на Югославию.

Во второй половине июня значительно увеличилось число похищений мирных жителей из метохийских сел. Например, в одном только селе Грабовац около Косово-Поля 22 июня было похищено девять сербов. 23 июня в селе Еловац в общине Клина было сожжено 12 сербских домов³⁰. Всего в течение июня произошло 20 нападений на сербские села, в июле — около 40³¹.

Временем наиболее ожесточенной борьбы и наиболее трагических событий можно назвать июль 1998 г. Наряду с уже традиционными нападениями на полицию и мирных граждан, похищениями, обстрелами сербских сел в это время в Косове разворачиваются события, прежде невиданные по своему размаху и жестокости.

В это время появляется все больше информации о страшной судьбе похищенных мирных граждан и сотрудников сил безопасности. Как пишет в своих воспоминаниях бывший главный прокурор Гаагского трибунала К. дель Понте, «Обвинительная канцелярия получила сообщения, что в 1998 и 1999 гг. бойцы ОАК похитили сотни сербов, цыган, албанцев и представителей других этнических групп. Некоторые из этих пленников содержались в близлежащих лагерях, некоторые — в подвалах, на 30 сантиметров залитых застоявшейся водой, некоторых держали в загонах для скота, некоторые жестоко избивались, некоторые насильовались, некоторые подвергались издевательствам, некоторые были убиты, а некоторые просто исчезли»³².

18 июля в Косове разворачиваются наиболее широкомасштабные боевые действия, которых до этого в крае еще не было.

В ночь на 18 июля происходит беспрецедентная попытка прорыва албанских боевиков из Албании на территорию Косова. Этот случай так описан в ноте Министерства иностранных дел СРЮ: «18 июля 1998 г. в 2 часа 00 минут между межевыми знаками Ц-1 и Ц-2 в зоне ответственности застав «Джеравица» и «Кошаре» (пограничный округ Джаковица) большой отряд вооруженных террористов в количестве от 700 до 800 человек в сопровождении навьюченных лошадей несколькими колоннами вступил на нашу территорию и напал на наших пограничников. Защищая границу на большом участке в 5–6 километров, югославские пограничники разбили террористи-

ческие силы на несколько мелких групп, уничтожили большое число (более 30) террористов и захватили большое количество единиц оружия и амуниции»³³.

В тот же день отряды ОАК впервые за все время боевых действий нападают на город — их мишенью стал метохийский общинный центр Ораховац. Это событие ознаменовало собой переход ОАК от партизанской войны к крупномасштабным боевым действиям.

Нападение на Ораховац началось во второй половине дня 17 июля. Город был окружен отрядами боевиков со всех сторон. Первыми подверглись нападению автобусная станция, санаторий и пожарная станция на юге города, затем началось общее наступление со всех сторон в направлении полицейской станции, которая находилась в центре города. Одновременно с Ораховацем многочасовому нападению были подвергнуты метохийские села Велика-Хоча и Зочиште. 19 июля после ожесточенных боев террористы были разбиты прибывшими полицейскими отрядами.

Более сотни мирных жителей из Ораховаца и окрестных сел Оптеруша, Ретимле и Зочиште было похищено боевиками. Среди них были и захваченные в санатории врачи, пациенты, беременные женщины и дети, а также семь монахов из монастыря Зочиште³⁴.

Нападение ОАК на Ораховац стало поворотным пунктом в развитии боевых действий в Косове. Сербские вооруженные силы, занимавшие до этого преимущественно оборонительную позицию, переходят в наступление. В Косово были направлены части Третьей армии для решительного контрудара. С 24 июля по 29 сентября в крае проводилась антитеррористическая операция, в результате которой до конца августа 1998 г. в широкомасштабных операциях сербские силы безопасности смогли вытеснить бойцов ОАК из всех крупных населенных пунктов и поставить под свой контроль все важные дороги в Косове.

В ходе антитеррористической операции численность ОАК по приблизительным оценкам сократилась на 8000 человек³⁵ (к ним относятся убитые, раненые, дезертировавшие, сдавшиеся властям и захваченные в ходе боевых операций). Сохранить свои позиции ОАК удалось в некоторых районах Дреницы, но в целом ее боеспособность была сильно подорвана.

С 25 июля по 29 сентября 1998 г. у боевиков было изъято 8156 автоматов, 1148 пулеметов, 425 минометов и ручных гранатометов, 46 зенитных установок, 2784 мин и ракет, 13 178 ручных гранат, 126 противотанковых мин, 1 878 883 единицы боеприпасов различного калибра, что составляет около 150 т оружия и боеприпасов³⁶.

После полного восстановления контроля над Ораховацем сербская полиция 22 июля продолжила наступление и захватила 29 июля штаб-квартиру ОАК в Малишеве, 6 августа — Ликовац и 15 августа — Юник, бывший крупнейшим центром, куда поступало оружие из Албании.

25 июля было деблокировано село Киево на автотрассе Приштина—Печ. 26 июля вся трасса, бывшая до этого одной из самых опасных в крае, была полностью очищена от боевиков. С двух сторон вдоль трассы полиция обнаружила десять бетонных бункеров и множество рвов. В восьми местах трасса была перекопана на глубину 3–4 метра или завалена горами камней для затруднения передвижений полиции³⁷. 27 июля было взято село Лапушник на той же трассе, бывшее опорной базой ОАК.

12 августа была взята еще одна крупная база ОАК — село Глоджане в общине Дечаны. Позднее, 8 сентября в окрестностях этого села было найдено место массового убийства похищенных мирных граждан сербской, албанской и цыганской национальности. После издевательств албанские террористы расстреляли около 60 человек, а потом бросили тела в канал, который соединяет реку Дечанскую Бистрицу с Радоницким озером. Ответственность за это преступление лежит на командующем так называемой Дукаджинской оперативной зоной Рамуше Харадинае, который обвинялся в непосредственном убийстве 40 человек.

27 августа в селе Клечка в общине Липлян сербской полицией было обнаружено место страшного массового убийства, где пленных мирных жителей после истязаний расстреливали, а затем сжигали в импровизированном крематории, в который была превращена печь для обжига кирпичей. Командовали убийством Фатмир Лимай, Хисни Килий, Гани Красничи.

До середины октября ситуация в Косове не претерпела кардинальных изменений — сербские силы безопасности продолжали наступление, вытесняя боевиков из их опорных пунктов. Боевики ОАК в это время все чаще стали скрываться в лесах или покидать пределы Косова, уходя в соседние Албанию и Македонию. При этом интенсивность нападений ОАК на сербских полицейских снижалась из-за тяжелых потерь в рядах боевиков. Вместе с ними из населенных пунктов, возвращаемых под контроль сербских властей, уходило и гражданское албанское население.

В начале октября 1998 г. ситуация накалилась. В крае шли боевые действия, а НАТО грозила Югославии воздушными ударами, если полицейские силы и военные продолжат свои операции.

Угроза бомбовых ударов с воздуха по территории Сербии 13 октября 1998 г. выполнила роль дамклова меча, спасаясь от которого С. Милошевич пошел на подписание договора с Р. Холбруком о принятии всех требований международного сообщества и обязательствах Югославии «завершить переговоры по вопросу о рамках политического урегулирования ко 2 ноября 1998 г.» В ночь с 13 на 14 октября правительство Сербии одобрило результаты переговоров и утвердило «Принципы политического урегулирования ситуации в Косове и Метохии». Важным пунктом договора был вывод армейских подразделений и сокращение численности полицейских в крае. Начавшийся вывод из края сербских вооруженных формирований способствовал возвращению в свои дома тысяч албанских беженцев, однако вместе с мирным населением возвращалась и ОАК, занимая позиции, которые оставили сербские силы.

Период после подписания соглашения Милошевич–Холбрук ОАК использовала для консолидации сил и активизации своих действий. Это вызвало новое ухудшение ситуации в Косове, которое международное сообщество рассматривало лишь как невыполнение сербской стороной своих обязательств. В период с 13 октября по 30 ноября боевики ОАК совершили свыше 310 террористических нападений. Было убито девять полицейских, 30 ранено. Боевики похитили троих полицейских, над двумя из них жестоко издевались, потом убили, было совершено 87 нападений на мирных граждан (43 на сербов, 42 на албанцев), было убито шесть мирных граждан (один серб, четыре албанца, один мусульманин), 14 человек получили ранения, было совершено 13 нападений на сербские села³⁸.

15 октября Сербия дала согласие на ввод в Косово 1500 наблюдателей верификационной миссии ОБСЕ. Миссия действовала в крае с 26 ноября по 20 марта. Во главе миссии встал отставной американский генерал Уильям Уокер. Фигура Уокера, так же как и вся деятельность миссии, была достаточно неоднозначная. О предвзятом отношении Уокера говорит в своих мемуарах даже автор печально известного плана предоставления Косову фактической независимости М. Ахтисаари: «Шефом наблюдательной миссии был назначен У. Уокер, который приобрел опыт в конфликте между Сербией и Хорватией. Его работе мешало то, что, как представляется, он имел уже заранее заготовленное мнение о ситуации в Косове и о том, кто во всем виноват»³⁹.

Последним крупным событием, произошедшим в Косове до начала натовских бомбардировок и, по сути, ставшим спусковым ме-

ханизмом для их начала, была полицейская операция сербских сил безопасности в селе Рачак в общине Штимле 15 января 1999 г. В результате операции было убито 40 человек. Сербская сторона однозначно называет их боевиками ОАК, Запад — мирными жителями. По сей день данные об этом событии невероятно разнятся. Однако в последние годы появляется все больше свидетельств, в том числе и на Западе, о том, что массовое убийство мирного населения в Рачаке было ни чем иным как инсценировкой.

В начале января 1999 г. в Рачаке располагался штаб ОАК, в котором находилось 126 террористов⁴⁰. Миссия ОБСЕ была предупреждена о готовящейся антитеррористической операции. Около 15 машин этой организации расположилось к началу операции вдоль дороги, ведущей в Рачак, а на возвышенности поблизости от населенного пункта находились корреспонденты «Рейтер». Окружение села отрядами сербской полиции началось в ночь на 15 января. Борьба с террористами продолжалась до 15:30, после чего во взятое полицией село вошли наблюдатели ОБСЕ и журналисты.

Когда полиция заняла уже практически все село, из окрестных сел в Рачак пришло подкрепление на помощь боевикам, завязался бой, в результате которого полицейские были вынуждены покинуть село, которое снова перешло в руки ОАК. За время, пока Рачак оставался под контролем ОАК, тела боевиков, убитых в ходе боя, перенесли в мечеть. Судя по всему, туда принесли и тела боевиков, убитых в других сражениях. На следующее утро У. Уокер посетил Рачак и заявил журналистам, что там произошло массовое убийство мирных граждан.

Сербским следователям и полиции удалось войти в Рачак лишь 18 января, они обнаружили 40 тел, хотя ранее сербской стороной заявлялось о 16 убитых боевиках. Не меньше противоречий было и в западных сообщениях о событиях в Рачаке. Так, Уокер говорил о 45 мертвых, верификаторы ОБСЕ на месте происшествия установили окончательную цифру в 40 трупов.

Местные жители рассказывали У. Уокеру и приглашенным им журналистам о том, что сербская полиция 15 января около полудня отделила в центре села женщин от мужчин, последние были вывезены за один из холмов и там расстреляны. Однако, журналисты, вошедшие в Рачак вместе с сербской полицией 15 января, говорили о том, что на тот момент в селе вообще не было гражданского населения, которое боевики заблаговременно вывели из села⁴¹.

Х. Тачи в интервью BBC 24 марта 2000 г. заявил, что в Рачаке действовал один отряд ОАК и что многие его члены героически погибли в борьбе с югославской армией⁴².

Не внесла ясности в вопрос о том, кто был убит в Рачаке и судебно-медицинская экспертиза, проводившаяся двумя группами патологоанатомов — сначала совместной сербско-белорусской, а затем финской. Сербские и белорусские эксперты обнаружили данные о том, что «у 37 из 40 убитых были частицы пороха на руках, ясный признак использования ими огнестрельного оружия»⁴³. Из данных, приводимых финскими патологоанатомами, не ясно, проводилась ли ими подобная экспертиза по выявлению частиц пороха на пальцах убитых.

Из заявления главы финских экспертов Х. Ранты на пресс-конференции 17 марта 1999 г. можно было сделать вывод, что в Рачаке были убиты мирные жители. Однако, по непонятным причинам, на все 20 томов документов финской комиссии был наложен гриф «секретно», и они до сих пор не опубликованы.

На основании данных, опубликованных в последние годы (особенно это касается интервью с деятелями, имевшими непосредственное отношение к тем событиям), становится все более очевидной версия о том, что в действительности в Рачаке были найдены убитые боевики ОАК, специально перенесенные туда из разных мест и переодетые в гражданскую одежду. Причем в пользу этого начали свидетельствовать даже некоторые западные деятели, прежде придерживавшиеся другой позиции по этому вопросу.

Но в середине марта 1999 г. западному сообществу, в особенности той его части, которая выступала за военное вмешательство НАТО, была нужна не истина, а оправдание для начала бомбовых ударов по территории Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мијалковски М.* Злочини и заблуде албанских сепаратиста. Београд, 1999. С. 50.
- 2 *Калибарда З., Мијалковски М.* Геополитика и тероризам. Београд, 2006. С. 202.
- 3 *Дреџун М.* Други косовски бој. Београд, 2005. С. 19.
- 4 Там же.
- 5 *Ahtisari M.* Misija u Beogradu. Beograd, 2001. S. 33.

- 6 *Димитријевић Б.* Преглед дејстава арнаутске гериле 1998–1999 // Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878–2000. Београд, 2001. С. 235.
- 7 *Дреџун М.* Косметска легенда. Нови Сад; Београд, 2003. С. 13.
- 8 Там же.
- 9 См., например: *Дреџун М.* Косметска легенда. С. 13; *Мијалковски М.* Злочини и заблуде албанских сепаратиста. С. 124.
- 10 См., например: *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. Београд, 2004. С. 135; *Мијалковски М.* Злочини и заблуде албанских сепаратиста. С. 124.
- 11 *Јовановић Ж.* Косовско огледало. Београд, 2006. С. 35.
- 12 *Милошевић С., Вилич Д., Тодоровић Б.* В чем обвиняют Югославию? М., 2002. С. 69.
- 13 Из доклада генерального секретаря, подготовленного во исполнение Резолюции 1160 (1998) Совета Безопасности ООН (2 июля 1998 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. М., 2007. Т. 2. С. 80.
- 14 Статистические данные о деятельности ОАК в период 1998–1999 гг. (25 февраля 1999 г.) // Албанский фактор... С. 175.
- 15 *Дреџун М.* Косметска легенда. С. 11.
- 16 Цит. по: Служба за спољне послове, текући извештај о стању релевантном за азил и протеривање у Савезној Републици Југославији (стање: новембар 1998), 514–516.80/ЗУУГ // *Елзесер Ј.* Ратне лажи. Од косовског сукоба до процеса Милошевићу. Београд, 2004. С. 270.
- 17 *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. С. 102.
- 18 *Мартынова М. Ю.* Косовский узел: этнический фактор. М., 1998. С. 39.
- 19 Там же. С. 25.
- 20 Политика. 07.03.1998. № 30305. С. 17.
- 21 Подробнее об этом см.: Там же.
- 22 Политика. 18.03.1998. № 30316. С. 16.
- 23 Заявление по Косову, принятое членами контактной группы на лондонской встрече // Албанский фактор в развитии кризиса... С. 45.
- 24 Специальное тревожное обращение № 281 продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (17 марта 1998 г.) // Там же. С. 53.
- 25 Резолюция № 1160 Совета Безопасности ООН (31 марта 1998 г.) // Там же. С. 61.
- 26 *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. С. 89.
- 27 Политика. 28.05.1998. № 30385. С. 19.

- 28 Из доклада генерального секретаря, подготовленного во исполнение Резолюции 1160 (1998) Совета Безопасности ООН (2 июля 1998 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса...* С. 79.
- 29 *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 349.
- 30 *Политика.* 24.06.1998. № 30412. С. 16.
- 31 *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. С. 62–63.
- 32 *Del Ponte K., Sudetić Č.* Gospođa tužiteljka: suočavanje s najtežim ratnim zločinima i kulturom nekažnjivosti. Beograd, 2008. S. 267.
- 33 Нота министерства иностранных дел СРЮ (18 июля 1998 г.) // *Албанский фактор в развитии кризиса...* С. 87.
- 34 В 1999 г. после прихода в Косово сил КФОР монастырь был сожжен и разрушен албанцами.
- 35 *Милошевич С., Вилич Д., Тодорович Б.* В чем обвиняют Югославию? С. 25.
- 36 *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. С. 103.
- 37 Подробнее об этом см.: *Политика.* 28.07.1998. № 30446. С. 15.
- 38 *Мијалковски М.* Злочини и заблуде албанских сепаратиста. С. 53.
- 39 *Ahtisari M.* Misija u Beogradu. S. 36.
- 40 *Дреџун М.* Други косовски бој. С. 20.
- 41 Подробнее об этом см.: *Крањц С.* Рачак — лажи и истине. Документальный фильм, 2009. Режим доступа: <http://www.rts.rs/page/tv/ci/story/17/PTC+1/51097/Рачак+-+лажи+и+истине.html>
- 42 *Гаћиновић Р.* Misija u Beogradu. С. 117.
- 43 Цит. по: Радио Б92. Београд, 10.3.1999, 13.00 часова // *Елзесер Ј.* Ратне лажи. С. 79.

Osipova A. V.

Escalation of the Conflict in Kosovo in 1998 — March 1999

The article deals with an important but less studied period of the Kosovo crisis just before the NATO bombardments of Yugoslavia when in Kosovo and Metohija the guerilla war passed into armed conflicts between the Kosovo Liberation Army and Serbian police and army.

Key words: *Kosovo Liberation Army (KLA), Orachovac, Rachak, Drenica, Adem Jashari, Hashim Thaçi, Ramush Haradinaj.*

М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова
(Москва)

Судьба составленного Н. Н. Глубоковским описания рукописных и старопечатных книг из библиотеки Упсальского университета

На основе архивных документов в статье излагаются ранее неизвестные факты из биографии русского богослова Н. Н. Глубоковского, связанные с его командировкой в Швецию в 1918 г. и работой над описанием славянских рукописей и старопечатных книг из собрания библиотеки Упсальского университета. Ключевые слова: *Глубоковский, Упсала, описание рукописей и старопечатных книг, собрание Спарвенфельда, архивные документы.*

Исследователям, работающим в университетской библиотеке Carolina Rediviva, хорошо известно «Описание „славянских“ рукописей, хранящихся в Королевской библиотеке Упсальского университета», составленное Н. Н. Глубоковским, профессором Петроградской Духовной академии, и сохранившееся в его автографе¹.

Упомянутый труд включает описания 67 рукописей. Среди них — оригинал сочинения Г. Котошихина, подьячьего Посольского приказа, «О царех и о царицах и о царевичах...» (Slav 29²; впоследствии получило название «О России в царствование Алексея Михайловича»); «Хроника» М. Стрыйковского, переведенная по указу царя Алексея Михайловича «по Славенороссийски» в Москве (Slav 26, 27, 28); список «Соборного уложения» со статьями, последовавшими при царе Федоре Алексеевиче по его указу 1677 г. (Slav 23); «Дворянская родословная книга», написанная, как свидетельствует вклеенный в рукопись документ на шведском языке (от 21 ноября 1745 г.), в Соликамске по заказу царя Федора Алексеевича (Slav 31); «Лексикон латинско-славянский» Епифания Славинецкого (Slav 11); польско-церковнославянский словарь, приписываемый Симеону Полоцкому (Slav 61)³; рукопись с музыкальными текстами, записанными киевской нотацией (Slav 1), и другие ценные материалы.

Многие кодексы интересны своими записями. Кроме владельческих и относящихся к истории создания данного произведения, перевода или рукописи, встречаются любопытные заметки исторического характера. К примеру, в сборнике тропарей (Slav 45) скорописью сде-

ланы две записи: «198-го октября в день 7 (= 1689 г.) на память святых мученик Сергия и Вакха вошла в Новодевичь монастырь государыня царевна София Алексеевна к ночи, в час ночи»; «198-го февраля в 18 день (= 1690 г.) иже во святых отца нашего Леонтия, Папы Римскаго, родился государь царевич Алексей Петрович всея России в ночи, в пятом часу, во вторник» (л. 58) и др.

Каждая статья «Описания» содержит указания на номер рукописи в собрании (например: Slav 18; Slav 29; Slav 62; и т. д.), на ее формат (In-fol; In-4; In-8; In-12), размер (в сантиметрах), переплет, содержание, приводятся разного рода записи, в ряде случаев — текстологические наблюдения и библиографические ссылки на относящиеся к описываемому источнику материалы, краткие историко-культурные примечания. Так, комментируя в рукописи Slav 33, содержащей аллегорический диалог «Картина» ученика Сократа Кебета из Фив («Кевита Фивейского философа Платонического Тавлия славенороссийски»), запись И. Г. Спарвенфельда⁴ (на л. 65) о том, что текст набело переписал в 1710 г. в Вестеросе «Resident Chilkows secretare Manchewitsch», Глубоковский пояснил: «Тут разумеется русский резидент в Швеции князь Андрей Яковлевич Хилков и его секретарь Алексей Ильич Манкеев»; здесь же ученый привел ссылку: «см.: Alfred Jensen. Archiv für slawische Philologie, XXXIII, 1–2. Berlin, 1912/5. S. 161–162»⁵. На данную работу Глубоковский ссылался в каталоге не однажды. Описывая Катехизис XVII в., дошедший в рукописи Slav 56, он отметил соотнесенность текста со стокгольмским изданием 1628 г. и привел соответствующие библиографические справки⁶. Комментируя текст вклеенного в рукописную «Дворянскую родословную книгу» (Slav 31) шведского документа, в котором говорится, что «настоящий труд является лучшим пособием для познания России наряду с Theodosii historia», ученый отметил: «Под этою историей разумеется, вероятно, сочинение учителя и проповедника киевского второй половины XVII в., игумена Златоверхого Михайловского монастыря Феодосия Сафоновича „Хроника“ о событиях в России до 1290 г.»; примечание также сопровождается библиографической ссылкой⁷. По поводу записи Спарвенфельда в кодексе (Slav 34), включающем в себя «Литургию Иоанна Златоуста» — старопечатную книгу на валашском языке (л. 120–180об.) из библиотеки Николая Спафария, Глубоковский оставил примечание: «Имеется в виду переводчик Посольского приказа Спафарий (влах по происхождению), сочинение которого о Китае списано было Спарвенфельдом в Москве в 1685 г., каковой автограф хранится в Парижской библиотеке, см.: Пекарский, I, с. 199, 264, 342–

343»⁸.

В «Описании» нет сведений о водяных знаках в рукописях, что объясняется, по-видимому, крайне сжатыми сроками работы и отсутствием у Глубоковского под рукой необходимых справочных материалов, на что он неоднократно сетовал в своих письмах и деловых записках. Тем более высокой оценки заслуживает его труд, свидетельствующий об учености и широкой осведомленности автора, учитывая при этом, что археография и палеография не являлись его специальностью.

Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937) — известный русский богослов, интерес к фигуре которого, его творческому и архивному наследию особенно проявился у историков русской православной церкви в начале двухтысячных годов⁹. Тяжелейшие условия жизни после революции, в которых оказался ученый, история его командировки в Швецию в 1918 г. и судьба после его эмиграции из России достаточно полно и подробно описаны в указанных нами трудах.

В своей статье мы обратимся к архивным материалам, позволяющим осветить те страницы жизни и научной деятельности ученого, которые связаны с его работой над составлением описания церковнославянских рукописных и старопечатных книг, хранящихся в Швеции.

Основанием для командировки Глубоковского послужило полученное им приглашение «в марте 1918 г. от имени шведского стипендиального фонда Олая Петри (Olaus Petri-Stiftelsen)»¹⁰. Тогда же ученый, будучи членом-корреспондентом Академии наук (с 1909), обратился к Академии наук, предлагая ей свои услуги¹¹. На письме Глубоковского от 24 июля 1918 г., обращенном к непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу, стоит резолюция последнего: «Командировать для занятий в Архивах Стокгольма и Копенгагена документами, относящимися к истории России»¹². Самый общий характер резолюции предоставлял Глубоковскому широкое поле для выбора материала.

Практически во всех работах о Глубоковском отмечается, что во время своей командировки в Швецию, кроме чтения лекций в Упсальском университете, «по заданию Академии наук он составил научное описание славянских рукописей и старопечатных книг¹³, хранившихся в университетской библиотеке Стокгольма»¹⁴. В последующих публикациях этот сюжет получил более подробное описание: «Во время этой командировки Глубоковский составил научное

описание большого собрания славянских рукописей и старопечатных книг, хранившихся в университетской библиотеке Carolina Rediviva, в числе которых находилась рукопись Котошихина, доселе значившаяся под фамилией Kochichine»¹⁵.

Если составленное Глубоковским «Описание „славянских“ рукописей» хорошо известно специалистам, то следы «Описания старопечатных книг», упоминающегося в приведенных цитатах из работ современных исследователей, пока не обнаружены. Между тем, некоторые сведения о работе над этим «Описанием» и о его составе можно почерпнуть из косвенных источников.

Попытаемся прояснить ситуацию, для чего необходимо обратиться к письмам Глубоковского своим коллегам и прежде всего — А. И. Соболевскому, к «запискам», которые он подавал в Академию наук, ходатайствуя о новой командировке в 1920 г., а также к документу, адресованному им директору библиотеки Carolina Rediviva и собственноручной записи ученого, обнаруженных нами в «Описании „славянских“ рукописей».

Из Упсалы Глубоковский отправил Соболевскому три открытки. Следует отметить, что он максимально полно использовал поле открытки, текст написан тесно и зачастую трудночитаем. Содержание посланий ученого определенно свидетельствует о том, что свою работу в библиотеке он начал именно с описания старопечатных книг и тут же столкнулся с проблемами, практически неразрешимыми в Швеции. Отметим, что все открытки шли, минуя шведскую почту. На всех них — русские почтовые марки и почтовые штампы Петрограда и Москвы.

В первой недатированной Глубоковским открытке¹⁶, отправленной в последней декаде октября¹⁷, ученый решил обратиться за советом к Соболевскому: «Занимаюсь я теперь в Унив[ерситетской] б[иблиотеке]ке Carolina Rediviva описанием стар[о]слав[янских] книг из собрания Спарвенфельда († 2 июня 1727 г. — не сохранилось ли о нем памяти и [нрзб.] сведений в России), но нет никаких библиогр[афических] пособий и достать негде. Не посоветуете ли чего-н[ибудь]? Пока самая старая книга — 1588 г. — Если возможно, очень просил бы выслать хорошую польскую грамматику на русском языке. Надо послать в Петроград, Английская наб. 64 [нрзб.] с просьбой переслать его мне в Швецию»¹⁸.

Очевидно, Глубоковский предполагал, что в условиях начавшейся в России общей смуты и разрухи его письма могут не дойти до адресата, поэтому в каждом из них он с разной степенью подро-

ности вновь и вновь описывал свои занятия. Так, в открытке, точно датируемой 27 октября, он сообщал: «Занимаюсь теперь описанием старославянских книг до 170 штук от 1585 г. и один свиток с болгарско-униатскими молитвами, изд[анный] в Риме. К сожалению, нет в Carolina'е никаких пособий. Будьте добры дать Ваши указания по моему петербургскому адресу. Надеюсь забрать сами описания с собою и проверить в Петрограде, для этого нужно знать [нрзб.] описания и перечни старославянских книг»¹⁹. Таким образом, мы видим, что почти в начале своей работы у Глубоковского возникла мысль продолжить ее уже в России. Поэтому он просит Соболевского не пересылать ему чего-либо в Швецию.

Третья, недатированная открытка свидетельствует о том, что Глубоковский обратил свое внимание на описание рукописей, которое тоже идет непросто. «Теперь, — писал он Соболевскому, — занимаюсь описанием р[у]к[о]п[исей] старославянских в Carolina (б[ольшей] ч[астью] из собрания Спарвенфельда) [нрзб.] для меня [нрзб.] не могу читать скоропись...»²⁰.

Кроме вопросов, касавшихся занятий в библиотеке, Глубоковский упоминал и о бытовых сторонах жизни, и о политических событиях в Швеции. В первой открытке он писал: «Здесь жить дорого и продуктов мало, но спокойно и удобно для занятий»²¹; во второй: «Здесь всего мало (король²² тоже получает по карточкам), и для русских страшно дорого»²³. В третьей открытке — уже глухое упоминание о политических событиях: «Все-таки здесь хорошо, хотя и боялся, как [бы] не налетел шквал с юга Швеции и не захватил нашу мирную, целиком ультраконсервативную Упсалу»²⁴. Возможно, что этими словами Глубоковский пытался охарактеризовать значительное колебание шведского общества, что его пугало, деятельность правительственной коалиции, включавшей в себя социал-демократов, фактическое возникновение коммунистического движения и выступления рабочих в столице. Стокгольм расположен, как известно, как раз южнее Упсалы.

Начали беспокоить Глубоковского и семейные обстоятельства, торопившие его с отъездом: «А надо подумывать и о возвращении, — пишет он в последней открытке, — ибо положение Ан[астасии] Вас[ильевны]ны²⁵ ужасно, — и некому поддержать ее душевно и материально»²⁶.

Отметим, что все три открытки были подобраны Глубоковским со смыслом. Так, на первой — фотография университета Упсалы, на которой ученый отметил: «где и я читал лекции в аудитории № 4»²⁷. Вторая — с видом резиденции архиепископа²⁸, внизу Глубо-

ковский приписал: «Дом архиепископа (N. Söderblom'a²⁹, у которого детей — ровно 10 штук, да были и умершие...»). И далее: «Здесь я жил неделю, а теперь помещаюсь [нрзб.] с собором в церковном доме у соборного ключаря, где весьма удобно»³⁰. На третьей открытке — с изображением зала, в котором заседал Совет университета Упсалы, Глубоковский поставил крестик и приписал ниже: «Кресло ректора»³¹.

Отправляя свои открытки в Россию, задавая Соболевскому вопросы и прося его совета, он вряд ли предполагал, что они могут прийти до адресата только через три недели. О двух открытках можно точно сказать, что в Петроград обе они были доставлены одновременно — 17 ноября (почтовый штампель), а Соболевский получил их не ранее 19 ноября (почтовый штампель Москвы), то есть тогда, когда Глубоковский, закончив все дела, готовился к отъезду из Швеции. Подтверждение тому мы находим в «Записке Н. Н. Глубоковского»³², поданной им 12 мая 1920 г. в Академию наук в надежде получить новую командировку за границу.

Обращение к данному документу необходимо еще и для того, чтобы внести уточнения в опубликованные сведения о событиях, связанных как с приездом, так и с отъездом Глубоковского из Швеции³³. Особенно важно исправить ошибочные толкования некоторых положений «Записки», связанных с непосредственной судьбой сделанного ученым «Описания». В одной из публикаций указывается: «Точная копия описания была отдана 25 октября и. о. генерального консула Российской республики в Стокгольме для передачи в ГПБ»³⁴. В «Записке» же Глубоковского мы читаем несколько иное: «...наряду с лекциями в Упсальском Университете — я занимался специальным обследованием славяно-русских рукописей и наших старопечатных книг в богатом собрании (главным образом, от Sparwenfeld'a) в университетской библиотеке Carolina Rediviva и сделал научное описание, „копия с которого будет доставлена в Петроградскую Публичную библиотеку, как справочное пособие“, — согласно точному выражению данного мне 20 ноября 1918 г. названным Университетом свидетельства, удостоверенного и[исполняющим] д[олжность] Генерального Консула Российской Республики в Стокгольме 25 ноября 1918 г.»³⁵. Таким образом, из документа следует, что российскому консулу ничего не передавалось, а тот 25 ноября (а не 25 октября, как в публикации) всего лишь заверил удостоверение, выданное Глубоковскому Упсальским университетом. В удостоверении же выражалась только готовность передать копию «Описания» в ГПБ.

Полную ясность в вопрос о времени работы Глубоковского над описанием рукописей вносят два взаимосвязанных документа, ранее не привлекавшие внимания исследователей, обращавшихся собственно к материалам «Описания», а именно — упомянутые ранее собственноручная запись ученого на последнем листе его труда (л. 53 об.) и следующий за ней краткий отчет для директора университетской библиотеки о проделанной работе (л. 54).

Первый документ содержит прежде всего точную хронологию работы Глубоковского в библиотеке «прекрасной Carolina Rediviva в комнате № 29 внизу»: «Описание совершено в период времени с 1918, X, 28 (понедельник) — XI, 4 (понедельник), пересмотрено с 4-го по 7-е ноября (четверг), а переписано (с дополнениями и исправлениями с 1918, XI, 8 (пятница) по 1918, XI, 12 (вторник)» (л. 53об.). Из этого следует, что за одну неделю, в период с 28 октября по 4 ноября, Глубоковским было описано как минимум 67 рукописей, а полностью работа по проверке, дополнению и переписке была завершена 12 ноября. Из приведенной цитаты очевидно, что речь идет об описании рукописей, но остается вопрос, относится ли сказанное и к пока нам не известному описанию старопечатных книг. Из писем Соболевскому ясно, что работу по ознакомлению с коллекцией старопечатных книг библиотеки Глубоковский начал до 28 сентября, когда еще жил в доме архиепископа Н. Сёдерблома.

Из приведенной записи следует также, что работа ученого над описанием книг отличалась чрезвычайной интенсивностью. Глубоковский писал: «...приходилось засиживаться до поздней ночи, чтобы успеть с окончанием до вынужденного домашними обстоятельствами отъезда в Россию» (л. 53об.). Возможно, эта причина заставила его покинуть гостеприимный дом архиепископа и перебраться в другой. И адрес нового местожительства Глубоковского, и имя его хозяина также содержатся в документе: «Domkyrkoplan 2 hos Domkyrkosyssloman N. J. Söderberg». Нильс Юхан Сёдерберг и был тем «ключарем» (domkyrkosyssloman), о котором Глубоковский упоминал в одном из писем Соболевскому. Заметим, что Н. Сёдерберг был не просто почтенным священнослужителем, обязанным следить за хранившимися в кафедральном соборе Упсалы церковными ценностями. Его перу принадлежит книга, подробно описывающая историю реконструкции этого собора в конце XIX в.³⁶

За процитированной записью следует еще более важный для нас документ, в котором Глубоковский отчитывается о проделанной им работе. В обращении к директору университетской библиотеки, да-

тированном 12 ноября, ученый перечисляет «изготовленные» им материалы. На первом месте названо «Описание старопечатных книг», состоящее из 159 номеров и «одного бумажного свитка», упоминавшегося в письме Соболевскому. К этому «Описанию» Глубоковским было приготовлено три указателя: хронологический, «по месту издания» и «по содержанию». Следующим пунктом упоминается «Описание» 67 «славянских» рукописей. Ученый обращался к директору с просьбой разрешить ему завершить работу в России. Он привел те же аргументы, о которых упоминал в письмах Соболевскому, — отсутствие «в Швеции необходимых справочных пособий». По возвращении на родину Глубоковский надеялся провести «дополнительные разыскания и точные сличения в книгохранилищах России», для чего сделал «черновую копию» «Описания» рукописей. Кроме того, Глубоковский просил предоставить ему возможность взять с собой «описание старопечатных книг и указатели к нему» для «указанного применения в Петрограде» и обещал «возвратить их в целости по миновании надобности вместе со своими дополнительными заметками».

Таким образом, теперь мы точно знаем, что описание старопечатных книг было Глубоковским составлено, а также то, почему следов этого описания в шведских книгохранилищах нет. Остается вопрос: смог ли он завершить обещанную работу в России? Судя по тому, в каком бедственном положении оказался ученый после возвращения из Швеции³⁷, он вряд ли имел возможность заниматься работой, которая не приносила бы ему каких-либо средств к существованию. Как писал Соболевский И. С. Пальмову 28 февраля 1920 г.: «Имею сведения о Н. Н. Глубоковском. Он от петр[оградского] голода уехал в родную Вологду, но тоже разочаровался; по его мнению, жить в В[ологде] тяжелее, чем в Петр[ограде]»³⁸. И как подчеркивал Соболевский: «Вообще — везде скверно»³⁹. Полуголодное существование и невозможность продолжать какие-либо научные исследования подталкивали Глубоковского к необходимости выезда из страны. Он вновь решил действовать через Академию наук. Теперь у него был опыт успешной работы в Упсале, на который он и его ходатаи ссылались. Так, Соболевский, обратившийся в Отделение русского языка и словесности 28 февраля 1920 г., подчеркивал: «Профессор Глубоковский, проведя несколько недель в Упсале, убедился, что заграничные библиотеки могут дать русской науке новые ценные данные»⁴⁰.

Сам Глубоковский в письме председательствующему в Отделении А. А. Шахматову 14 марта 1920 г. отмечал, что в Швеции он «был с осени 1918 года, получив от Комиссариата (через З. Г. Грин-

берга⁴¹) годовичную командировку, и между прочим в Упсале описал весьма большое количество старопечатных книг (собранных гл[авным] обр[азом] Sparwenfeld'ом) и рукописей». И далее ученый продолжал: «Вот мне теперь и хотелось бы продолжить эти работы в других книгохранилищах Европы (континента) и Англии, насколько окажутся к сему удобства и возможности. В этом смысле усерднейше прошу Вас поддержать заявление А. И. Соболевского и провести формально мою заграничную командировку в самой Академии Наук и защитить это дело в дальнейшем течении»⁴². Глубоковский и на этот раз надеялся на обещанное ему содействие Гринберга, на помощь которого в самых разных ситуациях рассчитывали представители русской науки. Именно через Гринберга шли хлопоты осенью 1919 г. перед Чрезвычайной комиссией за арестованных профессоров Петроградского университета и за непременно секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга⁴³.

Уже 10 марта ОРЯС выразило принципиальное согласие поддерживать предложение Соболевского и ходатайство Глубоковского, о чем Шахматов 17 марта 1920 г. и сообщил Соболевскому⁴⁴. Шахматов же составил и обращение ОРЯС в Общее собрание Академии наук от 26 апреля 1920 г., в котором была сформулирована цель командировки Глубоковского. Предлагалось направить его в скандинавские страны, Германию и Францию «для обозрения, исследования и описания славяно-русских материалов (рукописных и старопечатных) в книгохранилищах названных стран»⁴⁵. В ответ на принятое ОРЯС решение Глубоковский в «Записке», поданной в Отделение 12 мая 1920 г., писал: «Я с особенною готовностью рад принять и со всем усердием исполнить столь важное поручение Российской Академии Наук по обозрению, исследованию и описанию славяно-русских (рукописных и старопечатных) материалов в заграничных книгохранилищах. Это было бы продолжением моих прежних работ в данной области»⁴⁶. Но из этой попытки помочь организовать Глубоковскому командировку ничего в 1920 г. не получилось.

В 1921 г. Соболевский продолжил хлопоты. Уже 3 февраля он вновь обращается в ОРЯС и вновь просит «возбудить ходатайство о командировании члена-корреспондента Академии, проф. Н. Н. Глубоковского за границу — в Швецию, Норвегию, Данию, Англию, Францию и Италию сроком на один год для просмотра и описания русских и южно-славянских рукописей и старопечатных книг»⁴⁷. А 5 февраля Соболевский писал к занявшему после смерти Шахматова пост председательствующего в Отделении В. М. Истрину: «Будьте

добры, дайте ход прилагаемой бумаге и, если нужно, последите за движением ходатайства. Глубоковскому хочется выехать поскорее. О деньгах он не хлопочет, но если будут деньги, особенно николаевские, он возьмет с удовольствием»⁴⁸. Однако Академия наук так и не смогла помочь Глубоковскому, не помогли и новые хлопоты архиепископа Сёдерберга. После обращения в иные инстанции и благодаря участию М. Горького ученому все же удалось выехать из России в августе 1921 г.⁴⁹. Возможно, Глубоковский действительно намеревался продолжить свои работы по описанию рукописей и старопечатных книг, но условия эмиграции этому никак не способствовали. О своем незавидном положении он писал коллегам в Россию. Соболевскому он сетовал в письме от 27 декабря 1922 г.: «А нам здесь тяжело. Мы подавлены здесь бессердечием и дикостью и погибаем от сербской грубости, которая не дает нам ни минуты покоя даже в нашей ужасной конуре (живем: Земун, Цетињска 14), где зверская хозяйка прямо терроризирует нас; да и все тут таковы»⁵⁰. О том же ученый писал и К. В. Харламповичу, который в свою очередь передавал полученные сведения Соболевскому 7 января 1923 г.: «Недавно я получил открытку от Н. Н. Глубоковского из Белграда. Там он читает лекции на богословском факультете ун[иверсите]та. Но моральное и материальное положение его настолько тяжело, что он думает о возврате в Россию. [...] Н. Н. пишет, что обстановка в Белграде антикультурная, лишенная самых примитивных удобств. Народ грубый, недоброжелательный. Пред тем он был в Праге, откуда переехал в Сербию, „увлекшись проклятым славянофильством“»⁵¹. В конце концов, Глубоковский перебрался в Болгарию, где и осел окончательно. Но связи со Швецией у него не прервались. Ученый с благодарностью вспоминал о той материальной помощи, которую он продолжал получать с начала своей эмиграции. В своих записках в 1928 г. Глубоковский писал: «Мои верные упсальские друзья [...] до настоящего времени поддерживают нас существенными пособиями на переезды среди моих скитаний по Европе и Балканам и по другим поводам (на праздники, на лечение, на летний отдых)»⁵².

Известно, что ученый еще дважды посещал Швецию, в 1925 г. он приезжал в Стокгольм, а «в 1928 г. Глубоковский вновь посетил Упсальский университет»⁵³, но нет, однако, каких-либо свидетельств, что он вернул в библиотеку сделанное им в свое время описание старопечатных книг. На этом основании, а также по результатам знакомства с описью софийского архива Глубоковского⁵⁴ можно сделать вывод, что, уезжая из России, он не взял с собой эти материалы.

Оставленный им на родине архив хранится в основном в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (Ф. 194) и составляет более двух тысяч единиц хранения. После изучения описей фонда наше внимание привлекли два дела: № 224 — «Неустановленные рукописи и библиография к ним; без даты, 97 листов, разрозненные листы автографов» и особенно № 225 — «Библиографические выписки к неустановленным работам; автографы, 973 листа». К сожалению, в ознакомлении с ними нам было отказано по причине того, что данные дела не прошли архивную обработку и не описаны. Таким образом, надежда найти материалы, привезенные Глубоковским из Упсалы, остается.

В 2009 г. вышел в свет каталог, содержащий описание церковнославянских книг (14 старопечатных и двух рукописных) из университетской библиотеки в Гётеборге, книжного собрания г. Скары и коллекции, принадлежащей Hvitfeldtska School⁵⁵. Этим изданием открывается серия работ, связанных с реализацией фундаментального научного проекта по созданию Сводного каталога церковнославянских книг, находящихся в Швеции⁵⁶.

Информация, содержащаяся в «Описании» Глубоковского, может быть дополнена новыми материалами, отражающими современный уровень научного знания. Можно полагать, что будут уточнены сведения о датировке и содержании некоторых кодексов, значительно расширены библиографические части статей, в частности относящихся к описанию книжной коллекции И. Г. Спарвенфельда, удостоившейся в последние десятилетия пристального научного внимания и изучения. Благодаря исследованиям У. Бирегорд установлен круг рукописных и печатных источников, которыми первый шведский славист воспользовался при составлении лексикографического труда «*Lexicon Slavonicum*», опубликованы некоторые из его владельческих записей, содержащих информацию о времени и месте получения книг, о круге его общения с представителями русской знати в Москве, а затем и в Швеции⁵⁷.

Представляется возможным дополнить будущий Сводный каталог, в частности, информацией о «Букваре языка славенска», привезенном Спарвенфельдом в 1687 г. из Москвы (Slav 62). Экземпляр этого редкого издания, вышедшего из типографии Печатного двора в 1667 г., примечателен не только своей хорошей сохранностью⁵⁸, но и тем, что он переплетен вместе с листами, на которых рукой Спарвенфельда вписан выполненный им перевод данного «Букваря» на латинский язык. Выработанная переводчиком система транслитерации кириллических букв детально изучена и описана⁵⁹.

Имя составителя в «Букваре» 1667 г. не указано, и в библиографических справочниках издание фигурирует как анонимное⁶⁰, лишь за «Букварем» 1679 г. признавалось авторство Симеона Полоцкого⁶¹. Между тем, есть основания полагать, что именно Симеон является составителем и предыдущих изданий учебника (1664, 1667 и 1669 гг.), считавшихся анонимными⁶². «Буквари» отражают характерную для его творчества особенность — внимание к задачам риторизации придворного церемониала⁶³. В них включены готовые образцы приветственных речей, адресованных от лица детей родителям и благодетелям и призванных служить риторическому обучению детей царской семьи и придворных: «Приветствования на праздники Рождества Господня», «На Богоявление», «На Воскресение Христово», на Новый год и др. Автором этих текстов «был Симеон Полоцкий, так как они находятся в составе его рукописей („Книга приветствы“»⁶⁴. Издание «Букваря» в 1667 г. связано с тем, что в этом году Симеон Полоцкий был назначен учителем царевича Алексея.

Таким образом, занимаясь переводом «Букваря» 1667 г. на латинский язык, Спарвенфельд имел дело не просто с неким анонимным изданием, а с текстом Симеона Полоцкого.

Для будущего Сводного каталога интерес могут представлять и многочисленные записи в книгах. Так, в опубликованном описании «Лексикона треязычного» Ф. Поликарпова (М., 1704) из собрания Спарвенфельда⁶⁵ непрочитанной осталась следующая запись (на нижнем поле первого листа): «Л□та 1710 ѿ жалованія Царевича Александра Арчилавича Јмеретинского». Открываются, таким образом, новые подробности контактов Спарвенфельда с находившимся тогда в шведском плену грузинским царевичем, генералом петровской армии Александром Арчиловичем Багратиони, с которым его связывали давние дружеские отношения⁶⁶. К слову сказать, царевич Александр так же, как и Спарвенфельд, переводил сочинения Симеона Полоцкого; в частности, на грузинский язык он перевел некоторые его проповеди⁶⁷.

Еще раз необходимо отметить, как много успел сделать Глубоковский за столь короткий период работы. Его «Описание „славянских“ рукописей» является в библиотеке Carolina Rediviva архивным документом внутреннего пользования. Между тем заинтересованных читателей, пользователей этого справочника, до сих пор сохраняющего свою информационно-научную ценность, могло бы быть значительно больше. Полагаем поэтому, что данное «Описание» заслуживает специальной публикации. Имеющиеся в нем сведения могли бы послужить также базовой основой при создании Сводного каталога церковнославянских книг в Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шифр: Bibl. ark. М 40 г: 2. Glubokovskij. Opisanie slavjanskich rukopisej (54 листа большого формата в переплете; текст написан аккуратным почерком, но читаемым не без труда из-за сложности различения ряда букв. Далее ссылки на листы этой рукописи в тексте в круглых скобках). Здесь же находится перевод этого «Описания» на французский язык — рукопись со вставками кириллического текста (машинопись) и дополнениями (72 описания).
- 2 Здесь и далее приводится шифр рукописи в «Описании» Н. Н. Глубоковского.
- 3 На первой странице рукописи имеется запись И. Г. Спарвенфельда: «Отца иеромонаха Симеона Полоцкого словник полоно-славенский. Simeonis Polscij Lexicon Polono-Slavicum fragmentum» (см.: *Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to the 17th Century Slavonic Lexicography.* Uppsala, 1985. P. 51 (=Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis. Vol. XXIII). Рукопись не является автографом Симеона.
- 4 Иоганн (Юхан) Габриэль Спарвенфельд (1655–1727) — филолог, первый шведский славист, в составе шведского посольства находился в 1684–1687 гг. в Москве, церемониймейстер шведского королевского двора.
- 5 Речь идет о статье: *Jensen A. Die Anfänge der schwedischen Slavistik // Archiv für slavische Philologie.* 1912. XXXIII. 1–2. S. 136–165.
- 6 «О печатном Катехизисе см.: Isak Collijn „Den i Stockholm år 1628 tryckta ryska katekesen“ в „Kyrkohistorisk Årsskrift utgifven af Herman Lundström. XII. 1911, S. 125–1314; ср.: Dr. Alfred Jensen в „Archiv für slavische Philologie“. XXXIII, 1–2. S. 139–141».
- 7 «См. у архиепископа Филарета „Обзор русской духовной литературы“, 3 изд. СПб., 1884, с. 202–203, № 179».
- 8 Имеется в виду труд: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.
- 9 *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: исход из «Петроградского Египта» // *Зарубежная Россия. 1917–1939.* Сб. статей. СПб., 2003. Кн. 2. С. 153–159; *Петр (Еремеев)*, иеромонах. Софийский архив Н. Н. Глубоковского // *Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал.* 2003. № 2 (23). С. 140–156; *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга.* СПб., 2004. С. 119–171; *Она же.* Деятельность профес-

- сора Н. Н. Глубоковского в беженстве. Доклад на конференции «Религиозная деятельность русской эмиграции». Москва ВГБИЛ, 9–10 ноября 2005 // Сайт «Религиозные деятели и писатели Русского зарубежья» (<http://zarubezhje.narod.ru/texts/Bogdanova.htm>); *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* Н. Н. Глубоковский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 601–610; *Даниленко Б.* (протоиерей): Вдали от Родины. Последние годы жизни Н. Н. Глубоковского (1921–1937) по архивным материалам. *Приложение*: Николай Глубоковский. Архиепископ Натан Сёдерблум как христианский и «экуменический» деятель (По личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям). Публикация Б. Даниленко // *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben.* Frankfurt-am-Main, 2008 (Russian Culture in Europe. Русская культура в Европе. Vol. 4). S. 71–117.
- 10 *Богданова Т. А.* Деятельность профессора Н. Н. Глубоковского в беженстве...
 - 11 *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 165.
 - 12 Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 13. Л. 20. Следует отметить, что данная резолюция приводится в ряде публикаций Т. А. Богдановой с ошибками: «Командировать для занятий в Архивах Стокгольма и Упсалы по розыску документов, относящихся к истории России» (неверное прочтение отмечено нами. — *М. Р., Л. С.*) (см.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: исход из «Петроградского Египта»... С. 158; *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 165).
 - 13 Заметим, что такого конкретного задания Глубоковский в 1918 г. от Академии наук не получал.
 - 14 *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: исход из «Петроградского Египта»... С. 166. В данной публикации ошибочно названа «университетская библиотека Стокгольма» вместо «Упсалы». Ошибка была исправлена в последующих публикациях (См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 166).
 - 15 *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 166. К сожалению, приведенная информация точно не документирована, хотя практически содержит цитаты из письма Глубоковского А. А. Шахматову от 14 марта 1920 г. (ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 369. Л. 2).
 - 16 Две другие открытки содержат почти одинаковые фразы: «Еще раз из Упсалы сердечный привет» — РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 43; «Еще раз сердечно приветствую» — Там же. Л. 42.

- 17 Письмо датировано по почтовому штемпелю Петрограда — 27 октября. Очевидно, что оно написано раньше.
- 18 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 41–41об.
- 19 Там же. Л. 42.
- 20 Там же. Л. 43.
- 21 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 41об.
- 22 В это время в Швеции королем был Густав V (1858–1950, король с 1907).
- 23 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 42.
- 24 Там же. Л. 43.
- 25 С А. В. Лебедевой Глубоковский заключил брак 27 ноября 1920 г. (*Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания // Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2003. № 2(23). С. 198).
- 26 РГАЛИ. Ф. 449. Оп.1. Д. 129. Л. 43
- 27 РГАЛИ. Ф. 449. Оп.1. Д. 129. Л. 41об.
- 28 Глубоковский подкорректировал идущее из Средних веков традиционное наименование резиденции, воспроизведенное на открытке «Erkebiskopsgården» (современное написание: ärkebiskopsgården), что означает в переводе «архиепископская городская усадьба». Однако вторая часть двусоставного слова garden при отсутствии необходимых надстрочных знаков могла быть неправильно истолкована как «сад». Возможно, для того, чтобы внести ясность, Глубоковский решил заменить «garden» на слово «huset», означающее на шведском языке «дом». Поэтому у него получилось неправильное с точки зрения традиции, но ясное по смыслу слово Erekebiskopshuset — «Архиепископский дом».
- 29 Натан Сёдерблом (1866–1931) — архиепископ Упсалы, Примаc лютеранской церкви Швеции (с 1914), член Шведской академии (с 1921), один из основателей экуменического движения, лауреат Нобелевской премии мира 1930 г. «По моему мнению, — писал Глубоковский, — это самый великий церковный человек нашего времени, и я настолько и так искренне превозношу его, что милый отец С. Н. Булгаков с добродушной шутливостью говорил мне в Лозанне, что сверх обычных православных догматов у меня есть новый — пиэтистического содербломизма» (*Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива... С. 196)
- 30 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 42об.
- 31 Там же. Л. 43об.
- 32 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 13. В архиве имеется четыре текста «записки»: три автографа и один машинописный. Вариант с

- большим числом поправок (л. 91–91об.), исправленный текст (л. 89–90об.) и его копия (л. 93–94 об.), машинопись (л. 95–96).
- 33 Общая канва этих событий воспроизведена с неточностями и без отсылки к документу (См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 166). Так, Глубоковский прибыл в Швецию на пароходе, носившем название не «Karl XVI», а «Carl XV» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 13. Л. 89); заметим, что годы жизни Карла XV — 1826–1872 (король с 1859), а Карл XVI Густав — ныне здравствующий король Швеции (с 1973).
- 34 *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 165.
- 35 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 13. Л. 89.
- 36 *Söderberg N. J.* Uppsala domkyrkas restaurering 1885–1893. Uppsala, 1923.
- 37 *Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива... С. 175.
- 38 Цит. по: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого... С. 168.
- 39 ПФА РАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 260. Л. 5.
- 40 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 28.
- 41 Гринберг Захар Григорьевич (1889–1949) — член Коллегии Государственной комиссии Наркомата просвещения РСФСР, заместитель А. В. Луначарского, служащий Комиссариата народного просвещения Северной области.
- 42 ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 369. Л. 1–2.
- 43 *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 30.
- 44 ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 27.
- 45 Там же. Л. 31.
- 46 Там же. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 13. Л. 89.
- 47 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1114. Л. 15.
- 48 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 151. Л. 22.
- 49 *Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива... С. 177.
- 50 РГАЛИ Ф. 449. Оп. 1. Д. 129. Л. 103об.
- 51 Цит. по: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты... С. 2004.
- 52 *Глубоковский Н. Н.* Из ненапечатанного архива... С. 181.
- 53 *Богданова Т. А.* Деятельность профессора Н. Н. Глубоковского в беженстве...
- 54 *Петр (Еремеев)*, иеромонах. Софийский архив Н. Н. Глубоковского... С. 142–156.
- 55 *Granberg A., Varpio M.* Church Slavonic Books in Sweden. Gothenburg and Skara. Catalogue. Gothenburg, 2009 (Slavica Gothoburgensia 9).
- 56 Ранее опубликовано краткое описание церковнославянских руко-

- писных и старопечатных книг из собрания библиотеки г. Вестероса (Slavica Arosiensia. II. Katalog över slaviska handskrifter och tryck från 1500-, 1600- och 1700-talen i Stifts- och landsbiblioteket i Västerås. Utarbetad av E. Gavryś. Västerås, 1960. S. 11–22 (Acta bibliothecae Arosiensis. II); рукописный кодекс AD 10 из собрания И. Г. Спарвенфельда, хранящегося там же, детально описан С. Далем (*Dahl S. Codex AD 10 der Västeråser Gymnasialbibliothek. Uppsala, 1949*); см. также обзор четырех рукописных сборников из той же коллекции (*Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 470–481*).
- 57 *Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum...; Sparwenfeld J. G. Lexicon Slavonicum / Ed. U. Birgegård. Uppsala, 1987. Vol. 1; Биргегорд У. О русских высших чинах в шведском плену // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 207–229.*
- 58 Единственный, сохранившийся в РГБ экземпляр данного издания — дефектный (*Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 97. № 318*).
- 59 См.: *Birgegård U. «Ett gesällprov i konsten att skriva dikt på ryska» // Carina amicorum. Carin Davidsson septuagenariae. Åbo, 1990. P. 17–34; Birgegård U. Соображения о русском языке в письменном наследии И.Г. Спарвенфельда // Доломоносковский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992. P. 46–52 (Slavica Suecana. Ser. B — Studies. Vol. 1).*
- 60 См., например: *Зернова А. С. Книги кирилловской печати... С. 97. № 318.*
- 61 *Зернова А. С. Книги кирилловской печати... С. 105–106. № 357.*
- 62 См.: *Сетин Ф. И. «Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI–XVII вв. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 95–98.*
- 63 См.: *Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 160–165.*
- 64 *Сетин Ф. И. «Буквари» Симеона Полоцкого... С. 97. В упомянутой работе неверно указан (в примеч. 21) номер рукописи «Книги приветствы» в Синодальном собр. ГИМ: № 299 вместо № 229.*
- 65 *Slavica Arosiensia. II. Katalog över slaviska handskrifter... S. 17–18.*

- 66 См.: *Биргегорд У.* О русских высших чинах в шведском плену... С. 221–226.
- 67 *Сазонова Л. И.* Литературная культура России... С. 58.

Robinson M. A., Sazonova L. I.

The Destiny of the Description of Manuscripts and Early Printed Books
in the Library of the University of Uppsala Composed
by N. N. Glubokovsky

On the base of the archive materials, the authors provide facts which have not been known before about the biography of N. N. Glubokovsky, Russian theologian. Exactly, there are episodes connected with his business trip to Sweden in 1918 and his work over the description of Slavic manuscripts and early printed books from the collection of the library of the University of Uppsala.

Key words: Glubokovsky, Uppsala, description of manuscripts and early printed books, collection of Sparfwenfeldt, archive documents.

Д. Добиаш
(Прага)

Вторая жизнь Краледворской и Зеленогорской рукописей в чешской литературе XIX в.

В статье анализируется роль Краледворской и Зеленогорской рукописей в становлении чешской культуры XIX в. Обе рукописи рассматриваются как индикаторы «чешскости», присущие ряду литературных произведений того времени. Тщательный анализ восприятия рукописей в чешской литературе XIX в. является для литературоведов одним из самых значимых исследовательских направлений.

Ключевые слова: *Рукописи Краледворская и Зеленогорская, чешская литература XIX в., литературная мистификация, Й. Добровский, К. Я. Эрбен, В. Б. Небеский, Б. Немцова.*

Роль переводов и адаптаций иноязычных авторов в процессе формирования чешской литературы Нового времени в период так называемого национального возрождения в чешском литературоведении особенно хорошо отражает понятие «переводность», введенное В. Мацурой и являющееся, по-видимому, одним из центральных определений при описании указанной эпохи¹. Вопрос обозначения «чешскости» переведенных, адаптированных или вновь созданных литературных форм заслуживает анализа в русле структурно-семиотических исследований Мацуры, анализа, не ограничивающегося отношениями отдельных авторов и их источников, а перенесенного на национальное возрождение и его ситуацию в целом. В то время как в ряде европейских литератур при столкновении последователь классцизма и романтизма довольно явственно прослеживалась непосредственная связь с произведениями предыдущих десятилетий или столетий, в Чешских землях эпохи возрождения побелогорский период осозновался как период многолетнего упадка чешского языка, место которого частично занял латинский язык, а позднее — немецкий. Так, например, еще Я. Коллару пришлось в духе тогдашних концепций национальной классики оправдывать свое обращение к сонету — форме, существовавшей в чешской литературе лишь с конца XVIII в.² Продолжалась полемика (от Й. Добровского до «Двух наших вопросов» Г. Г. Шауера (1886)) вокруг литературной продукции

конца XVIII в., «нечешской», якобы возникшей под влиянием извне. Шауер возвращался к вопросу о сущности и жизненности чешской национальной программы, а вместе с ней и литературы. Говоря словами Шауера, «только там есть народ, где есть крепкая, не прерванная и непрерывная связь между прошлым, настоящим и будущим, где существует подлинный закон внутреннего развития»³.

В отличие от просветителей, которые вслед за Й. Добровским особенно высоко ценили чешский гуманизм XVI в., ранние романтики перенесли «золотой век» чешской культуры и начало упадка в более отдаленное прошлое, на несколько веков до судьбоносной битвы на Белой горе (1620): «Эти стародавние времена, когда поэзия чешская *двигала и Вышеградом, и всю отчизной*, давным-давно погрузились во тьму кромешную, несомненно вследствие кровавых сражений с Западом» (1842)⁴. В процитированном высказывании К. Я. Эрбен связывает расцвет чешской поэзии в ее первоизданном виде с языком «Краледворской рукописи», якобы средневекового памятника с языческими элементами, найденного в 1817 г. В. Ганкой (во второй половине 80-х гг. XIX в. «Рукопись» была окончательно признана романтической мистификацией в традициях европейского оссианства)⁵. Здесь, кроме прочего, появляется введенный Эрбеном образ Забоя, пока еще рационалиста, но прежде всего воина, владеющего словом и оружием, наделенного патриотическим чувством. Песнь Забоя в «Краледворской рукописи» звучит как отзвук древних песнопений, она способствует как внутреннему единению общества, так и справедливой борьбе с внешним врагом. Национальная тема *Забоя* встречается в чешской литературе в течение всего XIX в. Еще чаще писатели обращаются к теме *Ярослава из Штернберка*, речь идет об осажденном городе в окружении лавины врагов-татар, городе, полагающемся на народную помощь «со всех концов страны»⁶; лирика «Рукописи» также способствовала возникновению волны поэтических отголосков. Большое внимание к себе привлекла в свою очередь генетически родственная «Краледворской рукописи» романтическая фальсификация под названием «Зеленогорская рукопись», найденная годом позже (например, в коронационной опере Б. Сметаны «Либуше»).

Разумеется, до конца 80-х гг. XIX в. «Краледворская и Зеленогорская рукописи» были лишь одной из отсылок к источникам национальной литературы, константой «чешскости» (собиратель фольклора и поэт Эрбен сам подчеркивал значение народной песни, лирико-эпических национальных жанров, таких как баллада, а

равно и произведений современных чешских поэтов⁷). Однако важность производимого «Рукописями» впечатления, особенно для первых десятилетий после их обнаружения, очевидна, в том числе для понимания национального конфликта, углублявшегося во второй половине XIX в.: знакомство с чешским фольклором и древней чешской литературой было ограниченным (большие сборники чешского фольклора были изданы только в последующие десятилетия, равно как и выдающиеся произведения древнечешской литературы, например, легенда «Жизнь св. Екатерины» вышла только в 1860 г.). Большинство их не несло такого национально-патриотического заряда. Мифы, имевшие более позднее происхождение, например гуситские, впервые появились в немецкоязычной литературе и свой современный вид приняли в течение первой половины XIX в.⁸ В «Рукописях», по-видимому, завершенных в конце наполеоновских войн, наряду с современными концепциями идентичности, впрочем уже широко разработанной просветителями ранее, появляются мотивы мнимой демократичности древних славян в противовес немецкой правовой системе, обоснование главного стремления к развитию чешской литературной культуры ее воображаемым высоким уровнем в прошлом и т. д. В воспоминаниях поэта С. Чеха говорится о том, какую роль играли «Рукописи» в конце эпохи так называемого неоабсолютизма Баха (1851–1859), когда он учился в гимназии: «Ради „Краледворской рукописи“ мы были готовы на все на свете [...]. Всякий раз, когда немецкие товарищи начинали хвастать духовным превосходством, она становилась самой большой нашей гордостью и самым сильным оружием против них [...]. Во многих других случаях нам приходилось, пусть лишь в душе, с болью признавать справедливость их аргументов, но было одно оружие, всегда помогавшее нам выйти из положения: драгоценная „Рукопись“⁹. В свете процитированных воспоминаний становится ясно, что критика «Рукописей» с позиций реалистов 80-х гг. явно имела политическое и общественное значение, хотя чешская наука в XIX в. еще ранее обращала внимание на явления, в свете которых «Рукописи» были исключением, а также на другие источники, и таким образом создавала более точную картину как прошлого, так и настоящего (например, упомянутый К. Я. Эрбен в области славянского фольклора и мифологии¹⁰). Для иллюстрации тогдашнего представления об изменении парадигмы после критики «Рукописей» хотелось бы процитировать преданного некоторому забвению предшественника Т. Г. Масарика, А. Вашека: «...ущерб, [...] причиненный» критикой «Рукописей», «возместится нам с другой

стороны»¹¹. Показательно стремление к новой интерпретации прошлого после «Рукописей» на примере исторической прозы (А. Ирасек¹²).

Общий характер споров о «Рукописях» в основном известен (влияние на ход дискуссии личностей Й. Добровского и Ф. Палацкого, вычленение «славянских» «Рукописей» из контекста «денационализированной» литературы чешского средневековья на латинском языке и обратное введение в контекст и т. д.¹³). Более глубокого внимания, скорее, заслуживают лишь некоторые моменты этих споров. Уважение научного сообщества к Й. Добровскому, первому критику средневекового происхождения «Зеленогорской рукописи», олицетворявшему борьбу против подлинности «Рукописей», тем не менее не распространялось на его мнение по поводу «Зеленогорской рукописи»¹⁴. По некоторым сведениям строгий рационалист Добровский в 20-х гг. XIX в., словно оказавшись на стороне своих будущих оппонентов, подчеркивал фабульный характер «Краледворской рукописи»; замыслом поэта, который не мог написать стихотворение ранее второй половины XIII в., по Добровскому, было просто желание «изобразить великую битву и при этом героизм чехов»¹⁵. На этом фоне также заслуживают внимания идейные причины, по которым Добровский как просветитель отказал в подлинности «Зеленогорской рукописи», действие которой разворачивается отчасти в еще языческом прошлом и показывает некоторое превосходство этого прошлого над более поздней латинской культурой. Взгляды Ф. Палацкого, особенно в конце 20-х — начале 30-х гг., также представляются комплексными и характеризуют историка отнюдь не как канонизатора мифа о «Рукописях»¹⁶. Другим заслуживающим внимания моментом является критика «Рукописей» в 50-х гг. XIX в. (свои сомнения по поводу средневекового происхождения «Зеленогорской рукописи» выразил В. Небески, поэт и ученый, переместивший эти сочинения из абстрактного славянского контекста назад в литературу чешского средневековья) и последующее возрождение мифа о «Рукописях» в конце 50-х — начале 60-х гг., после судебного процесса над Д. Кугом, издателем немецкоязычной критики «Краледворской рукописи», широко обсуждавшегося патриотической общественностью¹⁷. С тех пор вплоть до 80-х годов «Рукописи» ежегодно издавались, их распространение и прямолинейное толкование в патриотическом духе — заслуга школы и публицистики (Я. Неруда: «Идут муравьи длинным строем, и муравьи эти большие и красные; не знаю их научного названия, но кусаются они как черти»¹⁸; здесь он перефразирует «Краледворскую рукопись», в которой вместо муравьев фигурируют немцы)¹⁹.

Заслуживает внимания с литературоведческой точки зрения, да и специфические особенности чешской письменности в целом может прояснить, прежде всего отражение «Рукописей» в литературных произведениях, начиная с их словарного запаса в контексте свойственного началу XIX в. стремления к обогащению чешского языка необычными выражениями и славнизмами и продолжая их «славянским ритмом» (лексика «Рукописей», к примеру, появляется в «Чешско-немецком словаре» Юнгмана, пародийно она явно подхвачена Й. Линдой в пуристически аффектированном стихотворении «Вольмир»²⁰). С методологической позиции ключом для подобного исследования может служить анализ дискурса по Дж. Поттеру, который в своих работах подчеркивает, что именно дает использование того или иного кода текста для создания эффекта большей реальности и как соответствующее наполнение текста реальностью соотносится с групповыми интересами²¹. Кажется, что в корпусе чешских литературных произведений XIX в. именно ссылка на «Рукописи» была одним из путей придания большей достоверности и силы в формирующемся народном дискурсе возрожденческим текстам даже там, где они, обращаясь к иноязычным источникам, конструировали реальность в конфликте с более ранней, свойственной классицизму и «нечешской» нормой. Примером может служить романтическая поэма байроновского типа «Антиподы» (1844), написанная В. Небеским спустя несколько лет после появления спорной поэмы «Май» К. Г. Махи, которая, несмотря на ее общую положительную оценку, большинством критики была признана нечешской. В своей «славянской поэме» Небески сделал попытку противопоставить двум противоречивым ограниченным принципам (близкий лирическому субъекту, одинокий, трагически несостоявшийся Агасфер и против него промотавшийся филистер-материалист, удовлетворенный действительностью) синтез по Гегелю в образе национального героя во вступлении к произведению (оно напрямую связано с «Краледворской рукописью»). Эту попытку Небеского сделать современную вещь, уходящую корнями в национальную литературу, воспринял и поэтически воспел, например, Й. К. Тыл («Сердце патриота», 1845). Но она была признана сложной, прежде всего связанной с иностранными образцами, нашла отклик лишь у некоторых читателей и была отрицательно принята частью критики («У наших читателей еще не настолько испорчен желудок, чтобы они находили вкусной подобную иноземную пряность»)²².

Использование «Рукописей» чешскими авторами и аллюзии на них в чешской литературе XIX в. можно было бы показать на других

примерах (например, тему *Ярослава из Штернберка* разрабатывало множество авторов от Й. Линды до Э. Красногорской²³). Важно то, что функция «Рукописей» в творчестве указанных авторов, их поэтическая сила, а также и своеобразная проекция национальной категории вовсе не монолитна. Разрушая присущую ранней литературе концепцию коллективного автора, связанного нормами, выражая свое авторское субъективное «я», писатели выбирали различные пути, к чему, впрочем, прямо-таки призывает «Краледворская рукопись», произведение, позволяющее интерпретировать его с позиций позднего классицизма и романтизма. Приведем еще только один пример: Б. Немцова, автор стихотворений, навеянных «Рукописями», включает в текст своей повести «Бабушка» (1855) романтическую историю о Викторке и о ее несчастной любви с контрастной отсылкой к гармоничному любовному сочинению «Земляника» в «Краледворской рукописи» («И она пошла туда, а домой ее привез слуга на зеленой подстилке из клевера, бледную, пораненую. Нога у нее была завязана тонким белым платком, и ее пришлось перенести из повозки в дом»²⁴). Примечательно, прежде всего, то, что простого описания деревенской жизни недостаточно для утверждения реальности произведения. Немцова явно строит «Бабушку» с подзаголовком «Картины деревенской жизни» как гипертекст, выбором «Рукописи» она подчеркивает связь этого гипертекста с национальными традициями. Обычно в фольклорном творчестве коллектив своим надличностным началом гармонизирует личную трагедию, однако иное звучание истории о Викторке в сравнении со счастливо закончившейся «Земляничкой» становится источником появления жанрового эффекта.

В. Мацура высказал суждение о том, что характеристика чешской литературы эпохи Возрождения только в соответствии с направлениями (субъективный романтизм, объективный романтизм и т. д.) в значительной мере ошибочна. По мнению исследователя, указанную литературу существенным образом характеризует также стремление отразить «славянскость» или «чешскость», которые в XIX в. воспринимались по-разному²⁵. Более детальное исследование функционирования «Краледворской и Зеленогорской рукописей» в чешской литературе и культуре, касающееся ряда феноменов XIX, а затем и XX в., начиная «Швейком» Гашека (с прямым намеком на *Ярослава из Штернберка*), продолжая разного рода «чудиками» (пабителями)²⁶ во второй половине века и заканчивая недавними постмодернистскими мистификациями, как впрочем и само употре-

бление термина «мистификация» в современном политическом дискурсе в Чешской Республике, не перестает быть предметом дальнейших изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Macura V.* Znamení zrodu. Jinočany, 1995. S. 61.
- 2 *Kollár J.* Výklad čili Přímětky a Vysvětlivky ku Slávy Dceře. Pešť, 1832. S. 11.
- 3 Naše dvě otázky. Praha, 1886. Čas 1. S. 1.
- 4 *Erben K. J.* Slovanská korespondence. Praha, 1971. S. 365.
- 5 Ср.: *Dobiáš D.* Rukopis královédvorský a zelenohorský: dvě staletí literárního života // Rukopis královédvorský. Rukopis zelenohorský. Brno, 2010. S. 213–275. На эту статью мы будем ссылаться, когда речь пойдет о деталях рецепции Рукописей в XIX–XX вв. и позже.
- 6 Rukopis královédvorský. Rukopis zelenohorský. S. 100.
- 7 Ср.: *Erben K. J.* Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1864. S. V.
- 8 Ср.: *Kraus A.* Husitství v literatuře, zejména německé 1. Praha, 1917.
- 9 *Čech S.* Druhý květ. Praha, 1893. S. 158.
- 10 Ср.: *Erben K. J.* Slovanské bájesloví. Praha, 2010.
- 11 *Vašek A.* Filologický důkaz, že Rukopis kralodvorský a zelenohorský, též zlomek evangelia sv. Jana jsou podvržená díla Václava Hanky. Brno, 1879. S. II.
- 12 Например, в рассказе «На Холме» (1889) или новелле «На острове» (1888), позже и в «Старинных сказаниях чешских» (1894).
- 13 Ср. сборник: RKZ — dnešní stav poznání. Praha, 1969.
- 14 Ср.: *Dobiáš D.* Rukopis královédvorský a zelenohorský: dvě staletí literárního života. S. 224.
- 15 *Dobrovský J.* Prawda ruska... Das russische Recht... von J. B. Rakowiecki // Jahrbücher der Literatur. Wien, 1824. S. 97.
- 16 Ср.: *Dobiáš D.* Rukopis královédvorský a zelenohorský: dvě staletí literárního života. S. 235–236.
- 17 Ср.: Ibid. S. 238.
- 18 *Neruda J.* Filiálky Prahy // *Neruda J.* Sebrané spisy. 1. Praha, 1912. S. 102.
- 19 «Идут Немцы длинным строем — / То Саксонов злая рать; / От вершин Згорельских древних / Идут край наш воевать» (*Берг Н. В.* Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. М., 1846).
- 20 *Linda J.* Volmír // *Vlastenecký zvěstovatel.* 1823. S. 160.

- 21 *Potter J.* Representing Reality. Discourse, Rhetoric and Social Construction. London, 1996.
- 22 *Dobiáš D.* Intertextualita Nebeského Protichůdců a její recepcce // *Estetika*. R. 38. 2002. S. 92–95.
- 23 Ср.: *Linda J.* Jaroslav Šternberg v boji proti Tatarům. Praha, 1823; *Krásnohorská E.* Jaroslav ze Šternberka. Praha, 1868.
- 24 *Němcová B.* Babička. Praha, 1855. S. 91.
- 25 *Macura V.* Znamení zrodu. Jinočany, 1995. S. 216.
- 26 Пабитель — в чешской литературе XX в. рассказчик, домысливающий действительность, ищущий красоту в обыденной жизни.

Dobiáš D.

The Second Life of the Kraledvorskaya and Zelenogorskaya Manuscripts
in the Czech Literature of the 19th Century

The author analyses the role of the Kraledvorskaya and Zelenogorskaya manuscripts in the shaping of Czech culture of the 19th century. The both manuscripts are perceives as indicators of «Czech identity» typical for a number of literary works of that period. Thorough analysis of perception of the manuscripts in Czech literature of the 19th century is one of the most significant ways of studies for philologists.

Key words: Kraledvorskaya and Zelenogorskaya manuscripts, Czech literature of the 19th century, literary mistification, J. Dobrovski, K. J. Erben, V. B. Nebieski, B. Nemzova.

С. А. Шерлаимова
(Москва)

XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель»

В статье рассматриваются процессы в чешской литературе после XX съезда КПСС, когда в Чехословакии формировалось реформаторское движение «Пражской весны», в котором писатели зачастую выступали в роли инициаторов.

Ключевые слова: *XX съезд КПСС, II съезд чехословацких писателей, «оттепель», журнал «Кветен», газета «Литерарни новины», М. Кундера, Й. Шкворецкий.*

В жизни общества начала нового тысячелетия литература играет роль не слишком заметную. Для большинства населения это всего лишь развлечение, для многих специалистов-филологов — подходящий объект применения новых исследовательских методов, для подрастающего поколения — сложная для усвоения школьная дисциплина. Исключения, конечно же, существуют, но они, как известно, положения не меняют, во всяком случае — пока. И сегодня трудно даже себе представить, что полвека тому назад как в нашей стране, так и практически во всех странах тогдашнего «социалистического лагеря» из сферы литературы исходили импульсы социально-политического обновления, писатели выступали глашатаями общественного реформирования, к их голосу прислушивались, они были реальной общественной силой.

XX съезд КПСС явился исключительно важной вехой в развитии духовного мира восточно-европейского региона. Разумеется, воздействие этого события на каждую из социалистических стран имело свою специфику, обусловленную особенностями послевоенной действительности и уходящую корнями в историческое прошлое. В межвоенный период в этих странах были разные политические режимы: от тоталитаризма до относительно развитой буржуазной демократии. Стоит напомнить и о том, что прошло всего только чуть больше десяти лет после окончания Второй мировой войны, в ходе которой эти страны находились по разные стороны фронта. Разными были национальные культурные традиции. После 1945, а точнее — после 1948 г. взяла верх тенденция унификации: литературы всех находившихся в

зоне влияния СССР стран прошли через период введенного административным путем социалистического реализма советского образца. XX съезд положил конец этому периоду. Во второй половине 50-х — 60-е гг. литературы всего социалистического региона получают возможность более свободного развития и переживают подъем. На пути этого процесса в каждой стране вставали свои трудности, власти стремились этот процесс остановить или хотя бы затормозить, но вектор развития был именно таков. В настоящей статье этот процесс будет рассмотрен на материале чешской литературы.

Было бы большим преувеличением говорить, что только XX съезд открыл для чехов правду о репрессиях в СССР. Старшее и среднее поколение было осведомлено о них еще до войны — по прессе, по книгам, по разгоревшимся тогда политическим дискуссиям. Негативное отношение к советским событиям было характерно не только для чешских официальных, консервативных и либеральных кругов, споры шли и в среде левой интеллигенции. В связи с оценкой советских репрессий 1937–1938 гг. произошел раскол в редакции близкого компартии ежеквартальника «У», редактора которого, молодого рабочего поэта Яна Ногу, усомнившегося в правоте советских товарищей, сменил ортодоксальный коммунист, поэт, талантливый переводчик русской поэзии Иржи Тауфер; раскололась группа чешских сюрреалистов, которую ее вождь поэт Витезслав Незвал объявил распущенной после того как ведущий теоретик группы Карел Тейге выступил с осуждением репрессий. Разумеется, из закрытого доклада на XX съезде стали известны новые факты, особенно поразившие молодых, но его главное воздействие все же заключалось не в этом, а в том, что достаточно точно передавал быстро прижившийся не только в нашей стране термин Ильи Эренбурга «оттепель». Начал ослабевать идеологический нажим на общество, было снято табу с многих прежде закрытых тем, в области литературы постепенно создавались более благоприятные условия для творческих исканий.

Период жесткого господства в чешской литературе идеологического диктата и социалистического реализма, своего рода «шоковый период» в культуре и в жизни страны вообще, продолжался сравнительно недолго — с февральского переворота 1948 г. до смерти Сталина и символически последовавшей сразу же за ней смерти Готвальда в марте 1953 г. Что касается собственно литературы, то в ней и в «шоковый период» наблюдалось известное сопротивление официальным нормам, неизменно встречавшееся властями в штыки. Приведу один пример — из области поэзии. В ней тогда господство-

вали бодро-декларативные, переполненные восторженными восклицаниями оптимистические стихи, славящие социалистический строй, Советский Союз, Сталина и Готвальда. Когда же в 1950 г. проникновенный лирик, будущий первый чешский лауреат Нобелевской премии Ярослав Сейферт опубликовал «Песни о Викторке», на него обрушился град обвинений. Между тем, он всего лишь перевел на язык поэзии один из мотивов романа «Бабушка», принадлежавшего перу исключительно почитаемого национального классика Божены Немцовой, всего лишь воспел силу безоглядной любви:

Наш мир не может жить без роз
известно это всем влюбленным,
бредущим среди войн и гроз
и звоном стали оглушенным.

Перевод Л. Дымовой

Партийная критика узрела в них чуть ли не манифест воинствующего индивидуализма, подрывающий мораль «нового человека». И тем не менее отпор нормативной эстетике социалистического реализма назревал как по линии формы, так и по линии содержания, особенно после знаменательного 1953 г. Так, писатель и критик Ян Трефулка в брненском журнале «Гост до дому» выступил с резко отрицательной оценкой сборника весьма — в духе официальных пожеланий — декларативных стихов популярного молодежного поэта Павла Когоута «Время любви и сражений» (1954). Развернулась целая дискуссия о схематизме в литературе, что предвещало наступление новых порядков, однако поначалу все это ни в коей мере не затрагивало представлений о незыблемости социалистического строя. Наиболее острый и болезненный для Чехословакии вопрос о невиданных в истории этой страны кровавых репрессиях рубежа 40-х — начала 50-х гг. по-прежнему оставался нерешенным, но 1953 год и затем XX съезд КПСС открыли возможность для относительно более свободной выражения мыслей и творческого поиска в искусстве.

О новом этапе в развитии чешской литературы можно с уверенностью говорить после Второго съезда Союза чехословацких писателей, который состоялся вскоре после XX съезда КПСС. Общее стремление к переменам, сознание необходимости для искусства быть ближе к обыкновенному человеку и его ежедневным нуждам прозвучало уже в заранее подготовленном и утвержденном партийными инстанциями докладе Витезслава Незвала, где содержался та-

кой, например, пассаж: «Поэзия, в которой не найдется места для слова „чеснок“, как-то отстранена от человека». И далее: «Ничего не могу с собой поделаться, но Сейферта — именно за его конкретность, простоту, предметность — я ценю выше других, хотя порой мне и кажется, что он мог бы смелее вмешиваться в нашу жизнь»¹.

И Сейферт, действительно, вмешался, по тем временам весьма смело, заговорив в своем ставшем знаменитым выступлении на съезде писателей не только о творческих, но и о политических вопросах, о том, что в истории чешской литературы часто именно поэты высказывали правду раньше, чем политики: «Прекрасно, если поэты подталкивают политиков, но, посмею сказать, гораздо менее прекрасно, если дело обстоит наоборот»². Сейферт заговорил о писателях как о «совести нации», что прозвучало как противовес готвальдовскому призыву к ним — быть «социалистическими будителями» народа.

Знаменитым стало и выступление еще одного поэта-лирика старшего поколения Франтишека Грубина. Он сравнил придавленную цензурой чешскую поэзию с лебедем, который не может взлететь, потому что его крыло вмерзло в лед. По его словам: «Нездоровым и унижительным для чешской литературы в недавние годы было такое состояние, когда о ее проблемах нельзя было говорить открыто»³.

С программным заявлением на съезде выступили представители молодого поколения, группировавшиеся вокруг созданного Союзом писателей в 1955 г. журнала «Кветен»: Иржи Шотола, Карел Шиктанц, Мирослав Флориан, Мирослав Червенка. Эти и некоторые другие кветенцы впоследствии вошли в ядро реформаторского движения «Пражской весны», а пока они решительно отказывались от лозунгового и декларативного стихотворчества предшествующих лет, ратовали за «поэзию будничного дня». От лица молодых Шотола призывал «меньше героизировать, прославлять, устраивать манифестации», а вместо этого «открывать подлинную ежедневную жизнь и ее правду». По его убеждению, «поэзия будничного дня» не должна быть серой и банальной, не должна ограничиваться жанровыми зарисовками: «Задача совсем иная: постичь и показать содержание и смысл каждодневного бытия, подлинную атмосферу современной жизни, психологию людей, именно это поставить в центр вдохновенного писательского интереса, превратить в цель первооткрывательских устремлений, восприимчивости, фантазии и экспериментов, в импульс смелых творческих планов...». Ведь именно такая поэзия «сможет вовремя подать предостерегающий сигнал, если кто-нибудь снова начнет авторитетно лгать»⁴.

Надо подчеркнуть, что ни на Втором съезде писателей, ни в последующих затем дискуссиях никто не посягал на социалистическую идеологию или социалистический строй, хотя, конечно же, оппозиционные тогдашней культурной политике выступления подверглись суровой критике со стороны представителей официальной партийной линии (Иржи Тауфер, Ладислав Штолл и другие). Но просто вернуться назад уже было невозможно. Главное, что произошло на съезде — ранее назревавшие подспудно тенденции, оппозиционные грубому партийному давлению на литературу и канонам социалистического реализма, прорвались наружу, были, как теперь принято это называть, «озвучены» весомо и громко голосами объединившихся склонных к либерализму старших и рвущихся к свободе молодых. Можно считать, что после проходившего под воздействием XX съезда КПСС Второго съезда чехословацких писателей весьма существенная, полная сил группа литераторов, в том числе талантливых и «пассионарных» молодых, начинает переходить в оппозицию режиму, пусть пока еще «мягкую».

В «поэзии будничного дня» уже не было места нарочито бодрым мотивам, переполнявшим стихи «шокового периода». Словно подхватив эстафету от Сейферта, молодые писали о любви (поэма И. Штолы «Думаю о тебе», кстати сказать, переведенная на русский язык Б. Окуджавой, и многие другие произведения молодых поэтов), о городских буднях (пражские зарисовки М. Флориана), о повседневном труде ученых (М. Голуб). Жила в их стихах и горькая память о прошлой войне и ужасах оккупации (посвященная трагедии уничтоженной фашистами чешской деревни „Лидице“ поэма «Гейновские ночи», 1960, К. Шиктанца; поэма И. Штолы «Это было в Европе», 1960), жила мечта о всеобщем мире. Молодой задор звучал в ставшей популярной «Оде азарту» И. Штолы из его сборника «Мир наш насущный» (1957), призывавшей снова и снова повторять попытки попасть в цель — пока есть хоть «несколько мизерных процентов надежды». Мирослав Голуб, микробиолог по профессии, так восславил азарт научного и творческого искания:

Пойди и открой дверь,
и если там только
дрожащая темнота,
и если там только
порыв ветра,
и если там

нет
вообще ничего,
пойди и открой дверь.
По крайней мере будет
свежий ветер.

Казалось бы, в подобной «поэзии будничного дня» нет решительно ничего «подрывающего устои», и тем не менее она вызывала недовольство высоких партийных кругов и официальной критики. Ведущие позиции в литературной жизни еще длительное время сохранялись за сторонниками прежней культурной политики КПЧ, которые вносили в нее лишь незначительные поправки и оговорки. Постоянным и, нельзя не признать, подчас остроумным, оппонентом пропагандировавшего «поэзию будничного дня» журнала молодых становится критик среднего поколения Иржи Гаек, считавший линию «Кветна» недостаточно гражданской.

Но в «оттепельной» обстановке программа «поэзии будничного дня» подверглась критическому разбору и с другой стороны. В редакцию «Кветна» поступило письмо дотоле почти никому не известного студента Вацлава Гавела. Публикация этого письма стала первым выступлением в печати будущего драматурга, диссидента, президента пост-социалистической Чехословакии. Гавел увидел связь программы кветенцев с концепцией существовавшей во время оккупации «Группы 42», пытавшейся противопоставить гнетущей атмосфере тех лет неизменные ценности обыденной городской жизни. Представлявший следующее за кветенцами поколение и, в отличие от них, уже в силу своего происхождения из семьи успешных предпринимателей никогда не испытывавший восторга по отношению к социалистическому строю, Гавел, по сути, высказался за размежевание с нормативами социалистического реализма, насаждавшимися в предшествующий период. Он разделял «поэзию реалистическую и социалистическую», к которой относил таких известных, опиравшихся на сюрреализм и традиции Уитмена и не пользовавшихся благосклонностью партийных властей поэтов, как Иржи Коларж и Владимир Голан, и социалистический реализм, введенный в 1934 г. и впоследствии еще более суженный. Гавел призывал уточнить программу, полагая, что «будущие успехи искусства зависят, и этого нельзя недооценивать, от качества современной теории»⁵.

Кветенцы весьма резко возражали своему молодому оппоненту, для них он оказался слишком аполитичным. Так, И. Штола утверж-

дал, что признание обнаруженной Гавелом преемственности их программы по отношению к «Группе 42» было бы возвращением назад, тогда как надо идти только вперед: «От деталей к целому. От правды индивидуума к правде класса, общества. От трезвой конкретности к смелой кантилене и пафосу. Правдивое, вдохновляющее политическое искусство. Не догматическое импотентное уродство. Политическое искусство, общественная творческая сила»⁶.

Кветенцы пытались убедить партийные власти, что они лояльны, что они полностью поддерживают партийную линию на гражданское социалистическое искусство, но — не убедили. В 1959 г. руководство Союза писателей, разумеется под нажимом партийных инстанций, закрыло журнал. Так и протекала чехословацкая «оттепель» после XX съезда КПСС: то некоторое послабление, то снова заморозки, запреты. Но начало переменам было положено.

С сегодняшней точки зрения бури на Втором съезде чехословацких писателей и вокруг него кажутся не слишком значительными, но после них практически перестала существовать декларативно-лозунговая поэзия, поэты «получили право» писать об обычной жизни, ее радостях и горестях, стали гораздо свободнее в области формы. Не забудем и о вкладе в этот процесс предшествовавшей съезду дискуссии о схематизме. Надо вспомнить и поэтические произведения 50-х гг. ныне самого известного в мире современного чешского романиста Милана Кундеры. Теперь он отрекся от своего поэтического творчества, не разрешает перепечатывать его стихи, но это не мешает нам сознать их новаторское значение в контексте своего времени, особенно сборника «Монологи. Книга о любви» (1957), сразу же получившего широкое читательское признание. Кундера по возрасту и направленности своего тогдашнего творчества был близок кветенцам, иногда печатался в их журнале, но не входил в их группу, как и ни в какие другие объединения. Однако его стихи в немалой степени способствовали отвоевыванию нового пространства для литературы.

К концу 50-х гг. в литературоведении и критике появляются попытки реабилитировать подвергавшиеся гонениям в «шоковый период» традиции поэтизма — чешского авангардистского течения 20-х гг., а отчасти и сюрреализма 30-х, заново пересмотреть оценку пражского литературного структурализма, который в пору жестких соц-реалистических канонов был объявлен буржуазным формализмом и идеализмом и от которого тогда отрекся даже его основоположник Ян Мукажовский.

В «шоковый период» самым официально поддерживаемым прозаическим жанром был так называемый «производственный роман», призванный отразить «успехи строительства социализма», показать «руководящую роль партийной организации». Ныне забытые произведения этого жанра, награждавшиеся престижными премиями, были столь же схематичны и ура-оптимистичны, как и поэзия тех лет. Что же касается характерной для первого послевоенного времени темы войны и оккупации, то она была отодвинута на задний план. С середины 50-х гг. эта тема вновь оказалась в центре внимания писателей и читателей. Новым оказалось обращение к судьбе еврейского населения страны, подвергшегося жестоким преследованиям и в его большей части просто уничтоженного. Среди произведений этой тематики особый успех выпал на долю лирической повести Яна Отченашека «Ромео, Джульетта и тьма» (1958), в которой рассказывалась закончившаяся гибелью героини история любви чешского юноши Павла и еврейской девушки Эстер. В «шоковый период» резкой критике был подвергнут роман Иржи Вейла «Жизнь со звездой» (1949) о трагической судьбе мелкого банковского служащего, работавшего в годы оккупации в аппарате еврейской общины, который был вынужден по приказу фашистских властей заниматься отправкой соплеменников в концентрационные лагеря. Вейла упрекали за то, что его герой, который не в силах что-либо предпринять хотя бы для спасения своей собственной жизни, наделен «отвратительной мелкобуржуазной пассивностью». Критиков не интересовало, насколько этот роман был правдив — в нем не был изображен отважный герой-коммунист, следовательно автор заслуживал только порицания, а между тем роман Вейла явился предвестником целого большого пласта чешской прозы. Уже после смерти Вейла вышел в свет его роман «На крыше Мендельсон» (1960), в основу которого был положен реальный случай — спасение рабочими статуи композитора, которую фашисты приказали снять с крыши Рудольфинума (впоследствии — Пражского дома искусств) из-за его еврейского происхождения. В романе акцентируется трагикомичность ситуации, когда гитлеровцы не могли опознать, какая из статуй есть Мендельсон и, ориентируясь по длине носа, едва не сбили Вагнера. Этот роман Вейла был воспринят критикой более благосклонно. Очень благосклонно был встречен и роман Ладислава Фукса «Пан Теодор Мундштук» (1963), написанный под очевидным влиянием «Жизни со звездой» Вейла, и произведения с еврейской тематикой Арношта Лустига и других авторов — времена изменились!

Произведения конца 1950-х — начала 1960-х гг., посвященные Холкосту, концентрационным лагерям («Картотека живых», 1956, Норберта Фрида) и обычным людям в качестве героев, раздвинули тематические рамки чешской прозы, укрепили тенденции психологизма, представили читателю новую систему героев и конфликтов. Еще большим ударом по канонам социалистического реализма явился первый роман Йозефа Шкворецкого «Малодушные» (1958), в котором до того сугубо пафосная тема освобождения Чехословакии Красной Армией в мае 1945 г. решалась с акцентированием комических моментов.

По возрасту Шкворецкого можно было бы сопоставить со старшими представителями кветенцев. В 1943 г. он окончил гимназию, работал по мобилизации на военном заводе, увлекался американской литературой и играл на бас-саксофоне в самодеятельной джазовой капелле, после войны окончил философский факультет Карлова университета, работал учителем, переводил американских писателей, стал редактором в журнале «Светова литература». По его свидетельству, он написал «Малодушных» еще в 1948–1949 гг., но тогда об издании романа не могло быть и речи. В «потеплевшей» обстановке конца 50-х это стало возможным.

В романе от лица недавнего выпускника гимназии Данни описываются восемь майских дней в небольшом промышленном чешском городе, когда происходило его освобождение советскими войсками. Показана невообразимая сумятица среди обывателей, которые боятся и то уходящих, то вновь возвращающихся немцев, и неизвестно чем им грозящего прихода Красной Армии, срывают вывески на немецком языке и вывешивают припрятанные чехословацкие флаги, когда немецкие части покидают город, и все снова меняют, если они появляются опять. Подробно раскрываются переживания молодого героя, который вступает в добровольческий отряд, пытается добиться любви нравящейся ему девушки, мечтает об учебе в Пражском университете: «Вообще-то меня не пугало, что возможно будет революция и вовсе не так уж хорошо быть на самом деле убитым, мне было даже приятно думать о составлении завещания, героизме и всем прочем». В ироническом ключе нарисовано и вступление в город Красной Армии, бойцы которой напоминают рассказчику героев поэмы Блока «Двенадцать».

Автора романа можно упрекнуть в некотором многословии, в нанизывании подробностей, в известной монотонности повествования, можно сомневаться в точности образа советского генерала, при звуке выстрелов обрывающего свою речь и бегущего в укрытие. Но

нельзя не признать, что Шкворецкий правдиво нарисовал поведение в майские дни чешских приспособленцев и обывателей и в то же время смело выступил против официального канона изображения событий 1945 г. и Красной Армии исключительно в благодарственно-героизирующем ключе.

Повторю еще раз, что само по себе издание подобного романа, вызвавшего большой читательский интерес, явилось несомненным доказательством «потепления», меняющейся литературной обстановки, но книга сразу же подверглась разносам со стороны официальной критики, стала предметом пристрастного разбирательства на заседаниях ЦК Союза чехословацких писателей. Опубликованная литературоведом Михалом Бауером в приложении к журналу «Твар» стенограмма двух посвященных этому обсуждению заседаний воссоздает наглядную картину культурной атмосферы Чехословакии на рубеже 1950–60-х гг.

На обсуждении без конца повторялись обвинения автора в том, что он исказил действительность, не показал роль коммунистов, окаррикурил образ Красной Армии. «Я эту книгу читала, — говорила старейшая чешская писательница Мария Майерова, — и после чтения у меня было такое отвратительное чувство, что я должна была пойти и вымыть руки»⁷. «В этой книге все типически мелкобуржуазное, не показана роль трудового народа, не говорится о коммунистах, все сосредоточено только на буржуях, якобы они делают революцию»⁸, — горячился автор произведений на рабочую тему Вашек Каня. А Ян Дрда, автор широко известного рассказа о периоде оккупации «Высший принцип», искренне удивлялся: «...он (Шкворецкий. — С. III) ссылается на Блока как поэта Октябрьской революции. Для нас поэт Октябрьской революции это Маяковский, а у него там Блок»⁹.

Шкворецкого критиковали не только за содержание романа, но и за его форму, упрекали в подражании американским писателям, в употреблении жаргонных выражений, даже в том, что он пишет слишком короткими предложениями.

По неписанным правилам того времени Шкворецкий был вынужден выступить с признанием ошибок и самокритикой. Ему пришлось призвать на помощь авторитет чешской классики, в том числе «Швейка», чтобы хотя бы в отношении языка отвести от себя обвинения в следовании американскому примеру: «„Малодушные“ задумывались как роман, написанный короткими предложениями в духе примитивной манеры разговора. Я не осознал, что таким образом нельзя выражаться там, где речь идет уже не о джазе и девочках, а о

политике и где разговаривают люди старшего возраста. Я намереваюсь освоить стиль более длинных фраз, метафор и сравнений»¹⁰.

По отношению к издательству, выпустившему роман, и к автору были приняты административные меры. Шкворецкий был вынужден покинуть редакцию журнала «Светова литература». Однако время уже стало другим. Как ни отстаивали приверженные социалистическому реализму писатели и критики свою правду, свою эстетику, опираясь на всемогущие партийные власти, постепенно их позиции ослабевали. Да ведь и на обсуждении «Малодушных» большинство участников признавали талант автора, а широкий резонанс романа в обществе с несомненностью свидетельствовал об изменении читательских ожиданий и вкусов.

Перемены отчетливо проявились и в области драматургии, в области театра. Свою лепту здесь внес тот самый Павел Когоут, чьи ура-лозунговые стихи были разгромлены в дискуссии 1955 г. о схематизме. В драме Когоут показал себя способным к смелому для того времени новаторству как с точки зрения формы, так и с точки зрения постановки новых этических проблем. Это в полной мере относится к его пьесе «Такая любовь» (1957), которая имела большой успех не только в Чехословакии, но и за рубежом, в том числе в СССР.

Надо специально сказать о пражских «маленьких театрах», таких как «Семафор» и «На забрадли». В театре «Семафор» (от «се-мь ма-лых фор-м»), которым руководили Иржи Сухи и Иржи Шлитр, ставились своего рода мюзиклы («Человек с чердака», 1959; «Зузана одна дома», 1960; «Зузана снова одна дома», 1961 и др.), где актеры весело пели, пританцовывали, незатейливо шутили к огромному удовольствию публики. «Семафор» возрождал традиции чешского авангардного театра 20-х гг., но не только это. На состоявшейся в 1999 г. конференции Института чешской литературы АН ЧР, посвященной литературе 1960-х гг., критик и театровед Владимир Юст следующим образом определил значение этого «маленького театра»: «„Семафор“ предложил очень атрактивный и беспроблемный способ как прилично пережить неприличное время: Швейк предлагал трактирную побасенку, Сухи со Шлитром — ритм, эксцентричность и восторг молодости»¹¹.

В театре «На забрадли» большой успех выпал на долю первой самостоятельной пьесы Вацлава Гавела «Праздник в саду» (1963), которая представила оригинальный образец интеллектуальной драматургии с использованием приемов театра абсурда. Главный герой пьесы Гуго, который с необыкновенной быстротой и легкостью при-

способливается к любым условиям, в один момент делает карьеру благодаря своему умению весело произносить пойманные на лету бессмысленные фразы начальства.

Острая сатира на забюрократизированный общественный порядок воплощается в этой и последующих комедиях Гавела не столько в действии, сколько на словесном уровне, в диалогах. Впоследствии, в «Заочном допросе», драматург так писал о своей творческой манере: «Меня интересует язык как организатор жизни, судеб и миров, язык как важнейшее из умений, язык как ритуал и заклинание; слово как носитель драматического развития, как удостоверение личности, как способ самоутверждения и самопродвижения. Меня интересует фраза и ее значение в мире, где вербальная оценка, включение во фразеологический контекст, языковая интерпретация зачастую оказывается важнее, чем сама действительность»¹². В пьесах Гавела не было адресных политических аллюзий, но в них выпукло показывалась обреченность ставки на вербальную мощь идеологии, остроумно высмеивалось приспособленчество любого рода.

Мы рассмотрели лишь некоторые, хотя, может быть, и наиболее показательные примеры изменения чешской литературной жизни на рубеже 50-х и 60-х гг. На самом же деле отход от штампов, расширение тематики, появление новых героев, использование новых художественных приемов постепенно становится характерным не только для молодого поколения, но для всех сколько-нибудь значащих литераторов. В поэзии здесь надо было бы назвать таких представителей старшего и среднего поколения, как Вилем Завада, Владимир Голан, Ольдржих Микулашек, Ян Скацел. В прозе это во многом созвучная «поэзии будничного дня» серия книжек молодых авторов «Жизнь вокруг нас»: «Между двумя границами» и «День прошел здорово», обе — 1960, Ивана Климь; «Зеленые дали», 1960, и «Сугроб», 1961, Яна Прохазки; а затем уже и «Смешные любви», 1963, с которых начинается Милан Кундера — прозаик. Большим литературным событием явилось издание в 1962 г. сборника рассказов Богумила Грабала «Жемчужинка на дне», вдохнувших новую жизнь в прославленную Гашеком и Кафкой «пражскую иронию», новаторских с точки зрения стиля и языка.

В области литературной теории и программатики все яснее обозначался пересмотр догматической концепции социалистического реализма. Вехой на этом пути стал выход в свет монографии Кветослава Хватика «Бедржих Вацлавек и развитие марксистской эстетики» (1962). Хватик, как и кветенцы, как и авторы книжек серии «Жизнь вокруг нас», отнюдь не отказывался от социалистических идеалов. Он

стремился показать специфику их воплощения в чешской межвоенной литературе, подчеркнуть близость чешских поэтистов и сюрреалистов к КПЧ и тем самым реабилитировать важную для молодого творчества авангардную традицию. А между тем уже шла подготовка ставшей знаменитой международной конференции о творчестве пражского уроженца Франца Кафки, которая состоится весной 1963 г. в замке Либлице и со времени которой реформаторское движение «Пражской весны» будет неудержимо набирать обороты, невзирая на все противопоставленные ему усилия партийного руководства.

Характерной приметой эпохи после XX съезда КПСС и Второго съезда чехословацких писателей было то, что новаторские литературные произведения, выступления критиков, дискуссии по, казалось бы, «цеховым» проблемам искусства приковывали к себе всеобщее внимание, литературная пресса, прежде всего газета Союза писателей «Литерární noviny», стала своего рода организатором движения «Пражской весны». Достаточно было лишь немного ослабить цензуру, разрешить лишь некоторую самостоятельность литературных сообществ и вернуть процесс в прежнюю колею оказалось уже невозможным.

Можно ностальгически сожалеть, что сегодня литература ни в Чехии, ни в России не играет той будоражащей и организующей роли, какую она играла полвека тому назад, но, наверное, стоит еще раз задуматься, в этом ли состоит ее основное предназначение, во всяком случае в наши дни. Внимательное изучение чешского опыта 1950–60-х гг., которое, по существу, еще только начинается, очень важно в том числе и для понимания смысла существования искусства в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Literární noviny. 1956. № 17. S. 11.
- 2 Ibid. № 19. S. 9.
- 3 Ibid. № 18. S. 10.
- 4 Literární noviny. 1956. № 18. S. 11.
- 5 Květen. 1956. Roč. 2. № 1. S. 30.
- 6 Ibid. № 7. S. 264.
- 7 Bauer M. Zbabělci v lednu 1959 (1). Edice TVARy. 2000. Sv. 13. S. 9.
- 8 Ibid. S. 9.
- 9 Ibid. S. 18.

- 10 Ibid. S. 24.
- 11 Zlatá šedesátá. Praha, 2000. S. 339.
- 12 Havel V. Dálkový výslech. Praha, 1997. S. 167.

Sherlaimova S. A.

The 20th Congress of the CPSU and the Czech Literary «Thaw»

The article deals with the processes in Czech literature after the 20th Congress of the CPSU when the reformation movement of the «Prague Spring» was shaped in Czechoslovakia. Writers were often initiators of that movement.

Key words: *20th Congress of the CPSU, 2nd Congress of Czechoslovakian writers, «thaw», «Kweten» Magazine, «Literarni Noviny» Newspaper, M. Kundera, J. Škvorecký.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

**Мировая поэзия в зеркале словенского
художественного сознания
(литературный проект «Песнь Орфея»)**

В статье анализируется вышедшее в Словении издание «Песнь Орфея. Антология мировой поэзии в подборке словенских поэтов» (1998), составленное действующими национальными авторами и отражающее рецепцию мировой поэзии в современной словенской литературе. Антология дает представление о том, какие произведения «прижились» на словенской почве и оставили свой след в сознании и культуре словенцев в конце XX в.

Ключевые слова: *мировая поэзия, восприятие стихотворных произведений, проблемы перевода.*

Светлой памяти Тоне Павчека посвящается...

В 1998 г. в Словении под редакцией поэта Н. Графенауэра вышла книга «Песнь Орфея. Антология мировой поэзии в подборке словенских поэтов», инициатором создания которой выступил литературный журнал «Нова ревия», учрежденный благодаря усилиям демократически настроенных деятелей науки и культуры в 1982 г., на заре зарождающихся в СФРЮ перемен. Журнал продолжил традицию словенских «вольных» изданий конца 1950-х — начала 1960-х гг. «Ревии 57» и «Перспектив», вокруг которых в годы «оттепели» группировалась либеральная интеллигенция. Несмотря на то, что официально «Нова ревия» имела подзаголовок «культурный ежемесячник», это было издание не столько обращавшееся к проблемам культуры, литературы и искусства, сколько ведущее открытую и яростную полемику по общественно-политическим и национальным вопросам, касающимся как словенского, так и общегославского контекста, фактически, сделавшееся в это время органом политической оппозиции. Со страниц журнала в середине 1980-х гг. прозвучали требования демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации, он стал одним из рычагов влияния на массовое политическое сознание, катализатором общественных перемен. Именно у членов редколлегии «Новой ревии» возникла в середине 1990-х

гг. идея антологической подборки стихотворений всемирно известных лириков, как остроумно выразился один из участников проекта Й. Сной, идея «группового фотопортрета с госпожой Поэзией»¹, выполненного лириками словенскими. В число составителей «Песни Орфея» вошли тридцать два на тот момент действующих поэта, представляющие весь почти полувековой «срез» современной словенской поэзии: от участника Второй мировой войны Ивана Минатти (р. 1924) до представителя пост-постмодернистской генерации Алеша Штегера (р. 1973). Старшее поколение представляют также три «аксакала» словенского стихосложения, участники легендарного сборника «Стихи четырех» (1953) Ц. Злобец (р. 1925), Т. Павчек (1928–2011) и Я. Менартом (1929–2004). В состав участников вошли представители разных художественных направлений: несколько ведущих поэтов-модернистов — Д. Зайц (1929–2005), В. Тауфер (р. 1933), Н. Графенауэр (р. 1940), Т. Шаламун (р. 1941), приверженцы «открытого» реализма А. Брвар (р. 1945), М. Деклева (р. 1946), А. Медвед (р. 1947), тяготеющие к постмодернизму М. Есих (р. 1950) и А. Дебеляк (р. 1961). В гендерном плане лидерство поэтов-мужчин безоговорочно — в авторский коллектив вошло всего две женщины: И. Симонович (р. 1953) и М. Видмар (р. 1961). Перед участниками была поставлена задача из всей глыбы мировой лирической поэзии отобрать десять «своих» стихотворений и в кратком эссе аргументировать принятое решение. При этом они имели право работать и с оригиналами, и со словенскими переводами и не были обязаны выступать переводчиками выбранных текстов. Такой подход, по мысли составителей, может дать представление о том, какие произведения мировой поэзии «прижились» на словенской почве, оставили свой след в сознании и культуре словенцев. В итоге в книгу объемом свыше 700 страниц вошло 289 стихотворений 137 авторов (в том числе и неизвестных), начиная с отрывков из «Эпоса о Гильгамеше» (XXII в. до н. э.) и заканчивая представителем современной испанской поэзии Хусто Хорхе Падроном (р. 1943), более половины книги составляют стихотворения авторов XX в. Чтобы оценить все значение такого для словенцев амбициозного проекта, необходимо вкратце ознакомиться с историей становления национальной переводческой традиции и определить роль перевода в процессе развития словесности.

Строго говоря, профессиональная словенская поэзия началась с перевода «Леноры» (1774) Г. А. Бюргера, к которой подступались и П. А. Катенин, и В. А. Жуковский, и Д. Г. Росетти. Эта баллада была в свое время своеобразным пропуском в мир высокого стихотворче-

ства. Перевести ее на словенский язык попытался в конце XVIII в. вольтерьянец, просветитель и меценат, переводчик-любитель Ж. Цойс, но неудачно. После него остался неуклюжий вариант и запальчивый комментарий, в котором автор утверждал, что словенский язык не обладает необходимой для интерпретации этого произведения легкостью и палитрой. А дальше сработали пушкинские «опыт, гений, случай». В 1824 г. молодой студент-правовед Ф. Прешерн приезжает из Вены в Любляну на каникулы. Знакомые, большинство из которых и не подозревает, что он пишет стихи по-немецки и по-словенски, просят его как человека просвещенного помочь разобрать архив покойного Цойса. В процессе работы Прешерн случайно находит черновики «Леноры» и делает свой, на этот раз блестящий, перевод. Успех подвигает его на создание первой словенской баллады «Водяной», вполне сопоставимой с европейскими образцами жанра. И оказавшись перед выбором: стать одним из немецкоязычных поэтов Австрийской империи или первым словенским поэтом, Прешерн предпочитает последнее. Благодаря его творчеству словенская литература делает колоссальный скачок в своем развитии. А баллада Бюргера в прешерновском переводе по праву включена в антологию «Песнь Орфея» как важнейший для словенской культуры артефакт.

Формирование переводческой традиции началось у словенцев во второй половине XV в. с деятельности протестанта П. Трубара, который перевел на словенский язык несколько богослужебных книг. В период барокко и классицизма речь об адекватном переводе практически не велась — стихотворцы без задней мысли смешивали свой вариант и оригинал. Во второй половине XIX в., когда шло бурное развитие жанров, деятели национального возрождения в целом с опаской относились к иностранным произведениям, подозревали в переводах угрозу для развития национальной литературной традиции. Только на рубеже XIX–XX вв. в период модерна в переводах вновь увидели источник обогащения национальной словесности. Подлинного расцвета переводческая деятельность достигает в Словении после Второй мировой войны — в это время перевод становится, наконец, полноценным окном в мировую культуру. Этому во многом способствовала кафедра компаративистики философского факультета Люблянского университета, где в 1945 г. профессор А. Оцвирк начал вести семинар о рецепции зарубежных авторов и их переводах на словенский язык, а также общество словенских литературных переводчиков, учрежденное в 1953 г. Более четырех столетий перевод «отвоевывал» место в национальном художественном пространстве. В 1925 г. теоретик ли-

тературы и литературный критик Й. Видмар сформулировал значение переводов и переводческой деятельности для нации в целом: «Культурное созревание нашего народа порождает каждодневную потребность в собственной постоянно пополняющейся переводной литературе, которая дает нам возможность познакомиться с произведениями других литератур»². Не ставя под сомнение этот тезис, словенские переводчики-практики послевоенного периода всё же не скрывали опасений по поводу самой возможности адекватного воспроизведения образцов мировой поэзии на словенский язык — язык, как они полагали, заведомо более скромных ресурсов, чем, например, английский, русский, французский или итальянский. Этим объясняется довольно позднее появление в Словении ряда всемирно известных произведений, например, полный перевод «Паризины» Байрона был сделан Я. Менартом лишь в 1963 г.

Даже из этого краткого экскурса очевидно, что идея столь амбициозного проекта, каким является «Песнь Орфея», по объективным причинам ранее просто не могла возникнуть. Во введении к антологии, названном «Голос поэта и время», редактор книги Н. Граффенауэр, опираясь на высказывания Ш. Бодлера, О. Мандельштама и И. Бродского о природе поэзии, попытался сформулировать свое видение основной задачи книги, а именно совмещения двух необходимых для перенесения стиха в другую языковую среду условий: отождествить свое «я» с миропониманием и мироощущением автора — «услышать вещь у истока» (М. Цветаева³) и найти краски ее адекватного звучания на ином — словенском — языке. Прочитав и проанализировав сопутствующие личным подборкам эссе, можно определить два основных подхода участников проекта к материалу: интуитивный и рациональный. Одни, среди которых И. Минатти, Й. Сной, А. Брвар, Борис А. Новак, руководствовались ощущениями, настроениями, музыкой звучания. Другие — Ц. Злобец, Н. Граффенауэр, Т. Павчек — исходили из знания материала и выбирали из того, что переводили сами. При этом подавляющее большинство составителей отдали предпочтение посмертной славе — в антологии всего двенадцать имен авторов, здравствовавших на момент ее подготовки к печати. Однако оказалось, что для словенских литераторов конца XX в. мировая поэзия — это не только хрестоматийные для истории мировой литературы имена: Софокл, Овидий, Сапфо, Ли Бо, Данте, Петрарка, Шекспир, Байрон, Гёте, Пушкин, Бодлер и знаковые поэтические фигуры XX в.: Р. М. Рильке, Ф. Г. Лорка, Б. Пастернак, П. Неруда, Н. Хикмет, Э. Паунд, И. Бродский. В книгу по-

пали, очевидно менее знакомые широкой аудитории, латыш Эдварт Вирза (1870–1940), финн Пааво Хаавикко (1931–2008), канадец Марк Стрэнд (р. 1934) и вообще известная лишь весьма узкому кругу американская поэтесса Флоренс Огава (псевдоним Ал), выпустившая в 1970-е гг. пару сборников эротической поэзии. Помимо названных античных авторов, в сферу эстетических пристрастий составителей попали образцы псалмов из «Ветхого Завета», вагантская поэзия из сборника XIII в. «Кармина Бурана», поэтическое наследие Франциска Ассизского, произведения стихотворцев Востока (Имру аль-Кайс, Джалал ад-дин Руми, Ибн аль-Араби, Омар Хайям). Впрочем Европу обойти не удалось: тон задают французская, английская, и русская поэзия, четвертое место делят поэты, пишущие по-немецки и по-итальянски. За ними следуют северные американцы и испаноязычные авторы, включая представителей южноамериканских литератур. Самым предпочтительным для словенцев оказался Рильке — переводы двенадцати его стихотворений встречаются в книге восемнадцать раз. За ним по числу вошедших в антологию стихотворений следуют Т. С. Элиот и О. Мандельштам — десять текстов, замыкает тройку лидеров П. Целан. При этом Пушкин и Ахматова с их соответственно семью и пятью стихотворениями «обошли» Данте, Шекспира и Петрарку. В количественном отношении на первом месте французы — восемнадцать имен (А. Шенье, П. Верлен, А. Рембо, Ш. Бодлер, С. Малларме, П. Элюар и др.), второе заняли английские поэты — тринадцать авторов (У. Блейк, Дж. Китс, У. Вордсворт, Дж. Донн и др.). Русская муза — третья — представлена в книге стихами А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Хлебникова, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака, И. Бродского, и она безоговорочно лидирует с точки зрения частоты обращения. Среди других славянских имен, вошедших в антологию, три польских: А. Мицкевич, Ч. Милош, З. Херберт, два сербских: О. Давичо и В. Попа, одно чешское — К. Г. Маха, и одно хорватское — С. Михалич. Представительницы слабого пола, среди которых, помимо вышеупомянутых Сапфо, Ахматовой, Цветаевой и Ал, есть еще две немецкоязычные поэтессы Э. Ласкер-Шюлер и К. Лавант и две американки Э. Э. Диксон и С. Плат, составляют менее 10% персоналий издания.

Позволю себе подробнее остановиться на русском сегменте: он представлен 32 произведениями 12 русских поэтов, причем XX в. значительно репрезентативнее XIX-го. Русские поэты чаще встречаются в подборках старшего и среднего поколения словенских поэтов,

реже — у молодых. Двадцать один участник проекта (более половины) включил их стихотворения в свою «десятку». Самым привлекательным оказался Мандельштам, он есть в подборке десяти словенских поэтов, Пушкин только второй, его выбрали семь авторов, но при этом трое из них, знакомые с русской поэзией не понаслышке, — Павчек, Кович и Есих — в качестве лирического эталона мировой литературы представили стихотворение «Я вас любил...», причем в двух вариантах перевода. Это единственный подобный пример в антологии. Стихи Ахматовой привлекли пятерых составителей, Пастернака — трех, Блока и Есенина — двух, Кольцов, Лермонтов, Цветаева, Маяковский, Хлебников, Бродский представлены одним произведением. При этом лермонтовский «Парус» и пастернаковский «Гамлет» выбраны дважды. Общая картина представленной в книге русской поэзии такова:

Русский автор	Стихотворение	Поэт-составитель
А. Пушкин	«Я вас любил...» (переводы М. Клопчича и М. Есиха)	Т. Павчек, К. Кович, М. Есих
	Пророк (перевод О. Жупанчича)	Д. Зайц
	Зимний вечер (перевод М. Клопчича)	Я. Менарт
	«Не дай мне Бог сойти с ума» (перевод М. Клопчича)	М. Комель
	19 октября 1831 («Чем чаще празднует лицей») (перевод Б. Водушека)	М. Кошута
М. Лермонтов	Парус (перевод М. Клопчича)	Ф. Форстнерич, Й. Сной
А. Кольцов	Песня старика (перевод Т. Павчека)	И. Минатти
А. Блок	Пляски смерти II (перевод Т. Павчека)	Т. Павчек
	«В серебре росы трава» (перевод Т. Павчека)	И. Минатти
С. Есенин	«До свиданья, друг мой, до свиданья» (перевод Т. Павчека)	Т. Павчек

	«Зеленая прическа, девическая грудь» (перевод Т. Павчека)	А. Ихан
В. Хлебников	Я и Россия (перевод Д. Байта)	Г. Шаламун
М. Цветаева	«Знаю, умру на заре!» (перевод Т. Павчека)	Т. Павчек
А. Ахматова	Муза (перевод Т. Павчека)	Т. Павчек
	«Муж хлестал меня узорчатым» (перевод М. Есиха)	М. Есих
	«Ты письмо мое, милый, не комкай...» (перевод Т. Павчека)	И. Симонович
	«И целый день, своих пугаясь стонов» (перевод Т. Павчека)	М. Видмар
	Лотова жена (перевод Т. Павчека)	А. Ихан
В. Маяковский	Облако в штанах I (перевод Т. Павчека)	А. Брвар
О. Мандельштам	Век (перевод Д. Байта)	В. Тауфер
	Нашедший подкову (перевод Д. Байта)	Ю. Потокар
	От вторника и до субботы (перевод Д. Байта)	Й. Сной
	Петербургские строфы (перевод Д. Байта)	А. Брвар
	В таверне воровская шайка (перевод Д. Байта)	Я. Ферк
	«Я слово позабыл, что я хотел сказать» (перевод Д. Байта)	А. Дебеляк
	Эта ночь непоправима (перевод Д. Байта)	Н. Графенауэр
	Умывался ночью на дворе (перевод Д. Байта)	Д. Зайц

	«Уничтожает пламень Сухую жизнь мою» (перевод Д. Байта)	М. Видмар
	«Образ твой, мучительный и зыбкий» (перевод М. Комеля)	М. Комель
Б. Пастернак	Гамлет (перевод Т. Павчека)	К. Кович, Й. Сной
	Ветер (перевод Т. Павчека)	Т. Павчек
И. Бродский	Глаголы (перевод Д. Байта)	А. Брвар

Стихотворения даны как в классических переводах словенских поэтов первой половины XX в. О. Жупанчича, М. Клопчича, Б. Водушека, так и в интерпретации современных переводчиков Т. Павчека, Д. Байта, М. Есиха. Последний, кстати, не довольствуясь каноническим переводом М. Клопчича, предложил свой вариант перевода пушкинской «формулы любви». Приведу для сравнения оба текста:

Перевод М. Клопчича:

Ljubil sem vas: mogoče v moji duši
še ni ugasnil ves ljubezni žar;
vendar naj nič pokoja vam ne ruši:
z ničimer begal vas ne bom nikdar.

Ljubil sem vas molče, brez vsake nade,
Poln plahosti in ljubosumja muk;
ljubil sem vas z močjo ljubezni mlade,
kot bog daj, da bi ljubil vas kdo drug.

Перевод М. Есиха:

Ljubil sem vas: ljubezen še mogoče
vsa v moji duši ugasnila ni,
vendar vznemirjati vas nič več noče,
ne maram, da bi žalostni bili.

Ljubil sem vas molče, brez upov skritih,
zdaj plah, zdaj strt od ljubosumnih muk,
iskreno, nežno znal sem vas ljubiti,
kot daj vam Bog, da bi vas ljubil drug.

Представляется, что в попытке сохранить прозрачность и абсолютную выверенность каждого слова пушкинского стиха Есих

в своей попытке обошел мэтра. К слову, в его подборке «Я вас любил...» и ахматовское «Муж хлестал меня узорчатым...» соседствуют с произведениями Леопарди, Гейне, Бодлера, Рильке.

Еще более привязан к русской лирике знакомец А. Ахматовой и И. Бродского Т. Павчек. Одиннадцать включенных в антологию стихотворений русских поэтов опубликованы в его переводах, шесть из десяти выбранных им произведений принадлежат перу русских авторов — это А. Пушкин, А. Блок, С. Есенин, М. Цветаева, Б. Пастернак и А. Ахматова (в компанию к ним, по воле составителя, попали Ш. Бодлер, У. Уитмен, Р. М. Рильке и Ф. Г. Лорка). Следует уточнить, что в переводах Павчека в престижной серии «Лирика» вышли в Словении сборники В. Маяковского (1972), А. Блока (1978), С. Есенина (1984), А. Ахматовой (1989), Б. Пастернака (1991), М. Цветаевой (1993), Н. Заболоцкого (1997); совместно с Д. Байтом им была составлена антология русской поэзии XX в. (1990). В своем эссе поэт объясняет такой «крен» не только тем, что «всю жизнь прожил с русской поэзией», переводил ее, но и тем, что стихи русских поэтов из категории тех, которые «открывают тебя... дают новое видение своей темы»⁴. По сути, Павчек говорит о факторе духовной близости автора и переводчика: перевод создается в поле индивидуального мировосприятия переводчика, выбор произведения, способ его интерпретации и перенесения в другое языковое пространство выявляют этические и эстетические пристрастия переводящего, его опыт, темперамент, вкус, мастерство. Налицо понятие «соизбранности», которое способно фиксировать духовную, порой с трудом поддающуюся объяснению, но явно существующую связь между автором и переводчиком.

Составители антологии по-разному мотивировали свои литературные пристрастия. И, разумеется, их выбор очевидно субъективен. Приведу несколько высказываний тех, кто, в отличие от Павчека, никогда профессионально не занимался русской поэзией, но тоже остановил свой выбор на стихах О. Мандельштама и А. Ахматовой. Н. Графенауэра и Я. Ферка привлекла сама трагическая фигура человека, написавшего «Мы живем, под собою не чуя страны», его образ, олицетворяющий извечный конфликт Поэта и власти, обоих потрясла история его гибели «на пересылке во Владивостоке»⁵. В поисках политических аналогий Ферк даже включает в свое эссе отрывок из стенограммы суда над Бродским в марте 1964 г. и его ставший хрестоматийным ответ на обвинение в туеядстве: «Я работал, я писал стихи». Для А. Брвара и Ю. Поточника главным импульсом стала

сама ткань мандельштамовских произведений, его индивидуальная манера, олицетворяющая для обоих «классическую форму современной поэзии»⁶. Выбор И. Симонович («Ты письмо мое, милый, не комкай») отражает восприятие любовной лирики Ахматовой женщиной XXI в. Словенскую поэтессу поразила «завораживающая искренность и одновременно простота выражения, с которыми двадцатитрехлетняя Ахматова подошла к любовной теме»⁷. По ее мнению, за век мало что изменилось в отношении мужчины к женщине. В лирической героине Ахматовой она видит себя, сороклетнюю, в «...*сером, будничном платье, // На стоптанных каблуках*», написавшую письмо ЕМУ, которое ИМ так и не прочитано... Женщина надеется, что ей нашлось местечко в уголке мужского сердца... Но как только она оказывается вне поля зрения мужчины, то становится «*незнакомкой*», «*чужой на его пути*», ведь противоположный пол занимает только то, что... он собственно от женщины сможет получить, а отнюдь не она сама»⁸. Другой полюс ахматовского творчества оказался близок А. Ихану и М. Видмар, которые остановились на примерах философской лирики. При этом оба руководствовались тем внутренним резонансом, который возникал при погружении в ахматовскую эпоху и трагический мир ее лирической героини. А. Ихан при отборе колебался между стихами, которые ему интересны сейчас, и теми, что «оставили след в его сознании»⁹, и выбрал последние, то есть «радиация» (Бродский¹⁰) ахматовской поэзии с годами не потеряла для него своей силы. М. Видмар привлекла тема смерти, представленная также в творчестве таких титанов мировой поэзии, как Малларме, Йетс, Рильке, Мандельштам, Лорка¹¹. В этом смысле восьмистишие Ахматовой «И целый день, своих пугаясь стонов», в котором речь идет о том, как молох истории перемалывает человека, женщину, поэта так, что «сердце разорвали пополам», без сомнения, одно из ключевых в мировой поэзии.

Представленная выше антология производит двоякое впечатление. С одной стороны, литературная эрудиция и высокий художественный вкус ее составителей очевидны, большинство выбранных авторов и произведений заслуживают своего места в издании подобного рода. С другой — налицо явные пробелы как в представлении целых национальных сегментов (например, нет представителей венгерской, румынской, болгарской поэзии), так и внутри имеющихся, в том числе русского. Получается, что современной литературной элите Словении ничего не говорят такие великие имена XIX в., как Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. Н. Некрасов, они не знают творчества

Д. Самойлова, А. Вознесенского, Б. Ахмадуллиной, А. Кушнера. Радует одно — к концу XX столетия у словенских литераторов не осталось сомнений в художественных возможностях родного языка. Именно эта уверенность в соединении с переводческим талантом и помогли воплотить в жизнь литературный проект «Песнь Орфея».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Snoj J.* Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. S. 192.
- 2 *Vidmar J.* Prevodi iz ruščine // *Kritika* (Ljubljana). 1925. № 6. S. 90.
- 3 Цит. по: *Белкина М.* Скрещение судеб. М., 2005. С. 160.
- 4 *Pavček T.* Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. S. 66.
- 5 *Grafenauer N.* Orfejev spev... S. 238.
- 6 *Brvar A.* Orfejev spev... S. 293.
- 7 *Simonovič I.* Orfejev spev... S. 465.
- 8 Ibid.
- 9 *Ihan A.* Orfejev spev... S. 554.
- 10 *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 45.
- 11 *Vidmar M.* Orfejev spev... S. 565.

Starikova N. N.

World Poetry in the Mirror of Slovenian Artistic Mentality (a Literary Project of «The Song of Orpheus»)

The article offers the analysis of a Slovenian publication of The Song of Orpheus. An Anthology of World Poetry in the Selection by Slovenian Poets (1998) compiled by national authors and reflecting a reception of world poetry in contemporary Slovenian literature. The anthology gives an idea what compositions enrooted in the Slovenian «soil» and left a trace in the mentality and culture of Slovenians by the end of the 20th century.

Key words: world poetry, perception of compositions in verses, problems of translation.

П. Яначек
(Прага)

**«Русак»¹, животное, добрая душа и художник.
Национальные стереотипы русских и России
в чешской литературе начала XXI в.**

В статье анализируются основные принципы изображения русских и России в произведениях известных чешских писателей, созданных в последнее десятилетие. Метод анализа основывается на концепции национального стереотипа как познавательной схемы, с помощью которой выражаются представления как о собственном, так и о других народах.

Ключевые слова: *русские, Россия, чешская проза, 1968 г., «бархатная революция», стереотипы, образы, традиции, современность.*

Когда друзья из Института славяноведения РАН пригласили меня и моих коллег из Института чешской литературы Академии наук ЧР принять участие в конференции «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре и документалистике», я был весьма польщен, обрадован и взволнован. Благодаря многолетнему сотрудничеству мы знакомы с работами московских богемистов и весьма ценим результаты сравнительных исследований чешской литературы, которые дают и конференции Института славяноведения, посвященные культуре славянских народов. В Москве я не был более двенадцати лет и с удовольствием навестил бы ее и раньше, чтобы своими глазами увидеть вашу столицу, меняющуюся и в то же время всегда остающуюся самой собой. Однако меня волновал вопрос, что я, специализирующийся в области «массовой культуры второй половины XX века, истории цензуры (и других институтов литературного процесса)», со своим опытом бывшего литературного критика, со стороны наблюдающего жизнь современной литературы, мог бы внести полезного в конференцию.

Нельзя сказать, что область моей узкой специализации не давала материала для знакомства с образами русского человека и России. Массовая чешская литература 1920–40-х гг. обращалась к темам России и в особенности Советской России. Ее образ был консервативным, пугающим. Он отличался от образа, сконструированного поэтами и художниками, связанными с идейно-эстетическими идеа-

лами авангардного движения. Не совпадал он и с образом, воссозданным так называемой «легионерской литературой», то есть авторами, которые жили и воевали во время Первой мировой и Гражданской войн в России в составе Чехословацких легионов. Но с подобными выводами нельзя торопиться, пока эта литература не будет более доступной и изученной.

Вполне благодатный материал для рассмотрения «Образа русского человека и России» дает современная чешская литература после 2000 г. Об этом свидетельствует творчество одного из наиболее известных современных писателей — Мартина Рышавы (1967 г. р.). Кинорежиссер-документалист, он за последние три года опубликовал два романа, каждый из которых был удостоен премии «Литера». Название первого — «Путешествие в Сибирь». Любовный сюжет соединяется в нем с элементами романа воспитания (*Bildungsroman*), путевыми заметками, этнографическими и географическими документами. Путешествия в Сибирь совершаются из Праги в Россию. Действие второго романа М. Рышавы, где повествователем выступает русский человек, происходит только в России. Доминирующий аспект раскрытия темы России отражен и в названии романа, состоящем из одного русского слова «Врач», написанного латинскими буквами. Голос рассказчика в романе «Врач» звучит и льется словно необузданный речной поток, отсылая читателя к одной из самых влиятельных традиций чешской прозы, связанной с именем Богумила Грабала. Элементы же сказа в романе «Врач» воспринимаются чехами как знак русской культурной традиции. Чех играет в тексте роль пассивного слушателя, роль рассказчика отведена русскому театральному режиссеру, чья карьера потерпела крах, а сам он оказался на социальном дне. Среди московских дворников развивает теперь бывший режиссер свои порой гениальные, порой странные мысли о русской драматургии, обществе, культуре, истории.

Может быть, следует сказать, что в современном контексте речь идет далеко не только о русском художнике, который в поисках успеха «свернул с правильного пути».

Одну из самых удачных пьес последнего десятилетия написал режиссер театра и кино Петр Зеленка (1967 г. р.) по мотивам биографии Льва Сергеевича Теремина, который изобрел первый электронный музыкальный инструмент. Пьеса рассказывает об изгнании Теремина из Советской России в Соединенные Штаты, а потом о его высылке обратно в Россию. Что это, если не история непризнанного первооткрывателя новых художественных форм?

Тему России в современной чешской литературе не нужно долго искать, ее затрагивают самые известные авторы в своих лучших произведениях, а образы русского человека или России не вызывают особых споров. Новая чешская литература выделяется глобализацией сюжетов. Один из лучших чешских романов последнего времени «В память о моей бабушке» (2002) Петры Гуловой (1979 г. р.) повествует, к примеру, от лица монгольской женщины о Монголии. В другом, вызвавшем недавно оживленную дискуссию, «Небо не имеет дна» (2010) Ганы Андрониковой (1967 г. р.), речь идет о паломничестве за сокровищами религиозной культуры, которое приводит героиню романа в Южную Америку. Иными словами, чешские авторы пишут сейчас не только о Праге или Брно, но и о Берлине, Нью-Йорке, Палестине и т. п. Русские мотивы в романах М. Рышавы и других в данном контексте воспринимаются у нас как расширение экзотической тематики за счет восточно-европейского опыта.

Мы же в данной статье пойдем против течения отечественной критики, попытавшись выделить тему России из данного контекста для того, чтобы связать ее с более широкой проблематикой, чем литературная, а именно с проблематикой межкультурных отношений. При этом мы не станем исходить из понятия «образ». Понятие «образ» обращает внимание на отношение между образом и тем, что изображается, то есть на степень соответствия образа реальности. Интуиция же подсказывает, что нет смысла ставить вопрос, соответствует ли образ русского человека и России в современной чешской литературе действительности, правдив ли он или нет. Думаю, что не имеет смысла оценивать данный образ и с моральной точки зрения, пытаясь исследовать исторические или идеологические предрассудки, на которых он основывается. Образы иных народов нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Они всегда находятся в согласии с самими собой, независимо от того, соответствуют ли они фактам или нет.

Хотелось бы сделать замечание и по поводу понятия «тема». В дальнейшем я буду исходить из темы литературных произведений, однако не буду концентрировать на ней свое внимание. Литературная тема имеет свою историю, характер и свое место в уникальной формально-семантической конструкции произведения. Меня же, главным образом, интересует структура, которая, хоть и связана с литературной темой, но одновременно выходит за рамки литературы, распространяясь на все социальные дискурсы. Поэтому я буду исходить из понятия социальный стереотип, точнее из националь-

ного стереотипа. В социологии под национальным стереотипом подразумевается одна из многих познавательных схем, созданных посредством определенной системы репрезентаций. С их помощью конкретная социальная группа, в данном случае чешская нация, конструирует определенную социальную реальность. Необходимо напомнить несколько основных тезисов, на которых основывается изучение национальных стереотипов:

1) Стереотипы — это существенное средство конструирования и изучения социальной идентичности, что необходимо для интеграции отдельных индивидов в группу. Общественная коммуникация не возможна без стереотипов.

2) Национальный стереотип отражает не реальность, к примеру не национальный характер народа, но представление другого народа о нем.

3) Национальные стереотипы составляют систему гетеростереотипов (кто они такие) и автостереотипов (кто мы такие).

4) Национальный стереотип является не отражением непосредственного опыта общения, а результатом культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение, социального влияния и влияния СМИ.

5) Национальный стереотип равнодушен к индивидуальному опыту, даже в случае, если он с ним не совместим.

6) Национальные стереотипы носят оценочный характер, всегда обременены позитивными или негативными эмоциями.

7) Национальные стереотипы устойчивы к переменам, имеют продолжительный эффект, проявляют стабильность в течение короткого и более длительного исторического периода².

Попытаемся определить принципы, по которым создается стереотип русского человека или России, хотя бы в современной чешской литературе. В сущности, я буду искать ответ на вопрос, какие смыслы и позиции связаны в современной чешской литературе с этнонимом «русский»? В произведениях известных чешских писателей «русский» в настоящее время это:

1) коммунизм, насилие и зло;

2) амбивалентность связей между цивилизацией/человеком и природой/животным;

3) все выходцы из Восточной Европы, которые друг с другом говорят по-русски, либо чехам кажется, что они так говорят;

4) так называемая добрая душа и другие эмоциональные качества простого человека;

5) высокий уровень культуры, которая данному обществу мало что дает.

Из бинарных оппозиций, на основе которых построен стереотип, по моему мнению, на первый план выходят следующие две:

1) русские как народ или государство — это зло, русский человек — это добро;

2) русская культура — это нечто иное, чем Россия.

Как видно, соответствующий стереотип имеет не только негативные, но и позитивные черты. При этом этноним, о котором идет речь, имеет в чешском языке два лексических значения: нейтральный «русский» и пейоративный «русак» («раски»). На практике границы между обоими вариантами, разумеется, не совпадают с границами между добром и злом. Точнее, совпадают лишь отчасти. Нейтральный вариант может иметь как позитивное, так и негативное содержание. Вариант «раски» («русак») обычно несет отрицательную оценку со стороны чеха, вызывая коннотации с упомянутым значением насилия, животного начала и т. д. Как подсказывает разговорный суффикс «-ки»³, речь идет о простонародном выражении. В литературе оно появляется в тех местах, где в речи рассказчика или героя проступает наивная языковая «картина мира», если в данном случае мы позволим себе использовать понятие из другой научной отрасли — из аналитической лингвистики.

Вариант «русак» («раски») имеет и иное значение, которое тоже соответствует логике наивного подхода к миру. В разговорном языке это слово обозначает не только этнических русских, но и выходцев из бывшего Советского Союза, то есть всех восточных европейцев, говорящих друг с другом по-русски или говорящих так по мнению чехов. Идею о существовании особого языка «раски» (языка русаков) опытный лингвист (коим я не являюсь) мог бы проиллюстрировать на примере одного очень успешного чешского телесериала «Улица». Там кроме чехов действующими лицами являются «русаки», то есть украинцы и русские. Их опознавательный знак — определенное восточноевропейское «эсперанто», воспроизводимое актерами с помощью ограниченного числа русизмов, а также чешской грамматики и лексики, произносимой не с фиксированным (как у чехов), а с особым подвижным ударением (свойственным русскому языку).

До сих пор я пытался обрисовать структуру современного стереотипа русского человека или России и связать ее с вариативными функциями данного этнонима. Теперь мне хотелось бы на ряде примеров показать, какое место в данной структуре занимает с темати-

ческой точки зрения чешская литература. Речь пойдет о конкретных произведениях, уже упоминавшихся в связи с тематикой творчества Мартина Рышавы и Петра Зеленки. (При этом я оставляю в стороне рассуждения об исключительных качествах высокой русской культуры, ее новаторстве и одновременно социальной беспомощности.)

Писательница Ирена Доускова (1964 г. р.) относится к поколению, которое появилось на свет в шестидесятые годы, выросло в семидесятые, а в мир литературы вступало где-то после «бархатной революции». Вплоть до выхода в 2002 г. ее юмористического романа «Гордый Буджес» (название, которое невозможно перевести, оно образовано детским искажением слов из стихотворения С. К. Неймана), она не пользовалась популярностью. Но «Гордый Буджес» ее прославил, главным образом благодаря удачной его инсценировке, которая шла в театре и была показана по телевидению. Роман написан от лица маленькой девочки, поступившей в школу после советского вторжения в Чехословакию. Источником комизма является постоянная подмена штампов коммунистической пропаганды, которой детей пичкали в школе, антикоммунистической фразеологией, освоенной в семье. От родителей она перенимает слово «русак», как символ большевизма, диктатуры, беззакония, как метафору коммунизма. Во второй части романа данное слово вынесено в название «Онегин был русаком» (2006). Название нельзя воспринимать дословно. Речь в данном случае идет не об оскорблении традиций высокой русской культуры в лице А. С. Пушкина, а об отрицании одного из принципов, на основе которого конструируется русский стереотип. На пороге взрослой жизни героиня романа учится различать «русаков» и русских людей. Она осваивает данное бинарное соотношение, свидетельствующее о том, что русская культура это нечто другое, чем Россия.

Можно найти целый ряд примеров использования сугубо пейоративных вариантов этнонима «русак» («раски»). Один из самых известных чешских писателей современности, поэт и прозаик Яхим Топол (1962 г. р.), издал в 2005 г. роман «Полоскать горло дегтем», возвратив читателя к современной драме чешской истории которой для его поколения была советская инвазия в августе 1968 г. Роман относится к произведениям постмодернизма, повествующим о том, чего не было. В духе так называемой альтернативной истории там глазами беспризорного мальчишки показана война между «русаками» и чехами. Автор пародирует сюжет романа В. П. Катаева «Сын полка». «Юный солдат» Я. Топола иронией судьбы чередует своих

союзников и противников, а поэтому и свою точку зрения: выступает на стороне либо русских, либо чешских националистов. Вместе с бестселлерами Ирены Доусковой он показывает, что появление простонародного варианта этнонима «русак» связано с вышеупомянутой наивной картиной мира. Детский характер повествования — наиболее естественный способ ввести ее в литературу.

Мир героев Топола лишен нравственных норм, поведение обеих сторон переходит своей жестокостью все границы, которые гуманная цивилизация создает для своих представителей в форме различных табу. В современной чешской литературе оба варианта этнонима — разговорный (простонародный) и литературный — не являются выражением позитивных или негативных принципов морали. Зыбкость этих границ может быть связана как со словом «русак» («раски»), так и со словом «русский». Это показано и в романе Петры Гуловой «Станция „Тайга“» (2008). В его финале жители железнодорожного поселка у Транссибирской магистрали из-за голода и потрясений, вызванных убийством одного из героев, иностранца, становятся каннибалами.

Другим примером грубого нарушения принципов гуманизма может послужить последний роман самого популярного чешского писателя Михала Вивега (1962 г. р.). В книге «Мафия в Праге» вместе с чешскими политиками, чиновниками, журналистами выступают и представители русского криминала. Их репрезентация в романе является мифической. Большую часть повествования русские присутствуют только в размышлениях других героев. Их роль — это роль неких богов смерти. Фабула романа раскручивается вокруг одного из чешских персонажей. Речь идет о человеке, предавшем мафию, а после этого преданного правительством. Для Вивега правительство и мафия — одно и то же. Под «мафией» он понимает слияние организованной преступности с политико-экономической олигархией. После освобождения из-под ареста герой пытается угадать, к кому же из своих врагов он в первую очередь попадет в руки, какие пытки и какая смерть его ожидают. Он готов ко всему и ждет смерть с фатализмом. Единственное, с чем он никак не может примириться и от чего его охватывает ужас, так это перспектива, что первыми его найдут русские. В семантической структуре романа им предназначена роль демонов. И неудивительно, что когда эти «мифические русские» навестят в банке его дочь, девушка встретится не с двумя бандитами, а с настоящим «злом»⁴.

Хочу обратить внимание на амбивалентность связей между гуманностью и животным началом, что мы обозначили как один из

принципов, структурирующий сегодняшний чешский стереотип русскости. Слишком часто в современной чешской литературе, когда идет речь о «русских» или «русаках» можно встретиться с сексуальной грубостью, изнасилованием женщин. Среди героев романа Михала Вивега «Участники поездки» (1996) есть симпатичный паренек по имени Олег. До середины романа о нем пишется как о русском, хотя он гастарбайтер с Украины. В принципе Вивег видит в Олеге жертву чешского шовинизма, а игра с его превращением в «русского» призвана показать условность национального стереотипа, к которому его приписывают. За все время поездки на автобусе к морю он совершит только один злой поступок. В крайне мучительной любовной сцене он превратится в эгоистичного мачо и изнасилует одну из чешских туристок, женщину, более беззащитную, чем он сам. Примечательно, что данный эксцесс не меняет в принципе позитивный образ персонажа. Перед этим черным часом Олег благодаря своей простоте и жизненной силе вызывал у читателей только симпатии. Он является типичным олицетворением положительных черт национального стереотипа, простым русским парнем с широкой душой и добрым сердцем, который не виноват в том, что его представления о роли женщин и мужчин безнадежно устарели, уровень воспитания оставляет желать лучшего, отчего в бесконтрольных интимных отношениях он начинает вести себя как зверь.

В последней примечательной книге прошедшего десятилетия, на которой я хотел бы остановиться, выведен — не без оценочной амбивалентности — тип простого русского человека. Речь пойдет о новелле «Гануле Йозы» (2002) одной из старейших чешских писательниц Кветы Легатовой (1919 г. р.). Произведение названо по имени главной героини и ее супруга. Легатова занималась творческой деятельностью еще в 50–60-е гг., в начале же этого века произошло ее второе вступление в литературу. За сборник деревенских рассказов «Желары» (2001) она была удостоена Государственной премии. Новелла «Гануле Йозы» тесно связана с «Желарами». И неудивительно, что по мотивам обеих книг в 2003 г. был снят фильм, посланный в Соединенные Штаты для участия в номинации на премию «Оскар».

Кульминацией новеллы и фильма становится сцена освобождения деревни Красной Армией в конце Второй мировой войны. Тема эта — одна из важнейших в послевоенной чешской литературе. Легатова подошла к этой традиции весьма вдумчиво. В первой части эпизода тема освобождения раскрывается в духе официальной культуры, со всеми оптимистическими мотивами вроде совместных пля-

сок и т. п. Однако потом происходит неожиданное: праздник дружбы и братства оборачивается плясками смерти, кровавой оргией с насилием и убийствами друг друга. Тема освобождения предстает как в кривом зеркале с антитезой традиционных мотивов. Здесь нет ничего особенного. Подобные антитезы характерны для всей чешской культуры после 1989 г., стремившейся дистанцироваться от идеологических схем коммунистического периода. Внимания заслуживает другое, а именно то, как автор в обеих частях сцены освобождения обходится с идеальным образом простого русского солдата, хорошего человека с широкой душой. После взрыва жестокости, в результате которого вся деревня мимоходом практически стерта с лица земли, повествование опять возвращается к образу «мужчин в иностранной униформе», которые «с любовью нянчат» на своих коленях «младенцев убитых ими отцов», «нежно сюсюкают в ответ на беззубые улыбки» и позволяют им «тыкать пальчиками в лицо»⁵. Глубина чувств и необузданная жестокость — именно эти черты связаны с образом русского человека в новелле К. Легатовой. Колебания между цивилизованностью и дикостью, как один из признаков чешского стереотипа русского человека и России, перенесены во внутренний мир персонажей, представлены как черты менталитета, но никак не черты политики или культуры. Более точной иллюстрации одного из главных принципов данного стереотипа, распространенного в современной чешской литературе, пожалуй, не найти.

В заключение я бы хотел обозначить два круга затронутых проблем:

1) Художественная литература — это не единственный и не самый важный тип дискурса, посредством которого создаются, распространяются и усваиваются национальные стереотипы. С помощью тривиальных биографических и библиографических сведений я попытался показать, что все вышеупомянутые произведения имели и имеют в чешском обществе большой резонанс. Они создавались авторами разных поколений, но одинаково связанными с эстетическими нормами современности. Можно предположить, что в массовой культуре, телевизионных сериалах, как, например, в уже упомянутом сериале «Улица», в интернет-дискуссиях, в повседневных разговорах, в газетах национальные стереотипы будут выглядеть еще «стереотипнее», чем в книгах цитированных авторов, которые пишутся с намерением использовать наиболее подходящие из них. Здесь стоит упомянуть роман Вивега «Участники поездки», где автор дистанцируется от распространенного стереотипа с помощью своей

композиционной стратегии. В романе П. Гуловой «Станция „Тайга“» читатель и вовсе столкнется с открытой дискуссией о стереотипе.

В коротком отрывке из вводной части романа главный герой, который в конце концов будет убит и съеден, припоминает, подъехав к станции «Тайга», традиционный стереотип русских людей как «грубиянов с нежной душой». И вот что пишет по этому поводу автор: «Он не любил эти стереотипы. Насколько он помнил, кроме нескольких литераторов никто из исполинов русской культуры не обладал слишком нежной душой. Однако среди его однокашников на кафедре антропологии в Орхусе велись и такие разговоры»⁶.

В своих рассуждениях я исходил из материала современной чешской литературы, однако пользовался методами и прогнозами социальных наук. Результаты наблюдений говорят больше о познавательных схемах современного чешского общества, чем о специфике современной чешской литературы. Задачей литературоведения могло бы стать изучение разнообразных методов, с помощью которых в конкретных произведениях используются, изображаются и обсуждаются национальные стереотипы, включая и те подходы, которые позволяют считать их стереотипами.

2) От понятия стереотипа, как суммы представлений собственного народа о народе другом, стоило бы вернуться к понятию темы как литературной единицы. О национальных стереотипах известно, что они слабо реагируют на исторические перемены. О литературной теме мы знаем обратное: это такой элемент литературной структуры, который меняется быстрее всех остальных. Исходя из этого, мы, литературоведы, могли бы задать вопрос: можно ли на примере приведенных нами текстов наблюдать определенный конфликт между стабильностью и лабильностью, между долгой жизнью стереотипов и краткой — тем? И как бы протекала подобная дискуссия?

И вновь обратимся к творчеству Кветы Легатовой. Ее новелла «Йозова Гануле» показала, что в качестве литературной темы представления о русском человеке и России неразрывно связаны с памятью, то есть с определенной традицией. Рубеж между первой и второй частью упоминавшегося эпизода новеллы — это не только рубеж между положительным и отрицательным образами освободителей, но и историческая грань между чешской культурой до 1989 г. и после. И напрашивается последний вопрос: если некоторые элементы тем русского человека и России в сегодняшней чешской литературе берут свое начало в исторических событиях, связанных с коллапсом советского блока и с переосмыслением официальной чешской куль-

туры 1945–1989 гг. после «Бархатной революции», то можно ли в тех же самых произведениях найти такие тематические составляющие, которые бы носили длительный характер?

Думаю, что да. Сам идеальный тип простого русского человека может быть проекцией чешского автостереотипа в чешский национальный гетеростереотип. Чехи тоже обычно позиционируют себя как простой народ обыкновенных и добрых людей. Идеал простоты и обыкновенности занимает в ценностной иерархии национальной культуры почетное место⁷.

Вспомним, что оппозицию «злое государство — добрый человек» применил к России еще в середине позапрошлого века основоположник современной чешской журналистики Карел Гавличек Боровский. В статье «Русские», опубликованной в 1850 г. в журнале «Слован», он писал: «Прежде всего необходимо отделять русский народ от его правительства. Одно дело — русские люди, наши славянские братья, народ великий, доброжелательный, весьма одаренный и бойкий, сохраняющий старые и добрые обычаи, народ с великим будущим [...] и совсем иначе мне представляется нынешняя русская власть, построенная на совершенно чуждых и недостойных похвалы традициях [...] и без всякого сочувствия к народу русскому. И мы наделали бы ошибок и навредили бы самим себе, если бы [...] абсолютизм русской власти считали бы свойством и виной русского народа [...]». Власти уходят, народы остаются...»⁸.

Перевод с чешского О. Павловой и Л. Будаговой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Русак, rusák» — пренебрежительное чешское прозвище русских, соответствующее англоязычному сленговому «ра́ски», также «ру́ски» (*Ruski, Russki, Ruskies*).
- 2 Дискуссии о взаимоотношении изучения национального характера и национального стереотипа см.: *Berting J., Villain-Gandossi C. The role and significance of national stereotypes in international relations: an interdisciplinary approach*, in *Stereotypes and Nations*. Red. Teresa Walas. Internal Cultural Centre, Crocow, 1995. P. 13–27. Отсюда же мы заимствуем все упомянутые принципы. Кроме указанной книги мы исходим из обширной антологии литературоведческих исследований под редакцией С. С. Varefootem: *Beyond Pug's Tour. National and*

- Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice. Amsterdam; Atlanta; Rodopi, 1997.
- 3 В чешском оригинале речь идет о суффиксе «-ак», так как первоначальный чешский этноним звучит как «русак».
 - 4 *Viewegh M. Mafie v Praze. Brno, 2011. S. 138.*
 - 5 *Legátová K. Jozova Hanule. Praha, 2002. S. 107.*
 - 6 *Hůlová P. Stanice Tajga. Praha, 2008. S. 51.*
 - 7 Srov.: *Lešnerová Š. Pojetí národností v Havlíčkových Obrazech z Rus // InterFaces: Obraz vzájemných vzterhů Čechů, Poláků a Němců v jejich jazycích, literaturách a kulturách. Praha, 2002. S. 106–112.*
 - 8 *Borovský K. H. Dílo I. / Ed. Jiří Korejčík. Praha, 1986. S. 122.*

Janacek P.

«Russak», an Animal, a Kind Soul and an Artist. National Stereotypes
of Russians and Russia in Czech Literature
of the Early Twenty-First Century

The author analyses the main principles of depiction of Russians and Russia in compositions by well-known Czech writers created in the recent decade. The method of analyses is based on the conception of national stereotype as a cognitive scheme with which they express ideas on their own and other peoples.

Key words: Russians, Russia, Czech prose, 1968, «velvet revolution», stereotypes, images, traditions, modernity.

Е. В. Шатько
(Москва)

Образы Кирилла и Мефодия в романе М. Павича «Хазарский словарь»

Статья содержит анализ образов Кирилла и Мефодия на материале романа сербского писателя Милорада Павича. Не являясь центральными образами книги, они дают возможность понять художественную структуру романа «Хазарский словарь», отношение автора к истории, многозначную функциональность образов.

Ключевые слова: *М. Павич, Хазарский словарь, Кирилл, Мефодий, хазарская полемика.*

Милорад Павич (1929–2009) — сербский писатель-постмодернист, историк сербской литературы барокко, классицизма и романтизма. В 1953 г. окончил философский факультет Белградского университета, впоследствии получил степень доктора наук в Загребском университете. Первые десять лет после университета он посвятил научной деятельности, результатом которой стала монография «История сербской литературы периода Барокко», основанная на докторской диссертации (1970). Преподавал в университетах Белграда, Парижа, Вены, Фрайбурга и Регенсбурга. На протяжении всей жизни он писал критические статьи, монографии по истории древней сербской литературы и поэзии символизма, переводил стихи с европейских языков — владел русским, немецким и французским, — в том числе поэзию Байрона и Пушкина. В 1991 г. Павич был избран в Сербскую академию наук и искусств. В 2004 г. был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Первый поэтический сборник Павича «Палимпсесты» был издан в 1967 г. За ним последовали многие другие поэтические и прозаические произведения. Широкую известность, и не только на родине, писателю принес роман «Хазарский словарь» (1984). Затем были написаны романы «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988), «Внутренняя сторона ветра» (1991), «Последняя любовь в Константинополе» (1994), сборники рассказов «Вывернутая перчатка» (1989), «Страшные любовные истории» (2001). На первый взгляд, романы Павича не являются единым целым, а состоят из отдельных набросков. Однако именно соеди-

нение этих фрагментов создает объемное изображение. В то же время некоторые его рассказы связаны между собой сквозными метафорами, мотивами и образами. Определенные темы (развития личности, выбора пути, взаимовлияния культур и др.) проявляются практически во всем творчестве писателя. Это дает возможность воспринимать все произведения автора в их единстве как гипертекст.

На творчество Павича несомненно повлияли и его научные интересы. Действие многих его произведений происходит в XVII и XVIII вв. — так зодчие в новелле «Дамаскин» строят монастыри в Сербии в конце XVIII в., в романе «Внутренняя сторона ветра» действие происходит еще раньше — в XV или XVI вв., в романе «Другое тело» (2006) главным героем является сербский писатель XVIII в. Захария Орфелин. Речь персонажей, даже в тех произведениях, действие которых происходит в конце XX или начале XXI в., часто достаточно витиевата и архаична, изобилует ссылками на древних мыслителей и теологов. Устаревшие названия предметов быта, профессий, притчевая манера повествования автоматически отправляют читателя в неопределенное прошлое, иногда нереальное и сказочное. Персонажи романов Павича часто обращаются к действительно имевшим место событиям или легендам как к источнику мудрости. Почти все положительные персонажи его произведений хорошо знакомы с античным наследием, с историей и литературой своей страны, таким образом, знание исторических корней для автора является абсолютно позитивной оценкой героя. Знание это может быть или энциклопедическим, или основанным на легендах и чувственном осознании связи прошлого и настоящего. Книга, тем более древняя рукопись, у Павича может выступать не только как источник информации, но и как артефакт. При этом в его творчестве невозможно найти ни одного произведения, которое можно было бы назвать полностью историческим, хотя автор напрямую не нарушает исторической достоверности. Обилие придуманных, мистических, сказочных сюжетных ходов настолько преобразует исторические события, что они становятся менее значимыми и отходят на задний план, подчеркивая роль случая, сна, легенды, мифа. Факты являются отправной точкой для создания произведения, но не более. История для Павича — это катализатор для построения своего сюжета, своей картины мира. Реальные события влияют скорее на внешнюю сторону жизни павичевских персонажей, заставляя их, например, отправляться в путь. Более важные для автора изменения — изменения в душе героя — происходят чаще всего под влиянием незначи-

ных для истинной истории эпизодов, таких как сны или случайные встречи. Павич наполняет скудные сведения о прошлом мелкими, зачастую избыточными подробностями, создавая тем самым более целостную и живую картину. Он превращает темное и далекое время в сказочный мир, в котором иначе расставлены приоритеты и действуют особые законы.

Структурная организация романов Павича при этом отнюдь не архаична. Он играет с традиционными формами, как, впрочем, большинство авторов-постмодернистов. Роман «Хазарский словарь» написан как специфическая энциклопедия, состоящая из трех книг. Реальные и вымышленные данные о хазарах поданы в виде статей, расположенных в алфавитном порядке. В первой, «красной», книге представлены данные из христианских источников, во второй, «зеленой», — из исламских источников и в третьей, «желтой», книге — из иудейских. Такая структура произведения, а она присуща и другим его романам, позволяет говорить о нелинейности прозы Павича. Благодаря этой форме автору удается постоянно менять время и место действия, стиль повествования и языковую манеру. Более того, читатель может сам выбирать способ прочтения книги, то есть он оказывается вовлечен в создание произведения. Можно сказать, что каждая «словарная» статья предлагает несколько путей дальнейшего прочтения романа, и знакомство с историей хазарского народа у каждого читателя складывается по-своему. Однако элементы романа объединены не только на формальном уровне, но и на содержательном.

В «красной» книге романа «Хазарский словарь» есть две отдельные статьи — «Кирилл (Константин Солунский)» и «Мефодий Солунский», где речь идет о славянских первоучителях. Известно, что Кирилл около 860 г. совершил дипломатическую поездку к хазарам, а Мефодий был хронистом хазарской полемики¹. Хазарский каган² должен был выслушать доводы представителей христианства, иудаизма и ислама и выбрать веру для своего народа. Образы солунских братьев в романе расходятся с традицией их стереотипного видения, сложившегося у большинства славянских народов. В житиях братья представлены как единое целое, они служат своей вере, вся их жизнь будто подчинена идее распространения христианства и просвещения языческих народов, сама жизнь братьев является примером для подражания. Павича же помимо религиозного аспекта жизни просветителей интересуют живые личности, их мысли, суждения, малые дела Кирилла и Мефодия. Братья изображены не как религиозные деятели, а как светские образованные люди. Так, например, Кирилл срав-

нивает себя с Александром Македонским, Рамзесом III и другими светскими деятелями, а Мефодий, будучи в заточении, обращается в своих размышлениях не к Богу, а к Гомеру.

В процессе решения поставленных задач братьям свойственно прибегать к развернутым метафорам, которые можно воспринимать и как притчи. Так, когда они столкнулись с необходимостью создания славянского алфавита, язык славянских подданных с «бородатыми душами» («...svojih slovenskih podanika, koji su imali bradate duše...»³) будто не желал быть «пойманным». Тогда Мефодий сказал, что для того, чтобы пронести кувшин через решетку окна, его нужно разбить, и перенести каждый черепок отдельно, затем — склеить черепки глиной. Именно так братья и поступили — склеили бессистемный и дикий язык славян с помощью греческих букв. Притчевость мировоззрения, однако, не является характерной чертой именно Кирилла и Мефодия. Способность к образному мышлению для героев Павича является признаком ума вообще.

Кирилл и Мефодия часто называют «солунскими братьями», «славянскими первоучителями», объединяя их в единое целое. Павич же создает принципиально разные образы. Кирилл — более мудрый и гибкий. Родившись и воспитываясь во время борьбы с культом икон, Кирилл позже выступает в их защиту. Консервативный Мефодий не изменяет своим наставникам. С этической точки зрения прав Мефодий, но Кирилл по-настоящему дальновиден. В связи с этим автор подчеркивает, что в определенный момент младший брат, Кирилл, становится духовным отцом своего старшего брата, Мефодия. При этом в описании Кирилла эту мысль выражает автор, а в описании Мефодия он осознает это самостоятельно и решает сопроводить брата и учителя. В жизнеописании Кирилла Павич уделяет большое внимание его учителям: Льву Математику, «преподававшему Гомера, геометрию, арифметику, астрономию и музыку», Иоану Грамматику, который поддерживал связь с сарацинами, патриарху Фотию, «который преподавал ему грамматику, риторику, диалектику и философию и которого прозвали христианским Аристотелем... начал гуманистическое возрождение византийского мира»⁴. В описании жизненного пути Мефодия учителем выступает в первую очередь сам Кирилл. Именно поэтому жизнь Кирилла освещена более полно, чем жизнь его старшего брата, который показан как его сподвижник.

Образ Кирилла — скорее образ художника, увлеченного своим делом, образ философа, ищущего ответы. Герой находится в постоянном развитии, изучает языки — славянский, еврейский, хазарский,

самаритянский, русскую письменность (в житийной интерпретации «готскую»). Мефодий — человек более приземленный и рациональный. Так, например, Кирилл воспринимает греческий алфавит для создания славянского языка богослужения как графическую основу. Мефодий же оценивает это как усиление греческого влияния. Автора больше интересует Кирилл, но представить его вне отношений с братом невозможно. Рациональность и некоторая мировоззренческая замкнутость Мефодия подталкивают Кирилла к размышлениям и поиску наиболее универсальных идей.

Успех деятельности братьев, по мнению Павича, основывается на единстве противоположностей. Иначе, по его мнению, союз солунских братьев не смог бы быть столь продуктивным. В романе более подробно описаны именно те события, которые как-то меняли жизнь или воззрения братьев, причем всегда во взаимодействии друг с другом. Кирилл совместно с Мефодием создал славянскую азбуку, победил в хазарской полемике (по версии христианских источников), отправился с миссией в Моравию, отстоял в Риме право вести богослужение на славянском языке. При этом главным действующим лицом является скорее Кирилл, однако поддержка и помощь Мефодия незаменимы. Согласно Павичу, братья влияют друг на друга, взаимодополняя внутренний мир каждого. Даже «словарные статьи» о них не изолированы друг от друга. Так, глава «Кирилл» содержит подробную информацию не только о Кирилле, но и о Мефодии, и наоборот, в главе «Мефодий Солунский» есть данные о Кирилле. Биографические данные и то, что происходило с братьями после совместных миссий, то есть те события, которые братья переживали поодиночке, важны, но менее интересны для автора. Эти события изложены практически энциклопедическим языком, без дополнений, так как в эти моменты братья действовали не так успешно.

Кирилл постоянно читает книги и без них будто чувствует себя нагим, однако, по-настоящему понять смысл книги он может только обсудив ее с братом. Братья органично дополняют друг друга, например, при чтении книг: один читает четные строки, другой — нечетные, только будучи вместе они могут охватить и понять написанное. Книга же для Павича — метафора мира. Мир един по своей сути, но каждый волен выбирать свой путь. Язык, образование и мировоззрение, с одной стороны, держат человека на плаву, дают ему опору, с другой — ограничивают его кругозор и формируют отчасти предсказуемое мировоззрение. Так и книга — в зависимости от того языка, на котором она написана, от той цели, которую преследовал

автор, от того, кто ее читает, и складывается бесконечное множество проекций книги. Хотя фактически содержание книги не видоизменяется, оно едино.

Будучи хорошо знакомым с историей и литературой, Павич опирается на свои знания для создания художественных произведений, он пользуется всеми возможностями современной литературоведческой науки и по-новому трактует архетипические образы, переписывает античные мифы, конструирует свои произведения по внелитературным моделям (кроссворд, архитектурное сооружение, карты Таро, словарь). Сами описания жизни каждого из братьев построены по единому художественному принципу — все, что исторически достоверно, написано ясным энциклопедическим языком: «КИРИЛЛ (Константин Солунский, или Константин Философ, 826 или 827–869) — православный святой, греческий участник хазарской полемики, один из основателей славянской письменности»⁵, «МЕФОДИЙ СОЛУНСКИЙ (около 815–885) — греческий хронист хазарской полемики, один из славянских апостолов и святителей восточного христианства, старший брат Константина Солунского — Кирилла»⁶. Все, что предполагает автор, что он надстраивает над общеизвестными фактами, излагается типичным для Павича языком — с обилием метафор, развернутых сравнений, употреблением архаичных слов, с недосказанностями, которые должны заставить читателя остановиться и задуматься: «В Паннонии, на Балатоне — озере, где зимой смерзаются волосы, а глаза от ветра становятся похожи на столовую и чайную ложку, — Мефодий остановился вместе с братом в столице тамошнего славянского князя Коцеля»⁷, «...если к иконе Богородицы он (Кирилл. — *Е. Ш.*) смог привыкнуть, то к самой богородице — нет. Когда много лет спустя он в хазарской полемике сравнил ее с прислугой из свиты кагана, он сравнил ее с женщиной, а не с женщиной»⁸. Речь автора в «Хазарском словаре» может быть сухой, информативной, энциклопедичной или образной, полной метафор. Это связано не только с соотношением достоверных фактов и вымысла. В речи автора четко разделены объективное и субъективное начала. Отношение героев к событию может быть выражено как словами самого персонажа, так и словами автора. В последнем случае речь автора становится более яркой и образной. Таким образом, объективность выражается сухим энциклопедическим языком и обозначает, что данные достоверны, но ни для развития действия, ни для личностного роста персонажа не являются ключевыми. Субъективность же выражается через образную речь автора или персонажа и обозначает,

что описываемые события дают персонажу или действию импульс к развитию, и поэтому они интересны автору.

Говоря о славянских народах, Павич часто использует яркие запоминающиеся сравнения: подданные с «бородатыми душами»; воины, которые «могут ударом кнута заставить змею сбросить кожу»; женщины, «рожающие в воздухе». Автор прибегает к подобным сравнениям, говоря только о некой общности людей или предметов, которые характеризуют быт того или иного народа. В создании образа отдельной личности Павич не дает подобных сравнений.

Так, он не создает портретов солунских братьев, не описывает их жизнь достаточно подробно. При создании их образов он расставляет определенные акценты — на обучении (в особенности в образе наставника Кирилла Фотия⁹), на создании славянской азбуки, на путешествии в Моравию и, естественно, на хазарской полемике. Таким образом, создается впечатление, что автор читает энциклопедическую статью и по наитию дополняет ее той информацией, которая кажется ему важной и с точки зрения развития сюжета, и с точки зрения создания особой образной картины мира. Если читатель примет правила игры Павича, он также сможет дополнить образы Кирилла и Мефодия.

Автор не отступает от известных исторических фактов, но при этом рассматривает их под своим углом зрения. Солунские братья в его интерпретации кажутся живыми, их образы — объемными, эволюционирующими. Они не просто христианские миссионеры, которые несут знание неразумным народам, они у этих народов учатся: в Моравии — терпению, у хазар — мудрости. Образ Кирилла также является необходимым для обеспечения «христианского» представления о хазарах и хазарской полемике. Не являясь центральными персонажами романа, Кирилл и Мефодий, однако, помогают раскрыть центральный образ произведения — образ загадочного хазарского народа.

Хазарская полемика в романе является одной из точек пересечения всех трех конфессий по хазарскому вопросу. Она является возможностью для не только еще более полного раскрытия образа Кирилла, но и показа его противников и их взаимодействие. В павичевской версии полемики каган приглашает представителей трех основных религий — ислама, иудаизма и христианства, чтобы те растолковали его сон. Ему снится, что он идет по колена в речной воде и держит в руках книгу, вода волнами подступает, и книгу приходится поднимать над головой. Открыв глаза, каган понимает, что сон все

еще продолжается, и он снова идет по реке с книгой в руках, а, закрывая глаза, он продолжает читать книгу. Он не может отделить реальность от сна, ложь от истины. Согласно трактовке этого сна, каган должен выбрать для своего народа правильную религию. В житиях Кирилла говорится, что хазарский правитель действительно пригласил представителей трех религий, чтобы выбрать вероисповедание для своих подданных, однако ни о каком сне данных нет¹⁰.

В хазарской полемике Кирилл говорит о христианской религии, однако он не излагает суть христианского вероучения, а лишь приводит доводы в его пользу и отвечает на вопросы хазарского кагана. Кирилл здесь — лишь одна из спорящих сторон. Сама полемика скорее похожа на сражение ораторов, каждый из которых строит выступление в русле своей религии и с помощью специфических речевых фигур, которые в настоящее время считаются характерными и даже стереотипными для представителя соответствующей религии и культуры. Иудейский «оратор» отталкивается от слов противников, резко противопоставляя себя им, подчеркивая исключительность иудейского пути. Кирилл же прибегает к притчевой манере изложения, характерной для христианской духовной литературы. Фараби Ибн Кора, исламский «оратор», толкует сон хазарского кагана, опираясь на Коран. Складывается впечатление, что в самый ответственный момент спора все его участники утрачивают часть себя, теряют мудрость, которая и привела их к исполнению столь важной миссии (в отдельных главах, посвященных непосредственно каждому из «ораторов», они представлены как выдающие мыслители). Верх берет менталитет, сформированный в них культурой и религией: Кирилл начинает чаще обращаться к книгам и ссылаться на авторитет книжного слова; раввин говорит, будто и мусульмане, и христиане принесут вместе со своей верой оружие, которое в итоге направят против хазарского народа; мусульманин сулит богатство и процветание, которые невозможно получить, не приняв Ислам. Интересен тот факт, что некоторые реплики Кирилла в романе совпадают с его же высказываниями в паннонских житиях Кирилла и Мефодия, только место действия может не совпадать. Например, реплика Кирилла из жития, сказанная сарацинам в Самаре¹¹: «Вижу демонский образ, — отвечал философ, — и думаю, что здесь живут христиане. Демоны не могут жить вместе с христианами и бегут от них (находятся вне дверей). Где же нет этого изображения на внешней стороне дверей, там, очевидно, демоны живут внутри здания», — встречается в романе в главе «Хазарская полемика»: «Я вижу лицо демона и думаю, что здесь, в этом

доме, живут христиане, а так как демоны вместе с ними жить не могут, они бегут от них наружу. А там, где таких изображений на стенах и дверях нет, они находятся внутри, вместе с людьми...»¹².

В павичевской версии хазарской полемики Кирилл, с одной стороны, рассуждает в русле христианского видения мира, с другой — излагает свои личные взгляды. Он не опирается на конкретные догматы, как, впрочем, и другие стороны, принимающие участие в полемике. Именно поэтому автор симпатизирует Кириллу, но не отрицает возможности того, что именно из-за открытости и свободомыслия Кирилла хазарские проповеди впоследствии были изъяты из широкого обращения. В «желтой» книге словаря есть статья «Д-р Шульц Дорота» о профессоре университета в Иерусалиме. Дорота рассуждает о сохранности различных документов прошлого и негодует, почему же не сохранились записи о хазарской полемике, сделанные Кириллом или Мефодием, ведь большинство других проповедей Кирилла дошли до современного читателя в переложениях или списках. Дорота Шульц предполагает, что, возможно, в хазарской полемике были изложены мысли, негодные христианской церкви, даже еретические: «Не было ли в них (хазарских проповедях. — *Е. Ш.*) иконоборческой окраски, что было полезно в полемике, но не соответствовало догматам, из-за чего потом их изъяли из употребления?»¹³. Все размышления братьев о языке, о человеческом мышлении, о мире вообще мало соотносятся с религиозным видением мира — Павич изображает и Кирилла, и Мефодия скорее как агностиков.

Связь братьев с хазарами в романе не ограничивается только хазарской полемикой. Учитель Кирилла и Мефодия Фотий, по словам византийского императора, носит «хазарское лицо». Мефодий, более сведущий в политике, убежден, что Фотий поддерживал связь с хазарами, и именно благодаря ему состоялась хазарская полемика. Получается, что учитель, который занимался «таинственными, запрещенными науками — астрологией и магией»¹⁴, который имел контакты с сильным и развитым хазарским народом, учил братьев и повлиял на становление личности Кирилла, а затем «помог» тому пойти по пути, на котором и должна была состояться встреча с хазарами. Та самая встреча, о которой нет достоверных исторических данных, а описание, предложенное в словаре, в каждой из «книг» подано субъективно. Читатель волен додумать ее сам, ведь по прочтении книги образ хазарского народа у него уже начинает складываться.

Павич предлагает читателю несколько вариантов трактовок одних и тех же событий и оставляет место для создания его собствен-

ной версии и на уровне содержания, и на уровне формы, подчеркивая многовариантность истории. Прошлое, как и настоящее, не является чем-то застывшим и неизменным. Одно и то же событие, в зависимости от трактовки, может изображаться по-разному. Так и хазарская полемика в романе: в христианской трактовке каган предпочитает христианство, в иудейской — иудаизм, а в исламской — ислам. Павич педантичен в изложении достоверных фактов — он приводит точные даты, цитаты из различных письменных источников, не меняет исторические факты, но выражает свое видение истории, приглушая очевидное, подсвечивая малоизвестное. Так он создает новые, насыщенные и неожиданные образы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Религиозная полемика (ок. 861 н. э.) при дворе хазарского правителя, который пригласил представителей иудаизма, ислама и христианства для религиозных споров, желая выбрать лучшую религию.
- 2 Правитель Хазарского каганата.
- 3 *Pavić M.* Hazarski rečnik. Roman-leksikon u 100.000 reči. Androgino izdanje. Beograd, 2006. S. 112.
- 4 *Павич М.* Хазарский словарь. Азбука-классика. СПб., 2007. С. 71.
- 5 Там же. С. 71.
- 6 Там же. С. 80.
- 7 Там же. С. 83–84.
- 8 Там же. С. 73.
- 9 Патриарх Фотий (около 820–896) — византийский богослов, Константинопольский патриарх с 857 по 867 г. и с 877 по 886 г.
- 10 <http://zhitiya.pravoslavie-online.ru/may/73-odinnadcatoe-maya/213-kirill-i-mefodiy>.
- 11 По данным житий Самара — столица сарацинского княжества, расположенная на берегу реки Ефрат.
- 12 *Павич М.* Хазарский словарь. С. 119.
- 13 Там же. С. 297.
- 14 Там же. С. 72.

Shat'ko E. V.

The Images of Stt Cyril and Methodius in the Novel
The Dictionary of the Khazars by M. Pavic

The article covers the analysis of images of Stt Cyril and Methodius on the base of the novel by Serbian writer Milorad Pavic. They are not the central images of the book but they provide a possibility to understand an artistic structure of the novel *The Dictionary of the Khazars*, an approach of the author to history and polysemantic functionality of images.

Key words: *M. Pavic, The Dictionary of the Khazars, Stt Cyril and Methodius, Khazar polemic.*

С. Маркович
(Ниш)

Живопись Леонида Шейки¹ (от антиискусства — к философии всеединства)

В статье рассматривается творчество художника сербского авангарда Леонида Шейки, участника и вдохновителя первых авангардных групп в Сербии и внесшего значительный вклад в философию живописи.

Ключевые слова: *авангард, искусство, художник, модерн, хаос и порядок, «Помойка», «Замок», «Комната», дадаизм.*

Русские эмигранты первой волны внесли драгоценный и неопценимый вклад в развитие Сербии между двумя мировыми войнами. Это относится ко всем сферам разоренной войной и понесшей огромные потери страны: просвещению, живописи, науке, архитектуре, различным жанрам сценического искусства, к балету и музыке... Их дети после Второй мировой войны также оказали немалое влияние на сербское искусство, прежде всего, на авангардные течения в живописи после 1950 г.

Общий взгляд на сербское изобразительное искусство 60-х, 70-х и 80-х гг. прошедшего столетия отчетливо выявляет таких художников, как живописец Леонид Шейка, блестящий теоретик Игорь Васильев (увы, преждевременно покинувший нас), Оля Иванички, яркий художник и скульптор (к сожалению, скульптурой она очень мало занималась), график Миодраг Нагорный...

Среди них Леонид Трофимович Шейка по праву лидирует в ряду ведущих художников сербского авангарда 60-х гг. XX в.

Прежде чем перейти к анализу произведений Леонида Шейки, представляется целесообразным обратить определенное внимание на основные характеристики времени, предшествующего его появлению.

Речь идет о первых послевоенных годах, весьма сложных и спорных, в сербской и югославской идеолого-политической и художественной практике. В этот период происходили коренные изменения в югославском обществе. Идеи равенства и социальной справедливости, всегда представлявшие цель, к которой стремилось и стремится любое общество, естественно, стали вполне приемлемой основой развития нового югославского общества, принятой подавляющим большинством народа. Но с течением времени все заметнее

становился разрыв между провозглашенными принципами и общественной практикой. Подобным переменам и дилеммам было, конечно, подвержено и сербское искусство. Социалистический реализм, перенятый из советского опыта, стал единственным возможным и допустимым способом художественного творчества. Базирующийся на старых формах художественного языка, ограниченный однобокими идеологическими условностями, директивами о необходимости возвеличивания революции, он у художников модерна межвоенного времени — после начального недоумения — вызвал разные реакции: от безоговорочного принятия доктрины приверженцами социальных тенденций в изобразительном искусстве через попытки достижения компромисса между заданной темой и лично для них приемлемым подходом, вплоть до художественного молчания как формы неприятия, и наконец, до сопротивления.

Основной вопрос тогдашней жизни состоял в том, как устоять перед порочной идеологией монизма и сохранить, насколько это возможно в смутные времена, творческое достоинство и художественную неприкосновенность?

К счастью, разрыв отношений с «первой страной социализма» и резолюция Информбюро постепенно открыли возможность выхода из создавшегося положения. Начались брожения в художественной практике, в теоретической мысли разногласия между художниками и УЛУС-ом (Союз художников Сербии) как инструментом контроля над творчеством своих членов. Стали возникать группы, основанные на иной концепции творчества по сравнению с социалистическим реализмом. К ним относится группа «Шестеро», объединившая виднейших представителей модерна межвоенного времени и демонстрировавшая преемственность собственного творчества, группа «Самостоятельные», противостоявшая УЛУС-у посредством совместного выражения разнообразных творческих поэтик, группа «Одиннадцать» с ее стремлением поддержать перемены в художественной жизни. Об индивидуальных выступлениях художников, внесших фундаментальный вклад в разрыв с соцреалистической доктриной, свидетельствовали персональные выставки Мичи Поповича (1950), Петра Лубарды и Милана Коневича (1951).

Значительное место на арене сербского изобразительного искусства в 50-е и 60-е гг. предыдущего столетия заняли две художественные группы: «Декабрьская» (1955–1960) и «Медиала» (1957–1970), инициатором и вдохновителем которых являлся именно Леонид Шейка.

Так, с одной стороны, «Декабрьская группа» стала необходимым звеном, соединившим модерн межвоенного времени с шестидесятыми годами. В этом смысле она закрыла пробел в развитии сербского модерна, возникший вследствие репрессий со стороны приверженцев доктрины социалистического реализма во второй половине 50-х и его рецидивов в начале 60-х гг.

С другой стороны, принятие посткубизма, трактовка предмета в его дескриптивной и формальной декомпозиции — сведении к знаку, в чем проявлялась склонность к абстрактной структуре, следовательно и иная трактовка цвета — свидетельствовало о разрыве с сербским модерном межвоенного времени.

Если же речь идет о *Медиале*², зачинатель которой, как уже было указано, — Леонид Шейка, то в ней дело обстоит иначе. В ее поэтике, если говорить вкратце, доминирует стремление посредством формы, при использовании огромного наследия истории искусства, произвести синтез блага изобразительного искусства и возродить традицию картины ренессанса, в рамках которой художники, члены *Медиалы*³, отыщут пространство для проекции собственных грез, верований или страхов. В их творческой лаборатории формы и цвета стала проявляться склонность художников к фантастичному, одной из доминирующих характеристик творчества ее членов. Возникнув из глубокого мифического и религиозного сознания и грез, перейдя сначала в фольклор, а из него в поэтические и изобразительные сновидения, фантастичное является естественной формой стремления человека бытовать в двух мирах: реальном и сюрреальном, рациональном и иррациональном.

Леонид Шейка родился в Белграде в 1932 г. в семье офицера царской армии России Трофима Васильевича, продолжившего свою карьеру картографа генштаба и после прибытия в Сербию.

Его мать, Катарина Зисич, происходящая из семьи Зисиядис, проживающей в г. Валево, была настоящей противоположностью строгому и амбициозному Трофиму Васильевичу. Богато одаренная талантами, оставившая оперную карьеру после замужества, она и сама тяготела к искусству: занималась рисованием, читала произведения мировых классиков в подлиннике, пересказывая их Шейке и его друзьям, посещавшим ее дом и слушавшим беседы об искусстве, которые там велись.

После окончания русской начальной школы и четырех классов гимназии, Шейка в 1946 г. поступил на Архитектурное отделение средней технической школы, закончив ее в 1949 г. вместе с Сিনিшей

Вуковичем, впоследствии ставшим архитектором и художником, и устроился руководителем строительства гостиницы «Морава» в г. Чачак. Год спустя он поступил на отделение архитектуры Высшей технической школы, впоследствии Архитектурного факультета в Белграде, пожертвовав работой.

Новая атмосфера и новые друзья (Педжа Ристич, Синиша Вукович, Милутин Трпкович, Вукота Вукотич), интересы которых находили отклик в его душе, лекции и беседы с архитектором Богданом Богдановичем, тогда юным ассистентом отделения, — все это содействовало тому, что Шейка обрел себя в живописи⁴.

Уже в феврале 1953 г. Шейка участвует на групповой выставке членов кружка живописи «Иво Лола Рибар» во Дворце молодежи на улице Палмотича в Белграде.

В общении и работе постепенно выкристаллизовалась позиция о необходимости заложения основ интегральной живописи. Идейный костяк «Медиалы», в которой Шейка и Миро Главуртич вместе с Синишей Вуковичем, Олей Иванички, Урошем Тошковичем, Мишелем Контичем, Костой Брадичем, Вукотой Вукотичем, Предрагом Ристичем, Миличем Станковичем, Милованом Видаком, Илией Савичем, Михайло Чумичем, Светозаром Самуровичем, Любой Поповичем, Владимиром Величковичем, композитором Владаном Радовановичем и другими занялись созданием медиальной живописи. Они стремились добиться того, чтобы на белизне холста, как в срединной точке, как в фокусе, сошлись и пересеклись все измерения мира и все энергии духа.

И здесь большую роль сыграла идея о синтетическом классицизме — панреализме; где суть последнего, как понимал Шейка, лежит в необходимости охвата сукцессии миров реальности, перехода из одного в другой. Для достижения этого необходимо, по мнению Шейки, убрать границу между этими мирами, ибо «...реальность одна, и любая живопись реалистична». Однако, в отличие от привычного реализма, панреализм представляет мир предметов и структур в одной непрерывности как сумму стремящихся к единству разнообразий, переходящих из одной сферы реальности в другую.

Устранение границы между мирами реальности составляет основное отличие художественного творчества Шейки. Для него характерно зигзагообразное движение в искусстве — он делает то, что в данный момент ему хочется. С беспримечной легкостью и последовательностью приема он одновременно создает произведения, корреспондирующие с самыми авангардными направлениями в искусстве второй половины двадцатого века. Одновременно с Арманом

Фернандесом или Луизой Невельсон, или даже раньше, опираясь на практику дадаизма межвоенного времени, олицетворенную в поэтике Марселя Дюшана и Курта Швиттерса, Шейка потребительские предметы провозглашает художественными, упаковывает предметы с помойки в коробки-объекты, использует тело и отброшенные предметы в магических ритуалах провозглашения и инициации на помойке — чтобы параллельно с подобными приемами крайне сосредоточенно заниматься циклами «Комната» и «Терраса», выполненными в классическом живописном стиле.

Подобный параллелизм интересов, творческих приемов и поэтик в творчестве Шейки отметил Йерко Еша Денегри, писавший о цикле рисунков на тему «Склад», выставленном в Галерее народного университета им. Колараца в 1966 г. «По-моему, — указывал выступавший с позиций концептуализма Денегри, — этот художник, к величайшему сожалению, не довел свои ранние «помойки» до окончательной дефиниции, и что его на редкость радикальная и антитрадиционалистская ориентация закончилась лишь начальным намеком. По складу своей психики и по культуре своего духа Шейка был готов заняться сложнейшими проблемами, в то время открываемыми мировым авангардом, и при ином стечении обстоятельств он мог собственным путем прийти к произведениям, по проблематике и общему характеру близким к Невельсон или Арману. *Но слишком подчеркнутая интеллектуальная концентрация и сильно выраженная ностальгия по классическому идеалу картины привели его в сферу совсем иных проблем* (выделено мною. — С. М.)»⁵.

Шейка почувствовал необходимость по-новому наладить связь между предметом, временем и человеком, между картиной и пространством, в котором предмет бытует.

Конечно же, Шейка глубоко осознавал, что двадцатое столетие означает нисхождение человека с центрального места земной сцены, что игра человеческих ценностей потерпела изменение, что открыты новые миры и новые пространственные системы, что нарушено соотношение между вечным и преходящим, что прервана связь между природой, человеком и предметом. Именно поэтому, глубоко чувствуя, что это не его мир, не принимая как этот мир, так и его систему ценностей, он пытался отыскать тот мир и ту пространственную систему, которая совпадала бы и глубоко проникалась с его внутренней сущностью.

«Помойка» и «Замок», как начальная и конечная точки визуальной системы Шейки являются точками ряда противоположно направ-

ленных пар в смысле противоположности между хаосом и порядком (хаоса мира, в котором живут, и порядком мира, к которому стремятся). Эти две точки присутствуют в творчестве Леонида Шейки — они взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Ведь невозможно стремиться к «Замку», не познав предварительно «Помойку». Достижение «Замка» как идеала возможно по принципу единства противоположностей (так данный принцип в европейской мысли определил Николай Кребс, более известный как Николай Кузанский⁶), путем трансцендирования дискурсивного разума и воображения, при этом интуицией стремясь к сущности художественного произведения (у Шейки олицетворенного метафорой «Замка»). Трансцендированием экстремумов и примирением противоположностей, или хотя бы их охватом, достигается то, что во всей полноте своей противоположности олицетворено в Боге, к которому Шейка всегда стремился.

Настаивание на «Замке» как зоне благостности и успокоения видимо следует искать в русской религиозной мысли, пережившей в 19-ом веке подъем в философии всеединства, точнее ее течении, близком к экзистенциализму в трудах Николая Бердяева.

В живописи и теоретической мысли Леонида Шейки отражены темы философии всеединства: проблемы духовного и материального, время и вечность — пространство и безграничность, вплоть до абсолютного существа как сущностной темы.

Абсолют в принятой Шейкой философской системе Бердяева подразумевает интегральное целое, охватывающее собой все сущее, содержащее в себе смысл всего — смысл всеединства — духа и материи. Поэтому тяга Шейки к «Замку» отражает его стремление выйти из рамок собственного бытия и приблизиться к абсолюту, то есть Богу, к которому он своим существом и формами собственного выражения всегда тяготел.

Все то, что в живописи и теоретической мысли Шейки происходило между «Помойкой» и «Замком», весь цикл «Комнат», «Террас», «Помещений», «Натюрморт», — все это вело к «центричному и симметричному» миру, к центру, в котором дух качается между противоположностями, чтобы после прекращения качения замереть в центральной точке, означающей возврат к фундаментальной единичности.

Направление к «Замку» является формой стремления, имманентной Шейке, постигнуть всеобъемлющее существо. Постигнуть его трансцендированием, позволяющим превысить и превзойти любую форму предметности, в целях соприкосновения источника

и основы — места, никаким словом не объяснимого. Поэтому «Замок» — срединная область, точка, уходящая от всякого определения. Объемлющее не объять. Его нельзя постичь в его объемности, ибо ничто предметное не абсолютно, ибо ни один человек — это не все, ибо ни одна постижимая истина — не вся истина. Тотальность всегда остается скрытой для человека. Поэтому «Замок» как экзистенциальная реальность существует лишь как догадка, которую Шейка сообщает посредством системы символов в своих картинах (круглый драгоценный камень, охваченный октогональной сеткой в «Помещении светозарности», или предметы в комнатах и помещениях, ассоциирующиеся с обрядом евхаристии, или «Стена», загородившая «Замок»). Эти символы тонко намекают на существование «иной вещи». В них пребывает реальность трансценденции. По сути, они являются кодами существа, направляющими дух к беспредельному, в пропасти которого, во тьме, в которой мы живем и умираем, пребывает основа всего сущего — первотайна человека и мира.

Под конец жизни, в 1968–1970 гг., следуя по собственной зигзагообразной линии — *делать то, что в данный момент ему хочется*, Шейка в своем творчестве вошел в стадию «*Белых складов*».

Если присмотреться к предметам, свободно витающим на белизне фона, то видно, что они отмечены определенной ветхостью. Это — старинные замки, ключи, ступки, мельницы, древние печки. Словом, предметы мануфактурного периода, времени, из которого они взяли кое-что от сделавшего их и что-то от пользовавшегося ими. Подобным образом «спасенные» и расставленные, они будто излучают «тихую удовлетворенность» тем, что могут продлить свою жизнь на белизне холста.

Шейка не закончил цикл «*Белых складов*». Учитывая количество картин на эту тему и проблемы, которые он стремился разрешить, можно сказать, что художник находился в самом его начале. Оказавшись в новом, очищенном пространстве белизны, он ностальгически отобрал предметы «вырванные из исторического сознания, памяти и воображения»⁷. А потом, возвратившись в 1970 году с выставки из Швейцарии, он почувствовал первые признаки болезни.

Леонид Шейка скончался 15 декабря 1970 г. в Нейрохирургической клинике в Белграде.

Тот факт, что цикл «*Белых складов*» совпал с концом жизненного пути Леонида Шейки, рождает ряд вопросов, например: останься он в живых, в каком направлении пошло бы его творчество; увлек бы Шейку опыт с новой организацией «складов», измененным отноше-

нием к предмету и способом его визуализации, к новым проблемам и новым значениям предметов?

Кажется, все-таки он сам разрешил эту дилемму своей «Последней записью»⁸: «„Помойка“ для меня имела значение переходного испытания современного искусства; этим современное искусство для меня закончено. Если бы я вернулся к жизни (жизненной силе), то писал бы так, чтобы написание картин приносило как можно больше радости. По примеру старых мастеров даже ценой того, чтобы не быть оригинальным, имея в виду значащие картины. Теперь, уходя, сообщаю всем придерживающимся этого — пусть продолжают не боясь риска. Живопись — это форма молитвы».

Перевод с сербского С. Росича.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Статья о Леониде Шейке появилась в ходе работы над проектом «Сербское искусство 20-го века: национальное и европейское»; МНТР ОИ 177013 — Координатор проекта: Философский факультет Белградского государственного университета.
- 2 Предшественницей «Медиалы» была группа «Бальтазар», которая появилась в начале 1957 г. Собственно говоря, группа «Бальтазар», костяк которой составляли Леонид Шейка, живописец и композитор Владан Радованович, Оля Иванички, Миро Главуртич, в конце 1957 г. переросла в «Медиалу».
- 3 Конечно же, стремление к фантастическому в творчестве членов «Медиалы» не возникло впервые в истории сербской живописи. Сюрреализм и фантастика в межвоенный период появились в кругу писателей, собравшихся вокруг альманаха «Невозможное».
- 4 О первом контакте с живописью Шейка оставил интересное воспоминание: «Однажды я вошел в библиотеку, где на столе было разбросано множество журналов; у меня возникло желание накапливать знания. Начал я с астрономии. Звездное небо являлось пространством, в котором мысли могли вольно блуждать [...], предаваться данным грезам [...] После этого меня стала привлекать мысль о тайне искусства. Тогда я еще ничего не знал о событиях в искусстве XX века. Сначала я ознакомился с произведениями Корбюзье; еще раньше я стал рисовать фасады в псевдоклассическом стиле. Корбюзье стал моим первым контактом с современным ду-

- хом. На одной выставке я увидел натюрморт Пикассо. Так я начал заниматься живописью» (цит. по: *Šejka L. Autobiografija u: Grad, Đubrište, Zamak I, priredio Branko Kukić // Književne novine. Beograd, 1982. S. 117).*
- 5 *Denegri J. Leonid Šejka. Umetnost. Beograd, 1966. S. 50–55.*
- 6 Следует указать, что знание трудов Николая Кузанского вовсе не случайно для Шейки, ибо данный философ глубже всех средневековых мыслителей проник в мысль об Абсолюте. К тому же, именно ему принадлежит авторство данного термина. Кузанский своим учением повлиял на представителей русской философии всеединства — Франка и Вышеславцева.
Кузанский в системе Абсолюта различал три слоя или формы: *Абсолют как высшее существо — Бог*; потом *Высшее в смысле идеально законченного существа*, и наконец, *Бесконечность вселенной как конечное множество*. Указанную структуру Абсолюта переняли все русские философы всеединства (в том числе Бердяев), при этом по-разному именуя эти три слоя: Бог, Абсолют, Всеединство.
- 7 *Protić M. B. Leonid Šejka — parabola o integralnom // Subotić I. Leonid Šejka, katalog retrospektivne izložbe slika. Muzej savremene umetnosti. Beograd, 1972. S. 5.*
- 8 *Марковић С. Леонид Шејка и Медиала. Ниш, 1993. С. 101.*

Marcovic S.

Painting by Leonid Shejka (from Anti-Art to the Philosophy of All-Unity)

The article covers the creativity of an artist of Serbian avant-garde, Leonid Shejka, a participant and an inspirer of the first vanguard groups in Serbia, who brought a considerable contribution to philosophy of painting.

Key words: *avant-garde, art, artist, Art Nouveau, chaos and order, «Pomoika», «Zamok», «Komnata», Dada.*

В. И. Косик
(Москва)

Лидия Мансветова — из жизни на балканских сценах

В очерке освещена творческая жизнь великой русской актрисы и режиссера Лидии Мансветовой, вошедшей в историю театрального искусства балканских народов. Большое внимание уделено ее работе в театре в Сараево в межвоенный период. Ключевые слова: *Мансветова, актриса, режиссер, театр, спектакль, драма, Сараево, игра.*

Имя великой актрисы, режиссера, педагога Лидии Васильевны Мансветовой (1893–1963) неразрывно связано с Югославией, с ее театральной жизнью. Почти 50 лет поклонники таланта актрисы могли восхищаться ее мастерством на сценах Белграда, Загреба, Мостара, Нови-Сада, Сараево, Скопле (совр. Скопье), Сплита — городов, резко отличающихся друг от друга историей, жителями, самой жизнью, но всех их связывал феномен театра, привычный, например, для Сплита с его античными традициями, и только входящий в городскую культуру мусульманского Сараево.

И вполне закономерно, что имя великой Лидии Мансветовой вошло в историю национальных театров в странах Королевства сербов, хорватов и словенцев, потом Королевства Югославии, затем в ФНР Югославии. Классика остается при любой власти в самых ее различных обликах. Именно это «святое искусство» и позволяло Лидии Мансветовой творить и в Королевской Югославии, и в Народной Югославии. Конечно, в странах балканского региона было и есть немало великолепных мастеров, принадлежащих к театральному цеху, и, возможно, имя Мансветовой никогда бы и не появилось на театральных афишах балканских городов, если бы не русская революция, изгнавшая своих «белых» детей из внезапно «покрасневшей» России.

Среди набегавших на югославянские земли волн беженцев были и артисты, именовавшие себя таковыми, профессионалы и любители. Немало было и талантов, обогативших своей игрой сокровищницу театрального искусства Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии. В плеяду звезд вошло имя и Лидии Мансветовой. Она является нашей соотечественницей. Родившись в 1893 г. в

Санкт-Петербурге в семье оперных певцов, Лидия закономерно стала учиться в консерватории по классу фортепиано и фисгармонии и, что немаловажно, посещала Императорские театральные курсы по классу Ю. Э. Озаровского. В 1911 г. начинающая актриса получила первый ангажемент в Одессе, и очень быстро успела понравиться публике и критике многочисленными ролями в пьесах Островского и Чехова¹. Играла в труппе Н. Синельникова в Харькове, потом у А. Сибирякова, ставшего ее мужем, в Одессе. Во время Гражданской войны Лидия с группой актеров (Сибиряков, Муратов) уехала из России. С 1920 г. она вместе с семьей — муж, дочь Ксения, зять Е. С. Марьящев (певец) — обосновались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

В 1921 г. Мансветова стала первой русской актрисой в драматической труппе Белградского Народного театра². Замечу, что для других русских «зацепиться» за Народный театр было трудно именно из-за незнания языка. Конечно, его учили, но выдавал акцент. Один из театралов писал: «В настоящее время русским артистам попасть в сербскую драму весьма трудно, и только немногим удалось. Драма здесь старая, со своими традициями, с полным кадром артистов, с заботой о чистоте языка, а у русских, конечно, совершенно чистого акцента быть не может. Поэтому даже такая прекрасная артистка, как Мансветова, хотя и служит в драме, но должного использования своего симпатичного дарования не находит»³. Но все же актриса играла, причем весьма ответственные роли. Достаточно назвать пару премьерных спектаклей в Народном театре. Это — Дездемона в «Отелло» (29 января 1921 г.)⁴ и Анжелика в «Мнимом больном» (14 января 1922 г.)⁵. Добавлю, что в ее репертуаре насчитывалось 150 ролей, из которых 15 она играла на сербском языке⁶. В 1921–1922 гг. актриса работала в Загребе, при этом выезжала 17 раз в Белград на гастроли⁷. В хорватской столице Лидия Мансветова преподавала в государственной актерской школе.

Перед возвращением в Белград в 1925 г. Лидия два сезона провела в адриатическом Сплите⁸, где «море смеется» и легко дышится. В том же году ее портрет могли видеть читатели на обложке третьего номера театрального журнала «Comœdia».

И конечно, такая прекрасная актриса не могла не участвовать в спектаклях труппы при Белградском русском драматическом обществе. Успешно пробовала себя в режиссуре.

26 июня 1926 г. выступила режиссером пьесы О. Миртова «Маленькая женщина», поставленной в «Манеже» Белградским русским

драматическим обществом в честь 15-летия ее сценической деятельности⁹. В 1928–1929 гг. в столичном Народном театре Мансветова ставит пьесы и играет главные роли. Потом супруги кочевали по театрам Королевства: играли в городах Загреб, Сплит, Сараево, Осиек, Сомбор, Новый Сад. В театре столицы Воеводины Мансветова ставила «Анфису» Андреева, «Нору» Ибсена, «Сон любви» Косоротова, «Ложь» Винниченко... Столетие со дня рождения Льва Толстого театр отметил на открытии сезона 1928/29 г. постановкой «Анны Карениной» в инсценировке и режиссуре А. Сибирякова¹⁰.

Причем просмотренная мною сербская критика того времени о выступлениях Мансветовой в той же «Норе» была превосходной. Правда, актрисе ставили в упрек, что артистка представила «русскую Нору», так как у Ибсена она более уравновешена, нежели сыграна Мансветовой, подчеркнувшей своей игрой эмоциональный характер своей героини, вступившей, как пишет критик, в борьбу с обществом, с традициями за освобождение женщины. Здесь можно было бы поговорить о трактовке пьесы, но это уже был бы монолог о режиссуре, а не об игре актрисы. Дважды выступала в этой роли в Скопле (1937 г.), а также режиссировала этот спектакль. В списке ее ролей, увиденных зрителями театра в Скопле была, в частности, и Абби Пэтнем из пьесы «Любовь под вязами» (Ю. О'Нил)¹¹.

Замечу, что «Нора» и сейчас ставится, легко встраиваясь в современность, в которой тема потребления по-прежнему востребована.

После своего отъезда из Белграда долгие годы — с 1930 г. по 1946 г., — с перерывами на гастроли, актриса играла на сцене драматического театра в Сараево. О ней сохранилось в прессе того времени немало ярких отзывов, рецензий, в своем большинстве восхваляющих игру или режиссуру Лидии Мансветовой.

Большое количество страниц отведено ей в двухтомнике Йосипа Лешича «Сараевский театр между двух войн», изданной в 1976 г. в Сараево (*Lešić J. Sarajevsko pozorište između dva rata. Sarajevo, 1976*). Широкое использование богатейшей информации из этой книги позволяет мне обрисовать картину сценической жизни великой актрисы и режиссера.

Итак, Мансветова, писал о ней один из критиков, «как и все великие русские мастера сцены шла от текста, от его мысли, для которой стремилась найти адекватную, психологически верную, сценическую форму. Театр сам *по себе*, которым одно время увлекалось несколько видных русских театральных теоретиков и практиков, капитулировал перед игрой, которую русский театр и его дух свя-

зывали с духом русской литературы. Одна из Весталок того святого пламени — госпожа Мансветова»¹² (Т. 2. С. 276–277).

Надо сразу сказать, что именно Сараево стало для актрисы первым городом, где она летом 1921 г. выступала в составе труппы «Русская драма», руководимой ее мужем А. Сибиряковым. С 31 июля по 8 августа на сараевской сцене было показано несколько спектаклей. В их числе были «Ревность» М. Арцыбашева, «Анфиса» Л. Андреева, «Пигмалион» Б. Шоу. Мимоходом замечу, что в составе этой труппы выступали и М. Муратов с Б. Путятной¹³, в биографии которых много еще стоит выяснить. Возвращаясь к этим гастролям, совершенно необходимо сказать, что в мусульманском Сараево эти спектакли, возможно, впервые знакомили зрителей с русской классикой. Думаю, что имя Бернарда Шоу было уже знакомо поклонникам Мельпомены.

Следующий приезд состоялся в сезоне 1926/27 г. во время директорства там «сербской язвы» Б. Нушича.

Во время следующих гастролей (23–26 апреля 1931 г.) Лидия Мансветова представила зрителям Анну Каренину и Наталью Павловну (пьеса В. Винниченко «Ложь»), подтвердив свое высокое репутации актрисы «тончайшей и интеллигентнейшей». Новым для зрителя было и ее выступление в роли Сюзи Куртуа в пьесе М. Паньоля «Топаз». Этот рафинированный образ кокетки Мансветова играла с некоей «славянской» интонацией, убирая столь необходимую, как подчеркивала местная критика, эгоцентричность и демонизм. Тем не менее, публика и критика были единодушны в том, что Сараевскому театру «абсолютно необходима» такая актриса, как Лидия Мансветова. В этом было заинтересовано и руководство самого театра, которому удалось уговорить ее на переезд в Сараево¹⁴, где она совмещала мастерство и режиссера, и актрисы, и педагога.

Уже в первой режиссуре «Трех сестер» она снискала «художественный» успех. Чеховскую картину «обычной жизни» Мансветова строила на характерах, подтексте, внутреннем реализме. Критик И. Стражичич в 1931 г. писал в прессе: «Она создала необходимую атмосферу, в начале в какой-то степени мистическую, позднее реалистичную... Каждому персонажу она придала реалистический характер... Мансветова полностью восприняла суть драмы, интенцию автора и, как режиссер, не позволяла никому выйти из поставленных ею рамок»¹⁵. Стоит заметить, что в то же время русская актриса, как писала критика, никогда свой талант не выпячивала «за счет других», играя «на одной линии»¹⁶.

Вчитываясь в историю театра в Сараево, необходимо подчеркнуть, что Лидия Мансветова стала любимицей публики. Почти каждая рецензия, связанная с именем Лидии Мансветовой, полна похвал ее игре на сцене, ее режиссерской работе. Добавлю, что, пожалуй, ни одна русская актриса не удостоивалась таких панегириков, как Лидия Мансветова с ее «изумительным талантом» за «потрясающую игру» и «точную режиссуру», как, например, в пьесе Винниченко «Черная пантера».

Можно сюда добавить и пьесу Ю. О'Нила «Анна Кристи», триумфально поставленную ею на сараевской сцене и сравнимую «с наиболее успешными спектаклями в театре, даже с теми, которые идут на центральных сценах»¹⁷.

Но ничего не бывает идеальным. Режиссерская работа Лидии Мансветовой, случалось, вызывала огонь критики.

Так, спектакль «Мертвые души» (инсценировка М. А. Булгакова) не вызвал отклика ни у публики, ни у критики: спектакль действовал утомляюще, оставалось ощущение невыразительности, присутствовала некая приглушенность. На сцене, как писала критика, не было ни комедии, ни сатиры. Хотя Мансветова и старалась как можно «точнее представить гоголевские типы и чтобы сцены игрались в быстром темпе»¹⁸. Был провал и в постановке комедии М. Беговича «Американская яхта в сплитском порту» (ошибки в распределении ролей, недостаток сплитского колорита, карикатурные типы)¹⁹. Но талант все преодолевает. Лидия Мансветова неоднократно была награждена за режиссуру.

В 1936 г. она сыграла в пьесе Розо ди Сан Секондо «Лестница» о трагедии одного брака, полная стриндберговских акцентов, ненависти, мощной внутренней драматургии, полная утонченного психологизма. Вся критика единодушно оценила игру Лидии Мансветовой как исключительное событие в истории сараевского театра. Критик И. Стражичич писал, что это была одна из наилучших ее ролей. Несравненная Мансветова «показала всю шкалу глубокой душевной борьбы, тяжких мучений с переходами, полными настоящего чувства, с кульминацией в сцене столкновения с мужем, когда узнает, что ее дочь мертва». Другой рецензент Александр Янкович подчеркивал, что, играя несчастную женщину, бредущую по жизни без ориентации, Мансветова показала свое глубокое понимание героини. Строгий в раздаче комплиментов Й. Кршич записал, что Мансветова сыграла Клотильду, главную женскую роль, «в исключительно чистом стиле, в той психологически сложной роли

она опять показала себя как создательница широких актерских возможностей»²⁰.

Здесь можно поставить вопрос: а как жил театр? Был ли он популярен? Много ли игралось пьес? Ответ на эти вопросы можно получить, зная такие сведения: в сезоне 1936/37 г. в театре было показано 222 спектакля, зрителей — 82079, в среднем 369 на спектакле. Труппа гастролировала в Мостаре, Травнике, Тузле, Ужице²¹.

В 1937 г., когда в Сараево гостили известнейшие Вера Греч и Поликарп Павлов, Мансветова как бы осталась в стороне. Рутинная режиссура. Игра ролей, которые ей вообще не подходят, а критика остра и неприятна. «Было грустно смотреть на ту самую актрису, которая когда-то талантливо создала образ Клотильды»²². Но вряд ли это было вызвано ревностью.

Творческий кризис Мансветовой, видимо, был обусловлен усталостью актрисы. Каждый сезон она режиссировала десяток новых пьес, а как актриса играла многочисленные роли.

К этому надо добавить и ряд личных утрат: в октябре 1938 г. умер в Сараево ее муж режиссер Александр Серебряков.

И все же, несмотря на ряд провалов, она смогла найти силы, чтобы вновь заблестать как режиссер и актриса. Речь идет о пьесе Ю. О'Нила «Любовь под вязами». Эту «драматическую симфонию страсти», в которой Мансветова, выразительная в мимике, скупая в жестах, свою Абби сыграла психологически как женщину без «интеллектуальных примесей»²³.

В театральной жизни Лидии Мансветовой были и «веселые постановки», речь идет об оперетте, столь любимой самой разнообразной публикой, даже в Сараево! И в этом музыкально-сценическом жанре Мансветова показала себя режиссером «утонченного вкуса и фантазии»²⁴.

Но, конечно, драма первенствовала. Большой успех сопутствовал ей как режиссеру и дальше, как например, в постановке пьесы Л. Пиранделло «Это так, как вам кажется». По мнению критики, Мансветова, будучи наиболее интеллигентным режиссером сараевского театра, прочувствовала все нюансы трагического взлета мыслей Луиджи Пиранделло²⁵.

Последний сезон 1940/41 г. у Мансветовой был связан и с чествованием 25-летней жизни на сцене. В свой юбилей она выступила в роли Анны Карениной, продемонстрировав все краски своего «роскошного» таланта. Она даже могла «играть» с публикой. Так, в «Дикой утке» Г. Ибсена Мансветова представила вместо холодных

молчаливых северян темпераментных южан, а вместо «нордического настроя», на сцене царил славянский штимунг. Критик Й. Кршич утверждал, что Мансветова входит в число тех великих мастеров сцены, которые прямо повлияли на повышение художественного уровня сараевского театра²⁶.

Она работала с творениями таких драматургов, как Юджин О'Нил, Карел Чапек, Луиджи Пиранделло, Генрик Ибсен. Стоит заметить, что эта актриса успешно работала в легком жанре, особенно в салонных комедиях, режиссировала оперетты О. Недбала, Ф. Легара, И. Штрауса, И. Кальмана. Она ставила пьесы и югославских драматургов, в частности, Мирослава Крлежу²⁷.

И напоследок еще мнение, на этот раз одной из хорватских газет, перепечатанное в эмигрантском «Новом слове». В статье под названием «Русское искусство в Югославии», привезенной мне женой из архива Джорданвилльской Духовной семинарии (США), писали: «Мансветова принесла с собой на югославянскую сцену типические черты русского сценического искусства, т. е. то „проникнутое духом и углубленное психологией трепетание человеческих душ, которое столь свойственно русским актерам и вообще художникам“»²⁸. Замечательные слова, точно отобразившие суть русской игры.

Сцену Лидия Мансветова оставила в Сплите, в котором с 1953 г. по 1955 г. играла, ставила спектакли, жила...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 151.
- 2 Новое время. 1921. 14.05. № 17. С. 3.
- 3 Театрал. Русское искусство в Королевстве С.Х.С. // Призыв. (Белград). 1926. № 4. Июль. С. 41.
- 4 *Михајловић Д.* Сто година Шекспиром // Један век Народног позоришта у Београду 1868–1968. Београд, 1968. С. 279.
- 5 *Јовановић С. А.* Молијер на сцени Народног позоришта // Там же. С. 332.
- 6 Сомоедиа. 1925. 21 октября. № 3. С. 27.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid.
- 9 Новое время. 1926. 24.06. № 1543. С. 3.
- 10 *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. Москва, 1999. С. 46, 47.

- 11 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I у Скопљу (1913–1941). В 2 т. Нови Сад, 2005. Т. 2. С. 623, 629.
- 12 *Lešić J.* Sarajevsko pozorište između dva rata. Sarajevo, 1976. Т. 2. С. 276–277.
- 13 Ibid. Т. 1. С. 60.
- 14 Ibid. Т. 2. С. 62, 64, 70.
- 15 Цит. по: Ibid. С. 82–83.
- 16 Ibid. С. 83.
- 17 Ibid. С. 114.
- 18 Ibid. С. 116.
- 19 Ibid. Т. 2. С. 119.
- 20 Цит. по: Ibid. С. 169–170.
- 21 Ibid. С. 182–183.
- 22 Цит. по: Ibid. С. 192.
- 23 Ibid. Т. 2. С. 194.
- 24 Ibid. С. 241.
- 25 Ibid.
- 26 Ibid. С. 276.
- 27 Ibid. С. 277.
- 28 Архив Джорданвилльской Духовной семинарии (США). Фонд В. К. Абданк Коссовский. Вырезка из газеты «Новое слово». Б. г.

Kosik V. I.

Lydia Mansvetova — from the Life on Balkan Stages

It is a survey of the creative life of great Russian actress and director Lydia Mansvetova who came into the history of the art of drama of Balkan peoples. Significant attention is put to her work in a theatre in Sarajevo between the wars.

Key words: *Mansvetova, actress, director, theatre, performance, drama, Sarajevo, play.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Сюжетные схождения в области лечебных заговоров на территории русско-белорусского пограничья*

В статье рассматриваются элементы сюжетики восточнославянских лечебных заговоров, характерные для территории русско-белорусского пограничья. Устанавливаются объемы сюжетных схождения, территория, на которой они фиксируются, исследуется связь русско-белорусского пограничья с другими восточнославянскими фольклорными традициями.

Ключевые слова: *фольклор, традиционная культура, заговоры, русско-белорусское пограничье.*

Задавшись целью рассмотреть сюжетные схождения между русскими и белорусскими заговорами, относящимися к территории русско-белорусского пограничья, мы столкнулись с определенными трудностями. Они связаны с тем, что сами по себе элементы заговорной сюжетики (будь то сюжеты, мотивы, формулы или приемы поэтического языка), вне зависимости от их принадлежности к той или иной национальной фольклорной традиции, обладают высокой распространяемостью. Иначе говоря, в восточнославянских заговорах едва ли можно найти элементы, которые будут фиксироваться на достаточно небольших, «узких», территориях собственно пограничья. В связи с этим вопрос о сюжетных схождениях в области заговорной сюжетики на территории русско-белорусского пограничья, по-видимому, имеет смысл перевести в несколько иную плоскость и рассматривать как часть более общей проблемы русско-белорусских фольклорных параллелей. По этой причине сюжетные схождения русско-белорусского пограничья понимаются нами не исключительно, а как элементы, общие для русских и белорусских заговоров и фиксируемые в том числе в зоне русско-белорусского пограничья.

Подходя в вопросу таким образом, мы можем сформулировать основные типы схождения, определяемые преимущественно мас-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Фольклорные нарративы белорусско-русского пограничья в контексте внутренних и внешних связей» (БРФФД — РГНФ 11-24-01002a/bel).

штабом и локализацией регионов, в которых фиксируются те или иные элементы заговорной сюжетики.

I. Во-первых, это схождения относительно узколокальные, которые базируются почти исключительно в районах русско-белорусского пограничья, понимаемого при этом достаточно широко (в такой трактовке пограничье захватывает всю территорию западнорусских и восточнобелорусских областей — Гомельской, Могилевской, Витебской, Брянской, Смоленской, Псковской). Рассмотрим этот случай более подробно.

К числу узколокальных параллелей можно, например, отнести одну характерную деталь известных у восточных славян заговоров от зубной боли. Имеются в виду тексты, которые начинаются с обращенного к месяцу вопроса о том, был ли он на «том» свете и видел ли мертвых. В заговорах пограничья этот общий вопрос может конкретизироваться за счет того, что вместо покойников вообще («Видел ли мертвых?») в тексте упоминаются реальные лица — близкие родственники и знакомые участников заговорного ритуала. Вот как может звучать такой вопрос в зоне белорусско-русского пограничья: *маю бабу бачыў?* (Могилевская обл. Быховский р-н)¹; *ты моего деда бачыў?* (Брянская обл. Климовский р-н)²; *Герасіма бачыў?* (Гомельская обл. Калинковичский р-н)³ и т. д. Иногда в вопросе фигурирует имя последнего похороненного на данном кладбище покойника (Смоленская губ.)⁴. См. подобные вопросы в гомельском и брянском заговорах: *Маладик маладой, у тебе рог залатой, а ў Сони зуб сталаяной. Ты ходиш па свету? — Хажу! — Бываеш на тому сьвете? — Бываю. — Бачыў там нашую Вальку (хто помер з родины)? — Бачыў. — У Валькі губкы-зубкы не баляць? — Не. — Так шчоб было й у Сони не балели (Грабовка Гомельский р-н)⁵; Маладик, маладик, ты на том свете був? — Був. — Маяго деда видав? — Видав. (Отец маткин, не батькин). — У него зубы не болят? — Нет. — Няхай и у мяне не болят (Челхов Климовский р-н Брянская обл.)⁶.*

Другой пример более крупного масштаба — это уже целая формула невозможного, в основе которой лежит мотив «Песок не может взойти/прорасти». Такая формула встречается в заговорах от кровотечения и раны на территориях западнорусского и восточнобелорусского регионов, см. фрагменты заговоров: *За морам дзеўкі гулялі, зямлю аралі, пяском засыпалі. Как этаму пяску не ўсхадзіць, так і р.Б. и.р. крыві не выхадзіць* (Могилевская обл.)⁷; *Вецер веець — пясок сеець; пясок ня ўзойдець — кроў ня пойдзець* (Гомельская обл., переселенцы из Хойницкого р-на)⁸; *Кров-кравіца, красная дявіца, по по-*

люшку бегыла, пясочик сеила. Па этаму пясочку травы ни растать, р.Б. Ирины кровь ни праливать (Псковская обл.)⁹; Сеял мужик пясок на курицы. Как этому пяску не всхаживать, так у и.р. крови не хаживать (Новгородская обл.)¹⁰.

Еще один пример сюжетных схождений обнаруживается в заговорах от грыжи. Напомним, что у восточных славян лечение грыжи основано на представлении о ее «загрызании» — магическом приеме, широко практиковавшемся в традиционной медицине и заключающемся в том, что знахарка слегка прикусывала выступающую на теле ребенка грыжу. Поэтому и в самих заговорных текстах их персонажи обычно «загрызали грыжу», см. в вятском заговоре: *В чистом поле стоит престол. На этом престоле сидит Пресвятая Богородица, моет, парит свято истинна Христа, заедает, и загрызает, и заговаривает семьдесят одну грыжу...*¹¹. В заговорах северо-востока Белоруссии и северо-западнорусских областей «загрызание» грыжи (понимаемое как ее уничтожение) стало трактоваться несколько иначе, в терминах приема пищи, в связи с чем у глаголов *грызть/загрызть* актуализировалось значение 'есть, питаться' и выстроился соответствующий этому значению ряд синонимов: *грызть ~ есть/съесть/переесть, питаться, перекусывать, закусывать, жрать/пожирать, проглатывать* и т. д. Этот смысловой сдвиг выразился еще и в том, что на территориях русско-белорусского пограничья мотив «Некто загрызает грыжу» уступил место мотиву «Некто хочет есть и съедает грыжу» (варианты: «я есть хочу; я вчера не ела, а сегодня съем грыжу»; «я грыжу грызу и тем сыта бываю» и т. д.). См. примеры: *Я хачу цябе зьесь. Я сягоньні ні абедала і уцора ня вяцорила — я цябе зьем, згаворам ні загавару — зубамі закушу* (Витебская губ.)¹²; *Вчарась-кась я ня ужинала, сяводни ни абедала. Грыжа, я исть хачу, я зьем тибя* (Псковская обл.)¹³, ср. также: *Грызть-грыжуха! У тебя зубы востры, а у меня, р.Б. и.р., еще вострей! Я вчера не ужинала, а сегодня не завтракала — я есть хочу! Я тебе перекушу!* (Новгородская обл.)¹⁴.

И, наконец, последний пример, который мы здесь упомянем, относится к его заключительным формулам, которые закрепляют сказанное в заговоре и фиксируют границу лечебного ритуала. Эти формулы как бы ставят предел болезни, отсекают прошлое, нездоровое, состояние пациента, от будущего, здорового. Восточнославянским заговорам известно немало подобных формул, одна из которых встречается преимущественно на северо-востоке Белоруссии и северо-западе европейской России, реже — в других регионах Русского Севера. Это формула *брось болеть по этот час, по мой*

заговор, как бы устанавливающая для болезни одновременно две границы — временную (*по сей час/день/секунду*) и вербальную (*по мой заговор/приговор/слово*), см. соответствующие отрывки из заговоров: *Відчыку-завідчыку соль яму ў вочы, траскучае палена ў калена, нож яму пад бок, па сей час, па мой прыгавор, па эту секунду* (Могилевская губ. Мстиславский у.)¹⁵; *Раба Божыя и.р. не сушы, не крушы па мой прыход, па мой прыгавор* (Витебская губ.)¹⁶; *Отстань, змяя, отстань, проклятая, по сей день, по сей час, по мой заговор* (Псковская обл.)¹⁷; *Брось болеть по этот час, по мой заговор* (юго-западные р-ны Калужской обл.)¹⁸; *Помогают Пресвятая Богородица и сам Иисус Христос, Михаил Архангел по сей час, по весь приговор, по мое смертное слово* (Новгородская обл.)¹⁹.

Рассмотренные узколокальные сюжетные схождения в области русско-белорусского пограничья несомненно принадлежат обеим национальным фольклорным традициям (русской и белорусской), поскольку фиксируются в каждой из них достаточно регулярно.

II. Второй случай несколько иного порядка. Речь идет о том, что в зоне русско-белорусского пограничья локализуются фольклорные явления большего масштаба, «выводящие» заговоры далеко за пределы собственно русско-белорусского пограничья, в том числе и в иноэтнические традиции. Приведем один, пожалуй, наиболее показательный пример.

В восточнославянских заговорах от кожных болезней, в частности, от рожистого воспаления, известен сюжет «Шел Христос, нес с собой три розы, эти розы погибли», который основан на символическом параллелизме рожи как недуга и розы как цветка. Сюжет о трех розах в руках Христа фиксируется на русском западе и северо-западе и в белорусской традиции, ср. примеры из разных областей: *Сайшёл Иисус Христос с неба, ишёл по палю, устретил три рожки. Аду бил, другую задавил, третью с етава свету уничтожил, р.Б. и.р. добрая здаровья падал* (Псковская обл.)²⁰; *Ишоў Хрыстос па полю, нёс тры розы: адна акамянела, другая адярвянела, трэцьця зьгінела, зьгінь і ты, боль, нячыстая рожка* (Витебская губ.)²¹; *Ишов Бог ракою, нёс три рожки рукою: одна бела, друга красна, третья упала, и таа пропала. И ты, рожка, пропадзи* (Могилевская губ.)²²; *Маці Прачыстая... дзяржыць яна тры рожы ў руках: рожу сінюю, чорную, чырвоную. З чорнай рожы цвет сарвала, сцерла, змяла, у р.Б. и.р. рожу выганяла* (Гомельская обл. Кормянский р-н)²³.

В то же время, в отличие от рассмотренных выше случаев, география этого сюжета выходит далеко за рамки пограничья. С одной стороны, известен также на западе Белоруссии, на Виленщине, в Польше, Чехии, а также Германии (и имеет, скорее всего, германское происхождение²⁴). С другой стороны, на восточнославянской территории он также распространяется вширь и фиксируется (хотя и редко) на самом северо-северо-западе (вплоть до Олонецкого края), а также на юге России.

Можно констатировать, таким образом, что в данном случае территория русско-белорусского пограничья является не только областью распространения этого сюжета, но и своего рода транзитной зоной, через которую русско-белорусское пограничье (в особенности в его северной части) связано с польской (и далее — с германской) традицией, с одной стороны, и с русским северо-западом — с другой.

III. И, наконец, в третьем случае (в некотором смысле являющемся продолжением предыдущего) русско-белорусское пограничье, протянувшееся с юга на север, оказывается своего рода вектором, вдоль которого некоторые фольклорные явления, известные на Украине, в Белоруссии, а также в южно- и юго-западнорусских областях «мигрируют» на русский северо-запад.

Так, один из сюжетов восточнославянских заговоров от зубной боли — «На небе, в море и на земле есть три брата/царя. Как им не сходиться, так у имярек зубам не болеть» — широко представлен на Украине, в южной России, на Виленщине и в Белоруссии, см., например: *На горе дуб высоко, а в море камень глубоко, а на небе месяц высоко, и зберуца три брата, и будут за столами вино питы, тогда у рожденного, благословеного будут зубы болеты* (Житомирская обл.)²⁵; *Месяц на неби, мядзьведзь у леси, рыба на мори... Як им укучу не сходзитца, за 'дным столом не садзитца, с одные чары вина ня пиць, с одные чаши стравы ня есь, — так и Павлюковым зубам ня болецъ* (Могилевская губ.)²⁶. За пределами этих обширных территорий он встречается довольно редко, причем в основном на западе и северо-западе России (в Смоленской и Псковской обл.)²⁷. Наиболее же ранняя запись такого заговора имеется в сборнике XVII в. из Олонецкого края²⁸, где были сделаны и более поздние фиксации этого сюжета, см. такой заговор: *Мисецъ новецъ и в земли мертвецъ и камень нутрець, когды эти три вещи вместо сойдутсе, тогда у раба Божья зубы розгнютсе. Этым трём вещам в ми'стях не бывать, у раба Божья зубам не баливать. Вики повики,*

отныни довики. Аминь (Враниковское, ныне Плесецкий р-н Архангельская обл.)²⁹.

Другой пример — заговоры от змеиного укуса, в белорусских версиях которых одним из наиболее популярных является змееборческий мотив: имярек требует от старшей змеи собрать всех змей и вынуть из раны человека яд, угрожая ей в противном случае попросить святого Георгия, архангела Михаила (или какого-нибудь другого святого) напустить на змей небесный огонь и сжечь их, см. соответствующий фрагмент такого заговора: *...найду сама да Госпада Бога, да святого Юрья. Святы́й Юрэ́й сойде на зямлу и з залатой мечу. Громам будя бить, агнём палить, з лица зямли вас будя змятатъ, у чорнае морэ кидатъ* (Присно Ветковский р-н Гомельская обл.)³⁰. Помимо Белоруссии, эти заговоры широко известны в западнорусских областях, прежде всего на Смоленщине³¹, а также фиксируются севернее, в частности, в Карелии, см., например: *...А не соберешь ты всих змей-змеевичев... я пойду к самому Гавришлу да святому Николаю да попрошу их напустить грозного грому, грозну тучу, чтобы громом побило да молнией сожгло* (Архангельская обл. Беломорский р-н)³².

Сформулированные выше наблюдения показали, что русско-белорусское пограничье, рассматриваемое сквозь призму сюжетики заговорных текстов, представляет собой не только достаточно широкую территорию, на которой фиксируются фольклорные явления, общие для обеих национальных фольклорных традиций, но также своего рода звено, связующее более удаленные восточнославянские и инославянские регионы. Установленные нами схождения почти никогда не бывают ограничены территорией сопредельных русских и белорусских областей и либо распространяются вовне, прежде всего в направлении русского северо-запада, либо обнаруживают связи с севернорусскими территориями и Виленщиной, а через их посредством — с польской фольклорной традицией, или, наконец, соединяют север восточнославянской традиции с ее югом. Русско-белорусское пограничье оказывается, таким образом, фрагментом целого ряда восточнославянских изодоков, выделяющих и охватывающих отдельные явления духовной культуры, в том числе фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Замовы / Уклад., сістэма тэкстаў, камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1992. № 615.
- 2 Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / Сост. Т. А. Агапкина, Е. Е. Левкиевская, А. Л. Топорков. М., 2003. № 496.
- 3 Таямніцы замоўнага слова / Уклад. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. Гомель, 1998. № 226.
- 4 *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 196.
- 5 Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
- 6 Там же.
- 7 Замовы... № 479.
- 8 Таямніцы замоўнага слова. № 160.
- 9 Народная традиционная культура Псковской области. СПб.; Псков, 2002. Т. 2. № 17. С. 338.
- 10 Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.) / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001. № 459.
- 11 Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. МГУ, 1998. № 463.
- 12 *Шлюбскі А.* Матэрыялы для вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. Менск, 1927. № 17. С. 34.
- 13 Народная традиционная культура Псковской области. Т. 2. № 15. С. 338.
- 14 *Разумовская Е. Н.* Современная заговорная традиция некоторых районов Русского северо-запада (по полевым материалам 1973–1988 гг.) // Русская фольклор. СПб., 1993. Т. 27. № 9. С. 269.
- 15 Замовы... № 881.
- 16 *Шлюбскі А.* Матэрыялы... № 18.
- 17 Народная традиционная культура Псковской области. (год?) Т. 1. № 7. С. 221.
- 18 Русские заговоры и заклинания... № 1469.
- 19 Традиционный фольклор Новгородской области... № 459.
- 20 Народная традиционная культура Псковской области. Т. 2. С. 337.
- 21 *Шлюбскі А.* Матэрыялы... № 9. С. 33.
- 22 *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5. № 224. С. 94.
- 23 Замовы... № 718.
- 24 См. об этом: *Mansikka V. J.* Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. Helsinki, 1909 (Annales

- Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. 1). S. 92.
- 25 Полесские заговоры... № 508.
- 26 Романов Е. Р. Белорусский сборник. С. 80. № 156.
- 27 Николаев П. Песни, поговорки, пословицы и пр., записанные во Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. Псков, 1912. Вып. 8. С. 204; Неклюдов М. Н. Заговоры // Памятная книжка Смоленской губернии на 1909 г. Смоленск, 1908. Прил., № 7. С. 20.
- 28 Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М., 2010, Олонецкий сборник, № 43.
- 29 Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8. Č. 1. № 129.
- 30 Полесский архив Института славяноведения РАН.
- 31 Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. С. 179; Неклюдов М. Н. Заговоры... С. 19.
- 32 Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000. № 256.

Agapkina T. A.

Convergences of Plots in the Field of Healing Spells
on the Territory of Russian — Belorussian Border Zone

The article present elements of plots of East Slavic healing spells typical for the Russian — Belorussian border zone. The author define the volumes of convergences of plots, the territory where they are fixed, the connections of the Russian — Belorussian border zone with othe East Slavic folk traditions.

Key words: *folklore, traditional culture, spells, Russian-Belorussian border zone.*

В. Б. Колосова
(Санкт-Петербург)

Названия предметов одежды в фитонимах (к вопросу о пересечении кодов)

Статья посвящена отражению предметного кода традиционной культуры (на материале названий одежды) в растительном коде — названиях растений и фольклорных текстах о них. Прослеживаются лингвогеографические различия данной группы фитонимов у разных групп славян.

Ключевые слова: *этноботаника, этнолингвистика, фитонимы, фольклор, коды традиционной культуры.*

Данная статья написана в рамках этноботаники. Термин *этноботаника* впервые употребил в речи, обращенной к университетской археологической ассоциации, ботаник Пенсильванского университета Джон Харшбергер (J. W. Harshberger) в 1895 г. Ее предмет он определил как «растения, используемые первобытными и туземными народами». После публикации речи в 1896 г. термин вскоре вытеснил прочие обозначения этого направления в науке¹. Вестником массового интереса этнологов к народной ботанике стали исследования американских ученых, которые на рубеже XIX–XX вв. начали работу над сбором и описанием различных видов растений, используемых североамериканскими индейцами. Будучи с самого начала междисциплинарной наукой, этноботаника эволюционировала в направлении расширения сферы своих интересов. Вскоре она стала самостоятельной специальностью в американских университетах; так, в 1930 г. в Мичиганском университете была основана Лаборатория этноботаники². На Западе этноботаника подразумевает не только лингвистическое, но и естественнонаучное (ботаническое или фармацевтическое) образование.

В России этноботаника складывается в основном как раздел этнолингвистики — «дисциплины, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества»³. Это значит, что анализу подвергается как лексика, обозначающая растения, так и тот круг представлений, который характеризует отношение к растительному миру в традиционной культуре,

фольклорные тексты о тех или иных растениях, а также связанные с ними обрядовые, бытовые и медицинские практики.

Разумеется, интерес к тому, как традиционная культура интерпретирует и использует мир растений, начался раньше, чем появилась этнолингвистика, объединяющая в себе интерес к слову, фольклорному тексту и этнографическому аспекту культуры. Однако более ранние работы, так или иначе связанные с традиционными знаниями славян о растениях, обычно были сосредоточены на какой-то одной составляющей — словарном фонде, образах растений в фольклорных текстах или на использовании растений в народной медицине и магии. Впрочем, уже в самых ранних работах намечалось стремление к комплексному изучению этой сферы народной культуры: так, в словаре Н. И. Анненкова содержится множество сведений о применении растений в народной медицине; в работах А. А. Потебни лингвистический анализ фольклорного текста сочетается с пристальным вниманием к магическим практикам славян.

Одним из направлений, активно разрабатываемых в этнолингвистике, является изучение взаимоотношений различных кодов традиционной культуры. В данном случае нас интересует, как отражается в растительном коде традиционной культуры предметный код, а именно названия одежды. Эта статья основана на материалах наиболее представительных славяноязычных словарей, содержащих диалектную фитонимическую лексику. Фитонимы приводятся в орфографии источника.

* * *

В названиях трав и цветов встречается большое количество слов из других лексико-семантических групп. Как пишет Т. И. Вендина, «семантическая структура этого вида фитонимов носит ярко выраженный антропоцентрический характер, в связи с чем среди этих имен преобладают характеризующие названия. С помощью словообразовательных средств актуализируются те признаки и свойства растений, которые отражают практическое и культурно-мифологическое освоение человеком мира природы»⁴. Среди лексем, от которых образованы названия растений, встречаются имена собственные и термины родства, зоонимы и фитонимы, названия частей тела человека и животных, названия еды и различных предметов обихода, в том числе и одежды.

Названия предметов одежды в славянских диалектных фитонимах фиксируются не так уж часто. В данной статье такие фитонимы

разбиты на группы в зависимости от наименований предметов одежды, с последующей попыткой проследить мотивации.

Из названий собственно **одежды** использованы такие лексемы, как *сорочка*, *плащ*, *юбка*, *штаны*, *чулки* и др. Так, для ширицы запрокинутой *Amarantus retroflexus* L. отмечено название *сорочки* (тамбов.), для ландыша майского *Convallaria majalis* L. — *сорочка* (б.м.), для поповника обыкновенного *Chrysanthemum Leucanthemum* L. — *сорочька* (ярослав.) и *сорочняк* (ниж.); зопник клубневой *Phlomis tuberosa* L. носит название *убор-трава* (перм.)⁵, клевер *Trifolium* L. — *уборница* (вологод.)⁶. Одуванчик получил белорусское диалектное название *божай мацеры сарочка* (лельч. гомел.)⁷. Ярутка *Thlapsi* Dill. из-за формы плодов, получила название пол. *plaszczeniec* (при пол. *plaszcz* ‘лёгкое пальто; плащ’)⁸. Бел. *сукенка Маці Боскай* ‘цикорий’ связано с преданием: цветки цикория приобрели небесно-голубой цвет, когда Богородица подолом платья задела придорожные растения⁹. Мытник крупноцветковый *Pedicularis grandiflora* получил на Урале имя *лягушье платье*, со следующей мотивацией: «Цветок такой нарядный в болоте <...> это в сказках лягушка одеватца кросиво, а так просто кросивый цветок, где лягушки живут»¹⁰. В Среднем Приобье отмечен фитоним *юбочка* ‘горечавка легочная *Gentiana pneumonanthe* L.’¹¹. На Среднем Урале тот же фитоним означает другое растение — колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia*¹²; также к колокольчику относится чеш. *sukénka*¹³ (б.м.), образованное от чеш. *sukně* ‘юбка’. В обоих случаях метафорический перенос вызван формой цветка, расширяющегося к нижним концам лепестков. Болг. *бела рокличка*, *дива бела рокличка* (тырнов.), *дива рокличка*, *полска роклица*, *роклица*, *рокличка* являются названиями для вьюнка полевого *Convolvulus arvensis* L. и образованы от болг. *рокля* ‘платье’ по форме цветков¹⁴. В болгарских говорах сразу несколько растений получили названия, производные от болг. *гаици* ‘штаны, брюки’; это *гаицички* ‘водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L.’; *петлюви гаици* ‘астрагал *Astragalus* L.’; *двой-трой гаици*, *орлови гаици*, *петлови гаици* (солун.), *петлюви гаици*, *петрови гаици* (Дупница, чирпан.), *петлогашка* (чирпан.) ‘хохлатка обыкновенная *Corydalis solida* Lm.’; *петлови гаици* (солун.) ‘ясотка пурпуровая *Lamium purpureum* L.’¹⁵. Ряд верхнелужицких фитонимов для манжетки обыкновенной *Alchemilla vulgaris* связывает ее с именем Богородицы: в.-луж. *mařcune šórcuški*, *swjateje Mařcune kožuški*, *swjateje Mařcune šwejški*¹⁶ (при в.-луж. *šórcuch* ‘передник, фартук’, *kožuch* ‘шуба, кожух’, *šwejch* ‘черная суконная юбка’). Водное растение незабудка болотная *Myosotis*

palustris по месту произрастания названо чеш. *hastrmaní šaty* (чеш. *hastrman* ‘водяной’, *šaty* ‘платье, наряд, одежда, костюм’)¹⁷. От бел. *панчоха* ‘чулок’ образованы названия *панчошнік* ‘дрема *Melandrium*’ (витеб. витеб.) и *язюльчыны панчошкі* ‘первоцвет *Primula*’ (гроднен. гроднен.)¹⁸.

Гораздо шире представлены среди фитонимов **головные уборы**. За характерную форму соцветия рябчик императорский *Fritillaria imperialis* L. назван *цветы венцы*, бархатцы *Tagetes erecta* L. — *шапки, шапочки* (великоросс.), водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L. — серб. *попина капица* (букв. «попова шапочка»). Горянка эписмидиум *Epimedium alpinum* L. с плодами конической формы носит названия *клобук, клобучек, дурачья шапка*, пол. *mitra*, ср. пол. *mitra* ‘митра; шапка (княжеская)’. Также *клобуками*, или *клобуками поповскими* (осташк. твер.) назван рогоз узколистный *Typha angustifolia* L. Из того же ряда можно привести в пример *клобучник* ‘шаровница *Globularia*’, серб. *klobučić* ‘цикламен *Cyclamen* L.’ и пол. *клобучник* ‘белокопытник *Petasites Thouin.*’, а также *куколь* ‘аконит белый *Aconitum album*’¹⁹.

Вообще названия, образованные от слов со значением ‘шапка’ и под., как правило, мотивированы формой соцветий или отдельных цветков. Так, выюнок полевой *Convolvulus arvensis* L. получил название *шапки*, купальница европейская *Trollius europaeus* L. — *шапки болотные* (нижегород.), клевер горный *Trifolium montanum* L. — *шапочки* (курск.), а одуванчик лекарственный *Taraxacum Dens Leonis* Desf. — *шапочка — дунуть плешка* (шенкур. архангел.)²⁰. Фитоним *шапошник* отмечен в разных регионах с разными значениями: ‘василек луговой *Centaurea jacea* L.’ (могилев.); ‘посконник коноплевидный *Eupatorium cannabinum* L.’ (орлов.); ‘крестовник Якова *Senecio Jacobaea* L.’ (воронеж.); ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris* L.’ (вологод.)²¹. Колокольчик *Campanula* получил название бел. *іванькавы шапачкі* (чашн. витебск.)²². Также с шапкой связан болгарский фитоним *шапиче* (тырнск., ловчанск., софийск., тетевенск.) для манжетки обыкновенной *Alchemilla vulgaris* L.²³ Шлемник *Scutellaria* L., принадлежащий к семейству губоцветных, за характерную форму цветков получил название *шлемовник*²⁴. *Колпачками* (даур.) называли аконит сборный *Aconitum napellus* L., к нему же относится польский фитоним *kapturki niebjeskie*²⁵ (при пол. *kapturek*, *kapturek* ‘капюшон; капор’). По-сербски аконит также называется *клобучик, клобучић* (србх. *клобук* ‘шляпа’), ср. тж. пол. *kapturnica* ‘саррацения *Sarracenia* L.’.

Листья кубышки желтой *Nuphar luteum* Smith. в Малороссии носили название *капелюши*, ср. укр. *капелюх* ‘шляпа’. От укр. *каптур* ‘капюшон’ произошел фитоним *каптурник* (чернигов.) ‘воробейник полевой *Silene inflata* Smith.’²⁶. От бел. *капялюш* ‘шляпа’ произведены фитонимы *капялюш* (петриков. гомел.), *капялюшыкі* (столин. брест.) ‘кубышка *Nuphar* Smith.’ *капялюшнік* (полес.), *капялюшына* (столин. брест.) ‘кубышка желтая *Nuphar luteum* (L.) Sm.’ и *капялюшнік* (полесск.) ‘белокрыльник *Calla*’²⁷.

Имена, образованные от названий головных уборов, встречаются не только у травянистых растений, но и у грибов. Один из видов трутовиков *Polyporus igniarius* Fr., в молодом состоянии называемый у русинов *козулька*, позже именуется *ковпак*. Поганка *Agaricus comatus* Müll. носит названия *колпак*, *колпакуша*, пол. *kołpak*, сморчок *Morchella* sp. — укр. *колтачки* (киев.)²⁸.

Лексико-семантическая группа «**обувь**» также широко представлена в славянской фитонимике. В этой группе, как правило, встречаются растения с цветами полой, закрытой формы, например, венерин башмачок настоящий *Syrpidium Calceolus* L.: *башмачки*²⁹, *кокушкины башмачки* (приаргун.), *кукушкины сапожки*, укр. *черевички* (волын.), *зозулины черевички*, пол. *obiwik żółty*³⁰ (ср. пол. *obiwie* ‘обувь’). Как видно, словообразовательная модель ‘обувь’ — ‘название растения’ работает в разных языках и диалектах, см. тж. кошельки *Calceolaria* Lin.: *черевички*³¹, серб. *papučina*, пол. *pantofelnik*³² (ср. серб. *papuča* ‘теплая домашняя туфля; башмак’, пол. *pantofel* ‘туфля’). Среди прочих «обувных» фитонимов встречаются *сапожки богородичны трава* ‘водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L.’, *башмачек* или *Богородицын башмачек* ‘гроздовник полулунный *Botrychium lunaria*’, *башмачник* (казан.) или *зозулины черевички* ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris* Mill.’. Вообще среди тех «обувных» фитонимов, в которых указан «хозяин», первенство принадлежит кукушке. Так, живокость полевая *Delphinium Consolida* L. именуется *зозулины черевички* (малоросс.), *башмачки* (казан.), *сапожки* (подол.); ятрышник-дремлик *Orchis Morio* L. — русин. *зазулячі чобітки*, чина черная *Orobus niger* L. — *зозулины черны черевички* (полтав.), чина весенняя *Orobus vernus* L. — *зозулины черевички* (полтав.) и *зозулины сапожки* (харьков.); фиалка трехцветная *Viola tricolor* L. — укр. *зозулины черевички* и *удодів чобіт*, а другой вид фиалки — *Viola lactea* — также *зозулины черевички* (харьков.)³³. Встречается этот же фитоним и среди названий аконита сборного *Aconitum napellus* L.: укр. *зозулины черевички*, а также бел. *боцікі*³⁴ (при бел. *боцікі* ‘башмач-

ки⁷). Особенно богат ряд верхнелужицких названий этого растения: *stupnički*³⁵, *módre črijki*, *črijčki*, *módre stupnički*, *běle stupnički* 'аконит сборный *Aconitum napellus* L.', *swjateje Mařcyne črijčki*, *stupnički*, *črijki*, *črijčki*, *swjateje Marijne črijčki* 'аконит *Aconitum*³⁶. Один из словенских фитонимов «разворачивается» в этиологическую легенду: «Когда евреи мучили Иисуса, Мария его защищала. Они ее прогнали, и ей пришлось бежать. По дороге она потеряла туфельки. Там, где их она потеряла, вырос красивый синий цветок, который называется *Marijini šolnički*»³⁷. Продолжает данный ряд чеш. *bačkorky*³⁸ (при чеш. *bačkory* 'мягкие туфли'). Похожее название — чеш. *bačkory* — имеет лапчатка *Potentilla verna*³⁹. Белокрыльник *Calla* получил название бел. *чаравічки* (березин. минск.)⁴⁰.

На Украине и в Белоруссии отмечены интересующие нас названия сразу для трех видов колокольчиков: *чеботки большие* (киев.) 'колокольчик персиколистный *Campanula persicifolia* L.', *чеботки малые* (киев.) 'колокольчик рапунцелевидный *Campanula Rapunculus* L.' и *полевые черевички* (могилев.) 'колокольчик круглолистный *Campanula rotundifolia* L.'. Наконец, цетрария исландская, или исландский мох, *Cetraria islandica* Ach. именуется *дубовья лапту*⁴¹.

По признакам формы и функции образованы фитонимы *карманник*, *карманчик* 'росянка круглолистная *Drosera rotundifolia*': «Это хищно растение, оно как бы в карман мышку забирает, ес её» (нижне-сергин. свердлов.)⁴².

В отдельную подгруппу можно выделить **аксессуары**. Так, зорька горицвет *Lychnis Chalcedonica* L. называется *ленточник*, *ленточная трава*, а вьющееся растение чечевица *Ervum lens* L. у русинов — *лента*. Плаун булавовидный *Lycopodium clavatum* L. с длинными узкими вертикальными побегами получил название чеш. *St. Jana pás* (букв. «пояс св. Иоанна») ⁴³. Так же называется и полынь обыкновенная *Artemisia vulgaris* L., однако уже по причинам этнографического характера — «так как суеверные люди вечером накануне св. Яна опоясываются этой травой» и «так как ее носят как пояс вокруг бедер от болезней поясницы»⁴⁴. Омела дубовая *Loranthus europaeus* L., паразитирующая на дубе, получила название *ремнецветник*, хотя это и переводное название, ср. тж. пол. *rzemiennik*. Название *пряжка* (воронеж.) отмечено для подмаренника цепкого *Gallium aparine* L. Два вида живокости — живокость Аякса *Delphinium ajacis* L. и живокость полевая *Delphinium consolida* L. — называются соответственно *шпорник* и *кавалерские шпоры* (нижегород.)⁴⁵. В Белоруссии было записано поверье о растении *dalonka Najświentszej Matki* 'ятрышник

шлемоносный *Orchis militaris*’, которое якобы выросло из рукавички, оброненной Богородицей (докш. витеб.). Как форма корня этого растения, напоминающего руку, так и название включило его в такие формы магии, где была задействована и настоящая человеческая рука: в Белоруссии с целью приворожить любимого рекомендовали «мыть себе руки вином, налитым на корень ятрышника шлемоносного (*Orchis militaris* L.), „Ziaziulka или Dałonka“ (ладонь) Богоматери, имеющий форму руки; вследствие этого подавание руки данной особе будит в ней любовное чувство»⁴⁶.

Среди аксессуаров отдельную — и самую большую — группу образуют пуговицы. От корня *пугов-* образованы названия растений с цветами или плодами соответствующей формы. Среди них *пуговник* ‘пупавка благородная *Anthemis nobilis* L.’ и *желтый пуговенник* (вят.) ‘пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’, напоминающие желтые ромашки с сильно выпуклой серединой; очень близки к ним по внешнему виду *пуговица* (витеб.) ‘ястребинка *Hieracium paludosum* L.’, *желтый пуговальник* (воронеж.) ‘девясил высокий *Inula Helenium* L.’, *пуговник* (харьков.) ‘крестовник Якова *Senecio Jacobaea* L.’ и *пуговена* (вят.) ‘ромашка непахучая *Matricaria inodora* L.’⁴⁷. Просвирняк низкий *Malva pusilla* Sm. по форме плодов назван *пуговицы*, *пуговички*, *пуговки* (ср. приоб.)⁴⁸.

Вторая группа растений, также со схожими соцветиями, образована несколькими видами васильков: *Centaurea* Less. *пуговник* (дон.); *пуговник* (воронеж.) ‘василек фригийский *Centaurea phrygia* L’ и ‘василек шероховатый *Centaurea scabiosa* L.’; близким к ним по внешнему виду цикорием обыкновенным *Cichorium intybus* L. — *пуговник* (воронеж.), а также колючими головками бодяка полевого *Cirsium arvense* Scop. *пуговник синий* (воронеж.) и бодяка болотного *Cirsium palustre* Scop. *пуховишник* (нижегород.) (искаж. *пуговичник*)⁴⁹.

Пуговками называли семена чилибухи (рвотного ореха) *Strychnos nux vomica* L. (сибир.). Для кубышки желтой *Nuphar luteum* Smith. зафиксировано название *пуговка* (нижегород.). Правда, об этом растении Н. И. Анненков пишет, что оно «употр[ебляется] от опухоли, и потому вероятнее называть пуховка», но не исключено и то, что название *пуговка* верно и обусловлено бутонами круглой формы. Плоские цветки пижмы обыкновенной *Tanacetum vulgare* L., которые выглядят как серединки от ромашек, определили возникновение фитонима *пуговичник*⁵⁰. Не только формой плодов, но и детскими игровыми практиками обусловлен фитоним чеш. *knoflíčí* (б.м.) ‘лопух *Arctium*’, колючие шапки которого дети цепляют на одежду как пуговички⁵¹.

Среди **украшений** более половины названий приходится на серьги. Подобные имена получили растения с выразительными, часто необычными, вычурной формы цветами, такие, как фуксия *Fuchsia Plum. сережки*; бересклет европейский *Evonymus europaeus L. укр. вовчі серги* (малоросс.), а также другая разновидность бересклета — *Evonymus verrucosus L. волчьи серьги* (зарайск. рязан.), или же выглядящие чуть скромнее паслен сладко-горький *Solanum dulcamara L. сорочьи сережки*, черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris L. сережки* (чернигов.) или чина луговая *Lathyrus pratensis L. матери Марии сережки* (чернигов.). Мелкие цветы трясунок средней *Briza media L. сережник, серьги* (твер.) выглядят очень невзрачно, но напоминают серьги-подвески тем, что раскачиваются при малейшем движении растения. В этом же регионе отмечены фитонимы *сережка, серьги* (твер.) для смолевки вздутой *Silene inflata Smith*. Собранные в кисточки плодики клена татарского *Acer tataricum L.* определили название *сережник* (орлов., симбир.)⁵². Болг. *огърлица* ‘манжетка обыкновенная *Alchemilla vulgaris L.*’ названа так по форме листьев (ср. болг. *огърлица* ‘ожерелье’)⁵³.

В Тотемском у. Вологодской губ. плоды кубышки желтой *Nuphar luteum Smith.* (которая уже упоминалась под названием *пуговка*) получили название *запонки*, как и купальница европейская *Trollius europaeus L.* Тот же фитоним отмечен для поповника обыкновенного *Chrysanthemum Leucanthemum L.* (нижегород.) с желтыми серединными трубчатыми цветками, собранными в круглое соцветие, как и для мальвы круглолистной *Malva rotundifolia L.* (приаргун.) с плодами в виде плоских круглых пуговичек. Повилика льняная *Cuscuta epilinum Weih.* получила у русинов название *перстенец*, а лядвенец рогатый *Lotus corniculatus L.* в Подольской губ. — *перстинец*⁵⁴.

Нельзя не сказать о такой группе, как **ткани**. Среди них отдельную большую группу составляют растения, чьи названия образованы от слов *бархат* и *аксамит*⁵⁵ (рус. устар. *аксамит* ‘бархат’, пол. *aksamit* ‘бархат’, чеш. *aksamit* ‘то же’). Нередко среди фитонимов, относящихся к одному и тому же растению, встречаются производные от обоих лексем; русские названия, как полагает Н. И. Анненков, «все, по большей части, суть переделки иностранных названий»⁵⁶. Итак, среди растений этой группы несколько видов бархатцев: бархатцы *Tagetes Tourn.* — *бархатец*, пол. *aksamitka*, чеш. *aksamitnik*; бархатцы прямостоячие *Tagetes erecta L.* — *бархатный цвет*; бархатцы мелкоцветные *Tagetes patula L.* — *аксамитка* (белор.) и *оксамит* (малоросс.), *бархатец, бархатцы* (в садоводстве), пол. *aksamitek*; зорька горлицевидная

Lychnis chalconica L. — *бархатка* (тамбов.) и горичвет кожистый *Lychnis coronaria* L. — *аксамитки* (уман.)⁵⁷; амарант хвостатый *Amarantus caudatus* L. — *аксамитник* (белор.), *бархатник* (стар. рук.), *бархатец*, *бархатка*⁵⁸. Перечисление всех «бархатных» растений заняло бы слишком много места, однако можно упомянуть еще василистник простой *Thalictrum strictum* Andrz. *оксамит коштовий* (малоросс.), маргаритку многолетнюю *Bellis perennis* L. *бархатный цвет*, *бархатка*, скабиозу темнопурпуровую *Scabiosa atropurpurea* L. *бархотки* (полтав.), таволгу обыкновенную *Spiraea Filipendula* L. *бархатки полевые* (уфим.), жабник полевой *Filago arvensis* L. *бархатная травка* (воронеж.), зайцехвост *Lagurus бархатник*, водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris* L. *оксамыт*, *оксамит* (малоросс.)⁵⁹.

Трудно найти признак, который объединял бы все эти растения. Представляется, что по большей части это растения с яркими цветами, составленными из большого числа лепестков, часто мелких. Вероятно, к этой же группе следует отнести (искаженное?) название *аксамес* 'поручейник ланцетолистный *Sium lancifolium*' и 'вербейник обыкновенный *Lysimachia vulgaris* L.' (екатеринослав.). Кроме того, фитоним *аксамет* (екатеринослав.) отмечен для чистотела большого *Chelidonium majus* L.; не исключено, что в данном случае название мотивировано применением растения — в отваре его «купают детей от кожных болезней» (курск.); употреблялся он также «от венерических ран, от чесотки, золотухи... но всего чаще употреблялся сок этого растения для сведения бородавок, желтых пятен»⁶⁰, то есть кожа больного должна стать как бы «бархатной». Тему ценных тканей продолжает *кармазин* 'падуб остролистный *Ilex aquifolium* L.'⁶¹ (при рус. устар. *кармазин* 'тонкое, ярко-алое сукно'⁶²).

Множество растений получило свои названия от корня *шелк-*, причем мотивации разнятся. Так, для ластовника сирийского *Asclepias syriaca* L. были образованы фитонимы *ваточник*, *шелковичное сирийское растение* и *русский хлопок*, поскольку «шелковистый пух, окружающий семена, предлагали обрабатывать подобно хлопчатнику»⁶³. В украинских диалектах то же растение получило названия *bavowna dyka*, *šowčina*, *šowk dykyj*, *vatočnyk*⁶⁴. Шелковичное, или тутовое, дерево получило свое имя, поскольку его листьями питаются шелковичные черви: *Morus alba* L. «белая шелковица, біла шовковиця (малоросс.) (назв. женск. особой), а шовкун, шелкун (мужск. особой)»; чеш. *šelkovice*; *Morus nigra* L. *черная шелковица, цареградская шелковица, шовковиця* (малоросс.). Наконец, целая группа названий типа «шелковица» или «шелковая трава», вероятно,

обусловлена тем, что у этих растений узкие листья или же длинные тонкие стебли без узлов: *шелковица* ‘кипрей узколистный, иван-чай *Epilobium angustifolium* L.’, *шелковица* (курск.) ‘бессмертник песчаный *Helychrisum arenarium*’, *шелковая трава*, *шовкова трава* (малоросс.) ‘канареечник тростниковый *Phalaris arundinacea* L.’, *шелковая трава* (курск.) *шовкова трава* (малоросс.) ‘ковыль перистый *Stipa pennata* L.’, *шелковая трава* (чернигов.) *шелковица* (воронеж.) ‘осока мохнатая *Carex hirta* L.’⁶⁵; ср. тж.: лягушачий шелк «тина, зеленые нити, выволакиваемые неводами»⁶⁶.

Рогозом или рогожей называют растения трех разных родов, прежде всего рогоза *Typha* L.: рогоз узколистный *Typha angustifolia* L. *рогожник* (вят.), *рогоза* (повсюду), пол. *rogoża* (при пол. *rogoża* ‘рогожа’), луж. *rogoża*; «из нее делают ковры или рогозы, рогожи»; рогоз широколистный, камыш *Typha latifolia* L. пол. *rogoża*. Сюда же входит камыш *Scirpus lacustris* L. *рогоз*, *рогоза* (малоросс.), пол. *rogoza*, *rogożina* и осока *Carex* L. серб. *рогожа*, *рогоз*. Плаун булавовидный *Lycoperidium clavatum* L. получил название *дерюга*, а повилика *Cuscuta Tournef.* — *войлочная трава*⁶⁷.

Фитонимы *повой* или *повойник* относятся в подавляющем большинстве к вьющимся, цепляющимся растениям, ср. *повой* ‘простынка, которой покрывается ребенок, вынутый из купели (при крещении)’ (судогод. владимир.); ‘старинный женский головной убор, повойник’ (опоч. псков., москов.); *повои* ‘черные шерстяные онучи, которые наматывают поверх белых’ (тамбов.)⁶⁸: алтей лекарственный *Althaea officinalis* L. *повойник*, *Atragene* L. пол. *powojnica*, *motyli powoj*, ломонос *Clematis* Dc. пол. *powojnik*, *powoj motyli*, вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L. *повой малый*, пол. *powojka*, *powój polny*, повойничек *Elatine hydropiper* L. *повойничек*, пол. *powojńczyk*, *powoiczuk*, *powojnik*, плющ обыкновенный *Hedera helix* L. *повой*, ипомея *Ipomoea* L. серб. *powojnica*, пол. *powój lejkowy*, жимолость каприфоль *Lonicera Caprifolium* L. *повой благовонный*, пол. *kozi powój*, *Lonicera Periclymenum* L. *повой благовонный*⁶⁹, китайская заманиха *Lycium Barbarum* L. *повой* (вят.)⁷⁰, *повій* (малоросс.), постенница аптечная *Parietaria officinalis* L. *повой подстенный*, многоножка *Polygonum Convolvulus* L. *повойка* (гроднен.), барвинок малый *Vinca minor* L. *повой воловьей*⁷¹.

К одежде и тканям примыкает группа слов *рушник/ручник* (при укр. *рушник* ‘полотенце’). Относится она главным образом к орхидным: *зозулины рушнички* (волын.) ‘ятрышник широколистный *Orchis latifolia* L.’, *ручники* (гроднен.) ‘кокушник длиннорогий *Gymnadenia conopsea* Rich.’, *зозулины ручнички*, *зозулины рушнички* ‘тайник яйце-

видный *Listera ovata* R.Br.², а также к ландышу купеновому *Convallaria Polygonatum* L. — *зозулины ручники* (гроднен.)⁷².

Для нескольких видов васильков отмечены производные от слова *лоскут* — по неровной, рваной форме лепестков. И хотя Н. И. Анненков полагает, что фитоним *лоскутница* для родового названия *Centaurea* является переводом с нем. *Flockenblume*, он тем не менее зафиксирован в некоторых локальных традициях: *лоскутница* (воронеж.), *лоскутный цвет* ‘василек голубой *Centaurea cyanus* L.’, *лоскутница*, *лоскутный цвет* ‘василек луговой *Centaurea jacea* L.’, *лоскутный цвет* ‘василек черный *Centaurea nigra* L.’, *лоскутница* (могилев.) ‘василек шероховатый *Centaurea scabiosa* L.’⁷³.

В заключение осталось привести небольшую группу фитонимов, образованных от слова *пряжа*. Повилика *Cuscuta Tourn.* получила их даже несколько: *пряжа*, *крапивная пряжа*, *сорочья пряжа*, *галочья пряжа*⁷⁴; название *сорочья пряжа* зафиксировано также для торицы полевой *Spergula arvensis* L. (vladimир.)⁷⁵ и подмаренника топяного *Galium uliginosum*⁷⁶. Ту же внутреннюю форму имеют сербские фитонимы *куделья*, *кудилья*, *кудѣля*, *куђелья* ‘конопля посевная *Cannabis sativa* L.’, *кудельица* ‘заразиха *Orobanchе*’, *кудильице* ‘хмель обыкновенный *Humulus lupulus* L.’, *куђелья* ‘золотарник канадский *Solidago canadensis*’, *куђельица* ‘хвощ *Equisetum*’⁷⁷. Все это растения с вьющимися или же с голыми безлистными стеблями.

Хвощ *Equisetum* получил также название в.-луж. *čertowa nitka*⁷⁸. В сербских диалектах с ниткой (также принадлежащей черту или змее) ассоциируется вышеупомянутая повилика: *вражји конац*, *ђаволски конац*, *змијини конци* (при србх. *конац* ‘нитка’)⁷⁹, как и в чеш. *čertovy nitky* (б.м.) ‘повилика клеверная *Cuscuta trifolii*’⁸⁰.

Итак, рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что предметный код одежды наряду с другими кодами⁸¹ отражен в народной фитонимике. По большей части рассмотренные названия обусловлены формой различных органов растения, изредка — в сочетании с цветом или местом произрастания. При этом названия некоторых растений входят в несколько рассмотренных групп одновременно (как и в другие группы, не имеющие отношения к одежде). Небольшая часть фитонимов является сжатым, «спрессованным» вариантом этиологического рассказа; однако таких рассказов зафиксировано гораздо меньше, чем можно было бы предполагать, исходя из внутренней формы некоторых названий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ford R. I.* Ethnobotany: Historical Diversity and Synthesis // The Nature and Status of Ethnobotany / Ed. by R. I. Ford. Ann Arbor, 1994. P. 33.
- 2 *Paluch A.* «Zerwij ziele z dziewięciu miedz...» Ziolołecznictwo ludowe w Polsce w XIX i początku XX wieku. Wrocław, 1989. S. 145.
- 3 Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 5.
- 4 *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. С. 90.
- 5 *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 27, 96, 106, 407.
- 6 Словарная картотека ИЛИ РАН.
- 7 Расліны свет. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001. С. 49.
- 8 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 353.
- 9 *Салавей Л.* Сукенка Маці Боскай // Беларуская міфалогія. Выд. 3-е, дапрац. і дап. (в печати).
- 10 *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 130.
- 11 *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006. Т. 1. С. 62.
- 12 *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. С. 105.
- 13 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000. S. 171.
- 14 *Ахтаров Б.* Материал за български ботаничен речник. София, 1939. С. 142.
- 15 Там же. С. 104, 111, 144, 193.
- 16 *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena w dwëmaj dźëlomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedze. Budyšin, 1909. S. 51, 58.
- 17 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. S. 172.
- 18 Расліны свет. Тэматычны слоўнік. С. 116, 163.
- 19 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 6, 42, 118, 148, 162, 245, 347, 366.
- 20 Там же. С. 350, 359, 364, 396.
- 21 Там же. С. 20, 90, 139, 326.
- 22 Расліны свет. Тэматычны слоўнік. С. 73.
- 23 *Ахтаров Б.* Материал за български ботаничен речник. С. 93.
- 24 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. 4. С. 627.
- 25 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 7.
- 26 Там же. С. 228, 329.
- 27 Расліны свет. Тэматычны слоўнік. С. 185, 187, 190.

- 28 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 13, 14, 266, 405.
- 29 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 57.
- 30 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 120.
- 31 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 590.
- 32 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 76.
- 33 Там же. С. 42, 68, 194, 195, 236, 382, 393, 406.
- 34 Там же. С. 7; *Ганчарык М. М.* Беларускія назовы расьлін. Ч. 1 // Праца Навуковаго таварыства па вывученню Беларусі. Горы-Горкі, 1927. Т. II. С. 194.
- 35 В.-луж. *stupjeń* 'ботинок'.
- 36 *Wjela J.* Naše rostlinske mjena z přimjenami // Časopis maćicy serbskeje. 1896. Lětnik IXL. Zešiwk 93–94. S. 138, 140; *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena w dvěmaj džělomaj a sedmjoch stawach po abejcejsem rjedže. S. 20, 41, 77; *Militzer M., Schütze T.* Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. 1952. Číslo 1. I. džělba. 1953. Číslo 1. II. džělba. Nimorjadny zešiwk. S. 98; *Nawka M.* Mjena rostlin w Swětlikowym słowniku // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. 1959. Rjad A. Číslo 6. S. 91.
- 37 *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. 1937. Knj. XXXI. Sv. 1. S. 247.
- 38 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000. S. 103.
- 39 Там же.
- 40 Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. С. 190.
- 41 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 80, 93.
- 42 *Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала. С. 99–100.
- 43 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 200, 203, 399.
- 44 *Machek V.* Česká a slovenská iména rostlin. Praha, 1954. С. 249.
- 45 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 123, 124, 151, 198, 199.
- 46 *Wereńko F.* Przyczynek do lecnictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Krakow, 1896. T. 1. S. 116.
- 47 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 38, 167, 176, 209, 326.
- 48 *Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2007. Т. 2. С. 96.
- 49 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 89, 91, 98, 100, 317.
- 50 Там же. С. 228, 319, 345, 348.
- 51 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. S. 208.
- 52 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 4, 70, 142, 148, 187, 274, 329, 334.

- 53 *Ахтаров Б.* Материал за български ботаничен речник. С. 93.
- 54 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 96, 199, 207, 228, 364, 397.
- 55 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 8.
- 56 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 27.
- 57 Там же. С. 200, 347.
- 58 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 27; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 51.
- 59 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 42, 145, 206, 318, 339, 353, 392.
- 60 Там же. С. 94, 205, 332.
- 61 Там же. С. 174.
- 62 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2. С. 92.
- 63 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 52.
- 64 *Małowski S.* Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Kraków, 1936. S. 42.
- 65 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 85, 133, 163, 219, 247, 344.
- 66 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 286.
- 67 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 85, 118, 203, 320, 366, 367.
- 68 Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1992. Т. 27. С. 254–255.
- 69 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 26, 58, 102, 107, 131, 162, 177, 198.
- 70 Словарь русских народных говоров. Т. 27. С. 255.
- 71 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 202, 241, 264, 380.
- 72 Там же. С. 107, 161, 196, 233.
- 73 Там же. С. 89–91.
- 74 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 118; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 342; М., 1990. Т. 3. С. 533.
- 75 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 338.
- 76 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. 3. С. 533.
- 77 *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена бильака. Српска академија наука. Посебна издања. 1959. Књ. СССХVIII. Институт за српско-хрватски језик. Београд, 1959. Књ. 3. С. 595.
- 78 *Wjela J.* Naše rostlinke mjena z přimjenami // Časopis mačicy serbskeje. 1896. Lětnik IXL. Zešiwk 93–94. S. 134.
- 79 *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена бильака. С. 153.
- 80 *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. S. 146.
- 81 См., напр.: *Инполитова А. Б.* Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 267–300; *Колосова В. Б.* Человеческое тело и растения: взаимные отношения кодов // Образный мир традиционной культуры. М., 2010. С. 239–254, и др.

Kolosova V. B.

Names of Pieces of Clothes in Phytonyms
(to the Question of Intersection of Codes)

The article covers the problem of reflection of the subject code of traditional culture (on the material of names of pieces of clothes) in the plant code — names of plants and folk texts about them. The author observes linguistic and geographic differences of such group of phytonyms at various groups of Slavs.

Key words: ethnic botanic, ethnic linguistic, phytonyms, folklore, codes of traditional culture.

А. П. Якимова
(Москва)

Символические функции болгарской народной одежды: этнолингвистический аспект

В статье рассматриваются символические функции предметов одежды: пеленок, рубахи и верхней одежды в русле болгарской народной традиции. Также на примерах из болгарской народной традиции рассматриваются культурно релевантные признаки одежды, особое внимание уделяется признаку цвета.

Ключевые слова: *болгарская народная одежда, символические функции одежды, культурно релевантные признаки одежды.*

Одежда в традиционном обществе наделена многообразными культурными смыслами, которые особенно актуализируются в определенные периоды жизни человека или в пограничных состояниях, отмечаемых обрядами — семейными, календарными или окказиональными: получение ребенком первого комплекта одежды, первой рубашки на крестинах, первое появление девушек перед коллективом в фартуке в болгарском обряде *лазаруване*, надевание головного убора и верхней одежды невестой и женихом или же, наоборот, снятие венчальной одежды, неношение красного в старости, надевание на покойного его венчальной рубашки, специально сберегаемой к моменту последнего обряжения. Изучая функционирование одежды в обрядности разных локальных традиций, можно выявить символику предметов костюма. Так, рубашка метонимически замещает человека, женская рубаха ассоциируется с материнской утробой, фартук символизирует фертильность и «женское» начало вообще, головной убор имеет апотропейную и знаковую функцию, штаны апеллируют к мужскому производительному началу, шуба символизирует богатство и плодородие, пояс наделен широкими знаковыми функциями, отмечает принадлежность человека к миру, служит оберегом. Одежда — это маркер возраста, пола, социального, семейного статуса, сословного и имущественного положения, этнической, конфессиональной, региональной принадлежности, обрядовой роли человека и его занятий.

Материалом для настоящей статьи стали данные о болгарской традиционной одежде, почерпнутые из этнографических и лекси-

кографических источников и представляющие широкое поле для исследования одежды. В болгарской этнографической науке интерес к народной одежде проявился уже в период ее зарождения. Еще Ю. Венелин призывал собирать народные костюмы, в основном женские, вместе с их названиями¹. Д. Маринов во второй книге журнала «Жива старина» (1892) описывает одежду болгар северо-запада и отмечает, что это одно из основных различий между племенами². Впоследствии болгарской этнографии пришлось доказывать славянские корни болгар, для чего важными оказались сведения из истории костюма. Народной одежде посвящены многочисленные специальные работы³. Х. Вакарелски в книге «Етнография на България»⁴ дает подробное описание болгарской народной одежды, приводит карты распространения видов мужской и женской одежды. В 1970-е гг. возникла потребность осмыслить накопленные сведения по материальной культуре в функциональном аспекте. Функциям болгарской народной одежды посвящена серия статей Г. Михайловой⁵. Сведения о функционировании одежды в болгарской обрядности можно почерпнуть и из статей, посвященных одежде, в региональных этнографических сборниках «Добруджа», «Пиринский край», «Родопы», «Пловдивский край» и др.⁶ В недавнем исследовании З. Барболовой о женском платке⁷ акцентируется внимание на этимологии и диалектном распространении терминов болгарского головного платка. Автор составил словарь из почти 300 диалектных названий. Анализ знаковой функции болгарской одежды проведен Р. Ганевой в книге «Знаците на българското традиционно облекло»⁸.

В настоящей работе рассматриваются названия и обрядовые функции некоторых предметов традиционной болгарской одежды — пеленок, рубашки и верхней одежды, каждый из которых имеет свои обрядовые функции, а также выявляются релевантные для культуры признаки, мотивирующие символические функции этих предметов одежды.

Первая одежда — пеленки — изготовлялась из старой одежды взрослых. Распространены обычаи принимать ребенка в *друпи*, *парцали* (тряпки) из рубахи отца, в фартук матери (Пиринский край)⁹, или бабушкину, дедушкину рубаху, чтобы передать ему долголетие и силу взрослых (Дебрене, Калипетрово, Ценович, Н. Черна, Църква, область Добруджи)¹⁰, что отражает представление об аккумулярующем свойстве одежды. Пеленкам приписываются апотропеические свойства, способность влиять на ребенка, поэтому существуют специальные правила обращения с ними. По болгарским поверьям, по-

сколько вечером ходят духи болезней и самодивы (женские мифологические существа, наделяемые преимущественно положительными свойствами, но при этом способные мстить людям, насылать болезни), пеленки не оставляют на улице, также их нельзя ронять на землю, иначе появится сыпь у ребенка, нельзя сушить на ткацком станке, чтобы не было заразных болезней¹¹; материал для пеленок нельзя рвать, его нужно резать, чтобы ребенок во сне не разговаривал¹². По другим данным, наоборот, ткань для первого пеленания следует не резать, а раздирать, так как дитя еще не крещено¹³. В пеленки кладут обереги: от нечистой силы используют *вражко колено* (кость от задавленного волками вампира), для здоровья — кусок ритуального хлеба, оставшегося от празднования родин¹⁴. Первую использованную пеленку полагается бросить в реку, стоя при этом на трех камнях, чтобы ребенок развивался быстрее. Существует запрет на использование черных пеленок или свивальника, которые ассоциируются с несчастливой судьбой: *В черен повой е увит; с черен повой е повито, никъде белко не е имало*¹⁵ ‘черным свивальником был повит, нигде белого не было’, однако в родопском селе Орешец первая пеленка — черная, чтобы защитить ребенка от злых сил¹⁶. В Пиринском крае шерстяные пеленки чаще всего сотканы из ниток двух цветов — белых и темных, без красителей. В селе Ковачевица предпочитают белые пеленки: *всичко да е бело, да му е бело* ‘чтобы все в жизни было «белым», то есть благополучным’, но пеленки, подаренные крестной, украшены красной нитью или кисточкой¹⁷. Свойства цвета пеленок в основном апотропеические, однако они могут выражать и половое различие: для мальчиков свивальник делается белым с синим, а для девочек — белым с красным¹⁸. Пеленки могут быть деталью костюма участников карнавала: в с. Батово, Добруджа, *бостанджии* ‘огородники’ — молодые мужчины — одеты в местные костюмы, с красными фесками на головах и с красными *храмове* ‘пестрыми шерстяными детскими пеленками’¹⁹.

До получения первого комплекта одежды и наречения имени на крестинах ребенок мог называться *голчо* (от ‘голый’) и *евреин*, хотя обычно на третий день после рождения ребенок получал первый оформленный предмет одежды — рубашечку, поскольку ожидаются *наречниците*, *орисници* (демонические персонажи, наделяющие ребенка судьбой), и он должен быть одет, *да бъде с нова риза* чтобы ‘быть в новой рубашке’²⁰. Первую рубашку изготавливали в разные сроки и из разного материала. В Добрудже (села Бабук, Кайнарджа, Калипетрово, Оброчище и др.) на третий день надевали рубашку

отца или матери поверх пеленок²¹. В Пиринском крае ребенка пеленают в пеленки до 40 дня, потом надевают рубашечку и пеленают только нижнюю часть тела. Первая рубашка изготовлялась крестной матерью, в Добрудже — из полотна, в которое крестная принимала ребенка²², ее могли хранить всю жизнь. Первой рубашкой может быть рубаха взрослого, например, самой старой женщины в семье, «чтобы жил долго, до старости»²³, или, если в семье не держались дети, ее шили из пеленки первого выжившего ребенка и в нее принимали последующих детей²⁴. В Родопах детские рубашечки шились из первых пеленок²⁵. Возможно, такое параллельное использование рубашечки и пеленки — результат совмещения двух «текстов» в обрядах, связанных с новорожденным. Рубашка — это текст социума, мира людей, а пеленки — слово из текста иного мира. Подобный параллелизм рубашки и пелен наблюдается в погребальном обряде. Хотя было принято хоронить в венчальной одежде, специфически погребальной одеждой является саван; обычно сначала обряжают тело в саван, а потом уже одевают²⁶. Параллель савана и рубашки отражена в терминологии: в Пиринском крае саван называется *мъртовска риза* ‘мертвецкая рубашка’, он изготавливается из небеленого льняного полотна²⁷, в Добрудже это белое домашнее полотно с отверстием для головы, в селе Бабук саван называется *долня риза* ‘нижняя, нательная рубашка’, его надевают, чтобы человек «не был голым на том свете»²⁸. Пеленки, как и саван, — особенные предметы в системе традиционной одежды, они, как правило, белые и бесформенные, в них не одевают, а заворачивают. По болгарским данным, ткань пеленок такая же, как у пелен, употреблявшихся на свадьбе или при погребении²⁹.

Для ребенка рубашка — основная одежда до двух-трех лет. В отличие от одежды взрослых, она кроилась без клиньев. Она почти лишена украшений, только в качестве оберега присутствует красная нить. Рубашка может быть сшита красной нитью, ею же может быть обшит ворот, или простым крестовидным орнаментом бывают украшены ворот, рукава и плечи³⁰. Полотно рубашки заполняется вышивкой постепенно, и «*децата носят бяла риза докато почнат да си шарят*»³¹ ‘дети носят белую рубашку пока не начнут сами себе ее украшать’.

На полах рубашек молодых девушек отсутствуют сложные орнаменты; в Пиринском крае полы рубашек девушек украшены только сзади, так как «*само невеста е изоколена*»³² ‘только у невесты украшено все кругом’, таким образом, максимально заполненным

вышивкой пространство рубашки становится только к свадьбе. В Пиринском крае каждая девушка должна была приготовить специальную венчальную рубашку, а после свадьбы носить рубашку *гувялница* (села Габрене, Гега, Баскалцы и др.), *кланялница* (с. Пирин), в названии которой отражена особенность послесвадебного периода именуемого *говеенето* ‘молчание’ и *кланянето*³³ (от *кланям се* ‘кланяться, перен.: угодничать’). После брачной ночи рубашка становилась объектом внимания социума как свидетельство девственности невесты. В Болгарии ее демонстрировали гостям, положив в решето, куда присутствующие бросали монеты для молодой, относили матери новобрачной вместе с горячей сладкой красной водкой в знак честности ее дочери³⁴. Как знак нового социального положения, женская рубашка имела специфический разрез, достаточный, чтобы кормить ребенка³⁵. Итак, после свадьбы нарядная рубаха надевается по праздникам, а повседневная рубашка почти не имеет украшений.

Такие рубашки *свали-надени* ‘снял-надел’ носят и старые женщины. При этом они хранят венчальную рубашку, выражающую апогей жизни, чтобы быть в ней погребенными — эта практика распространена по всей территории Болгарии. В Ловечском крае слева от покойницы кладут в гроб ее свадебную рубашку со знаками девственности³⁶, как символ ее честности. Даже в 2008 г. в селе Равадиново, Бургасской области, информатор Мара Арабаджиева (75 лет) показывала хранимую ею свадебную рубашку. Верят, что по венчальной рубашке муж и жена должны узнать друг друга на том свете³⁷.

Рубашка присутствует в сельскохозяйственной магии: чтобы обеспечить здоровье и успешный сбор урожая, болгары-павликиане не снимали рубашку, надетую в начале жатвы, до конца обмолота зерна, а на первый сев хозяин отправлялся в чистой белой рубахе. В описании календарных обрядов также встречаются сведения о рубашке. *Пенеруда* — действующее лицо в обряде вызывания дождя может быть в одной рубашке, что символически приравнивается к нагоде, она украшена зелеными ветками³⁸. Основной одеждой *Еньовой були* (главное обрядовое лицо одноименного комплекса ритуальных действий, совершаемых у южных славян на Иванов день и имеющих продуцирующую и охранительную направленность) являются предметы свадебного костюма: головной убор и рубашка. На *Еньовой буле* может быть белая рубаха недавно женившегося парня (Сакар)³⁹, но обычно она одета в женскую рубашку. В Добрудже, с. Батово, *Еньова буля* одета в черную одежду, для чего специально красят старую женскую рубашку⁴⁰. Набор предметов, которыми покрывают сосуд с

водой, используемый для гадания в дни совершения обряда, прочно соотносится с символикой плодородия: это фата *Еньовой були* или невесты, красный мужской пояс или рубашка, взятая из дома, где есть маленький ребенок или беременная женщина⁴¹.

Символика рубашки, как метонимического заместителя человека, проявляется в многочисленных действиях, направленных на обеспечение благополучия ее носителя. Через детскую рубашку три раза пропускают деньги, чтобы дитя было богато⁴². Изготовленная невестой в качестве дара рубашка должна повлиять на родных жениха: им молодая дарит рубахи с неразрезанной горловиной *да им били затворени устата, да не ѝ се карали* 'что бы у них был закрыт рот, и ее не ругали'⁴³. В Пловдивском крае свадебную рубашку окуривали ладаном, чтобы «изгнать из нее злых духов — самодив»⁴⁴, протаскивали через снопы, чтобы очистить ее от влияния враждебных сил и чтобы невеста была плодовой (с. Добростан). Невеста во время свадьбы надевала две рубашки — одну белую, «*да ѝ чист късмет*»⁴⁵ 'чтобы судьба ее была чистой', а другую красную, чтобы быть здоровой и плодовой. Значение оберега имеет и вышивка на рубашке. С помощью магических действий рубашка прежде всего должна была обеспечить жизнь. Если в семье не держались дети, в Добрудже повитуха шила обыденную рубаху из полотна, взятого в трех домах, где все дети были живы⁴⁶. При ритуальном усыновлении тяжело больного ребенка его протаскивали через ворот или рукав рубашки женщины, чьи дети живы, ассоциируя рубашку, таким образом, с материнской утробой⁴⁷.

Если рубашка — очень личный предмет костюма, в своей функциональной стороне обращенный к человеку, то верхняя одежда обращена к социуму, она представляет материальную ценность и хранится в семьях для свадеб и колядования. Во многом значение верхней одежды определяется тем, что материалом для нее служит шерсть и кожа животных. Эти материалы, прочно связанные с животным кодом, выполняют охранительные функции. Шерсть, как символ богатства и оберег, используется в болгарской свадьбе: молодые становятся на непряденую шерсть во время венчания (Родопы)⁴⁸, на свадебный хлеб кладут красную шерсть⁴⁹. Во многих районах Болгарии молодожены верхнюю одежду надевали наизнанку, что имело апотропейное значение⁵⁰, а в районе Самокова молодые ели баницу во время свадебной трапезы, накрытые тулупом жениха⁵¹, жених в северо-западной Болгарии носит на плечах бурку, его голова закрыта башлыком⁵². Кроме того, появление верхней одежды в костюме

именно на свадьбе — это еще и выражение апогея жизни. Так костюм становится максимально полным: в районе Странджи, с. Чанакча, *кюркът* — «е бил най-горната дреха»⁵³ дословно — ‘был самой верхней одеждой’, которую носили молодые замужние женщины, в Пловдивском крае незамужние и зимой не могли носить верхнюю одежду⁵⁴. Право надевать верхнюю одежду (*аба, долама, кюрк*), часто на кожаной подкладке, получают только женатые мужчины⁵⁵, верхняя одежда — обязательная составляющая венчального костюма молодого человека. Некоторые виды верхней одежды носят лишь невесты или, например, в Добрудже *кавад*, сделанный из шелкового черного полотна с белыми и черными нитями, с подкладкой, носят молодые замужние женщины в праздник⁵⁶. В с. Професор-Иширково и Калипетрово эта одежда — подарок невесте, в которой она венчается. В Пловдивском крае существовала верхняя одежда без рукавов, называемая *илек* или *женска дреа*⁵⁷. Этот жилет был из черного сукна, с нашитым на спине и под передними клиньями красным сукном, как вспоминали пожилые, когда-то этот предмет был обязателен в венчальном костюме. Верхняя одежда из шерсти мотивирует термин, именующий свата: *япанджия* — от тур. *yarınca*⁵⁸ ‘бурка из шерстяной ткани’.

Но верхняя одежда при этом является составляющей «превентивных мер, призванных защитить окружающих от невесты, находящейся в процессе перехода»⁵⁹. Возможно, поэтому в г. Лясковец, в районе Велико Тырново, тулуп, отделанный мехом лисы, должен был купить для невесты свекор⁶⁰ — то есть представитель чужого для нее рода. Молодой запрещалось ходить босой, с непокрытой головой и без верхней одежды. Снятие верхней одежды связано со специальным обрядом⁶¹. В районе Одрина молодая до одного года после свадьбы носила длинную шерстяную *б'ялу гунку* без рукавов⁶². Родильница в течении 40 дней так же обута и носит верхнюю одежду, в Разградском и Русенском районах — вывернутую мехом наружу⁶³. В Добрудже, Разградском и Пловдивском округах близкие в знак траура носят верхнюю одежду вывернутой⁶⁴.

Верхняя одежда появляется в календарных обрядах, призванных способствовать плодородию. Здесь реализуются ее вторичные ритуальные функции, и она служит своего рода цитатой из свадебного кода. Колядующие холостяки, в Добружанских селах Дебрене, Батово, Соколово и др., берут взаймы верхнюю одежду молодоженов, которую население сохраняет специально для них⁶⁵. Вывернутая мехом наружу, верхняя одежда призвана способствовать богатству и пло-

дородию. Такой она присутствует в костюмах кукуров⁶⁶ (участников масленичных маскарадных шествий), в костюмах сопровождающих их. В этнографической группе шиковцев персонаж *аджи-боба* (мавр) одет в белую мужскую одежду, вывернутый белый кожаный⁶⁷.

Все рассмотренные предметы имеют утилитарное предназначение, а символические функции для них вторичны. Такие разные на первый взгляд предметы объединены похожими символическими функциями: они могут служить для защиты от негативного влияния, могут употребляться не только в семейной, но и календарной обрядности, в магии. Но их символические функции мотивированы различными признаками. Для пеленок актуален признак принадлежности новорожденному, способ изготовления из одежды матери или старшей женщины, важен цвет. Для рубашки также важны признаки принадлежности и способ ношения как ближайшего к коже предмета одежды, способ изготовления, ее новизна. Для верхней одежды важны ее принадлежность невесте и жениху и материал, из которого она изготовлена. В функционировании болгарского народного костюма можно найти множество примеров реализации этих признаков и их влияния на символику предметов костюма. Здесь мы можем привести лишь некоторые примеры.

Рубашка присутствует в костюме обязательно, а, например, наличие фартука в болгарском женском костюме является знаком отношения женщины к ее основной социальной функции и его появление в молодом возрасте и затем постепенное исчезновение в костюме женщины может быть выражено в схеме: еще нет — почти да — да — почти нет — уже нет. Фартук сопровождает женщину на протяжении всей жизни, и все это время несет на себе, прежде всего, знаки половой принадлежности и социального статуса. Девушка впервые появляется с фартуком (*престилкой*) в хороводе, когда вступает в брачный возраст, и может принимать соответствующие предложения⁶⁸. Со времени свадьбы белая *престилка*, или ее позднейший вариант — красная, становится обязательной частью костюма молодой женщины. Его наличие символизирует соответствие невесты общественным требованиям. Если невеста оказывается «нечестной», свекровь собирает в ее белую свадебную *престилку* сор из комнаты молодых и отправляет родителям невесты. Они должны откупиться, иначе невеста появится перед селом без белого фартука, «а невеста без бяла фута не е невеста» ‘невеста без белого фартука — не невеста’⁶⁹. В Пловдивском и Хасковском округах *престилку* не носили в течении сорока дней после родов⁷⁰.

Особенный покр ой предмета одежды может отличать его как предназначенного для обрядового или иного особенного лица. Так, в Пиринском крае только невеста может носить *четворен скут* (фартук, сделанный из четырех полотен) — на венчании и определенное время после него. Покрой может свидетельствовать о материальном положении: в Пловдивском крае в районе распространения сукманного типа костюма, чем богаче была женщина, тем больше клиньев имел ее сукман. Доходило до того, что такую одежду невозможно было носить, и в некоторых селах такие многоклинные сукманы стали шить из более тонкой ткани⁷¹. Размер предметов или частей одежды является культурно релевантным признаком, так, например, кукура в с. Цыркава, Добруджа, выделяет «громадный» колпак⁷².

Важность такого признака одежды, как способ ношения отражена в терминологии предметов одежды. Так происходит в случае с женским головным платком: в болгарском языке множество названий платка имеют корень *брад-*, который указывает на то, что платок повязывался 'за, при, под подбородком': *забрадка* (Общеполг.), *подбрадачка* (Банско), *прибрадка* (Н. село, Троянский район); другой термин отражает обертывание платка — *завивач* (Врачеш, Ботевградский район), пришивание к другому платку — *пришивка* (Н. Козлево, Нов. Пазар), *прешовка* (Свиленград, Чипровцы)⁷³. Верхнюю одежду выворачивали в случае траура, а в костюме присутствовала одежда, вывернутая мехом наружу. Способ ношения значим для одежды участников обряда *лазаруване*: *големите лазарки*, в селе Батово (Добруджа) одеты одинаково, с фартуками, головными уборами одного цвета⁷⁴ — так, возможно, подчеркивается их одновременное вступление в пору девичества. Способ ношения может быть и социальным знаком: в Пиринском крае, с. Капатово, женщина-солдатка носит фартук лицевой стороной внутрь⁷⁵. Если невеста оказывалась девственной, свекровь повязывала платок, свободно опуская концы, в противном случае она надевала платок как при трауре (Странджа)⁷⁶.

Способ изготовления одежды также регламентирован. Рубашку кроют так, чтобы не оставалось лоскутов, и сшивают последовательно: стан, рукава, клинья, ластовицы. Так создание рубахи включает две операции: расчленение и соединение⁷⁷. Кроить можно только для живых. При изготовлении смертной одежды ткань резали с помощью камня или свечи, что мотивировало термин рубашки *прегорелка*. Этот признак основной и для «обыденной» (изготовленной от начала до конца в один день) одежды, применявшейся в магиче-

ских целях. Так, например, делали первую рубашку для ребенка в семье, где не держались дети.

Принадлежность одежды обрядовому лицу реализует ее свойства, сообщенные ей участием в обряде, она становится «цитатой» из одного обряда в другом. В болгарских весенних обрядах *лазаруване*, *буенец* девушки надевали какой-нибудь элемент венчального костюма, одолженный у молодых женщин, а на Вознесение девушки водили хоровод в одежде молодых женщин, чтобы в течение года выйти замуж⁷⁸. Этот признак актуализируется в обрядовом переодевании в период карнавала: костюм холостяка, исполняющего роль «невесты» в составе карнавала, — это женская одежда или одежда невесты. По признаку половой принадлежности происходит противопоставление некоторых предметов одежды: шапка/платок, штаны/фартук, которые при этом близки по своим символическим функциям. Женский костюм подвержен большей регламентации и богаче мужского и по составу, и по видам, и по терминологии, и по символике. Так, в частности, проявляется одна из основных семантических оппозиций — мужской–женский.

Новизна — признак, важный не только для одежды, но и для ткани, из которой изготавливается одежда. Первая рубашечка может быть сшита из нового полотна, «за да има късмет на ново» ‘чтобы было счастье нового’⁷⁹. В новое были одеты жених и невеста. Этот признак соотносится с календарной темой новолетия: надевали новую одежду на новый год; для встречи бабы Марты 1 марта вывешивали во дворах что-нибудь из новой одежды; надевали обновки в день Благовещения, «для того чтобы порадовать Господа чем-нибудь новым»⁸⁰; в новую одежду обязательно одевались на Пасху и девушки в течение трех дней должны были появляться в новом наряде⁸¹. Появление в обществе с новым предметом одежды, например, в верхней одежде или в фартуке, свидетельствовало о переходе члена социума в новый статус.

Полнота костюма выражает социальное положение человека. В течение жизни костюм каждого члена общества проходит становление, которое в схематическом виде выражено диаграммой, где максимальное количество элементов соответствует этапу свадьбы, а минимальное — этапам родин и погребения. Максимально полный костюм содержит головной убор и верхнюю одежду, которые впервые появляются на свадьбе. Таким образом, степень одетости — основной знак этапа жизненного пути, так же как и признак цвета.

О признаке цвета в одежде стоит сказать подробнее. Цвет — это признак, который важен не только для предметного кода культу-

ры, но для кода растительного, демонологического, и многих других. Цвет — это, наверное, самый распространенный способ цитирования одного кода культуры в другом. Он вводит в текст костюма семантику растительного кода, в растительном коде свидетельствует о семантике огня, в родильный текст вводит демонологический код и др.⁸². Семантические связи цвета и одежды, пожалуй, наиболее разнообразны. Цвет одежды выполняет важные коммуникативные и магические (защитные) функции, представляя жизненный путь человека традиционного болгарского общества: от белого не-цвета младенца через красное полноцветие взрослого человека, готового к продолжению рода, в темную, бесцветную старость и белую смерть.

Этапы жизненного пути маркируются цветовыми изменениями в оформлении важнейших предметов традиционного костюма: рубашки, женского головного убора, фартука и мужского пояса. Особое внимание цвету одежды уделяется на трех основных точках жизненного пути: рождении, свадьбе и смерти. Именно в эти периоды значимость и регламентированность цвета одежды особенно подчеркивается, хотя четких границ между периодами нет. Постепенно, с самого рождения, количество обязательных цветовых элементов в одежде возрастает, достигает максимума в период свадьбы и потом стремительно снижается, цвета как бы стираются, тем самым подчеркивая выход человека из активной социальной деятельности. В период свадьбы костюм не только максимально полон, содержит и головной убор и верхнюю одежду, но и имеет наибольшее количество цветных, специально вышитых и окрашенных элементов.

Выше было сказано о цветах пеленок, которые должны быть светлыми, о незаполненности вышивкой полотна рубашки до определенного времени. Период же молодости и фертильности отмечается именно наличием цвета в одежде, прежде всего красного и белого. Полеми для выражения цветового кода в костюме болгарской невесты становятся платок (*забрадка*), рубашка, фартук, гетры. В описаниях костюма невест восьми этнографических групп, населяющих область Добруджи, 20 раз упоминаются красные детали — это шнуры на гетрах, головной убор и фартук, 9 раз — белые детали: рубашка, гетры, 8 раз черные: верхняя одежда, 4 — желтые: *месьове* и украшение из проволоки, один раз упомянут синий цвет: *монисты*⁸³. Апогей жизни — свадьба — характеризуется обилием именно красного цвета. По мнению Г. Михайловой⁸⁴, красный цвет выражает идею брака, жизненного начала и плодородия. Важно подчеркнуть, что для выражения максимума жизни и молодости используется не только

красный цвет, но и вообще «цветность», наличие разных цветов (при преобладании белого и красного).

Два основных цвета — белый и красный — сочетаются в головном уборе невесты, в ее фартуках — нижнем (белом) и верхнем (красном). При этом белый, видимо, присутствовал в оформлении головного убора до появления красного: в Пиринском крае белый платок невесты называется просто *булка*, а его цветные варианты — *червена* ‘красная’ *булка*, *алена булка* (с. Пирин). В некоторых селах, как отмечает М. Велева, вспоминают о наличии белого в старинных свадебных головных уборах: *бяла кърпа, везан ръченик от бялото платно* ‘вышитый ръченик из белого полотна’, *бялата квадратна кърпа оперед и нед нея червеното було* ‘белый квадратный платок спереди и над ним красная вуаль’, а в с. Ковачевица — *бялата задна кърпа* ‘белый платок, повязываемый сзади’ дается невесте зятем, а передний платок — *червена кърпа* — отцом⁸⁵. В с. Михилци Пловдивского края когда-то молодые жены носили белую шапочку — *петицу*, которая держалась с помощью платка *подбрадника*, всего обшитого белыми пуговками с четырьмя дырочками, пришитыми красными нитями крестообразно⁸⁶. В с. Слаштен Пиринского края белый цвет предназначен для девичьего платка, и черный — для платка невесты. По мнению З. Барболовой, присутствие белого цвета в головном уборе невесты и молодой женщины связано с пребыванием невесты в трауре по своему девичеству⁸⁷.

Если белый цвет выражает ритуальную чистоту и соотносится с идеей плодородия, то красный — это оберег и маркер фертильного возраста. Полотно рубашки, изначально изготовленной из старой одежды, к свадьбе максимально покрыто красной вышивкой⁸⁸. Красный цвет реализуется и в оформлении фартука, при этом он становится социальным знаком: «*Видиш ли булка с червена престилка ще познаеш, че е млада булка*» ‘видишь молодую женщину с красным фартуком — понятно, что это молодуха’⁸⁹. Красный — основной цвет покрывала невесты⁹⁰ и именно он становится основным показателем данного этапа жизненного пути.

В день снятия покрывала невесты начинается новый этап ее жизни и постепенное уменьшение предметов костюма и изменение цветов некоторых деталей. В Добрудже до рождения второго или третьего ребенка венчальный костюм еще надевается как праздничный, мужчина надевает его на праздники в течение двух-трех лет после свадьбы⁹¹, но потом одежда приобретает общие для данного региона черты. Период, когда сохраняются элементы и цвета, характерные для молодых, обычно недолог, но может продолжаться и до свадьбы

первого ребенка. Так, в Пловдивском крае до 30–35 лет женщины носили белый головной убор, украшенный белыми нитями по краям, а в старости — темные хлопковые платки⁹²; в селах около городов Асеновград и Пырвомай рубашки пожилых женщин украшены не белыми, а бежевыми каймами⁹³; мужской пояс с возрастом — уже не алый, а *самочерк* ‘бежевый’, темно-синий или черный⁹⁴. В Добрудже одежда пожилых сделана из домашних темного цвета материалов, женщины носят черный платок, мужчины — черный пояс, а верхняя одежда украшена только одним рядом черного шнура⁹⁵. Характерны в этом отношении изменения *престилки*: после 45–50 лет женщины повязывают темные фартуки с еле заметными орнаментами⁹⁶. В Пиринском крае *скутач е срециту възрастта* ‘фартук соответственно возрасту’, в селах Осеново, Конаарско, Добырско *бели престилки*, фартуки с преобладающим количеством белых нитей, носят молодые, а *жълти престилки* — пожилые⁹⁷. В районе Странджи белый фартук окрашивают в темные цвета, фартук и черный платок пожилых соотносятся и с траурной одеждой: «Алена фута се носи докато ти е хубав, а като остарееш и жалееш — черна фута» ‘алый фартук носишь пока ты хорош (красив, полезен), а состаришься или находишься в трауре — носишь черный фартук»⁹⁸, и в обоих случаях подчеркивают утрату социальной функции.

Рассмотренные признаки — это лишь часть тех свойств одежды, которые формируют ее символическое значение. Исследование же всех связанных с одеждой культурных кодов, предметного, акционального, растительного и других, — задача, которую еще предстоит решить. Символика предметов одежды и функции одежды в семантическом пространстве славянской традиционной культуры устанавливались на протяжении веков, поэтому анализ славянской одежды, и для начала — по данным одной локальной традиции становится вкладом в изучение менталитета древних славян. Во многом такое исследование может быть осуществлено благодаря лингвистическому подходу к объекту, казалось бы, лежащему только в области культурологии или этнографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Колев Н. Българска етнография. София, 1987. С. 39.
- 2 Маринов Д. Жива старина. Кн. II. Русе, 1892. С. IV.
- 3 Костов Ст. Останки от старото славянско облекло в България // Сб. на IV конгресс славянских географов и этнографов в София. Со-

- фия, 1938; *Велева М.* Данни от българските народни носии за някои характерни черти в облеклото на славяните // Известия на Етнографски институт с музей. София, 1968. Вып. 11. С. 5–69; *Велева М., Лепавцева Е.* Български народни носии. София, 1960–1988. Т. 1–4. 1960. Т. 1. Северна България; 1974. Т. 2. Средна-Западна България и Средните и Западните Родопи о края на XVIII до средата на XX в.; 1979. Т. 3. Източна България през XIX и първата половина на XXв.; 1988. Т. 4. Южна България през XIX и п.п. на XXв.; *Велева М.* Българска двупрестилчена носия. София, 1963.
- 4 *Вакарелски Х.* Етнография на България. София, 1969; 2-е изд.: София, 1974.
- 5 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1974. С. 207–248. Обредната функция на престилката в българското народно облекло // Въпроси на етнографията и фолклористиката. София, 1980. С. 58–66. Функция на народните носии // Етнография на България. София, 1983. Т. 2. С. 267–280.
- 6 Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1974; Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1980; Родопи: традиционна народна духовна и соционормативна култура. София, 1980; Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучавания. София, 1985; Пловдивски край. Етнографски и езикови проучавания. София, 1986; Софийски край. Етнографски и езикови проучавания. София, 1993; Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- 7 *Барболова З.* Имената на забрадка в българския език. Етнолингвистическия анализ. София, 2006.
- 8 *Ганева Р.* Знаците на българското традиционно облекло. София, 2003.
- 9 *Велева М.* Облекло // Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания, София, 1980. С. 311.
- 10 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 232.
- 11 *Седакова И. А.* Пеленки // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 659.
- 12 Там же. С. 658.
- 13 *Ганева Р.* Знаците... С. 17.
- 14 *Седакова И. А.* Пеленки. С. 659.
- 15 *Седакова И. А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. М., 2007. С. 99.
- 16 *Цанева Е.* Обичаи при раждането и отглеждането на дете // Родопи: традиционна народна духовна и соционормативна култура. София, 1980. С. 129.

- 17 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 311.
- 18 *Седакова И. А.* Пеленки. С. 660.
- 19 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 241.
- 20 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 312.
- 21 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 232.
- 22 Там же.
- 23 *Узенева Е. С.* Рубашка // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 486.
- 24 *Седакова И. А.* Пеленки. С. 660.
- 25 *Цанева Е.* Обичаи при раждането... С. 129.
- 26 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 277.
- 27 *Георгиева И.* Обичаи при смърт // Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучавания. София, 1980. С. 417.
- 28 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 238.
- 29 *Седакова И. А.* Пеленки. С. 660.
- 30 *Ганева Р.* Знаците... С. 21.
- 31 Там же.
- 32 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 269.
- 33 Там же.
- 34 *Узенева Е. С.* Рубашка. С. 486.
- 35 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 266.
- 36 *Ганева Р.* Знаците... С. 29.
- 37 *Узенева Е. С.* Рубашка. С. 487.
- 38 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 242.
- 39 *Седакова И. А., Узенева Е. С.* Еньова буля // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь М., 1999. Т. 2. С. 188.
- 40 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 243.
- 41 *Седакова И. А., Узенева Е. С.* Еньова буля. С. 188.
- 42 *Ганева Р.* Знаците... С. 18.
- 43 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 275.
- 44 *Узенева Е. С.* Рубашка. С. 486.
- 45 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 274.
- 46 Там же. С. 270.
- 47 *Узенева Е. С.* Рубашка. С. 487.
- 48 *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010. С. 66.
- 49 Там же. С. 111.
- 50 Там же. С. 66.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 40.

- 53 *Аянов Г.* Странджа. Етнографски, географски и исторически проучвания. София, 1938. С. 220.
- 54 *Михайлова Г.* Облекло // Пловдивски край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. С., 1986. С. 142.
- 55 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 271.
- 56 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 216.
- 57 *Михайлова Г.* Облекло // Пловдивски край... С. 148.
- 58 *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба... С. 58.
- 59 Там же. С. 71.
- 60 Там же. С. 66.
- 61 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 272.
- 62 *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба... С. 71.
- 63 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 273.
- 64 Там же. С. 277.
- 65 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 239.
- 66 *Плотникова А. А.* Кукеры // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь. Т. 3. С. 24.
- 67 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 240.
- 68 *Ганева Р.* Знаците... С. 59.
- 69 *Михайлова Г.* Обредната функция на престилката... С. 63.
- 70 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 273.
- 71 *Михайлова Г.* Облекло // Пловдивски край... С. 138.
- 72 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 240.
- 73 *Якимова А. П.* Терминология народного женского костюма болгар в этнолингвистическом освещении М., 2009. С. 100.
- 74 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 241.
- 75 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 274.
- 76 *Валенцова М. М., Узенева Е. С.* Платок // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь. Т. 4. С. 67.
- 77 *Ганева Р.* Знаците... С. 16.
- 78 *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 496.
- 79 *Михайлова Г.* Функция на народните носии. С. 270.
- 80 *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Новый–старый // Славянские древности. Энциклопедический этнолингвистический словарь. Т. 3. С. 422.
- 81 *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы... С. 156.
- 82 Об этом подробнее см.: Балканский спектр: От света к цвету // Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. М., 2011.
- 83 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 236.

- 84 *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба... С. 40.
85 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 295.
86 *Михайлова Г.* Облекло // Пловдивски край... С. 150.
87 *Барболова З.* Имената на забрадка... С. 72.
88 *Узенева Е. С.* Рубашка. С. 486.
89 *Ганева Р.* Знаците... С. 61.
90 *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба... С. 65.
91 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С. 238.
92 *Михайлова Г.* Облекло// Пловдивски край... С. 159.
93 Там же. С. 154.
94 Там же. С. 161.
95 *Михайлова Г.* Облекло // Добруджа... С.: 238
96 *Михайлова Г.* Обредната функция на престилката... С. 66.
97 *Велева М.* Облекло // Пирински край... С. 274.
98 *Ганева Р.* Знаците... С. 61.

Yakimova A. P.

Symbolical Functions of Bulgarian Folk Clothes:
Ethnic Linguistic Aspect

The article deals with the symbolic function of garments: napkins, shirts and outerwear in the mainstream of Bulgarian folk tradition. Culturally relevant features of clothing are considered on examples from Bulgarian folk traditions; special attention is paid to the meaning of color.

Key words: *Bulgarian folk clothes, symbolic function of clothing, culturally relevant features clothing.*

И. А. Седакова
(Москва)

Семантика, магия и этические аллюзии одного предиката традиционной культуры славян: *ТАЙКОМ* (*ТАЙНЫЙ*)

В статье анализируется один из смысловых элементов традиционной культуры (*тайком*): выявляются его структурные и семантические связи; определяются сферы релевантности и уточняются его аксиологические параметры.

Ключевые слова: *этнолингвистика, этика, ценность, семейная обрядность, колдовство и магия.*

Вычленение одного из компонентов традиционной культуры и многосторонний его анализ в целях реконструкции архаической картины мира — один из важнейших методологических приемов этнолингвистики, лежащий, в частности, в основе статей словаря «Славянские древности»¹. В пятом томе этого словаря будет опубликована наша краткая статья *Тайком*. Между тем, анализ этого способа действия и смежных понятий в контексте народной обрядности выходит за жанровые рамки словарных возможностей и заслуживает более подробного изложения.

Тайком как заглавное слово статьи выбрано из ряда синонимичных как общеславянское и обозначает важное условие совершения некоторых действий в обрядовой и повседневной жизни славян. Однако это обстоятельство в соответствии с грамматикой обряда² не может исследоваться изолированно, вне его связи с семантически близкими предикатами «утаивать», «держат в секрете», признаками («тайный») и понятиями («тайна», «секрет»).

Тайком по своей культурной семантике и обрядовой прагматике сопрягается с пространственно-временными и др. обстоятельствами, такими как: темнота и невидимость; ночь (ср. болг. *потайна доба* 'время от полуночи до первых петухов'), тишина и молчание; отдаление (отметим такие локусы как глухой лес, пустошь, кладбище и пр.); уединение и др. Эти параметры необходимы для того, чтобы для окружающих исполнителя действий «работали» предикаты с отрицанием: «не видеть», «не слышать», «не знать», «не замечать» и др. Соответственно синонимами для описания способа совершения действия *тайком* служат такие лексемы как рус. *втихую* (белор. одно-

коренное *цішком*), *украдкой* (укр. *уркадьки*), *скрытно* (болг., макед. *скришом*), *незаметно* и др.

Эти обстоятельства релевантны и для ритуальной кражи, которая играет важную роль в народной культуре и этике³. Этимологически *тай-* (от **(s)ta-i*) связывается именно с «воровством»⁴ (ср. и *тать* ‘вор, разбойник’), однако действия, выполненные *тайком*, относятся к значительно большему числу ситуаций, чем собственно кража, и во многом от нее отличаются. *Тайком* входит в дефиницию глаголов *красть* и под. (ср. *воровать* «похищать чужое, взять что тайком и присвоить себе»⁵), но сделать что-то *тайком* — это не обязательно и не только «присвоить чужое». Кроме того, *тайком* берутся вещи, не имеющие особой материальной ценности, — мыло, которым обмывали покойника, другие «покойницкие» предметы⁶ и пр. В некоторых случаях взятые тайно предметы после совершения магического акта возвращаются хозяину⁷.

Еще одна важная этическая сфера, куда включаются тайные действия, — это обман, к которому нередко прибегают в ритуальных и магических целях⁸. Однако и обман (ср. *обманывать* «лгать, словом или делом»⁹) семантически и прагматически не совпадает с *тайком* и *тайной*, которые не всегда предполагают ложь, подлог, а чаще — сокрытие и собственно утаивание.

И наконец, тайные действия (так же, как и кража, обман) интерпретируются в традиционном обществе с точки зрения народных представлений о грехе и морали, которые приобретают особые, довольно далекие от христианских воззрений измерения¹⁰. Оппозиция тайное/явное весьма релевантна для народной этики: утаивание несправедливых поступков недопустимо и опасно для социума¹¹.

Тайком — это способ действия, придающий некоторым ритуалам (вредоносной и любовной магии, народно-медицинским актам, гаданиям, земледельческим и животноводческим магическим обрядам и др.) сакральность и соответственно особую магическую силу. Эти действия определяются пространственно-временными показателями (см. выше), а также социальными и поло-возрастными отношениями исполнителей: можно исполнять ритуалы *тайком* от объекта воздействия или всех — от соседей и родных. Девушки гадают отдельно от парней, и наоборот, жены скрывают свои действия от мужей, взрослые — от детей и др.

В зависимости от целей, тайные действия могут быть добро- или злонамеренными, то есть интенции исполнителей имеют полярно противоположную направленность: нанесение вреда (наведение пор-

чи, причинение болезни, «перенос» урожая с поля или молочности коровы и др.) или, наоборот, сотворение блага (исцеление, облегчение родов и др.). При этом обстоятельство *тайком* гармонично входит в обязательный сценарий исполнения и одних, и других действий и является для них константой.

К действиям, совершенным *тайком*, примыкает блок предписаний о необходимости сокрытия информации в ряде обрядовых ситуаций (сватовство, рождение ребенка, имянаречение и пр.), преимущественно из-за боязни сглаза, порчи, болезней и др. несчастий. Обычно утаивание сменяется торжественным разглашением и оповещением¹².

Еще один блок поверий и обрядов объединяется мотивом нераскрытого греха, злодеяния, совершенного *тайком* и оставшегося тайной для социума, что несет в себе потенциальную угрозу (засуху и другие природные бедствия), см. ниже.

Остановимся подробнее на основных блоках ритуалов, магических действий и поверий, связанных с тайными действиями. Преимущественно *тайком*, в одиночестве совершается вредоносная магия, особенно в тех случаях, когда она направлена на отнятие урожая или молочности коровы. Эти мифические кражи хорошо описаны в этнографической и этнолингвистической литературе¹³. Колдуньи «отбирают урожай», делают пережин, перестригая рожь по диагонали, или отбирают урожай, нагишом обходя ниву; «крадут молоко», собирая росу в чужих огородах и давая ее пить своим коровам, стараясь, чтобы их никто не увидел и никто не узнал об этом.

Тайком наводят порчу на человека или на всю семью, подбрасывая нитки, волосы, наговоренную щепку и др. во двор или как бы случайно роняя эти вещи на пути намеченной жертвы (ср. рус. диал. *подсовок* 'тайно, с умыслом подсунутый, подкинутый кому-л. предмет'¹⁴). «Испортить» могут и строители, если тайком от хозяина заложат в стены или под конек крыши волосы, шерсть или др. предметы¹⁵. Балканским славянам известно тайное измерение тени первого встречного человека (или животного) и использование этой мерки для укрепления фундамента. Считается, что после этого акта «измеренный» человек умирает. В южнославянских песнях (так называемые «баллады о мастере Маноле») представлен вариант этого ритуала: замуравывание живого человека в фундамент или сбрасывание в воду при возведении моста. Объединяет эти практики компонент *тайком*, поскольку замуравывают человека, обычно молодую жену одного из строителей, для которой планы мастеров о принесении строительной жертвы остались тайной¹⁶.

Тайные действия характерны для любовной магии¹⁷: в пищу или напиток того, кого хотят приворожить, незаметно добавляли заранее собранные капли пота¹⁸, девушки — капли месячных, волосы, состриженные в паху, отвар из трех березовых листьев с деревьев, выросших в одном муравейнике. Южные славяне *тайком* смотрели на понравившегося человека через отверстие в рождественском калаче, через пламя свечи, горевшей у изголовья покойника, или сквозь кольцо, снятое с руки покойника, сквозь ветки вишневого дерева и под. В Белоруссии на Русальной неделе девушки, стараясь быть незамеченными, уходили в лес и бросали завитые венки русалкам, чтобы они добыли им суженых, после чего тотчас убегали. Собранный накануне дня Ивана Купалы девясил клали в ладанку и носили на теле не снимая девять дней, после чего незаметно зашивали в платье полюбившейся особе и мн. др. Магические действия были призваны повлиять и негативно на чувства любящих. Так, чтобы посорить супругов или разлучить влюбленных, в Полесье *тайком* закапывали сор под порогом их дома.

Гадания — область таинственного и вместе с тем тайного¹⁹. Наряду со святочными гаданиями, совершаемыми группой девушек (втайне от парней), нередко ворожили и в одиночку, чтобы об этом не знал никто из окружающих. Чтобы увидеть жениха во сне, девушки под подушку прятали вещь, незаметно взятую у возлюбленного, а также первый блин или ложку кутьи с обрядовой трапезы, горбушку с солью, гребешок, горсть овса, собранного при обходе домов. После ужина на Новый год девушки *тайком* собирали ложки со стола и бросали их в колодец, по звукам определяя, будет ли свекровь крикливая. Бросали лапоть с правой ноги в воз с горшками и смотрели: в какую сторону поедет телега, оттуда появится жених. Южные славяне *тайком* от беременной гадали о поле ее будущего ребенка: незаметно посыпали ей голову солью; если после этого она дотронется до носа — будет мальчик, если до губ — девочка.

Народная медицина предписывала совершать многие целительные акты *тайком*, применять вещества, которые добывали незаметно, или природа и происхождение которых должны были оставаться тайной для пациента. Больным лихорадкой подкладывали разные предметы, святыни и пр. (под голову нож, а в ноги топор; под изголовье медвежий череп; нестиранную рубашку женщины после месячных очищений; под голову духовный стих «Сон Пресвятой Богородицы»). Известно множество способов выведения бородавок, которые основываются на тайных действиях. Так, в тайне от других завязы-

вали на нитке столько узелков, сколько на руке бородавок, и закапывали ее в удаленном месте; натирали бородавки солью, смешанной с мукой, и *тайком* отдавали ее нищим²⁰. Некоторые народные приемы избавления от эпилептических припадков предписывали соблюдение строгой тайны, кто именно совершил магический акт²¹.

Тайком, в удалении от дома совершали многие действия по возвращению пропавшего молока (как у кормящей женщины, так и у коровы). Незаметно лечили «от испуга»: больных sprыскивали той водой, в которой побродила опоросившаяся свинья (рус. сибир.), и др.²².

В семейной обрядности тайной были окутаны многие акты свадебного и родильного циклов. Возможным отказом и боязнью огласки объяснялось совершение сватовства *тайком*, в темноте. Не сообщали время выхода сватов; чтобы быть незамеченными сваты запрягали лошадь со двора, ехали «задами», а по приезде останавливались у знакомых или соседней невесты²³. В Болгарии есть регионы, где в состав свадьбы входят две помолвки — тайная и «открытая»²⁴. Смотрины также проходили без огласки, втихомолку, в глухую полночь или после полуночи. Перед венчанием невесте незаметно в обувь клали деньги, чтобы молодые жили богато; жениху — сыпали рис и пшено «от порчи» и пр.

Немало запретов на огласку касалось беременной и новорожденного²⁵. В тайне держали беременность (особенно если ждали мальчика)²⁶, опасаясь сглаза и нечистой силы, которая могла навредить женщине. Долго скрывать беременность, однако, не разрешалось, поскольку полагали, что в таком случае ребенок может родиться немым, глухим или поздно начнет говорить, вырастет нелюдимым, скрытным. В тайне держали и результаты гаданий о поле ребенка; заготавливали пеленки, скрываясь от мужчин.

Соблюдение тайны (даже от членов семьи) — неременное условие благополучного протекания родов: считалось, что за каждого узнавшего о них (особенно это касается девушек) роженица будет мучаться на час дольше. «Впотаях» отправлялся муж за повитухой, выбирая дороги, где встреча с односельчанами маловероятна. Узнавших о начале родов не выпускали из дома, чтобы они не разнесли весть о происходящем; сама роженица пряталась в том помещении, куда никто не входил.

Чтобы не затянулись и не были мучительными роды и чтобы тело ребенка было чистым, без родовых отметин, женщина в конце беременности исповедовалась — рассказывала, у кого и что она брала *тайком*. Это объясняется тем, что на период беременности распространялся строгий запрет на совершение некоторых действий

втайне от других. Будущая мать не должна была рвать *тайком* фрукты, цветы в чужих садах и огородах, есть что-либо в одиночестве и пр. Если кто-либо заставал ее за этим, она могла испугаться и, дотронувшись рукой до своего тела, вызвать появление на теле младенца родимого пятна. Если ребенок рождался с отметиной, мать при купании младенца помещала в корыто тот предмет, который она взяла без спросу, и много раз называла этот предмет вслух. Южные славяне никогда не ели *тайком* от беременной, от этого у нее мог быть выкидыш, народный этикет предписывал угощать женщину всем, что было в доме²⁷.

В тайне сохраняли пол младенца до празднования родин, тщательно утаивали имя младенца до крещения и некоторое время после него, особенно в тех семьях, где «не держатся» дети. У сербов Скопской котлины крестный отец молча нес ребенка из церкви и не называл его имени, пока не положит в колыбель, иначе дитя умрет или его ждут несчастья. Если же в семье дети умирали, крестный отец даже на крестинах не сообщал имени; в Македонии известны случаи, когда имя хранили в тайне до венчания. Держалось в тайне и крещение, даже дорога в церковь должна была скрываться — крестные ехали туда окольными путями.

Некоторые тайные действия встречаются и в похоронной обрядности. Так, при погребении незаметно опоясывали умершую женщину в гробу, чтобы ее муж не женился; от тоски по умершему тайком брали горсть земли с могилы и бросали за пазуху и пр.²⁸ Особенно же много действий направлено на добычу «покойнических» предметов, в том числе веревки повешенного и пр., которые считаются исключительно действенными и во вредоносной, и в целительной магии.

Известны календарные обрядовые комплексы, которые оставались тайной для всех. К примеру, русский обряд «троецплатница» представлял собой тайную трапезу женщин, по окончании которой хозяйка *тайком* от других пускала скатерть с костями съеденной курицы в воду²⁹. Не сообщая никому о своих намерениях, заготавливали майское деревце, срубали дерево для рождественского полена *бадняк*³⁰ и пр. В Полесье на Русальной неделе девушки разжигали *тайком* от парней свои костры и прыгали через огонь. Календарные молодежные ритуальные бесчинства (масленичные, троичные и пр.) совершались глухой ночью и тайком от односельчан³¹.

В хозяйственной магии тайна сопровождала действия, связанные с первым урожаем, приплодом, изготовленным предметом и

пр., а также с началом³². Тайком взятый с Пасхального стола хлеб рекомендовалось завязать при жатве в первый сноп, что гарантировало отсутствие мышей в доме весь год. Жницы незаметно опоясывались колосьями из первого снопа, чтобы не болела спина. Первое молоко *тайком* выливали в реку, а посуду для молока относили в муравейник, чтобы «овцы плодились, как муравьи»³³.

Много тайных действий совершалось, чтобы велась скотина и плодилась птица. Верили, что если взять тайком мужскую шапку, положить в нее яйца и отнести под наседку, то из каждого вылупится цыпленок, причем все в одно время. При покупке скота покупатель незаметно от продавца брал со двора кусок навоза, чтобы скотина пришлась ко двору³⁴.

Не перечисляя всех актов, которые нужно было в магических целях совершать тайком, отметим разрозненные сведения, которые демонстрируют и подтверждают силу сакральности тайных действий в традиционной культуре и прочное их бытование в ее рамках. Эти ритуалы основаны на разных механизмах магической аттракции, различия в их функциональной направленности велики, но требование к «незамеченности» их исполнения обязательно. Так, белорусские шинкари, чтобы привлечь к себе покупателей и приучить их к пьянству, незаметно отрезали веревку, которая волочилась за телегой, и подбрасывают небольшие кусочки в рюмку с водкой— тогда человека всегда будет тянуть выпить³⁵. *Тайком* выводили тараканов из дома, незаметно подбрасывали самого крупного в чужой дом; чтобы при шитье не потели руки, нужно было незаметно подержаться за торбу нищего; для отыскания вора подбрасывали деньги под церковные двери и многое др.

Народная мораль требовала раскрытия тайных грехов. В случае засухи искали и выкапывали *тайком* погребенного приспанного младенца; в Болгарии у капанцев при засухе пожилые женщины тайно от всех выметали пепел из печи в доме, где живет невенчанная пара или где жена изменяет мужу, и вместе с помелом бросали его в воду или закапывали в тайном месте. Верят, что за скрытый грех Бог накажет виновника и его окружающих, поэтому считается необходимым оповещать о нечестности невесты³⁶, о рождении внебрачного ребенка и пр. Свадьбы-*самокрутки*, *самоходки*, *убегом*, *уходом*, тайное венчание без благословления родителей требовали примирения с родителями и принятия невесты в доме жениха. Если венчание совершается тайком, ритуалы свадебного цикла сокращаются и сводятся к принятию невесты в доме жениха.

Тайное благодеяние ставится намного выше, чем явное, и считается самым угодным Богу. *Тайная (потаенная) милостынька*³⁷ в поминальной обрядности восточных славян состоит в раздаче одежды и пищи в течение 3–40 дней в темное время суток в три самых бедных дома, в 40 домов одиноким женщинам и т. д. Милостыню передавали в специальное окошко или оставляли снаружи у окна или дверей, у колодца, на церковном крыльце. Нашедший такие дары знал, что нужно помолиться за безымянного. Считалось, что за такую милостыню Бог простит самых отъявленных грешников³⁸. В случае самоубийства или насильственной смерти родственники тайком бросали милостыню в девять дворов. Тайную милостыню раздавали и в Светлую неделю, когда церковные поминовения были запрещены. У старообрядцев Сибири тайную милостыню раздавали не только за упокой, но и за здравие³⁹, а в старообрядческих селах Румынии для поминовения похороненных без церковного обряда в 9 дворов бросали деньги, помещенные в спичечные коробки (соб. зап.).

Считалось, что «профессионалы» (знахари, колдуны, ворожеи, кузнецы, пастухи, повитухи и пр.) обладают тайным знанием, которое они скрывают от всех. Заговор оказывался действенным только в том случае, если знахарка никому не сообщала слов формулы. Верили, что знахарское знание нужно «украсть», подслушав заговоры, хотя существует мнение, что «украденные» слова могут не подействовать. Болгары полагали, что любое знание надо хранить в тайне, но потом его обязательно надо передать кому-нибудь. Перед смертью «знающие» должны раскрыть тайну, передав свои знания кому-либо, чтобы облегчить агонию. Верили также, что если человек умрет, не поведав тайных сведений, то в доме будут несчастья⁴⁰.

Добытчики — охотники и рыбаки, отправляясь на промысел, старались уйти из дома незаметно — только в этом случае они могли рассчитывать на удачу.

За пределами этой статьи остался ряд фактов традиционной культуры, касающихся поиска кладов; сообщения тайны умершими, явившимися во сне; сокрытия информации в детской культуре и пр. Однако исследованные факты позволяют говорить о типичных чертах традиционной культуры и о некоторых механизмах сакрализации ее компонентов.

Прежде всего, следует отметить аксиологическую амбивалентность⁴¹ ее компонентов: так, *тайком* может располагаться на противоположных сторонах шкалы ценностей. Соблюдение тайны необходимо и для нанесения вреда, и наоборот, для совершения доброго

дела. Кроме того, анализ всего словообразовательного гнезда в рамках грамматики обрядовых текстов позволяет увидеть связанность и взаимопроникновение различных тематически выделенных сфер, как конкретных (колдовских приемов, гадательных актов и др.), так и абстрактных (понятий о грехе, наказании и др.). И, наконец, анализ этого компонента словаря традиционной культуры позволяет увидеть важнейший принцип функционирования традиционной обрядности, впервые отмеченный Н. И. Толстым, — усиление сакральности путем «нанизывания» синонимических компонентов (обстоятельства *тайно*, в темноте, в отдалении, в «тайное время» и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1996–2009. Т. 1–4. Т. 5 находится в печати.
- 2 О грамматике обряда см. *Толстой Н. И.* Грамматика обряда // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 63–77.
- 3 См.: *Толстая С. М.* Кража // Славянские древности. Т. 2. С. 640–643
- 4 «На славянской почве ближайшее родственное образование о.-с. **tat* с и.-е. **ta-ti-s* — «вор». И.-е. база *(s)*ta-i-* (с неустойчивым *a-*) — «делать что-л. тайно», «утаивать», «воровать»... Ср. др.-ирл. *taid* — «вор»... греч. τήτῳ «лишаю, отнимаю, граблю» (*Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 2. С. 224).
- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4. Т. 1. С. 242.
- 6 *Плотникова А. А.* Покойницкие предметы // Славянские древности. Т. 4. С. 124–127.
- 7 Взятое *тайком* у девушки ожерелье используется для купания больного ребенка. Затем украшение возвращается хозяйке (Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002. С. 264).
- 8 *Толстая С. М.* Обман, ложь // Славянские древности. Т. 3. С. 457–460.
- 9 *Даль В. И.* Словарь... Т. 3. С. 599.
- 10 Подробнее о концепте греха в традиционных представлениях славян см.: *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 422–440.

- 11 В Болгарии известен обычай тайного «переноса» греха на вербу: рассказывают, что невесты, потерявшие девственность, целуют вербу, чтобы на нее перешли все несчастья (Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993. С. 219).
- 12 Седакова И. А. Оповещение // Славянские древности. Т. 3. С. 551–552.
- 13 Левкиевская Е. Е. Отбирание молока // Славянские древности. Т. 3. С. 584–588.
- 14 Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. СПб., 1994. Вып. 28. С. 188.
- 15 Строители как «профессионалы» обладают тайными знаниями. Кроме того, они могут вызвать засуху, тайком взяв из дома беременной метлу, которой она выметает золу из печи, и спрятав ее в реке (Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985. С. 237).
- 16 Иванов В. В. Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие и культурные роли. М., 2003. С. 422–436.
- 17 О любовной магии см.: Топорков А. Л. Любовная магия // Славянские древности. Т. 3. С. 154–158; Тодорова-Пиргова И. Баяния и магии. София, 2003. С. 461–471.
- 18 *Кали сабраць сем капель свайго поту й ціцком даць іх выпіць камунебудзь, та ён будзе нас кахаць да яцце як, будзе так кахаць, што ё жытки не пашкадуе, каб тольки й мы яго кахали* «Если собрать семь капель своего пота и тайком дать их выпить кому-нибудь, он будет нас любить, да еще так, что жизни своей не пожалеет, лишь бы и его любили» (Сержпутоўскі А. Русальная нядзеля. Прымкі і забабоны беларусаў-паляшukoў. Мінск, 2009. С. 307).
- 19 Подробнее о гаданиях см.: Виноградова Л. Н. Гадание // Славянские древности. Т. 1. С. 482–486.
- 20 Сборник за народни умотворения (СБНУ). София, 1905. Т. 16–17. С. 272.
- 21 Сержпутоўскі А. Русальная нядзеля... С. 339.
- 22 Седакова И. А. Грудное молоко как мифологема (на материале болгарской народной традиции) // Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда / Отв. ред. Н. В. Злыднева. М., 2011. С. 77–90.
- 23 Русские. М., 2003. С. 476.
- 24 Узенева Е. С. Болгарская свадьба: Этнолингвистическое исследование. М., 2010. С. 18.

- 25 Тема тайны, таинственного в родильной обрядности подробно раскрыта в монографии: *Седакова И. А.* Балканские мотивы языке и культуре болгар. М., 2007. (По указат.).
- 26 Родопи. Традиционна народна духовна и соционормативна култура. София, 1994. С. 121.
- 27 *Седакова И. А.* Балканские мотивы... С. 67–72, 76–79.
- 28 *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 169.
- 29 *Зеленин Д. К.* Избранные труды. М., 1994. С. 107–108.
- 30 *Толстой Н. И.* Бадняк // Славянские древности. Т. 1. С. 127–131.
- 31 *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М., 2002. (По указат.).
- 32 *Валенцова М. М., Седакова И. А.* Первый–Последний // Славянские древности. Т. 3. С. 674–679; *Валенцова М. М., Узенева Е. С.* Начало–Конец // Славянские древности. Т. 3. С. 372–376.
- 33 Капанци. С. 252.
- 34 *Журавлев А. Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994. (По указат.).
- 35 *Сержпутоўскі А.* Русальная нязделя... С. 344.
- 36 *Гура А. В.* Брачная ночь // Славянские древности. Т. 1. С. 257–261; *Кабакова Г. И.* Девственность // Славянские древности. Т. 2. С. 35–36.
- 37 Здесь термин обрядового акта, возможно, частично восстанавливает и семантку церковнославянского слова *тайный* ‘таинственный, духовный’ (*Седакова О. А.* Церковнославянские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005. С. 352).
- 38 Русские. С. 525.
- 39 Русские. С. 716.
- 40 СбНУ. София, 1963. Т. 51. С. 202.
- 41 Об аксиологии народной культуры писали многие этнолингвисты, особенно в рамках Люблинской школы. Из последних московских работ см.: *Плотникова А. А.* Амбивалентность оценки в традиционной культуре (на материале словаря «Славянские древности») // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 252–260.

Sedakova I. A.

Semantic, Magic and Ethic Dimensions of One Predicate
of the Traditional Culture of Slavs: *SECRETLY (SECRET)*.

The article deals with the analysis of one of meaningful elements of traditional culture (taikom — by secret): the author reveals its structural and semantic connections, defines the spheres of relevance and specifies its axiological parameters.

Key words: *ethnolinguistics, ethics, value, family rituals, magic, sorcery.*

А. Е. Тунин
(Москва)

Новогреческие загадки о солнце: античные, балканские и славянские мотивы

В статье рассмотрены и проанализированы основные мифопоэтические признаки, которые получает Солнце в новогреческих загадках. Часть образов может быть прослежена вплоть до античности, некоторые представлены в южнославянских и балканских традициях, а некоторые могут быть новогреческими инновациями.

Ключевые слова: *греческий фольклор, балканский и славянский фольклор, балканистика, загадки.*

Загадка вызывает неизменный интерес исследователей с самого зарождения фольклористических исследований. Однако, как ни удивительно, до сих пор практически нет публикаций на русском языке¹, посвященных загадкам новогреческой традиции, и тем более в стороне остается проблема интертекстуальных связей греческих загадок со славянскими и турецкими. Данная работа является попыткой анализа новогреческих загадок о Солнце в сравнительной балканской перспективе. Материалом для исследования послужили народные загадки, опубликованные в книге «Сокровищница новогреческих загадок» («Θησαυρός νεοελληνικών αινιγμάτων»)², выдержавшей с момента выхода в 2000 г. уже два переиздания.

Этот сборник, как пишет во вступлении его составитель Х. Хатзитакис-Капсомену, был подготовлен, с одной стороны, с целью систематизировать и объединить под одной обложкой новогреческие загадки, собиравшиеся и публиковавшиеся в течение многих лет в различных и по большей части труднодоступных для ученых изданиях, с другой стороны — обратить внимание исследователей на этот малый жанр фольклора, остававшийся и остающийся в тени. При составлении сборника был учтен положительный опыт создания подобных сборников для других традиций, в том числе сборника английских загадок, составленного А. Тейлором³, и фундаментального сборника турецких загадок, составленного Башгезом и Титце в 1973 г.⁴

В сборник вошло всего около 6500 текстов загадок из более чем 100 опубликованных фольклорных источников XIX–XX вв. и

из материалов фольклорных архивов Салоникского университета и Центра исследования греческого фольклора (Κέντρο Ερεύνης της Ελληνικής Λαογραφίας). Территориально этот своего рода тезаурус охватывает всю Грецию, в том числе Понт, Кипр и части территорий Македонии, Фракии и Эпира, являющиеся в настоящее время территориями других государств.

В данной статье материалом для сравнительного анализа послужил ряд сборников болгарских и македонских⁵ загадок⁶, а также уже упоминавшийся сборник турецких загадок, который сопоставим с греческим по степени репрезентативности.

Всего в сборнике Хатзитаки-Капсомену зафиксировано 10 текстов загадок с отгадкой «ήλιος» *солнце* в 99 вариантах; а также целый ряд загадок с отгадками «ήλιος και φεγγάρι» *солнце и луна* (4 текста, 17 вариантов); «ουρανός, άστρα, ήλιος και φεγγάρι» *небо, звезды, солнце и луна* (2, 7); «ουρανός, ήλιος και φεγγάρι» *небо, солнце и луна* (1, 1), что подтверждает исключительную важность и актуальность Солнца в новогреческой картине мира.

Среди представлений о солнце, отраженных в загадках, одно из важнейших мест занимают, как кажется, универсальные признаки дневного светила — его **единичность** и **цвет**, через которые оно загадывается в одном из «основных» текстов загадок о Солнце (32 фиксации, то есть почти ровно треть из общего числа загадок с отгадкой солнце):

Ενα ταψάκι βούτυρο ούλο τον κόσμο αλείβει (Ηλιος)
'Один кусочек⁷ масла весь мир маслит (Солнце)' (170.2δ)⁸.

Цвет солнца в греческой традиции чаще всего загадывается с помощью кода⁹ продуктов питания, помимо масла в загадках мы нередко видим сравнение денотата с медом:

Απάνου 'ς το σπίτι μας έναν τσουκάλι μέλι (Ηλιος)
'Над домом нашим горшочек меда (Солнце)' (170.4).

Сравнение «Солнце-мед» является не просто цветовой характеристикой, здесь очевидны более глубинные мифологические аллюзии. Так, этот образ можно рассматривать в контексте кратких припевок, обращенных к солнцу, в которых Политис видит рефлексы древнего почитания этого светила и отголоски бескровных жертвоприношений:

Έβγα, ήλιε, να λιαστώ,
 και κουλλούρια σου βαστώ,
 με το μέλι, με το γάλα,
 με τη σιδεροκουτάλα
*‘Выйди, Солнце, чтобы я погрелся,
 Выношу тебе бублики,
 С медом, с молоком,
 С железной ложкой’¹⁰*

Сладости с медом и молоком, упомянутые в припевке, используются в Греции в обрядах, связанных с мойрами и nereидами. Мойрам готовили угощения из меда, сладкой выпечки, вина и воды, чтобы «подсластить мойр», и они предсказали хорошую судьбу младенцу¹¹. Медом же греческие хозяйки задабривают nereид, на островах Эгейского моря их призывают для помощи в гаданиях, забрасывая сладости на крышу дома. С другой стороны, для защиты от nereид, божеств водной стихии, используются аполитические словесные формулы, содержащие 'мед' и 'молоко': «Μέλι και γάλα!» *‘Мед и молоко!’*, «Μέλι και γάλα στα φτερά σας!» *‘Мед и молоко на ваши крылья!’*¹². Отметим, что концепт сладкого чрезвычайно релевантен для славянобалканской картины мира. Так, известны южнославянские жертвоприношения меда и сладостей духам болезней и другим духам, которых, кстати, именуют «сладкими, медовыми»¹³.

Подношения Солнцу сладостей и меда упоминаются и у древнегреческих авторов¹⁴. Главк¹⁵, сын Миноса и Пасифаи (дочери *Гелиоса*), согласно Псевдо-Аполлодору, утонул в кувшине с *медом*¹⁶, Миносу же было предсказано, что только тот, кто подыщет наилучшее сравнение для трехцветной («τριχρόματον») коровы, которая бродит в его стаде, сможет вернуть ему сына. Полиид сравнил ее с цветом спящей ежевики (или шелковицы, «βάτου») и в итоге смог воскресить Главка с помощью травы, которой, как он увидел запертый Миносом в пещере, одна змея воскресила другую, убитую Полиидом до этого. Образ трехцветной коровы, меняющей цвет, можно связать с египетским соляным быком Бухисом греко-римского периода, который жил в Гермонте и менял свой цвет каждый час¹⁸. Такие перемены цвета священных быков — это проявление символики плодородия, и связаны с годовым календарным циклом¹⁹.

Второй важный компонент образа «солнце–горшочек меда» — сам сосуд, в котором находятся мед или масло, мы видим в греческих

этиологических легендах, в которых говорится о том, что солнце, луна и звезды некогда были единым небесным огнем, который Бог впоследствии налил в две большие глиняные миски (солнце и луна) и многочисленные блюдца (звезды)²⁰.

Близкие к рассматриваемой модели «единичности применительно ко всему миру» тексты мы видим и в сопредельных южнославянских традициях:

Од едно огниште цел свет се греит (Сонцето на небо),
 ‘От одного очага весь мир греется (Солнце на небе)’ (Цепенков 1972: 62)²¹;

Една свещ а на цял свят свети (Слънцето),
 ‘Одна свеча на целый мир светит (Солнце)’ (Стойкова 1984: 83).

В славянской традиции в рамках той же самой модели может актуализироваться другое важное свойство солнца — его светоносность, однако балканским славянам известны и сравнения солнца с медом и маслом, например:

Една капка мед по сичкио свет (Слънце),
 ‘Одна капля меда по всему свету (Солнце)’ (Стойкова 1984: 87)²².

В турецкой традиции известны типологически схожие тексты из северо-восточной Турции, однако солнце сравнивается с сахаром:

Bir avuç şeker, dünyaı eker
 ‘Одна горсть сахара, весь мир осypает’ (Солнце) (738.35)²³.

В этом случае денотат получает несколько иную цветовую характеристику, которая в некоторых случаях дополняется признаком «теплоносности», и солнце загадывается как нашатырь²⁴.

Использование пищевого кода для загадывания цвета солнца, свойственное балканским традициям, может быть обусловлено универсальным представлением о солнце как об источнике плодородия. Также в реалиях и предикатах, связанных с едой и кодирующих солнце, можно усмотреть и отголоски языческого поверья, зафиксированного в древнерусских летописях: «съедаемое» солнце, то есть солнечное затмение, — верный признак грядущего несчастья, в том числе для представителей княжеского рода, вплоть до смерти²⁵.

Интересна и еще одна тема, которую можно обнаружить в древнерусских рукописях и вместе с тем в новогреческих загадках, — это соотношенность солнца и солярных божеств с княжеским родом, о которой пишет А. Н. Робинсон, то есть с идеей власти. Это одна из мифологем, находящихся свое отражение и в новогреческих загадках:

Ένα σκουτελάκι μέλι κυβερνά την οικομένη (Ηλιος)
‘Мисочка меда правит Вселенной (Солнце)’ (170.3).

«Царственность» солнца, являющаяся, возможно, рефлексом древнего солярного культа²⁶, получает в синхронии мотивировку прозрачной этимологией ηλιοβασίλεμα ‘закат солнца’ ← βασιλεύω ‘царствовать’²⁷. Имплицитно выражена идея власти в другом мотиве, соотносящем Солнце со столицей византийского, а потом и османского, мира, Константинополем-Стамбулом:

Πετεινός σαλαβρακάτος και σιδηροπουδαράτος όλα τα νησιά γυρίζει
 και την Πόλη τριουρίζει (Ηλιος),
‘Грязный, железноногий петух-простак²⁸ все острова обегает, на Константинополь трижды мочится²⁹ (Солнце)’ (170.5);
 В Стамбол са пиляф вари, тука му миризмата дохуда (Слънцето),
‘В Стамбуле плов варится, досюда запах доходит (Солнце)’ (Стойкова 1984: 128)³⁰;
 İstanbulda bir kavak dikildi, ucu buraya yıkıldı,
‘Тополь был посажен в Стамбуле, его верхушка здесь упала’ (Солнце) (738.9).

Мы переходим к еще одному мотиву, который усматривается в приведенной выше новогреческой загадке Солнце: «все острова обегает». Тема путешествия *по островам* является краеугольной для греческой культуры вообще, поскольку «в большой степени именно они формируют «великий греческий мир» *το μέγα πανελλήνιον*»³¹ с центром в Константинополе, или просто Городе (η Πόλη).

Образ обходящего весь мир солнца, тему **движения** мы видим и в следующей загадке, обыгрывающей особенности перемещения светила по небу:

Γυρίζει κόσμο και ντουινιά, σε θάλασσα και σε στεριά, κι από βουνό
 γκρεμίζεται, πέφτει και δεν τσακίζεται (Ηλιος),

‘Ходит по миру, по свету, по морю и по суше, с горы скатывается, падает и не разбивается (Солнце)’ (170.6).

В мифологическом контексте можно предположить, что гора, с которой скатывается Солнце — это мировая Гора-Небо, связанная с целым комплексом архаичных представлений о горе как об одной из трансформаций мифологемы мирового древа³². Солнце в этом случае движется не просто сверху вниз, но из мира горного в мир дольный, царство мертвых, из которого однако выходит невредимым («не разбивается»).

Та же особенность Солнца, заключающаяся в его неустанном движении по небосводу, находится в центре внимания любопытной кипрской загадки, содержащей целый ряд мифологических образов:

Η αίγια μου ημίταινα, η σιντισιντομίταινα, φορεί πετσίν, φορεί λουρίν,
φορεί το πετροκούδουνο, εφτά θάλασσεσ ετρέξεεν, το πόδι της δεν έβρεξε
(Ηλιος)

‘Козочка моя «μίταινα»³³, очень-очень «μίταινα», носит шкуру, носит пояс, носит каменный колокол, семь морей обежала, ноги не замочила (Солнце)’ (170.9α’).

Каменный колокол можно сопоставить с громом и молнией — излюбленным оружием Бога-Громовержца индоевропейцев³⁴, нередко получающего некоторые солярные признаки и функции в локальных индоевропейских традициях, а шкура и пояс, которые носит козочка, находят свою аналогию уже в древнегреческих мифах: Геракл, обладающий целым рядом признаков солярного героя, носил вместо доспехов шкуру убитого им Немейского льва и добыл в одном из своих подвигов пояс Ипполиты, символ власти над амазонками. Отличается архаичностью и клишированное обозначение всего мира — «семь морей».

Крайне важным преломлением универсального мотива о «всемогушестве» и «всевидении» Солнца и солнечных лучей является их магическое свойство преодолевать все замки и затворы:

Κλειδώνω, μανταλώνω, τον κλέφτη μέσα βρίσκω (Ηλιος)

‘Закрываю на ключ, запираю на засов, вора внутри нахожу (Солнце)’ (170.18’).

Этот тип загадки о солнце наиболее популярен в Греции (50 вариантов в сборнике Капсомену). Этот же текст с незначительными вариациями известен балканским славянам и туркам:

С' имав една одаја; ја затворив катанец по катанец; кога влегов, си најдов, си најдов харамија (Солнце),

'Была у меня комната, запер ее на все замки, когда вошел, нашел, нашел у себя вора (Солнце)' (Пенушлиски 1969: 203);

Karı kapalı, bacası kapalı, yine evde hırsız var,

'Дверь закрыта, труба [каминная] прикрыта, но снова дома вор' (Солнце) (738.33).

Как видим, в данном случае загадывается не собственно светило на небе, а его свет, например, пятна солнечного света на полу в закрытой комнате³⁵. Подобный образ «солнце-лучи», выраженный здесь имплицитно, в турецкой традиции получает особое развитие: в наиболее часто фиксируемых загадках о солнце оно кодируется через эффект распространения его лучей:

Çit demeden çalıya düşer,

'Падает на куст без треска (Солнце)' (738.37);

Karı ardına yağ döküldü; silerim, silerim, çıkmaz,

'За дверью пролито немного масла, я тру, тру, но оно не исчезает' (Солнце) (738.45).

Солнце, а точнее солнечный свет, в греческой (и шире, балканской) картине мира оказывается тесно связанным с идеей **зрения**. Солнце кодируется как глаз:

Μ'ένα μάτο μονόματο όλον τον κόσμo βλέπω (Ηλιος),

'Одним глазом одноглазым весь мир вижу (Солнце)' (170.10α').

Это представление (а также глубинная связь Солнца и идеи зрения) является общим для всех балканских народов, причем его корни отслеживаются на древнейшем, общеиндоевропейском уровне.

На Пелопоннесе Солнце зовется «μάτι του Θεού», 'глаз Бога', что находит свои параллели в древнегреческих текстах: «Διὸς ὀφθαλμὸς» 'глаз Зевса' — называется Солнце у Гесиода, «χρυσέας Ἀμέρας βλέφαρον» у Софокла в «Антигоне», представления о том, что Солнце — глаз Зевса, были распространены в среде орфиков³⁶. Эти факты можно сопоставить с эпитетом ведического солярного божества Савитра, который называется «глазом мира». В «Махабхарате» этот эпитет получает другой солярный бог, Сурья. В персидской мифологии солнце считалось глазом Ахура-Мазды и Митры, древние гер-

манцы считали солнце глазом Одина³⁷. Возвращаясь к ведической традиции, стоит отметить, что в гимне Пуруше — мифическому человеку, из частей тела которого был создан мир, говорится, что из «глаза солнце родилось»³⁸.

Если говорить о балканских традициях, то у румын считается, что Солнце и Луна — это глаза Бога; болгары полагают, что у Солнца или множество глаз, или четыре, или два, или один глаз. У греков известна легенда, по которой в ссоре Месяц выколол Солнцу один глаз³⁹. У небалканских славян также известны подобные представления: у поляков и лужичан распространен запрет показывать пальцем на звезды, месяц, солнце, так как таким образом можно выколоть глаза Богу⁴⁰.

Таким образом, древние представления о том, что солнце является божественным глазом, сохранились в целом ряде балканских и славянских традиций, с этими представлениями логически связана мысль о том, что Солнце (а также Месяц и звезды) «все видит», что происходит на свете⁴¹, также широко представленная в греческой и сопредельных традициях.

Греческое проклятие «Να μη σε ἴδῃ ο ἥλιος» ‘чтоб ты умер’ буквально означает «Чтоб тебя не увидело Солнце», то есть сам факт того, что человека не видит Солнце означает то, что он покинул этот мир. Проявляется эта связь и в обрядовых практиках, а также в запретах. В Греции роженице запрещено выходить из дома, чтобы ее «не увидело солнце». Во Фракии говорят, что нельзя оставлять детские пеленки во дворе после захода солнца, однако если это случится, то их следует там оставить до тех пор, пока их «не увидит солнце»⁴².

Небесные светила, свет, с одной стороны, и зрение, глаза с другой, оказываются концептуально связаны и на языковом уровне, как в диахронии, так и в синхронии. Современное ирландское *súil* ‘глаз’ этимологически восходит к той же и.-евр. основе, что и о.-сл. *sъlpъse*, греч. ἥλιος ‘солнце’, лит. *saulė* ‘солнце’, вед. *súvar* (род. п. *súras*) ‘солнце, свет, небо’ и др.⁴³. На уровне синхронии эта связь отражается в идиомах и некоторых семантических переходах (в т. ч. диалектных), напр., в греческом «το φως» ‘свет’ может означать ‘зрение’: «Θάμπωσε πια το φως του παππού από τα γεράματα» ‘зрение дедушки уже тускнеет=слабеет от старости’; глагол «βλέπω» ‘смотреть’ в некоторых диалектах означает ‘светить’; ср. также цаконское «το καντήλι» ‘лампадка, свет, глаз’ при лит. греч. ‘свеча’ и понт. *τζαρανίζω* ‘светить слабым светом, видеть неясно’⁴⁴.

В целом, эту связь идеи солнца и идеи зрения можно рассматривать как частное проявление универсального для архаичной модели мира принципа антропоморфизации космоса (и наоборот, рассмотрение человека как космоса)⁴⁵. Т. В. Цивьян пишет: «Осваивая и классифицируя мир, человек исходит из себя как из точки отсчета, применяя разные критерии, в том числе и критерий *относительности/абсолютности*...» Человек вводит в свою классификацию критерий абсолютности, которая заключена в его собственном теле, едином, целостном, самодостаточном, заключающем в себе все, что необходимо для творения мира⁴⁶.

Еще одним греческим преломлением антроморфизации солнца можно считать уподобление солнечных лучей ногам. В процитированной выше греческой загадке (170.5) солнце названо σιδηροπούδαράτος 'железноногим', где сравнение с железом⁴⁷ отсылает к свету, испускаемому лучами, а сравнение с ногой описывает форму солнечного луча. Схожий образ мы видим в выражении «ο ήλιος έχει ποδάρια» у солнца есть ноги — так говорят, когда солнце светит из-за облаков и видны его лучи, после полудня или на восходе. Считается, что это предвещает шторм⁴⁸. С ногами же сравниваются лучи закатного солнца в следующей фракийской загадке:

Κόκκινος ποδηματάς ντο ντοίχο ντοίχο πάει (Ηλιος),
'Красный обувщик по стеночке идет (Солнце)' (170.7α').

Метонимический переход нога→обувь→мастер-обувщик типичен для загадки, ср., например, как гриб в загадках может загадываться не только как «человечек в шляпе», но и как «шляпник».

Не менее важной универсалией, проявляющейся в новогреческих загадках, является отмеченность солнца как особого, сакрального денотата. Это проявляется не только в той ключевой роли, которую играют загадки о солнце в комплексе астрономических и онтологических загадок. Иногда загадки о солнце получают в качестве отгадки религиозные понятия, сакральность которых для данной культуры не подвергается сомнению: греческая загадка об «одноглазом Солнце» зафиксирована в Эпире с отгадкой «Χριστός Παντοκράτορας στον θόλο της εκκλησίας» Христос-Пантократор в куполе церкви:

Μ'ένα μου μάτι μονόματο, όλον τον κόσμο γλέπω,
'Одним своим глазом одноглазым весь мир вижу' (463β').

Типологически схожая ситуация наблюдается в турецкой традиции, где загадка о солнце может иметь отгадки «Коран» или «Кааба»:

Nar tanesi, nur tanesi⁴⁹, gök yüzünün bir tanesi,
‘Ягодка граната, зерно света, одно такое на небесах’ (Солнце)
 (738.14); ср.:
 Nar tanesi, nur tanesi, dünyaların bir tanesi,
‘Ягодка граната, зерно света, одно такое в мире’ (Кааба) (110с).

Важным в характеристике солнца, несмотря на его единичность и специфические свойства, является его сопоставление с луной, и загадок о двух светилах в новогреческой других традициях немало:

Τα δύο καλά στεκούμενα, τα δύο συμπερπατούμενα, τα δύο που δεν εμοιάζουν, τα δύο που δεν ταιριάζουσιν, έναν το άλλον τρέχουσιν και δεν μπορούν να φτάσουν (Ἥλιος και φεγγάρι),
‘Два хорошо стоящие, два вместе идущие, два не похожих, друг другу не пара, друг за другом бегут и не могут догнать (Солнце и луна)’ (171.1α’);
 Ένα πιατάκι λάδι ούλο τον κόσμο πιάνει κι ένα πιατάκι ξύδι ούλο τον κόσμο χύνει (Ἥλιος και φεγγάρι),
*‘Одна тарелочка масла весь мир маслит, одна тарелочка уксуса весь свет смачивает (Солнце и Луна)’*⁵⁰ (171.2).

И если первая загадка загадывает не столько собственно Солнце и Луну, сколько элементарную космогоническую оппозицию вообще (зафиксированы отгадки «небо и земля» и «день и ночь»)⁵¹, то вторая раскрывает суть оппозиции: солнце греет, а луна нет, хотя и обладает такой же формой, цветом, единичностью и всеохватностью. То же противопоставление по признаку теплый-холодный мы видим в понтийском тексте, неизвестном другим грекам, но широко представленном в турецкой традиции:

Απές ‘ς έναν τηγανόπον είναι δύο οψαρόπα: τ’ έναν χλιόν, τ’ άλλον κρύον (Ουρανός, ήλιος και φεγγάρι),
‘На сковородке две рыбины: одна теплая, другая холодная (Небо, Солнце и Луна)’ (456); ср. с
 Bir tavada iki balık: biri sıcak, biri soğuk,
‘На одной сковороде две рыбы: одна горячая, одна холодная’ (Солнце и луна) (869.3).

В то же время, в обобщающих астрономических загадках, отгадкой для которых служит небо со всеми объектами, на нем расположенными (солнцем, луной, звездами), солнце и луна сопоставляются по признакам цвета, относительного размера и ценности:

Ούλος ου κάμπους μι τα λουλούδια για δύο πιτόνια αξίζ'νι ούλα (Ουρανός, άστρα, ήλιος και φεγγάρι),
'Вся долина в цветах, две дыни всех [цветов] стоят (Небо, звезды, солнце и луна)' (452.18').

Подобное амбивалентное сопоставление солнца и луны известно и славянам. В славянской традиции зафиксирован текст, близкий к процитированному выше (171.1а'), однако дополнительно в нем присутствует универсальный мотив родственных связей солнца и луны, который в данном случае реализуется в виде отношений брата и сестры или же двух братьев, в зависимости от рода второго компонента отгадки (месечина (ж.р.) или месяц (м.р.):

Брат и сестра ден и ноќ се бркет и не может да се фтасет (Сънце и месечина),

'Брат и сестра день и ночь гонятся друг за другом и не могут догнать (Солнце и луна)' (Каваев 1961: 49);

Двама брата са гонят и дене и ноше и не моят да са стигнат (Слънце-то и месецът),

'Два брата гонятся друг за другом и днем и ночью, и не могут догнать друг друга (Солнце и луна)' (Стойкова 1984: 145).

И у турок мы видим текст, использующий близкую сюжетную модель и сопоставимый по некоторой «размытости», обобщенности денотата с греческим, так как отгадками ему могут служить не только пара «солнце-луна», но и «земля и небо» (862.2), «сон и смерть» (974):

Dünyada iki güzel, biri birinden güzel, biri birine benzer, biri birine bakar,

'[Их] два прекрасных в мире, каждый прекраснее другого, каждый похож на другого, каждый смотрит на другого' (Солнце и луна) (869.4).

Представленная в славянской традиции архаичная универсалия родственных отношений Солнца и Луны известна и новогреческой

загадке, в которой она реализуется в виде матримониальных отношений светил:

Η φοράδα στο Μισίριν τζαί τ'αππάριν εις την Πόλιν εβατεύτηκεν τζαί πιάννει τζαί γεννά τζαί δεν βυζάννει (Ηλιος και φεγγάρι),
'Кобыла в Египте, жеребец в Константинополе. Покрыл [ее], и [кобыла] беременеет, и рождает, но не кормит (Солнце и Луна)'
 (171.4);

Όταν φύγει ο αφέντης κι' απομείνει η κυρά, τα λυχνάκια ένα-ένα μας ανάβει με χαρά. Τι είναι;
*'Когда уходит хозяин и остается хозяйка, она зажигает к нашей радости один за другим светильники. Что это?' (Луна и звезды)*⁵².

Таким образом, для загадывания солнца в новогреческой загадке используется ограниченное число основных сюжетных моделей: солнце на небе загадывается как мотив: «чего-то одного хватает на весь мир», солнечные пятна на полу сравниваются с проникшим в дом вором, движение солнца по небу описывается как путешествие героя по всему свету. Сами темы этих загадок (лучи солнца, солнечный диск) являются универсальными⁵³, однако их реализация в балканских традициях (и в новогреческой традиции в частности) обладает определенной спецификой, корни которой могут лежать в сочетании архаических древнегреческих мотивов с балканскими, при этом некоторые балканизмы сами могут восходить к античности (как например, возможно, связь солнца и меда).

Особого внимания в балканском контексте заслуживают тексты «о солнце-воре» и о «чем-то одном, чего хватает на весь мир», значимость которых в кругу загадок о солнце рассматриваемых традиций может претендовать на звание балканизма. Особая понтийско-турецкая параллель (загадка о солнце и луне как «о двух рыбах») включается в другой пучок изодокс, отдаляющих понтийские загадки от собственно греческих.

В той картине мира, которая реконструируется исходя из энигматического материала, Солнце обладает не только реалистически чертами (солнце светит, источает тепло, оно одно, желтого цвета, расположено на небе), но и целым рядом сверхъестественных признаков: оно всевидяще, обходит, словно дозором, весь мир, в своей антропоморфизированной ипостаси владеет целым рядом магических предметов. Соотнесенность Солнца с идеями царской власти, общий высокий сакральный статус денотата свидетельствуют о раз-

витости солярного культа в прошлом. Известен греческой традиции и универсальный мотив иерогамии в виде брака Солнца и Луны.

На уровне образности общим для греческой и балканославянской традиций является внимание к пищевому коду, а также образ «солнца-вора», последний известен и в турецкой традиции⁵⁴. Особое место занимает в трех рассматриваемых традициях образ Константинополя-Стамбула, столицы двух империй, как центра мира и космогонической точки отсчета.

В то же время, некоторые образы новогреческих загадок могут быть объяснены только в контексте собственно греческой культуры. Среди таких специфических образов можно назвать «мир как острова» и «солнечные лучи как его ноги».

Подводя итоги, стоит сказать, что в новогреческие загадки о солнце особо богаты мифологическими образами, что согласуется с предположением об особой древности и архаичности космогонических загадок (и солярных загадок в частности). Несмотря на то, что большинство используемых мотивов универсальны, среди них можно выделить как возможно восходящие к античности (и дальше, к общеиндоевропейской мифологии), так и, по всей видимости, сформировавшиеся позже, в контексте формирования балканской картины мира, при этом за всеми ними продолжает мерцать новогреческая специфика.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работы же по балканским энигматическим связям на других языках остаются неполными и отчасти устаревшими: *Διαμαντάρας Α. Σ. Τουρκική Λαογραφία // Λαογραφία*, 3. Αθήνα, 1911; *Младенов С. Турско-български упоредици в областта на гатанките // Известия на Народния етнографски музей в София. София, 1927. Г. VII. Кн. I–IV*. С другой стороны, следует учитывать, что в той или иной степени загадки использовались вместе с другими фольклорными материалами во многих позднейших работах по балканистике.
- 2 *Χατζητάκη-Κατωμένου Χ. Θησαυρός Νεοελληνικών Αινιγμάτων*. 3-η έκδοση. Ηρακλείο, 2004.
- 3 *Taylor A. English Riddles from Oral Tradition*. Berkeley; Los Angeles, 1951.
- 4 *Basgöz İ., Tietze A. Bilmece: A Corpus of Turkish Riddles*. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. В данном сборнике, к сожалению, тексты загадок приводятся без соответствующей конкретно этому варианту загадки отгадки на турецком языке, поэтому в дальнейшем тексты из

- этого сборника сопровождаются отгадками только в переводе. Это серьезное упущение составителей, если учитывать, что нередко отгадка фонетически или морфологически определяет текст загадки.
- 5 Вопрос о принадлежности славяноязычного материала с территории исторической Македонии к болгарской или к отдельной македонской традиции в данной работе принципиально затрагиваться не будет, так как на наш взгляд его окончательное решение лежит в сфере политики, а не фольклористики, не терпящей строгих границ и однозначных разграничений.
 - 6 *Каваев Ф.* Народни пословици и гатанки од Струга и Струшко. Македонски народни умотворби. Скопје, 1961. Кн. 3. С. 155–174; *Стойкова С.* Български народни гатанки. София, 1984; *Пенушлиски К.* Пословици и гатанки. Избор и редакција д-р Кирил Пенушлиски. Скопје, 1969; *Цепенков М. К.* Македонски народни умотворби. Книга осма. Пословици, поговорки, гатанки, клетви и благослови. Скопје 1972.
 - 7 Букв. «один маленький противень».
 - 8 Здесь и далее ссылки на цитируемые греческие и турецкие тексты приводятся в сокращенном виде: указывается только номер загадки в соответствующем сборнике (*Χατζητάκη-Κατωμένου Χ.* Θησαυρός...; *Basgöz İ. Tietze A.* Bilmese...), если не указано иное.
 - 9 Применительно к фольклорным, обрядовым, мифологическим текстам понятие кода может относиться к плану содержания (космологический, аграрный, пищевой), к плану выражения (словесный, жестовый) или к трансформации эмпирической реальности в текстах (например, свадебный код в ритуалах календарного цикла или в сказках) (*Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 38). В данной работе используется только первое понимание кода, отнесенное к плану содержания, то есть кода как некоего понятийно-тематического комплекса.
 - 10 *Πολίτης Ν. Γ.* Λαογραφικά σύμμεκτα: Ο Ήλιος κατά τους δημόδεις μύθους / Η Σελήνη κατά τους μύθους και τας δοξασίας του ελληνικού λαού / Οι περί αστέρων και αστρισμών μύθοι. Τ.Β'. Αθήναι, 1921.
 - 11 *Климова К. А.* Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
 - 12 *Климова К. А.* Нереиды в традиционной культуре современной Греции // IX конгресс по изучению Юго-Восточной Европы. Доклады российской делегации. СПб, 2004.
 - 13 *Седакова И. А.* О сладком в языке и культуре болгар // *Etnolingwistyka*. 12. Lublin, 2000. С. 55–65.
 - 14 *Πολίτης Ν. Γ.* Λαογραφικά σύμμεκτα... С. 114.

- 15 Γλαῦκος, имя, встречавшееся уже в микенский период, родственное γλαυκός 'блестящий (в том числе о звездах и луне), сине-серый (о цвете глаз, листьев оливы, плодах винограда)' (*Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940*).
- 16 *Apollodorus, The Library, with an English Translation by Sir James George Frazer, F.B.A., F.R.S. in 2 vol., Cambridge; London, 1921. 3.3.1.* Кук отмечает, что первую часть мифа можно сопоставить с древним погребальным обрядом, предполагавшем сохранение тела в меде и погребение в кувшине (*Cook A. B. Zeus: A Study in Ancient Religion. 3 vols. Cambridge, 1914. Vol. 1. P. 469*).
- 17 Гигин (fab. 136) пишет, что корова (в его изложении теленок) меняет цвет трижды в день, каждые четыре часа с белого на красный, с красного на черный (*Cook A. B. Zeus... P. 470*). Интересно, что тот же мотив смены цвета мы видим в другой новогреческой загадке, с отгадкой ежевика/шелковица: Ἀσπρο το διάζωμα, κόκκινον το φαίνω, μαύρα τα ξυφαίνω (μόυρο ή βατόμουρο) 'Белым готовлю это к тканию, красным тку, черным завершаю [тканье] (ежевика = шелковица)' (387α'). Цветовая гамма новогреческих загадок подробнее отражена в нашей работе (*Тунин А. Е. Цветовой код в новогреческих загадках // Балканский спектр: От света к цвету. Тезисы и материалы. М., 2011*).
- 18 Священный египетский бык Апис также согласно некоторым источникам был пятнистым, хотя большинство характеризуют его как черного, противопоставляя белой корове — его матери (*Vos R. L. Varius coloribus apis. some remarks on the colours of apis and other sacred animals // Egyptian religion: the last thousand years: studies dedicated to the memory of Jan Quaegebeur. Leuven, 1998. P. 711–712*).
- 19 *Vos R. L. Varius... Связь Солнца, цвета и Быка в древнеегипетской культуре является отдельной серьезной темой. Интересно отметить, что образ бога Себека, называемого Властителем Цвета (nb iwꜥ), также имеет целый ряд солярных коннотаций, его лучи — цвета, материализующиеся в виде минералов и растений (*Vos R. L. Varius... P. 716–717*).*
- 20 *Чеха О. В. Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: (этнолингвистический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 89.*
- 21 Для всех сборников загадок, за исключением сборника Пенушлиски, цифра после двоеточия указывает на номер загадки в сборнике, а не на страницу издания. Для сборника Пенушлиски цифра обозначает страницу издания, на которой приведена цитируемая страница.

- 22 Известны подобные тексты и албанцам (*Трнавци Х., Чета А.* Албанске загонетке. Београд, 1981. С. 59).
- 23 К сожалению, в турецком сборнике к каждому варианту загадки не приводится соответствующая именно ему отгадка, отгадка и ее варианты приводится только в заглавии статьи, в которой собраны варианты. По этой причине отгадки к турецким текстам здесь и далее приводятся только в переводе.
- 24 Имеется в виду природный минерал нашатырь, кристаллы от белого до желто-коричневого цвета. При растворении нашатыря в воде выделяется некоторое количество тепла.
- 25 *Робинсон А. Н.* «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978.
- 26 Что в свою очередь связано с позднейшими этапами развития мифологии в обществах, сформировавших развитый аппарат власти и достигнувших некоторого технологического прогресса (обработка металлов, использование колесниц) (*Иванов В. В.* Солярные мифы // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2).
- 27 *Πολίτης Ν. Γ.* Λαογραφικά σύμμεκτα... С. 114.
- 28 Простолудин, букв. «в широких штанах».
- 29 Использование данного цветового образа свидетельствует об антропоморфизации образа Солнца и может быть сопоставлено с выражением «Τον εκατούρησεν ο ήλιος» *Его обмочило Солнце*, так говорили в Мессинии о тех, кто спит, а им на лицо падает свет восходящего Солнца (*Πολίτης Ν. Γ.* Λαογραφικά σύμμεκτα... С. 111). Ср. также χύνει φως ο ήλιος досл. 'льет свет солнце' = 'светит солнце', то есть в данном случае актуализированным оказывается существующее в греческом языке представление о текучей, «жидкостной» природе света, ср. русское *пролить свет*.
- 30 Ту же сюжетную модель «солнце там, эффект здесь» использует другая важная славянская загадка, в который мы видим реализацию в связи с образом Солнца древнейших жертвенных мотивов, для греческой загадки несвойственных: «Вол заклан на ваја планина, крвта му прсна на таја планина (Сонцето)» '*Бык забит на этой горе, кровь его брызжет на той горе (Солнце)*' (*Πενушлиски К.* Пословицы и гатанки. С. 158). Следует отметить, однако, что в греческой культуре зафиксированы родственные представления о кровожадном Солнце. Схожий мотив убийства родных или близких солярными героями встречается и в древнегреческих мифах: Геракл в припадке бешенства убивает своих детей от Мегары, Персей случайно убивает диском своего деда Акрисия, диском же уби-

- вает Аполлон своего любимца Гиацинта (*Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμπεκτα...* С. 121). Более подробно о связях Солнца, скотоводства, жертвы и сопутствующих мотивах в контексте основного мифа индоевропейцев (*Lincoln B. Priests, Warriors and Cattle. Berkeley, 1981; Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1; Толстой Н. И. Еще раз о теме «тучи — говьяда — дождь — молоко» // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994; Sick D. H. Mit(h)ra(s) and the Myths of the Sun // Numen. 2004. Vol. 51. № 4*). Скотоводческие мотивы в образе Солнца-Гелиоса в древнегреческой культуре уже приведены в: *Cook A. B. Zeus...*
- 31 *Цивьян Т. В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006. С. 241.*
- 32 *Топоров В. Н. Гора. Статьи для энциклопедии «Мифы народов мира» // Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 2.*
- 33 Значение не установлено. В других вариантах загадки используется эпитет «μίτισσα», который по мнению Лукаса означает ‘с маленькими глазами’, по мнению же Сакеллариу ‘маленькая’ (*Χατζητάκη-Καψομένου Χ. Θησαυρός...* С. 681).
- 34 В связи с этим стоит отметить, что в одном из вариантов колокол назван «сияющим», λαμπροκοουόναρο (170.9ε’).
- 35 Ср. с одним из славянских вариантов этой загадки, для которого приведена более конкретная отгадка «солнце в доме»: Колко да заключваш, харамията пак внетре (слънцето в къщи) ‘Сколько ни закрывай на ключ, все равно вор внутри (Солнце в доме)’ (*Стойкова С. Български народни гатанки. С. 120*). Балканская природа образа «солнце-вор» подтверждается наличием схожей загадки у албанцев: Mbyllur dyer e penxhere, kusarin brenda e ke (Rrezet e diellit) ‘Закрывают дверь и окна, но разбойник внутри (Лучи солнца)’ (*Трнавци Х., Чета А. Албанске загонетке...* С. 60).
- 36 *Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμπεκτα...* С. 133.
- 37 *Ibid.* С. 134.
- 38 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. С. 820.*
- 39 *Младенова Д. «Глаза» и «зрение» небесных светил: связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // Славяноведение. 2002. № 6. С. 72–73.*
- 40 *Плотникова А. А. Звезды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 294.*

- 41 Из этого следует, что Солнце «все знает». Как в древнегреческой традиции, так и в целом ряде новогреческих текстов у Солнца просят помощи в поисках людей, справляются о том, жив ли близкий человек, а также ищут объяснений необъяснимым явлениям (*Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμπεκτα...*). Именно Гелиос сообщает Гефесту о неверности его жены Афродиты, в гомеровском гимне «К Деметре» к Гелиосу обращается Деметра с вопросом, кто же похитил ее дочь; в «Трахинянках» Софокла героини просят Гелиоса-Солнце рассказать им, где находится Геракл. В акритских песнях спешит сообщить Яннакису о том, что его супругу захватили сарацины. В сказке с Закинфа к Солнцу обращаются со следующим вопросом:

Ἦλιε μου, προσήλιο μου,
 περ μου να ζουν τα μάτια σου,
 ποιά είναι η ομορφότερη γυναίκα του κόσμου;
*Солнце мое солнечное,
 скажи мне, да будут здоровы глаза твои,
 кто самая красивая женщина на свете?*

- В плаче, записанном в области Мани, Солнце спрашивают, «не видело ли оно молодую красавицу» («μην εἶδε μια νια καλή»), а светило отвечает, что видело ее гуляющей в саду Ада и имя ее записано среди мертвых (другие примеры греческой традиции, а также других традиций см.: *Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμπεκτα...* С. 136).
- 42 *Младенова Д.* «Глаза» и «зрение»... С. 73.
- 43 *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968–1980; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, IДДК, 2004 (мультимедийное издание).
- 44 *Младенова Д.* «Глаза» и «зрение»... С. 76, 80.
- 45 Следует отметить, что подобное проявление этого принципа также является универсальным: схожие с балканскими представления встречаются среди семангов, огнеземельцев и бушменов. Самодийцы считают солнце и луну глазом Нума (то есть неба), при этом солнце — добрый глаз, луна — злой (*Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999).
- 46 *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 16; *Топоров В. Н.* О некоторых предпосылках формирования категории поссессивности // Славянское и балканское языковедение. Проблемы диалектологии. Категория поссессивности. М.,

1986. С. 156. Справедливо и обратное из элементов мира создается Первочеловек (ibid.).
- 47 В связи с образом железа стоит отметить, что в одной из сказок, записанных в Смирне, герою, решившему в поисках своей супруги дойти до дома Луны, понадобилась железная одежда, чтоб туда прийти («ως που να πάγη εκεί, χρειάστηκε μια σιδερένια φορεσιά»). Луна, в данном случае представленная мужским персонажем, то Феγγάρι, отправляет героя к своему брату-Солнцу, и чтоб добраться туда, герою пришлось сменить одежду трижды (*Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα...* С. 139).
- 48 *Πολίτης Ν. Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα...* С. 119.
- 49 Эта вводная формула встречается в ряде турецких загадок (помимо приведенных возможны отгадки луна, дождь и наиболее профанная — кошка) и допускает несколько интерпретаций. Nur (с долгой гласной) может быть рассмотрено как ‘свет’, однако маловероятно, что аналогичное nar (с долгой гласной) ‘огонь’, а не ‘гранат’ (*Basgöz İ., Tietze A. Bilmece...*).
- 50 Здесь важно то, что укус холодит кожу, в отличие от масла.
- 51 Индоевропейский мифологический контекст, связанный с реконструируемыми представлениями о небе и земле как о древнейшей супружеской паре, после разъединения которой идея двоичности дублируется уже в пространстве неба как мотив родственных связей Солнца и Луны, см. в (*Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология...*). Там же приведена библиография по теме.
- 52 *Σέττας Δ. Χρ. Αινίγματα από τη Βόρεια Ευβοία με προλεγόμενα. Αθήνα, 1967. С. 17. Цит. по: Чеха О. В. Новогреческая лексика... С. 97. Как видим, в данном случае солнце загадано имплицитно. Греческий текст был приведен без отгадки.*
- 53 Ср., например, балканские загадки о солнце-воре и карельскую загадку «Ikunasta tuloh sisään, ovesta ei piäse (Päivän sätiет)» ‘Через окно заходит, а через дверь не проникает (Солнечный луч)’ (*Лавонен Н. А. Карельские народные загадки / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1982. С. 720*).
- 54 Стоит отметить, что в турецкой традиции соответствующие тексты не приурочены к балканскому региону, как можно было бы ожидать. Однако данный вопрос требует отдельного более подробного изучения.

Tunin A. E.

New Greek Riddles about the Sun:
Ancient, Balkan and Slavic Motives

The article deals with the description and analysis of the main mythic and poetical signs of the Sun in New Greek riddles. A part of images can be traced back to the ancient times, some of them could be found in South Slavic and Balkan traditions and others, perhaps, are New Greek innovations.

Key words: *Greek folklore, Balkan and Slavic folklore, Balkan studies, riddles.*

Т. И. Вендина
(Москва)

К вопросу о пространственно-временной интерпретации славянских лексических изоглосс

В статье исследуется проблема интерпретации лексических изоглосс с точки зрения их временной стратификации. Используя материалы Общеславянского лингвистического атласа, автор предлагает пространственные критерии для их хронологического расслоения.

Ключевые слова: *лингвистическая география, лексические изоглоссы, пространственно-временная интерпретация.*

В лингвистической географии прочно утвердилось представление о том, что карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку **фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени**. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304). Поэтому возможность пространственной визуализации межъязыковых схождений делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

Однако здесь возникает проблема хронологической интерпретации изоглосс, особенно лексических (с фонетическими изоглоссами дело обстоит проще, так как у исследователя есть надежный лингвистический критерий, отсылающий его к достаточно хорошо изученным фонетическим процессам праславянского языка). Между тем интерпретация изоглосс применительно к задачам ареальной лингвистики имеет особое значение, поскольку без нее не могут быть сделаны соответствующие выводы. Но, к сожалению, славистика пока не располагает **надежными** критериями для хронологического расслоения языкового материала. «Закономерности соотношения типов

ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т. е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» (Клепикова 2008: 363).

Как справедливо отмечал Р. И. Аванесов, «из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» (Вопросы 1962: 25).

Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При «декодировании проблематичны, по крайней мере, два момента. С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалологии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой» (Клепикова 2008: 364).

Думается, однако, что выход из этого положения подсказывает сама лингвистическая география с ее пространственными и лингвистическими критериями.

Изучая **типологию восточнославянских ареалов**, представленных в Общеславянском лингвистическом атласе, мы обратили внимание на то, что **один и тот же восточнославянский ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности.**

Иллюстрацией этого наблюдения могут служить следующие ареальные ситуации.

1. Общеславянский контекст

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы существует в общеславянском контексте, т. е. лексема имеет общеславянское распространение, то здесь возможны следующие ареальные сценарии:

1.1. Системный (или сплошной) ареал: лексема равномерно покрывает всю территорию Славии, в том числе и восточнославянский диалектный континуум (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e* т. 5 «Рефлексы *о»; *zem-j-a*, *med-ь*, *sestr-a*, *vesel-ьj-e* т. 6 «Рефлексы е» и др.);

1.2. Разреженный (или дискретный) ареал: несмотря на общеславянский характер распространения лексемы, ее ареал в восточнославянских языках не является плотным, ср., например, распространение праславянской лексемы *ov-ьc-a* к. 5 т. 5 «Рефлексы *о», которая в русских диалектах распространена повсеместно, но имеет ограниченный ареал в украинских (юго-восточных и юго-западных говорах) и белорусских диалектах (небольшие островные ареалы на юге среднебелорусских говоров) или сходный ареал праславянской лексемы *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е» (см. карту-схему 1), которая в украинских и белорусских диалектах имеет лишь островные ареалы, поскольку широкое распространение получила лексема **žen-ьk-a*;

1.3. Разрушенный: ареал праславянской лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других — островным, причем нередко латеральным, ср., например, ареалы таких общеславянских лексем, как *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *oč-i* к. 6 'глаза человека' т. 9 «Человек»; *per-et-ь* к. 30 'стирает' т. 6 «Рефлексы *е»: ареал всех этих праславянских лексем в украинских и белорусских диалектах является плотным, тогда как в русских латеральным: распространение лексемы *večer-j-a* ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими (см. карту-схему 2); лексема *oč-i* имеет ограниченный ареал в южнорусских смоленских и брянских говорах; лексема *per-et-ь* практически не сохранилась в русских диалектах, ее ареалы являются в основном латеральными, они отмечены главным образом в западной группе русских говоров (псковских, тверских, смоленских и брянских). Между тем все эти

лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития (вечѣря 'ужин, вечерняя еда': Приготовиши на вечѣрю брашня на ядь кѣнязю Ж. Феодос. Нест. XII в. СРЯ XI–XVII 2: 130; прати 'стирать, мыть': Достонть ли, рече, испрати платъ Вопр. Кирика 1282 СРЯ XI–XVII 18: 139; око 'глаз': Отъвраштѣи ся ласкавьць льстьныхъ словесъ, яко и врановъ, искалаутъ бо очи ѹмьнѣи Изб. Свят. 1076 СРЯ XI–XVII 12: 327), а некоторые из них до сих сохраняются либо в производных от этих корней (ср. рус. *праѣ-ѣк-а*, *оѣ-ѣк-і*, *вѣсер-ѣп-ѣѣѣ*), либо в качестве стилистически маркированных архаизмов (ср. *оѣ-і*);

1.4. Островной: ареал праславянской лексемы во всех славянских диалектах является фрагментарным, ср., например, распространение лексем *sĕr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских языках является ограниченным.

При этом в интерпретации ареалов этих лексем прослеживаются следующие закономерности: независимо от качества общеславянского ареала (т. е. является ли он системным или асистемным), а также восточнославянского ареала (т. е. является ли он сплошным, дискретным, разрушенным или даже островным), данное языковое явление имеет статус **архаизма**, о чем свидетельствует прежде всего общеславянский характер распространения данной лексемы, а также ее праславянское происхождение.

2. Западнославянский контекст

Если восточнославянский ареал той или иной лексем существует лишь в западнославянском контексте, т. е. языковое явление фиксируется в диалектах восточной и западной Славии и не выходит за ее пределы, то здесь выявляются следующие типы ареалов:

2.1. Системный (или сплошной): картографируемое языковое явление плотно покрывает восточную и западную Славию, ср., например, ареалы таких лексем, как *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 3); *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uš-ѣк-о* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *roč-ѣк-а* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *nož-ѣк-а* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *slov-о* к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; *gor-ѣк-а* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о» и др.;

2.2. Разреженный (или дискретный): ареал картографируемой лексем не является сплошным, однако он является довольно плот-

ным, поскольку лексема представлена во всех восточнославянских диалектах, ср., например, распространение лексемы *kręś-ьk-у* к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и ограниченный в польских, где она распространена в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях; или лексемы *porż-ьn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 4), которая имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и ограниченный в польских и словацких: в польских диалектах она встречается в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях, в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных восточнословацких говорах, граничащих с украинскими; или лексемы *//aj-ьс-о* к. 39 Nsg (j) аје т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских, польских, чешских и словацких диалектах он является ограниченным: в украинских лексема *//aj-ьс-о* имеет островной ареал в восточнополесских говорах; в польских диалектах лексема встречается в основном в силезских говорах; в чешских диалектах она распространена в некоторых лясских и моравских говорах; в словацких диалектах эта лексема имеет дискретные ареалы в некоторых восточно- и западнословацких говорах;

2.3. Разрушенный: ареал картографируемой лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других — островным, причем нередко латеральным, ср., например, ареал праславянской лексемы *volś-у* к. 25 'волосы человека' т. 9 «Человек», которую характеризует плотный ареал в западнославянских, а также в белорусских и русских диалектах, тогда как в украинских диалектах ее ареал является ограниченным, поскольку она «сдала свои позиции» под натиском лексем *volś-ьj-а* и *kos-у*, с которыми она сосуществует нередко в рамках одного и того же диалекта; или ареал праславянской лексемы *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», который является обширным в русских, белорусских и польских диалектах и ограниченным — в украинских (в основном в юго-восточных говорах Левобережной Украины, хотя иногда встречается в полесских, а также в говорах юго-западного наречия, см. карту-схему 5); или ареал лексемы *śьn-ѣd-an-ьj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «До-

машнее хозяйство и приготовление пищи», которая хорошо известна в польских, чешских, лужицких, белорусских, украинских диалектах, тогда как в словацких и русских диалектах она локально ограничена: в русских диалектах лексема встречается в западной группе некоторых южнорусских говоров (смоленских, брянских), а также в отдельных среднерусских (псковских), при этом во всех случаях эта лексема употребляется параллельно с распространенной на всей территории лексемой *za-//utr-ъk-ъ*; в словацких диалектах лексема имеет точечный ареал в западнословацких говорах (п. 208), граничащих с чешскими диалектами;

2.4. Островной: ареал картографируемой лексемы в восточнославянских диалектах является фрагментарным, части этого ареала (субареалы) часто являются изолированными, ср. распространение лексемы *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и обширный в польских: в русских диалектах она формирует островной ареал в западной группе русских говоров (псковских, смоленских), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена значительно шире, особенно в говорах юго-западного наречия, реже — в юго-восточных; в белорусских диалектах лексема имеет небольшие островные ареалы в северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах (см. карту-схему 6); или лексем *kroj-i-tъ, kraj-e-tъ* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые имеют ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и обширный — в польских: в русских диалектах лексема имеет островной ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии; в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в отдельных северо-восточных, среднебелорусских, юго-западных и западнополесских говорах, граничащих с польскими диалектами; в украинских диалектах лексема имеет островной ареал в полесских (пп. 405, 417) и юго-западных говорах (пп. 486, 487); или лексемы *ob-kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 7), которая имеет обширные островные ареалы в украинских диалектах и ограниченные — в русских, белорусских, польских и словацких: в русских диалектах она отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Брян. пп. 811, 813); в белорусских диалектах лексема *ob-kraj-ъc-ъ* имеет более широкий, но также ограниченный ареал, в основном это отдельные пункты в

северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 266, 267), жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий; в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров, языковая система которого является украинской (п. 233);

2.5. Точечный: картографируемое языковое явление имеет лишь микроареалы во всех восточнославянских диалектах. Ср., например, распространение лексемы *na-var-i-tь* к. 46 3sg praes asp perf 'варит' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет точечные ареалы в русских (архангельских п. 577, вологодских п. 612 и подмосковных п. 719) говорах; в белорусских (юго-западных п. 376 и среднебелорусских п. 400) говорах; в украинских (закарпатских говорах п. 465); в польских (в мазовецких говорах п. 287 на границе с Белоруссией), лужицких (п. 235); плотный ареал в словацких диалектах и островной — в чешских (в моравских и ляшских говорах); или лексемы *u-krop-ь* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет ограниченный ареал в восточнославянских и в польских диалектах: в русских диалектах она отмечена в некоторых южнорусских (брянских) говорах; в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 394); в украинских диалектах она встречается в полесских говорах; в польских диалектах лексема имеет островные ареалы в мазовецких и малопольских говорах.

При этом в зависимости от того, каково качество восточнославянского ареала (то есть является ли он системным, дискретным, разрушенным, островным или точечным), а также качество западнославянского ареала (то есть является ли он сплошным или разреженным), картографируемое языковое явление будет иметь разную интерпретацию:

— если восточно- и западнославянский ареалы картографируемой лексемы являются **системными** (то есть она плотно покрывает всю территорию восточной и западной Славии), то это языковое явление может быть интерпретировано как **свидетельство позднепраславянского восточно-западнославянского единства** (см. ареалы, например, таких лексем, как *nož-ik-ь* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *roč-ьk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *slovo* к. 76 'слово' т. 9 «Человек» и др.).

Ареалы этих лексем сформировались, по-видимому, в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты были уже

отрезаны от севернославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Примечательно, что в большинстве своем они представлены словообразовательными деминутивами, которые сами по себе являются вторичными по отношению к своим производящим, что является еще одним доказательством позднего формирования их ареалов. Отсутствие этих лексем в южнославянских диалектах, при том, что в восточно- и западнославянских языках их ареал является плотным, свидетельствует о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянском единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы¹. На существование такого единства указывает и тот факт, что среди **лексем, имеющих общеславянское распространение**, особенно много тех, которые имеют разрушенный **ареал именно в южнославянских диалектах**, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы лексем *он-ъ, он-а, ogn-ъ, ovъs-ъ, pot-ъ, bob-ъ, voj-ъn-a, stol-ъ, dom-ъ, kost-ъ, дъn-o, gor-a, sox-a, nog-a, kopyt-o* т. 5 «Рефлексы *о» или *(j)ež-ъ //ož-ъ, led-ъ, med-j-a, nes-l-ъ, pepel-ъ //popel-ъ* т. 6 «Рефлексы *е»);

— если восточнославянский ареал картографируемой лексемы является **обширным**, а западнославянский ареал — ограниченным (ср. ареал лексемы *pal-ъc-ъ* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек», которая широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в польских и лужицких, тогда как в словацких и особенно в чешских ее ареал является ограниченным), то этот ареал является, скорее всего, **свидетельством поздних междиалектных контактов** (см. также ареалы таких, например, лексем, как *porž-ъn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» *krъž-ъk-у* к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или лексемы *šček-a* к. 3 ‘щека’ т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию восточнославянских диалектов и имеет микроареалы в польских (в основном в новых смешанных говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий); сходный ареал имеет и лексема *brъv-i* к. 11 ‘брови’ в том же томе);

— если восточнославянский ареал является **дискретным**, а западнославянский ограниченным, то это, скорее всего, свидетельствует о том, что эти ареальные связи сформировались довольно **поздно в процессе междиалектных контактов**, в частности, влияния восточнославянских диалектов, прежде всего на польские и словацкие говоры, откуда эти лексемы могли распространяться далее (ср. ареал

лексемы //aj-ъc-о к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

— если же восточнославянский ареал лексемы является **разрушенным** (т. е. она не покрывает всей территории восточной Славии, а нередко и западной), то это свидетельствует о том, что ареал сформировался **после распада позднепраславянского восточно-западнотславянского единства, но до разделения восточнославянских языков** (ср. ареал лексемы *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korъm-ysl-o* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vols-y* к. 25 'волосы человека' т. 9 «Человек»; *žel-od-ъk-ъ* к. 52 'желудок' т. 9 «Человек»). Примечательно, что все эти лексемы засвидетельствованы в памятниках древнерусской письменности (ср. **волось** 'волосы' СРЯ XI–XVII 3: 7; **желудокъ** 'желудок' СРЯ XI–XVII 5: 86; **коромысль** 'коромысло' СРЯ XI–XVII 7: 340; **пустой** 'незаполненный' СРЯ XI–XVII 21: 54; **сънѣданіе** 'пища' СРЯ XI–XVII 25: 248)

— если же восточнославянский ареал лексемы является **островным, а западнотславянский — дискретным** (ср. *kroj-i-tь, kraj-e-tь* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-kraj-ъc-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), то эти ареалы являются **свидетельством контактно-генетического родства восточно- и западнотславянских диалектов. Большинство ареалов сформировалось довольно поздно**, причем в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнотловацких говорах. Ср. распространение лексемы *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или лексемы //aj-ъk-о к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в польских диалектах и ограниченный в восточнославянских и лужицких диалектах: в русских диалектах лексема образует островной ареал в архангельских говорах; в белорусских она имеет дисперсный ареал в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в украинских диалектах у нее отмечен точечный ареал в юго-западных говорах (п. 412); в лужицких диалектах лексема зафиксирована в

единичном нижнелужицком пункте (п. 235); или лексемы *plěv-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в белорусских диалектах и ограниченный — в русских, украинских и польских: в русских диалектах она образует островной ареал в некоторых южнорусских брянских говорах; в украинских диалектах лексема распространена в основном в отдельных пунктах полесских и юго-восточных говоров; в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте новых смешанных говоров (п. 252). Показательно, что все эти лексемы не встречаются в памятниках древнерусской письменности (исключение составляет лишь лексема *kroj-i-tь*, ср. **кронти** 'резать' СРЯ XI–XVII 8: 69 (**а друшка в тѣ поры болшеи кронитѣ корован и сыры**), однако она фиксируется в памятнике уже XVI в.;

— если же восточнославянский ареал лексемы является **точечным** (ср. *u-krop-ъ* к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), а в западнославянских диалектах островным, то этот ареал может быть результатом как междиалектных контактов, так и независимой реализации общего архаического фонда корневых морфем.

Примечательно, что среди лексем, имеющих восточно-западнославянское распространение, сравнительно немного тех, которые имеют собственно праславянское происхождение (например, *pust-ъ, slov-o, vols-y*), и значительно больше поздних производных образований от праславянских основ, в том числе собственно восточнославянских или западнославянских новообразований (ср., например, вост.-сл. *doj-ar-ъk-a, za-bŏd-e-tь, lěj-ъk-a, ob-kraj-ъc-ъ, kraj-ъč-ik-ъ* или зап.-сл. *podъ-večer-ъk-ъ kraj-i-tь, kraj-e-tь* и др.).

3. Южнославянский контекст

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы существует лишь в южнославянском контексте, т. е. языковое явление фиксируется в диалектах восточной и южной Славии и не выходит за ее пределы, то здесь выявляются следующие типы восточнославянских ареалов:

— **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление имеет плотный ареал и в восточнославянских, и в южнославянских диалектах (ср. распространение праславянских лексем *rež-e-tь, rež-i-tь* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 8); *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек»), или только в восточнославянских (ср. ареал таких лексем, как *měz-in-ъc-ъ*

к. 39 'мизинец' т. 9 «Человек»; *po-тъn-i-ть* к. 70 'помнит' т. 9 «Человек»; *zov-e-ть* к. 66 'зовет кого-нибудь' т. 9 «Человек»);

— **разреженный** (или дискретный): ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах не является плотным, однако оно представлено во всех восточно- и южнославянских диалектах. Ср. ареал лексемы *ньkt-ьv-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 10), которая имеет широкое распространение в украинских, македонских, болгарских, хорватских и сербских диалектах, тогда как в русских и белорусских диалектах ее ареал является ограниченным: в русских диалектах она локализуется преимущественно в южнорусских говорах; в белорусских — в говорах юго-западного наречия; в словенских диалектах она отсутствует;

— **разрушенный**: ареал картографируемой лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других — ограниченным. Ср., например, локализацию праславянской лексемы *vъ-kps-ьn-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая широко представлена в русских и сербских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в белорусских, украинских, македонских, болгарских, словенских и хорватских диалектах (см. карту-схему 9);

— **фрагментарный** (или островной): ареал картографируемого языкового явления является ограниченным и в восточно-, и в южнославянских диалектах. Ср., например, распространение праславянской лексемы *ob-ěd-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: она имеет небольшие островные ареалы в восточнославянских диалектах, которые тянутся с северо-востока русских (архангельских и вологодских) говоров через западные белорусские на юго-запад украинских; и точечный ареал в болгарских переселенческих говорах на территории Румынии (п. 167); или праславянской лексемы *žir-ъ* к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая образует островной ареал в русских диалектах (преимущественно в южнорусских), в украинских полесских говорах (пп. 384, 407), дисперсный — в белорусских (в юго-западных, среднебелорусских и северо-восточных говорах) и точечный — в словенских (п. 149).

— **точечный**: картографируемое языковое явление имеет микроареалы и в восточно-, и южнославянских диалектах (в ср. ареал лексемы *pol-u-dьn-a-j-e-ть* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хо-

зайство и приготовление пищи», которая имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Смол. п. 746); в белорусских диалектах она встречается в отдельных пунктах юго-западных, западнopolесских и северо-восточных говоров; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в юго-западных говорах; в болгарских диалектах она зафиксирована в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 145); или лексемы *вълх-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая в русских диалектах имеет микроареалы в среднерусских (Моск. п. 720) и южнорусских говорах (Смол. п. 771); в белорусских диалектах она зафиксирована в некоторых северо-восточных, среднебелорусских и западнopolесских говорах; в украинских диалектах лексема имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 411); в македонских диалектах она отмечена в некоторых говорах Эгейской Македонии (п. 113), а также центральномакедонских (п. 97).

При этом интерпретация картографируемого языкового явления будет разной в зависимости от качества восточно- и южнославянского ареалов:

— если восточнославянский ареал является **системным**, то независимо от качества южнославянского ареала (т. е. независимо от того, является ли он сплошным или разреженным), картографируемое языковое явление может иметь статус **архаизма** (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *rěž-e-tь*, *rěž-i-tь* к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 'лицо' т. 9 «Человек», *měz-in-ьс-ь* к. 39 'мизинец' т. 9 «Человек»). Показательно, что все эти лексемы засвидетельствованы в памятниках древнерусской письменности (ср. **мѣзинець**, **мизинець** 'мизинец' СРЯ XI–XVII 9: 149; **лице**, **лицо** 'лицо' СРЯ XI–XVII 8: 254; **рѣзати** 'режет' СРЯ XI–XVII 22: 135).

Системный, а главное континуальный, характер ареалов этих лексем говорит о том, что перед нами праславянские диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

О том, что данное языковое явление имеет статус архаизма, красноречиво свидетельствует тот факт, что ни один из восточнославянских языков не имеет прямых сепаратных связей с южнославянской языковой группой в целом, а всегда только лишь в контексте с другими восточнославянскими языками. А это значит, что восточно-

южнославянские изоглоссы сформировались в тот период, когда восточнославянские языки еще существовали как единое целое.

— если восточнославянский ареал является **разрушенным**, а южнославянский — дискретным, то языковое явление имеет, скорее всего, статус архаизма, ср., например, ареал праславянской лексемы *vъ-kqs-ьn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», который сформировался также, по-видимому, в достаточно древний период, однако в процессе эволюции славянских языков он подвергся разрушениям (примечательно, что эта лексема зафиксирована в памятниках древнерусской письменности, ср. **вкүсныи** ‘вкусовой’, ‘вкусный’ СРЯ XI–XVII 2: 205);

— если восточно- и южнославянский ареалы картографируемых лексем являются **дискретными или фрагментарными**, то языковое явление может быть как свидетельством архаизма, так и независимого сохранения общего архаического фонда. Ср., например, распространение лексем *nьkt-ьv-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-ъ* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žir-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Примечательно, что из этих лексем только *nьkt-ьv-a* в том же значении встречается в памятниках древнерусской письменности (ср. **ночвы, ночви** ‘неглубокое деревянное корыто округлой формы’ СРЯ XI–XVII 11: 431), тогда как две другие лексемы имеют иные значения;

— если же языковое явление имеет в восточнославянских языках **ограниченный ареал**, а в южнославянских — обширный, то статус этого явления можно определить, скорее всего, как позднюю инновацию. Ср., например, ареал лексемы *neb-o* к. 21 ‘нёбо’ т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию всей южной Славии, в то время как в восточнославянских языках она широко представлена лишь в русских диалектах, а в украинских и белорусских встречается в пограничных с Россией говорах, тогда как в остальных диалектах Украины и Белоруссии получила распространение лексема *rodъ-neb-en-ьj-e*.

Метафорический характер значения этой лексемы, появление ее в памятниках русской письменности не ранее XVII в. (ср. **небо** ‘нёбо’: **И тот Федоръ лежитъ боленъ и небо у него проломило во рту тою волѣзнью** АМГ, I, 271; 1629 СРЯ XI–XVII 11: 17, ср. также: **имать во уста и челюсти и языкъ и небо зовомое лалокъ** Мусик. согл. XVII в. СРЯ XI–XVII 8: 167) свидетельствует о том, что ее ареал в восточ-

нославянских диалектах образовался довольно поздно. Наличие латеральных ареалов этой лексемы в украинских и белорусских диалектах является свидетельством, скорее всего, влияния русских говоров;

— если восточно- и южнославянский ареалы картографируемых лексем являются **точечными**, то это, по-видимому, территориальные величины позднего времени как проявление независимого параллельного развития. Ср. распространение лексем: *pol-u-dьn-a-j-e-tь* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или лексемы *вухъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Примечательно, что обе лексемы в указанных значениях в памятниках древнерусской письменности не встречаются.

В отличие от лексем, имеющих восточно-западнославянское распространение, в этой группе лексических соответствий значительно больше тех, которые имеют праславянское происхождение (ср., например, лексемы *lic-e*, *нѣкт-ьв-а*, *об-ѣд-ь*, *рѣж-е-ть*, *рѣж-и-ть*, *въ-кѣс-ьн-ь*, *žir-ь* и др.).

4. Восточнославянский контекст

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы не выходит за пределы восточной Славии, то здесь наблюдаются следующие типы ареалов:

— **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах (ср. распространение таких лексем, как *skor-o-lup-a*, *skor-o-lup-ьk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *об-ѣд-a-j-e-tь* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 11); *съ-каж-е-ть* к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек»);

— **разреженный**: ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах является дискретным, однако оно представлено в диалектах всех трех восточнославянских языков (ср., например, распространение лексем *рѣн-ьk-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šeg-ь* к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»);

— **разрушенный**: ареал картографируемой лексемы в диалектах двух восточнославянских языков является плотным, а в третьем — островным, причем нередко латеральным. Ср., например, ареалы лексемы *//ѣд-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая име-

ет плотный ареал в русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских он является островным, так как наряду с этой лексемой широкое распространение получили лексемы //ěd-j-a , //ěd-l-o, //ěd-j-en-ŋj-e и sь-trav-a; или лексем *kold-ez-ь*, *kold-ьс-ь* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые плотно покрывают территорию русских и белорусских говоров, тогда как в украинских их ареал в говорах Полесья и Левобережной Украины является латеральным, так как наряду с ней широко распространены лексемы *stud-ьn-j-a*, *stud-ьn-ŋj-a*, *krin-ic-a*, *krьn-ic-a* (см. карту-схему 12). Сходный ареал имеет лексема *pьt-j-ьk-y* к. 55 'почка' т. 9 «Человек»;

— **островной** (или фрагментарный): ареал картографируемой лексемы является ограниченным в одних восточнославянских диалектах и обширным — в других. Ср. ареал лексемы *vorŋ-ьk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая в русских диалектах распространена практически повсеместно, в украинских и белорусских она имеет островные ареалы: в украинских диалектах — в отдельных пунктах среднеподнепровских говоров (п. 510), а также в украинских переселенческих говорах на территории Румынии (п. 171); в белорусских диалектах она локализуется в некоторых северо-восточных говорах, пограничных с русскими диалектами (пп. 328, 335); или лексемы *sь-kaz-ьk-a* к. 77 'сказка' т. 9 «Человек»: она имеет плотный ареал в русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских диалектах у нее отмечены лишь островные ареалы: в белорусских диалектах она локализуется в основном в северо-восточных говорах, а также в некоторых полесских; в украинских диалектах она имеет микроареалы в полесских (п. 445) и в юго-западных говорах (пп. 433, 472); или **когда ареал является островным в диалектах всех трех восточнославянских языков**. Ср. ареал лексемы *syр-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет островной ареал в западной группе южнорусских, а также среднерусских говоров; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами, кроме того, она встречается в некоторых среднебелорусских говорах; в украинских диалектах эта лексема отмечена в некоторых полесских и юго-восточных говорах;

— **точечный**: картографируемое языковое явление имеет микроареал в диалектах всех трех восточнославянских языков. Ср. рас-

пространение лексемы *plěn-ъk-a* к. 31 'пенка' (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет точечные ареалы в русских диалектах (Брян. п. 813); в юго-западных украинских (п. 498); в северо-восточных белорусских (п. 328); или лексемы *še-lup-ъk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах она отмечена лишь в отдельных пунктах южнорусских смоленских говоров; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах и спорадически встречается в среднебелорусских; в украинских диалектах эта лексема имеет точечные ареалы в некоторых полесских говорах.

В интерпретации репрезентируемых этими ареалами языковых явлений прослеживаются следующие закономерности:

— если восточнославянский ареал картографируемой лексемы является **сплошным**, то это свидетельствует о том, что он образовался уже после распада восточно-западнославянского единства, но до разделения восточнославянских языков на русский, украинский и белорусский, т. е. он является древним восточнославянским диалектизмом (ср. ареал праславянских лексем *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *съ-kaž-e-tь* к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек»). Примечательно, что обе лексемы в тех же значениях фиксируются и в памятниках древнерусской письменности (ср. **обѣдати** 'обедать' СРЯ XI–XVII вв. 12:26; **съказати** 'сказать' СРЯ XI–XVII вв. 24: 164);

— если же восточнославянский ареал картографируемой лексемы является **разрушенным, фрагментарным или разреженным**, то это свидетельство его относительно позднего образования, когда имели место разрушительные и созидательные процессы междиалектных контактов (ср. ареал праславянской лексемы *//ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 13); или восточнославянских лексем *vorп-ъk-a* к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и *prost-o-kvaš-a* к.35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

— если же восточнославянский ареал картографируемых лексем является **островным** или **точечным** (при том, что эти лексемы отсутствуют в памятниках древнерусской письменности), то, скорее всего, он сложился довольно поздно в процессе междиалектных контактов (ср., например, ареалы лексем *plěn-ъk-a* к. 31 'пенка' (на моло-

ке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sur-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *še-lup-aj-ъk-a* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pol-u-dьn-ь, pol-ь-dьn-ь* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Таким образом, замкнутый восточнославянский ареал картографуемой лексемы, не имеющей выхода в западную и/или южную Слaviю, является, скорее всего, поздним образованием, тогда как сплошной, мозаичный, разрушенный или разреженный ареал лексемы, имеющей такой выход, может быть интерпретирован и как архаический.

Мы рассмотрели лишь небольшой фрагмент типологии восточнославянских ареалов. Картина существенно усложнится, если принять во внимание более сложные ареалы, когда западнославянский контекст расширяется за счет некоторых южнославянских изоглосс (ср., например, распространение таких лексем, как *mok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 14); *tet-ъk-a*, к. 16 т. 6 «Рефлексы *е»; *сь-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *běl-ъk-ъ* к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žьlt-ъk-ъ* к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *siln-a* к. 20 'слюна' т. 9 «Человек»; *pros-i-tь* к. 68 'просит' т. 9 «Человек» и др.); и наоборот, южнославянский контекст усложнится за счет некоторых западнославянских ареалов (ср., например, локализацию лексем (*j)esень //osenь* к. 20 «Рефлексы *е» или *куп-i-tь* к. 47 'кипит' (вода) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Однако даже этот небольшой материал **убедительно свидетельствует о том, что карта** дает возможность не только выявлять ареальные связи языков/диалектов, но и рассматривать их во временном плане.

Для определения относительной хронологии того или иного **ареала** чрезвычайно важным является не просто его локализация, а **пространственный контекст**, в котором он существует, так как один и тот же ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности. А это значит, что **между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная**

связь. Так, например, системный восточнославянский ареал в общеславянском контексте может служить иллюстрацией праславянских языковых отношений, в западнославянском контексте — позднепраславянских; а вне этих контекстов он является фактом собственной истории восточнославянских языков; или островной характер восточнославянского ареала в общеславянском контексте может быть доказательством праславянского архаизма, в западнославянском или восточнославянском контексте — поздних междиалектных контактов.

Существование различных типов ареалов в славянских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы — это пространственно-временные образования, ибо время — лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. Поэтому разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

Вместе с тем следует отметить, что формально-пространственные признаки ареала не следует абсолютизировать, поскольку наряду с ними активно работают и собственно лингвистические критерии, позволяющие диагностировать относительную хронологию того или иного ареала. Прежде всего — это тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный); наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами; локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп); наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале; характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное), их этимология; характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное) и т. д. (подробнее об этом см. Вендина 2010: 3)

Более того, как показал анализ материала, лингвистические признаки являются приоритетными, так как один и тот же ареал может иметь разный статус в зависимости от типа репрезентирующих его лексем. Так, например, на картах Атласа нередко наблюдается следующая картина: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах, а также в некоторых южно- и западнославянских, ср. распространение лексем:

gov-ed-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских, словенских, хорватских и сербских диалектах, разреженный в украинских и белорусских и точечный в македонских (п. 93), словацких (п. 233) и польских (п. 303);

melz-iv-o, melz-iv-a к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, украинских, чешских и западнословацких диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в белорусских, словенских, хорватских диалектах и точечные в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (п. 238);

sad-l-o к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, чешских и македонских диалектах, имеет разреженный ареал в белорусских диалектах и точечный в украинских (в пунктах, граничащих с русскими диалектами, пп. 445, 849); кроме того, она имеет точечные ареалы в словацких (п. 208) и словенских (п. 11) диалектах;

koryt-o к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 15): лексема имеет обширный ареал в русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских он является разреженным; кроме того, она имеет плотный ареал в словацких диалектах, а также небольшие ареалы в чешских и пограничных с ними польских диалектах; островные ареалы этой лексемы отмечены в некоторых словенских и хорватских диалектах.

Сохранение этих праславянских лексем в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, свидетельствует о том, что их ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

Сходный ареальный сценарий имеют следующие лексемы:

nož-ič-ьk-ъ к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских и белорусских диалектах, разреженный в украинских и чешских, а также островной в польских, словацких и словенских;

съ-met-an-ьk-a к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные и точечные ареалы в некоторых русских, украинских, белорусских, польских, словацких и сербских диалектах; показательно, что именно в этих диалектах в том же значении известна и лексема *съ-met-an-a*, являющаяся производящей для данного деривата;

//*aj-ьč-ьk-o* к. 40 *dem* (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в украинских, бе-

лорусских и польских диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в русских (в западных говорах, граничащих с украинскими и белорусскими) и точечный ареал в словенских диалектах (п. 3).

Производный характер всех этих лексем, являющихся деминутивами от более древних основ (а иногда даже двойным деминутивом, как например, *nož-ič-ьk-ъ*), свидетельствуют о том, что их ареалы являются поздним новообразованием, несмотря на то, что они локализируются в диалектах всех трех славянских языковых групп.

Другой, может быть, даже более показательный пример, являются собой лексемы *сь-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и (*šmal*)-ьс-ь к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Обе лексемы имеют сходные ареалы:

лексема *сь-met-an-a* образует обширный ареал в белорусских, украинских (хотя в основном в говорах Правобережной Украины), чешских, лужицких, западнословацких, словенских диалектах и ограниченный — в русских (в основном в южнорусских брянских, орловских, тульских говорах), в польских (в мазовецких и малопольских говорах), в болгарских (преимущественно в западных и некоторых северо-восточных говорах) диалектах и точечный в хорватских (п. 148а) и в сербских переселенческих говорах на территории Румынии (пп. 168, 169).

Дискретный характер ареала этой праславянской лексемы, локализующейся в диалектах всех трех славянских языковых групп, сохранение первичного этимологического значения 'сливки' свидетельствует о том, что это, скорее всего, осколки архаичного ареала, имевшего ранее более широкие границы;

(*šmal*)-ьс-ь к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко известна в украинских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в чешских, словенских, хорватских, белорусских и русских диалектах она локально ограничена: в чешских диалектах — это островной ареал в ляшских говорах (пп. 197, 207); в словенских диалектах — в штаерских говорах, а также в переселенческих говорах в Каринтии; в хорватских диалектах — это точечный ареал в чакавских говорах (п. 24), в белорусских — ограниченный ареал в западнополесских говорах, граничащих с польскими и украинскими диалектами; в русских диалектах — в южнорусских (брянских, орловских, курских, воронежских) говорах, граничащих с украинскими (см. карту-схему 16).

Ареал этой лексемы, заимствованной из немецкого языка (в.-нем. *schmalz*), является иллюстрацией инновации, связанной с междиалектными контактами в процессе ее освоения.

Эти примеры, как представляется, являются убедительным доказательством того, что только совокупность топографических и лингвистических признаков позволяет соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс, ибо «смысл лингвогеографического метода — в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» (Мартынов 1983: 5).

В заключение следует отметить, что принципы ареальной лингвистики не следует абсолютизировать, а тем более ожидать от них точности математических законов. Это, однако, не умаляет значения общих наблюдений лингвистической географии, ибо ее приемы «помогают более или менее верно определить характер явления, но это не значит, что при привлечении новых языковых данных вывод не может быть пересмотрен» (Принципы 1976: 180). Эти классификационные признаки являются лишь ориентирами при декодировании «языка карты» и проникновении в ее глубинные смыслы.

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Ареальная лингвистика переживает сейчас новый этап в своем развитии, когда ее методы активно используются при интерпретации фактов истории языка. Умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо карта во многом имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. Гриценко 2004: 86). Расширяя возможности компаративиста, ареальная лингвистика предлагает более строгую методiku выделения классификационных дистинктивных признаков того или иного ареала. «Разработка методов ареальной лингвистики может явиться необходимым дополнением к методам генетического, типологического и социологического исследования языков» (Гаджиева 1975: 26). В этом отношении Общеславянский лингвистический атлас является и бесценным источником изучения истории формирования современных славянских языков, и теоретическим полигоном для апробации идей и методов лингвистической географии.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина 2010 — *Вендина Т. И.* Проблемы методологии лингвистической географии и Общеславянский лингвистический атлас // Известия ОЛЯ. 2010. Т. 69. № 5.

Вопросы 1962 — Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

Гаджиева 1975 — *Гаджиева Н. З.* Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики // Вопросы языкознания. 1975. № 1.

Гриценко 2004 — *Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.

Киселева 2002 — *Киселева Н. Б.* Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. Vanská Bystrica, 2002.

Клепикова 2008 — *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем).

Мартынов 1983 — *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.

Принципы 1976 — Принципы описания языков мира. М., 1976.

Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 К сходной идее приходит и автор монографии «Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны» Н. Б. Киселева: «Изогlossen, ставшие предметом исследования, стабильно связывают белорусский (нередко также и украинский) язык с западнославянскими, однако практически не имеют параллелей в южнославянских языках. Поскольку южные славяне были отделены неславянскими территориями от северных (западных и восточных) славян еще в праславянский период, это приводит к заключению, что в позднепраславянский период — уже после отделения южных славян, но до окончательного распада славянского языкового единства — определенное время существовал западнославянско-восточнославянский языковой континуум, в котором проходили совместные языковые процессы; поэтому после разделения западных и восточных славян и приобретения их языками характерных отличий остатки этих совместных процессов сохранились» (Киселева 2002: 13).

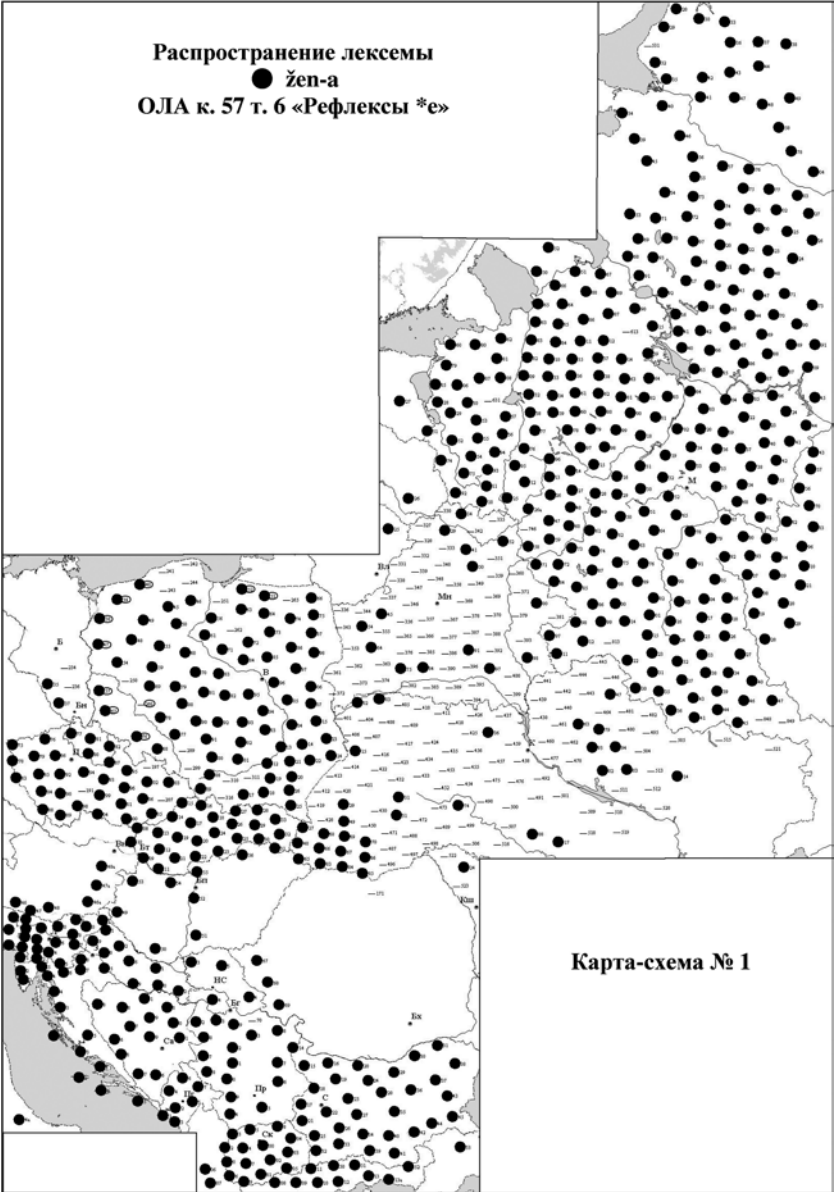
Vendina T. I.

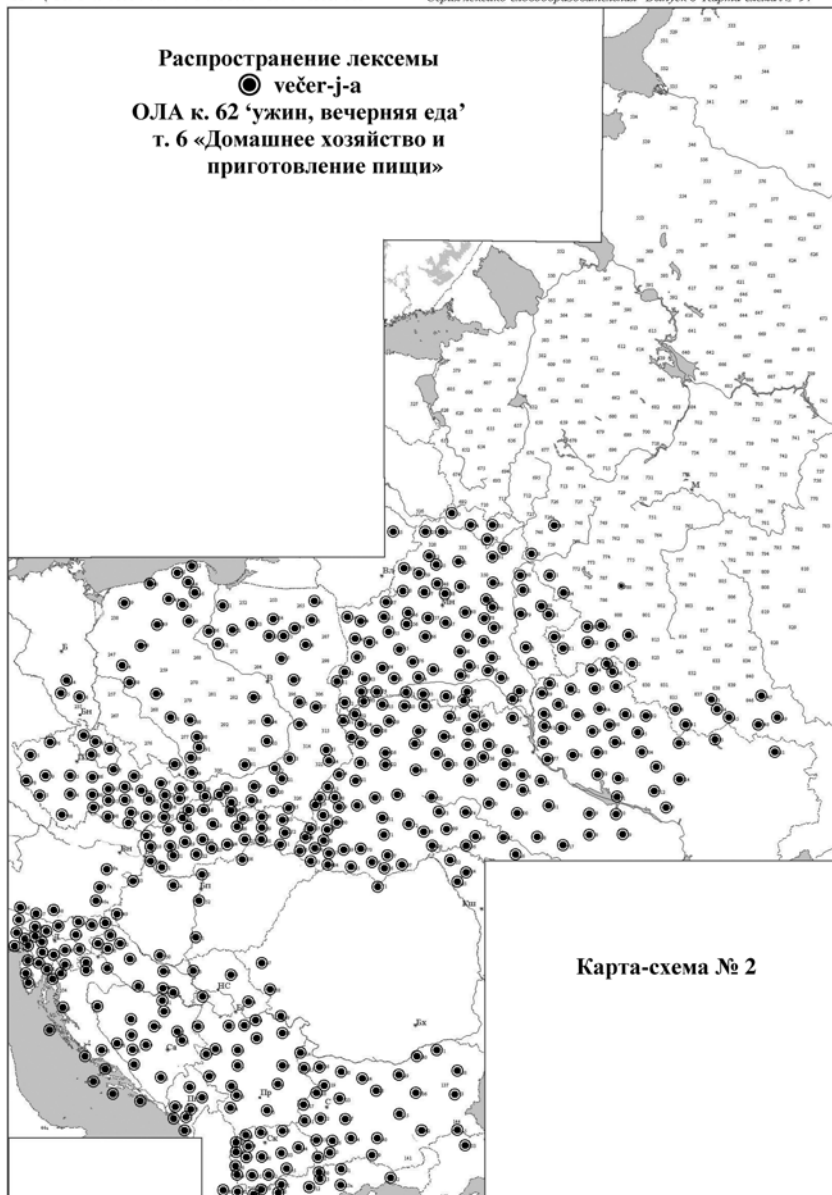
To the Question of Space and Time Interpretation
of Slavic Lexical Isoglosses

The author studies the problem of interpretation of lexical isoglosses from the point of view of their temporary stratification. On the base of materials of the General Slavic Linguistic Atlas, the author offers space criteria for their chronological layering.

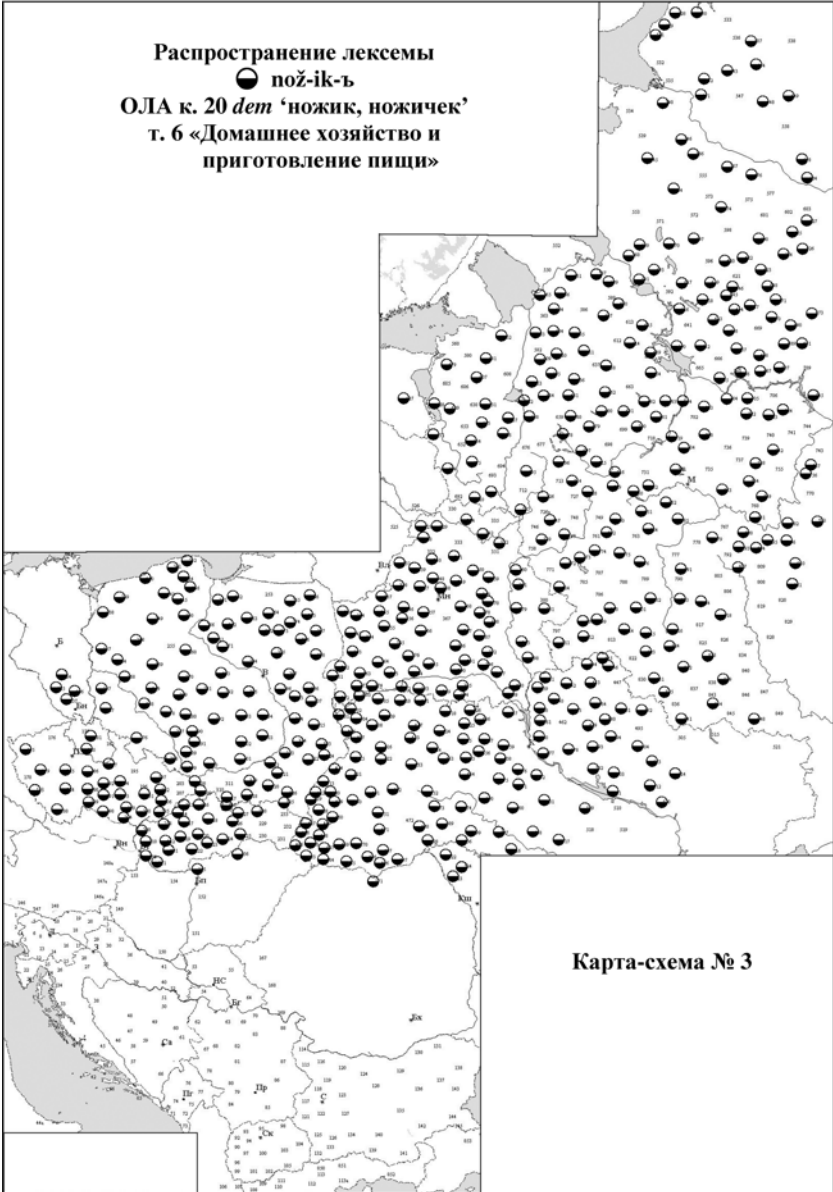
Key words: *linguistic geography, lexical isoglosses, space and time interpretation.*

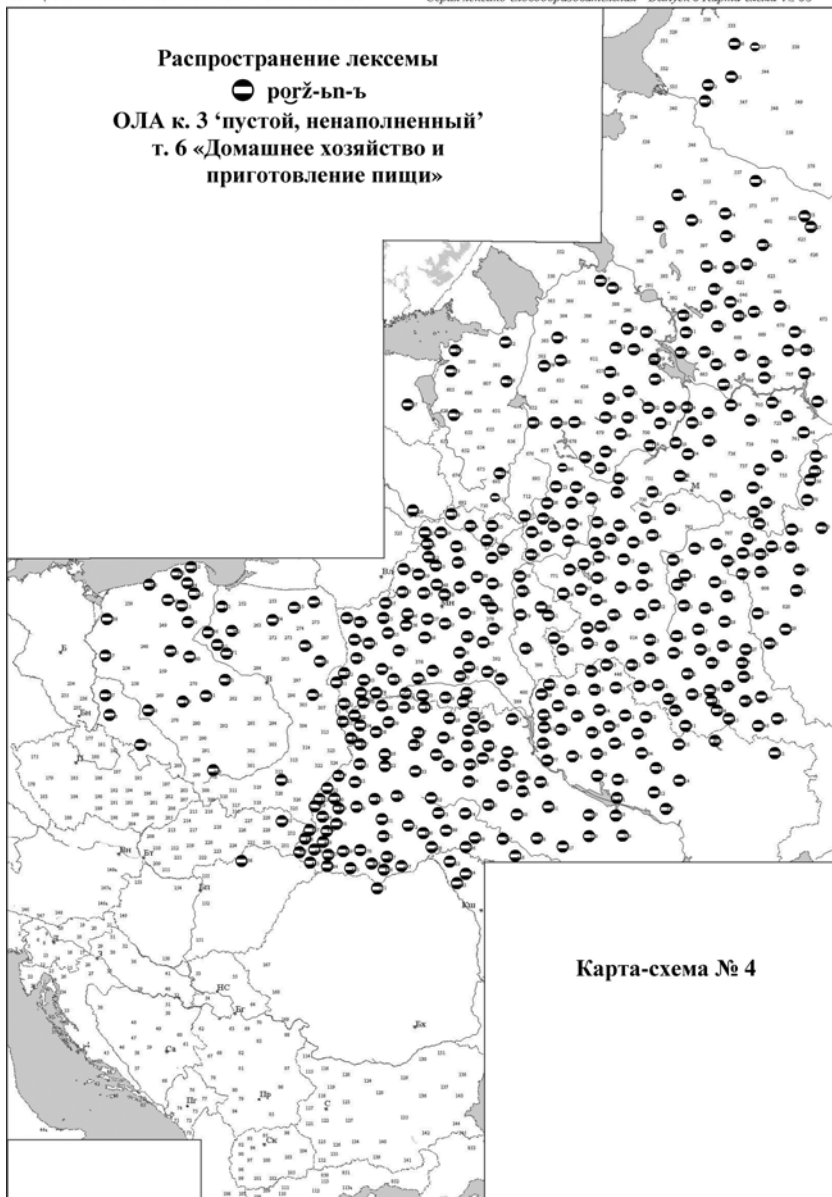
Распространение лексемы
● žen-a
ОЛА к. 57 т. 6 «Рефлексы *e»

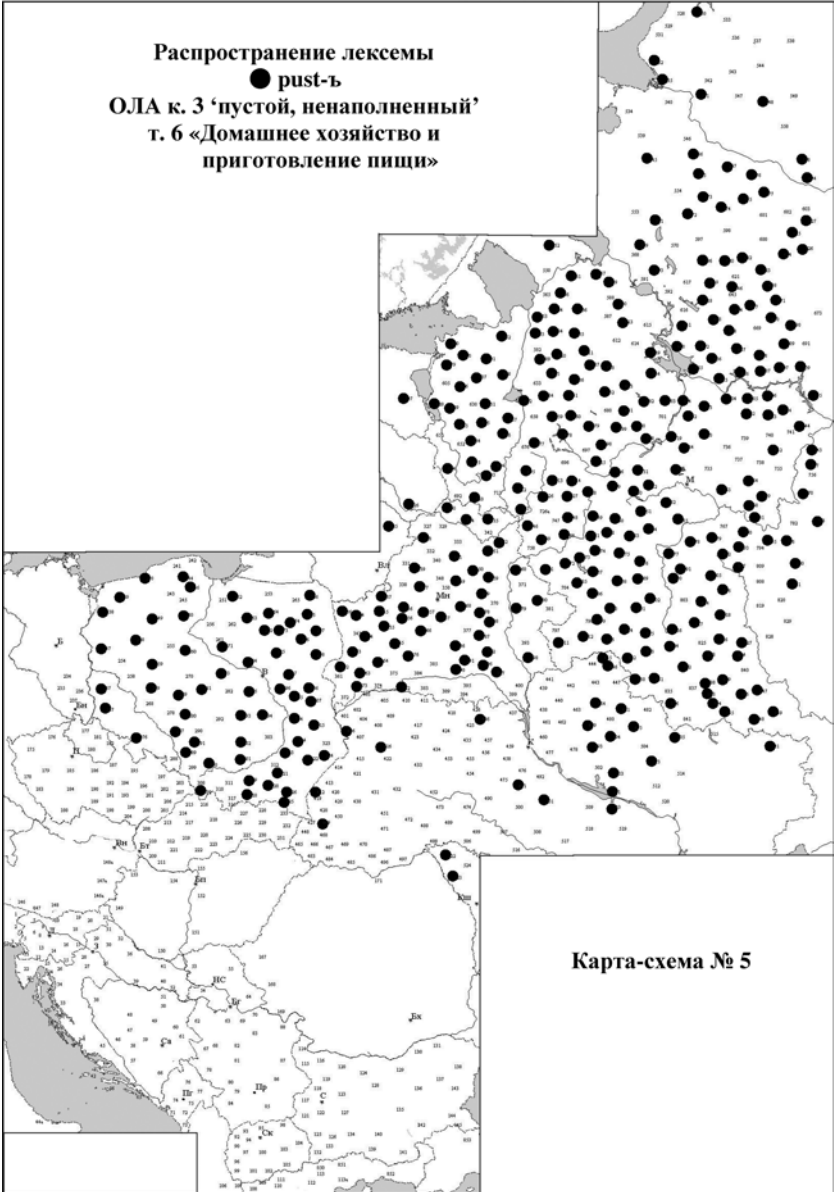

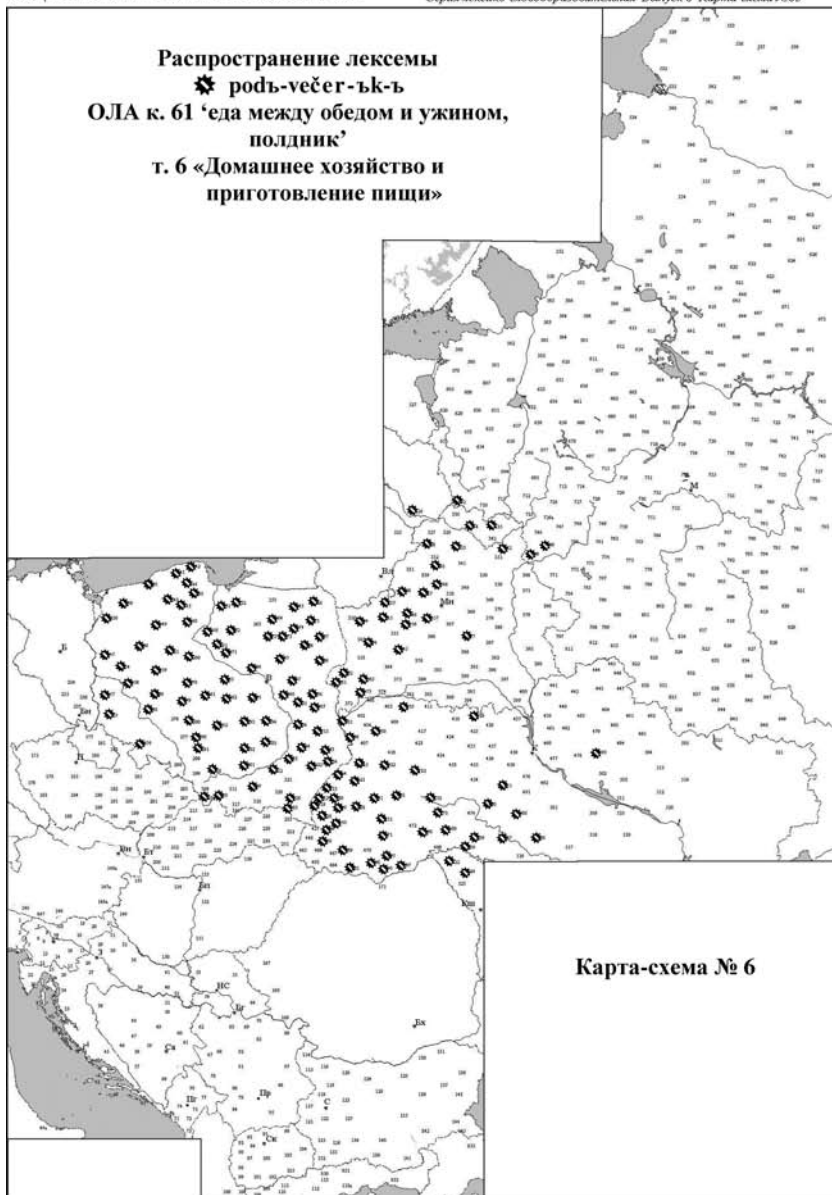
Распространение лексемы
 ● pož-ik-ъ
 ОЛА к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'
 т. 6 «Домашнее хозяйство и
 приготовление пищи»

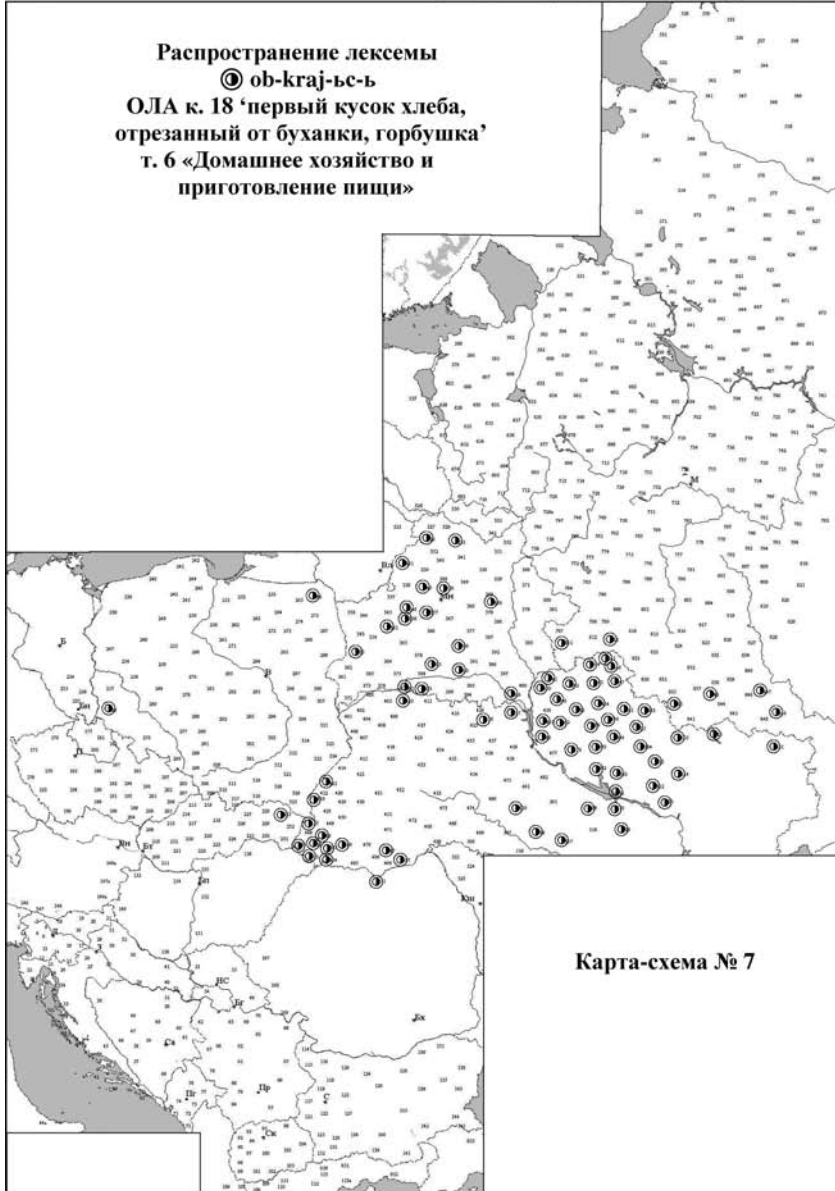

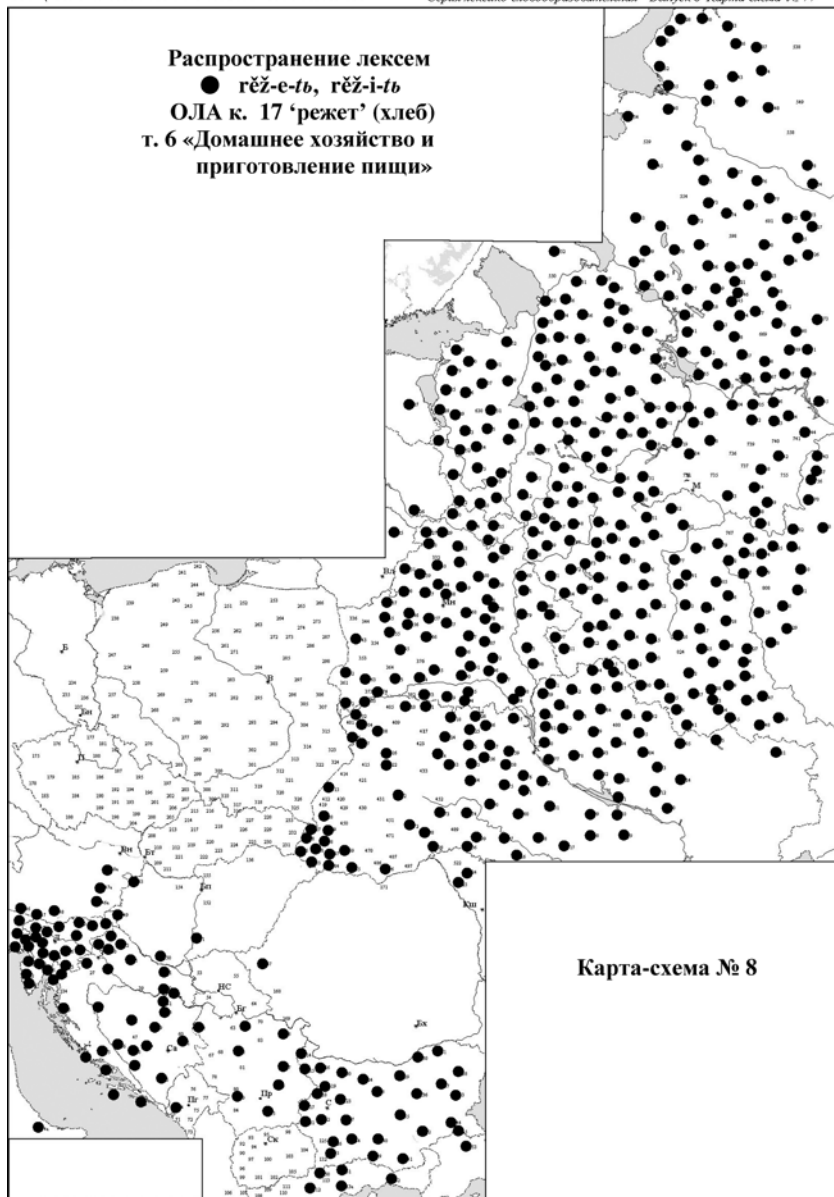

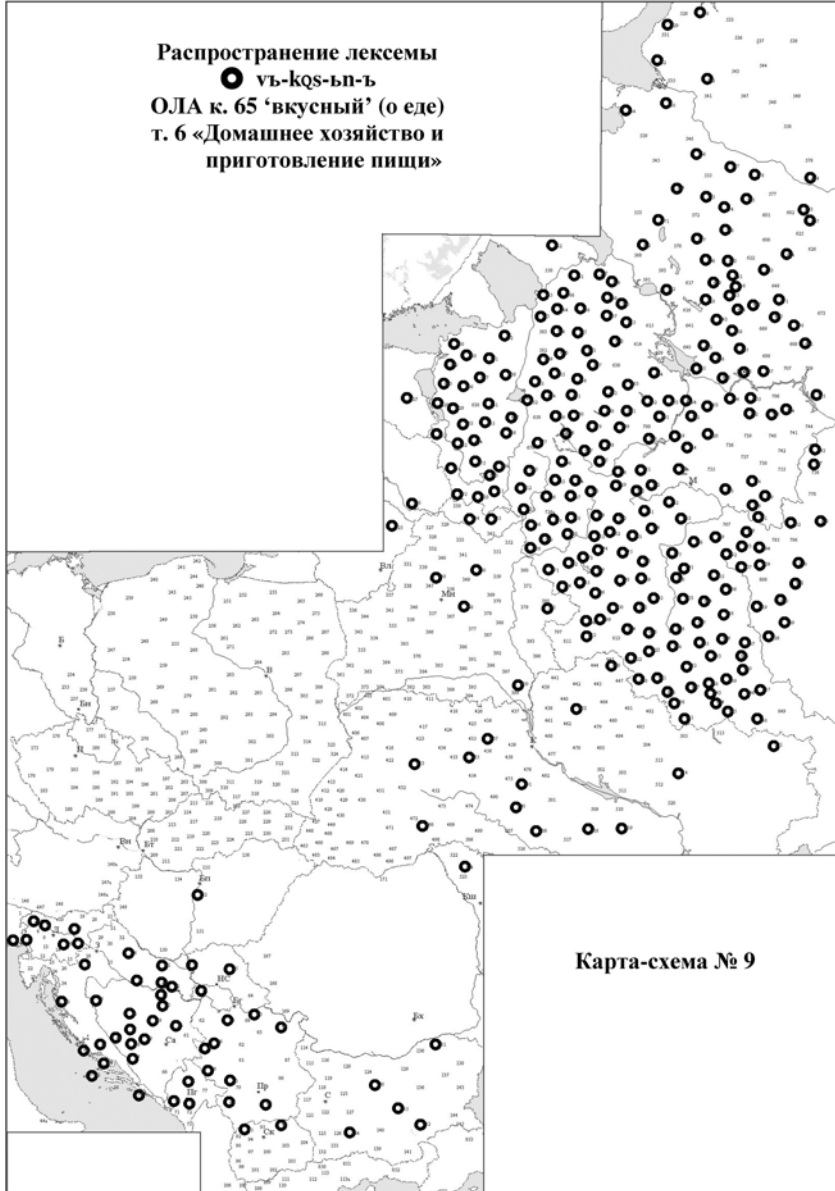
Распространение лексемы
● *rust-ъ*
ОЛА к. 3 'пустой, ненаполненный'
г. 6 «Домашнее хозяйство и
приготовление пищи»

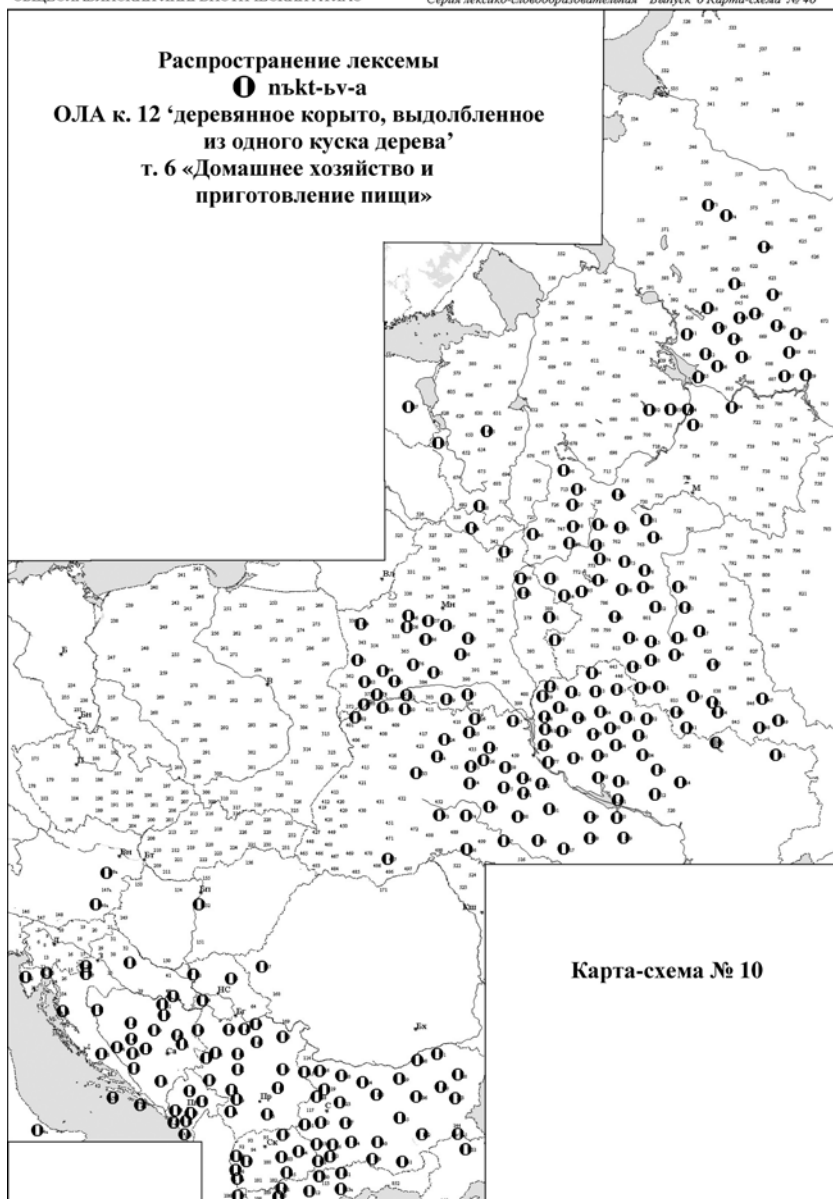

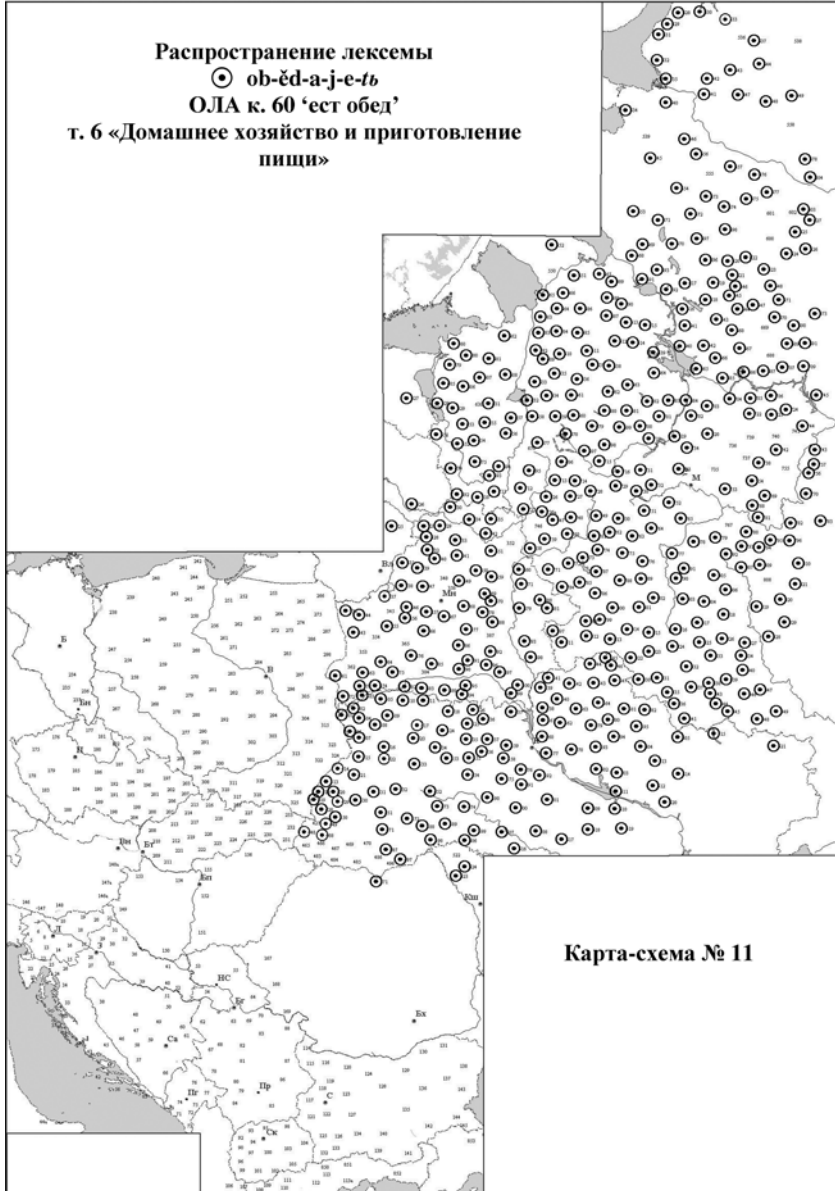

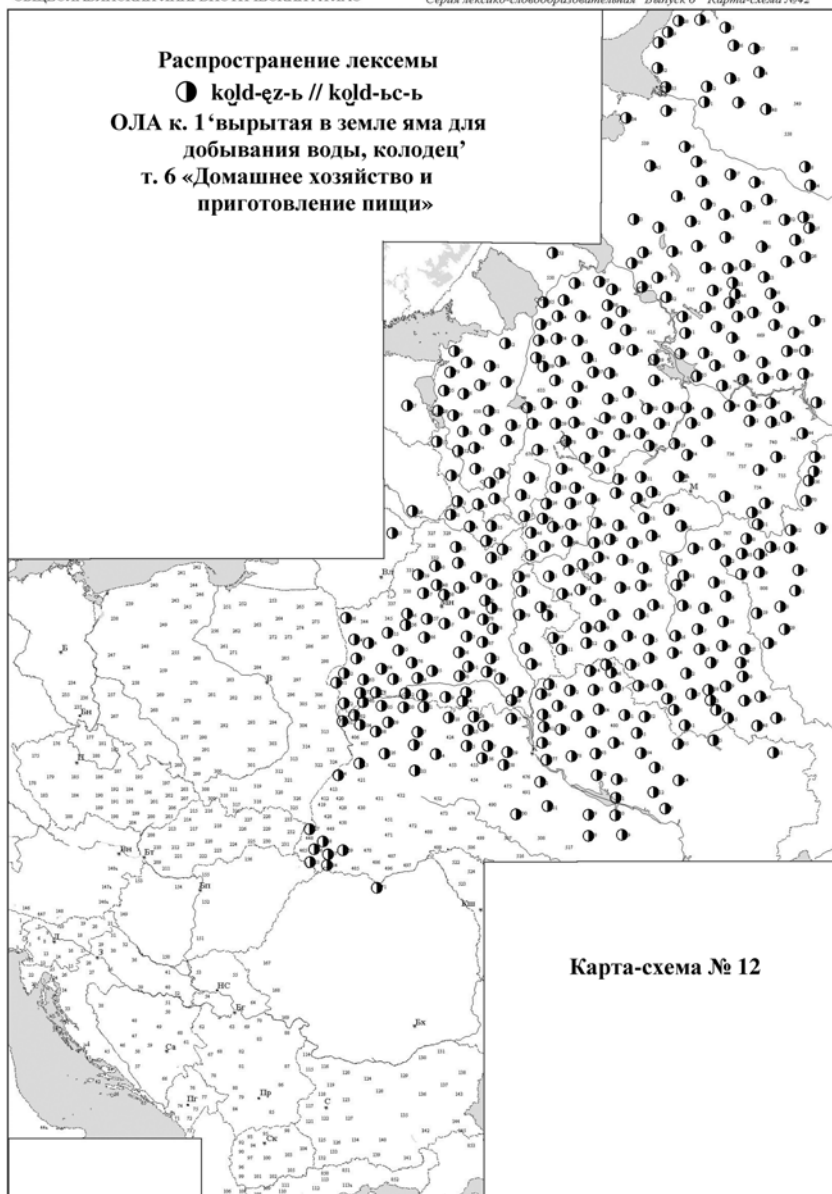

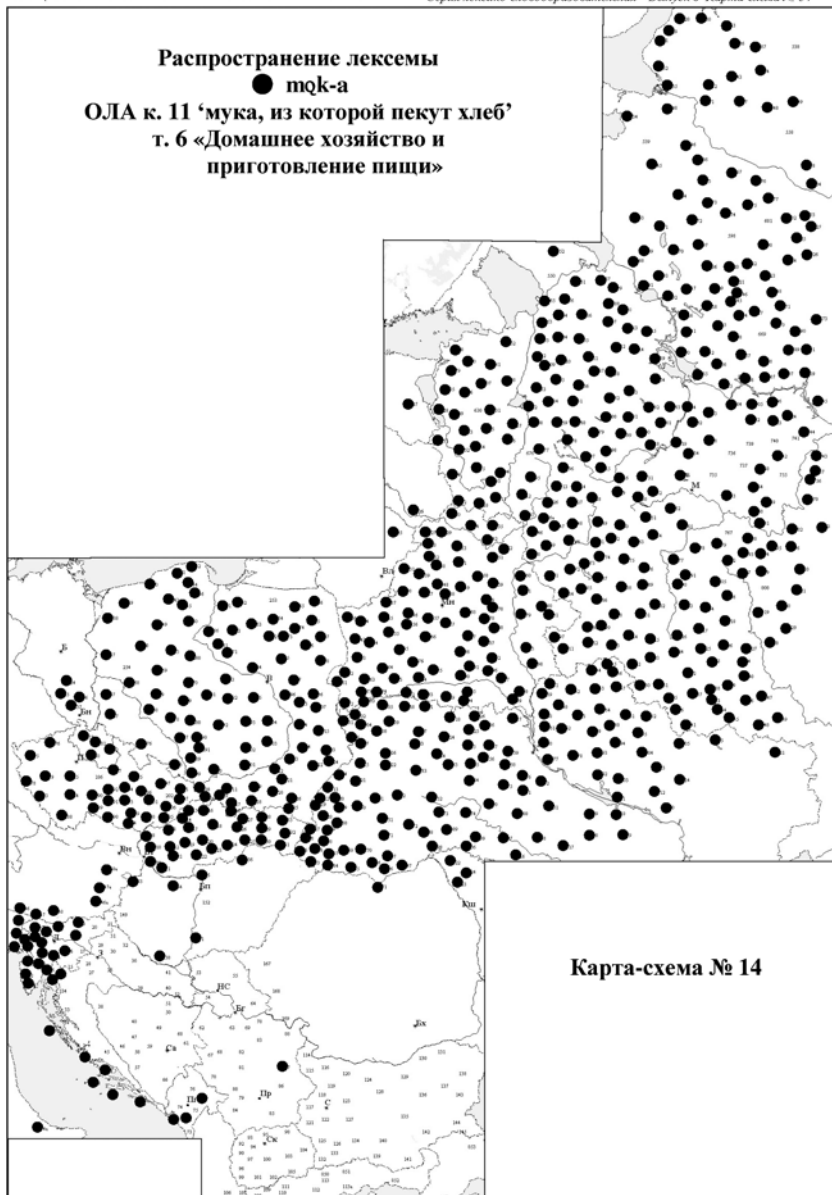

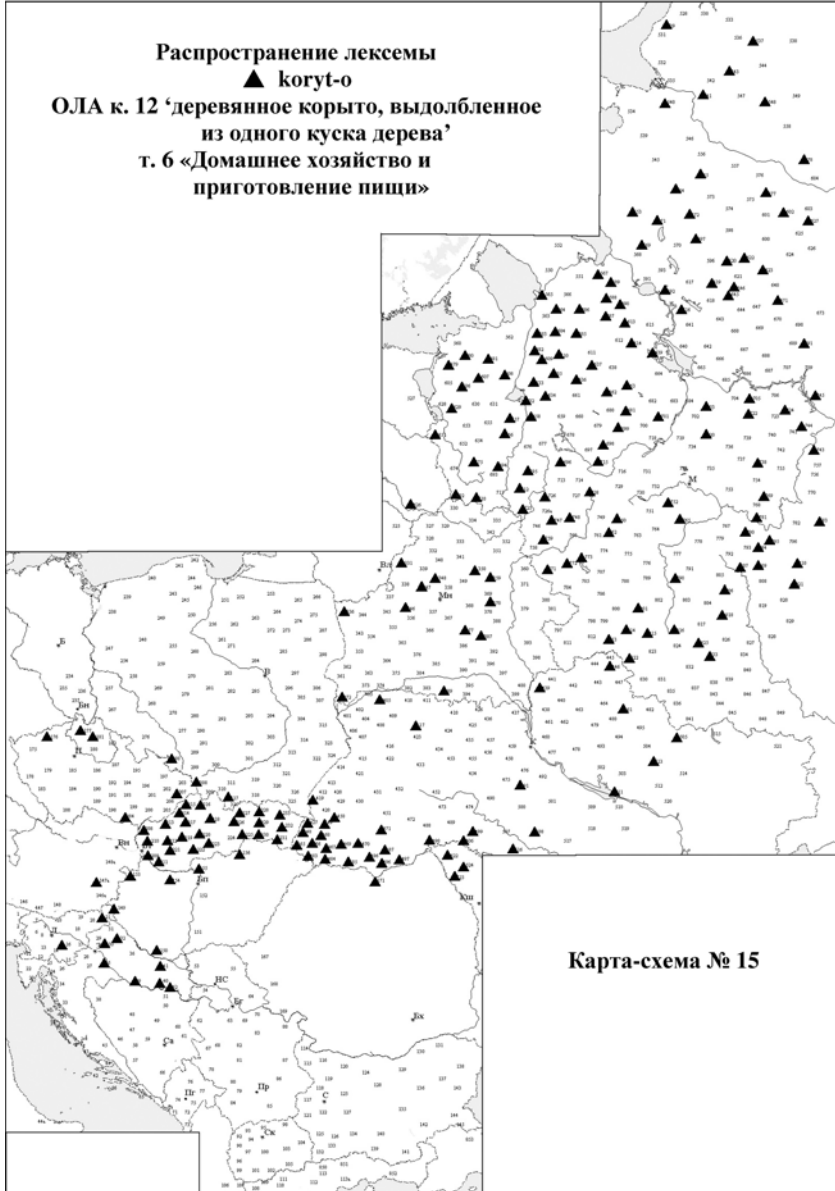

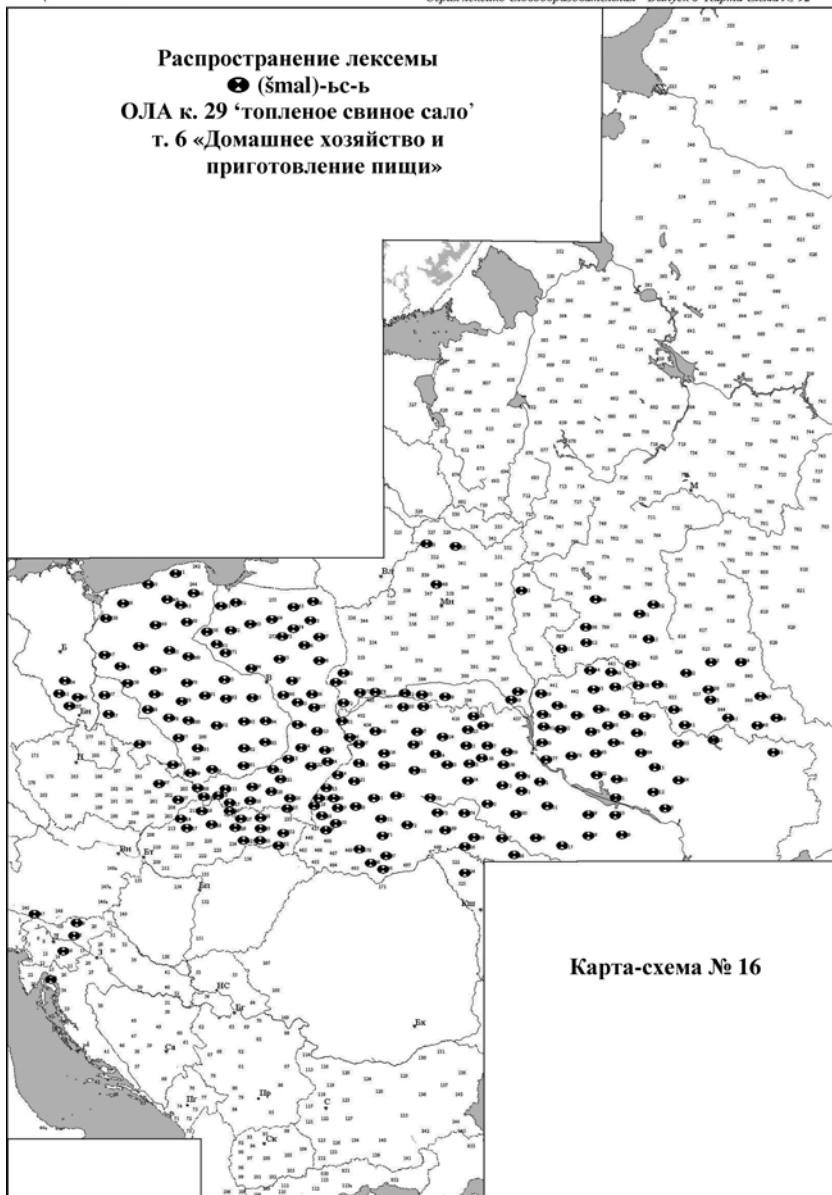

Н. Е. Ананьева
(Москва)

Категория ‘начало’ в русском и других славянских языках

В статье анализируются составляющие концепта ‘начало’ в польском и русском языках. Рассматривается проблема десемантизации и грамматикализации глагола со значением ‘начало’.

Ключевые слова: *концепт, начало, ингрессив, способ глагольного действия, будущее время.*

Концепт (или концептологическое поле) понимается в данной статье как ментальная структура (смысл, идея), выражаемая как совокупностью разноуровневых языковых средств, так и невербальными средствами. Языковые средства могут номинировать концептуализируемое явление или объект видимого или невидимого мира в виде отдельных лексем (смысл концепта передают фразеологические сочетания и паремиология), а также выражать идею концепта, образуя грамматические или лексико-грамматические классы (смысл концепта передают словоизменительные или словообразовательные морфемы).

Концепт ‘начало’ не имеет невербальных средств выражения, но относится к концептам, имеющим наряду с лексическим и фразеологическим контентом лексико-грамматические средства выражения (показатели характеризованного начинательного способа глагольного действия — далее СГД, — входящего наряду с другими фазовыми СГД в категорию аспектуальности).

Наша статья состоит из трех частей. Первая (I) и вторая (II) опираются на материал главным образом современных литературных польского и русского языков. В первой части исследуются отдельные лексические и фразеологические составляющие концепта ‘начало’ в этих языках, а во второй анализируются в сопоставительном плане средства начинательного СГД. В третьей части статьи (III) на примере формирования синтетического будущего времени в украинском языке и особого будущего времени глаголов движения в словацком идиоме рассматривается проблема грамматикализации лексемы (в украинском) и словообразовательной морфемы (в словацком) со значением начинательности.

Смысл 'начало', как и противостоящий ему 'конец', относятся к основополагающим понятиям человеческого бытия, как в его онтогенезе, так и филогенезе. Начало человеческой жизни (и человечества вообще, и какого-либо социума) и его конец закреплены в мифотворчестве всех народов, в их религии. Окружающий человека мир мыслится как «имеющий начало» (польск. *od początku świata*), всякое деяние и событие имеют начало (*bierze początek z czegoś i od czegoś*). Христианская религия, возводящая все к *изначальному* «слову Божию» («Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». От Иоанна I. 1) и обещающая *конец* жизни человечества, «Страшный Суд» (ср. польск. *Sąd Ostateczny* с прилагательным, входящим в лексико-семантическое поле 'конец') со вторым приходом Мессии и «начало Царства Божия», вся пронизана смыслами «начала» и «конца».

I. Центр лексического контента (лексико-семантического поля — далее ЛСП) концептуального поля 'начала' в польском и русском языках образуют существительные *начало*, *początek*, глаголы *начать(ся)*, *начинать(ся)*, *zacząć się*, *zaczynać się*, находящиеся в антонимических отношениях с существительными *конец*, *koniec*, глаголами *кончать(ся)*, *кончить(ся)*, *kończyć (się)*, хотя восходят эти противостоящие в настоящее время лексемы, как известно, к разным морфонологическим вариантам одного и того же индоевропейского корня: **ken* / **kon*. В состав ЛСП 'начало' в обоих языках входят также другие префиксальные существительные и глаголы с тем же корнем, имеющие различные оттенки смысла 'начала'. Ср. русск. *зачать* — польск. *począć* (специализированное значение 'начала'), существительные *зачатие*, *poczęcie*, русск. *почин*, *зачин*, польск. глаголы *wszcząć*, *rozpocząć* и др. Составляющими ЛСП 'начало' являются также прилагательные *первый*, *pierwszy* (антонимы 'конца' — *последний*, *ostatni*, *ostateczny*), заимствования *старт* (↔ *финиш*), *start* (↔ *meta*), *стартовать*, *wystartować* и др. При этом лексема, представленная в настоящее время в одном из двух современных сопоставляемых литературных идиомов, могла быть известна второму языку в более ранний период или функционировать в его диалектной разновидности. Ср. соврем. русск. *начать* и др.-польск. *nacząć*, соврем. польск. *rozpocząć* (например: *rozpocząć studia na uniwersytecie* «начать учебу в университете») и диалектн. русск. *распочать* (ср. у носителя смоленского диалекта А. Т. Твардовского причастие *распочат*).

О важности в обыденной жизни смысла 'начала' свидетельствуют многочисленные названия населенных пунктов *Починок* (ср. *Починковский* район Смоленской области и др.). Сакрально-культурологически мотивировано возникновение урбанонимов (годонимов) типа *Зачатьевский* переулок, *Зачатьевская* улица (по церкви Непорочного *Зачатия* Девы Марии — ср. польск. *Nierpokalane-go Poczęcia Maryi Panny*).

Противостоящие друг другу смыслы 'начала' и 'конца', помимо прототипических лексем *начало-początek*, *конец-koniec* и однокоренных с ними, могут выражать их метафорические субституты. Это могут быть вторичные номинации из сферы названий временных периодов (время суток, время года), природных явлений. Например: *утро* (жизни) ↔ *вечер* (жизни), *весна* (жизни) ↔ *осень/зима* (жизни) (ср. «*Осень жизни*, как и осень года, надо благодарно принимать» Э. Рязанов), *заря* (на *заре* туманной юности) ↔ *закат* (на *закате* жизни/лет). Ср. польск. *zranie* «заря, начало, начальная пора (чего-л.): *w zraniu dziejów* — на заре истории; *w zraniu życia* — на заре жизни; *od zrania* — с самого начала. Это может быть метафорическое употребление каких-либо мероприятий (в частности, богослужения), связанных с определенным временем суток. Ср. *(за)утреня* ↔ *вечерня* у Е. Шварц: *Как утреню, вечерню жизни без страха надо отслужить*. Культурными традициями обусловлены субституты прототипических лексем «начала» и «конца» во фразеологизмах «*od A do Z*» (первая и последняя буквы латинско-польского алфавита), аналог «*Альфа и Омега*», польск. «*od deski do deski*», раскрывающее структуру древних книг, листы которых помещались между двумя скрепленными деревянными досками. Идея 'начала' и 'конца' перевоплочена в пространственное 'снизу-доверху' → 'основание-вершина' во взятом из соматической области «*od stóp do głów*»).

Не имея возможности подробно исследовать лексическую сочетаемость основных составляющих ЛСП 'начала' в польском и русском языках, остановимся только на некоторых ее различиях и сходствах между центральными субстантивными компонентами этого поля: польск. *początek* и русск. *начало*. Как *początek*, так и *начало*, сочетаются с адъективами (*dobry, zły, trudny, łatwy, ciekawy, nudny* *początek* — *хорошее, плохое, трудное, легкое, интересное, скучное начало*), существительными идентичной семантики (*początek powieści, sztuki, drogi, ulicy, pracy* — *начало романа, пьесы, пути / дороги, улицы, работы*).

Поскольку в русск. *начало* представлен, в отличие от польск. *rozątek*, начальный сегмент *na*, для него невозможно сочетание с предложно-префиксальным *na* при образовании наречий или предложно-падежных словосочетаний: Ср. русск. *вначале, сначала* — польск. *na rozátku, na rozątek* (*Na rozátku zarabiał niewiele «Вначале он зарабатывал немного», Na rozątek zabrała się do sprzątania «Сначала она начала убираться»*). Польск. *rozátkowo* соответствует, наряду с вышеуказанными образованиями, также *первоначально*. Глагольным конструкциям *dać rozątek, brać rozątek* соответствуют аналогичные русские, но в русском отсутствует однословный аналог польск. *zapozátkować* «быть / стать началом чего-л.», «явиться началом / причиной чего-л.». Отсутствует в русском форма плюратива, аналогичная польск. *w rozátkach* (какого-либо периода): *w rozátkach lipca, jesieni* и т. п. «в начале июля, осени» и т. п. Польск. адъективу, произведенному от *rozątek, rozátkowy* соответствуют русск. *первый, начальный, первоначальный*. В зависимости от сочетаемости с тем или иным субстантивом употребляется либо одно из этих определений, либо возможны все три, либо два из них. Например: *rozátkowe sukcesy* — *первые* успехи, *rozátkowe niepowodzenia* — *первые* неудачи, *rozátkowa szybkość / prędkość (samochodu)* — *начальная* скорость, *rozátkowe litery alfabetu* — *первые / начальные / первоначальные* буквы алфавита, *rozátkowy kurs (języka francuskiego)* — *начальный (элементарный)* курс (французского языка) и под.

Естественно, что и русскому *начальный* не во всех контекстах соответствует польск. *rozátkowy*. Ср. *начальная* школа — польск. *szkoła podstawowa*. Второй адъектив, мотивированный лексемой *rozątek*, причастие на *-ący* *rozátkujący*, которому соответствует русск. аналог *начинающий* (*rozátkujący dziennikarz, lekarz, literat, polityk* — *начинающий* журналист, врач, литератор, политик).

В паремиях смысл 'начала' часто (хотя и не всегда) сопровождается смыслом 'конец'. При этом в дихотомии 'начало' — 'конец' каждый из членов может представляться в пословицах как более существенный, то есть аксиологическая оценка «начала», как и «конца», амбивалентна. Так, например, бóльшую значимость «конца» по сравнению с «началом» выражают такие пословицы, как: *Не верь никому, а верь концу; Не тращай началом, покажи конец!; Начиная дело, о конце помышляй; Не смотри начала, смотри конца!; Не бойся начала, а жди конца; Начать — не кончать; Зачать легко, а родить трудно*; перевод латинск. *Finis coronat opus* — *Конец — делу венец, Конец венчает дело, Добрый конец всему венец; Начал за здра-*

вие, а свел за упокой; Горяч на почин, да скоро остыл; Начать — не то что кончать; Остатки сладки; Последочки милы и многие др. При этом смыслы ‘начала’ и ‘конца’ вовсе не означают обязательного присутствия этих лексем. Ср.: Хвали (зови) день по вечеру; Красному утру не верь; Не выдав вечера, и хвалиться нечего; Хорошо летаешь, да где-то сядешь; Как веревочке не виться... — все эти пословицы передают значимость ‘конца’.

О ненадежности «начала» (чего-то «первого») свидетельствуют такие паремии, как польск. *Pierwsze koty za płoty* — русск. *Первый блин комом*.

С другой стороны, с понятием ‘начало’ связаны и положительные коннотации (*zrobić dobry początek* «успешно начать что-л.»), оно может представляться и более существенным, чем «конец», предопределять его: *Почин всего дороже; Все дело в почине; Почином торг стоить; Где не было начала — не будет и конца; Dobry początek — rołowa prasy; Почин дороже рубля / денег; Мал почин, да дорог; Зачин (начин, почин) дело красит; Лиха беда начало; Лиха беда почин; Доброе начало — полдела откачало; Доброе начало — половина дела; Благослови Бог почин!; Плохое начало — и дело стало (все назад помчало); Каково начало, таков и конец; Звоном началось, звоном и кончилось; Путному началу, благой конец.*

Положительной коннотацией может обладать и «первый» (= лучший): *Kto pierwszy, ten lepszy; Первый парень на деревне*; ср. прецедентное высказывание Юлия Цезаря, ставшее пословицей — *Lepiej być pierwszym w mieścinie niż ostatnim w Rzymie*. «Лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме»; *Pierwsza myśl najlepsza*. «Начало» сопряжено с трудом, но тем оно ценнее: *Początek najtrudniejszy; Początek zawsze trudny; Najciężej pierwszy krok zrobić; Pierwszy krok najtrudniejszy*. «Начало» и «конец» уравниваются в следующих пословицах: *Не нами началось, не нами и кончится; Nie ja pierwszy, nie ja ostatni*.

II. Лексико-грамматические составляющие концепта ‘начало’ в современном польском и русском языках — это глаголы фазисного начинательного СГД, образуемые главным образом префиксами *za- / za-* и *po / po-*, хотя и не только ими (то есть смысл ‘начало’ передается здесь не корневой морфемой, а префиксальной).

В древнепольском языке существовали формальные предпосылки для континуации разнообразных средств выражения начинательности, о чем свидетельствует наличие в нем избытка префиксов,

оформляющих *глагол-образец* с лексическим значением 'начала': *zacząć, po(d)cząć, zacząć, wszcząć* (\leq *взьь-), часть из которых сохранилась до настоящего времени, но в современном польском литературном языке эти глаголы уже отличаются семантическими нюансами и, соответственно, лексической сочетаемостью. Наиболее древним средством образования ингрессивов является континуант префикса *взьь-, который Ю. С. Маслов относит к генетически первичному средству выражения ингрессивности (Маслов 1958). Префиксальные формации с *w(e)z(e)-* широко представлены в древнепольском языке в различных функциях, в том числе и в начинательной, при этом такая активность данного префикса не в последнюю очередь обусловлена воздействием древнечешского языка-эталона. Но в современном польском языке основным средством выражения идеи 'начинательности', как уже было нами замечено, является префикс *za-*.

Хенрик Врубель (Wróbel 1984: 475–476) выделяет 3 разновидности начинательных (в полонистике — инхоативных) глаголов в современном польском литературном языке (так называемые модификации):

1) *Чистые инхоативы*, обозначающие начальный момент далее развивающегося действия. Это глаголы с префиксом *za-* типа *zaboleć* «заболеть» (у кого-то что-то), *zachorować* «заболеть» (кому-то самому), *zakuleć* «захромать», *zakwitnąć* «зацвести» и под., особенностью которых является их возможная эквивалентная замена сочетанием фазового глагола *zacząć / zaczynać* с инфинитивом базового бесприставочного глагола (например: *zakuleć = zacząć kuleć*). Надо сказать, что эта интерпретирующая формула («начать + инфинитив») исторически (до формирования префиксальных средств начинательности) была реальным средством выражения начала (приступа к действию) и в древнепольском, и в древнерусском языках (аналитический способ передачи начинательности в глаголе).

2) *Инхоативы с префиксом za-*, обозначающие *непродолжительные* действия, в которых, тем не менее, выделяется начальная стадия. Как правило, эти глаголы мотивированы основами, номинирующими акустические явления. Об их непродолжительном характере свидетельствует их близость к семельфактивам (ср. *zakaszleć* и *kaszlnąć*).

3) Глаголы, образуемые разными префиксами (*za-*, *po-*, *u-*), которые, подчеркивая начальный момент действия, одновременно указывают на *приобретение признака*, выраженного основой: *zapamiętać* «запомнить», *poznać* «узнать», *poznać* «почувствовать», *pokochać* «полюбить», *uwierzyć* «поверить» и под. Эти глаголы не интерпретируются

сочетанием «*zacząć* + инфинитив базового бесприставочного глагола» и близки к членам так называемых чистовидовых пар, хотя отношение между *kochać-pokochać* и чистовидовыми отличается тем, что во второй паре базовая основа называет действие / состояние, являющееся *результатом* реализации действия, обозначенного дериватом (Piernikarski 1969: 138) (тендентивный результат по А. В. Бондарко).

Ц. Перникарский (Piernikarski 1969) к глаголам непродолжительного действия, не интерпретируемым формулой «начать + инфинитив базового бесприставочного глагола», относит, помимо номинаций акустических явлений, также названия оптических явлений (типа *zabłyśnąć* «заблестеть») и глаголы движения, совершаемого при наличии одной точки опоры (*zachwiać się* «заколебаться», *zahuścić się* «закачаться» и под.). Именно этим глаголам, а не интерпретирующимся сочетаниям фазового «*zacząć* + инфинитив» Ц. Перникарский уделяет главное внимание, анализируя польские фазовые формации со значением начинательности, поскольку этот класс глаголов численно преобладает над I-ой группой X. Врубеля в современном польском языке. Глаголов типа *zaboleć* Ц. Перникарский насчитывает не более 13, в то время как число приводимых им глаголов типа *zaszczekać* «залаять» превышает 50 (не считая неучтенных потенциальных образований ономатопеического характера). Если Ц. Перникарский относит к ингрессивам также глаголы типа *rozpalić (się)* (хотя и без подробной их характеристики), то у Врубеля формации с конфиксом *roz... się* (*rozpalić się, rozkochać się, rozpić się* и редкие формации без *się* — *rozboleć, rozkwitnąć*) размещены не в инхоативах (инхоативные модификации), а в мутационных названиях эволютивных (постепенно развивающихся) действий. X. Врубель полагал, что в этих образованиях не выделяется начало действия, а акцентируется его *развитие*. Каузативы же типа *rozpalić, rozgniewać* по X. Врубелю — обратные дериваты от соответствующих процессуальных рефлексивов (Wróbel 1984: 488).

В современном русском языке по традиции, восходящей к Г. К. Ульянову и Ф. Ф. Фортунатову, выделяется 2 вида начинательности: ингрессивная и инхоативная. В отличие от польской традиции, где термин «инхоатив» охватывает, как правило, все глаголы начинательного СГД (или 3 вида модификаций по X. Врубелю; иначе лишь у Цоцкевича (Cockiewicz 1992)), инхоатив в русистике имеет более узкое значение: не начинательность вообще, а та ее разновидность, которая представлена в глаголах с выделением «начального момента в длительном времени признака» (Ульянов 1895: 61) «при-

ступа к длительному действию» (Авилова 1976: 278). Эта группа (соответствующая 1-ой у Х. Врубеля) противопоставит ингрессивной разновидности, выражающей «исчерпанность начального этапа действия». Инхоативную и ингрессивную разновидности образуют глаголы с двумя префиксами: бифункциональным в отношении оттенков начинательности *за-* и типовым средством ингрессивности *по-*. Кроме этих префиксов к средствам выражения ингрессивной разновидности начинательности в русском языке Н. С. Авилова относит также следующие: префикс *вз-*, префикс *воз-* (если *вз-* добавляет к значению ингрессивности оттенок интенсивности и экспрессивности, то *воз-* — архаичности, торжественности или иронии), конфикс *вз-ну* (типа *вскрикнуть*), префикс *раз-*, конфикс *раз-ся* (имеющий дополнительное значение интенсивности), а также отмечаемые в отдельных лексемах и контекстах префиксы *о-*, *об(о)-*, *у-*. Некоторые исследователи называют начинательные глаголы с дополнительным оттенком интенсивности (типа *разволноваться*, *расхотаться*, *встревожиться*) эволютивами (Stawnicka 1998: 237), у других в понятие «эволютивный начинательный глагол» вкладывается несколько иное содержание: «наличие начальной переходной фазы», в течение которой «происходит (постепенное) накопление определенных свойств, ведущее к изменению, к появлению ситуации, обозначаемой коррелятом начинательного глагола: *Сосед засыпает. Белье сохнет*» (Недялков 1987: 188–195). Некоторые исследователи выделяют в особые типы начинательных глаголов вторичные имперфективы от ингрессивов и их инхоативов (Stawnicka 1998: 237).

Лексикографическая практика показывает, что интерпретировать формулой «начать + инфинитив» можно не только приставочные с префиксом *за-* / *за-*, но и производные от глаголов однонаправленного движения, образуемые с помощью префикса *по-*: *побежав* = начать бежать, *полететь* = начать лететь (в отличие от префиксальных с *по-* типа *полюбить*). В связи с этим представляется убедительной точка зрения А. А. Караванова, который отрицает начинательный характер (ингрессивный подтип начинательности) у глаголов с префиксом *по-* типа *поцеловать*, отмечая, что из всех формаций современного русского языка с приставкой *по-* начинательное значение (сема *ingr.*) представлено только в глаголах, мотивированных определенно-моторными глаголами движения, в которых эта сема сосуществует с семой направления (сема *dir*) (Караванов 1991: 12).

Традиционному представлению значения только одной из двух (или трех) основных групп польских глаголов начинательного СГД

с помощью фазового глагола *zacząć / zaczynać* противостоит интерпретация В. Цоцкевичем содержания глаголов типа *pokochać (się), uwierzyć, usłyszeć, zainteresować (się), poznać-poznawać* («комплексных» по Ц. Перникарскому, глаголов с нетендентивным результатом по А. В. Бондарко) также сочетанием *zacząć / zaczynać* + бесприставочный инфинитив базового глагола (то есть *poznać=zacząć znać, poznawać=zaczynać znać* и т. д.). Все эти глаголы В. Цоцкевич называет ингрессивами, или инитивами (Cockiewicz 1992: 52–53).

Ситуацию с определением ингрессивного акционального значения усложняет распространенная в современных аспектологических работах трактовка семантики любого перфектива с помощью компонента метаязыка семантических интерпретаций ‘начать’. Трудность выделения акциональной семантики начинательности обусловлена также исторически: формированием начинательного СГД (как и многих других) на базе общерезультативного СГД. Этим обусловлено то своеобразие современных глаголов начинательного СГД с префиксом *za-* (составляющих центр данной категории), на которое указывал еще Б. Н. Головин: наличие в них двух семантических идей — *начала* и *окончания*. Эта генетическая связь с результативностью проявляется в тех глаголах, в которых исследователи с синхронной точки зрения выделяют начинательно-результативное значение, определяют такие глаголы как «комплексные», причем в первую очередь это касается претеритальных темпоральных форм, с которыми наиболее естественным образом соотносятся понятия *результата* и *завершения* действия. Указанные обстоятельства приводят к неоднозначной квалификации аспектологами видовых партнеров типа *видеть–увидеть, слышать–услышать* (чистовидовые партнеры, отличающиеся семантикой начинательности и др.), продемонстрированной, в частности, в ответах на вопросы Анкеты Аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. Ломоносова (Труды 1987: 140–233).

Кроме близости к семельфиктивам польских глаголов типа *zakaszleć* и отказе им (в отличие от русск. *заговорить, зашуметь*) в возможной интерпретации формулой «*zacząć* + инфинитив базового бесприставочного глагола», различия между польским и русским идиомами в отношении выражения смысла ‘начинательность’ заключаются также в следующем: для русского языка в большей степени репрезентативен синтетический (характеризованный) способ представления инициальности действия, что выявляется при сопоставлении параллельных текстов на русском и польском языках, где

русским начинательным глаголам с префиксом *za-* в польском чаще соответствует не префиксальный ингрессив, а аналитический (с генетической точки зрения более древний) способ передачи начинательности: *zacząć / zaczynać* + инфинитив бесприставочного глагола. Ср. др.-польск. *Naczął snuć mul [wicz]i, naczącz ryłne prossiczi, naczął kárać* (а не *ukarał* и под.). При этом в польском языке аналитический способ выражения начинательности (особенно в формах прошедшего времени) может заменять не только приставочные с префиксом *za-*, но и глаголы движения с ингрессивным *po-*. Ср. пример из произведения О. Токарчук: *Cofnął się kilka kroków i zaczął biec w stronę miejsca, gdzie według Ruty była granica* — «Отпрянул на несколько шагов и **побежал** в сторону места, где вдоль Руты была граница». Несмотря на наличие в польском языке ингрессива *pobiec*, он реже используется, чем сочетание фазового глагола *zacząć* с бесприставочным *biec*.

III. В славянских языках существовала возможность грамматикализации глаголов со значением 'начало', с помощью которых, как и с помощью глаголов **chotěti, *iměti*, образовывалось *futurum I* (наряду с глаголом **byti*): **načeti, *jěti, *početi, *vъčeti* «начать». Семантика употреблявшихся для образования будущего времени вспомогательных глаголов свидетельствует о том, что средневековому славянину (а возможно, и индоевропейцу — ср. *will, wollen*) действие в будущем представлялось как *начинающееся* (глаголы *načeti, početi, jěti, начать* и т. п.), *следующее* быть (модальное значение **iměti*), *желаемое* (**chotěti*) и как *предстоящее* (**statъ, быть*). В русском и польском языках не произошло грамматикализации глаголов *zacząć / nacząć* — *начати / почати*, они сохраняли свое лексическое значение, не преобразовались в грамматические морфемы. На материале древнерусского языка это было убедительно показано в диссертации И. С. Юрьевой (Юрьева 2009). В южнославянских языках произошла грамматикализация глагола желания **chotěti*, который преобразовался в словоизменительную морфему в сербохорватском (*ću, ćeš, će, ćemo, ćete, će*) и грамматические показатели *ќе* в македонском и *ще* в болгарском. Но в одном славянском языке — украинском — глагол со значением начинательности **jěti ≥ яти* десемантизировался и преобразовался в грамматический показатель будущего времени глаголов несовершенного вида, если считать, что будущее время образовывалось при помощи именно этого глагола, а не **iměti*. Синтетическое будущее время глаголов несовершенного вида употребляется

наряду с аналитическим. От глагольных форм осталась изменяемая по лицам и числам морфема *м*: *носитиму*, *носи́тимеши*, *носитиме*, *носите́ме*, *носите́мете*, *носитимуть*.

Наконец, в словацком языке одно из древнейших префиксальных средств начинательного СГД (приставка *по-*) грамматикализовалась в качестве показателя будущего времени для глаголов определенного лексико-семантического класса — глаголов движения (*poletím* ← *letiet'*).

Итак, мы показали неоднородность и многокомпонентность содержания концептологического поля 'начало', связь этого концепта с концептом 'конец' и на примере истории формирования синтетического будущего времени в украинском языке продемонстрировали взаимодействие лексического и грамматического уровней.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова 1976 — *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. Москва, 1976.

Караванов 1991 — *Караванов А. А.* Семный состав ингрессивных глаголов и проблема генезиса ингрессивной приставки *по-* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 3. С. 11–18.

Маслов 1958 — *Маслов Ю. С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Москва, 1958.

Недялков 1987 — *Недялков В. П.* Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 180–195.

Труды 1987 — Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1987. Т. 2.

Ульянов 1895 — *Ульянов Г. К.* Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1895. Ч. II. Основы, обозначающие различия по видам.

Юрьева 2009 — *Юрьева И. С.* Семантика глаголов имети, хотети, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. АКД. Москва, 2009.

Cockiewicz 1992 — *Cockiewicz W.* Aspekt na tle systemu słowotwórczego polskiego czasownika i jego funkcyjne odpowiedniki w języku niemieckim. Kraków, 1992.

Piernikarski 1969 — *Piernikarski C.* Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Wrocław, 1969.

Stawnicka 1998 — *Stawnicka J.* O niektórych sposobach wyrażania fazowości akcji w języku rosyjskim w konfrontacji z językiem niemieckim (faza inicjalna akcji) // *Wschód-Zachód. Słowianie i Niemcy. Kultura. Język. Dydaktyka. Materiały z I Międzynarodowej Konferencji Naukowej.* 1998. Słupsk, 1998.

Wróbel 1984 — *Wróbel H.* Słowotwórstwo czasowników // *Gramatyka współczesnego języka polskiego / Pod red. R. Grzegorzycowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla.* Warszawa, 1984. S. 467–512.

Ananieva N. E.

The Category of «Beginning» in Russian and Other Slavic Languages

The article is concentrated at the analysis of elements of the category of «beginning» in Polish and Russian languages. The author turns to the problem of desemantization and grammaticalization of the verb which means «beginning».

Key words: concept, beginning, ingression, method of verb action, future tense.

М. В. Ясинская
(Москва)

ОКО и ГЛАЗ и их дериваты в славянских диалектах

В статье рассматривается проблема распространения лексем *oko* и *glaz* и их дериватов в русских диалектах в общеславянском контексте с привлечением данных лингвогеографии, этимологических, исторических и диалектных словарей.

Ключевые слова: *лингвогеография, ОЛА, славянские диалекты, этимология, русские эксклюзивы, дериваты, деминутивы, десемантизация, стилистика, соматическая лексика, глаз, зрение.*

Язык живет и развивается по своим законам, и часто исследователю бывает трудно объяснить, почему та или иная лексема в одном родственном языке начинает восприниматься как устаревшая, выходит из употребления, замещается более новым синонимом, в то время как в других родственных языках она все еще актуальна, современна, бытует сама и дает жизнь новым дериватам. Чтобы приблизиться к пониманию подобных языковых процессов, ученые обращаются к данным лингвогеографии, которые помогают взглянуть на языковые факты с точки зрения пространственно-временных закономерностей.

Очередной, девятый, том лексико-словообразовательной серии Общеславянского лингвистического атласа «Человек», вышедший в Кракове в 2009 г.¹, вводит в научный оборот уникальный материал, позволяющий комплексно исследовать славянскую лексику, относящуюся к данному семантическому полю. Среди прочих материалов том содержит карты, посвященные названиям частей тела человека, в том числе его внутренним органам, что открывает новые возможности для изучения соматической лексики в славянских диалектах.

Обратимся к двум картам настоящего тома, к карте № 6, посвященной названиям глаз человека, и карте № 7, содержащей деминутивные производные этих названий. Даже беглого взгляда на карту № 6 достаточно, чтобы увидеть четкую картину: практически на всей славянской территории господствует название глаза с корнем **ok-*. Это словен. *oči*, хорв. *oči*, серб. *очи*, макед. *очи*, болг. *очи*, чешск.

očí, словацк. *očí*, верхнелуж. *wočí*, нижнелуж. *wócu*, польск. *oczy*, белорус. *вочы*, укр. *очі*; и только в русских диалектах наблюдается эксклюзивное преобладание лексемы с корнем **glaz-* — *глаза, глаза*. Граница распространения лексемы *глаза* проходит четко по границе территории России.

Русские говоры представляют собой единый монолитный ареал², лишь в пограничных пунктах мы сталкиваемся с явлением интерференции: например, на границе русской и белорусской территорий в белорусских пунктах фиксируется лексема от корня **glaz-*, а в русских — от **ok-*, употребляющаяся наряду с характерной для русских говоров *glazá, glázy*. Это южнорусские говоры: смоленские (пп. 758, 771, 784), брянские (пп. 797–798). Белорусские: среднебелорусские (п. 331, 339, 400) и северо-восточные (пп. 328, 334–335, 350–352, 380). Любопытно, что в пограничных украинских пунктах не фиксируется проникновение русского названия от корня **glaz-*, тогда как в русских брянских селах, граничащих с украинской территорией, параллельно с русской лексемой *glaza* встречается общеславянская лексема *vóčí, óčí* (пп. 811, 822)³. Таким образом, русские смоленские и брянские говоры сохраняют следы существования на данной территории праславянской лексемы **očí*, благодаря соседним украинским и белорусским диалектам, в которых она имеет повсеместное распространение⁴.

Что касается русских говоров, карта демонстрирует грамматические различия в образовании формы именительного падежа множественного числа от лексемы *glaz*, фиксируя два конкурирующих варианта — *glazá* и *glázy*. Форма с окончанием *-a*, восходящая к двойственному числу, лидирует в большинстве русских говоров. Форма с окончанием *-y* образует довольно компактный ареал, смещенный к северо-западному пограничью русской территории (вологодские, новгородские, псковские, брянские, западная часть смоленских говоров). Примечательно, что именно эта форма спорадически встречается в северо-восточных белорусских говорах наряду с характерным общеславянским названием *vóčí*; это говорит о том, что данная форма появилась в белорусских диалектах в результате заимствования. Этот факт отмечает и Я. Сятковский, указывая, что исторические словари белорусского языка фиксируют слово *glaz* в значении 'орган зрения' еще в текстах конца XVI в.⁵

На карте также отражены единичные наименования экспрессивного или пейоративного характера: это рус. *зенки* (пп. 527, 777, 744), *лупы* (пп. 587, 634); в индексе материалов также спорадически зафиксированы рус. *моргалы* (п. 634), *бельмы* (п. 710), *булычи* (п. 756),

выпуки (п. 744); белорус. *безики* (п. 380); польск. *ślep'a, gaцу* (п. 259), не попавшие на карту. Фиксация экспрессивных наименований не входила в задачи собирателей материала и составителей карты, хотя данный тип номинации глаз широко распространен в говорах: рус. смол. *бельмаки* (СРНГ: 2, 236)⁶, рус. арх. *балашки* (СРНГ: 2, 77), рус. дон. *бельтюшки* (СРНГ: 2, 239), рус. дон. *беньки* (СРНГ: 2, 242), рус. самар. *буздылы* (СРНГ: 3, 255), рус. влад. *буравы* (СРНГ: 3, 279), бел. брян. *пялы* (Чалавек: 163)⁷, бел. могил. *зяпки*, бел. гомел. *гизюкі* (Чалавек: 164) и пр.

Карта № 7, посвященная распространению деминутивов наименования глаза, демонстрирует картину географического распределения дериватов лексем с корнем **ok-* и **glaz-*, практически идентичную карте № 6. Вся славянская территория, кроме русских говоров, представляет системный ареал дериватов корня **ok-*, при этом разнообразие вариаций значков свидетельствует о большом наборе суффиксов, служащих для образования деминутивной формы: это суффиксы *-ьп-ьс-* (оѣсене), *-ин-ьк-* (оѣинко), *-ic-* (оѣиса), *-tj-* (okitje), *-ьк-* (оѣко), *-ič-ьк-* (оѣičко), *-ьč-ьк-* (оѣьčко), *-ьп-ьк-* (оѣьпко) и т. п. В южнославянских диалектах отмечены и описательные конструкции типа *мало око*, *маленько око* (пп. 11, 42, 47, 79, 84, 235).

Деминутивы, производные от корня **glaz-*, представлены соответственно в русских говорах. Они также образуют ряд суффиксальных разновидностей, каждой из которых на карте соответствует особый значок. Это *glaz-ьк-ь*, *glaz-ьč-ьк-ь*, *glaz-ьк-о* (*glaz-ьк-а*), *glaz-ик-ь*, *glaz-ič-ьк-ь*, *glaz-ьп-ьк-ь*, *glaz-ьп-ьк-ь*. При этом доминирует в русских говорах форма с суффиксом *-ok-* (*glazók*), вторая по частотности — с суффиксом *-ik-* (*glázik*). На пограничных русско-белорусских и русско-украинских территориях наблюдается сосуществование вариантов наименований от обеих корней; при этом украинские пункты, прилегающие к русской территории, в которых на карте №6 не встречались формы, производные от корня **glaz-*, оказываются более открытыми, когда речь идет о деминутивных дериватах, так как формы *hlázik*, *ylazók* распространены в тех юго-восточных говорах, которые граничат с Россией (пп. 446, 481, 512, 511, 521).

Русский диалектный материал, который кардинально выделяется на общеславянском фоне, дает повод задуматься, почему в русском языке и диалектах сложилась данная ситуация, известны ли русским диалектам общеславянская лексема *oko* и ее дериваты, и как они соотносятся с современной русской лексемой *глаз* и ее производными. О чем же свидетельствует эксклюзивное распространение лексемы

glaza и ее деминутивов *glazok*, *glazik* в русских говорах, противопоставленное общеславянскому *oči*, *očko*?

Общеславянский характер распространения лексемы *oko* — в значении ‘глаз’ говорит о том, что именно *oko* более древнее название, известное всем славянам и имеющее родственные параллели во многих индоевропейских языках (от и.-е. основы **ok-* ‘смотреть, видеть’). Это свидетельство лингвогеографии подтверждается и данными этимологических словарей.

О том, что эта лексема была известна русскому языку на ранних этапах его развития свидетельствуют древнерусские памятники письменности. Так, в частности, в словаре И. И. Срезневского зафиксирована как сама лексема *oko*, так и целый ряд ее производных: *очѣсьныи*, *очьныи*, *очивисть*, *очивѣсто*⁸. Позднее в русских говорах она была вытеснена более новым наименованием *glaz* (первоначально означавшим ‘круглый камешек’, ‘шар’⁹). Само слово *glaz* (*glazky* *стекляныи*) в значении ‘стеклянные шарики, бусины’ отмечено еще в Ипатьевской летописи под 1114 г.¹⁰. П. Я. Черных предполагает, что лексема *glaz* в значении ‘глаз человека’ вытеснила лексему *oko* не ранее рубежа XVI–XVII вв., употребляясь первоначально как экспрессивное: ср. **glaza* *вытучил* = *шары (зенки и пр.) выкатил*¹¹. Ср. пол. *glaz* ‘большой камень, кусок скалы’, *glazik* ‘камешек’; ст.-чеш. *hlazec* ‘вид камня’, макед. топоним *Глазна река* ‘букв. Каменка’, входящие к п.-сл. **glazъ*¹².

Слово *oko* (*очи*), практически исчезнувшее из русских диалектов, фигурирует в литературном языке как церковнославянизм: оно перешло в группу лексики книжного, поэтического стиля. *Око* употребляется в составе устойчивых выражений (опустить *очи* долу; предстать пред светлые *очи*; беречь как зеницу *ока*), в том числе церковнославянского происхождения (*Око за око, зуб за зуб*), в поэтической речи (*очей очарованье; сверкнув очами; очи черные* (песн.)). То же самое можно сказать и о дериватах слова *oko*, которые часто относятся или к высокому, книжному (*очевидный, воочию*), или к канцелярскому, деловому (*очный/заочный*, ср. *очная ставка, заочное обучение*) стилю. О прежнем стилистически нейтральном употреблении слова *oko* в значении ‘глаз’ свидетельствуют сохранившиеся в языке этимологически родственные *оку* слова, например, *окно* (**ok-ъп-о*)¹³, а также стилистически нейтральные дериваты (*очевидец, очки*).

Что касается деминутивов от слова *oko* (*очко*), они подвергаются десемантизации: утрачивают значение уменьшительно-ласкательного

наименования глаза (органа зрения) и начинают означать предметы круглой формы или отверстия, сохраняя сему «небольшой».

Интересно, что такая же тенденция наблюдается у деминутивов, образованных от *глаза* (*глазик*, *глазок*). При этом стилистические различия между деминутивами *глазок* и *очко* полностью нивелируются. В современном литературном языке *очко* имеет среди прочих значение ‘отверстие в чем-нибудь: очко улья, очко доменной печи’¹⁴; *глазок* — ‘небольшое круглое отверстие в чем-нибудь (обычно для надзора, наблюдения); почка, срезаемая с растения для прививки; пигментное пятно в окраске насекомых; пятнышко в рисунке ткани’¹⁵.

Примерно такая же картина наблюдается и в русских диалектах. Анализ данных диалектных словарей выявляет большой спектр значений слова *глаз* и его дериватов. Кроме значений, возводимых к понятию глаза как органа зрения (‘зрение’ — она стала слаба *глазами*, ‘присмотр за кем-либо’ — за ним нужен *глаз* да *глаз*, ‘сглаз’ — дурной *глаз* и пр.), для *глаза* и его производных можно выделить следующие переносные значения:

— небольшой (круглый) предмет: *глазок* ‘кусочек берегового льда’, ‘ягода морошки’ (карел.), ‘незрелая ягода морошки’ («незрелую морошку зовут морошкой в *глазках*, *глаза* у ней еще не открыты»)¹⁶, ‘стекло очков’, ‘насечка на весах’ (карел.), ‘драгоценный камень в ювелирном украшении’, ‘петля в вязании’ (для сравнения — словац. *oko* ‘вязаная петля’), ‘пестик у цветка’ (пск.)¹⁷, *глазнички* — ‘бусы’, ‘малек рыбы’¹⁸;

— отверстие: *глаз* ‘окно на фасаде дома’ (арх.), ‘отверстие в доменной печи’ (урал., перм.), ‘отверстие в центре верхнего жернова’ (алт.); *глаз*, *глазок* — ‘ячей сети’ (астрах., пск.), *глазко* — ‘устье печки’, *глазки* ‘отверстия на носу лодки, через которые проходит якорная цепь’ (пск.);

— водоем (отверстие, заполненное водой): *глазник* — ‘омут, топкое место, окно с чистой водой на поверхности зарастающего озера’, ‘яма с водой для вымачивания льна’, *глазина*, *глазовина* ‘лужа или топкое место на моховом болоте’¹⁹, *глазок* ‘сосуд, вмещающий небольшое количество чего-либо’ («масинька рюмочка, таким *глазком* пьют») (пск.)²⁰ и т. п.

Дериваты с корнем **ok-* представлены в русских говорах в меньшем количестве, чем дериваты с корнем **glaz-*. Легко заметить, что диалектные словари, приводя лексемы с корнем **ok-*, как и словари литературного языка, в качестве иллюстративных примеров используют фразеологизмы, устойчивые сочетания (в мгновение *ока*; все-

видящее, недремлющее *око*; как *око* трястись над кем-либо; с *очей* не спускать), фрагменты фольклорных текстов (песен, сказок, былин, причитаний), которые в силу своих жанровых особенностей сохраняют архаичные структуры языка. Например: «А в *очах* же детинушка завирается, а напился детина зелена вина»; «Называньце было тебе *очимое*, похвала тебе всегда да *позаочная*»; «Дайте в *очи* видети кручинную матушку»; «Увидала его баба-яга и говорит: доселева русского духа слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне русский дух в *очью* проявляется!»; «Мышка *очки* заела» (говорят, когда ребенок после сна с трудом открывает глаза) (смол.) (СРНГ: 23, 131); в малых жанрах фольклора — пословицах и поговорках («Видит *око*, да зуб неймет»; «Видели *очи*, что брали к ночи», «Кривое *око* видит далёко»; «В глаза лестью льстят, за *очью* поедом съестъ хотят»; «Не хвали меня в *очи*, не брани за *глаза*». «Недоглядишь *оком* — доплатишь боком»; «Ни ухом, ни рылом, ни *очми*, ни речми»)²¹. В приведенных примерах лексема *око* употребляется в стилистически нейтральных (наравне с лексемой *глаз*) или даже в стилистически сниженных контекстах.

Сравнительно небольшая часть дериватов корня **ok-* сохраняет значения, связанные с семантическим полем «зрение»: например, это прилагательное *безочный* ‘слепой, безглазый’ (СРНГ: 2, 198), сложное существительное *белокон* — прозвище белоглазого человека (череп., новг.) (?) (СРНГ: 2: 220). Слово *око* (*очи*) и его дериваты часто приобретают переносные значения. Так, например, рус. диал. слова *очевидно* ‘в чьем-либо присутствии’ (калуж.) «Они тут напротив сидели всегда на лавочке, наяву, *очевидно*, на глазах у нас» (СРНГ: 25, 60), *очённо* ‘лично’ — «пусть *очённо* придет и сам все расскажет» (ср. говорить о ком-либо *за глаза* ‘в отсутствии человека’) (СРНГ: 25, 62) представляют собой пример переносного значения, когда часть тела человека, а именно глаза, начинают означать целое — самого человека, его личность.

Интересно, что слова, связанные с семантическим полем «зрение», имеют также тенденцию к обозначению ментальных состояний человека — знания и понимания (ср. глагол *видеть* ‘знать, понимать’ «я *вижу*, вы уже все знаете»). Так, слово *очевидный* приобрело значение ‘понятный, ясный’.

Деминутивы, производные от *ока*, как и деминутивы от *глаза*, часто выступают в значениях, не связанных с исходным семантическим полем «зрение», при этом значения деминутива *очко* (*очко*) практически совпадают со значениями деминутивов *глазик* (*глазок*),

обозначая ‘небольшой круглый предмет’ или ‘отверстие’. Еще в словаре И. И. Срезневского слово *очько* отмечено в значении ‘круглый значок, точка’ (в применении к графическому знаку для обозначения крюковых нот), *очьце* ‘яблочко гранатное’²². Современные диалектные словари дают следующие значения деминутивов: *очёк* ‘ячейка рыболовной сети’ (смол.), отсюда *очковая рыба* — ‘рыба, которая проходит через ячейку сети’ (СРНГ: 25, 60). Следует отметить также, что слово *очи* (аналогично ср. *глазки*), может выступать в качестве термина: *очи царские* ‘лекарственное растение, употреблявшееся от сглаза и для «одоления врага»’ (СРНГ: 23, 131). Ср. *васюткины глазки*, *веселые глазки*, *анюткины глазки*.

Таким образом, в русских диалектах и литературном языке наблюдаются два взаимообратных процесса: слово **glaz*, некогда означавшее круглый камешек, по внешнему признаку формы начало означать глаз, орган зрения. С другой стороны, **oko*, будучи словом, исторически означавшим орган зрения, развило переносные значения и стало применяться по отношению к круглым предметам, напоминающим по форме глаз. В русских диалектах производные с корнем **glaz-* более многочисленны и шире распространены, чем дериваты с корнем **ok-*, что не удивительно, так как именно лексема *глаз* продолжает жить в современном языке и говорах, вытеснив бывшее ранее нейтральным, но устаревшее слово *oko*. Впрочем, *oko* не исчезло из языка совсем, оно заняло свою нишу — укоренилось в книжной, поэтической лексике, став признаком высокого стиля. Так, продолжая традиции церковнославянской и поэтической речи, корень *-ок (-оч)* живет в литературном языке и говорах в «книжных» словах, развивая переносные, «духовные», значения, противопоставленные прямым, «телесным». Ср. в русском языке прилагательное, образованное от **glaz* — *глазной* ‘относящийся к глазам’, тогда как *очный* ‘связанный с присутствием человека’, *очевидный* — не *‘видный, наглядный’, а ‘понятный’; в то время как в других славянских языках прилагательное от **oko* (*очный*, *вочный*) имеет прямое, «телесное», значение ‘глазной, связанный с глазами’: бел. *вочная хороба*, болг. *очен лекар*, *очебиен* ‘тот, который бросается в глаза’.

ПРИМЕЧАНИЯ

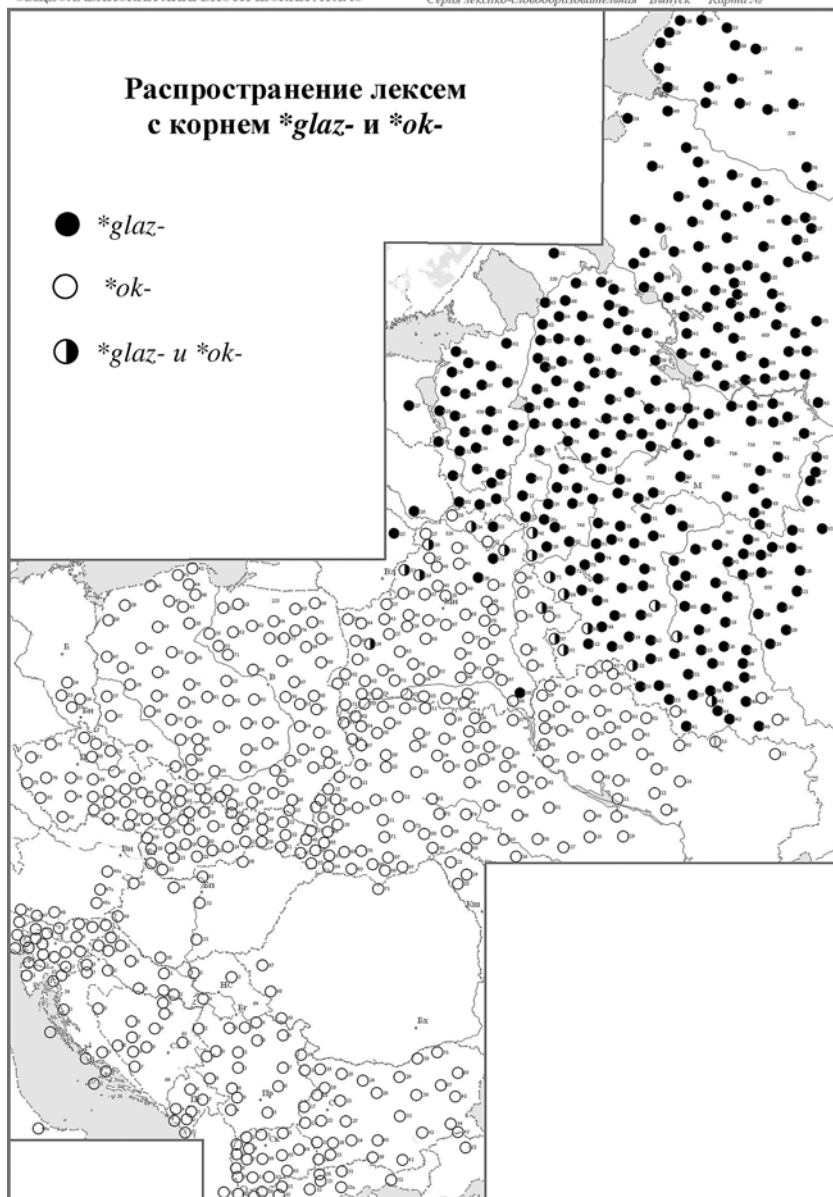
- 1 Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 9. Человек. Краков, 2009.
- 2 *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009. С. 49–50.
- 3 Об этом см. в статье: *Сятковский Я.* Изменения в распространении названий частей тела в восточнославянских говорах в свете данных истории языка // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 2009–2011 гг. М., 2011. С. 161–174.
- 4 Аналогичная ситуация наблюдается в русских говорах со словами **večer-j-a*, **večer-j-a-e-tъ*. Об этом см.: *Вендина Т. И.* Русские диалекты... С. 73.
- 5 *Сятковский Я.* Изменения... С. 164.
- 6 Словарь русских народных говоров (далее СРНГ). Вып. 1–41. М.; Л. (СПб.), 1965–2007.
- 7 Чалавек. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.
- 8 *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 2а. С. 642–643, 846.
- 9 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб. Т. I. С. 409–410; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (далее ЭССЯ) / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. М., 1979. С. 117–118.
- 10 *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Спб., 1893–1912.
- 11 *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 190.
- 12 *Етимологічний словник української мови.* Київ, 1982. Т. 1. С. 520.
- 13 ЭССЯ. Вып. 32. М., 2005. С. 45–47.
- 14 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 419.
- 15 *Ожегов С. И.* Словарь... С. 114.
- 16 Словарь говоров Русского Севера. Т. 3. Екатеринбург, 2005. С. 32.
- 17 Псковский областной словарь. Т. 6. Л., 1984. С. 176.
- 18 Словарь говоров Русского Севера... С. 32.
- 19 СРНГ. Т. 6. С. 184.
- 20 Псковский словарь... Т. 6. С. 177.
- 21 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб., 1881. Т. 2. С. 686.
- 22 *Срезневский И. И.* Материалы... Т. 2а. С. 849–850.

Yasinskaya M. V.

Oko and glaz and Their Derivatives in Slavic Dialects

The article covers the problem of dissemination of lexemes *oko* and *glaz* and their derivatives in Russian dialects in the general Slavic context with involvement of data of lingvogeography, etymological, historical and dialectological dictionaries.

Key words: *lingvogeography, The Slavic Linguistic Atlas (SLA), Slavic dialects, etymology, Russian exclusives, derivatives, diminutives, desemantization, stylistic, somatic vocabulary, eye, vision.*

А. Б. Коконова
(Москва)

Представления о беременности в севернорусских диалектах

В статье автор анализирует представления о беременности в севернорусских диалектах.

Ключевые слова: *диалектология, этнолингвистика, народная речевая культура.*

Традиционная культура характеризуется неоднозначным отношением к беременности и к самой беременной. С одной стороны, беременность — это чаще всего счастливое, ожидаемое событие, с другой же — это опасный для женщины период, когда она буквально находится между жизнью и смертью. Такое отношение отражается в следующих высказываниях: Жэньщина как то́лько начинаёт носить ребёнка, начинаёт носить за собой сме́рть. ЛЕШ. Смл. Для беременной жэньщины де́вять месяце́ф могила пола (открыта). МЕЗ. Цлг. Сорог днёй рожэ́ница хóдит одна но́га на земле́, дру́гая над моги́лой. ОНЕЖ. Тмц.

Такие высказывания имеют под собой как реальную основу (из-за отсутствия медицинской помощи при родах действительно умирало много женщин), так и мифологическую. «Беременность воспринималась как постепенное умирание будущей матери, что нашло свое выражение в многочисленных запретах и предписаниях для беременной, свидетельствующих о резком сужении ее жизненного пространства, о ее социальной изоляции» (МиБ: 56).

Беременная в основном находилась дома, ей нельзя было ходить на похороны, женщина «в положении» не должна была волноваться, совершать какое-либо насилие: Ёсли ко́шек пина́ть, де́ти капри́зные бу́дут. ЛЕШ. Смл. Ёсли жэньщина хóдит ф положэ́нии, коты́ путаю́ща в нога́х, она́ пне́т ко́та, и вот к ребёнку шетинка пристаёт. ОНЕЖ. Тмц. Ростра́иваца нельзя́, когда но́сиш, фсе́ даёца на ребёнка, фся внутрeнность. МЕЗ. Пгр.

Вкусовые прихоти беременной считались выражением воли неродившегося младенца, поэтому их старались исполнять, боясь, что отказ повлечет за собой рождение больного ребенка: Приду́мают — где хо́ш достава́й, понести́сь на́до — а то родиш како́го-нибу́ть кале́ку

без руки́ без но́ги, слепо́го. Ёсли хо́чет береме́нна жэ́ншына — штоп она́ наела́сь до́сыта. ПИН. Ёр.

В своем доме беременная становилась как бы чужой, ей запрещалось выполнять привычные обязанности. Так, ограничивались ее контакты с нитками, пряжей, веревками, то есть со всем длинным и тонким, символизирующим пуповину: Тро́гать верё́фки нельз́я, бельё́ розвё́шивать, под верё́фками проходíть, взят́ь, шы́ть. Ребё́нка мо́жет обвítь пуповíной. ЛЕШ. Смл.

Наступление беременности оценивалось в основном положительно. В традиционной семье должно было быть много детей. Поэтому женщина, которая не может иметь детей, описывается в народной культуре негативно: *неплóдная, бесплóдная, пустáя, порóжня, порóзная, беску́рая*.

Словом *ку́ра* в архангельских говорах обозначаются женские половые органы, таким образом, не имеющая детей женщина оценивается как ущербная в физическом плане, как бы лишенная главного женского органа. Все признаки, характеризующие не имеющую потомства женщину, связаны с пустотой, ненаполненностью. Семантика пустоты отражена как в корнях этих слов (*пустóй, порóжней, порóзной* (ср. «опорожнить»)), так и в приставках, обозначающих отсутствие описываемого признака (**не-**, **без-**).

Наступление беременности связывали с правильным поведением женщины: Вроде де́вка не гуля́шшая была́, вы́шла за́муш, забере́менела, а плóт не развива́ецца. НЯНД. Мш. Поэтому невозможность забеременеть или выносить ребенка расценивается в народной культуре как признак греховного поведения женщины (см. об этом МиБ 2005: 56–57).

Зародыш — начало новой жизни — представлен лексемами с корнем **-жив-**: *жívчик, живу́лька*: У дво́их трéтья живу́лька веть быстро завя́жэцца, не успе́ш огляну́цца, она прильну́ла. ХОЛМ. Кзм. Заевле́нье не подаю́т, а на́до итти́ — уж жы́фчик-то в животе́. ПИН. Влт.

Наступление беременности — то есть появление в будущем младенца — описывается метонимически с помощью выражений *на живые (мáленькие) но́жки, на живые но́шки пойтíть, понестíсь*. Внутренняя форма этих выражений может быть прочитана так: первые действия ребенка в утробе матери связаны с тем, что он толкается ножками, как бы давая знать о себе. А у тебя́ не на живы́е но́шки? (плохое самочувствие). КАРГ. Ух. Тошнит на ма́леньки но́шки. КАРГ. Крч. Это́ как тошнítь уш начьнёт дак ы говорят: на живы́е но́шки

пошло. ШЕНК. ЯГ. Полмѣсяца пожыла, на живыѣ ношки понеслаъ. УСТЬ. Брз.

Наступление беременности на физиологическом уровне представляется как прекращение менструации; в говорах менструация обозначается такими лексемами, как *нарубаино*, *красное*. Таким образом, наступившая беременность характеризуется как потеря *рубаики*, *красного*: Ой, я-то веть рубаху потеряла — забеременела она, красное-то потеряла. ШЕНК. Ктж.

Наступившая беременность и, как следствие, ребенок могут мыслиться как нечто сделанное, результат некоей деятельности, которая табуируется, не называется. Ребенка можно *сробить*, *сроботать*: У меня татенька смешной, меня сроботал за пашной. Двое ребят сробил в Москве, а потом скрылся на родине. УСТЬ. Брз.

Глаголы *настроить*, *выстроить* рисуют зачатие ребенка как строительство нового дома: Пядь девок настроил. МЕЗ. Аз. Зауголок, найдёныш — за углом выстроен. НЯНД. Мш.

Состояние беременности как результат действия может выражаться глаголом *прижить*, приставочным образованием от глагола *жить* — ‘вести половую жизнь’: *прижить ребёнка*, *брюхо прижить*: Парень один прижил девушке ребёнка, так отказываецца. МЕЗ. Длг. Ой, Шурка, хто теперь брюхо прижил? ВЕЛЬ. Сдр.

Деятельность, следствием которой может стать беременность, может сопоставляться с формированием хлебобулочного изделия: глаголы *тяпать*, *стяпать* имеют значение ‘сформировать хлебобулочное изделие’ (ср. арх. *колопкі стяпала*, *натяпаю шанежек*), поэтому в данном случае можно говорить об уподоблении ребенка хлебу. Какі молоццы, побоялись тяпать большэ (заводить детей во время войны). Стяпать ребёнка (девушка согласилась) и знала, што забеременет. МЕЗ. Цлг.

Представления о беременности связаны с несколькими ведущими семантическими признаками.

Беременность-тяжесть

Беременность часто представляется как тяжесть. Это представление мы видим, например, в глаголах, обозначающих начальный этап беременности: *забеременеть*, *обеременеть*, *оберемениться*, происходящих от корневой основы *беремя* со значением ‘тяжесть, ноша’.

Тяжесть является одним из ведущих номинативных признаков и при обозначении беременной женщины: *тяжёлая*, *грузная*, *беременная*, *обеременная*. Он не опустил меня, когда была грузна.

КАРГ. Нкл. Опять с коёзой ходит, тяжолая, берёмenna. ШЕНК. Шгв. Берёменными и не звали — фсе брюхата. ПРИМ. Ннк. Она уш оберёменена была. ЛЕШ. Плщ.

Ребенок в материнской утробе воспринимается как груз, поэтому беременную называют *грузной*, *в грузу*, *с грузом*, *в тягости*: Баба грузная одна пошла в лес. ПЛЕС. Прш. Она и теперь в грузу ходит, берёмenna. Натка прибыли ждёт, ходид з грузом. МЕЗ. Длг. Как пожар-от зделался, я была ф тягости. В-Т. Вдг.

Представление о нерожденном ребенке как о тяжести проявляется и в том, что родившая женщина больше не ощущает *тягости*, ей становится легко: И тягости никакой нет — я робёночка принесла. УСТЬ. Снк. Родиш — легота веть. ЛЕШ. Блщ.

Беременность-ноша.

Беременность как ношу представляют обозначения ситуации с глаголами *понесті*, *понестісь*, *заносіть*. Эти глаголы фиксируют начальный этап состояния беременности: Дёвушка понесё, да неохота родить. ЛЕШ. Плм. Третьево декабря я понеслась. ЛЕШ. Клч. Долго не носила, потом заносила (детей). ЛЕШ. Ол.

Глаголы *таскать*, *натаскать*, *потаскивать*, *перетаскать* описывают беременность как ношение тяжести: Она немужна (незамужняя), была и сама детей таскат и таскат, фсе потаскивала, у ей чуть не четырнацать родоф было. Столько детей перетаскат, а потом фсе перемерли, она ревели до нехоти. Ой, бедая баба. ПРИМ. Ннк.

Состояние беременности описывается глаголами *носіть*, *носітьсь*: Она раньше вышла, старша-то, а она не носіла много, деседе годов не носіла. ВИЛ. Пвл. Дёвкой обрюхатилась, абортировалясь. Когда не нать, так обрюхатилась, а теперь не носицца. ПИН. Шрд.

Начало беременности описывается существительным, образованным от глагола *понесті* — *понос*: А то понос, понесла — значит берёмenna. ЛЕШ. Клч.

Женщина как носительница ребенка может быть обозначена прилагательным *поносная*: Хозяйка поносна была. КОН. Клм.

На последнем сроке беременности женщина находится *на сносях*: На сносях — если ждёт ребёнка, берёмenna. ЛЕШ. Смл.

Представление о животе беременной как о неком вместилище, где носят ребенка, находит свое выражение и в образных сравнениях живота с большой корзиной или емкостью. Так, живот находящейся в положении женщины может быть назван *котомой*: Што у тебя за котома-то? (о беременной женщине) УСТЬ. Брз., а сама

беременная — *коробу́хой*: Когда, *коробу́ха*, пойдём в больницу? КАРГ. Лкшм.

Беременная носит ребенка положенный срок и *прино́сит* его в мир, *прино́сится*: Заприносила, и долго приносила уш она. КАРГ. Хтн. Рожат-то ныне, а раньше всё приносица. В-Т. УВ.

Роды описываются как приношение ребенка в мир: *выно́сы*, *прино́с*, *прино́сы*. Трудны *выно́сы* были, такие трудные. ПРИМ. Лпш. После *прино́су*. ПИН. Квр. Мисяц в Вельском жыла, до *прино́соф*. ВЕЛЬ. Лхд.

Ситуация нормально протекшей беременности и удачных родов выражается глаголами *выно́сить*, *вына́шивать*, *доно́сить* (эти глаголы часто употребляются с отрицанием, описывая ситуацию ненормы): Семь парней и четыре дефки, вот сколько *выносила*. МЕЗ. Длг. Не могла *вына́шивать* детей. ПИН. Квр. Колю недоносила, две недели была только в декрете. КАРГ. Ар.

Таким образом, идея «ношения» ребенка реализуется на всех этапах ситуации: женщина *понесла* ребенка, вследствие чего стала *пони́сной*, когда подошел срок, *заприносила* и, наконец, *принесла*.

Беременность-путь.

Одно из самых древних в народной культуре представлений — это представление беременности как пути. Беременная представляется посредницей между миром живых и миром мертвых, куда она «отправляется» за ребенком. Беременность как путь представлена, например, в тексте заговора-обращения к домовому: Батюшко-домовеюшко, *привезла* я нового челове́чка... ПИН. Нхч. Об этом же свидетельствует обозначение беременности как хождения: Я уш ходила (беременная), корова́шэг был — *во́стро брюхо*. ВЕЛЬ. Сдр. Я ходила Таней, ноги *вышли* ис *ходил*, не могу *ходить*. ПИН. Врк.

Состояние беременности, длящееся дольше положенного срока, описывается глаголом *переха́живать*, длящееся меньше — *недоходи́ть*, *недоха́живать*, *недоходи́ть до кра́ю*, *стро́ку*: Ты *переха́живаш* — *врачи́* говорят. ВИН. Кнц. З *дефкой* *недоха́живали*, с *парнем* *переха́живали* *неделю*. МЕЗ. Сн. У нас *веть* *Катя* *две* *недели* *не* *доходи́ла*. ЛЕШ. Шгм. *До* *стро́ку-то* *не* *доходи́ла*. КАРГ. Нкл. *До* *краю-то* *не* *доходи́ла* и *Нино́чку-то* *принесла*. КАРГ. Ус.

Доходи́ть — разрешиться от бремени в положенный срок: *Доходи́ла* *до* *вре́мени*, *родила* *ребёнка*. КАРГ. Влс.

Беременность-живот.

Эквивалентом беременности в наивной картине мира служит ее физическое проявление — большой живот беременной женщины, поэтому наступление беременности описывается с помощью именного компонента *брюхо* в составе словосочетаний: *брюхо заказано, заложено, привязалось, прильнуло*. Забеременевшая *делается с брюшиной, брюхатит, ее пузатит*: У меня доць зделалась з брюшыной. КАРГ. Оз. Я когда брюхатила ею, фсе селётку ела. ПРИМ. 33. Была девушка, её пузатило. ВЕЛЬ. Лхд.

Приход в состояние беременности описывается глаголами *забрюхатеть, обрюхатеть, обрюхатиться, обрюшнеть, опузеть, опузатеть*: Опядь забрюхателя. ПИН. Нхч. Гли-ко, она ф школы ешо училась, да обрюхателя, нагуляла ребёнка. ЛЕШ. Кб. Дефкой обрюхатилась, абортировалась. ПИН. Шрд. Обрюшнёт, я буду водице. КРАСН. ВУ. Опузела — берёмная, или обрюхателя, скажут. ПИН. Ср. Дефки-то которы некоторые уш фсе опузатели. УСТЬ. Брз.

Каузация состояния беременности выражается сочетаниями *сделать брюхо, брюшинку, сделать в положёнии, накозлить брюхо*: Брюхо зделал дефке и прибрал, грёхи-те покрыл. НЯНД. Лм. И ноцёвал, тогда и мне брюхо оставил. КРАСН. Прм. Солдат тоже брюшинку зделал да уехал. КАРГ. Лдн. А иш, понесла — в положёнии зделал. КАРГ. Лкш. Накозлила брюхо — крепко наелась (или забеременела). ЛЕШ. Ол.

Большой живот может описываться метафорически словом *колокол*, отсюда каузация беременности — *колокол повесить*: Иш ходят, ходят, колокол повесят им — це ле будёт. ЛЕШ. Кб.

Беременная *ходит с брюхом, с брюхами, брюшиной, коёзой*: У нас не говорят: берёмная, у нас: з брюхом ходит. МЕЗ. Мсв. Я красна была, з брюхами ходила. УСТЬ. Бст. Дефкой хожу з брюшыной, беда! ПИН. Кшк. С коёзой ходит, тяжолая, берёмная. ШЕНК. Шгв.

По наличию большого живота беременная называется *брюхатой, брюшной, пузастой, пузатой, пузой*: Я избу фсю брюшной выбелила. КАРГ. Нкл. Катюша пузастая. КАРГ. Ус. Мамушка пузата была, у копны родила, да ф чево-то завертёла. КРАСН. Брз. Вецером обредилась, одоила короф, пузая была, ноцью родила. КАРГ. Крч.

Женщина с большим животом воспринимается как *толстая*: Толстая она — берёмная-то. ШЕНК. Ктж. Толстая ходила, робёнка понесла в баню. НЯНД. Мш.

Большой, толстый живот как бы замещает саму женщину: Приедут домой, животы толстые. КАРГ. Ух.

Беременная женщина описывается как обладательница большого живота: она *с бо́чиной, с брю́хами, с брю́хом, с брю́шиной, с брю́шищем, с пу́зой, с пу́зенью*.

Этот же признак закреплен в номинациях *брюха́нья, пуза́нка*: Ходили-то брюханьи-то. КАРГ. Нкл. Скоро родит, эка пузанка, да ещё скажут з брю́хом. В-Т. Тмш.

Иносказательно беременная женщина описывается как *объёвшаяся карто́шки*: У ей племя́ньница обéлась карто́шкой, зашэвелились живы́ но́шки — ф положэ́нии. ПИН. Ср.

Так как состояние беременности как особо уязвимое табуируется, о беременной женщине говорят, что она *в положэ́нии*: Она осталась ф положэ́нии. ЛЕШ. Блщ.

Большой срок беременности описывается с помощью образных выражений, буквальное прочтение которых указывает на «активное», даже агрессивное поведение *брю́ха, брю́шины, пу́за, вочы́ны*: *пу́за на́ нос лэ́зет, пу́зо вы́ше но́са, брю́хо на взно́се, брю́хо к но́су, брю́шина вы́ше но́су, брю́шина вы́ше груде́й, брю́шина до но́су торчи́т, вы́воротить вочы́ну*. Причем в основном так описывается ситуация, которая осуждается социумом: либо это внебрачная беременность, либо недопустимое для беременной женщины поведение.

Пла́цет — у ей брю́хо на взно́се. ЛЕШ. Клч. У ё уш бы́ло брю́хо-то к но́су у ё. УСТЬ. Стр. Брю́шина до́ носу торчи́т у ба́бы-то, стои́т за вино́м-от. КАРГ. Лдн. Не́веста сто́яла ф столе́ — брю́шина вы́ше но́су. ШЕНК. ВП. Брю́шина на́ нос лэ́зла — бы́ла уш толста́я. КОН. Твр. У Масли́хи подне́лась уш вы́ше груде́й брю́шина. КОН. Клм. Пу́за на́ нос лэ́зет, а фату́ надева́ет. Пу́зо ужэ́ на́ нос, рожать на́до, а она́ фсе́ пи́ла. ПИН. Чкл. Когда́ пу́зо вы́ше но́са, тогда́ и за стол сяду́т (о свадьбе). ЛЕШ. Рдм. Кака́ уш тут свадьба, на́ нос вы́несла. ЛЕШ. Клч. Ой, ба́ба, воци́ну каку́ю вы́воротила. УСТЬ. Флн.

В экспрессивных выражениях живот метонимически заменяется словом *кишка́*: *кишка́ больша́я, кашка́ на вороту́*: Другие жэ́нця, сидя́т за столо́м, а кашка́ (живот) уж больша́я. КОН. Влц. У не́е уш кашка́ на вороту́, а она́ ф фате́. НЯНД. Мш.

Итак, представление о беременности в народной культуре связано с тремя ведущими номинативными признаками: тяжестью, ношей и большим животом; представление беременности как пути является архаическим и прочитывается лишь косвенно, в большинстве случаев на основе заговорных текстов. Ведущие признаки, мотивирующие

обозначения беременной женщины, состояния беременности и ее казуации связаны с образными представлениями, которые отражаются во внутренней форме наименований. Яркая образность связана не только со стремлением «зримо» представить описываемый объект, но и с табуированием состояния беременности.

ЛИТЕРАТУРА

МиБ — Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЕЛЬ	Вельский район, Лхд — Лиходеево, Сдр — Судорма
В-Г	Верхне-Тоемский район, Вдг — Вадюга, Тмш — Тимошино, УВ — Усть-Выя
ВИЛ	Вилегодский район, Пвл — Павловск
ВИН	Виноградовский район, Кнц — Конецгорье
КАРГ	Каргопольский район, Ар — Архангело, Влс — Волосово, Крч — Кречетово, Лдн — Лядины, Лкш — Лекшмозеро, Лкшм — Лекшма, Нкл — Нокола, Оз — Озерко, Ус — Усачево, Ух — Ухта, Хтн — Хотеново
КОН	Коношский район, Влц — Вельцы, Клм — Климовская, Твр — Тавреньга
КРАСН	Краснобоский район, Брз — Брезник, ВУ — Верхняя Уфтюга, Прм — Пермогорье
ЛЕШ	Лешуконский район, Блщ — Белашелье, Кб — Кеба, Клч — Кельчемгора, Ол — Олема, Плщ — Палашелье, Плм — Пылема, Рдм — Родома, Смл — Смоленец, Шгм — Шегмас
МЕЗ	Мезенский район, Аз — Азаполье, Длг — Долгощелье, Мсв — Мосеево, Пгр — Погорелец, Сн — Сояна, Цлг — Целегора
НЯНД	Няндомский район, Лм — Лимь, Мш — Моша
ОНЕЖ	Онежский район, Тмц — Тамица
ПИН	Пинежский район, Влт — Вальтево, Врк — Веркола, Ёр — Ёркино, Квр — Кеврола, Кшк — Кушкопала, Нхч — Нючха, Ср — Сура, Чкл — Чакола, Шрд — Шардонемь
ПЛЕС	Плесецкий район, Прш — Першлахта

- ПРИМ Приморский район, ЗЗ — Зимняя Золотица, Лпш — Лопшеньга, Ннк — Ненокса
- УСТЬ Устьянский район, Брз — Березник, Бст — Бестужево, Снк — Синики, Стр — Строевская, Флн — Филинская
- ХОЛМ Холмогорский район, Кзм — Кузомень
- ШЕНК Шенкурский район, ВП — Верхопаденьга, Ктж — Котажка, Шгв — Шеговары, ЯГ — Ямская Гора

Kokonova A. B.

Concepts of Pregnancy in North Russian Dialects

The author analyses concepts of pregnancy in North Russian dialect.

Key words: *dialectology, ethnic linguistics, popular speech culture.*

А. С. Стыкалин
(Москва)

Венгерский дипломат и историк о русском национальном чувстве и советском патриотизме

Вниманию читателя предлагается архивный документ 1947 г. — донесение посланника Венгрии в СССР Дюлы Секфю в Министерство иностранных дел своей страны, в котором дипломат указал на проделанную за годы войны эволюцию идеологии советского режима от революционного интернационализма к защите великодержавных ценностей.

Ключевые слова: *Венгрия, Вторая мировая война, победа СССР, советский патриотизм, коммунистическая идеология.*

Одним из решающих итогов Второй мировой войны явилось укрепление позиций СССР (и как следствие — повышение его роли в международных отношениях), на что зарубежные наблюдатели обращали внимание еще до окончания военных действий с Германией. «В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз (тогда Советская Россия. — А. С.) вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на мировой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет выступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций... членов победоносной коалиции», — так охарактеризовали послевоенную ситуацию составители опубликованного весной 1945 г. карманного пособия для офицеров армии США, которым в процессе освобождения Германии предстояло встретиться на Эльбе и вступить в непосредственный контакт с советскими войсками¹. За державной мощью управляемого коммунистами государства стоял большой моральный авторитет страны, внесшей решающий вклад в победу над нацистской Германией. Как отмечалось далее в том же документе, за годы войны «мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело»².

Роль СССР в победе над нацизмом способствовала усилению если не просоветских, то во всяком случае уважительных по отно-

шению к СССР настроений среди интеллигенции и более широких кругов общественности во всем мире. Вот что писали члены советской делегации в своем отчете по итогам поездки на международный конгресс юристов в Париж в октябре 1946 г.: «К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение... Заявление представителя французской делегации... [о том], что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию»³. А в отчете о поездке группы советских кинематографистов во главе с М. Калатозовым на первый Каннский фестиваль в том же 1946 г. отмечалось: хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики «не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (на экране при демонстрации фильма М. Чиаурели «Клятва». — А. С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала»⁴.

Не за горами, правда, уже было резкое усиление антисоветских настроений в последующие месяцы, связанное с началом холодной войны, постепенным ухудшением отношений между СССР и западными державами, непосредственным столкновением их интересов в Иране, Турции, Греции и т. д. Опросы общественного мнения, проведенные в 1946–1947 гг. Институтом Гэллага, свидетельствуют об обозначившейся тенденции к снижению симпатий к стране Советов на Западе⁵. Но в определенных кругах западной (и восточноевропейской) некоммунистической интеллигенции продолжал и дальше сохраняться интерес к той социально-экономической системе, которая сумела обеспечить решающую роль СССР в победе над нацизмом. По замечанию графа Михая Каройи, европейски известного леволиберального политика (первого премьер-министра и президента Венгрии в 1918–1919 гг.), профессора Карра, влиятельного автора передовиц лондонской «Таймс», в 1919 г. преследовали бы в Англии как опасного большевика за его сегодняшние высказывания о возможностях плановой экономики. «Тот факт, что даже английские консервативные газеты пишут сегодня о преимуществах планового хозяйства, яснее всего показывает ход исторического развития. Всего этого нельзя себе представить без успеха русской революции». «Новая Россия», по мнению Каройи, не только выдержала испытание временем, но и широко распространила в мире влияние своих идей. По итогам Второй мировой войны Советский Союз не просто стал «всеми признанной великой державой, вместе с которой Запад

боролся против фашизма. Принцип капиталистического свободного рынка в Европе окончательно провалился, а социализм везде стал хорошим тоном. Социалистическая мысль о плановом хозяйстве завоевывает все новые и новые территории... Даже самые закоренелые консерваторы не могут закрывать на это глаза»⁶. Способное вызвать сегодня у многих читателей улыбку, такое отношение графа Каройи к плановому хозяйству как к панацее от бед, порождаемых рыночной стихией, не может быть понято, конечно, без учета негативного опыта «великой депрессии» 1929–1933 гг. и успехов «нового курса» президента Ф. Рузвельта по выведению США из кризиса.

Каройи полагал, что в послевоенных условиях «формируется новая европейская демократия, которая принимает в каждой из стран свой специфический оттенок соответственно конкретной исторической обстановке. В этом движении должны встретиться Восток и Запад». По мнению Каройи, «новая демократия» «не должна быть и не может быть 100%-но коммунистической, но о 100%-но капиталистической демократии тем более не может быть речи». Эта «новая демократия» не может копировать ни русских, ни английских или американских образцов, хотя должна учиться их опыту. «Вследствие исторического опыта и произошедших в мире изменений, есть возможность избежать многого из того, через что прошла Россия, но это не значит, что надо отбросить учение Маркса и Ленина»⁷. Сходных взглядов о синтезе западного и «восточного» типов демократии в то время придерживались люди различных идейно-политических ориентаций, не чужды они были и Дьердю Лукачу, всемирно известному философу-марксисту, члену венгерской компартии⁸. Такие взгляды, однако, лишились почвы под собой уже к середине 1947 г. в условиях начавшейся холодной войны, усиления конфронтации между СССР и Западом. В Венгрии послевоенный режим антифашистской левоцентристской коалиции к середине 1948 г. сменила жесткая коммунистическая диктатура. Граф Каройи, с 1947 г. представлявший свою страну в Париже в качестве посла, в 1949 г. в знак протеста против судебного процесса по делу деятеля компартии Ласло Райка, всецело сфабрикованному, порвал со своим правительством и навсегда остался во Франции.

Внешне более благополучно, но все же не просто, складывались отношения с установившимся коммунистическим режимом у крупного историка Дюлы Секфю, человека консервативных убеждений, который благодаря своей последовательно антифашистской позиции в годы войны снискал определенное доверие левых сил, всецело под-

державших идею о его командировании в 1946 г. в Москву на дипломатическую работу.

Дюла Секфю (1883–1955) начал карьеру в канун Первой мировой войны в качестве сотрудника одного из венских архивов, находившегося в системе министерства иностранных дел Австро-Венгрии. Позже служил университетским профессором в Будапеште. Прекрасный знаток новейших течений западной (особенно немецкой) историографии и историософии, Секфю стал подлинным реформатором венгерской исторической науки, которая прежде всего с появлением именно его работ освобождается от былой провинциальной узости, выходит в концептуальном и методологическом отношении на передовые европейские рубежи. Последовательный консерватор и противник революций, он много сделал для обоснования исторической продуктивности союза Венгрии с домом Габсбургов, а известной работой «Три поколения» (1920) даже внес свою лепту в формирование идеологии хортистского режима⁹. Однако после 1933 г., с установлением нацистского режима в Германии и наступлением фашизма по всей Европе, Секфю примыкает к антифашистскому движению, представляя в Венгрии, наряду с известным политиком графом Иштваном Бетленом, его христианское, консервативно-гуманистическое крыло.

В 1946–1948 гг. Д. Секфю был первым послом послевоенной Венгрии в СССР. Именно в Москве, в особняке на Поварской (в то время улице Воровского), где теперь размещается венгерский культурный центр, была написана его книга «После революции», недавно ставшая достоянием русскоязычного читателя¹⁰. Наиболее парадоксальная в обширном творческом наследии крупного историка, эта работа отразила важный этап его духовной эволюции. Венгерский консервативный историк не только открыто и в полный голос призвал соотечественников выразить благодарность Советскому Союзу и Красной Армии, ценой огромных потерь внесшей решающий вклад в победу над нацизмом. Не перестав быть убежденным консерватором, далеким от идей коммунизма, Секфю вместе с тем приходит к убеждению в исторической целесообразности и закономерности долгосрочного союза Венгрии с Россией, хотя и выступавшей в год написания книги (1947) в мало приглядном для респектабельной европейской интеллигенции обличье сталинского СССР. «Прежде всего, — писал Секфю, — мы должны лучше узнать нашего соседа, к которому нас прибил ветер мировой истории». Бросив вызов глубоко укоренившимся в сознании венгерской интеллигенции антируссий-

ским предубеждениям (ведь Россия еще в XIX в. воспринималась как оплот панславизма, смертельно опасного для Венгрии), Секфю шел наперекор общественному мнению, и отклик на его книгу в родной стране был по меньшей мере неоднозначным.

Именно перу Д. Секфю принадлежит публикуемое ниже дипломатическое донесение. Пытаясь понять внутренние истоки державной мощи СССР, выявить причины поддержки народом большевистской власти, историк связывал прочность сталинского режима с усилением в его идеологии русского патриотического начала, со все большим осознанием коммунистами своей преемственности многовековым российским государственным (в первую очередь военно-патриотическим) традициям. Без опоры на эти традиции режим, формально не отрекшийся от марксистских доктрин о приоритете узкоклассовых интересов, но в условиях войны отдавший предпочтение воспитанию в своих подданных гражданского патриотизма, не получил бы столь массовую поддержку общества в годы тяжелых испытаний и едва ли сумел бы одолеть мощнейшую военную машину нацистского вермахта.

Внимательно изучавший не только внешнюю и внутреннюю политику сталинского режима, но и советскую повседневность во всех ее многогранных проявлениях, Секфю приходил к выводам, которые разделяли другие заинтересованные наблюдатели. В 1947 г. венгерский публицист право-народнической ориентации Я. Кодолани, в отличие от Секфю не бывавший в СССР, но следивший за происходящим в стране по всем доступным источникам, обратил внимание на то, что советская национально-патриотическая традиция сумела объять совершенно разнородные, на первый взгляд, несовместимые явления: цари, носители имперской идеи Иван Грозный и Петр I и великие полководцы прошлого Александр Невский, Суворов и Кутузов причудливо уживаются в этой традиции с «крестьянским анархистом» Львом Толстым, славянофилом-почвенником Достоевским и активистом-авангардистом Маяковским¹¹. Активное внедрение в годы Второй мировой войны в государственную идеологию СССР российских национально-патриотических ценностей не укрылось от внимания и многих западных наблюдателей. Как отмечалось в уже цитированном нами пособии для офицеров Вооруженных Сил США «СССР — порядки, учреждения и народ», проявившаяся в полной мере в годы войны «тенденция подчеркивать значение русского прошлого» «расширила основу народной поддержки режиму и дала ему дополнительную силу во время войны и обещает то же самое

в послевоенный период»; «хотя патриотизм и не заменил марксизм, тем не менее он продолжает существовать как элемент советской идеологии»¹².

Публикуемый ниже документ свидетельствует о пронизательности венгерского дипломата. Наблюдая (с неизменной доброжелательностью и открытостью к иной культуре!) непосредственную реальность, повседневную жизнь СССР эпохи позднего сталинизма, следя за культурной жизнью многонациональной страны, он не только с присущим ему аналитическим мастерством показал (пусть в предельно сжатой форме) эволюцию базовых идеологем большевистского режима от интернационализма 1920-х гг. к патриотическим и державным ценностям, ускорившуюся в условиях войны, когда российские патриотические традиции были востребованы властью во всей их исторической глубине и при помощи средств пропаганды прочно укоренились в официально признанной режимом массовой культуре. Будучи не просто карьерным дипломатом, но прежде всего профессиональным историком высочайшей квалификации, Дюла Секфю сумел поставить идеологические процессы, происходившие на его глазах в стране пребывания, в контекст многовековой истории российской государственности.

Публикация настоящего дипломатического донесения является составной частью более широкого проекта по публикации на русском языке донесений посольства Венгрии в СССР за 1946–1948 гг. Публикатор и переводчик благодарят за предоставление документа и содействие в подготовке его к печати на русском языке представителя Венгерского государственного архива в Москве Еву Марию Варгу. На венгерском языке документ публиковался в сборнике: *Lázár Gy. Szekfű Gyula követ és a moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948)*. Budapest, 1998.

Донесение посла Дюлы Секфю о новом советском фильме «Адмирал Нахимов» и о русском национальном чувстве

Москва, 6 февраля 1947 г.

«Адмирал Нахимов»¹³ — название нового советского фильма, который, рано или поздно, можно будет увидеть в Будапеште. Нахимов был русским адмиралом, который погиб во время Крымской войны при штурме Севастополя, защищая город. Газета «Красная звезда» в номере от 4 января 1947 г. раскритиковала картину, утверждая, что в

ней не показано, какими бесчестными проявили себя англичане в эту войну. 6 января газета «Правда» всем своим авторитетом опровергла критику и отчитала журналистов «Красной звезды» за недовольство в отношении замечательного советского фильма, выдающегося как в содержательном, так и в техническом плане¹⁴.

Во всей этой истории интересна не полемика двух советских газет — подобные внутренние споры в области литературы и искусства не редки, — но сам фильм, ставший очередным шагом по встраиванию досоветской эпохи, то есть царской России в систему советского мировосприятия. С тех пор, как в период революции и гражданских войн новая власть была вынуждена волеи-неволей отречься от всей предшествующей царской истории, именно Сталин стал тем, под чьим руководством страна признала национальную значимость отдельных периодов и личностей дореволюционной российской истории. Из этих событий и личностей выхлостили, если можно так выразиться, все царское, и оставили извечно русское и извечно человеческое, а это уже можно представить современному советскому человеку как пример для подражания. Так произошло сначала с Петром Первым, Екатериной, затем, посредством романов и пьес, театральных постановок, с Иваном Грозным, — а теперь, в лице Нахимова, и с российской армией, которая хотя и потерпела поражение под Севастополем, но своими героическими действиями заслужила, чтобы стать образцом для народных масс, только что прошедших «Великую отечественную войну».

Известно, что крымское поражение в свое время считалось серьезной неудачей и позором царского режима. Иностранцы (английские и французские) солдаты общей численностью 70–80 тысяч человек, находясь вдали от складов оружия и провианта, сумели захватить укрепленную военную гавань, а миллион вооруженных солдат и офицеров царской армии так и не смог им в этом помешать. Тогда обнаружилось все: недостатки артиллерийского и прочего снаряжения, нехватка провианта и отсутствие хотя бы одного талантливого военачальника; согласно историческим исследованиям, всего несколько морских офицеров, учеников адмирала Лазарева¹⁵, хорошо разбирались в своем деле. Среди них был и погибший при штурме Нахимов, которого авторы фильма умело выводят на первый план и превращают, с его помощью, поражение в образец для подражания, способный вдохновить сегодняшнего советского зрителя на великие свершения¹⁶.

Тогдашние враги царской России — французы, англичане и турки — также наделены в картине своими ролями. Хотя англичане втягивают турок в войну, однако при этом английский офицер-посредник благоразумно бежит, когда флот Нахимова в начале войны вдруг неожиданно атаковал турецкие корабли в ходе сражения при Синопе. Все это показано ненавязчиво и тонко, зрителю весело и смешно, он не испытывает раздражения и ненависти. Таким образом, в фильме все-таки присутствует современный внешнеполитический контекст, понимания которого не хватило «Красной звезде», но проявляется он куда более приглушенно, нежели привычные выпады прессы в моменты полемики между Советами и англосаксами. Царизм присутствует в фильме лишь в образе молодого офицера, похожего на великого князя, который, стоя на нижних ступенях парадной лестницы, приветствует и обнимает возвратившегося после синопского рейда адмирала-победителя; этот же офицер во время бомбардировки крепости трусливо прячется в грязной луже, Нахимов закрывает его собой и в этот момент получает смертельную пулю. Царизм уже давно мертв, его не возродить, он не опасен, поэтому авторы фильма могут справиться с ним одним взмахом руки.

Общий вывод: Советы принимают историю царской России как свое прошлое не только в научных исследованиях, но и помогают народным массам усвоить то ценное, что было в царистском прошлом, в плане национального самосознания. Идеологическая сторона (и основа) русского коммунизма ничуть не меняется от того, что сегодня он наполняет русским национальным содержанием сознание масс, используя исторические образцы. Напротив, построенные на коммунистических принципах советское государство и общество одновременно являются русскими национальными образованиями, и эти два признака уже неотделимы друг от друга. Вбирая в себя через государство и общество национальное прошлое и национальное сознание, коммунистический режим становится действительно неотделимым от русского народа и русской земли¹⁷. На этот процесс стоит обратить внимание и друзьям, и врагам Советского Союза!

Подпись: *Дюла Секфю*, посол.

Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив)
MOL-XIX-J-42-a 8 ящик 32/biz.

Перевод с венгерского О. Якименко (Санкт-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Пожимайте руки при встречах...». Архивный документ США о России и русских (публикация А. С. Стыкалина) // Война и общество в XX веке. М., 2008. Книга 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. С. 77. См. также: Русский «национальный характер» и российские патриотические традиции. Взгляд из Америки, 1945 (Вступительная статья, публикация и примечания А. С. Стыкалина) // Славянский альманах. 2005. М., 2006. С. 462–497.
- 2 «Пожимайте руки при встречах...». С. 91.
- 3 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 395. Л. 124.
- 4 Там же. Д. 469. Л. 58, 62.
- 5 Там же. Д. 392. Л. 132.
- 6 Из доклада графа М. Каройи в будапештской опере 21 января 1947 г. по случаю очередной годовщины смерти В. Ленина (см.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 144. Л. 202–205).
- 7 Там же.
- 8 См.: *Стыкалин А. С.* Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001.
- 9 См.: *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор 1920 г. и идеология хоргистского режима // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999 (Центральноевропейские исследования. Вып. 1). С. 52–71.
- 10 *Секфю Д.* После революции. Перевод с венгерского О. В. Хавановой. Предисловие Ф. Глаца. Комментарии А. С. Стыкалина при участии О. В. Хавановой. М., 2011.
- 11 Из обзора венгерской прессы за 1947 г., подготовленного во Всесоюзном обществе культурных связей с границей (ВОКСе): ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 17. Д. 134. Л. 152–153.
- 12 «Пожимайте руки при встречах...». С. 81–82.
- 13 Фильм режиссера В. И. Пудовкина. В главной роли актер А. Д. Дикий.
- 14 См.: По поводу одной рецензии на фильм «Адмирал Нахимов» (Правда. 6 января 1947 г.). Опубликовано за подписью генерал-майора В. Галактионова. Отклик на рецензию В. Ильенкова в «Красной звезде» (4 января 1947 г.).
- 15 Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) — российский флотоводец, морской путешественник, адмирал. Участвовал в русско-шведской

- войне 1808–1809 гг., а в 1812 г. — в Отечественной войне с армией Наполеона. В период 1819–1821 гг. вместе с капитаном Ф. Ф. Беллингаузеном возглавлял экспедицию, в ходе которой была открыта Антарктида.
- 16 Нахимов Павел Степанович (1802–1855) — российский адмирал. Сыграл заметную роль в событиях Крымской войны 1853–1856 гг. Под предводительством Нахимова российский флот разбил турецкий флот при Синопе в ноябре 1853 г. С 1854 г. адмирал руководил обороной Севастополя. В 1855 г. был смертельно ранен. В 1944 г. имя Нахимова было присвоено военно-морским училищам.
- 17 Ср. с тем, что писал Секфю в книге «После революции» в 1947 г.: «Недавно отгремевшая война в России была во многом похожа на борьбу с наполеоновским вторжением. Словно ожили Кутузов и Суворов: правительство само напомнило своему народу об актуальности их подвига. Со времени войны историческое сознание все укрепляется, появилось ощущение того, что советский народ — лишь поколение в ряду многих, связанных веками российской истории. Иными словами, русской коммунистической культуре удалось вобрать в себя царскую, капиталистическую, феодальную эпоху, ибо даже революция не снесла все до основания: в Ленинграде гордо красуются памятники Петру Великому, Екатерине II, Александру III, бережно сохраняются дворцы царей и аристократов. Выдающиеся писатели и блестящие актеры делают понятными народу фигуры Ивана Грозного и иных исторических деятелей: все, что было в русской истории действительно великого или характерно русского, ныне передается советской общественности — правопреемнице древнего русского народа. Совсем недавно подвиг одного из героев обороны Севастополя, адмирала Нахимова, был запечатлен в художественном фильме, а в Невском порту ему установлен памятник» (*Секфю Д.* После революции. С. 161–162).

Stykalin A. S.

Hungarian Diplomat and Historian on the Russian National Feeling
and Soviet Patriotism

The main object of the publication is an archive document of 1946 — a report by a Hungarian envoy in the U.S.S.R. Dula Sekfu to the Ministry of Foreign Affairs of his native country where the diplomat pointed at the evolution of the ideology of the Soviet regime happened during the war period — from revolutionary internationalism to protection of great-power values.

Key words: Hungary, WWII, victory of the U.S.S.R., Soviet patriotism, Communist ideology.

А. М. Орехов
(Москва)

XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади¹

Публикуемый документ возник в связи со сложившейся в Польше ситуацией, во второй половине октября 1956 г. трансформировавшейся в острый политический кризис, который затронул все общественные слои и партии в стране. Документ ранее не публиковался и не цитировался.

Ключевые слова: *XX съезд КПСС, советско-польские отношения, Совет экономической взаимопомощи, Объединенная крестьянская партия, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Э. Охаб, З. Новак, А. Завадский, Ю. Циранкевич.*

Хорошо известно, что XX съезд КПСС (13–25 февраля 1956 г.) и особенно секретный доклад, с которым на партийном форуме выступил Н. С. Хрущев, сыграли существенную роль в развитии исторического процесса в Центральной и Восточной Европе². Все, что происходило как на самом съезде, так и вокруг него, означало, как принято считать в современной научной литературе, необходимость пересмотра привычных представлений о политической и общественной жизни в Польше в период, когда руководство партией и государством держал в руках Болеслав Берут. О другом крупном польском коммунистическом руководителе Владыславе Гомулке, находившемся с августа 1951 г. в строгой изоляции в связи с обвинениями его по поводу концепции «польского пути к социализму» вслух не упоминалось.

Информация о пробуждении польского общества стекалась в Москву по разным, особенно по дипломатическим и специальным, каналам. Уже в 1955 г. стало ясно, что польские средства массовой информации, в первую очередь периодическая печать, вступили на путь все более усиливавшейся критики разного рода недостатков в стране. В 1956 г. такого рода критика усилилась повсеместно, особенно в среде литераторов³. Когда закончилась работа XX съезда КПСС, в печати началось обсуждение всего нового, что он внес в общественно-политическую жизнь Польши⁴.

3–4 марта 1956 г. в Варшаве состоялось закрытое заседание центрального партийного актива ПОРП (собрания руководящих партий-

ных работников), на котором польская делегация (Я. Берман, А. Завадский, Е. Моравский и Ю. Циранкевич; тяжело заболевший Б. Берут остался в Москве под опекой кремлевского врачебного персонала) рассказала о своем пребывании на XX съезде КПСС. Заседание прошло напряженно, многие его участники выступили с критикой партии и ее руководителей⁵. Подчеркну, что подавляющее большинство участников актива в это время не имело ни малейшего представления о закрытом докладе Н. С. Хрущева о культе личности⁶. Однако даже то, что было сказано в зале заседания, очень скоро стало известно за его пределами и тем самым открыло своеобразную дискуссию о положении в стране и ее насущных проблемах⁷.

Вскоре по Варшаве начали распространяться слухи и о докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Доклад первого секретаря ЦК КПСС, как известно, произвел тяжелое впечатление. Оно усиливалось по мере того, как в организациях ПОРП всех уровней произошло ознакомление с текстом доклада. Новым импульсом в дальнейшем осмыслении XX съезда КПСС стало совещание актива ПОРП Варшавы и варшавского воеводства 6–7 апреля и выступлений на нем секретаря ЦК ПОРП Э. Охаба⁸. Сенсационным было заявление Охаба о том, что освобожден от изоляции В. Гомулка — бывший генеральный секретарь ЦК ППР. Он оказался той фигурой на польской политической сцене, вокруг которой вскоре консолидировались все те, кто выступал против Б. Берута и его про сталинских концепций.

В такой непростой обстановке в Москве 21 мая 1956 г. в помещении ЦК КПСС на Старой площади произошла встреча руководителей ЦК КПСС и Политбюро ЦК ПОРП, продолжавшаяся три с половиной часа.

В тексте публикуемого ниже документа нет ни слова о цели приезда польской «команды» в советскую столицу и встрече с советскими партийно-государственными руководителями. Думается, однако, что данный вопрос не является проблемным. Дело в том, что с 21 апреля по 5 мая 1956 г. в Варшаве находился референт ЦК КПСС по польским вопросам Я. Ф. Дзержинский, который должен был передать в ЦК ПОРП рукопись третьего тома «Истории Польши», подготовленной коллективом Института славяноведения АН СССР для обсуждения совместно с польскими историками. Но поездка Дзержинского этим вовсе не ограничилась: он отмечал в своем отчете, что беседовал с секретарями ЦК ПОРП Э. Охабом и Ф. Мазуром и рядом других ответственных польских партийных и государственных деятелей по

вопросам внутривластного положения Польши⁹. Компетентному специалисту и отменному знатоку польского языка, каким был сын чекиста Феликса Дзержинского, пятнадцати дней пребывания в служебной командировке было вполне достаточно, чтобы ясно представить картину происходящих событий. Понятно, что Н. С. Хрущева и других его «коллег» по высшему политическому руководству насторожило все, что они услышали. Организовать встречу для обмена мнениями советской и польской сторон было несложным делом.

Текст документа обнаружен в Российском государственном архиве новейшей истории в фонде Н. С. Хрущева (Ф. 52. Оп. 1. Д. 576. Л. 82–99) и публикуется по второму машинописному экземпляру, хранящемуся в архиве. Местонахождение первого экземпляра не известно. Все стилистические особенности текста сохранены. Сохранен также подлинный заголовок документа.

**Протокольная запись беседы в ЦК КПСС
с членами Политбюро ЦК
Польской объединенной рабочей партии 21 мая 1956 года**

В беседе принимают участие тт. Булганин¹⁰, Хрущев¹¹, Брежнев¹², Шепилов¹³, Пономарев¹⁴, Пономаренко¹⁵ и с польской стороны тт. Завадский¹⁶, Новак¹⁷, Охаб¹⁸, Циранкевич¹⁹.

Беседа началась в 13 часов и закончилась в 16 часов 30 минут.

Участники беседы договариваются о том, что польские товарищи информируют советских товарищей о положении в ПОРП, по хозяйственным вопросам, по международным вопросам и по некоторым вопросам, связанным с реабилитацией деятелей компартии Польши и репатриацией бывших польских граждан из СССР в Польшу.

Тов. Охаб информирует о положении дел в партии. Советские товарищи, говорит т. Охаб, по-видимому, уже информированы сопослом в Польшу т. Пономаренко, который неплохо разбирается в наших делах, хотя может быть он проявляет даже больше беспокойства, чем мы. По мнению т. Охаба, оценка положения в Польшу со стороны т. Пономаренко в основном совпадает с оценкой ЦК ПОРП.

После XX съезда КПСС, говорит т. Охаб, у нас зашумело по всей стране.

Тов. Хрущев отмечает, что, по имеющимся сведениям из французских источников, текст закрытого доклада т. Хрущева на съезде можно достать в Варшаве.

Тов. Охаб: Мы считаем, что основное значение XX съезда КПСС заключается не только в вопросе о культе личности, поставленном в закрытом докладе. Решения съезда вся партия и весь польский народ приняли очень хорошо, как правильные и своевременные.

Решения XX съезда КПСС повлияли на рост активности нашей партии, которая стала теперь другой, чем несколько месяцев назад — очень много дискуссий, больше стало критики недостатков, в том числе в адрес руководства партию.

Вопрос о культе личности И. В. Сталина некоторое время доминировал над другими вопросами и воспринимался болезненно. Много было вопросов, связанных с непониманием отдельных моментов. Но теперь мы считаем, что правильно сделали, что так широко довели закрытый доклад тов. Хрущева до сведения партийного актива. Первое время мы знакомили всех членов партии на крупных заводах, но затем приостановили это дело и ограничились ознакомлением секретарей первичных парторганизаций. Теперь почти весь партийный актив ознакомлен с этим документом, за исключением некоторых сельских организаций.

Первое впечатление, произведенное докладом, было почти потрясающим, особенно на молодежь и интеллигенцию. Нужно иметь в виду, что это совпало с известием о реабилитации компартии Польши²⁰. Было горько и больно узнать, что была неправильно распушена такая партия, которая имела за собой традиции более 50-летней революционной борьбы, и что пострадало так много ее деятелей. Все это было связано с вопросом о культе личности.

Обстановка осложнилась в связи с кончиной тов. Берута²¹, который был руководителем высокого класса и пользовался огромным авторитетом в стране; таких руководителей у нас сейчас нет.

Стал вопрос о извращениях в работе польских органов безопасности²². Если возникают сомнения в законности осуждения кого-либо, даже чуждого нам, то мы проводим пересмотр дела и освобождаем. Но очень больших ошибок у нас в этой области не было.

Тт. Хрущев и Булганин просят сказать, о какой цифре заключенных идет речь.

Тов. Охаб: Всего у нас было 75 тыс. заключенных, в том числе большинство уголовных элементов. По принятой недавно сеймом амнистии²³ освобождено около 30 тысяч, а всего охвачено амнистией около 70 тыс. человек.

Обстановка в Польше осложнилась в связи с трудностями хозяйственного положения. Не хватало угля, ввиду чего в марте этого года

пришлось остановить некоторые заводы и около 150 поездов, на 10 дней закрыть школы. В связи с неурожаем картофеля стали подниматься цены на него. Теперь положение выровнялось, цены на рынке снизились; картофеля в стране оказалось больше, чем мы думали. Мясозаготовки проходят лучше, чем в прошлом году и, по-видимому, снижения поголовья скота не будет. Имелись трудности в снабжении населения маслом и яйцами. Все это осложняло положение.

Колебания проявились главным образом среди непролетарских слоев (интеллигенция, учащаяся молодежь и частично сельское население). Мы считаем, что с интеллигенцией надо терпеливо работать. Она стоит на почве народной Польши и помнит, что такое польский фашизм и гитлеровская оккупация, помнит, что Польша освобождена и получила западные земли благодаря победам Советской армии. Тов. Охав считает, что путь народной демократии был более приемлемым и понятным для интеллигенции. Проводимая партией политика Национального фронта в основном правильна. Поэтому с интеллигенцией нужно терпеливо работать, не опасаясь ее перехода на враждебные позиции.

В последнее время мы лучше увидели слабости нашей работы, особенно среди журналистов и писателей. Одно время лишь меньшинство из них стояло на партийных позициях, а значительная часть выступала против партийного руководства и допускала антисоветские высказывания. На некоторых участках создалось сложное положение.

Встал вопрос — какие меры принять, делать ли упор на оргвыводы и репрессии, или на политическую разъяснительную работу. Мы считаем, что организационно-административные меры могут еще больше осложнить дело. Мы в основном правильно сделали, что не прибегали к репрессивным мерам, а действовали политическими методами. Теперь почти нет антисоветских вылазок. В этом вопросе мы поставили вопрос резко. Но когда мы решили исключить из партии Слуцкого за антисоветскую статью²⁴, к нам пришли товарищи из парторганизации Союза польских писателей, которые просили не исключать Слуцкого, а дать ему выговор с предупреждением, заявив, что они ручаются за него.

Были и худшие, чем у Слуцкого, выступления троцкистского характера, в которых утверждалось, что якобы в СССР у власти стоит не рабочий класс, а бюрократия.

Тов. Хрущев: Рабочие вас похвалят, если вы немного возьмете за шиворот этих людей.

Тов. Охаб: Нас особенно беспокоят выступления, в которых утверждается, что Польша не суверенная страна, а также провокационные высказывания о польско-советской границе, об убийстве польских офицеров в Катыни²⁵ и о варшавском восстании²⁶. Были и прямые контрреволюционные призывы к свержению партийного руководства. Такие выступления получили на заводах резкий отпор и теперь их почти нет.

Теперь дело в основном уладилось. Обстановка не тревожная. Вместе с тем, нужно видеть, что антинародные элементы подняли голову, оживляют свою деятельность бывшие члены реакционной части ППС (ВРН)²⁷, а также миколайчиковской партии ПСЛ²⁸, оказывающие влияние на Объединенную крестьянскую партию²⁹. Реакционная часть католического духовенства более активно и дерзко выступает за восстановление преподавания религии в школах (в большинстве школ религия не преподается), за восстановление кардинала Вышинского³⁰ в должности примаса Польши, против атеистов.

Имеются некоторые колебания и в деревне, особенно по вопросу об уплате налогов; усилилась пропаганда против производственного кооперирования. Однако экономическое положение крестьян лучше прошлогоднего. Средняя стоимость трудодня в производственных кооперативах значительно выросла.

Возникли колебания в Объединенной крестьянской партии (ОКП), где имеется два крыла. Правое крыло возглавляет Игнар (зам. председателя государственного совета), честный человек, но с крестьянской душой³¹. Кроме него в крестьянской партии имеются открыто враждебные марксизму элементы. Ковальский (председатель партии)³² ведет себя хорошо. Игнар оказался изолированным в руководстве ОКП и подал в отставку, но мы не хотим принимать эту отставку.

Правые элементы в Объединенной крестьянской партии (ОКП) ставят вопрос о том, чтобы увеличить участие представителей ОКП в правительстве, и обвиняют ПОРП в том, что мы не считаемся с интересами деревни.

Нужно сказать, что за период шестилетки экономическое положение крестьян улучшилось больше, чем положение рабочих. Вместе с тем, несомненно, мы имеем большие недостатки в нашей работе в деревне. Много недостатков в работе сельских народных советов, много штрафов взимается с крестьян, много бюрократизма. Критика этих недостатков справедлива, но в основном экономическое положение в деревне неплохое и продолжает улучшаться.

В ОКП имеются опасные выступления. Например, на последней сессии сейма представитель ОКП по согласованию с Игнаром, но без нашего согласия выступил с предложением отменить обязательные поставки молока. У нас имеются обязательные поставки зерна, мяса, картофеля и молока. Последние очень невыгодны для крестьян. Надо сказать, что здесь много справедливых замечаний и жалоб, но отменить поставки молока в этом году мы не можем, т. к. эта отмена обошлась бы государству почти в 1 млрд. злотых. Предложение ОКП об отмене поставок молока мы не пустили в печать, и большого шума не получилось. Мы серьезно поговорили с нашими союзниками из ОКП о том, что так действовать нельзя. Руководство ОКП согласилось с нами в этом вопросе.

На последнем заседании Главного исполнительного комитета ОКП развернулась большая дискуссия, главным образом о традициях крестьянской партии, о выдвижении старых кадров, т. е. преимущественно по политическим вопросам. Был также поднят вопрос об оценке «крестьянских батальонов» (массовая организация, насчитывавшая 200–300 тыс. человек)³³. Эти батальоны подчинялись по сути дела лондонскому руководству, но вели партизанскую борьбу против гитлеровцев. Большинство их влилось в Армию Крайову³⁴, а некоторая часть вошла в Армию Людову³⁵. Вопрос о традициях и выдвижении старых кадров — политический вопрос, который мы будем обсуждать вскоре на встрече с руководством ОКП. Нашей задачей является поддержать левое крыло ОКП — Ковальского, Юшкевича³⁶, Доманьского³⁷ и др., и дать отпор правому крылу.

К числу правых деятелей ОКП относятся Выцех (работает в правлении сельской потребкооперации)³⁸, Щавинская³⁹, Банах (бывш. руководитель «крестьянских батальонов»)⁴⁰. Они не выступили с письменной платформой. Они выдвигают на передний план Игнара, однако, мы считаем, что нужно сделать попытку договориться с Игнаром и не дать ему перейти в оппозицию, т. к. он честный человек и пользуется авторитетом среди крестьян.

Вопрос об Объединенной крестьянской партии очень важный, т. к. она насчитывает 200 тысяч членов, из них более 160 тысяч крестьян. В составе ОКП более 2 тыс. председателей производственных кооперативов. В последние годы мы неплохо работали с ОКП и думаем, что с колебаниями в ее руководстве справимся. Мы считаем, что надо опереться на актив этой партии, выросший в новых условиях Народной Польши.

Когда положение в нашей партии осложнилось, мы решили пойти к рабочим — на заводы и фабрики, на открытые партийные со-

брания. Я был на металлургическом комбинате им. Ленина в Новой Гуте, и на активе рабочих текстильщиков в Лодзи, где было 4 тыс. человек. Другие члены руководства также выступали на заводах. Такие собрания длились по многу часов (до 8 часов и больше). На этих собраниях задавалось много вопросов, было много критики, но критика здоровая. Рабочие говорят, что не может быть никаких сомнений об отношении к СССР, о необходимости дружбы с Советским Союзом, о доверии к Польской объединенной рабочей партии. Вместе с тем, рабочие очень резко критикуют недостатки в области материальных условий жизни, жилищного строительства, указывают на проявления бюрократизма. Рабочие понимают значение органов безопасности, как орудия борьбы с врагами.

Даже студенты, где больше всего критиканства и теоретической путаницы, выступают с позиций Народной Польши и борьбы за социализм. Однако среди студентов имеются люди, которые выступают за создание какой-то особой «революционной» студенческой организации. Они распустили 7 факультетских организаций Союза польской молодежи и попытались создать вместо них свою «революционную» организацию, но в последнюю вошло лишь 10% членов Союза польской молодежи на этих факультетах. Эти люди сейчас в вузах почти изолированы, за исключением киноинститута в Лодзи. Мы уверены, что справимся с этими делами без репрессий, без арестов.

Большое значение имело принятие сеймом новых решений и законов о повышении заработной платы для наиболее низкооплачиваемых рабочих и служащих и повышении пенсий. Рабочие на многих заводах требуют дальнейшего повышения зарплаты. Значительные отряды рабочих получают реальную заработную плату ниже доверенной (например, в так наз. Прусской Силезии, типографские рабочие, учителя, текстильщики, трамвайщики). Это сложный вопрос. Теперь народ не потерпит пустых обещаний о повышении реальной заработной платы.

Теперь антисоветских вылазок в Польше почти нет.

Тов. Хрущев: Нас обеспокоила ваша печать и ее позиция.

Тов. Охаб: Нас тоже. Некоторых редакторов мы сняли.

Тов. Хрущев: Неправильно, что люди непольской национальности играют руководящую роль в печати.

Тов. Охаб: Может быть Вы и правы, но наиболее острые антипартийные выступления появились в студенческой газете «Попросту»⁴¹, которой руководят поляки. Мы считаем, что теперь нужно строже подходить к такого рода вылазкам. Нужно лучше работать с

людьми, но если потребуется, то мы кого нужно посадим. Мы не допустим антипартийных и антисоветских вылазок.

Далее тов. Охаб рассказывает о попытке группы студентов Варшавского университета во время первомайской демонстрации этого года организовать у правительственной трибуны выступление против руководства ПОРП. Эта попытка не нашла поддержки со стороны массы студентов.

Тов. Хрущев: А у нас сложилось такое впечатление, что вы уже тюрьмы сожгли.

Тов. Охаб: Вряд ли это можно будет сделать раньше, чем через много лет. Сейчас меня называют главным «держимордой» в Польше в связи с тем, что я осудил антипартийные и антисоветские выступления в печати, хотя я никогда не выступал за репрессии. Вопрос о доверии к партийному руководству подвергается в Польше сомнению лишь среди части журналистов, а также писателей, со стороны которых несколько недель тому назад были очень наглые вылазки.

Перспективы мы оцениваем спокойно, в том числе и в отношении интеллигенции. Нет сомнения, что мы справимся с положением. Мы знаем, что пишут о нас в западной печати. Это нас не смущает. Враг радуется, но его расчеты не оправдаются. Болтают о второй революции и второй партии в Польше. Это — глупость.

Борьбу нужно вести на два фронта. С одной стороны — за ленинские нормы партийной жизни, за связь партии с массами, за внутрипартийную демократию, против бюрократизма; с другой стороны — против анархистской распушенности, которой еще много. Мы не отказываемся от репрессивных мер и оргвыводов, но считаем, что главное заключается в политической работе. Руля руководства мы из рук не выпустим.

Тов. Хрущев: Вы еще ничего не сказали о т. Бермане⁴².

Тов. Охаб: Об этом я еще скажу.

Мы еще не сумели собрать пленума ЦК, так как пока не решили некоторых хозяйственных вопросов, которые связаны с экономикой всех стран социалистического лагеря. Соберем пленум, по-видимому, в начале июня⁴³.

Мы неплохо разбираемся в том, как обстоит дело в партии. Были и в партактиве отдельные неправильные выступления. Статья Теплица⁴⁴ показала, к чему ведет распушенность в печати. Редакторов ряда газет надо снять, но так, чтобы Союз писателей поддержал не их, а нас.

Тов. Хрущев спрашивает, были ли выступления за вывод советских войск из Польши.

Тов. Охаб: Единичные выступления такого рода были. Когда на собрании 3,5 тысяч коммунистов на заводе имени Ленина в ответ на вопрос о советских войсках я сказал, что Советской Армии мы обязаны освобождением Польши, то этот ответ был встречен бурей аплодисментов. Польское население понимает, что советские войска, размещенные в Польше, больше нужны Польше, чем СССР.

Тов. Пономаренко: Если бы советские войска ушли из Польши, то значительная часть поляков бежала бы с западных земель.

Тов. Охаб: Когда мы рассмотрели вопрос о положении в органах госбезопасности, то увидели, что там было много извращений: избивание подследственных, вводили в заблуждение руководство ЦК, завели «дела» почти на 20 членов ЦК, в том числе на т. Охаба и Циранкевича (т. Циранкевич отмечает, что на него завели до 10 кг материалов). Мы сняли т. Радкевича⁴⁵, придется, видимо, вывести его и из ЦК. Мы привлекли к судебной ответственности бывшего вице-министра общественной безопасности Ромковского⁴⁶ и начальника департамента этого министерства Фейгина⁴⁷. Но мы не считаем, что они были заговорщиками против народной Польши.

За положение дел в органах безопасности отвечал т. Берман, который фактически руководил комиссией Политбюро по этим вопросам. Положение сложилось такое, что нельзя было не выводить его из Политбюро. Он это сам понимал и поставил вопрос об отставке, которую мы приняли. Не сомневаюсь, что большинство членов ЦК будет с этим согласно, возражают лишь 2-3 человека, в том числе первый секретарь Лодзинского горкома партии т. Татаркувна⁴⁸. Тов. Юзвяк⁴⁹ сначала был против отставки т. Бермана, но потом голосовал вместе со всеми членами Политбюро.

Тов. Хрущев спрашивает, как т. Берман переживает отставку, и говорит о том, что, по имеющимся данным, т. Берман пытается свалить с себя ответственность за извращения в органах безопасности и переложить ее на тов. Берута.

Тов. Охаб: Мне кажется, что т. Берман относился и относится к тов. Бруту с уважением.

По основным вопросам политики партии расхождений между членами партийного руководства нет, хотя бывают различия мнений по тактическим вопросам. Теперь в нашей жизни основную роль играют экономические вопросы. Если их не решить, то будут и политические осложнения. В положении дел мы уверены и спокойно смотрим в будущее.

Тов. Новак: информирует по экономическим вопросам.

Общее экономическое положение Польши неважное. Надо еще много поработать, чтобы разобраться в итогах шестилетнего плана. По различным подсчетам, расхождения в цифрах итогов шестилетки достигают 10%. Основной вопрос — это вопрос о жизненном уровне трудящихся. Для нас еще не ясно, что же мы сделали в этой области за 6 лет. В цифрах мы запутались. В свое время мы сказали о том, что реальная заработная плата возросла за 6 лет на 26%. Эту цифру трудящиеся не принимают. Хотим к пленуму этот вопрос уточнить. То, что происходит в партии, отрицательно отражается и на экономической жизни, ослабляет дисциплину труда.

На пленуме мы хотим поставить вопрос о 5-летнем плане, который в основном готов и согласован с советскими товарищами и товарищами из других социалистических стран. Особых возражений не было, но возникает целый ряд очень серьезных вопросов, связанных с сотрудничеством с другими странами социализма. В связи с разногласиями по этим вопросам создается неправильное впечатление о позиции Польши по вопросам экономических связей со странами СЭВ, создается плохой климат вокруг Польши. Три дня тому назад по нашей просьбе в Берлине состоялся откровенный разговор с тов. Сабуровым⁵⁰ по этим вопросам.

СЭВ много поработал по вопросу о распределении ресурсов внутри социалистического лагеря, но при этом СЭВ не учитывал, какие товары будет получать каждая страна в обмен на свои товары (например, что может нам давать Румыния за польский уголь). Поэтому получается, что Польша должна дать другим странам займы угля на 2,5 млрд. рублей золотом. Вопросами платежного баланса каждой страны СЭВ не занимался. Выходит, что недостающие нам товары мы должны закупать в капиталистических странах в долг на сумму в 2 млрд. рублей.

Тт. Хрущев и Булганин: СЭВ неправильно планирует. Это элементарные вещи.

Тов. Новак: Мы сказали на заседании СЭВ, что такого плана принять не можем. Например, мы должны дать Румынии угля и других товаров на 600 млн. рублей, но румынскую нефть СЭВ распределил другим странам, а нам не дает. Получается общее положительное сальдо в нашу пользу на сумму 110 млн. рублей. С ГДР мы тоже имеем положительное сальдо — 660 млн. рублей. Немцы предложили дать нам 30 тыс. канареек. Примерно такое же положительное сальдо у нас получается с Венгрией и Чехословакией.

Тов. Хрущев: Раньше мы в этих вопросах действовали в значительной мере вслепую. Мы довольны, что теперь знаем цифры. Мы найдем правильное решение.

Тов. Новак: В торговле с китайцами у нас трудностей нет.

Если принять рекомендации СЭВ, то придется сократить нашу торговлю с капиталистическими странами на 30–40%.

СЭВ слишком подробно разрабатывает распределение таких товаров, как папиросы, вино и т. п. между странами социалистического лагеря.

На беседе с советскими представителями в СЭВ мы ни к чему еще не пришли, но тов. Сабуров согласился с тем, что такое положение ненормально.

Какой выход мы видим из положения? Дать Польше те товары, которые нам необходимы для внутреннего потребления или для обмена в капиталистических странах на нужные нам товары: прежде всего хлеб. Советский Союз почти полностью удовлетворяет потребности Чехословакии в хлебе, а наши — далеко не полностью. Нам сказали на СЭВ-е: мы можем дать Польше 300 тыс. тонн зерна, а остальные 900 тыс. тонн покупайте на капиталистическом рынке. Мы можем купить хлеб на западном рынке, но только за уголь, олово, катанку. Если все эти товары пойдут в страны нашего лагеря, то нам не на что будет купить нужные нам товары в капиталистических странах.

Тов. Хрущев: Выход должен быть найден.

Тов. Новак: В торговле с Чехословакией мы нашли выход: будем получать от них хлопок, который они получают из Египта за свои машины.

Тов. Хрущев: Я думаю, что СЭВ неправильно планирует.

Тов. Новак: Дело в том, что мы производим такие товары, которые нужны всем странам нашего лагеря (уголь, прокат). Без внесения ясности в это дело мы не можем окончательно утвердить пятилетний план.

Тов. Шепилов: Говорят, что поляки самостоятельно изменили курс золотого и это вносит дополнительные затруднения.

Тов. Новак: Это — вопрос только польско-советских отношений.

Вопрос о распределении товарных ресурсов может быть решен не односторонне, а лишь общими усилиями. В связи с разногласиями по этим вопросам в СЭВ-е создалось неправильное впечатление о поляках.

Есть еще два вопроса. Мы поссорились с СЭВ-ом и по вопросу о плане производства угля. По плану СЭВ в 1960 г. для удовлетворения потребностей наших стран Польша должна добыть 112,7 млн. тонн каменного угля. Но, подсчитав свои возможности, мы сказали, что можем дать не больше 110 млн. тонн.

Тов. Хрущев: Что вас лимитирует?

Тов. Новак: Капиталовложения, геологоразведка, рабочая сила. Сейчас мы добываем 96 млн. тонн. В 1956 г. наши подземные рабочие будут работать 24 воскресных дня, но мы должны обязательно ликвидировать работу в воскресные дни и сократить рабочий день горняков, который ныне составляет 8,5 часов. Даже 110 млн. тонн нам будет очень трудно добыть. С тов. Сабуровым мы договорились по этому вопросу.

Нужно сказать, что дефицит угля в 1965 году будет еще больше. Польша сможет дать 125 млн. тонн каменного угля, а СЭВ планирует нашу добычу в 134–136 млн. тонн. Мы считаем, что своими средствами мы не сможем дать больше 125 млн. тонн. Нужно построить 70 шахт мощностью в 4 тыс. тонн суточной добычи каждая (сейчас мы имеем около 80 шахт). Даже если бы мы имели средства, то построить эти шахты трудно, к тому же на строительство крупной шахты требуется не менее 5–6 лет. Ввод в действие этих шахт потребует дополнительно 250 тыс. рабочих. Учитывая их семьи, нужно будет построить жилища на полмиллиона человек. Надо будет также перестроить железнодорожную сеть.

Тов. Хрущев на январском совещании в Москве предложил строить шахты на основе долевого участия стран, но немцы, чехи и венгры отказываются от этого⁵¹.

Тов. Хрущев: Разве можно вам самим строить — вы разоритесь.

Тов. Новак: Тов. Сабуров сказал, что на чехов мы нажмем.

Тов. Хрущев: Зачем на чехов нажимать? Надо, чтобы товарищи посчитали и каждая страна получила столько угля, сколько даст средств на капиталовложения.

Тов. Новак: По вопросам железной руды мы также не договорились. К 1960 г. мы поднимаем выплавку стали до 7,5 млн. тонн. У нас руда есть, но бедная. Мы начали разрабатывать месторождение железистых песков, но оно даст результаты лишь при наличии соответствующего оборудования. Мы нашли также месторождение руды с содержанием до 40% железа около г. Быдгощ, но до конца его еще не разведали.

СЭВ рекомендует Польше самой развивать свою железорудную базу. Вместе с тем, СССР предлагает поставить нам на 2 млн. тонн больше руды по сравнению с предыдущим периодом на основе долевого участия, но мы не можем принять этого предложения, это будет тяжело для нашего народного хозяйства.

Тов. Хрущев: Мы не заинтересованы в экспорте своей руды.

Тов. Новак: Вопрос о долевого участия сложный. Долевое участие других стран по углю ляжет на нас тяжелым грузом. Те условия, какие разработаны сейчас по углю, нам не выгодны, т. к. кроме шахт мы должны строить жилища и благоустраивать новые поселки. В расчетах СЭВ по строительству новых шахт принята производительность труда на одного рабочего 4 тыс. кг, а сейчас мы получаем по 2200–2300. Для такого роста производительности нужно вложить очень много средств в механизацию.

СЭВ предлагает, чтобы всю железную руду мы получали из СССР, но мартеповской руды Советский Союз нам не дает, а мы берем ее в Швеции; при этом в виде принудительного ассортимента шведы дают нам и плохую руду. Мы можем пойти на некоторое сокращение ввоза руды из СССР. В принципе мы не против долевого участия, но в ближайшем пятилетии мы не видим возможности для этого.

Тов. Хрущев: Очевидно, должен быть такой принцип: откажитесь от долевого участия — не получите руды; также и чехословаки не получат вашего угля.

Тов. Новак: Это — наши основные трудности.

Тов. Хрущев: Это не трудности, а вопросы, требующие разрешения. Рекомендация СЭВ — это предварительная разработка, а каждая страна пусть за себя решает.

Тов. Новак: Мы согласны помочь другим социалистическим странам — Болгарии, Румынии.

Тов. Хрущев: Нужно посчитать, а потом соберемся, посоветуемся и решим на основе интересов каждой страны. Это дело добровольное и взаимно выгодное.

Тов. Охав: У нас не хватит средств для долевого участия.

Тов. Новак: Мы выдвинули задачу поднять за пятилетку реальную заработную плату рабочих и служащих и реальные доходы крестьян на 30%. Это трудная задача. В Польше сейчас жизненный уровень ниже, чем в ГДР, Чехословакии и Венгрии и даже говорят (хотя я этому не верю), что ниже, чем в Болгарии и Румынии.

Тов. Охав: Народ недоволен, нас крепко ругают.

Тов. Новак сообщает для сведения советских товарищей, что в связи с дефицитом кокса в Чехословакии Польша может поставлять ей кокс при условии, что Чехословакия даст Польше коксующийся уголь определенных марок.

Тов. Хрущев: Сегодня этого вопроса мы не будем решать.

Общий вопрос об экономических взаимоотношениях социалистических стран нужно решать с учетом интересов всех наших стран.

Тт. Охаб и Новак говорят, что в СЭВ-е создано неправильное мнение о позиции поляков и они не хотели бы, чтобы создано такое впечатление и здесь.

Тов. Хрущев: Я против филантропии, здесь нужен расчет. Филантропия может быть только за счет каких-то государств, на этом дружбы не построишь.

Тов. Охаб: Я хотел бы сказать о радостном для нас событии — о предстоящей передаче польскому народу произведений искусства, спасенных Советской Армией. Мы выражаем благодарность Центральному Комитету КПСС за этот акт, имеющий большое политическое значение. Он окажет большое влияние на польскую интеллигенцию. Мы полностью согласны с предложениями ЦК КПСС о порядке передачи этих произведений искусства.

(Тов. Охаб передает тов. Хрущеву письма ЦК ПОРП по этому вопросу)⁵².

Тов. Завадский: Я хотел бы поставить два вопроса.

Во-первых, нужно довести до конца дело реабилитации наших товарищей из компартии Польши. Вслед за реабилитацией 30 человек мы послали еще два списка репрессированных, однако официально сообщения о их реабилитации не получили. Этот вопрос встречает какие-то трудности. Сейчас мы передадим еще список товарищей, с которыми мы вместе работали и боролись. Просьба рассмотреть эти списки. Чем скорее вопрос о реабилитации членов КПП будет закончен и станет историческим вопросом, тем будет лучше для воспитания наших кадров.

По нашим данным, целый ряд бывших деятелей компартии Польши находится еще в советских лагерях (больше 15 человек). Просим ускорить их освобождение и реабилитацию.

Мы просим также выяснить, были ли провокаторами бывшие деятели КПП Сохачкий⁵³, Жарский⁵⁴ и Воевудский⁵⁵. ЦК КПП объявил о том, что они провокаторы, но это было сделано лишь на основе факта их ареста в СССР.

(Тов. Завадский передает тов. Хрущеву письмо ЦК ПОРП по этому вопросу)⁵⁶.

Тов. Хрущев сказал, что этот вопрос будет рассмотрен.

Тов. Завадский: Второй вопрос, который нас волнует, это вопрос о репатриации бывших польских граждан и членов их семей из СССР в Польшу. До сих пор в Польшу приехало 5380 чел. Мы направили в МИД СССР списки на 9 тыс. человек тех, о ком мы знаем. (**Тов. Охаб** говорит, что таких, кого мы не знаем, в несколько раз больше). Однако из этих 9 тыс. человек приехало очень немного.

Тов. Булганин: Может быть, они не хотят выезжать?

Тов. Завадский: Наши товарищи не понимают тех критериев, которыми руководствуются советские органы, решая вопрос о том, кто может выехать, а кто нет. Иногда требуют доказательств польского гражданства, что теперь весьма трудно сделать.

Тов. Хрущев: Дайте нам списки, мы поручим проверить это дело.

Тов. Завадский: Может быть, два-три товарища из МВД Польши могли бы приехать в Москву, чтобы вместе с МВД СССР рассмотреть эти вопросы?

Тт. Булганин и Хрущев выражают согласие с этим предложением польских товарищей.

Тов. Циранкевич информирует о некоторых международных вопросах.

В январе этого года на совещании в Москве был поставлен вопрос о том, чтобы все социалистические страны больше использовали возможности по укреплению традиционных связей с западными странами с целью ослабления Североатлантического блока. Мы работаем в этом направлении. Одним из результатов этого явилось приглашение французским правительством председателя Совета Министров Польши в Париж. Позже Пино⁵⁷ сказал, что в связи с обсуждением алжирского вопроса во французском парламенте желательно приезд т. Циранкевича в Париж наметить на сентябрь с. г. Окончательно вопрос еще не решен, так как польская реакционная эмиграция поднимает кампанию против этой поездки. Когда во Францию приезжал Тито⁵⁸, то французские власти выслали реакционную югославскую эмиграцию на Корсику. Польские эмигранты хвастают, что их слишком много, чтобы их можно было выслать.

Некоторое время тому назад У Ну⁵⁹ пригласил председателя Совета Министров Польши в Бирму. Получена также телеграмма, что Неру⁶⁰ просит т. Циранкевича прибыть в Индию по пути в Бирму.

Возникает вопрос о сроке поездки, т. к. нельзя на длительное время выезжать из страны, однако нельзя также откладывать ответ о поездке на длительное время.

Мы хотели бы узнать мнение советских товарищей по этим вопросам.

Желательно также знать ваше мнение о том, следует ли принимать меры к сокращению вооруженных сил стран Варшавского договора в связи с сокращением вооруженных сил в СССР.

Рассматривается вопрос о поездке польской правительственной делегации в Белград. Мы хотели бы знать ваше мнение и по этому вопросу.

Тов. Охаб говорит, что будет лучше всего, если польская партийная делегация поедет во главе с секретарем ЦК или членом Политбюро. Тов. Охаб отмечает, что югославский посол в Польше действует не всегда правильно.

Тов. Хрущев: Мы имеем некоторую информацию от вас, от чехословацких, румынских и болгарских товарищей о том, что югославское руководство активизирует свою деятельность по линии связей с братскими коммунистическими партиями. Это немного странно, т. к. при наличии хороших отношений с СССР по государственной линии они не развивают контакта с нами по партийной линии.

В связи с предстоящим приездом Тито в СССР мы его спросили, по какой линии он хотел бы получить приглашение. Он ответил, что по линии государственной. Если это отражает тенденции к установлению связей с братскими коммунистическими и рабочими партиями в обход КПСС, то это не хорошо.

Не следует отказываться от поездки в Югославию, но нужно иметь в виду, что по партийным вопросам у нас с ними нет полной договоренности. Они, вероятно, считают себя подлинными защитниками марксизма, но на деле еще нельзя сказать, насколько они будут стоять на позициях марксизма-ленинизма.

Видимо в СКЮ есть немарксистские элементы, которые не тяготеют к нашей партии и марксистско-ленинскому учению.

У нас еще нет с югославами договоренности о контактах по партийной линии. Недавно, во время пребывания в Югославии чехословацкой делегации и югославской делегации в Болгарии, представители СКЮ сделали ряд антисоветских выпадов. Поездка делегации ПОРП в Белград была бы полезной, но надо иметь в виду, что работники СКЮ могут сделать неправильные заявления. Надо помнить, что кроме наслоений, связанных с провокацией Берия⁶¹, имелись

и неправильные действия со стороны югославского руководства. Контакты по партийной линии надо вести не в ущерб принципам марксизма-ленинизма и с достоинством.

Поездка т. Циранкевича в Париж, по нашему мнению, будет полезна. Но нужно иметь в виду, что здесь со стороны французов идет игра. Они неспроста приглашают представителя Польши и именно т. Циранкевича. Если возникает вопрос о контактах с СФИО⁶², то от этого не надо уклоняться. Затем т. Хрущев кратко информирует польских товарищей о переговорах с Ги Моле⁶³.

Тов. Хрущев высказывает мнение, что поездка т. Циранкевича в Бирму и Индию также была бы полезной.

Тов. Хрущев говорит, что по вопросу о сокращении вооруженных сил стран социалистического лагеря он хотел бы выслушать мнение польских товарищей.

Тов. Охаб: Мы хотели бы сократить 3 авиационных дивизии и несколько пехотных. Очевидно, можно сократить численность внутренних войск и войск противовоздушной обороны.

Тов. Хрущев считает, что вопрос о сокращении вооруженных сил нуждается в дополнительном рассмотрении.

Тов. Хрущев возвращается к вопросу о положении в ПОРП.

Очень плохое впечатление, говорит т. Хрущев, произвели выступления некоторых людей на последнем пленуме ЦК ПОРП. Это — старушки, но они руководят подготовкой кадров, руководят партийными школами⁶⁴. С такими людьми нужна драка — без драки ничего не будет. Вспомните, с каким напором добивался поста секретаря ЦК т. Замбровский⁶⁵. Вся эта группа, к сожалению, — еврейские товарищи, они отделяли тов. Берута от поляков⁶⁶. Это культурные люди, но нельзя допустить, чтобы, спустя 11 лет после победы народной власти, поляки были на вторых ролях. Так вас поляки не поймут.

Тов. Хрущев вспоминает, что в одной из статей, опубликованных в польской печати, содержалась критика его выступления на встрече с членами пленума ЦК ПОРП, правда, без упоминания фамилии т. Хрущева, но с намеками на магнитофонную запись его речи. Раздавались голоса: почему т. Хрущев задержался в Польше, почему он был на пленуме? Некоторые утверждали, что т. Замбровский не был избран секретарем ЦК лишь потому, что сделали уступку т. Хрущеву. Тов. Татаркувна говорила, что она всегда советовалась по партийным вопросам с т. Замбровским. Но вы не можете иметь руководства, говорит т. Хрущев, если ЦК не будет руководить, если первые секретари воеводских комитетов будут советоваться с кем-то другим, а не с ЦК.

Тов. Охаб говорит, что руководству ПОРП еще трудноато работать.

Тов. Хрущев выражает беспокойство в связи с опасностью либерализма. Врагов еще много. С ними нужна серьезная борьба. Вероятно, потребуется применять и аресты.

Тов. Завадский подчеркивает, что основной силой, на которую партия должна опереться, является рабочий класс, нужно идти к рабочим.

Тов. Хрущев: Возьмите печать в свои руки. Если печать поет не в голос с руководством, то какое же это руководство.

Я не могу поверить, что вы зависите от какой-то небольшой группки журналистов. Но мы вас и сейчас не толкаем на репрессии. Нужно дело делать не спеша, умно.

Тов. Булганин отмечает, что Миколайчик не зря приехал в Швецию, поближе к Польше, и поизносит там речи, в том числе говорит о пленуме ЦК ПОРП и о т. Хрущеве.

Тов. Завадский: Надо еще о Гомулке поговорить⁶⁷.

Тов. Хрущев сообщает, что есть сигналы о том, что Осубка-Моравский⁶⁸ честный человек, но его обидели; это дело рук Бермана.

Тов. Охаб говорит, что Осубка-Моравский слабый работник, но обиделся на партию. Что касается Гомулки, то он не признает никаких своих ошибок.

Тт. Булганин и Хрущев: Нужно, чтобы Гомулка не стал знаменем борьбы против руководства партии.

Тов. Завадский отмечает, что при обсуждении итогов XX съезда КПСС почти на всех собраниях поднимался вопрос о Гомулке.

Тов. Хрущев в заключение беседы подчеркивает, что самое основное заключается в том, что руководство ЦК ПОРП уверено в своих силах, правильно оценивает обстановку и перспективы развития.

Руководство КПСС, говорит тов. Хрущев, этому очень радо.

Беседу записал: Референт Отдела ЦК КПСС
по связям с иностранными компартиями (Я. Дзержинский⁶⁹)

РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 576. Л. 82–99. 2-й экз.,
подписанный Я. Ф. Дзержинским.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество» (Тематическое направление «Власть и общество в Центральной и Восточной Европе в эпоху трансформации от сословного к гражданскому обществу, от „старого порядка“ к правовому государству XVIII–XX вв.»).
- 2 См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС / Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы. М., 2002.
- 3 *Fialkowska B.* Polityka i twórcy (1948–1959). Warszawa, 1985. S. 363–364.
- 4 См., например: *Turski R.* Dośćgnąć KPZR // *Po prostu*. 1956. 4 marca. № 10. S. 1, 7.
- 5 Текст стенограммы актива см.: *Dokumenty centralnych władz Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej: marzec-listopad '56 / Oprac., wyb. i przygot. do druku M. Jabłonowski, W. Janowski, A. Skrzypek, W. Władyka / Seria: Polska mniej znana.* Warszawa, 2009. S. 11–155.
- 6 *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 73.
- 7 Подробнее см.: *Machcewicz P.* Polski rok 1956. Warszawa, 1993. S. 19–28.
- 8 См.: *Życie Warszawy*. 1956. 7 kwiecień. S. 1–3 (текст доклада Э. Охаба); Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 122. Оп. 40. 1956 г. П 340. Д. 52. Л. 29–62. Заключительное слово 7 апреля 1956 г. Перевод на русский язык.
- 9 См.: *Орехов А. М.* Москва и кризис 1956 г. в Польше. (Несколько новых, неизученных документов) // *Польша — СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого.* М., 2005. С. 260–261.
- 10 Булганин Н. А. (1895–1975) — в 1955–1958 гг. председатель Совета министров СССР.
- 11 Хрущев Н. С. (1894–1971) — в 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС.
- 12 Брежнев Л. И. (1906–1982) — в 1956–1960 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1956–1957 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.
- 13 Шепилов Д. Т. (1905–1995) — дипломат, в 1956–1957 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, в 1955–1956 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1953–1959 гг. член-корреспондент АН СССР.
- 14 Пономарев Б. Н. (1905–1995) — в 1956–1989 гг. член ЦК КПСС, в 1955–1986 гг. заведующий международным отделом ЦК КПСС.

- 15 Пономаренко П. К. (1902–1984) — дипломат, в 1955–1957 гг. посол СССР в ПНР.
- 16 Завадский Александр (1899–1964) — в 1948–1964 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1952–1964 гг. председатель Государственного совета ПНР.
- 17 Новак Зенон (1905–1980) — в 1954–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, одновременно первый заместитель председателя Совета министров ПНР.
- 18 Охаб Эдвард (1906–1989) — в 1954–1968 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, с марта по октябрь 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП.
- 19 Циранкевич Юзеф (1911–1989) — в 1948–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1970 гг. председатель Совета министров ПНР.
- 20 Заявление пяти коммунистических партий (Болгарии, Италии, Польши, СССР и Финляндии) о политической реабилитации Коммунистической партии Польши, распущенной Исполкомом Коминтерна в 1938 г. по прямому указанию И. В. Сталина, было опубликовано в ходе работы XX съезда КПСС в варшавской газете «Трыбуна люду» 19 февраля и московской «Правде» 21 февраля.
- 21 Берут Болеслав (1892–1956) — в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. первый секретарь ЦК ПОРП.
- 22 Речь идет о злоупотреблениях в польской системе государственной безопасности (принуждении подследственных лиц к даче показаний, фальсифицировании их и т. п.).
- 23 Польский Сейм принял 23 апреля 1956 г. постановление о политической реабилитации безвинно осужденных граждан.
- 24 Слуцкий Арнольд (1920–1972) — польский поэт и публицист, член редколлегии еженедельника «Пшеглэнд культуральный». 2 мая 1956 г. исключен из ПОРП в связи с публикацией его статьи «Воспоминания и размышления», в которой автор выразил ряд критических замечаний по адресу событий, происходивших в СССР (Przegląd Kulturalny. 1956, 12–18 kwietnia. № 15).
- 25 В Катыньских лесах под Смоленском весной 1940 г. польские военнопленные были расстреляны по решению высшего советского руководства в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. См.: Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1999.
- 26 Варшавское восстание — вооруженное выступление населения Варшавы, направленное против немецко-фашистских оккупантов. Основной силой восстания была Армия Крайова (см. ниже примечание 27), состоявшая из представителей разных политических

- направлений, включая коммунистов. Началось 1 августа, но потерпело поражение и капитулировало 2 октября 1944 г. Сопrotивление Варшавы продолжалось 63 дня. В памяти поляков оно осталось примером самоотверженности и беззаветного героизма. См.: *Назаревич Р.* Варшавское восстание. 1944 год. Политические аспекты. М., 1989.
- 27 Имеется в виду Польская социалистическая партия (Свобода-Равенство-Независимость), созданная в подполье в октябре 1939 г. представителями правого крыла ППС З. Зарембой, Т. Арчишевским, К. Пужаком и др. Партия занимала антисоветскую, враждебную Польской рабочей партии позицию.
- 28 Речь идет о Польской крестьянской партии — массовой (в январе 1946 г. насчитывала около 500 тысяч членов) организации, созданной 22 августа 1945 г. В 1945–1947 гг. партию возглавлял лидер легальной политической оппозиции Станислав Миколайчик (1902–1966), который в 1945–1947 гг. занимал посты заместителя председателя правительства и министра сельского хозяйства и земельных реформ.
- 29 Объединенная крестьянская партия была создана в 1949 г. левыми деятелями польского крестьянского движения. Находилась под идеологическим влиянием Польской объединенной рабочей партии.
- 30 Глава польской католической церкви Стефан Вышинский (1901–1981) был интернирован в 1953–1956 гг. и находился в северной части Польши. 28 октября 1956 г. в результате прихода к власти обновленного высшего политического руководства был освобожден и приступил к выполнению своих прямых обязанностей.
- 31 Игнар Стефан (1908–1992) — деятель польского крестьянского движения. В 1949–1956 гг. заместитель председателя Объединенной крестьянской партии, с 1956 г. председателем ОКП, заместителем председателя Государственного совета.
- 32 Ковальский Владыслав (1894–1958) — деятель польского крестьянского движения, писатель. В 1928 г. вступил в Коммунистическую партию Польши. По поручению руководства партии перешел в ОКП. В 1949–1956 гг. председатель президиума Главного исполнительного комитета ОКП, в 1947–1956 гг. член Государственного совета ПНР.
- 33 Батальоны хлопске (Крестьянские батальоны) — польское конспиративное военное формирование, ставившее своей целью борьбу с нацистскими оккупантами за свободу и независимость Польши. В

- 1944 г. в Батальонах хлопских насчитывалось около 160 тыс. вооруженных бойцов.
- 34 Армия Крайова — самое крупное среди польских конспиративных военных формирований (более 300 тыс. принявших присягу военнослужащих) в годы оккупации. Стратегическое руководство Армией Краевой осуществлялось польским правительством в Лондоне. Командующими Армией были генералы К. Соснковский (до 1940 г.), Ст. Ровецкий-«Грот» (1940–1943), Т. Коморовский-«Бур» (1943–1944), Л. Окулицкий (1944–1945). Основная военная сила Варшавского восстания.
- 35 Армия Людова — конспиративная военная организация Польской рабочей партии, созданная 1 января 1944 г. Краевой радой народной. Насчитывала около 10 тыс. вооруженных бойцов. Около 500 человек приняло участие в Варшавском восстании. Подробнее см.: *Sienkiewicz W. Mały słownik historii Polski. Warszawa, 2000. S. 16–17.*
- 36 Юшкевич Александр (1915–1975) — деятель левого крыла польского крестьянского движения, дипломат. В 1949–1956 гг. член Главного совета и секретарь Главного исполнительного комитета ОКП, в 1952–1957 гг. член Государственного совета ПНР.
- 37 Доманьский Ян (1898–1978) — деятель польского крестьянского движения. В 1950–1956 гг. член Президиума, в 1956–1964 гг. секретарь Главного комитета ОКП. В 1956–1957 гг. член Государственного совета ПНР.
- 38 Выцех Чеслав (1899–1977) — деятель польского крестьянского движения. В 1949–1971 гг. член Президиума Главного исполнительного комитета ОКП. В 1956–1957 гг. заместитель председателя Государственного совета ПНР.
- 39 Щавиньская Марья (1901–1985) — деятельница польского крестьянского движения, журналистка. В годы гитлеровской оккупации находилась в Батальонах хлопских. В 1946–1949 гг. член миколайчиковского Польского крестьянского движения, но порвала с ним. В 1949–1956 гг. член Главного исполнительного комитета ОКП, в 1956–1959 гг. член Главной ревизионной комиссии ОКП.
- 40 Банах Казимеж (1904–1985) — деятель польского крестьянского движения. Один из основателей Батальонов хлопских, участник Варшавского восстания. В 1956 г. член Президиума Главного комитета ОКП, председатель Главной реабилитационной комиссии партии. В 1947–1971 гг. член Государственного совета ПНР.
- 41 «По просту» — популярный молодежный оппозиционный еженедельник, сыгравший существенную роль в событиях 1956 г. в Польше.

- 42 Берман Якуб (1901–1984) — в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР.
- 43 Имеется в виду VII пленум ЦК ПОРП. Проведению пленарного заседания в намеченные сроки помешала резко усложнившаяся общеполитическая и социальная ситуация в стране, в особенности массовые волнения 28–29 июня в Познани. Подробнее см.: *Makowski E. Poznański Czerwiec 1956. Pierwszy bunt społeczeństwa w PRL. Poznań, 2001; Jastrząb Ł. «Rozstrzelano moje serce w Poznaniu». Poznański Czerwiec 1956 r. — straty osobowe i ich analiza. Poznań, 2006*). VII пленум состоялся 18–28 июля и привел к размежеванию ПОРП на реформаторов («пулавян») и консерваторов («натолинцев»).
- 44 Теплиц Кшиштоф Теодор (1933–2010) — польский публицист. В варшавском еженедельнике «Новая культура» (*Nowa Kultura*) от 29 апреля 1956 г. опубликовал статью, в которой подверг сомнению тезис о том, что власть в Польше носит народный характер. См.: *Władyka W. Na czołowiec. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa; Łódź, 1989. S. 65–66*.
- 45 Радкевич Станислав (1903–1987) — в 1948–1955 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1944–1954 гг. министр общественной безопасности, в 1954–1956 гг. министр государственных сельских хозяйств. В 1957 г. исключен из партии.
- 46 Ромковский Роман (1907–1968) — в 1949–1954 гг. заместитель министра общественной безопасности. Арестован в апреле 1956 г. в связи с привлечением к уголовной ответственности.
- 47 Фейгин Анатолий (1909–2003) — в 1951–1954 гг. Директор X департамента Министерства общественной безопасности. Арестован в апреле 1956 г. в связи с привлечением к уголовной ответственности.
- 48 Татаркувна-Майковска Михалина (1908–1986) — в 1954–1956 гг. кандидат в члены ЦК ПОРП, в 1955–1964 гг. первый секретарь Лодзинского городского комитета ПОРП.
- 49 Южвяк Франчишек (1895–1966) — в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1955–1956 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР.
- 50 Сабуров М. З. (1900–1977) — в 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС, в 1955–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР, одновременно в 1955–1956 гг. председатель Государственной экономической комиссии Совета министров СССР.
- 51 Совещание представителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии и Советского Союза состоя-

- лось в Москве в период 6–11 января 1956 г. и проходило в режиме строгой секретности. На совещании присутствовал представитель Коммунистической партии Китая. Обсуждались вопросы экономического сотрудничества указанных стран, о создании Восточного института ядерных исследований, а также о создании Политического консультативного комитета. Подробнее см. письмо Н. С. Хрущева в ЦК Союза коммунистов Югославии: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 188–190.
- 52 Текст и местонахождение письма не известны.
- 53 Чешейко-Сохацкий Ежи (1892–1933) — в 1921 г. вступил в Коммунистическую партию Польши. С 1924 г. депутат Сейма. С 1929 г. член Политбюро КПП. В 1931–1932 гг. кандидат в члены Президиума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Реабилитирован в 1956 г.
- 54 Жарский Тадеуш (1896–1934) — член ЦК КПП, представитель КПП в Исполкоме Коминтерна. Реабилитирован 18 августа 1956 г.
- 55 Воевудский Сильвестер (1892–1938) — руководитель Независимой крестьянской партии в Польше.
- 56 Письмо ПОРП в польских архивах не обнаружено.
- 57 Пино Кристиан (1904–1995) — один из лидеров Французской социалистической партии, известный детский писатель-сказочник. В 1956 г. министр иностранных дел Франции.
- 58 Тито Броз Иосип (1892–1980) — маршал, председатель Союза коммунистов, президент Югославии.
- 59 У Ну (1907–1995) — в 1948–1956 гг. председатель Совета министров Бирмы. С 1973 г. буддийский монах.
- 60 Неру Джавахарлал (1889–1964) — борец за национальную независимость Индии. В 1947–1964 гг. председатель Совета министров и министр иностранных дел Индии. Визит Ю. Циранкевича в Индию состоялся 24 марта — 3 апреля 1957 г.
- 61 Берия Л. П. (1899–1953) — в 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)-КПСС, министр внутренних дел СССР, заместитель председателя Совета министров СССР. В 1953 г. арестован по обвинению в заговоре с целью захвата власти. В декабре 1953 г. расстрелян. Не реабилитирован.
- 62 Русифицированная аббревиатура Section française de l'International Ouvrière (Французская секция рабочего Интернационала).
- 63 Молле Ги (1905–1975) — в 1946–1969 гг. генеральный секретарь Французской социалистической партии, в 1951–1969 гг. вице-председатель

- Социалистического интернационала. В 1956–1957 гг. премьер-министр Франции. В мае 1956 г. состоялись его переговоры с Н. С. Хрущевым, не приведшие к улучшению советско-французских отношений.
- 64 VI пленум ЦК ПОРП состоялся 20 марта 1956 г. и в повестке дня имел только один пункт — выборы нового первого секретаря партии. В работе пленума принимал участие Н. С. Хрущев, выступивший с речью. Его речь была прервана репликой директора партийной школы при ЦК ПОРП Романы Гранас (1906–1987).
- 65 Замбровский Роман (1909–1977) — в 1948–1964 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП.
- 66 Свою позицию по еврейскому вопросу Н. С. Хрущев объяснил в мемуарах. См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 229, 231–232, 514–515 и др.
- 67 Гомулка Владыслав (1905–1982) — идеолог «польского пути к социализму». В 1951 г. исключен из ПОРП в связи с обвинением в правонационалистическом уклоне. В 1951–1954 гг. находился в строгой изоляции. В августе 1956 г. восстановлен в партии.
- 68 Осубка-Моравский Эдвард (1906–1997) — в 1944–1948 гг. член Главного совета ППС, в 1944–1947 гг. председатель Совета министров Польши.
- 69 Дзержинский Я. Ф. (1911–1960) — советский партийный работник. В 1953–1957 гг. референт по польским вопросам Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Orekhov A. M.

The 20th Congress of the CPSU and the Situation in Poland.
Soviet and Polish Leaders on the Staraya Square

This is a publication of a document which appeared in the context of a specific political situation in Poland in the second half of October 1956 which transformed into an acute political crisis involving all social groups and parties of the state. The document has never been published before and has not been cited anywhere.

Key words: *20th Congress of the CPSU, Soviet-Polish relations, Council of Economical mutual assistance, United Peasants Party, N. S. Khrushchiov, N. A. Bulganin, E. Ochab, Z. Novak, A. Zavadsky, J. Cyrankiewicz.*

Н. В. Шведова
(Москва)

Образ России в Словакии

Рецензируется книга словацких историков о российско-словацких культурных и политических отношениях с конца XIX до конца XX в., в которой показаны изменения мнений о России в зависимости от взглядов той или иной общественной группы и от политических условий в обеих странах.

Ключевые слова: *имагология, стереотипы, Россия, Словакия.*

В рамках сотрудничества ученых Словацкой академии наук и Российской академии наук работает Международная комиссия историков, которая выпустила уже два сборника статей на русском языке по имагологической проблематике. Это книги «Русские и словаки в XIX–XX вв.: контакты, взаимодействия, стереотипы» (2007) и «Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии» (2010)¹. О второй и пойдет речь в рецензии. Во введении руководитель словацкого авторского коллектива Т. Ивантышинова пишет: «Цель этой книги — сделать для российских читателей ближе феномен России, который сыграл важную роль в формировании словацкой нации. [...] Этот процесс прошел сложный путь — от преодоления народных мифов, идеологических стереотипов тоталитарного периода до современного свободного объективного взгляда» (с. 7). Введение афористично названо «Зигзаги дружбы».

Временные границы исследования — с конца XIX до 90-х гг. XX в. В статье Б. Чернушаковой, идущей в книге предпоследней, есть основополагающая констатация: в Чехословакии «до 1968 года не было заметных антирусских или антисоветских настроений. Российская экспансия на запад, от которой пострадала Польша в XVII в., Чехию и Словакию не затронула, поэтому национальная идентичность чехов и словаков складывалась не в оппозиции к негативному образу русских как агрессоров» (с. 120). Однако и после 1968 г., как показывает тот же автор, решающей смены ориентиров не произошло. И даже после 1989 г., вопреки негативной окраске русизмов в словацкой прессе (статья Й. Сипко), именно их обилие говорит о важности русских реалий, прежде всего культурных, в сознании словацкой интеллигенции.

Россия, как свидетельствуют исследования словацких историков, со времен национального возрождения воспринималась в Словакии как один из самых значимых политических партнеров. Русофильские взгляды писателя, журналиста и общественного деятеля Светозара Гурбана-Ваянского на рубеже XIX–XX вв. Д. Кодайова противопоставляет не только прозападным взглядам Томаша Гаррига Масарика, но и созвучным последнему идеям словацких гласистов². По мнению автора статьи, «несмотря на то, что в вопросе восприятия России им недоставало знаний Ваянского в области русской литературы и культуры, а также философской эрудиции и политической прозорливости профессора Масарика, гласисты подготовили почву для создания реального образа России в Словакии в межвоенный период» (с. 28). Однако, как можно видеть из книги в целом, реального образа России в Словакии, за редкими исключениями, не было, как не было его, очевидно, и в самой России. Был ряд сосуществующих или сменяющих друг друга мифов, от идеализирующих (в данном контексте идущих от Ваянского) до карикатурно-нелепых (правый журнал «Наступ» в 1930-е гг.). Важно, на наш взгляд, то, что Россия постоянно оказывалась в центре внимания словаков. Возможно, в наши дни этого уже нет, но нет в книге и исследования нынешней ситуации. Как отмечает в своем суждении научный редактор труда, известный российский историк Г. Рокина, «в нем обобщен и проанализирован уникальный опыт узнавания, сотрудничества, признания, отрицания, толерантности и никогда — равнодушия» (на обложке).

В самом деле, Россия (Советский Союз) в XIX и XX вв. в основном виделась словакам как великая держава, способная защитить небольшой славянский народ. В XX в. идею славянской взаимности вытеснила коммунистическая идеология, после 1948 г. ставшая в Чехословакии государственной. В отношении словаков к России преобладает искренний интерес, иногда возникает непонимание, недоразумения (статьи Л. Гарбулёвой о легионерах, М. Завацкой о цензуре социалистического периода). Ценное замечание высказал в конце своей статьи о советско-чехословацких отношениях 1948–1967 гг. М. Барновский: «Словацкую политическую верхушку беспокоило покровительство Праги больше, чем покровительство Москвы»; «директивы Москвы поступали в Словакию через Прагу и нередко воспринимались Словакией как вмешательство Праги» (с. 97). Здесь проявилась специфика исторического пути словаков, которые по настоящему обрели государственную самостоятельность только в 1993 г.

Взвешенный подход к непростым проблемам демонстрирует М. Земко, противопоставляя два восприятия Советской России словацкими интеллектуалами 1930-х гг.: с крайне левого фланга (хорошо известный у нас журнал коммунистов «Дав») и с крайне правого (журнал сторонников Народной партии «Наступ»). У первых преобладало восторженное, не замечающее негативных явлений отношение к СССР, у вторых — неприятие, в котором антикоммунизм смешивался с антисемитизмом, но большевизм порой соотносился с католицизмом. В заключении своей статьи автор приводит знаменательное суждение: «обеим группам словацких интеллигентов, находившимся на противоположных полюсах политического спектра, за их политические взгляды и деятельность история предъявила очень высокий счет» (с. 65). Земко имеет в виду наступление фашизма, которое «проглядели» правые, и репрессии тоталитарного режима в начале 1950-х гг., под колесо которых попали и сами дависты.

Примечательны суждения словацких предпринимателей, которые были широко представлены в России до Первой мировой войны, и легионеров, оказавшихся в водовороте Гражданской войны в России (статьи Р. Гольца и Л. Гарбулёвой). Среди легионеров были и крупные писатели (Янко Есенский, Йозеф Грегор-Тайовский). Предприниматели стремились в Россию, оценив значение огромного рынка (как отмечает автор, сейчас происходит то же самое). Они писали родным и знакомым, что в России славянину легко адаптироваться. Легионеры не всегда могли разобраться в сложных событиях военной, а затем революционной России, но относились к народу с симпатией и сочувствием. Автор статьи констатирует, что «заклучения в их мемуарах пронизаны русофильскими настроениями и славянофильством» (с. 49). Легионер Йозеф Миколай писал о русских: «Кто долго жил меж ними, не может их не любить. Это народ, который нельзя ненавидеть. [...] О нас все говорят, что мы в России полностью изменились. [...] Там душа твоя в ширину разрастется, что есть мелочного, то исчезнет» (там же). Были, конечно, и отрицательные суждения, достаточно уже изученные у нас на примере творчества Есенского³. Впрочем, и он продолжал любить русскую культуру и ее создателей (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Блок и др.), ему принадлежит одно из самых проникновенных стихотворений о советских воинах, павших за освобождение Чехословакии.

Л. Матейко в своей статье рассмотрел влияние русских ученых-эмигрантов и в частности философа Н. О. Лосского на формирование различных отраслей науки в Словакии. «Русские эмигранты, — пи-

шет он, — принадлежали к основоположникам естественнонаучных и технических специальностей и принимали активное участие в учреждении кафедр гуманитарных и общественных наук» (с. 67). Лосский работал в Словакии в 1942–1945 гг. и покинул ее в связи со сгустившимися над его учением «тучами», в частности деятельностью близкого надреалистам (словацким сюрреалистам) кружка «Научный синтез».

Наиболее интересным и насыщенным, на наш взгляд, оказался в книге блок статей, посвященных периоду социалистической Чехословакии. В заслугу авторам следует поставить объективное, без навешивания ярлыков, рассмотрение материала, не так давно еще относившегося к категории настоящего, искаженного пропагандой и цензурой. М. Барновский в статье «Чехословацкая коммунистическая элита и Советский Союз в 1948–1967 годах» привел множество примеров тому, как коммунисты в Чехословакии (с акцентом на Словакию) пытались приспособиться к «руководящей роли» Москвы, каждый раз со своими особенностями. Он пишет: «...Коммунисты идею социализма всегда связывали с Советским Союзом. Картину советской России они строили, исходя из идеи, а поскольку эта идея была привлекательна и благородна, то и Советский Союз был достойным образцом для подражания» (с. 81). Особенно это относилось к участникам антифашистского сопротивления (Л. Новомеский, Г. Гусак и др.; опосредованно это можно отнести и к поэтам, прямо не участвовавшим в Сопротивлении, — бывшим надреалистам, например). Барновский пишет: «Они преклонялись перед героизмом Красной армии и в ее победах видели доказательства преимуществ социалистического строя» (с. 81). При этом такие незаурядные деятели культуры, как выдающийся поэт и журналист Л. Новомеский, испытывали душевные кризисы — например, во время московских политических процессов 1930-х гг. Об этом Новомеский писал в письме А. Новотному в январе 1964 г., то есть уже после своей реабилитации (Новомеский был репрессирован в 1950-е гг. как «буржуазный националист» и реабилитирован в 1963 г.). Причем, судя по письму, нечто подобное испытывал и К. Готвальд, задававший Новомескому вопрос, «не тошнит ли» его. Поэт объясняет, почему он не встал в ряды сомневающихся и протестующих: «...единство партии, сплоченность прогрессивных сил и верность Советскому Союзу и его руководству я ставил выше своих колебаний, горьких сомнений, даже выше внутреннего убеждения, что „что-то не так“» (с. 82). Надо признать, что историки здесь дальновиднее филологов, готовых сбросить художественные произведения «в корзину для му-

сора» только за то, что их автор придерживался коммунистических взглядов (даже после 1968 г.).

Б. Чернушакова в своей статье «Образ России в словацкой прессе после августа 1968 года», несколько упрощая ситуацию, в отличие от Барновского, пишет, что «негативные коннотации» социализма не играли «в становлении образа России у словаков главной роли» (с. 133). Далее: «Политическая верхушка, культурная элита, население — каждый из них относился к СССР, режиму, нации и населению страны, направившей к нам танки, по-разному. Общая картина получается немного шизофренической: советские люди остались нашими братьями, друзьями и союзниками, но братьями, которых мы презираем, друзьями, которым не верим, и союзниками, которых боимся» (там же). От себя добавим, что такие достойные представители культурной элиты, как поэты Рудольф Фабри, Владимир Райсел и Мирослав Валец, не испытывали в 1970-е гг. к социализму и Советскому Союзу, не говоря уже о нации, ни презрения, ни недоверия, ни боязни. На наш взгляд, они не видели альтернативы социализму, которая бы их удовлетворила. У Валеца в либеральные 1960-е гг. отчуждение человека в современном мире, о котором писал в 1930-е гг. Новомеский, вызывало ужас, отвращение и подавленность. Возвращения к религии у поэта, начинавшего в католическом русле, не произошло, оставалась ее замена — вера в коммунистическое братство, путь к которому тернист и чреват искажениями.

М. Завацка в статье «Цензурованный друг: информация о СССР в словацкой прессе (1956–1962)» приводит порой анекдотические случаи, когда словаки и не думали о неприязненном отношении к СССР, но такое впечатление могло, по мнению цензоров, сложиться у читателя. Неуместное соседство газетных заголовков, фотографий, названий в кинопрограмме и даже книг в витрине магазина рождало, на нынешний взгляд, трагикомическое, а для того времени — опасное восприятие. Например, «редактор газеты „Правда“ (словацкой. — Н. Ш.) неумышленно проявил откровенность: „Заявление уполномоченного В. А. Зорина в комиссии ООН по вопросам разоружения“ — „Так говорил и Гитлер“» (с. 113).

В завершающей сборник статье Й. Сипко «Образ России в современной словацкой печати» анализируется значительное число русизмов в статьях, опубликованных после 1989 г. (не далее первой половины 1990-х гг.). Мы уже отмечали, что сам факт такого обращения к русским реалиям, главным образом из литературы и культурной области, говорит о внимании к России, ее присутствию в сознании поколений, живших при социализме. Сипко делает иной вывод: «Наши

наблюдения убедительно доказывают, что преобладает тенденция к отрицательному изображению действительности», — что связано, по его мнению, «с массовым отказом от бывшей системы» (с. 144). То есть все, что связано с Советским Союзом, имеет негативную окраску. Излишне доказывать, что в целом это неверно. Т. Ивантышинова в обзоре статей (введение) добавляет к выводам Сипко важный тезис: «Трудно определить образ России на основе этнокультурных русизмов у молодежи, которая после 1989 года не знает русского языка и плохо знакома с русскими реалиями» (с. 10). Как ни парадоксально, но единственная филологическая статья в сборнике содержит наибольшее количество разнообразных ошибок, в том числе и в переводе, сделанном силами словацкой стороны и во многих случаях безупречном. Например: Солженицын «записался в историю мировой литературы»; «большое ризико финансовой реформы» (по-словацки «riziko» — «риск»); «движение козаков в постсоветской России»; «ближащегося успеха в войне» и т. п. Постоянно встречающееся слово «русизм» пишется с двумя «с». Приводя такой ряд русизмов: «бумажка» (через «ш»), «мальчик», «генсек», «вождь», «мужик», — Сипко утверждает, что «такие слова связаны с явлениями, которые в определенном смысле выделялись как языковые знаки чрезвычайных или даже аномальных социальных фактов» (с. 139). На наш взгляд, только слово «генсек» из приведенных здесь подходит под определение Сипко, да и то ассоциируется скорее не со Сталиным, как он считает, а с Брежневым. То же относится к словам «очередь», «верхушка». Слово «мальчик» вообще трудно заподозрить в том, что оно указывает на «чрезвычайный или даже аномальный социальный факт». Возможно, сдвиг произошел уже в восприятии словаков, но тогда надо подчеркнуть, что в русском языке у данных слов нет таких семантических оттенков. Выделяя группу «языковых единиц, происхождение которых связано с известными фильмами русской и советской кинематографии» (с. 139), Сипко опирается на три фильма. Это «Покаяние» Т. Абуладзе (выражение «Эта дорога не ведет к храму»), «Москва слезам не верит» В. Меньшова (режиссера автор не упоминает) и мультфильм В. Котеночкина «Ну погоди!». Автор говорит о «меткости конструкций» в полюбившихся словакам выражениях. При этом «Москва слезам не верит» — известная задолго до фильма Меньшова поговорка, на что Сипко внимания не обратил. То есть фраза взята из фольклора, а не из фильма (даже при его посредничестве). Не отметил автор и ошибки в забавном (и вовсе не негативном) употреблении формулы из популярного перестроечного анекдота: «... Это напоминает известное русское противозачаточное средство „Спи

один“» (с. 143). На самом деле так называли «лекарство против СПИ-Да». Таким образом, анализ русизмов в статье Сипко не всегда опирается на верное звучание выражений в самом русском языке.

Сборник «Мифы — стереотипы — образы» в целом показывает русофильскую ориентацию словаков (по крайней мере, до 1968 г.), что связано с политическими условиями жизни нации и любовью к русской культуре. И, в очередной раз признавая ценность публикаций на русском языке для словаков, Т. Ивантышинова в завершение своего обзора пишет: «Для заграничного читателя это может послужить долгожданной возможностью для более глубокого изучения Словакии, ее истории и культуры» (с. 10). Нельзя не согласиться с тем, что книга словацких историков проливает свет на многие специфические проблемы российско-словацких отношений в сфере политики, идеологии, культуры, общественных настроений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии: *Ивантышинова Т. и коллектив авторов* / Пер. со словацкого. Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
- 2 От названия журнала «Глас» (1898–1904). По названию журнала получило наименование «гласизма» общественно-политическое движение молодых словацких интеллектуалов, оказавших воздействие и на литературу. Они были сторонниками теории «малых дел» и выступали за сближение с Чехией.
- 3 См.: *Будагова Л. Н.* Янко Есенский // История словацкой литературы. М., 1970; *Каськова С. В.* Творческая эволюция Янко Есенского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Shvedova N. V.

The Image of Russia in Slovakia

It is a review of a book by Slovakian historians about Russian-Slovakian cultural and political relations from the end of the 19th till the end of the 20th centuries, where changes of opinions about Russia are shown, as well as their dependence on positions of certain social groups and political conditions in the both countries.

Key words: *imagology, stereotypes, Russia, Slovakia.*

Е. С. Узенева
(Москва)

Новый труд по современной украинской диалектологии*

Труд посвящен описанию современного галицкого говора прикарпатского села Коваливка.

Ключевые слова: *украинский язык, диалектология, говор, словарь, лексика, текст, грамматика.*

Книга профессора Прикарпатского государственного университета им. Василя Стефаника Н. П. Лесюка «Языковой мир современного галицкого села Коваливка Коломыйского района» (*Лесюк Микола. Мовний світ сучасного галицького села Ковалівка Коломийського району. Івано-Франківськ, 2008. 328 с.*) посвящена описанию нынешнего состояния говора одного из украинских сел Ивано-Франковской области, родного села автора. Основной текст предваряет краткое описание истории Коваливки, расположенной недалеко от магистрали Коломыя–Яблунов–Косов, в 14 км от города Коломыя. Согласно легенде, село было основано в начале XVII в. неким кузнецом (*коваль*) и его пятью сыновьями, прибывшими из Умани. Позднее здесь были открыты месторождения бурого угля и выкопаны шахты, на многие десятилетия определившие облик поселка и основное занятие его жителей. В 60-е гг. XX в. в связи с нерентабельностью шахты были закрыты.

В 1885 г. была создана первая библиотека с читальней, а в 1895 г. их было уже две — вторая принадлежала москвофильскому товариществу им. М. Качковского. В 1907 г. начала работу первая школа, а в 1933–1935 гг. крестьяне своими силами построили Народный дом (клуб), где часто проводились различные фестивали, культурно-массовые мероприятия, существовал мужской хор под управлением Николая Чукура.

В 1946–1947 гг. в селе заработала первая в округе электростанция, так что Коваливка вместе с городом Коломыя была единствен-

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция культуры по данным языка» Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики».

ным электрифицированным селом в округе. Одним из первых созданных на Гуцульщине колхозов был коваливский колхоз «Ленинский путь».

В книге косвенно освещается общественная жизнь различных людей, их хозяйственно-экономическая и культурная деятельность, дается информация о материальной и духовной жизни населения, в частности о праздниках, обычаях и фольклоре.

В настоящее время в селе проживает 1150 человек, в средней школе обучаются 200 учеников. Коренные жители села сохранили свой уникальный говор и передают свои знания детям и внукам. Сегодня уже нет гонений на местные говоры, как это было в период советской власти, когда любое слово, имевшее иную, нежели литературная, форму, оценивалось иронично. Местный говор, безусловно, подвергся сильному воздействию и литературного украинского языка, и русского языка — благодаря приехавшим из разных областей необъятной страны работникам шахт. Немало русизмов сохранилось в речи местных жителей, вернувшихся после долгих лет пребывания в местах заточения в Сибири, Заполярье и на Урале. Большой урон говору Коваливки наносит современное телевидение. Поскольку большая часть программ транслируется на русском языке, это способствует исчезновению диалектных особенностей и снижению статуса местного говора.

Основной целью исследования был лингвистический анализ говора села Коваливка. В монографии подробно описана грамматика: фонетическая система данного говора, особенности вокализма и консонантизма, различные звуковые процессы (ассимиляция, диссимиляция, метатеза и пр.), морфологические и синтаксические особенности. Автор приходит к выводу, что локализованный на границе между Покутьем и Гуцульщиной говор прикарпатского села Коваливка содержит черты обоих говоров — и гуцульского, и покутского.

Наиболее детально представлена лексика. Изучению словесного богатства коваливчан посвящено более половины книги. Автор публикует небольшой словарь диалектных лексем, которые отличаются от литературных дублетов или фонетическим обликом, или семантикой (около 1400 слов), а также список тематически классифицированных фразеологизмов и поговорок (поговорки, афоризмы, оксюмороны), эксцерпированных из живой речи односельчан и сопровождаемых комментариями и толкованиями. Их дополняют анекдоты, сказки и небылицы, выбранные из записанных текстов.

Н. П. Лесюк анализирует и антропонимикон жителей Коваливки, предлагая читателю наряду с официальными именами взрослых людей особые повседневные имена и прозвища, крестильные имена, отчества, псевдонимы и пр., четко отделяя имена коренных и пришлых жителей. Из 983 имен переписи 2002 г. автор отметил лишь 261 оригинальное.

Особую ценность представляют тексты живой народной речи, опубликованные в книге. Тематически они разнородны (воспоминания детства, жизнь в сталинских лагерях, свадьба и др.), но значение их определяется не только содержанием, но и фиксацией спонтанной речи носителей говора, отражающей его специфические особенности. Дополняют тексты-рассказы старинные колядки и вирши, а также гуцульские народные песни коломыйки.

Книга Н. П. Лесюка принадлежит к редкому типу научных работ, созданных высокообразованными местными уроженцами, которые подчас на протяжении всей жизни ведут наблюдения и записи, собирая материал о своей малой родине. Результатом этой кропотливой работы становится серьезный научный труд, посвященный родному краю, его жителям, их языку и культуре и шире — языковой картине мира односельчан. Автор настоящего труда — профессор Прикарпатского государственного университета, славист, долгие годы возглавлявший кафедру славянских языков, написавший ряд монографий и разделов коллективных монографий, заслуженный деятель просвещения Украины, лауреат премий Марии Подгорянки и Ивана Франко.

Очередная монография Н. П. Лесюка вносит значительный вклад в изучение украинских диалектов Прикарпатья, открывает читателю богатство местной лексики и семантики, предоставляет возможность почувствовать дух сельского быта, проникнуть в народный менталитет. Книга представляет собой ценность не только для широкой научной среды (для диалектологов-украинистов и славистов, лексикологов, социолингвистов, этнолингвистов, фольклористов), но и для всех людей, интересующихся языком и культурой данного региона.

Вероятно, можно было бы дать более детальную характеристику говора, расширить реестр словника, который, разумеется, не исчерпывает всех лексических особенностей говора села Коваливка, более детально проанализировать современный язык местных жителей в диахроническом аспекте, выявить динамику развития говора, более конкретно показать влияние литературного языка на говор. Однако все это потребовало бы большего времени и большего объема кни-

ги. Основной же задачей автора было не только описать языковой мир односельчан, что ему, бесспорно, удалось, но и реализовать свое давнее желание — хоть как-то зафиксировать и передать будущим поколениям страдания, выпавшие на долю тех людей, которые были репрессированы и провели значительную часть своей жизни на поселении или в сталинских лагерях. Именно поэтому автор счел необходимым основную часть книги посвятить живому языку, опубликовав большое число записанных им текстов, и таким образом достичь поставленной цели: отобразить живую речь жителей села и сохранить рассказы о трудностях послевоенной жизни и других важных событиях в судьбе односельчан и его семьи.

Высказанные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств книги Н. П. Лесюка, которую по праву можно считать своеобразной этнолингвистической энциклопедией прикарпатского села Коваливка.

Uzeneva E. S.

A New Work on Contemporary Ukrainian Dialectology

It is a review of the description of contemporary Galich dialect of the Pre-Carpathian village of Kovalivka.

Key words: *Ukrainian language, dialectology, accent, dictionaries, vocabulary, vocabulary, text, grammar.*

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)

Первая книга Института Ивана Франко

В рецензии рассматривается первый выпуск нового серийного научного сборника «Иван Франко: Тексты. Факты. Інтерпретації», издаваемого коллективом недавно созданного в Национальной академии наук Украины Института Ивана Франко.

Ключевые слова: *украиноведение, украинская литература, Иван Франко, Институт Ивана Франко.*

В марте 2011 г. согласно постановлению № 114 Президиума Национальной академии наук Украины во Львове был создан Институт Ивана Франко, главным заданием которого является проведение фундаментальных и прикладных исследований жизни и деятельности И. Я. Франко. Помимо этого организованный Институт должен изучать историю украинской литературы XIX–XXI вв., развивать полонистику, германистику и сравнительное литературоведение.

Созданию Института Ивана Франко предшествовала большая подготовительная работа, начавшаяся еще в годы существования Львовского отделения Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины, ставшего прообразом и основой нового Института, которому в центре Львова выделено особое здание (улица Драгоманова, 18).

Через несколько месяцев после официального основания Институт Ивана Франко выпустил свое первое объемное издание под собственным грифом. Им стал новый серийный академический сборник «Иван Франко: Тексты. Факты. Інтерпретації»¹. В подготовке этого сборника приняли участие ведущие специалисты из Львова и Киева, в том числе директор Института литературы им. Т. Г. Шевченко Н. Г. Жулинский и директор Института Ивана Франко Е. К. Нахлик². Сборник этот продолжает давнюю мировую традицию подготовки и публикации творческого наследия классиков литературы и науки в виде многотомных изданий с одновременным выпуском разного рода материалов, посвященных жизни и деятельности того или иного лица, аккумулирующихся в специальных периодических сборниках.

Рецензируемое издание планируется выпускать регулярно «по мере накопления соответствующих материалов». Его цель — «готовить основу для будущих фундаментальных изданий — Энциклопедии Ивана Франко, полного корпуса франковедческой библиографии, Полного собрания текстов Ивана Франко, его переписки, научного, то есть сверенного с первоисточниками и тщательно прокомментированного, издания воспоминаний о писателе, его научной биографии и т. д. Одновременно сборник будет иметь как источниковедческий, так и интерпретационный характер. Будут помещаться и экспериментально-поисковые и дискуссионные статьи. В зависимости от наполнения каждого выпуска структура его станет меняться, что будет отражено в его названии. Отдельные выпуски могут быть проблемно-тематическими, посвященными обсуждению какого-либо одного вопроса или блока вопросов в франковедении» (с. 3).

Первый выпуск этого сборника имеет следующие основные разделы: вступительные слова (с. 3–9), «Официальные документы» (с. 10–12), «Обзоры» (с. 13–40), «Интерпретационные и источниковедческие статьи» (с. 41–147), «Энциклопедические статьи» (с. 148–309), публикации различных текстов Ивана Франко (с. 310–382), публикации воспоминаний о нем (с. 383–395), «Библиография» (с. 396–423), «Указатель имен и произведений без авторства» (с. 424–435).

В своем вступительном слове к сборнику академик Н. Г. Жулинский обосновал необходимость создания специального франковедческого института, который будет исследовать и «литературный процесс в Украине, особенно Западной, а также украинскую литературу, что создавалась и создается за границами нашей Родины... Создание Института Ивана Франко в этом году — это своеобразный подарок Президиума Национальной академии наук Украины городу Львову к 155-летию со дня рождения писателя. Безусловно, Львов, Галичина, Западная Украина всецело заслуживают того, чтобы здесь работал отдельный академический литературоведческий центр, так как на этих землях столь интенсивно осуществлялось наше литературное развитие в XIX–XX столетиях и в благоприятной языковой среде развивается современная литература...» (с. 7–8).

В обзоре «Современное состояние франковедческих исследований и проблема создания Института Ивана Франко НАН Украины» Е. К. Нахлик достаточно подробно и систематично рассмотрел основные научные итоги украинского и мирового франковедения, специально остановился на работах своего Института, успешно продолжающего издание известного пятидесятитомного собрания сочинений

Ивана Франко³ путем выпуска соответствующих дополнительных томов⁴, а также публикации указателя текстовых купюр, изъятых из пятидесяти томника по цензурным соображениям⁵.

Весьма важна в сборнике статья известного украинского литературоведа, члена-корреспондента Национальной академии наук Украины Т. И. Гундаровой «Современное украинское франковедение: между „жизнью“ и „творчеством“» (с. 28–40), которая дает ему критичную оценку в русле формирования «нового понимания украинской литературы». При этом, по мнению Т. И. Гундаровой, «наработки современного франковедения, которое по праву можно считать сегодня ведущим и одним из наиактивнейших направлений нового украинского академического литературоведения, особенно ценны. На примере франковедения... можно говорить про тенденции развития всего украинского литературоведения, про его перспективы, методы и проблемы...».

Литературоведческие, культурологические и фольклористические статьи сборника, написанные преимущественно молодыми сотрудниками Львовского отделения Института литературы им. Т. Г. Шевченко, а ныне Института Ивана Франко, посвящены широкому спектру вопросов франковедческой проблематики (с. 41–147).

Раздел «Энциклопедические статьи», авторами которого являются сотрудники нового Института во главе с его директором, составлен из материалов будущей пятитомной литературной энциклопедии «Иван Франко», выпуск первого тома которой является «первоочередным заданием на ближайшие годы» (с. 150).

Раздел «Библиография» содержит перечень 119 авторефератов франковедческих диссертаций, защищенных в 1988–2009 гг. (с. 396–408), а также указатель 173 «франковедческих публикаций ученых Львовского отделения Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины за 2006–2010 гг.» (с. 409–423).

Развивая мысль Т. И. Гундаровой о современном франковедении, можно сказать, что изданный сборник представил на своих страницах видение широкого комплекса проблем в украинском литературоведении вообще. Причем видение их представителями разных поколений украинских ученых, в большом числе совсем молодых. В этом особая ценность сборника, значение которого для всей славянской гуманитаристики весьма ощутимо и далеко выходит за границы собственно франковедения. Вместе с тем, материалы рецензируемого сборника представляют в основном Ивана Франко-

писателя. Как следует из статей, помещенных в сборнике, основная исследовательская работа Института Ивана Франко в ближайшие годы также будет нацелена на изучение его художественного творчества, а литературная энциклопедия «Иван Франко» лишь отчасти, да и то в последних, четвертом и пятом томах, посвятит свои страницы ему как ученому-литературоведу. Едва ли этого достаточно для полноценного отображения такой разносторонней личности, как Иван Франко; теряется целостность столь необычной в мировой истории фигуры, одновременно сочетающей литературно-художественную, научную, политическую и идейно-философскую уникальность и непревзойденность, воплотившиеся в загадочном по сей день человеческом феномене.

Художественные писания Ивана Франко недостаточно понятны вне всего масштаба его личности, деятельности украинского гения, оставившего колоссальное литературное и научное наследие, более или менее полная публикация которого еще далеко впереди. Это порождает огромное количество проблем, так как Ивана Франко до сих пор знают в основном как писателя, отчасти общественного деятеля. Франко-ученый известен мало. А ведь даже в упомянутом пятидесятомнике его сочинений научные тексты, а к их числу стоит отнести и значительную часть переписки Франко, составляют половину объема. Конечно же, это далеко не все из его научного наследия. К этим двадцати пяти томам можно прибавить, видимо, еще столько же или даже больше томов опубликованных и не публиковавшихся научных работ Ивана Франко в области истории различных национальных и мировой литератур, фольклора, языкознания, истории, этнографии, философии, экономики и других.

Для нас особый интерес представляют славяноведческие исследования Франко, образующие основной корпус его научных сочинений, дающих нам полное право считать Ивана Франко «одним из самых выдающихся славистов мира», «собрать, изучить и опубликовать» написанное которым — «едва ли не самая сложная и насущная задача современной украинской гуманитаристики»⁶. Франко литературовед-славист, археограф и фольклорист был «украинистом, полонистом, богемистом, русистом, сербистом»⁷, отчасти белорусистом. Он всегда проявлял особый интерес ко всем славянским народам, жившим в Австро-Венгрии⁸. Ученик И. Ягича, выдвинутый к моменту своего пятидесятилетия академиком А. А. Шахматовым и Ф. Е. Коршем в ординарные академики Петербургской Академии наук, Иван Франко, после многолетней болезни скончавшийся всего

лишь на шестидесятом году жизни, оставил нам помимо колоссального художественного и научного письменного наследия еще и свою богатейшую исследовательскую лабораторию в виде многотысячной библиотеки редчайших книг, в том числе и старопечатных, на разных языках, а также необычайно интересное по составу, огромное, в несколько сот, собрание кириллографических и латинографических древних и старинных рукописей. Благодаря этим своим книжно-рукописным коллекциям Франко написал множество своих работ, среди них и ряд многотомных, таких, например, как пятитомник «Апокрифи і легенди з українських рукописів» (Львів, 1896–1910), научный труд, непревзойденный в мировой славистике, но, по вполне понятным причинам, в основном из-за своего религиозного содержания и очень большого объема, лишь фрагментарно включенный в пятидесятитомное собрание его сочинений, или знаменитые франковские «Галицько-руські народні приповідки» в шести книгах (Львів, 1901–1910), о которых недавно впервые была опубликована специальная монография, написанная С. М. Пилипчуком, руководителем Института франковедения Львовского национального университета им. Ивана Франко⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Иван Франко: Тексти. Факти. Інтерпретації: Збірник наукових праць / НАН України. Інститут Івана Франка; Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка; Редкол: М. Жулинський (голова) та ін.; Відп. і літ. Ред. та упоряд. С. Нахлік. Київ; Львів, 2011. Вип. I: Огляди. Статті. Твори. Листування. Спогади. Бібліографія.
- 2 См. новейшую библиографию ученого: Євген Казимирович Нахлік: Біобібліографічний показник. Львів, 2011.
- 3 *Франко І.* Зібрання творів: У 50 т. Київ, 1976–1986.
- 4 *Франко І.* Додаткові томи до Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Київ, 2008. Т. 51–53; Київ, 2010. Т. 54.
- 5 *Франко І.* Зібрання творів: У 50 т. Показчик купюр. Київ, 2009.
- 6 *Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Славяноведческое наследие Ивана Франко. М., 2011. С. 28.
- 7 *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Иван Франко — ученый-славист // Иван Франко об украинской литературе. М., 2006. С. 10.
- 8 См. обобщающую монографию известных словацких украинистов: *Daniš M., Neverlý M.* Ivan Franko: Život a dielo (1856–1916). Prešov, 2009.

- 9 *Пилипчук С.* «Галицько-руські народні приповідки»: пареміологічно-пареміографічна концепція Івана Франка. Львів, 2008.

Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L.

The First Book of the institute of Ivan Franko

It is a review of the first issue of a new periodical collection of articles «Ivan Franko: Texts. Facts. Interpretations» published by a collective of the recently organized Institute of Ivan Franko in the system of the National Academy of Sciences of the Ukraine.

Key words: *Ukrainian studies, Ukrainian literature, Ivan Franko, Institute of Ivan Franko.*

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)

Киевская командировка А. Л. Бема

Рецензируемая книга является каталогом украинских изданий, приобретенных А. Л. Бемом весной 1919 г. в Киеве для Славянского Отделения Библиотеки Академии наук.

Ключевые слова: *славяноведение, украиноведение, Славянское Отделение БАН.*

Знаменитое Славянское Отделение Библиотеки Академии наук, ныне Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге, хорошо известно славистам всего мира. Сотни тысяч изданий на всех славянских языках, отдельные личные библиотеки и коллекции выдающихся ученых, вошедшие в его состав, в том числе мемориальная библиотека И. И. Срезневского, двухсотлетний юбилей которого отмечается в 2011 г., хранятся в его богатейших собраниях.

Особая гордость Славянского фонда — коллекция украинских изданий конца XVIII — первой трети XX столетий. В ней около семнадцати тысяч книг и брошюр и почти тысяча периодических и продолжающихся изданий. Весной 1919 г. молодой сотрудник Славянского Отделения коренной киевлянин Альфред Людвигович Бем, будущий знаменитый славист и русист, был командирован в родной город для приобретения практически не поступавшей с Украины литературы. Невзирая на многочисленные трудности, в том числе финансовые, А. Л. Бему удалось привезти в Петроград около трехсот изданий на украинском языке, а также целый ряд книг об Украине на немецком, французском и английском языках. Кроме того, он приобрел около шестидесяти польскоязычных изданий и более полутораста русскоязычных.

Рецензируемая нами книга содержит подробный каталог украиноязычной части привезенных А. Л. Бемом из Киева изданий¹. Одновременно она и ценный источник сведений о деятельности одного из самых активных славистов из числа российской эмиграции², восполняющий значительный пробел в изучении его жизни и деятельности. Собственно командировка в Киев в апреле-мае 1919 г. оказалась

последней научной экспедицией этого столь успешно входившего в науку исследователя, «ученого хранителя рукописей» БАН, начавшего под руководством В. И. Срезневского свою работу здесь еще в 1910 г., будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. Через несколько месяцев А. Л. Бем уже в эмиграции, где, помимо научной, он активно, вплоть до 1930-х гг., занимается политической деятельностью, в том числе и как один из основателей партии «Крестьянская Россия».

Рассматриваемый Каталог содержит краткое вступление «От составителя» (с. 3–5), каковым является сотрудница Библиотеки Российской академии наук О. Л. Волкова, кстати, подготовившая ранее еще один каталог украинских книг³. Далее в каталоге идет подробное описание 283 украиноязычных изданий (с. 6–50): книг, периодики и календарей, «Указатель книг, возвращенных из спецхрана» (с. 51), «Указатель заглавий, серий, персоналий, переводчиков, ответственных лиц и дарителей» (с. 52–56), иллюстративного приложения, где помещены фотовоспроизведения обложек ряда изданий.

Среди описанных изданий много чрезвычайно редких, в том числе, видимо, и отсутствующих в библиотеках Украины. Подробное их описание в Каталоге вносит и свою значительную лепту в создание украинского национального библиографического репертуара, работа над которым продолжается уже многие десятилетия, но пока далека от своего завершения и полна трудностей⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Украинская книга в фондах БАН: украинские издания 1917–1919 гг. в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук / Отв. ред. В. П. Леонов; сост. О. Л. Волкова. СПб., 2011. 68 с.: ил.
- 2 См., напр.: А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения / Сост., науч. ред. М. А. Васильевой. М., 2008.
- 3 Украинская книга в фондах БАН: каталог книжных выставок Славянского фонда Библиотеки Российской академии наук 2008–2009 гг. / Сост. О. Л. Волкова; отв. ред. В. П. Леонов. СПб., 2009.
- 4 См., напр.: *Дашкевич Я.* Навколо «Репертуару української книги 1798–1916» / Репертуар української книги 1798–1916: Матеріали до бібліографії. Львів, 2006. Т. 1. 1798–1870. С. III–XVIII.

Labyntsev Yu. A., Shehavinskaya L. L.
The Kievan Business Trip of A. L. Bem

The book at the review is a catalogue of Ukrainian publications acquired by A. L. Bem in the spring of 1919 in Kiev for the Slavic Department of the Library of the Academy of Sciences.

Key words: *Slavic studies, Ukrainian studies, Slavic Branch of the Library of the Academy of Sciences.*

*И. В. Чуркина, О. В. Хаванова
(Москва)*

**Международная конференция «Роль церкви в развитии
межконфессиональных, культурных и общественных связей
между Россией и зарубежными славянами»**

11–12 октября 2011 г. в Институте славяноведения РАН была проведена международная конференция «Роль церкви в развитии межконфессиональных, культурных и общественных связей между Россией и зарубежными славянами», посвященная 200-й годовщине со дня рождения протоиерея русской посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского (18.07.1811–2.05.1884). В конференции приняли участие более 40 человек, в том числе 29 представителей России, 5 — Словении, 2 — Австрии, 1 — Словакии, 1 — Украины, 1 — Хорватии.

Такой интерес к конференции был вызван как самой ее темой, так и фигурой Михаила Федоровича Раевского.

Михаил Федорович Раевский более 40 лет занимал пост настоятеля русской посольской церкви в Вене. Все это время он не только исполнял свои прямые обязанности, но и активно общался со славянскими деятелями Австрийской и Османской империй. Это общение происходило, с одной стороны, по поручению дипломатических кругов России и Синода, с другой — по поручению российских общественных и научных организаций. Через Раевского русские слависты контактировали со славянскими учеными, через него шла помощь от русских обществ, Синода, правительственных кругов и частных лиц (в том числе и принадлежащих к императорской фамилии) славянским культурным обществам, газетам, православным церквям, отдельным славянским национальным деятелям, студентам. Большую роль Раевский сыграл в создании на Балканах (в Черногории, в Боснии и Герцеговине) первых средних учебных заведений европейского типа.

К М. Ф. Раевскому обращались многочисленные славянские национальные деятели с самыми разнообразными просьбами: о денежной помощи, о посылке книг, о приискании рабочих мест в России, о налаживании связей с тем или иным русским учреждением или деятелем, о помещении статей в русских изданиях и т. д. По мере возможности Раевский старался выполнять эти просьбы. Славянские национальные деятели хорошо знали Раевского и в общении с ним были гораздо более откровенны, чем с любым другим представите-

лем России. Раевский представлял российским властям (Министерству иностранных дел, Министерству просвещения, Синоду), славянским комитетам «записки» о положении славян в Австрийской и Османской империях. Эти записки давали возможность направлять помощь в необходимые места и даже в известной мере корректировать внешнюю политику России.

Пленарное заседание конференции, проходившее 11 октября 2011 г., было посвящено жизни и деятельности М. Ф. Раевского, его связям со славянскими национальными деятелями.

Вступительное слово произнес директор Института славяноведения РАН д. и. н. *К. В. Никифоров*, отметивший большое значение материалов М. Ф. Раевского для изучения национальных движений славянских народов и их связей с Россией во второй половине XIX в. Никифоров подчеркнул роль первых исследователей архивных материалов М. Ф. Раевского, особенно словацкого ученого В. Матулы, отыскавшего основную часть документов в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. Заведующий кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова профессор *Г. Ф. Матвеев* сообщил о выходе в свет сборника «Славянский мир в поисках идентичности», содержащий доклады конференции, посвященной 175-летию учреждения кафедр истории и литературы славянских наречий в университетах России. Эту конференцию провели Исторический факультет МГУ, Институт славяноведения РАН и Российский государственный гуманитарный университет в декабре 2010 г.

С основным докладом о жизни и деятельности М. Ф. Раевского выступила д. и. н. *И. В. Чуркина*. Заведующая Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время д. и. н. *С. И. Данченко* рассказала о работе международной редколлегии, в которую входили известные историки-слависты — русские С. А. Никитин и В. Г. Карасев, словак В. Матула, чех Й. Кочи, серб Н. Петрович, — над первым изданием документов архива М. Ф. Раевского «Зарубежные славяне и Россия» (М., 1975). Словенский академик *Й. Пирьевец* остановился на роли Раевского в налаживании связей российских культурных и общественных организаций с национально-просветительскими обществами словенцев. Д-р *И. Шварц* из Венского университета ознакомила участников конференции с новыми документами из Австрийского государственного архива, которые показывают, какую неотступную слежку вела венская полиция за Раевским и всеми лицами, общавшимися с ним.

Д-р *Д. Кодаева* из Института истории Словацкой академии наук остановилась на славянских концепциях словаков, на роли Раевского в установлении русско-словацких научных и культурных связей. Профессор Московской духовной академии *А. М. Пентковский* выступил с анализом проповеди М. Ф. Раевского, произнесенной им в 1863 г. по поводу тысячелетия прихода свв. Кирилла и Мефодия в Моравию для проповеди христианства.

Несколько докладов было посвящено роли Раевского в установлении русско-хорватских связей. Доцент МГУ *Е. Ф. Фирсов* прокомментировал письма хорватских студентов Раевскому. Аспирант Института славяноведения РАН *М. С. Ващенко* охарактеризовал роль Раевского в развитии русско-хорватских отношений. Д-р *З. Злоди* из Института хорватской истории проанализировала развитие хорватского славянофильства во второй половине XIX в. и рассказала об оценке хорватской историографией деятельности Раевского.

Аспирантка МГУ *Д. А. Сундукова* осветила тему о церковном вопросе в Черногории, опираясь на переписку М. Ф. Раевского с известным российским дипломатом и географом *Е. П. Ковалевским*. Доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ *З. С. Ненашева* показала роль Раевского в создании в Праге русской православной церкви.

Закончился первый день конференции презентацией двух книг: монографии *И. В. Чуркиной* «Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне» (М., 2011) и публикации «Дорога на восток. Чехи в корреспонденции М. Ф. Раевского» (Прага, 2006), изданной чешским ученым *В. Дубеком*.

Второй день работы конференции был посвящен роли церкви в национальных движениях славян Австрийской и Османской империях. Работа велась в двух секциях. В первой секции «Церковь и формирование национальных идеологий» было заслушано 14 докладов.

Д. и. н. *И. И. Лециловская* (Институт славяноведения РАН) сообщила о роли католической церкви в хорватском национальном движении в первой половине XIX в. Доклад д. и. н. *О. И. Величко* (Институт социологии РАН) об этноконфессиональной ситуации в Австро-Венгрии определил место католицизма в ее обществе. Докладчик высказала мнение, что Австро-Венгрия явилась прообразом современной Объединенной Европы. Эта точка зрения вызвала возражение со стороны некоторых участников конференции.

Несколько докладов осветили положение церкви в словенских землях. Директор Словенского института в Вене *В. Райшп* остано-

вился на развитии национальных и славянских идей у словенских священников Каринтии в XIX в.; профессор Венского университета *К. Штурм-Шнабль* рассказала о деятельности в словенской Каринтии чешских священников, которые помогали словенцам защищать свои национальные права.

К. и. н. *Л. А. Кирилина* (Институт славяноведения РАН) рассмотрела отношение словенских католиков к православию в начале XX в., связав это с их различной политической ориентацией. Доклад *П. Тестен* (Институт культуры Словенской академии наук) осветил раскол среди словенских католиков, произошедший в конце XIX в. Правое их крыло возглавил епископ Антон Махнич, левое — Антон Грегорчич. Вторая представительница того же Института — *П. Бабич* выступила с докладом «В окопах правочерности: католицизм и православие во время Первой мировой войны». Она показала, как накануне и во время войны католическая церковь Словении пыталась разжечь у словенцев ненависть к России и Сербии, как православным, следовательно неправочерным странам.

Профессор Люблянского университета *А. Розман* рассмотрел освещение культурной и национальной проблематики в словацкой периодической печати XIX в. Профессор Московского университета *Л. П. Лантева* рассказала об исследованиях богомильской ереси русскими историками конца XIX — начала XX в. (Г. А. Ильинский, А. Л. Погодин и др.). Аспирантка МГУ *Е. В. Бирюкова* охарактеризовала внешнеполитический аспект программы чешских католиков в начале XX в.

В двух докладах освещалось русинское национальное движение. Д-р *С. А. Ганус* (Ужгородский университет) показал, как в трудах историков М. И. Лучкая, Д. И. Зубрицкого, Д. Н. Бантыш-Каменского излагалась история церкви на русинской территории. Сотрудник Института славяноведения РАН *М. Ю. Дронов* остановился на вопросе о том, как воспринимало русское православное духовенство в Северной Америке (конец XIX — начало XX вв.) религиозную жизнь русинов, приехавших из Австро-Венгрии.

Интерес вызвал доклад сотрудников Института славяноведения д. и. н. *Г. П. Мурашко* и д. и. н. *А. Ф. Носковой* «Роль греко-католической церкви в формировании украинского сепаратизма в годы Второй мировой войны», основанный на ранее неизвестных материалах. В частности, любопытен приведенный авторами документ о попытке митрополита А. Шептицкого завязать сношения с советским руководством.

Во второй день конференции, параллельно с Секцией 1, проходила работа Секции 2, посвященной аспектам взаимодействия церкви, власти и общества, начиная с раннего Нового времени и до конца XX в. В первой половине дня выступили докладчики, рассматривавшие означенный круг проблем на материале Центральной и Юго-Восточной Европы. В докладе д-ра *В. Дребека* (Институт Т. Г. Масарика, Прага) была показана роль церкви в ходе эмиграции чехов в Российскую империю в конце XIX в. Деятельность православной и католической церкви в национальных государствах славян была освещена в докладах сотрудников Института славяноведения РАН к. и. н. *А. В. Карасева* на примере Сербии второй половины XIX в., к. и. н. *В. И. Косика* применительно к так называемой непризнанной православной церкви в Независимом Государстве Хорватия (1942–1945 гг.) и к. и. н. *Н. С. Пилько*, охарактеризовавшей положение католической церкви Словении во время Второй мировой войны. Дискуссия о формах организации и самоорганизации православного населения на подвластных Османской империи территориях сопровождала доклад к. и. н. *И. Ф. Макаровой* об эскалации болгаро-греческого конфликта в период Танзимата. Большой интерес также вызвал доклад д. и. н. *В. Н. Виноградова* о попытке распространить гражданское равноправие на нехристианское население Румынии в 1870-е гг.

Вторая половина дня была посвящена дипломатическим, общественным личным связям между Россией и зарубежным славянством в контексте общей проблематики секции. К роли конфессионального фактора в раннее Новое время обратился д. и. н. *М. В. Дмитриев* (МГУ), рассмотревший процессы сближения московской Руси и православного общества Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII в. Протоиерей *Н. А. Ким* (Отдел внешних церковных связей Московской патриархии) предложил вниманию слушателей биографический очерк о протоиерее А. Самборском, сыгравшем роль в формировании политики Российской империи на Балканах в начале XIX в. К. и. н. *Л. В. Кузмичева* (МГУ) продолжила тему России и Балкан, сопоставив взгляды славянофилов на церковный вопрос в Сербии. В двух докладах сотрудников Института славяноведения РАН поднимался вопрос о роли русской дипломатии в контексте этно-конфессиональной ситуации на Балканах. К. и. н. *М. М. Фролова* рассмотрела реакцию российской дипломатии на католическую пропаганду в Македонии. К. и. н. *П. А. Искендеров* осветил роль России в сербско-албанском конфликте начала XX в.

В завершение работы секции прозвучали доклады о русской эмиграции. Д. и. н. *С. И. Михальченко* (Брянский государственный университет) показал, как виделась религиозная жизнь славянской Европы конца XIX — первой трети XX в. философу Е. В. Спекторскому. Д. и. н. *Т. В. Волокитина* (Исл РАН) воссоздала историю пребывания в Болгарии русского священника В. Д. Шпиллера.

Подводя итоги дискуссии, участники отметили плодотворность проблемного подхода к формированию программы конференции, позволившего специалистам по разным странам и эпохам вступить в диалог о роли церкви как института в национально-государственном развитии народов региона, об общем и особенном в национальных историях славянства.

В рамках культурной программы 13 октября зарубежные участники конференции совершили экскурсию в Троице-Сергиеву Лавру.

*М. Ю. Дронов
(Москва)*

Научно-практическая конференция «Славянский мир»

Являясь одним из центров Кузбасса, город Кемерово в первую очередь ассоциируется с промышленностью. Однако отрадно констатировать, что, вопреки стереотипам, здесь также развиваются гуманитарные науки, в том числе славистические дисциплины. Наглядным свидетельством этому стало проведение в Кемерово 17 октября 2011 г. конференции «Славянский мир» — составной части международного научно-практического форума «Славянский мир. Диалог культур». Конференция состоялась на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) при поддержке фонда «Русский Мир» и Министерства культуры Российской Федерации.

В церемонии открытия мероприятия приняли непосредственное участие ректор КемГУКИ д. п. н. *Е. Л. Кудрина*, д. п. н. *Н. Ф. Хилько* (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), д-р *Й. Митурска-Бояновска* (Щецинский университет, Польша) и др. Кроме этого были зачитаны приветствия от заместителя губернатора Кемеровской области по вопросам социальной политики д. п. н. *Е. Л. Рудневой*, епископа Кемеровского и Новокузнецкого *Аристарха*, а также целого ряда отечественных и зарубежных деятелей науки и культуры. Примечательно, что церемония сопровождалась богатой художественной программой, в том числе исполнением студентами гимна «Гей, славяне», и открытием нескольких тематических выставок.

Работа конференции проходила в следующих секциях: «Культурная идентификация славянского мира в контексте цивилизационных изменений», «Интерпретация событий национальной истории славянского мира», «Социальные и политические аспекты славянского единства», «Народное творчество в славянском мире», «Литературное наследие славянского мира: История и современность», «Традиции славянских культур в художественных практиках» и «Славянские языки в процессах культурной интеграции и диверсификации».

Автору этих строк довелось работать в секции «Социальные и политические аспекты славянского единства» под руководством д. полит. н. *С. В. Бирюкова* (Кемеровский государственный универ-

ситет, далее КемГУ). К сожалению, несмотря на широко поставленные тематические границы, данная секция по количеству участников оказалась, по-видимому, наименьшей. Так, из 16 заявленных докладов прозвучало только 4. Несомненно, что, хотя это обстоятельство и увеличило время выступлений и дискуссии, само по себе оно является удручающим. В частности были заслушаны доклады *М. Ю. Дронова* (Институт славяноведения РАН) «Русины как четвертый восточнославянский народ», *В. Е. Матвеева* (КемГУ) «Западная Украина как историко-культурный и политический феномен», *А. Г. Давыдова* (КемГУ) «„Боснийская проблема“: исторический и политический аспекты». Несколько обособленной от тематики упомянутых выступлений выглядела тема доклада *С. В. Бирюкова*, посвященная современной российской действительности: «Эффект „Манежной площади“: явление национализма». В ходе дискуссионных обсуждений было уделено внимание как процессам образования наций у восточных и южных славян, так и деятельности русских националистов в конце XX — начале XXI в. Таким образом, по грустной иронии, секция де-факто почти не имела отношения к заявленной в ее названии проблематике славянского единства. В то же время следует отдать дань личному профессионализму *С. В. Бирюкова*, который, несмотря на сложившиеся обстоятельства, достойно провел заседание, максимально тщательно подойдя к рассмотрению представленных тем.

После окончания секционной работы состоялось подведение итогов конференции, на котором выступили руководители всех секций и продолжилась художественная программа. По собранным материалам в ближайшее время планируется издать специальный сборник.

На наш взгляд, наиболее слабым местом прошедшей научной встречи явилось заметное несоответствие между заявленными в программе и реально присутствовавшими участниками (отсутствовавших докладчиков хватало и в других секциях). Вряд ли это оправдывает известная географическая удаленность Сибири. Не понятно, зачем массово указывать людей, которые физически не смогут присутствовать на подготавливаемом мероприятии.

Еще одним пожеланием к кемеровским коллегам может быть увеличение на своих будущих славистических конференциях сюжетов, посвященных не столько самим русским, сколько другим славянским народам или славянско-русским связям. Вполне объяснимо, что русские, как самый многочисленный этнос в РФ и конкретно в Кемеровской области, привлекают наибольшее внимание

местных исследователей. Однако славистические мероприятия в отечественных условиях по определению предполагают доминирование тем, которые связаны с различными славянскими народами, а не исключительно с русским народом. На прошедшей конференции процент заявленных докладов, не выходящих за русско-российские культурные границы, был, по нашему мнению, особенно высок. Как подметил во время подведения итогов к. ф. н. *Е. В. Евпак* (КемГУ), несмотря на название «Славянский мир», кроме русского на конференции другие славянские языки звучали очень мало. С этим критическим замечанием сложно не согласиться.

Несмотря на слабые места в организации кемеровской конференции «Славянский мир», хотелось бы вновь отметить, что сам факт ее проведения свидетельствует об активном развитии гуманитаристики в КемГУКИ. Уже само пребывание в стенах данного учебного заведения убеждает в большом потенциале как конкретно этого вуза, так и науки во всей области. Думается, что организация новых мероприятий с более продуманной программой и более широким привлечением коллег из других регионов России и зарубежья будет способствовать дальнейшему развитию университета и, в перспективе, постепенному утверждению г. Кемерово в качестве одного из гуманитарных центров Сибири.

*Н. В. Шведова
(Москва)*

Международная научная конференция «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике»

1–2 ноября 2011 г. в Институте славяноведения РАН прошла международная научная конференция «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике», организованная Центром истории славянских литератур. Она продолжила цикл исследований имагологического характера, проводящихся Центром в последние годы. Взаимное видение России и славянского мира — так можно вкратце определить тематику научных изысканий. В рамках этого цикла недавно состоялись научные конференции, такие как «Славянский мир в глазах России» (2008), «Н. В. Гоголь и славянские литературы» (2009), круглый стол «Образ русского (советского) солдата в славянских литературах периода Второй мировой войны и послевоенных лет» (2010). По данной тематике изданы коллективные труды «Россия в глазах славянского мира» (2007), «Славянский мир в глазах России» (2011), подготовлен к печати труд «Н. В. Гоголь и славянские литературы». Нынешняя конференция была призвана рассмотреть восприятие русского человека и связанных с ним российских реалий у различных славянских народов и в разные исторические периоды. К началу конференции был издан сборник тезисов и материалов, присланных ее участниками.

На приглашение откликнулись более 50 человек из России и зарубежных стран. Кроме сотрудников Института славяноведения и московских вузов, это коллеги из Санкт-Петербурга, Иванова, Калининграда, а также ученые из Белоруссии, Польши, Чехии, Словакии, Словении, Сербии, Македонии. Не все из тех, кто прислал тезисы, смогли принять участие в конференции, главным образом по финансовым причинам, но программа все равно оказалась насыщенной: 41 доклад за два дня. Кроме того, несколько докладов было сделано учеными, не успевшими опубликовать тезисы.

Приветствие дирекции Института произнес заместитель директора, *д. и. н. М. А. Робинсон*. Также было оглашено приветствие известного чешского слависта *С. Вольмана*. Во вступительном слове председатель оргкомитета конференции *д. ф. н. Л. Н. Будагова* отметила, что в наше время происходит пересмотр взаимоотношений и взаимного познания славянских народов, в связи с чем возникла

настоятельная необходимость изучить историю представлений друг о друге и взглянуть на них с позиций современного опыта. Россия всегда была для славян центром притяжения и отталкивания, образ русского человека сложился у каждого славянского народа и на протяжении исторического пути менялся в зависимости от политической ситуации и конкретных взглядов тех или иных авторов. В ходе конференции предполагалось сопоставить самые различные аспекты восприятия русского человека славянскими народами, в том числе реальное и мифическое, постоянное и переменное в этом восприятии, интертекстуальное и уникальное в их художественном воплощении.

Проф. М. Зеленка (Чехия) в докладе «Россия и Центральная Европа в символической и литературной географии» наметил основные координаты взаимного восприятия России и Европы в центральноевропейском пространстве. Находясь в сложном геополитическом положении между двумя державами, Россией и Германией, многие славянские и неславянские народы на протяжении веков формировали свое отношение к своим могущественным соседям. Центральноевропейские взгляды на Россию в XIX–XX вв. колебались от сугубо положительных до резко отрицательных, при этом вставал вопрос о месте крупнейшей славянской страны в общеевропейском культурном наследии. По мнению ученого, он был прежде всего отражением опасений потерять собственную национальную и государственную идентичность. Линию обобщающего подхода к проблематике продолжил *д. ф. н., проф. А. В. Лунатов (ИСл)* с докладом «Историко-цивилизационный фактор инационального восприятия (на примере польского отношения к русским)». Этнически предопределенная рецепция внешнего мира, в которой свои представления видятся гносеологически исходными и аксиологически эталонными, порождает стереотипы и мифы в межнациональных отношениях, эксплуатируемые часто в политических целях. Историко-цивилизационный подход к проблеме позволяет увидеть национальное и универсальное в свете диалектики их исторически изменяющихся взаимосвязей. К сожалению, по болезни не смог выступить *д. ф. н. В. А. Хорев (ИСл)*, подготовивший доклад «О России и русской литературе в польском сознании». В нем, в частности, предполагалось осветить сильное влияние русской литературы на польское общество. *Л. Н. Будагова* выступила с докладом «Русофильские и русофобские тенденции в чешском обществе и культуре». Отношения между государствами, сказала докладчица, могут вступать в противоречия с отношениями

между народами. Крайне нестабильный, богатый на политические потрясения и катастрофы XX век, сменивший «золотой XIX век» отношений славянства и России (за исключением русско-польских), принес с собой значительные сложности и противоречия в этой области, подъемы и спады русофильства и русофобии, в частности в чешской среде. Истоки обеих тенденций — не в особенностях чешского характера, а в самой России. Более низкий уровень жизни в ней — одна из причин русофобии, тогда как русская духовная культура, прежде всего русская литература XIX в., — объект сильнейшего притяжения различных народов и стран, источник влияния на остальной мир, стимул к русофильству. О важности такого влияния говорил и патриарх отечественной славистики, *д. ф. н., проф. С. В. Никольский (ИСл)*. Тема его доклада — «Репутация русской литературной классики в Чехии». Историк, *д. и. н. Е. П. Серапионова (ИСл)* дала начало целой серии докладов о противоречивом и недостаточно изученном явлении — отражении русского менталитета и реалий в сознании легионеров, бывших австро-венгерских военнопленных в ходе Первой мировой войны, чехов и словаков, оказавшихся в России в период войн и революций («Восприятие России и русских чешскими и словацкими легионерами»). *Д. ф. н., проф. А. Г. Машикова (МГУ)* не смогла лично присутствовать на конференции, так как находилась в Словакии по случаю присуждения ей престижной премии П. О. Гвездослава, которой удостоиваются выдающиеся зарубежные ученые. Ее доклад «Эволюция образа России в словацкой литературе XIX — начала XX века» был зачитан ее коллегой Н. В. Шведовой. В нем освещен полутораветковой путь словацкой литературы, в которой образ России менялся в зависимости от политических условий и взглядов писателей. Для XIX в. был характерен положительный, нередко идеализированный портрет России, дававшей словакам надежду на решение национального вопроса. На рубеже веков появляются критические мнения о России, Первая мировая война и последующие события осложняют и насыщают противоречиями образ нашей страны. В частности, вновь была затронута тема легионеров, их непосредственное знакомство со страной и попытки разобраться в происходящем. Октябрьскую революцию приняли далеко не все писатели, симпатии к ней обнаружили главным образом литераторы левых убеждений. *Д. и. н. В. И. Косик (ИСл)* представил два доклада, первый из которых был посвящен взаимоотношениям России и балканских славян как в периоды сближения, так и на этапе ухода России с Балкан, который продолжается и ныне («„Лямур, тужур,

ореуар“ — историко-личные заметки на полях истории)). «Нас связывают только Толстой и Достоевский», — констатировал докладчик. Гораздо более позитивное отношение к России было выявлено к. ф. н. М. Г. Смольяниновой (ИСл) в докладе «Русский человек и Россия в литературе болгарского Возрождения». Болгарские писатели обращались к России с восхищением и надеждой на то, что русский человек, «дядо Иван», принесет болгарскому народу свободу.

Следующий блок докладов был обращен в прошлое славянства. К. ф. н. Л. К. Гаврюшина (ИСл) обнаружила «„Русский след“ в сюжете Жития св. Саввы Сербского». Бегство царского сына Растко (будущего св. Саввы) на Афон предопределил русский инок из монастыря св. Пантелеймона на Святой Горе. Этот драматический эпизод, по мнению докладчицы, является одним из наиболее совершенных в художественном отношении и популярным в древнесербской и древнерусской литературах. К. ф. н. В. В. Мочалова (ИСл) обратилась к одному из наиболее противоречивых эпизодов русско-польских отношений («Русские глазами поляков в Смутное время (на материале дневников польских участников военных действий в 1610–1612 гг.)»). Именно дневники, с их конкретностью и выразительностью стиля, позволяют сопоставить стереотипы национального восприятия и историческую действительность, сказала докладчица. З. Онацкий (Гданьск, Польша) сделал доклад на тему «Г. Каменьский о России и русских». Он проанализировал переписку Г. Каменьского, общественного деятеля и мыслителя середины XIX в., с его сестрой периода ссылки в Вятку (1846–1851). Взгляды польского борца за независимость, отметил докладчик, помогают познать не только основы его мировоззрения, но и жизнь российской провинции того времени. Д. Добиаш (Чехия) рассмотрел русское влияние на становление чешской национальной литературы («„Отзвук песен русских“ Ф. Л. Челаковского и метаморфозы героя в чешской эпической поэзии»). К. ф. н., доц. Н. К. Жакова (Санкт-Петербургский университет) продолжила тему чешского национального возрождения в докладе «Роль В. Ганки в создании образа России у чехов». Деятельность чешского писателя, по словам Жаковой, способствовала формированию объективного представления о культурной жизни России и созданию образа великой славянской державы. Д. и. н., проф. Л. П. Лантева (МГУ) представила преимущественно негативное восприятие России в докладе «Чешский поэт и публицист К. Гавличек-Боровский и его отзывы о России». Докладчица отметила необоснованность многих суждений писателя, которые были обусловлены как его личными качества-

ми, так и недостаточной осведомленностью. К XIX в. обратилась и *Э. Бртанева (Словакия)*, рассмотрев «Образ России в литературном творчестве Я. Коллара». Для выдающегося деятеля славянской культуры Я. Коллара образ России — символ всего славянского мира, а его творчество стоит для словацкой культуры у истоков большого и систематического интереса к русскому миру. *П. Глушковский (Торунь, Польша)* сделал доклад «Россия в творчестве Булгарина», осветив взгляды русского писателя польского происхождения, видевшего современную ему Россию с особой точки зрения.

А. Зеленкова (Чехия) назвала свой доклад «К проблемам славянской имагологии (Рецепция русской среды и культуры в воспоминаниях и переписке М. Мурко и И. Поливки на рубеже XIX и XX вв.)». Два крупных слависта Центральной Европы, ученики В. Ягича, на собственном опыте познали Россию. Их корреспонденция является важным свидетельством развития славистики и отношения к России в Габсбургской монархии. *Д. Гучкова (Словакия)* конкретизировала затронутые в докладе А. Г. Машковой проблемы появления критического взгляда на Россию, рассмотрев тему «Образ России в творчестве поколения «гласистов» на рубеже XIX–XX столетий». Анализировались, в частности, произведения словацких толстовцев Д. Маковицкого и А. Шкарвана, а также видных писателей-легионеров Я. Есенского и Й. Грегора-Тайовского. Драматичный эпизод болгаро-русских отношений — военное столкновение в Добрудже в 1916 г. — и его отражение в литературе были освещены в докладе *д. ф. н., проф. И. И. Калиганова (ИСл)* «Россия и русские глазами болгар в сентябре 1916 г.». Для дружественных народов этот эпизод был шоком. *М. А. Галиева (Ивановский университет)* выбрала тему «„Космо-психо-логос“ русского человека (на примере трактата Есенина «Ключи Марии»)». По ее мнению, герои Есенина (а также Лермонтова, Волошина) воплощают надземный тип русского человека, тип крылатой души, Психеи России. *К. ф. н. О. В. Цыбенко (ИСл)* вновь актуализировала польский взгляд на Россию, рассмотрев «Образы русских в прозе Я. Ивашкевича». *Д. К. Поляков (РГГУ)* в докладе «Советский мир в изображении И. Вайля (романы «Москва — граница» и «Деревянная ложка»)» представил критичный и достаточно объективный образ России, созданный чешским писателем. *К. ф. н. А. Ю. Пескова (МГУ)* еще раз обратилась к «легионерской литературе», а именно — к творчеству выдающегося словацкого писателя в докладе «Эволюция образа русского человека и России в творчестве Я. Есенского». Есенский, русофил «от корней» и поклонник

русской литературы, встретил в военной и революционной России множество фактов и событий, разрушавших его идеализированный русский мир. Тем не менее, как показано в докладе, писатель сохранил любовь к русской культуре и русскому народу до конца своих дней, что особенно проявилось в годы Второй мировой войны. Образ русского человека в словацкой литературе второй половины XX в. рассмотрела к. ф. н. Л. Ф. Широкова (ИСл), сделавшая доклад «Герои и жертвы: русские персонажи произведений Л. Тяжкого». В романах Тяжкого, основанных на событиях Второй мировой войны, русские показаны неоднозначно, но чаще в положительном ключе.

Второй день конференции был посвящен литературе XX и даже XXI в. С темой русской послереволюционной эмиграции в Югославию были связаны два доклада. Д. ф. н., доц. А. Г. Шешкен (МГУ) проанализировала, как отражается в литературе жизнь второго поколения русских беженцев, сделав доклад «Образ России и русского эмигранта в сербской «джинс-прозе» (Момо Капор)». Главная героиня романа «Притворщики» - носительница европейской культуры, что свидетельствует о роли русской эмиграции в инонациональной культурной среде. К. ф. н. Ю. А. Созина (ИСл) в докладе «Русские эмигранты в Словении (на материале словенской прозы)» рассмотрела разные ипостаси русского эмигранта в словенском обществе, более ориентированном на Запад. В частности, русские эмигранты в литературе становятся юродивыми-пророками накануне Второй мировой войны, предвещая бедствия миру. Еще два доклада опирались на творчество выдающегося польского писателя Ч. Милоша. Более широкий охват материала был представлен в докладе д. ф. н., проф. С. Ф. Мусиенко (Гродно, Белоруссия) «Россия в жизни и творчестве Ч. Милоша». Докладчица отметила, что негативное отношение писателя к Советскому Союзу после эмиграции из Народной Польши не изменило его привязанности к русской литературе и философской мысли; напротив, он стал четко разграничивать политику СССР и русскую культуру. Доклад И. В. Копченовой (ИСл) «Образ русского в автобиографической прозе Ч. Милоша “Родная Европа”» был призван показать всю сложность и противоречивость отношения польского интеллектуала к России. Без попытки разобраться в этих тонкостях, подчеркнула докладчица, невозможно понять, кто такие поляки и каково их место в современной Европе. П. Яначек (Чехия) обратился к анализу стереотипа русского человека (доклад «Русский, зверь, добрый человек и художник. Национальный стереотип русских людей и России в чешской литературе XXI века»). Сконцентрировав внима-

ние на прозе последнего десятилетия, докладчик вновь провел разграничение между простым русским человеком и российскими властями, политикой России и русской культурой. *Д. ф. н. С. А. Шерлаимова (ИСл)*, исследуя «вседозволенность» по отношению к русским в чешском постмодернизме 1990-2000-х гг. («О русском в романах И. Кратохвила»), также отметила сочувственное восприятие писателем русской культуры при отторжении советских реалий и обыгрывания негативных стереотипов. Чешскую тему продолжила *к. ф. н. И. А. Герчикова (ИСл)*, показавшая в докладе «Современная Россия глазами чехов» истоки почти тотальной нелюбви к России в чешском обществе и литературе новейшего времени (2000-е гг.). При том, что болезненные отголоски 1968 года до сих пор актуальны и «славянское братство» порой резко осуждается как «ядовитая идеология», чехи все же стремятся познать Россию как страну, сосуществование с которой имеет и позитивные стороны. *О. Сладек (Чехия)* посвятил свой доклад влиянию русского формализма на чешский структурализм («Я. Мукаржовский и Р. Якобсон»), чертам сходства и различия в воззрениях двух ученых. Его коллега *М. Косак (Чехия)* в докладе «О влиянии в Чехии русской текстологии XX в.» также проанализировал историю взаимодействия научных дисциплин, притяжение и отталкивание тех или иных положений, их модификацию. Судьбу словацкого русофильства проследила *к. ф. н. Н. В. Шведова (ИСл)* в докладе «Русский человек в сознании словацкой интеллигенции последних десятилетий». Несмотря на то, что 1968 год стал шоком и для словацкого общества (впервые был серьезно подорван образ русского как «брата-славянина»), исследовательница привела примеры доброжелательного отношения к русскому человеку в творчестве видных писателей 1970-х гг. Освобождение Европы от фашизма, достижения советской науки и техники — в таком контексте виделся им наш соотечественник. Вплоть до последних лет не потеряла притягательности и русская культура.

Театровед *Д. Подмакова (Словакия)* сделала доклад на тему «Словацкая интерпретация пьес А. П. Чехова и влияние их героев на современную драму и общество». Современные трактовки чеховских пьес, поиски его героев в восприятии представителей нынешнего общества свидетельствуют об актуальности творчества великого русского писателя в славянском мире. Второй доклад *В. И. Косика* «Воспоминания С. Милутиновича о путешествии в середине XIX в. в Россию и современная пьеса У. Шайтинаца „Право на Руса“» провел параллель между «гимном России», созданным писателем XIX

в., и пьесой нашего современника, где показана живая связь русского и сербского народов. Сербский материал использован и *Е. В. Шатко (ИСл)* в докладе «Русские мотивы в прозе М. Павича», где был представлен тонкий анализ поэтики прославленного писателя, для которой русские детали весьма значимы. *П. В. Королькова (ИСл)* избрала темой доклада «„Русское измерение“ в романе Н. Фабрио „Смерть Вронского“», рассматривая функцию персонажа русской литературы в произведении современного хорватского постмодерниста, посвященном событиям 1990-х гг. в Югославии. Оценив интересную находку писателя, докладчица сочла ее не во всем удачной. *К. Я. Козак (Словения)* обратился к жанру записок путешественника, представленному сочинениями С. Герберштейна (XVI в.) и А. Ашкерца (начало XX в.), соотнеся их в докладе «Россия в словенской путевой литературе с разрывом в четыре столетия». Видение русского человека сквозь призму литературы анализировалось в докладе *М. Эрзетич (Словения)* «Восприятие произведений Ф. М. Достоевского в работах словенских теоретиков — раньше и сейчас». *Б. Вичар (Марибор, Словения)* рассмотрела отражение политической ситуации в России словенской печатью («„Журналисты должны писать“: критический анализ отражения в словенских СМИ убийства А. Политковской»).

В дискуссии выступила, в частности, *Л. П. Лантева*, высказавшая возражения по поводу оценки деятельности В. Ганки в докладе *Н. К. Жаковой*. Коллега из Петербурга в ответ привела свои аргументы. Заключительное слово *Л. Н. Будаговой* подвело итоги двух напряженных дней конференции, которая позволила выявить современные точки зрения на образ русского человека в славянском мире. Одной из главных ценностей в столкновении полемических взглядов остается русская культура. Изучение национальных стереотипов позволяет преодолеть их границы и выйти на новый, более продуктивный уровень межнационального общения.

*Л. К. Гаврюшина
(Москва)*

Международная конференция «Векторы в развитии истории и культуры славян»

6–7 декабря 2011 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) состоялась международная междисциплинарная конференция «Векторы в развитии истории и культуры славян», организованная совместно с Государственной академией славянской культуры (ГАСК). Конференцию открыли директор ИСл РАН *К. В. Никифоров* и проректор ГАСК *И. Г. Страховская*. Во вступительном слове координатор конференции, руководитель НИЦ «ЭСТРИКА» (Славянские Культуры: Корни и Крона) *И. И. Калиганов* подчеркнул значение фактора многовекторности, которая пронизывает весь ход развития истории и культуры славян.

М. Н. Громов (ИФ РАН, ГАСК) в своем докладе «Многовекторность межславянского взаимодействия» отметил необходимость построения более совершенных теоретических моделей для объяснения динамики и сложности отношений между странами и народами, в том числе и славянскими. В качестве таковой докладчик предложил концепцию многовекторности и многофакторности цивилизационного развития. Принцип многовекторности предполагает учет всех без исключения внутренних и внешних сил воздействия, не сводя их к выражению лишь одной упрощенной оппозиции, типа «Восток-Запад», «Азия-Европа», в которую встраивается та или иная страна (Россия, Украина, Польша, Болгария, Сербия). Столь же углубленной интерпретации необходимо подвергнуть межславянские отношения, особенно на Балканах.

В докладе *Г. Я. Ильиной* (ИСл РАН) «Векторы в развитии южнославянских литератур (По материалам „Лексикона“)» был поставлен вопрос о том, попав в разные зоны культурно-цивилизационного влияния — латинского католического Запада, восточного православия Византии и ориентального османского — складывалась типологическая общность семи южнославянских народов — болгар, боснийцев-герцеговинцев, македонцев, сербов, словенцев, хорватов и черногорцев. Рассмотрено было возникновение южнославянских литератур, направления их асинхронного развития, результаты, достигнутые к концу XX в.

Темой доклада *Б. Даскаловой* (Болгария) стал анализ болгарской книжности, находившейся в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры.

Опираясь на данные описи рукописей книгохранилища, составленной архимандритом Леонидом (Кавелиным), и учитывая поправки в последующих научных работах, исследовательница попыталась очертить содержание, направленность и специфику «болгарского сегмента» библиотеки и показать его значимость в истории болгарско-русских культурных связей эпохи Средневековья.

Г. П. Мельников (ИСл РАН, ГАСК) в своем докладе («Взаимосвязь категорий патриотизма и сакральности в чешской культуре IX–XIV вв.») рассмотрел взаимосвязи указанных категорий, как обоюдно детерминированные в двух аспектах. В хронистике сформировалась идеологема богоизбранности чешского народа и, соответственно, страны и ее столицы Праги. В агиографии и церковной жизни утвердилась специфика культа св. Вацлава, объединяющая библейские понятия священства и царства. Наиболее полно синтез указанных категорий проявился в эпоху Карла IV и стал одной из идеологических предпосылок формирования учения гуситов.

И. И. Свирида (ИСл РАН) в докладе «Разделы Речи Посполитой и векторы польского художественного процесса» обратилась к прямой, пространственной, трактовке термина *вектор*, используя его в качестве инструмента геокультурного анализа художественных взаимоотношений. Было охарактеризовано движение художников (отечественных и иностранных), их произведений, заказчиков и художественных идей, которое происходило на землях Речи Посполитой в последней трети XVIII в. как часть общеевропейского культурного процесса эпохи Просвещения. На этом фоне показаны смещения геополитической и геокультурной ситуации, которые произошли в результате разделов польско-литовского государства.

Ю. П. Гусев (ИСл РАН) в своем докладе остановился на традиции культурных взаимосвязей Венгрии и Польши в XVI–XXI вв. Он подчеркнул общие сложности в исторической судьбе двух стран, противостоявших трем могучим силам (германскому массиву, Османской империи и России). Именно это противостояние, по мысли докладчика, имело своим результатом постоянные союзы между поляками и венграми, возникновение чувства духовного братства, несмотря на языковую пропасть между ними. Это некое духовное родство отражается и в современной венгерской литературе.

В докладе *И. Г. Страховской* (ГАСК) «Междисциплинарность в культуре постмодернизма» говорилось об усилении за последние десятилетия интереса к междисциплинарным исследованиям. Специфика междисциплинарности в культуре постмодернизма отвечает

постнеоклассическому типу рациональности, пытающемуся преодолеть отрыв объекта от субъекта, выйти за пределы научного знания. Вектор междисциплинарности направлен на сближение естественных и гуманитарных наук, на стирание граней между наукой и искусством.

А. Алипова (Болгария) в докладе «Болгарская идентичность — метаморфозы середины XX — начала XXI в.» проанализировала историю отношения тоталитарной Болгарии к традиционной болгарской идентичности, возникновение разновидности идентичности коммунистической и ее разрушение под натиском судьбоносных событий с начала 80-х гг. прошлого века. Но этот процесс, по мнению исследовательницы, может вызвать в постмодерной Болгарии необратимый распад болгарской идентичности в целом, если не будут вовремя созданы объединительные механизмы собирания развеванного самобытного болгарского духовного ресурса.

В докладе *И. А. Герчиковой* (ИСл РАН) «Основные векторы развития чешской фантастики» отмечалось, что чешская фантастика развивалась в русле гуманистической традиции как «фантастика с человеческим лицом». Отсчет «материалистической» НФ, по словам докладчицы, начался с Я. Арбеса, а новую эпоху социальной фантастики открыло творчество К. Чапека. Традиции последней (Я. Арбес, С. Чех, К. Чапек, Я. Вайсс, И. Марек) способствовали расцвету НФ в 1970-е гг. и формированию «несвадбовской школы».

М. Костова-Панайотова (Болгария) в докладе «Русский авангард: основные векторы развития» сосредоточила внимание на жанре поэзии XX в. Докладчик выделила два начальных периода авангарда: классический (футуризм) и затем, с начала 20-х гг., смешанный — имажинистический, экспрессионистский, «ничевоческий» и подобный им конгломерат на футуристической основе. Особый акцент был сделан на объединении обериутов, а затем прослеживалось движение русских поэтов-авангардистов до конца XX в. и их идейная связь с представителями других видов искусства.

В докладе *И. И. Лециловской* (ИСл РАН) «Славянский вектор гуманитарных наук у славян в первой половине XIX в.» рассматривались особенности истории и филологии у славянских народов в первой половине XIX в., в эпоху Национального возрождения. Говорилось о зарождении сравнительно-исторического славянского языкознания, о выходе фундаментальных трудов, содержащих научное обоснование этнического единства славян в древности, родства их языка и исторической общности. Проанализированы были сла-

вянские литературно-языковые реформы и попытка интеллектуалов создать общеславянский литературный язык.

И. В. Чуркина (ИСл РАН) в докладе «Борьба за словенскую школу во второй половине XIX в.» осветила борьбу словенцев с германизаторским натиском со стороны властей и немецких националистических организаций. К началу образования Югославии словенцам удалось добиться введения словенского языка в качестве языка обучения во всех начальных школах, всего в двух гимназиях (еще в четырех гимназиях он был введен лишь частично).

В докладе *М. М. Фроловой* (ИСл РАН) «Российское дипломатическое представительство в Битоли (1861–1870)» говорилось об открытии русского вице-консульства в Битоли — административном центре вилайэта Румелия и первом его управляющем М. А. Хитрово. В нем обращалось внимание на то, как особенности региона и развития национального самосознания его болгарского населения определяли характер и направление деятельности российских дипломатов.

И. И. Калиганов (ИСл РАН, ГАСК) в докладе «Болгария и Россия в последней четверти XIX в.: первые распри после освобождения от турок» проанализировал неудачную политическую «притирку» между двумя странами, которая в 1886 г. привела к разрыву дипломатических отношений. Особое внимание было уделено личности государственного деятеля С. Стамболова, героизируемого ныне в Болгарии некоторыми историками. Анализируя политику и революционную (после освобождения) деятельность С. Стамболова, докладчик указал на грубые дипломатические просчеты премьера, стоившие Болгарии утраты Македонии.

Л. П. Лаптева (МГУ) посвятила свой доклад теме преподавания студентам средневековой культуры южных славян российскими профессорами начала XX в. Сравнению, в частности, подверглись сведения, сообщавшиеся филологом Г. А. Ильинским и историком Ю. В. Готье.

Доклад *З. Опацкого* (Польша) был посвящен выпускнику Дерптского университета, а затем профессору Ягеллонского университета М. Дзеховскому («Мариан Дзеховский о крахе русского славянофильства во второй половине XIX в.»), заинтересовавшемся русским славянофильством. Акцент делался на вкладе ученого в славистику и его попытке обновить идеи русских славянофилов для облегчения участи подневольной Польши.

В докладе *Н. Д. Блудилиной* (ИМЛИ РАН, ГАСК) «Труды проф. П. А. Лаврова по славянской культуре древней и современной» ана-

лизировалась деятельность слависта на основе наиболее характерных работ из собрания его трудов, хранящихся в РГБ. Особое внимание было уделено монографическому исследованию Лаврова «Петр Петрович Негош, владыка Черногорский и его литературная деятельность» (1887).

Доклад *Ю. А. Лабынцева* и *Л. Л. Щавинской* «Славяноведческое наследие Ивана Франко» был приурочен к 155-летию со дня рождения великого славянского писателя, ученого и общественного деятеля. В нем говорилось о значительном, но относительно малоизученном вкладе И. Франко в славяноведение, свет на который проливают данные из личного архива ученого, хранящегося в украинском Институте литературы им. Т. Г. Шевченко, ставились дальнейшие задачи франковедения.

И. Ф. Макарова (ИСл РАН) в докладе «Место России в болгарской книжности XVIII века» остановилась на связанных с Россией сочинениях болгарских книжников того времени. Проанализированы были приписки к рукописным сборникам, переводная греческая эсхатологическая литература, характер использования русской печатной продукции и оригинальные сочинения болгарских книжников. По выводу докладчика, все эти источники соответствуют типичным чертам «переходной» от средневековья к «новому» времени.

Доклад *Л. А. Кирилиной* (ИСл РАН) «Б. Вошняк о России в начале XX в.» был посвящен эволюции представлений о России указанного словенского деятеля от восторженной идеализации до более сдержанного и скептического отношения. Однако и во время Первой мировой войны данный публицист не оставил надежду привлечь внимание российских политиков к словенцам и их насущным национальным проблемам.

Г. А. Пожсидаева (ВТУ им. Щепкина, ГАСК) в докладе «Русско-балканские связи в истории древнерусского певческого искусства (к проблеме „южнославянских влияний“») утверждала, что, вопреки частичной общности графического алфавита византийской и древнерусской нотаций, певческие традиции в Византии и Древней Руси, в сущности, все-таки были самостоятельными. По ее мнению, нельзя говорить о посредничестве южных славян в этой сфере: его роль в развитии древнерусской музыкальной письменности необоснованно преувеличивается.

А. К. Коненкова (ГАСК) в докладе «Возрождение национальных основ церковной архитектуры Болгарии во второй половине XIX — первой половине XX в.» коснулась оживления церковного строи-

тельства после снятия османами запрета на возведение христианских храмов, убыстрения его темпов в связи с подъемом национального самосознания и освобождением страны от турецкого ига. Анализировались также особенности использования болгарскими зодчими различных архитектурных стилей.

В. И. Косик (ИСл РАН) в своем выступлении «Русские в болгарской опере» остановился на роли русской эмиграции, обосновавшейся в Болгарии после 1917 г. Главное внимание уделялось русским мастерам оперного искусства, с успехом выступавшим на столичных и провинциальных сценах болгарских театров.

В докладе *М. Китановой* (Болгария) «Концепты свой/чужой в одном старинном болгарском обряде» анализировался национальный обычай «грамада», заключающийся в собирании груды камней над реальной или символической могилой. При этом докладчик подробно остановилась на предохранительной, оградительной, санкционирующей и наказательной функциях каменной грамады, при сооружении которой участники действия соединяли магию самого процесса с магией слова.

М. Димитрова (Болгария) в докладе «Национальный язык в болгарской национальной идее с эпохи Возрождения и до современности» подчеркнула, что осознание национального языка как части национальной идеи существовало у болгар еще со времен османского ига, так же как и убеждение, что строить язык нужно демократическим путем. Это убеждение отразилось в специальных законах, принятых после освобождения страны от турок, а затем в первой половине XX в. вызвало борьбу против засорения языка иностранными словами. Анализировались также кампания по «очистке» языка в 1980-е гг. и угрозы, нависшие над языком с начала 1990-х гг.

М. М. Макарецев (ИСл РАН, ГАСК) в докладе «К вопросу о языке и религии в системе ценностей автохтонных жителей с. Бобоштицы» коснулся неодинаковости самоидентичности у шести сохранившихся престарелых носителей славянского диалекта с. Бобоштица из округа Корчи в Албании.

Доклад *М. А. Малыгиной* (ИРЯ РАН, ГАСК) «Славянский Минейный стихирарь как гимнографический памятник» касался вопроса о времени и месте составления этого сборника. Анализируя состав, лексические и морфологические особенности сохранившихся славянских списков стихираря XII в. и сопоставляя их с греческим протографом, исследовательница предположила, что славянский Стихирарь есть вторичный и компилятивный памятник, созданный

на Руси в ходе Студийско-Алексиевской реформы с опорой на греческие (а, возможно, и болгарские) тексты миней.

Н. К. Ониненко (ИРЯ РАН, ГАСК) в докладе «Условия обособления препозитивных оборотов и категория определенности-неопределенности» обратила внимание на то, что в стандартных правилах пунктуации условия обособления формулируются только в связи со свойствами самого оборота (позиция по отношению к определяемому слову, наличие зависимых слов, наличие добавочных обстоятельственных значений), но без учета семантики определяемого слова и его текстового окружения. Опираясь на идеи А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, автор доклада предложила ряд уточнений к правилам обособления.

Доклад *Н. А. Фатеевой* (ИРЯ РАН, ГАСК) «Активные языковые процессы в языке современной русской поэзии» был посвящен анализу грамматических неологизмов, вызывающих семантические преобразования во всем тексте. Привлечены были девятичные глагольные возвратные формы, демонстрирующие подвижность категорий залога и переходности-непереходности на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей, и выявлена продуктивность таких форм в поэзии рубежа XX–XXI вв.

Бытование в русском революционном сознании 1920-х гг. представлений о труде, чуде и «золотом веке» проследила в своем выступлении *Д. С. Московская* (ИМЛИ РАН, ГАСК). Анализируя материалы художественных произведений, эпистолярного наследия и дневниковых записей русских писателей и общественных деятелей того времени, она показала устойчивость этих представлений, их постепенное переосмысление и оценку их роли в выборе векторов развития страны в самосознании разных слоев российской интеллигенции.

В докладе *Г. Н. Воронцовой* (ИМЛИ РАН) «Тема родины в публицистике А. Н. Толстого периода Великой Отечественной войны», помимо общей характеристики публицистического жанра и его места в творчестве писателя, проанализированы особенности воплощения указанной темы автором и деятельность А. Н. Толстого как председателя русской секции Всеславянского Комитета.

Т. И. Радомская (ИМЛИ РАН, ГАСК) в докладе «История и жизнь в романе А. Н. Толстого «1918 г.». Текстологический аспект» остановилась на социокультурном контексте времени создания указанного романа (1927–1943). Поскольку работа над произведением охватывала одну из самых напряженных эпох становления государства, от из-

дания к изданию в роман вносились изменения. Докладчик показала, как в сознании автора начинало проступать понимание особенностей нового государственного строя.

В докладе *А. С. Акимовой* (ИМЛИ РАН) «Понять тайну русского народа: источники романа А. Н. Толстого „Петр I“» затрагивалось изучение источников указанного произведения, как предшествующих, так и современных периоду создания (библиотека писателя, записные книжки, конспекты выступлений, списки литературы о Петре, материалы Библиотеки Академии наук и Публичной библиотеки, а также переписка А. Н. Толстого и свидетельства современников).

Р. Русев (Болгария) в своем докладе «Русские отражения в болгарском символизме» остановился на влиянии русского символизма, которое отчетливо проступает в поэзии П. Яворова, откровенном подражании Э. Попдимитрова гимнам К. Бальмонта, поэтических сборниках Н. Лилиева. Значительное внимание уделялось лирике Т. Траянова и ее интерпретации сквозь призму русского младосимволизма, поэзию А. Белого, В. Иванова и А. Блока.

О. В. Цыбенко (ИСл РАН) рассмотрела в докладе роман Э. Ожешко «Господа Помпалинские». Обнаруживая сходство с сатирой Салтыкова-Щедрина на высшие сословия и перекличку авторских мотивов и приемов осмеяния, она не исключила влияния русского классика на анализируемое произведение Ожешко, которая высоко ценила Салтыкова-Щедрина и была с ним в переписке. Также обращено внимание на то, что некоторые образы вызывают ассоциации с литературными персонажами других авторов.

В докладе «Советская литература в словенской периодике в первые послевоенные годы» *Ю. А. Созина* (ИСл РАН) сосредоточила внимание на деятельности словенского журнала «Нови свет» (1946–1952), бывшего проводником официальной культурной политики руководства Югославии. Проанализировано содержание опубликованных в нем материалов и сделаны выводы об изменениях, происходивших в редакционной политике издания на протяжении его существования.

Л. К. Гаврюшина (ИСл РАН) в докладе «Лирическая проза Иво Андрича: опыт религиозных исканий» рассмотрела ранние лирические сочинения И. Андрича, основанные на восприятии Бога как источника и основы человеческого бытия, и пришла к выводу, что в ряде текстов ощущается связь со средневековой славянской книжностью — многие поэтические формы в них (в частности, молитвы-раз-

мышления) строятся с помощью ключевых слов, символически объединяющих мир земной и мир божественный. В докладе обращено внимание на то, что в своих ранних стихотворениях в прозе Андрич выступает фактически как художник-бого-искатель, продолжающий традиции средневекового «поэтического богословия».

В докладе *Л. Ф. Широковой* (ИСЛ РАН) «Преодоление соцреалистического канона в словацкой литературе 1960-х годов» констатировалось, что, канон начал распадаться еще с середины 50-х гг. после наступления «оттепели», отразившейся и на развитии литературы. Тогда и в 60-е гг. в национальную литературу приходят молодые прозаики (А. Гикиш, Я. Блажкова, Р. Слобода, Я. Йоганидес, В. Шикла), книги которых начали творческий спор с представителями старших поколений.

И. А. Адельгейм (ИСЛ РАН) в докладе «Мир пространства Западных Крессов в молодой польской прозе 1990-х годов» коснулась литературы, затрагивающей тему «малой родины». В прозе ряда писателей (П. Хюлле, С. Хвин, А. Д. Лисковацкий и др.) речь идет о поляках, репатриированных после Второй мировой войны на бывшие немецкие территории с земель, вошедших в границы советских республик. В ней художественно «оживается» новое пространство, происходит расширение и обогащение «ностальгической карты» польской литературы XX в.

В своем докладе *Н. Н. Старикова* (ИСЛ РАН) проанализировала интеллектуальный роман словенского писателя В. Бартола «Аламут», написанный еще в 1938 г. и относительно недавно ставший бестселлером. В основе произведения — события мировой истории восьмисотлетней давности, последствия которых не просто повлияли на дальнейшую биографию человечества, но не утратили свою актуальность и в наше время. В романе показана история зарождения мирового политического терроризма, у истоков которого стояла шиитская секта исмаилитов, прослежены связи религиозной исламской философии с идеями Ф. Ницше.

Т. И. Чепелевская (ИСЛ РАН, ГАСК) в своем докладе «Поэтическая молитва в русской и словенской литературе» рассмотрела на материале указанных литератур разновидностей поэтической молитвы и выявила особенности развития этого жанра в разных национальных традициях. По примеру молитв церковных, она разделила поэтические молитвы на просительные, благодарственные и славословия, молитвы частные и общественные. По ее мнению, в словенской литературе в гораздо большей степени, чем в русской, пред-

ставлен переход от молитвы к патриотическому стихотворению или песне-молитве. Адресатом последней становится сакрализованный образ любимой и страдающей матери-родины.

Доклад *Л. Л. Щавинской* и *Ю. А. Лабынцева* «Инбелкульт и становление белорусской науки» носил науковедческий характер и был посвящен истории создания в 1922 г. в Минске Института белорусской культуры — протоядра будущей Белорусской академии наук. Непосредственно перед открытием последней Инбелкульт имел уже достаточно разветвленную структуру и выпускал многочисленные научные труды.

*Н. Н. Запольская
(Москва)*

Вторые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения

27.03.12–03.03.12 в Риме прошли «Вторые Кирилло-Мефодиевские чтения», которые уже хотелось бы назвать традиционными.

Организаторами проекта «Римские Кирилло-Мефодиевские Чтения» являются Институт Славяноведения РАН (Москва — директор проф. К. В. Никифоров), Папский Восточный Институт (Pontificio Istituto Orientale, ректор — проф. Дж. МакКан) и Ассоциация итальянских славистов (председатель — проф. М. Гардзанити). Поддержку проекту оказал Научно-издательский центр «Индрик» (Москва), генеральный директор которого, К. Вах передал в дар библиотеке Папского восточного института новые книги по славистике и истории восточного христианства. Автор и научный руководитель проекта — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Н. Н. Запольская.

Проект «Римские Кирилло-Мефодиевские Чтения» привлекает научную и академическую общественность не только заявленными темами («Культурно-языковая ситуация в славянских землях XI–XIII вв.», «Литургия в XI–XIII вв.: текст, язык, образ», «Историческая грамматика славянских языков») и составом участников (достаточно назвать имена Кристиана Ханника, Марио Капальдо, Александра Наумова, Крассимира Станчева), но и необычным форматом. Это не симпозиум, не конференция в привычном смысле слова: «Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» — научно-образовательный проект, предполагающий не только представление ведущими специалистами своих научных идей и достижений, но и семинарские занятия для начинающих филологов-славистов (российских и итальянских студентов и аспирантов). Хотя формально «Чтения» были разделены на два блока — научный и образовательный, фактически эти границы были размыты или, скорее, раздвинуты. И это преодоление привычных границ можно считать основным мотивом «Чтений», их «пафосом», или, если прибегать к современной лексике, «мессаджем», обращенным как к начинающим филологам, так и к ученым, посвятившим многие годы наукам, которые принято называть «палеославистикой» и «славянской филологией», хотя и эти определения недостаточны, для того чтобы охарактеризовать и охватить весь

круг проблем и задач, в той или иной степени освященных в рамках прошедших «Чтений».

Как само название «Римские Кирилло-Мефодиевские чтения», так и программа показывают, что в понимании организаторов предмет изучения — это то наследие, которое не исчерпывается понятиями «языковая ситуация», «книжность», «корпус текстов», но образуется синтезом гуманитарных дисциплин, анализирующих культурное многообразие *Slavia Christiana*, и, конкретнее, *Slavia Orthodoxa*, по определению Р. Пиккио.

В базовых теоретических докладах проф. Кр. Станчева (Рим), проф. Кристиана Ханника (Вюрцбург), проф. М. Гардзанити (Флоренция), проф. А. Наумова (Венеция, Краков) не только был представлен широчайший спектр славянской средневековой книжности, но было показано, как именно эта книжность вписывается в культурный контекст, который в силу исторических причин был, прежде всего, контекстом христианской культуры. Очевидно, что изучение и понимание ранних славянских текстов невозможно вне понимания того пространства, в которое они были вписаны и которым были обусловлены. И это касается не только текстов, написанных непосредственно для богослужения: границы «литургического пространства» оказываются значительно шире, в той или иной мере включая в себя все тексты, создававшиеся и бытовавшие на территории *Slavia Orthodoxa*. О литературном и литургическом пространстве, о самом понятии литературы в конфессиональной культуре, о территориальных и супранациональных связях церковнославянской литературы и о соотношении «общего и местного в литературном процессе» рассказывал на пленарном заседании проф. А. Наумов. Проф. К. Станчев сосредоточил внимание на месте гимнографических текстов в литургическом пространстве, дав обзор этапов развития славянской гимнографии и основных проблем, связанных с изучением этой значительной части славянского литературного наследия. Методология изучения данных рукописей была продемонстрирована в докладе проф. М. Капальдо (Рим). Доклад проф. Капальдо — часть его многолетних исследований летописей, хроник и хронографов — был посвящен месту и происхождению одного фрагмента «утраченной древнерусской литературы», рассказу о смерти гуннского короля Аттилы, известного из разных источников.

На конференции «Литургия XI–XIII вв.», прошедшей в рамках «Чтений», доклады А. Наумова («Богослужение и священное Писание»), М. Гардзанити («Литургия и церковнославянская литература:

память и письменность в пространстве *Slavia Orthodoxa*»), К. Ханника («Типология литургических рукописей Древней Руси»), стали своего рода «ключами», открывшими одну из важнейших тем — тему библейских цитат, их литургической, прагматической и семантической функции. О роли библейских цитат, как «тематических ключей» писал в свое время в работе «Функции библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства» Рикардо Пиккио (Р. Пиккио *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. М., 2003. С. 431–473), памяти которого был посвящен также «Круглый стол», проходивший под председательством проф. Л. Сазоновой (Москва). Цитатам из Св. Писания в различных текстах были посвящены и доклады Ф. Ромоли (Пиза), Н. Запольской (Москва) и Л. Сазоновой (Москва). Ф. Ромоли показала, как именно используются и какую семантическую нагрузку несут библейские цитаты в Поучении в неделю сыропустную Киевского митрополита Никифора I (XII в.). Н. Запольская представила доклад, развивающий идею Пиккио о тематических ключах, предложив концепцию «языковых ключей» как «текстовых фрагментов», указывающих на скрытый смысл текста, смысловые связи между текстами и связь текста с внетекстовой реальностью.

Тема библейских цитат оказывается «ключом» и к более широкому пониманию задач славянской филологии. Как уже было сказано выше, славянские тексты (с изучения которых неизбежно начинается всякое историко-филологическое исследование) не только и не столько были для богослужения предназначены, но образовывали и формировали культурное пространство и культурное сознание общества, потребляющего и порождающего эти тексты. Создатель (автор, переводчик) и адресат (реципиент) некоего текста находились в одном пространстве, были включены в одну культурную парадигму. И для адекватного понимания книжного (письменного) наследия средневековой *Slavia* исследователь должен, прежде всего, попытаться вникнуть в тот же культурный контекст, в котором эти тексты создавались, распространялись, бытовали.

Важно, что «Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» — это и реконструкция зримого физического пространства, в котором создавались (переводились) тексты, пространства, для которого они предназначались и в котором использовались: «Чтения» проводились почти буквально в кирилло-мефодиевских местах — РЮ расположен в нескольких шагах от того места, где в 867 г. пребывали Кирилл и Мефодий и где Кирилл скончался (Санта Прасседе), напротив знаменитой Санта Мария Маджоре, где были освящены переведенные

солунскими просветителями тексты. Таким образом, мы говорим о пространстве в самом широком смысле слова: страны, области, города, монастыри, церкви.

Ряд докладов касался различных связей славянского христианства с другими христианскими культурами (не только византийской, а и западноевропейской (латинской), и восточной (Сирия, Палестина и т. д.), отраженными в памятниках. В докладе Е. Велковской (Сиена) «Синайские литургические рукописи XI в. как источники для истории византийского обряда на Ближнем Востоке», были проанализированы ближневосточные и западные источники некоторых фрагментов Синайского Евхология, представлен ряд параллелей к молитвам евхология, позволяющий уточнить локализацию памятника, его предназначение и типологию. Блестящий пример методологии исследования литургических текстов представил С. Паренти (Рим), указавший на мельхитское происхождение Молитвы Горнего Престола, ранее известной по итало-греческим рукописям и засвидетельствованной также евхологием Sinai Gr. NE M 10 (XI в.). Анализ текстов византийских евхологиев также свидетельствует об опосредованных связях славянской литургической традиции не только с Византией, а также и с востоком и Южной Италией.

Трансформации раннехристианских метафор при переносе их из византийской в славянскую культуру, с греческих земель на славянские, при перенесении из одной реальности в другую (т. е. при переводе с греческого на славянский) был посвящен доклад проф. Д. Кристианс (Бонн), проанализировавшей передачу слов, словосочетаний и понятий в славянских служебных минеях. В докладе выявлены не только собственно лингвистические особенности перевода, но и тенденции языковой стратегии переводчиков. В докладе проф. Дж. Дзиффера (Удине) «Старославянский между латынью и древневерхненемецким: языковые особенности Никодимова евангелия» был представлен анализ ряда черт, отражающих, в частности, влияние древневерхненемецкого языка на перевод данного текста. Доклады проф. А. Золтана (Будапешт) «Исторические пласты славянской лексики» и «Славянские элементы венгерской христианской терминологии: языковое отражение византийской миссии X в. у венгров» касались, прежде всего, лексических отражений восточно-европейских языковых и культурных связей. О лексических особенностях церковнославянских евангельских переводов и их текстологии рассказал А. Альберти (Болонья). Доклад Н. Запольской в тематическом блоке «История церковнославянского языка: книжное письмо и книжный

язык в XI–XIII вв.» касался понятий адаптации и дистанции в церковнославянских книжных текстах и интерпретации морфологических вариантов на «историческом» (конкретном) и «духовном» уровнях (термины Р. Пиккио).

«Чтения» включали и собственно лингвистические тематические блоки. Блок «Историческая грамматика славянских языков» был посвящен развитию грамматических категорий имени (доклад проф. МГУ М. В. Шульги) и развитию грамматических категорий глагола в славянских языках. Развитию и отражению грамматической категории вида в древнерусском и церковнославянском языках XI–XIII вв. был посвящен доклад Е. Мишиной (Москва). Новый взгляд на систему прошедших времен в славянских языках был представлен докладом П. Петрухина (Москва, Вена).

Исследование текстов в литургическом и культурном пространстве включает и исследование внешнего оформления, заполнения этого пространства, так сказать «интерьера», «декорации», частью которой являлись и иконы: символично-литургической интерпретации евангельских образов в культуре XII в. на примере иконы «Благовещение Устюжское» был посвящен доклад М. Лидовой (Москва). История древнерусского церковного пения была не только увлекательно рассказана, но и прекрасно проиллюстрирована преподавателем консерватории Н. Мосягиной (Санкт-Петербург).

В более узком и, может быть, переносном, (а может быть как раз буквальном) смысле, «пространством» является и тот конкретный лист пергамента, на котором этот текст пишется, те «украшения» (заставки, миниатюры, инициалы и т.д.), которые этот текст окружают, тот почерк, которым он переписан. Эволюции и истокам внешнего оформления, орнаментики древнейших славянских рукописей посвятила свой доклад Е. Уханова (Москва), продемонстрировавшая на примере оформления некоторых рукописей восточные, западные и южнославянские связи Древней Руси.

В рамках чтений была открыта выставка славянских рукописей, связанных с историей канонического права, подготовленная совместно издательством «Индрик» и Российской национальной библиотекой. Заведующий Отделом рукописей РНБ, А. Алексеев передал в дар библиотеке Папского восточного института копию славянской рукописи, содержащей неизвестный ранее славянский перевод латинского канонического правила «60-ти святых отцов, шедшихся в граде Риме», а также познакомил собравшихся с рукописями, представленными на выставке.

В рамках образовательного раздела Кирилло-Мефодиевских Чтений проф. В. Томеллери и проф. Дж. Дзиффером были проведены семинары по чтению и комментированию церковнославянских текстов для студентов и аспирантов. Проф. Томеллери (Мачерата) познакомил слушателей с проблемами интерпретации и подготовки к изданию текстов восточнославянской служебной минеи. Проф. Дзиффер (Удине) рассказал о текстологии, переводах и изданиях «Слова о Законе и Благодати». Такое знакомство с основополагающими церковнославянскими текстами, полученное «из рук» ученых, непосредственно ими занимающихся, представляется исключительно ценным с педагогической точки зрения. Слушая доклады и дискуссии, имея возможность непосредственного общения с учеными, будущие исследователи приобщаются к живой науке, становятся участниками научного процесса.

Разнообразие тем, представленных докладчиками, позволило выйти за пределы привычных бинарных противопоставлений, таких как книжность vs литература, светский текст vs богослужебный текст, живой разговорный vs книжный язык, авторская (оригинальная) vs переводная литература, запад vs восток, и даже и Русь — Византия, восточное — южное славянство. И это тот шаг, который представляется необходимым на данном этапе развития славистики.

Таким образом, проходивший в стенах знаменитого Папского Восточного Института (РЮ) — что уже само по себе символично — славистический «форум» действительно показал возможность и необходимость преодоления границ и рамок между различными направлениями науки: лингвистика, литературоведение, искусствоведение, палеография и кодикология, история, литургика, собранные в едином пространстве, продемонстрировали то, что ДОЛЖНО БЫТЬ ФИЛОЛОГИЕЙ в широком смысле слова.

И здесь мы видим своеобразную «кольцевую композицию»: от исходного понятия ФИЛОЛОГИИ через разделение, дискретность мы снова возвращаемся к широкому пониманию филологии.

«Филологом без границ» был, безусловно, и выдающийся итальянский славист Рикардо Пиккио, памяти которого было посвящено заключительное заседание конференции. Многие из участников конференции могут в той или иной степени считать себя учениками Р. Пиккио или, по крайней мере, последователями, представителями его «школы». О личных встречах с Пиккио (в частности, в том же РЮ) рассказали К. Станчев, В. Томеллери, Дж. Дзиффер, Л. Сазонова. Те же, кому не довелось познакомиться с выдающимся ученым

лично, думается, прониклись идеями ученого, свидетельством актуальности которых стали прошедшие «Вторые Римские Кирилло-Мефодиевские Чтения», и, надо надеяться, станут в следующем году «третьи».

М. В. Живова

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. indric@mail.ru

Алипиева Антоанета — доктор филологических наук, доцент Шуменского университета «Епископ Константин Преславский» (Республика Болгария). alipievaan@abv.bg

Ананьева Наталья Евгеньевна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ. slavlang@philol.msu.ru

Аржакова Лариса Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ. larjak@mail.ru

Артамонов Юрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД РФ. artamonov5@yandex.ru

Белайац Миле — доктор исторических наук, научный советник Института новейшей истории Сербии (Республика Сербия). mile.belajac@gmail.com

Вах Кирилл Алексеевич — генеральный директор ООО Научно-издательского центра «Индрик» (Москва). k_yach@mail.ru

Вендина Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. marusiya@gmail.com

Гаврюшина Лидия Константиновна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. drevle@rambler.ru

Гиппиус Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания. agippius@mail.ru

Добиаш Далибор — кандидат филологических наук, руководитель Отдела литературы XIX века Института чешской литературы Академии Наук Чешской Республики (Чешская Республика). DOBIAS@UCL.CAS.CZ

Дронов Михаил Юрьевич — младший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Запольская Наталья Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. zapolskaya_n@mail.ru

Йованович Мирослав — доктор исторических наук, профессор Исторического отделения Философского факультета Белградского университета, директор Центра по изучению России (Республика Сербия). miki_jovanovic@mail.ru

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirilina.ljuba@rambler.ru

Коконова Анна Борисовна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. annakokonova@gmail.com

Колосова Валерия Борисовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. chakra@eu.spb.ru

Корзун Светлана Геннадьевна — докторант исторического факультета Штутгартского университета (ФРГ). svetlanakorzun81@googlemail.com

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kosikvictor@mail.ru

Котов Виктор Викторович — аспирант Института славяноведения РАН. vikvikkot@gmail.com

Лабынцев Юрий Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Лаптева Людмила Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. slav-ca@yandex.ru

Малахов Вадим Александрович — магистр истории, аспирант Российского государственного гуманитарного университета. yasonbh@mail.ru

Маркович Срджан — искусствовед, доктор, профессор факультета искусств Университета в Нише (Республика Сербия). magelen@open.telecom.rs

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН. k.nikiforov@voxnet.ru

Орехов Александр Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. orekhov03@mail.ru

Осипова Анастасия Вадимовна — аспирантка Института славяноведения РАН. traditrice@yandex.ru

Пивоваренко Александр Александрович — аспирант Института славяноведения РАН. alex-pivo@mail.ru

Робинсон Михаил Андреевич — доктор исторических наук, заместитель директора Института славяноведения РАН. m.a.robinson@mail.ru

Сазонова Лидия Ивановна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы РАН. lsazonova@mtu-net.ru

Седакова Ирина Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания. irina.a.sedakova@gmail.com

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. alsilkin@rambler.ru

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, заведующий отделом по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. jurslav@rambler.ru

Тунин Антон Евгеньевич — аспирант Института славяноведения РАН. macrognatus@yandex.ru

Узенева Елена Семеновна — кандидат филологических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН. lenuzen@mail.ru

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. olkha9@hotmail.com

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. iskracurk@mail.ru

Шатько Евгения Викторовна — аспирантка Института славяноведения РАН. arendel@yandex.ru

Шведова Наталия Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. juliasozina@mail.ru

Шерлаимова Светлана Александровна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. svetsherla@mail.ru

Щавинская Лариса Леонидовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Якимова Агата Павловна — соискатель Института славяноведения РАН. porfironos@narod.ru

Яначек Павел — литературовед, критик, директор Института чешской литературы АН ЧР (Чешская Республика). janacek@ucl.cas.cz

Ясинская Мария Владимировна — младший научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. marusiya@gmail.com

Information about the Authors

Agapkina Tatiana Alexeevna — Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. indric@mail.ru

Alipieva Antoaneta — Ph.D. in Phil. (Doctor), Docent of the Shumen University «Bishop Constantine of Preslav» (Bulgaria). alipievaan@abv.bg

Ananieva Natalya Eugenievna — Ph.D. in Phil. (Doctor), Head of the Chair of Slavic Philology of the Philological Faculty of the Moscow State University. slavlang@philol.msu.ru

Artamonov Yury Alexandrovich — Ph.D. in Hist. (Cand.), Docent of the Moscow University of the Ministry of Home Affairs of the RF. artamonov5@yandex.ru

Arzhakova Larisa Mikhailovna — Ph.D. in Hist. (Cand.), Docent of the Chair of History of Slavic and Balkan Countries of the St. Petersburg State University. larjak@mail.ru

Belajaz Mile — Ph.D. in Hist. (Doctor), researching councilor of the Institute of the Modern History of Serbia (Serbia). mile.belajac@gmail.com

Churkina Iskra Vasilievna — Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of Slavic peoples of South-Eastern Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. iskracurk@mail.ru

Dobias Dalibor — Ph.D. in Phil. (Cand), Head of the Department of the literature of the 19th cent. of the Institute of Czech Literature of the Academy of Sciences of Czech Republic (Czech Republic). DOBIAS@UCL.CAS.CZ

Dronov Mikhail Yurievich — junior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Gavriushina Lydia Konstantinovna — Ph.D. in Phil. (Cand.), researcher of the Department of the History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. drevle@rambler.ru

Gippius Alexey Alexeevich — Ph.D. in Phil. (Doctor), Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, leading researcher of the Department of the Typology and Comparative Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. agippius@mail.ru

Janacek Pavel — literary criticist, Director of the Institute of Czech Literature of the Academy of Sciences of Czech Republic (Czech Republic). janacek@ucl.cas.cz

Jovanovic Miroslav — Ph.D. in Hist. (Doctor), Professor of the Historical Department of the Philosophical Faculty of the Belgrad University, Director of the centre on the Russian Studies (Serbia). miki_jovanovic@mail.ru

Khavanova Olga Vladimirovna — Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of Slavic peoples of South-Eastern Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. olkha9@hotmail.com

Kirilina Liubov Alexeevna — Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Slavic peoples of Central Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kirilina.ljuba@rambler.ru

Kokonova Anna Borisovna — Ph.D. in Phil. (Cand.), junior researcher of the Research Centre of the Areal Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. annakokonova@gmail.com

Kolosova Valeria Borisovna — Ph.D. in Phil. (Cand.), researcher of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. chakra@eu.spb.ru

Korzun Svetlana Gennadijevna — doctoral candidate of the Historical Faculty of the Stuttgart University (FRG). svetlanakorzun81@googlemail.com

Kosik Victor Ivanovich — Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of Slavic peoples of Central Europe in the

Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kosikviktor@mail.ru

Kotov Victor Victorovich — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vikvikkot@gmail.com

Labyntsev Yury Andreevich — Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Lapteva Liudmila Pavlovna — Ph.D. in Hist. (Doctor), Professor of the Chair of History of Southern and Western Slavs of the Historical Faculty of the Moscow State University. slav-ca@yandex.ru

Malakhov Vadim Alexandrovich — Master in Hist., post-graduate student of the Russian State Humanitarian University. yasonbh@mail.ru

Marcovic Srjan — Ph.D. in Hist. of Arts (Doctor), Professor of the Faculty of Art Studies of the University of Nis (Serbia). magelen@open.telecom.rs

Nikiforov Konstantine Vladimirovich — Ph.D. in Phil. (Doctor), Director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. k.nikiforov@voxnet.ru

Orekhov Alexander Mikhailovich — Ph.D. in Hist. (Cand.), leading researcher of the Department of the History of Slavic peoples of Central Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. orekhov03@mail.ru

Osipova Anastasia Vadimovna — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. traditrice@yandex.ru

Pivovarenko Alexander Alexandrovich — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. alex-pivo@mail.ru

Robinson Mikhail Andreevich — Ph.D. in Hist. (Doctor), Deputy Director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. m.a.robinson@mail.ru

Sazonova Lydia Ivanovna — Ph.D. in Phil. (Doctor), chief researcher of the Department of the Theory of Literature of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. lsazonova@mtu-net.ru

Sedakova Irina Alexandrovna — Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of the Typology and Comparative Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Shat'ko Eugenia Victorovna — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. arendel@ru

Shchavinskaya Larisa Leonidovna — Ph.D. in Phil. (Cand.), senior researcher of the Department of East Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Sherlaimova Svetlana Alexandrovna — Ph.D. in Phil. (Doctor), chief researcher of the Department on Studies of Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. svetsherla@mail.ru

Shvedova Natalya Vasilievna — Ph.D. in Phil. (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. juliasozina@mail.ru

Silkin Alexander Alexandrovich — Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Slavic Peoples in the period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. alsilkin@rambler.ru

Starikova Nadezhda Nikolaevna — Ph.D. in Phil. (Doctor), Head of the Department on Studies of Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Alexander Sergeevich — Ph.D. in Hist. (Cand.), leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples in the period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. jurslav@rambler.ru

Tunin Anthon Eugenieveich — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. macrognatus@yandex.ru

Uzeneva Elena Semenovna — Ph.D. in Phil. (Cand.), Research Secretary of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. lenuzen@mail.ru

Vakh Kyrill Alekseeveich — Director General of the Research Publishing Centre Indrik Ltd. (Moscow), historian, specialist in archives; he specializes in the history of Russian spiritual and political presence in the Middle East, particularly, he studies the history of shaping of a new humanitarian conception of Russian influence in Palestine after the Crimean War 1856–64. email: K_vach@mail.ru

Vendina Tatiana Ivanovna — Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Research Centre of the Areal Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Yakimova Agatha Pavlovna — seeker of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. porfironos@narod.ru

Yasinskaya Maria Vladimirovna — junior researcher of the Research Centre of the Areal Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marusiya@gmail.com

Zapolskaya Natalya Nikolaevna — Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of the Typology and Comparative Linguistic of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. zapolskaya_n@mail.ru

Научное издание

Славянский альманах

2011

Издательство «Индрик»

Корректоры *Г.А. Шпет, С.Д. Боярская*
Оригинал-макет *Е.Ю. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте «Славянского альманаха»:
www.slav-almanakh.narod.ru

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
37,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ №
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6